

Сын епископа

Милость Келсона

КЭТРИН
КУРТЦ

Сын епископа

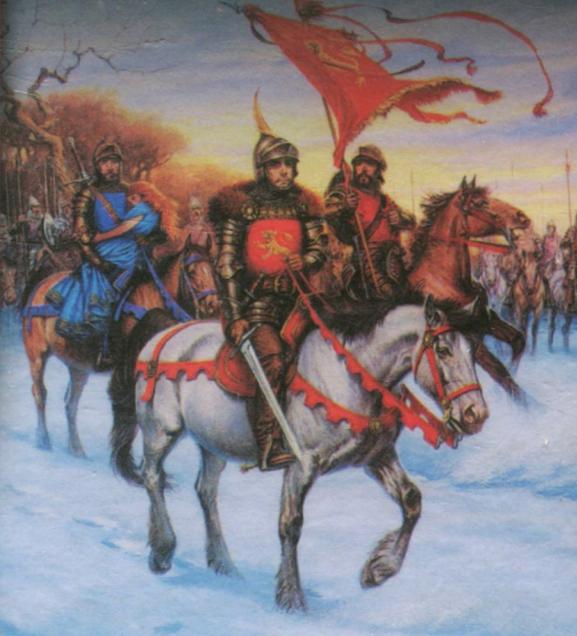
Милость Келсона

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

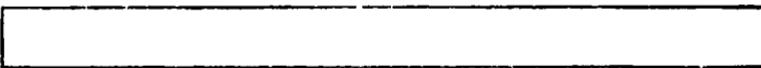
КЭТРИН
КУРТЦ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

**KATHERINE
KURTZ**

The Bishop's Heir
The King's Justice

**КЭТРИН
КУРТИЦ**

**Сын епископа
Милость Келсона**

act
издательство
Москва

Северо-Запад Пресс
Санкт-Петербург
2002

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)

K93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz

THE BISHOP'S HEIR

1984

THE KING'S JUSTICE

1985

Серийное оформление Александра Кудрявцева

*Перевод с английского Татьяны Усовой («Сын епископа»),
Татьяны Голубевой («Милость Келсона»)*

Иллюстрации Дмитрия Вяземского, Петра Кудряшова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).*

**Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.**

Подписано в печать 14.01.2002. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 39,96.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 3072.

ISBN 5-17-008563-X (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 5-93699-002-5 («Северо-Запад Пресс»)

© Katherine Kurtz, 1984, 1985

© Перевод Т. Усова, 2001

© Перевод Т. Голубева, 2001

© ООО «Издательство ACT», 2002

© «Северо-Запад Пресс», подготовка
текста, 2002

СЫН
ЕПИСКОПА

Пролог

**И облекся в ризу мщения,
как в одежду,
и покрыл себя ревностью,
как плащом¹**

Адмунд Лорис, некогда архиепископ Валоретский и примас всего Гвиннеда, взглянул на море сквозь запятнанные солью стекла окна своей башни-тюрьмы и не удержался от кривой улыбки. Редкостное выражение снисходительности к себе ничем и никак не умерило ярость ветра, воющего за плохо пригнанными стеклами, но письмо, спрятанное в требнике под рукой узника, давало ему особое, мрачное удовлетворение. Предложение было королевским, даже если учесть, какое высокое положение он занимал до своего падения.

Осторожно выдыхая давно копившуюся горечь, Лорис наклонил голову и передвинул книгу, чтобы взять ее в обе руки, опасаясь, как бы это движение не позволило тюремщикам, которые могли подглядывать за ним в любое время, заподозрить, что книга ему явно слишком дорога.

Вот уже два года, как его держали в заточении. Вот уже два года, как его мир ограничивался стенами этой монашеской кельи и весьма условным участием в жизни остального аббатства, когда это позволялось: ежедневным присутствием на мессе и вечерне, всегда в обществе двух молчаливых и чересчур бдительных монахов, а также посещением исповедника — редко одного и того же два раза подряд, и уж всяко, нового каждые два месяца. Если бы не один из послушников, который приносил ему еду и был преизрядным пройдохой, что Лорис обнаружил довольно скоро, у бывшего архиепископа не оказалось никакой связи с внешним миром.

---

¹Исаия 59:17

Окружающий мир! Как он жаждал туда вернуться! Два года, проведенные в аббатстве Святого Айвига, были всего лишь продолжением тех гонений, которые начались ровно за год до того, по смерти короля Бриона. В точно такой же прохладный ноябрьский день, как нынешний, Брион Халдайн встретил свой жребий — его вырвала из жизни порожденная адом магия одной из Деринийских волшебниц, но его сыну и преемнику, четырнадцатилетнему Келсону, досталось неожиданное наследство: запретные силы. И юный Келсон без колебания вцепился в это нечестивое достояние и воспользовался им, дабы перевернуть вверх тормашками все, что было для Лориса свято, не говоря уже о том, что церковь всегда осуждала применение магии в каком бы то ни было виде. И все это совершилось под прикрытием его «Божественного Права» властвовать и его священного долга защищать свой народ — хотя, как король может оправдать свои сношения с силами зла, и как при этом осуществляется защиты, было выше понимания Лориса. К концу ближайшего лета с помощью деринийских еретиков Моргана и Маклайна, Келсону даже удалось настроить против Лориса большую часть его соратников-епископов. Лишь недужный Корриган остался верен ему, и его чистое сердце отказалось, прежде чем его успели подвергнуть унижению, которое впоследствии выпало на долю Лориса. Мятежные епископы искренно верили, что проявили большую доброту, дозволив Лорису присутствовать на так называемом суде, где он был лишен своего сана и осужден на пожизненное суральное покаяние.

Все еще скорбя, но воодушевленный хрупкой надеждой, что все удастся поставить с головы на ноги, бывший архиепископ легонько постучал корешком книги по губам и подумал о тайне, которую она теперь хранила — и все же новая весточка от людей, бывших его сторонниками, вызвала тревогу по поводу того, что творит новый король. Ветер, стонавший у шиферных кровель башен, опоясывавших аббатство с моря, пел о свободе открытых морей, откуда он прилетел, он принес привкус соли и крики чаек, паривших кругами, и приближившихся к аббатству во всякий час, кроме самой глубокой ночи — и впервые за все время заточения Лорис позволил себе надеяться, что он тоже скоро, быть может, окажется на свободе. Многие и многие месяцы он боялся, что никогда больше не вкусит свободы, разве что — со смертью. О, не настолько он был глупцом, чтобы не подумать, что придется платить — но сейчас он вправе обещать все, что угодно. Действуя осторожно и ловко, он сможет играть то против одних, то против других в свою пользу, и, возможно, станет даже куда могущественней, чем был до

го падения. И тогда он сделается орудием Божьего воздаяния и раз и навсегда изгонит из страны проклятых Дерини.

А деринийская зараза была в самой крови короля, и, возможно, во всем роду Халдейна, не только в одном Келсоне. В самом начале Лорис считал запретные чары Келсона исключительно наследием его матери-Дерини, несчастной женщины, терзаемой угрозениями совести, которая и поныне жила в строгом затворничестве в другом отделенном аббатстве, молясь за душу своего сына-Дерини, равно как и за свою, и посвятив жизнь искуплению зла, которое несла в себе. Она покаялась в своем грехе перед всеми в тот торжественный день коронации Келсона, готовая отдать жизнь, а то и душу, чтобы охранить юношу от чародейки, виновной в смерти его отца.

Но королева Джехана, какова бы ни была ее воля, не могла вершить за Келсона его бой; и, в конечном счете юному королю пришлось встретить вызов, рассчитывая на собственные силы, неисчерпаемые силы, как выяснилось, вполне под стать вызову, но страшющие своей истинной природой. Признавая, что деринийская кровь матери могла здесь кое-что прибавить, Келсон во всеуслышание провозгласил священное право короля источником своих вновьобретенных способностей. Лорис страшился и другого, даже тогда, ибо помнил все, что рассказывали об отце мальчика.

В сущности, чем больше Лорис думал об этом — а у него было предостаточно времени, чтобы думать последние два года — тем больше приходил к убеждению, что Бриона и, соответственно, его предков, доселе не вызывавших подозрений, следовало винить в происходящем с Келсоном не меньше, чем Джехану. О том, насколько давно в этот род проникла зараза, можно было лишь догадываться. Разумеется, и Брион, и его отец, и предшественники время от времени привечали Дерини у себя при дворе. Ненавистные Морган и Маклейн были всего-навсего самыми последними и самыми крикливыми из многих им подобных — а второй, между прочим, священник — лицемер до мозга костей; им обоим Лорис желал самой скверной участи, ибо эти двое во многом отвечали за нынешнее положение.

А касательно Бриона, кто мог отрицать, что король однажды схватился один на один со злоказненным Дерини и убил его? Лорис, тогда всего-навсего приходской священник с большими надеждами на продвижение, узнал о случившемся лишь через вторые и третьи руки, но даже при первых всплесках народного ликования по слуху победы короля у епископа вызвало холодок настойчивое предположение, что противник Бриона, отец женщины, виновной, в конечном счете, в его

смерти, пал не только от меча Бриона, но и от загадочной мощи, которой владел сам король. Месяц спустя в тавернах смятенные очевидцы, которым развязывал языки эль, с опаской шептали о магии, которой воздействовал на короля Морган на кануне судьбоносной схватки — и, благодаря ей, вырвались на свободу грозные силы, которые, как утверждал Брион, были благими, унаследованными им от отца-государя; но даже это допущение бросало на короля мрачную тень, насколько это касалось Лориса. Этот честный, пусть несколько суровый по своим верованиям человек, не был настолько наивен, чтобы согласиться, будто чистота помыслов и священное рвение — или Божественная милость к помазанному королю — послужили к спасению Бриона, хотя он держал свои предчувствия при себе, пока был жив Брион.

Теперь Лорис точно знал, что лишь такая мощь, какой обладал самый Враг, могла принести Бриону победу над таким противником, столь его превосходившим. И если эта мощь была дарована или даже просто высвобождена одним из проклятых Дерини, источник ее был очевиден: недобroe наследие из тьмы долгих лет союза с нечестивым племенем. Двойной опасный дар — от Бриона и Джеханы — падал двойным проклятием на их отпрыска. Для Келсона не оставалось надежды на избавление, и его надлежало уничтожить.

В силу тех же доводов не должно было щадить и Нигеля, брата Бриона, с его птенчиками — ибо, хотя в их жилах не текла кровь Джеханы, они, как и Келсон, происходили из рода Халдейнов, от королей, которые поколение за поколением несли в себе деринийское проклятие со времен Реставрации.

Страну надлежит избавить от этого зла, очистить от темной деринийской заразы — следовало возвести на престол Гвиннеда новую королевскую династию — а кто лучше подходил и кто имел больше законных прав, нежели древний королевский род Меары, человеческий до мозга костей, один из сторонников которого ныне предлагал помочь законному примасу Гвиннеда, если только этот примас поддержит их в борьбе за независимость.

Ощущив дрожь, Лорис опустил свой требник на грудь под домотканую шерстяную рясу и укутал плечи прохудившимся плащом — он, который нашивал тонкое полотно и шелк и меха, прежде чем лишился должности! Два года простой и скучной жизни у Безмолвных Братьев убавили на пядь и без того тонкую талию и обточили до еще большей резкости соколиные черты, но голод, который ныне терзал епископа, был отнюдь не плотским. Как только он положил ладонь плащом на

оконное стекло, на глаза ему попался аметист его перстня — единственное, что осталось от его прежнего титула — и он с блаженством вспомнил слова из письма, лежавшего у самого сердца:

«Меара не станет больше склоняться перед даринийским королем, — гласило послание, вторя его собственному решению. — Если вы одобряете этот замысел, просите, чтобы вам отпустил грехи монах по имени Джеробоам, который явится в течение недели проповедовать, и руководствуйтесь его советами. Пока Лаас...»

Лаас. Одно это название вызывало в мыслях образы древней славы. То была столица независимой Меары за сто лет до того, как первые Халдейны явились в Гвиннед. Из Лааса суверенные властители Меары правили своими землями столь же горделиво, сколь и любой Халдейн, и земли их были ничуть не хуже. Но у Джолиона, последнего меарского государя, были только дочери к тому времени, когда он лежал на смертном одре сто лет назад, и старшей, Ройзиан, исполнилось всего двенадцать. Не желая, чтобы его земли достались жадным опекунам, регентам и проходившим-женихам, Джолион завещал свою корону и руку Ройзиан самому сильному человеку, которого смог найти — Малкольму Халдейну, недавно возведенному на Гвиннедский престол, своему былому противнику, снискавшему немалое уважение. Но последнее деяние Джолиона не нашло горячего отклика в сердцах сынов Меары; властитель плохо изучил свою знать. Прежде чем Малcolm успел взойти на брачное ложе со своей нареченной, мятежные меарские рыцари похитили обеих сестер и провозгласили младшую из них, близнеца Ройзиан, суверенной правительницей Меары. Малcolm подавил последовавший бунт менее чем за месяц, захватил и повесил нескольких из гвардей, но так и не напал на след похищенных принцесс, хотя позднее не раз и не два сталкивался с их наследниками. Он перенес столицу Меары из Лааса в расположенный ближе к центру Ратаркин на следующее же лето — одновременно, чтобы облегчить управление и уменьшить значимость Лааса, символа прежней меарской самостоятельности; но древний город с тех пор то и дело становился ядром смут, которые затевали младшие ветви старинного королевского дома, с каждым новым поколением беспокойство вспыхивало и столь же быстро угасало после того, как войска Халдейнов проносились по княжеству, подавляя мятеж в зародыше, и после казни очередного претендента. Малcolm и его сын Донал с величайшим тщанием занимались периодическим «наведением порядка в Меаре», как называл это Донал, но король Брион только один раз предпринял

11

подобный поход за время своего правления — вскоре после того, как у него родился сын. Подобное предприятие, сколь угодно необходимое, вызывало у него такое отвращение, что он избегал даже помышлять о повторении карательного похода поколение спустя.

Похоже теперь мягкость Бриона могла стоить престола его сыну. У нынешнего меарского претендента не было причин любить короля Келсона — то была женщина, потерявшая мужа и ребенка, когда Халдейны в последний раз направили свои силы в Меару. По Меаре даже гуляли слухи, будто Брион бесстрастно наблюдал, как царственного младенца предали мечу, — ложь, распространявшаяся меарскими бунтовщиками, хотя правдой было то, что дитя погибло. Вскоре после того самозваная княгиня Кэйтрин Меарская, потомок двойняшки славной королевы Ройзиан, взяла себе в мужья и спутники честолюбивого младшего брата одного из Гвиннедских вассалов и скрылась в горах, чтобы порождать мятежи и новых претендентов — пока смерть Бриона не побудила их покинуть убежище. И как раз один из посланцев Кэйтрин был человеком, который связался с Лорисом.

Вздыхая, Лорис подошел к окну своей тюрьмы, глядя, как пелена осеннего шквала подбирается к берегу с северо-запада, отлично понимая, что многие сочтут то, что он намеревается совершить, изменой. Он так не думал. Это было действенным средством. Если он чему-то научился за более чем полвека служения истинной вере — так это тому, что целостность Святой Матери Церкви зависит от мирских дел не меньше, чем от духовных.

Более высокая присяга, нежели та, что связывала его с любым мирским правителем, определяла его будущие действия, ибо как епископ и как духовный пастырь он обязан был, прежде всего, искоренить зло и развращенность. А источник развращенности, таился в дьявольском племени, именуемом Дерини.

Всех Дерини надлежало извести, вплоть до самых последних. Прошло время, когда можно было миндальничать, пытаясь спасти их души. Хотя Лориса ужасала одна мысль о том, чтобы поднять руку на помазанного короля — Келсона, которого короновал он сам, мысль о том, чтобы на престоле восседал слуга тьмы, вызывала куда большее отвращение.

Мальчик затеял дерзкую игру. Но, в конце концов, королевской крови дано будет очиститься. Ради спасения каждой души в Гвиннеде, деринийская сресть должна быть вытравлена — и Эдмунд Лорис прибегнет к любым средствам, которые будут содействовать его цели.

Глава первая

**Поставил его господином
над домом своим
и правителем над всем
владением своим,
чтобы он наставлял вельмож его
по своей душе, и старейшин его
учил мудрости¹**

Лицбоп Меары был мертв. В более спокойные времена это событие вызвало бы лишь самое отвлеченное любопытство у герцога Аларика Моргана, ибо Корвин, его герцогство, располагалось на другом краю Гвиннеда, вне пределов досягаемости любого меарского прелата. Существовали епископы, кончина которых обернулась бы для Моргана личной потерей, но Карстен Меарский к их числу не относился.

Не то чтобы Морган считал Карстена своим врагом. Напротив, несмотря даже на то, что старый епископ принадлежал к совершенно иному поколению и был взращен в эпоху, когда страх перед магией доводил до бешенства нетерпимых людей, весьма превосходивших могуществом деринийского герцога Корвина, Карстен никогда не поддавался соблазну скатиться до открытой войны, как некоторые другие. Когда по восшествии на Гвиннедский престол несовершеннолетнего Келсона Халдейна стало ясно — и чем дальше, тем делалось яснее — что юный король унаследовал от кого-то магические способности, которые Церковь вот уже много лет осуждала как ересь, а Келсон намеревался использовать свою мощь для защиты королевства — Карстен мирно удалился в свои епископские владения в Меаре, не желая выбирать между своим фанатиком-архиепископом, гони-

¹Псалтирь 105:21-22

телем Дерини, и своими более умеренными собратьями, которые поддержали короля, несмотря на все сомнения, которые вызывала его деринийская душа. В конечном счете, взяли верх сторонники короля, и низложенный архиепископ Лорис томился и поныне за надежными стенами Аббатства Святого Айвига на высоких морских скалах к северу от Кэрбери. Сам Морган счел приговор слишком мягким по сравнению с тем, какой вред принес Лорис отношениям Дерини и людей своими кознями, но таково было предложение мудрого Брадена Грекотского, сменившего Лориса, и его пылко поддержало большинство епископов Гвиннеда.

Никакого подобного большинства не обнаружилось на собрании, за которым теперь наблюдал Морган, созванном в Кулди с тем, чтобы избрать преемника старому Карстену.

Когда неожиданно опустел Престол Меары, это всколыхнуло старые-престарые споры о том, кому его занять. Поборники меарской независимости призывали избрать прелата, рожденного в Меаре, с тех пор, как Морган что-либо помнил, и эти призывы тщетно гремели при, по меньшей мере, трех королях из рода Халдейнов. То был первый случай, когда юному Келсону пришлось столкнуться с непрекращающимся спором, но учитывая, что король менее двух недель назад отпраздновал свое семнадцатилетие, похоже, далеко не последний. Он и теперь обращался к епископам, собравшимся в палате, оговаривая обстоятельства, которые им бы следовало учесть, решая дело в пользу кого-либо из множества кандидатов.

Подавив кашель, Морган подвинулся вперед на твердом каменном сиденье на галерее для слушателей и устроился поудобнее близ тяжкого занавеса, глядя вниз. С его места была видна лишь спина Келсона, холодного и чопорного, в долгополом алом церемониальном платье, но Конал, старший сын принца Нигеля, второй по праву престолонаследник после своего отца, виднелся в профиль справа от Келсона, и выглядел откровенно скучающим. Сами епископы казались достаточно внимательными, но у многих из тех, кто взирал на них со скамей на ярусах вдоль стен, были встревоженные лица. Морган смог определить нескольких из главных соперников в борьбе за Меарский епископат.

— Таким образом, мы желаем заверить вас, что Корона не вмешается сколько-нибудь неподобающее в ваши выборы, господа, — говорил король, — но мы призываем вас тщательно рассмотреть кандидатуры, которые представут перед вами в ближайшие дни. Имя того, кого, в конечном счете, изберут, не

много. Вот почему мы в эти последние месяцы объезжали наши меарские владения. Мы признаем, что главная обязанность епископа — это обеспечить духовное руководство, и все же мы были бы до крайности наивны, если бы не признавали, что также и мирская власть входит в обязанности занимающих этот пост. Все вы прекрасно осознаете, насколько весомы ваши мнения для наших светских замыслов.

Он продолжал свою речь, но Морган опустил занавес с томительным вздохом и сложил руки на балюстрade, позволив своему вниманию рассеяться, и тут же уронил голову на руки и закрыл глаза.

Они уже через все это проходили. Морган не участвовал в королевской поездке, ибо у него случилось срочное дело в Корвиине, но он явился к королю, как только услыхал весть о смерти старого Карстена. Во время первого же его вечера при дворе архиепископ Кардиель коротко ознакомил его с тонкостями обстановки и приемлемыми кандидатами, а Келсон между тем прислушивался, Дункан же время от времени вставая кое-что насчет своих собственных наблюдений. Теперь Дункан сидит там, внизу, подле Кардиеля, уравновешенный и сосредоточенный, в черном церковном платье — ему тридцать один, он молод даже для того, чтобы служить секретарем епископа, и тем более для самого епископского сана, хотя он проявил себя достаточно многообещающим целых пять лет назад, чтобы его назначили духовником Келсона, тогда еще принца, и дали ему по-добрающее звание.

Не то чтобы Дункану предстояло стать преемником Карстена, хотя многие могли такого опасаться, если бы знали о близящемся изменении его статуса. К счастью, большинство не знало. Епископам, разумеется, было известно, что Кардиель решил сделать Дункана своим помощником еще до смерти Карстена и усердно продвигал его избрание как одну из первоочередных задач несколько дней назад, когда был созван собор.

Но отчасти из-за того, что светский статус Дункана уже представлял собой затруднения для этих замыслов, а отчасти из-за того, что он желал отложить церемонию посвящения до ближайшей Пасхи, до сих пор никто и ничего не провозгласил во всеуслышание. Само присутствие Дункана на соборе под предлогом исполнения секретарских обязанностей оказалось достаточным, чтобы подняли брови представители меарского духовенства и наблюдатели-миряне из их свиты.

Озабоченность меарцев вызывало отнюдь не то, что Дункан, как и Морган, был Дерини — хотя деринийский вопрос, разумеется, представлял особую сложность с самого начала и,

несомненно, его еще долго нельзя будет сбросить со счетов. Почти два столетия никому, известному как Дерини, не позволяли принимать духовный сан. Открытие, что Дункан — Дерини, и все-таки оказался рукоположен, словно кипятком ошпарило духовенство, принявшееся судить да рядить, а сколько других Дерини могло тайно служить священниками, к возможной погибели бесчисленных людских душ, кои они могли наставлять — и сколько их теперь? Как узнать, насколько опасна зараза, если неопознанные Дерини живут бок о бок с добрыми христианами. Сама эта мысль доводила фанатиков вроде Эдмунда Лориса едва ли не до апоплексического удара.

К счастью, в итоге все-таки возобладали более трезвые суждения, нежели Лориса. Находясь под защитой короля-полукровки, Дункан с Морганом сумели убедить большинство церковных иерархов, что они оба, по меньшей мере, не соответствуют образу врага, столь долго приписывавшемуся Дерини, ибо, разумеется, недруги рода людского не стали бы столь основательно подвергать себя опасности, дабы спасти своего короля и королевство от кого-либо другого из своего племени.

Но, в то время как Морган мог быстро вернуть себе положение, не столь отличное от того, каким наслаждался до смерти Бриона — его знали и порой боялись за то, чем он был, но, тем не менее, волей-неволей уважали, пусть лишь вследствие угрозы того, что он мог бы натворить, если его вывести из себя — то с Дунканом обстояло несколько сложнее. После того, как он и Морган заключили мир с епископами, священник-Дерини потратил немало мучительных недель, примиряя свою совесть с тем, что он принял священство, которое, как он знал, было запретно для Дерини. Он вновь приступил к своим обязанностям священнослужителя только после победы Келсона при Алиндруте Медоуз.

В пользу Дункана, по меньшей мере, было хотя бы то, что лишь немногие за пределами консистории и двора знали, что он Дерини. И, какие бы слухи да намеки не разносались шепотом вне круга посвященных, привычка Дункана тщательно избегать любых прилюдных проявлений волшебной силы не дала подкрепить подозрения доказательствами. Большинство не знало, что он сам Дерини, известно было только, что он с ними якшается — в особенности, с Морганом и королем. Арилан, ныне епископ Дхасский, тоже был Дерини, но из епископов это знал один Кардиель — да плюс жалкая горсточка тех, кто был саном пониже епископа — ибо ни Арилану, ни Дункану не пришлось

явить свою мощь в бою против Венцита при Алиндруте Медоуз два года назад. Морган не полностью доверял Арила-

ну, но был уверен, что он и Кардиель во многом ответственны за то, что Дункана, пусть настороженно, но принимали в среде духовенства. Разумеется, Дункана не изберут епископом без их поддержки.

Причины же, по которым меарцы недолюбливали Дункана, были связаны исключительно с его мирскими делами; ибо по смерти отца, не оставившего другого наследника, Дункан принял титул герцога Кассана и графа Кирни, а оба некогда принадлежали Старой Меаре. Для поборников меарской независимости, не покладая рук трудившихся во имя грядущей Возрожденной Меары, герцог Кассан, верный Гвиннедской короне, был лишь докукою у северной границ: знай, ходи да не спускай с него глаз, как многие годы не спускали глаз с отца Дункана. Но если такой герцог — еще и высокопоставленный служитель Церкви, а единственный в Меаре епископат неожиданно оказывается свободен, дела принимают совершенно иной оборот. Верный королю герцог Кассанский, который станет еще и епископом Меарским, получит одновременно духовную и светскую власть над двумя обширными областями. Более того, избрание Дункана в епископы любой епархии возбудило бы в Меаре подозрения. Ибо даже если бы у него самого не было подобных устремлений, его настрой существенно повлияет на подбор того, кто в итоге займет Меарский престол. Преподобный Герцог Кассан, таким образом, представлял собой угрозу, хотя он пока что и казался безобидным секретарем-священником, мирно сидящим подле Архиепископа Ремутского.

Вновь подавив кашель, Морган опять взглянул вниз в палату — там Келсон все еще продолжал свою речь — затем взгляд Моргана лениво скользнул по его собственному телу — да, ему немалых усилий стоило сделать свой образ менее устрашающим за последние два года. Исчез мрачный черный наряд, который более молодой и дерзкий Морган с удовольствием нашивал, будучи тенью и конфидентом Бриона. Кардиель начистоту заявил ему, что подобные пристрастия лишь способствуют укреплению того предубежденного взгляда на Дерини, который еще присущ большинству.

— Зачем одеваться, точно Враг Рода Людского? — спросил его Кардиель. — Ты показал своими многочисленными действиями, что служишь Свету, а не Тьме. Послушай, ты со своими светлыми волосами и этим тонким лицом, словно сошел с росписей купола моей часовни: один из посланцев Господа, возможно даже, сам благословенный Михаил!

И лорд Рэтолд, его гардеробщик в Короте, не менее безжалостно допекал его по поводу его герцогского облика. 17

— Вы просто обязаны думать о вашем народе, ваша светлость! — упрямо твердил ему Рэттлд. — Вы одеваетесь, точно простой солдат, чуть вам дашь волю. Никому нет радости думать, что он служит обнищавшему господину — или если про чие так думают! Это вопрос чести.

И вот, если только не требовалось пробираться где-то незамеченным, черная кожа откладывалась в сторону и замаялась цветными тканями: сперва винно-красным плащом — добровольная уступка требованиям к его званию Королевского Защитника; но заставить себя снизойти до малинового, который предпочитал король, он не смог; и носил этот плащ поверх привычного и неброского серого платья, очень мало украшенного. Затем последовали темно-синие тона, а далее — зеленое, золотое и даже многоцветное — богатые оттенки самоцветов, а не жемчужные переливы. Наконец, они даже стали ему нравиться.

Сегодня его доверенный служитель подобрал для него растительный тон: сине-зеленый плащ, подбитый и отороченный по вороту серебристым лисьим мехом поверх шерстяного с узелочками одеяния чуть посветлее, длиной до щиколоток с разрезами сзади и спереди, чтобы удобнее было ездить верхом. Полы и манжеты были жесткими из-за множества вышитых золотом изображений корвинских грифонов; горловина закалывалась сребряной пряжкой в виде полумесяца, принадлежавшей некогда его матери.

Под платьем он и сегодня, как всегда, облачился в тонкую кольчугу: легкая, почти невесомая, она защищала от чего угодно, кроме целенаправленного удара кинжалом. Но там, где когда-то металл в открытую блестел у запястий и горла, грозно, воинственно, в ожидании постоянных бед, он был теперь скрыт рубахой из роскошного плотного шелка, а между металлом и кожей Морган носил рубашку из мягкой шерсти. Ножны у левого бедра украшали оправленные в серебро кристаллы кассандского дымчатого кварца размером с ноготь большого пальца — Дункан подарил ему эти ножны на день рождения два месяца назад: вполне мирное роскошество, даже если клинок в ножнах столь же годен для дела, сколь и всегда.

Клинок покороче находился за правым голенищем, так что облеченная в перчатку рука всегда могла легко достать до рукоятки, и при этом Морган еще носил узкий стилет, покончившийся у левого предплечья и присоединенный ремнем к запястью — там, под кольчугой. На шее у него висела позолоченная цепь Главнокомандующего, которую вручил ему Келсон на послед

нем Рождественском Приеме, и на каждом ее звене были выгравированы львы Халдейнов и грифоны Корвинов, ло-

вившие друг друга за хвост. Прежде Морган не понял бы такой шутки.

Он вздохнул, подвинулся, и звяканье цепи, задевшей каменную балюстраду, опять вернуло его к действительности. Пока Морган витал в облаках, внизу вместо голоса Келсона зазвучал какой-то другой голос — быстрый взгляд в просвет меж занавесей помог удостовериться, что это — архиепископ Браден. За несколько секунд до того, как поднялся дверной засов, Морган почуял приближение короля, несмотря на то, что ум его был направлен на другое. И он уже поднимался, чтобы слегка наклонить голову, когда внутрь вошел Келсон.

— Не стоит и пытаться застичь тебя врасплох, — заметил юноша с улыбкой. — Ты, кажется, всегда знаешь, что я иду. Ну, как я справился?

Морган пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— То, что я слышал, было превосходно, мой повелитель. Должен признаться, что я сегодня рассеян, и в конце ничего не уловил. Мы столько раз проходили через это в Дрогере.

— Знаю. Я и сам чуть не умер от скуки, — на лице Келсона вспыхнула еще более печальная улыбка, когда он подался вперед, чтобы поглядеть из-за занавеса, как только что делал Морган. — И все-таки, это надо было сказать.

— Ну да.

Король стоял рядом, сосредоточенно прислушиваясь, а Морган тем временем снова подумал, как много изменилось за последние три года. Келсон вырос более чем на пядь с того дня, как Морган явился помочь сокрушенному горем четырнадцатилетнему мальчику удержать престол. Теперь этот мальчик был мужчиной — пусть не таким высоким, как Морган, но уже выше, чем его покойный отец, хотя не столь основательно сложенным. В других отношениях он также явно превзошел своего отца Бриона. Он уже теперь знал больше о своем магическом наследии, нежели когда-либо знал Брион, и куда больше — о том, что свойственно людям.

А глаза-то у него те же: серые глаза Халдейнов, которые способны проникнуть в любую загадку и читать в людских душах, даже если эта чисто человеческая сила не подкреплена халдейской магией. Шелковистые черные волосы тоже как у Бриона, хотя Келсон в последнее время отпустил их куда длиннее, нежели у отца — надо лбом короткая челка, а по бокам — почти касаются плеч. Золотой обруч с орнаментом из хитро переплетенных линий не позволял им падать на лицо. Но сзади, у высокого стоячего ворота его парадного одеяния, они были взъерошены. Келсон провел по ним пятерней, искоса поглядев на

Моргана и лукаво улыбнувшись, и одновременно опустил занавес, который тут же упал на место.

— Я решил сделать кое-что, что наверняка придется тебе не по вкусу, — сказал король и принял сбрасывать с себя тяжелое верхнее одеяние. — Ты ведь, наверное, ужасно рассердишься, если я уеду и оставлю тебя здесь на несколько дней, чтобы ты присмотрел за епископами?

Придав лицу непроницаемое выражение и приняв стойку лакея, Морган поймал келсоново одеяние, прежде чем оно успело упасть на пол, и положил его на край скамьи, а затем взял в руки подбитый мехом алый плащ, в котором король ходил нынче утром.

— Не стану отрицать, что слушать, как свора епископов лает ся меж собой — одно из наименее любимых мною занятий — или что я предпочел бы, чтобы ты не уезжал слишком далеко в одиночку. — бесстрастно заметил он. — С другой стороны, у тебя обычно имеются веские причины, если ты хочешь что-то сделать. Куда, собственно, ты задумал податься?

Все еще улыбаясь, король снял свой венец и потер лоб там, где на него давил обруч, прежде чем, развернувшись, подставить спину под плащ, который протягивал ему Морган. Одна из его длинных прядей зацепилась за проволоку в мочке правого уха, на которой покачивался крупный рубин, и он взмахнул рукой, чтобы высвободить волосы, возвращая одновременно на голову свой венец.

— Ну, Морган, ты заговорил, как настоящий придворный, — сказал он, расправляя плащ на плечах и защелкивая застежку, в то время как Морган выпустил его волосы поверх собольего воротника. — Вообще-то мне нужно в Трурилл. Я намеревался включить его в свою поездку этим летом, но, сам знаешь, смерть Карстена мне помешала. И мне представляется, что сейчас у меня последняя возможность отправиться туда, пока не зарядили дожди.

— А почему именно в Трурилл? — спросил Морган. — У тебя есть причина подозревать, что там что-то неладно?

— Нет. Но, если в Меаре будут еще более недовольны, чем теперь, мне бы хотелось быть уверенным в баронах из пограничья. Брайс Труриллский говорит, что он мне предан — все они так говорят, когда я рядом, а они — так далеко от Ремута, — но еще несколько недель, и он окажется для меня вне пределов досягаемости до весны.

Морган скрочил гримасу. Простое личное неудовольствие по поводу заботы, которую свалил на него Келсон, сменилось нешуточной тревогой за королевскую безопасность.

— А ты уверен, что это — не просто повод увильнуть от тягомотины? — пробормотал он. — Попспешу напомнить тебе, что войска, которые мы привели из Ремута, не привыкли к замашкам жителей пограничья. Они здесь совершенно по-иному затевают стычки, когда доходит до оружия. Если Брайс не предан тебе...

— Если это так, мне нужно знать наверняка, — перебил его Келсон. — Я беру с собой проводником Джодрелла. Он знает эти края. — Помедлил и опять ухмыльнулся. — И, разумеется, это повод увильнуть от тягомотины. Ведь ты не думаешь, будто я настолько глуп, чтобы отправиться в пограничье без тебя, если бы я действительно думал, что Брайс ненадежен, верно? Ты меня не этому учили.

— Хотелось бы верить, — парировал Морган, слегка успокоившись. — Надеюсь, что ты столь же здраво способен судить о людях, сколь тебе представляется. Я знал этого Брайса. Преизрядный пройдоха.

— Достаточно пройдоха, чтобы наврать мне с три короба, и чтобы я это проглотил?

— Вряд ли. Но он может и не сказать тебе всей правды. А полуправда иногда куда опасней, чем откровенная ложь — и ясновидение здесь не больно-то помогает.

Келсон пожал плечами.

— Верно. Но мне представляется, что я знаю достаточно, чтобы задать правильные вопросы.

Морган ничего не ответил, но подумал, что Келсон порой знает не так много, как ему кажется. Мальчик был куда опытнее, чем многие другие, молодые, и даже куда более старшие, и казался вполне зрелым. Видит Бог, иначе он не уцелел бы за эти три года, но порой он склонен был принимать свою недавно обретенную зрелость за нечто само собой разумеющееся и переоценивать свои силы. Со временем годы и новый опыт поправят дело, но пока что король иногда доставлял Моргану изрядное беспокойство.

И все же Морган полагал, что Келсон не может попасть в слишком большую беду так близко от Кулди, притом что местные бароны осведомлены: защитник короля не так уж далеко и ожидает его скорого возвращения.

Во все эпохи птенцам надлежит позволять испытать свои крылышки, даже если это порой оборачивается преждевременной сединой для их наставников. Морган внезапно преисполнился благодарности за то, что его волосы еще не тронуты сединой, так что Келсон вовек не узнает, сколько причиняет ему хлопот.

— Ведь ты на самом деле не беспокоишься, правда? — спросил Келсон через несколько секунд, в течение которых Морган молчал, очевидно, почуяв, что тот держит что-то при себе. — Да ничего не случится. Эван умирает от желания выбраться в горы на несколько дней, думаю, ему торчать взаперти при дворе совсем не нравится — и я подумал, что возьму с собой также Конала. Возможно, небольшой дозорный объезд научит его терпению. Визит вежливости, Аларик, — и все. Я хочу поглядеть, как ведет себя Брайс, когда не ожидает моего приезда.

— Поступай, как знаешь, — пробурчал Морган. — Все равно ведь сделаешь по-своему. Не знаю, почему я, вообще, беспокоюсь.

Келсон ухмыльнулся, порывисто и дерзко, по-мальчишески, и эта улыбка разительно не соответствовала его царственному облачению и осанке.

— Да, знаю, почему ты беспокоишься. И в тот самый день, когда ты перестанешь тревожиться, тогда уже встревожусь я сам. — Он легко коснулся плеча Моргана. — Просто не позволяй распускаться этим непутевым епископам, Аларик. Я вернусь через несколько дней.

* * *

На другой день после полудня Келсон начал задаваться вопросом, а не просчитался ли он в чем-нибудь. Он ожидал, что ясная погода продлится еще хотя бы неделю; но когда он со своим отрядом поскакал к западу в Трурилл вдоль реки — с двумя дюжинами рыцарей и тяжеловооруженной стражей, не считая оруженосцев и слуг — воздух вдруг сделался неподвижным и гнетущим. Вскоре после полудня забрызгала неприятная морось, мочившая людей, их оружие и снаряжение. Конал, ехавший рядом со своим царственным кузеном, в течение всего их короткого привала не переставал жаловаться на погоду, но, в основном, если кто и ворчал, то добродушно. Дорога по-прежнему была хорошей, дождь только избавил ее от пыли, когда они возобновили путешествие. Ближе к вечеру они въехали в редкий лес, где морось сменилась крупными каплями, время от времени слетающими с деревьев, и куда меньше раздражавшими путников.

Они услыхали шум боя задолго до того, как приблизились. Сперва пронзительное ржание встревоженных коней заставило их насторожиться, а породистых боевых скакунов — загарцевать и зафыркать в предвкушении схватки. Как только до них начали доноситься крики и лязг стали, герцог Эван сделал

22 знак остановиться и послал двух наиболее умелых всадни-

ков на разведку. Они умчались во всю прыть. Келсон, который болтал кое с кем из рыцарей помоложе, немедленно пустил своего скакуна вперед, раздосадовано подергивая отворот перчатки.

— Джодрелл, как тебе кажется, где у них там идет дело? — не громко спросил король, поравнявшись с проводником и осаживая коня.

Юный барон Кирни только покачал головой, все еще настороженно прислушиваясь. Когда прошло несколько минут, а разведчики не вернулись, Келсон молча подал Сигеру де Трегерну знак снять водонепроницаемый чехол с боевого знамени Халдейнов.

— Чего мы ждем, Эван? — досадливо поморщился Конал, привстав на стременах и взглянувши вперед, в лесной полутигровый мрак. — Если там что-то неладно, мы должны попытаться это прекратить!

Старый Эван, сидя на коне впереди двух Халдейнов, со значением скосил сощуренные глаза в их сторону, касаясь пальцами рукояти меча. Его кустистая рыжая борода, против которой были бессильны и ножницы, и бритва, торчала из-под шлема.

— Эта заварушка нас не касается, ваше величество, если, конечно, мы не жаждем ввязаться сами не знаем во что. А теперь потише, дайте послушать.

Теперь тишину нарушало только непрекращающееся эхо дальнего боя и более близкие звуки: фырканье и потоптывание сдерживаемых коней, позвякивание удил и цепочек, скрип кожи, шелест кольчуг на рыцарях, подавшихся вперед, чтобы лучше слышать. Келсон окинул взглядом две дюжины конников, надевших на головы шлемы и перекидывавших вперед щиты, а затем опять вернулся к Эвану.

— Что ты думаешь? — прошептал он.

Эван медленно покачал головой.

— Пока не знаю, государь. Мы у границы владений Трурилла, да, Джодрелл? А это значит, что, наверняка, одна из сторон, что поднимают пыль — труриллское ополчение.

Пограничный барон кивнул.

— Так, ваша светлость... Хотя, одному Богу ведомо, кто на другой стороне. На вашем месте, Государь, я дождался бы Макэйра и Робарда.

— Что я и собираюсь сделать.

— Но разве мы не можем... — начал было Конал.

— Нет, — пробурчал Келсон, бросая на кузена предупреждающий взгляд и одновременно поворачиваясь в седло.

ле, чтобы принять щит, который подавал ему оруженосец. — Джодрелл, будь добр, проверь, все ли готовы.

Конал принял было вновь возражать, когда Джодрелл вывел своего коня из строя и спокойно двинулся назад вдоль колонны, но второй резкий взгляд Келсона заставил его умолкнуть.

Принц, всего на несколько месяцев моложе Келсона, участвовал два лета тому назад в кардосском походе, но ему все еще надлежало многому научиться касательно полководческого искусства и стратегии. То была общая беда, а не вина одного Конала, ибо, хотя, по законам Гвиннеда, юноша считался взрослым мужчиной с четырнадцати лет, в сущности, лишь немногие еще в течение нескольких лет могли исполнять обязанности взрослых.

Рыцарский обычай признавал это, в отличие от общего закона, запрещая посвящение в рыцари до восемнадцати лет, за исключением особых случаев. Даже Келсон, который мог добиться для себя исключения как король, отказался принять рыцарское звание до своего восемнадцатилетия.

Если Конал наберется достаточного опыта в нынешнем году, его посвящение можно устроить на несколько месяцев раньше срока, одновременно с келсоновым; но пока что он оставался в более низком звании оруженосца, хотя и был принцем крови.

Сейчас это было слабым утешением для Келсона, взвешивавшего неопытность Конала по отношению к возможным опасностям предстоящей схватки. Он не мог не вспомнить предостережение Моргана касательно разницы в повадках воителей, и призадумался, а что, если дерринийский лорд знал, что предсказывает будущее.

Для пограничных драк больше всего годились легко вооруженные летучие отряды, а не тяжелые кони и броня, к которым привык Конал и которыми они нынче располагали. Если только местность впереди предоставит им чуть меньше пространства для маневра, нежели та, что непосредственно вокруг, самые малоопытные из воинов Келсона могут оказаться в невыгодном положении, несмотря на превосходство в численности, оружии и броне.

И все же Келсон полагал, что сможет позволить своему кузену хотя бы думать, будто тот выполняет важную обязанность, а сам будет держать его в относительной безопасности и под надежным присмотром.

Как только он приладил шлем и затянул ремень, он

24 опять бросил суровый взгляд на изнывающего Конала, за-

тем смягчился и кивнул Трегерну. Конал немедленно подвел своего скакуна между ними двумя и потянулся за королевским знаменем, тесно сжав челюсти, но торжествуя, в то время как его рука в перчатке сомкнулась вокруг отполированного древка.

— Только без игры в героев, — предупредил Келсон.

— Не беспокойся.

Алое полотнище растворилось в мрачной зелени окружающего леса, но золотой лев Халдейнов засиял и шевельнулся, как живой, когда Конал встряхнул шелк и упер нижний конец древка в свое стремя.

Усмешка принца была радостной, и Эван с Трегерном, равно как и Келсон, обнаружили, что улыбаются в ответ, как только стал приближаться приглушенный стук копыт. Келсон попытался уловить неявную опасность, пока возвращающийся разведчик прорывался сквозь деревья и постепенно замедлял коня до полной остановки, но не учудял ничего, кроме горстки людей впереди.

— Воины в ливреях, легко вооруженные, верхом — против людей, смахивающих на разбойничью шайку, государь, — доложил он.

— Чьи ливреи? — спросил Келсон.

— Турилловы, государь. Два меча Андреевским крестом над третьим стоймя, и все — на голубом фоне.

Келсон взглянул на Эvana, который кивнул в знак подтверждения.

— Да, это и впрямь ребята Брайса. У нас есть пространство для маневра, сынок?

— Ну, уж всяко не хуже, чем здесь, ваша светлость. Часть местности — открытая поляна. Робард остался следить, а не то вдруг они сдвинутся, пока мы решаем.

— Молодцы, — Келсон обнажил меч и оглянулся на ожидающих воинов. — Превосходно, господа, думаю, для нас настала пора показать себя. Если удастся обойтись без кровопролития, тем лучше. Трегерн, поедете по другую сторону от Конала. Джодрелл — справа от меня. Эван, разворачивайте отряд.

Молча, с помощью скучных жестов, Эван отдал необходимые приказы. И Келсон, как всегда, восхитился про себя его ловкостью и быстротой, которые проистекали из его более чем тридцатилетнего опыта командования в бою.

Бряканье сбруи и влажные, чавкающие звуки, которые извлекали копыта из лесных мхов, на время перекрыли отголоски боя, в то время как всадники рассыпались в обе стороны и выстроились веером — безупречно, прямо как на параде. Эван и один из старших рыцарей приняли командование фланга-

ми. Келсон поторопил своего гнедого вперед рысью, держа меч наготове.

Он и его ближайшие спутники образовали центр все углубляющегося полумесяца, который должен был равно поглотить нападавших и оборонявшихся. Вот уже впереди за деревьями стали различимы признаки боя. Келсон услыхал крик Эвана:

— Сдавайтесь, во имя короля! — в то время, как королевские рыцари рванулись в схватку. А затем: — Остановитесь, во имя Келсона Гвиннедского!

Глава вторая

**Все они держат по мечу, опытны в бою;
у каждого меч при бедре его
ради страха ночного¹**

Ревое, что поразило Келсона, когда он со своими спутниками вырвался на поляну — это то, что происходившее смахивало, скорее, на свалку, нежели на битву. Хотя большинство труриллцев были вооружены мечами или короткими копьями, любимыми в пограничье, противники их, казалось, удовольствовались дубинами, палками с железными наконечниками, да порой — кинжалами. Да и труриллы явно не были склонны сколько-нибудь пользоваться своим преимуществом. Даже когда кольцо сомкнулось, Келсон увидел, как один из труриллских воинов ухватил противника за плед, сдернул с пони и треснул по спине рукоятью меча, хотя запросто мог бы его прикончить. По несколько с обеих сторон лежали на земле, кто тихо, кто — слабо стеная, но лишь немногие оказались по-настоящему ранеными. Труриллские ливреи и перья хаотически проносились и взмывали вокруг тартанов, чужих и знакомых, пони, лишившийся седока, и отбившаяся от стада перепуганная овечка еще больше осложняли положение тех немногих, которые продолжали биться на земле. Ржание коней да исступленное блеяние овец звучали как музыкальное сопровождение крикам и возгласам противников.

Драка быстро прекратилась. С криками «За Халдейна!» королевские рыцари сомкнулись, ловко втолкнув своих здоровенных коняг между невеличками-лошаденками здешних краев, дабы остановить последних, кто еще не унялся, лупя упрямцев клинками плащмя, а порой расталкивая лошаденок изумленных

---

¹Песнь Песней 3:8

всадников с обеих сторон. Келсон и прочие рядом с ним держались поодаль, готовые вмешаться, но их помочь так и не потребовалась. Единственным, что внес Келсон в происходящее, был испуганный прыжок его коня после того, как одна из овец внезапно сиганула между передними копытами коня.

Вскоре разбойники принялись бросать оружие и поднимать руки в знак того, что сдаются. Труриллы с воплем сплотились, чтобы их окружить. Когда отряд Келсона подался назад к краю поляны, дабы успокоить лошадей, все еще окружая кольцом и победителей, и пленников, труриллы стали помогать разбойникам спешиваться и связывать их, а некоторые — осматривать раненых. Эван, поглядев, нет ли раненых у него в отряде, и не увидев их, направил своего скакуна к Келсону и отдал ему честь, подняв перчатку.

— Забавная вышла стычка, государь, — заметил он негромко, кивнув в сторону пограничного сброва. — А вы... Кто тут старший от Трурилла! — воззвал он зычно. — Немедленно к нам!

По его команде один из труриллов, постарше и получше вооруженный, оглянулся, затем отделился от остальных и медленно поехал к нему, посматривая на знамя Хаддейнов не без некоторого подозрения. Он небрежно отдал честь мечом, встав перед ними, и бросил взгляд сперва на Келсона и Конала, а затем на Эvana.

— Добро пожаловать, сударь, — сказал он, убирав меч в ножны. — Судя по вашему пледу, вы горец. Вы, случайно, не Клейборн?

Но, прежде чем Эван успел ответить, тот с не меньшей уверенностью перевел взгляд с Келсона на Конала и обратно.

— И вам того же, высокочтимые. И благодарю за помощь. Мы редко видим Хаддейнов так далеко на западе.

«И, несомненно, не больно-то желаете видеть», — угрюмо подумал Келсон, также убирав в ножны свой меч и снимая шлем.

Вряд ли, разумеется, ему следовало досадовать, что этот человек его не признал. Если не считать его собственного краткого налета на Кулди два года назад по случаю плачевно обернувшейся свадьбы Кевина Маклайна и Бронвин, сестры Моргана, никто из Хаддейнов, скорее всего, не проникал так далеко в западные земли многие годы до смерти его отца. Его поездка нынешним летом свелась к посещению самой Меары, а также равнин Кирни и Кассана.

И даже если бы местные жители не славились своим безразличием к титулам знати с равнин, следовало ли ожидать, что зуриный сержант с границы непременно узнает короля в ли-

— Я Келсон, — терпеливо сказал он, срывая пропитанный потом подшлемник с мокрых черных волос и вручая шлем ожидающему оруженосцу. — Похоже, присутствие здесь Халдейна оказалось своевременным. А вы...

Тот наклонил голову с подобающим, пусть и холодным уважением.

— Гендон, мой король. На службе барона Трурилла.

Келсон удостоил его такого же холодного безличного кивка, который получил сам, а затем смахнул с лица мокрые пряди тыльной стороной ладони в кольчужной перчатке, оглядывая пленников, которыми были заняты люди Гендона. Как расположить к себе этого сержанта?

— Значит, Гендон? — бесстрастно переспросил он. — Скажите мне, мастер Гендон, что привело к этой маленькой заварушке? Я, признаться, не уверен, что вам вообще требовалась наша помощь. Они были не больно-то хорошо вооружены.

— Они разбойники, сударь, — ответил тот с недоумением, как если бы в это все упиралось. — Они пересекают границу, чтобы угнать скот — а иногда даже уводят женщин и детей.

— Да?

— Ну, мы, разумеется, пытаемся это прекратить, сударь, — продолжал сержант как бы оправдываясь. — Барон выставляет постоянный дозор, как требует его долг, но кто угодно может проскользнуть отсюда в горы с полудюжиной овец — и с концами. Юный лорд Макардри говорит, что именно вот этот сброд не давал им покоя еще в Транше.

— Юный лорд... Речь идет о Дугале, сыне вождя? — спросил Келсон, внезапно весь оживившись.

Гендон в изумлении приподнял одну бровь.

— Вы знаете молодого Дугала, сударь?

— Можно так сказать, — отвечал Келсон с улыбкой. — Я полагаю, вы с ним часто видитесь, да?

— Часто? Конечно, сударь, каждый божий день.

Но в то время как Гендон указывал рукой на своих людей и поворачивался в седле, явно ошарашенный тем, насколько этот король с равнин осведомлен, кто кому приходится среди горцев, Келсон уже отыскал взглядом объект своего любопытства: легкого, стройного, наездника, закутанного в серо-черно-желтый плед, который только частично прикрывал его изящный коннантский доспех из вываренной рыжей кожи. Беседуя с одним из трурилловцев, он балансировал на одной ноге близ своей лошади, знаком подзывая кого-то другого, чтобы подошел и помог. Кольчужный капюшон почти не давал разглядеть его волосы, которые помогали распознать его лучше, чем что-ли-

бо еще, но косматая пегая пограничная лошадка, на которой он разъезжал, была хорошо известна Келсону, хотя и недостаточно отличалась от прочих, чтобы обратить на нее внимание в пылу схватки, — несомненно, по этой причине Келсон и не заметил их раньше.

Наследник Макардри почувствовал, что король пристально смотрит на него, почти в тот же миг, когда Келсон его увидел. Одного взгляда на всадников позади королевского знамени оказалось достаточно, чтобы он отделился от своих и направил коня рысью к королю, улыбаясь во весь рот.

— Дугал Макардри, нет, ну, подумать только?! — вскричал Келсон, указывая пальцем на коня Дугал и улыбаясь столь же щедро, сколь и Дугал. — А лошадка-то выглядит довольно знакомой!

Юный Макардри натянул поводья и почти что вылетел из седла, сбросив капюшон с ярких, медного оттенка волос, торопливо упал на оба колена перед королевской лошадью.

— Ну да, это та самая паршивка, что сбросила вашу светлость из седла те первые раз десять, когда вы пытались на ней кататься! — ответил Дугал. Его меч свисал с перевязи, перекинутой через правое плечо, чтобы его можно было обнажать слева направо. И теперь он полуобнажил клинок правой рукой и подал рукоятью вперед, отдавая честь, и лицо его сияло от гордости.

— Добро пожаловать на границу, мой король! Прошло так много лет...

— Послушай, я выдеру тебя, как слугу, если ты немедленно не встанешь с колен! — со смехом произнес Келсон, знаком приказывая подняться. — Я был твоим братом до того, как стал твоим королем. Конал, погляди, как он вырос! Эван, ведь ты помнишь моего названного брата, верно?

— Угу, государь... и помню, какими проказниками были вы оба, и как ставили на уши всю мою школу пажей! Рад вас видеть, мастер Дугал.

— А я — вас, ваша светлость.

В то время как Дугал позволил своему мечу скользнуть обратно в ножны и встал, а Келсон спрыгнул со своего высокого р'ассансского скакуна, Конал также кивнул, поджав губы, в ответ на небрежный поклон Дугала в его направлении; эти двое соперничали между собой в былые дни. Почти столь же рослый, сколь Келсон, юный лорд с границы, тем не менее, едва ли выглядел старше, чем когда покинул двор четыре года назад, россыпь веснушек на его носу и щеках только добавляла к впечатлению детскости, возникавшему при первом взгляде на

него. Ярко блеснули крупные передние зубы, а лицо озарилось радостной открытой улыбкой. Рыжеватый намек на усы над верхней губой едва ли отличался от полумальчишеского пушка. Но глаза, встретившиеся с глазами Келсона, больше не были ребяческими.

Два юноши пылко обнялись, шлепая друг друга по спине, а затем отстранились друг от дружки, чтобы более трезво друг дружку рассмотреть. Келсон не воспротивился, когда его приятель взял его руку и приложил пылающие губы к тыльной стороне ладони в перчатке в знак почтения, прежде чем взглянул на него опять.

— Ну как ты, Дугал? — пробормотал он.

— Хорошо, мой принц, особенно — оттого, что ты здесь, — негромко ответил Дугал с изысканными придворными интонациями, которым обучился много лет тому назад. — Разумеется, мы здесь, на западе, много всякого слышали, но... — он передернул плечами, и опять заулыбался. — Ну, честно говоря, я и не чаял увидеть вашу светлость до того самого дня, когда явлюсь вступать в права наследства. Пограничье. И горы от веку не были любимыми местами королей Халдейнов.

— Но нынешний Халдейн любит пограничье, — возразил Келсон, просияв от теплого воспоминания о пожилом отце Дугала, который привез сына ко двору, когда тому стукнуло семь, а Келсону девять. — И, хвала Всевышнему, твоему отцу не потребовалось умирать, чтобы мы, в конце концов, все же вновь встретились. А как старый Каулай?

— Настолько хорошо, насколько можно надеяться, — отозвался Дугал чуть более сдержанно. — Впрочем, он никуда не выезжал после твоей коронации. Я, кстати, провел при нем последнее три года, учась ремеслу пограничного вояки. И я... не думаю, что мое ученичество еще продлится сколько-нибудь долго.

— Значит, его болезнь обострилась. Дугал, прости, — пробормотал Келсон. Но прежде, чем он успел продолжить, Гендон, труриллский сержант, прочистил горло.

— Прошу прощения, мой король, но у юного Макардри есть обязанности. Дугал, у нас — раненые.

— Есть, сержант. Сейчас я на них взгляну, — и Дугал, коротко кивнув, извинился перед Келсоном, — С вашего дозволения, государь.

— Разумеется. Мои люди помогут.

Большинство ранений было легкими — мелкие порезы и синяки, обычные для любой бурной свары, но у нескольких — как у трурилловцев, так и у пленных, обнаружились более зна-

чительные повреждения. Один был убит, несмотря на то, что все явно себя жестко обуздывали. Келсон отрядил своего военного хирурга и оруженосцев, чтобы пособили труриллцам, а когда стало ясно, что Гендон не намеревается возвращаться в Трурилл к ночи, отдал приказ разбить лагерь. Конала он представил в распоряжение Эвана, чтобы заодно понаблюдал, как старый герцог сработается с Гендоном. А сам Келсон пошел в возникающий на глазах лагерь труриллцев, взяв с собой только Джодрелла, мало говоря, но наблюдая за всем с любопытством. Вспомнив слова Дугала о том, что они здесь, на западе, «много всякого слышали» за последние три года, он задался вопросом, а какое же представление сложилось о нем в итоге у этих горцев. В глазах подобных людей, то, что Келсон — Халдейн, достаточная причина для настороженности. А какие новые подозрения могли породить рассказы о его волшебстве?

Но как только он попытался поболтать кое с кем из них, сразу почувствовал, что их сдержанность столько же связана с его равнинным происхождением, сколько с титулом или любым смутным беспокойством, которое могло у них возникнуть из-за того, что он частично Дерини. Они были достаточно почтительны на свой грубый пограничный лад, но предлагали не больше того, о чем их просили, и не жаждали поделиться сведениями. Пленники тоже не склонны были выдавать сведения. Хотя это едва ли казалось неожиданным. Да и сведения, которые он добыл, порой не без давления, касались одних лишь местных дел. Келсон вчитался в умы нескольких из них, в то время как другие задавали вопросы, но не увидел большого смысла выставлять напоказ свои деринийские способности, поскольку те, кто вел допрос, получили в точности такие же ответы, какие и он. Расстояние между ним и горцами имело мало отношения к магии, но его одиночество этим не смягчалось. В конце концов он обнаружил, что украдкой наблюдает за Дугалом, и подал Джодреллу знак не разговаривать.

Дугал стоял на коленях подле наиболее опасно раненого из своих людей. Оруженосец Келсона, Джетам, помогал ему, не догадываясь, что король не сводит с них глаз. Сброшенный плед юного Макарди лежал рядом, меч и перевязь — поверх пледа. И Келсон видел, что он расстегнул свой кожаный панцирь, чтобы удобнее было двигаться, когда приступил к своим обязанностям хирурга. Пациентом Дугала был здоровяк-горец, едва ли старше его самого, но раза в полтора покрупнее, от запястья до локтя у него тянулся кровоточащий разрез, который, вероятно,

помешает ему в будущем рубить мечом, если, вообще, удастся спасти руку. Его другая загорелая рука закрывала глаза,

безбородое лицо под ней побледнело. Когда оруженосец промыл рану водой, а Дугал ослабил повязку, из глубины бурно забила яркая кровь. Даже со своего места Келсон видел, что порез рассек глубокие мышцы и, явно, артерию.

— Проклятие! — прорычал Дугал, шумно дыша, снова закрепил жгут и пробормотал что-то успокаивающее, когда его пациент с шумом втянул воздух меж зубами. Ни Дугал, ни его помощник, ни раненый, казалось, не заметили присутствия Келсона, когда он подхватил иглу, за которой волочилась нить из кишечной оболочки.

— Постарайся не двигаться, Берти, если хочешь, чтобы мы спасли твою руку, — сказал Дугал, его придворное произношение сменилось бойким местным говорком, в то время как он придавал раненой руке нужное положение и перемещал хватку Джетама. — Держи его как можно крепче, парень.

Когда Берти собрался с духом, а юный Джетам вцепился в его запястье и бицепс, король тронул оруженосца за плечо и кивнул в ответ на оторопелый взгляд Джетама. Дугал часто засыпал, обнаружив внезапно, что король рядом.

— Не позволишь ли ты мне тебя сменить, Джетам? — сказал он мальчику, улыбаясь и подавая ему знак отойти. — Он великоват для тебя. Ступай-ка с бароном Джодреллом.

Как только Джодрелл и мальчик удалились, Келсон упал на колени наискось от Дугала и ополоснула руки в миске с чистой водой, стоявшей близ головы раненого, позволив себе слабо улыбаться, в то время как Дугал уставился на него в изумлении.

— Я начал было чувствовать себя бесполезным, — пояснил Келсон. — Кроме того, похоже, что этот юный Берти почти что перевешивает вас обоих. Привет, Берти, — добавил он, видя, что страдалец открыл глаза и недоверчиво покосился на него.

— Ну что же, — Дугал ухмыльнулся, его приграничный говорок снова почти перестал чувствовать, возобладали придворные интонации. — Я что-то не слышал, чтобы ты был военным хирургом.

— Я о тебе тоже, — отозвался Келсон. — Полагаю, мы оба кое-чему научились за минувшие несколько лет. Что мне делать?

Дугал попытался мрачно рассмеяться.

— Если так, держи его руку — и покрепче. Вот так, — сказал он, перемещая руку и ставя на нужные места ладони Келсона, между тем как раненый не переставал на них плятиться.

— К несчастью, — продолжал Дугал, — полевая хирургия — одно из тех дел, которому у меня хватило времени поучиться настолько, насколько мне хотелось бы — больше из сострадания к нашему другу Берти. Лишь из-за того, что я снискдал

доброй славу, леча лошадей, он убежден, что я могу поправить его, верно, Берти? — добавил он, опять переходя на горское наречие.

— Э, ну ты смотри, кого сравниваешь с лошадью, юный Макарди, — добродушно буркнул Берти, хотя и шипел сквозь зубы от боли, а затем попытался повернуться набок, как только Дугал коснулся раны.

Ловко двигаясь, Дугал помог Келсону удержать в покое руку и снова попытался заняться швом, то и дело с легкостью перескакивая с придворного наречия на приграничное и обратно, хотя лицо его было не менее напряженным, чем у Берти.

— Берти Макарди, ты напоминаешь лошадь если не мускулами, то запахом, — провозгласил он, — но если не хочешь гулять с пустым рукавом, лежи спокойно. Келсон, постарайся, чтобы он не двигал рукой, иначе все без толку. Я не смогу ему помочь, если он станет дергаться.

Келсон старался, как мог, с радостью вспоминая старую дружбу, которая так долго связывала его с Дугалом в детстве, и которая была нужна и теперь, когда оба выросли. Но, в то время как Дугал продолжал свою работу, а Берти хватал ртом воздух и напрягался, король бросил вдруг взгляд через плечо, в один миг принял решение, положил тыльную сторону одной из запачканных кровью ладоней на лоб раненого и обратился к своему деринийскому дару.

— Спи, Берти, — прошептал он, скользнув запястьем по глазам пострадавшего и почувствовав, как размякает напряженное тело. — Усни и все забудь. Когда проснешься, боли не будет.

Рука Дугала дрогнула и замерла на середине стежка, когда он ощутил произошедшую с раненым перемену, но когда он взглянул наискось в сторону Келсона, в его глазах было одно удивление, но не страх, которого король уже привык ожидать за последние несколько лет. Несколько секунд спустя, Дугал вернулся к своему делу и теперь работал быстрее, а на губах его блуждала робкая улыбка.

— Вы действительно кое-чего поднабрались за четыре года, не так ли, государь? — спросил он чуть слышно, закончив последний из внутренних швов и перерезав кишечную нить у самого узла.

— Ты не обзвывал меня государем или кем там еще, когда мы были детьми, Дугал, и я хочу, чтобы все оставалось, как прежде, хотя бы наедине, — пробормотал Келсон. — И я тоже должен сказать, что ты кое-чего поднабрался.

Дугал пожал плечами и принялся вдевать в иглу новую нить: ярко-зеленого шелка.

— Вероятно, ты помнишь, как я всегда возился с животными. Ну, после того, как умер Майкл и мне пришлось оставить двор, одним из дел, которое меня заставили изучать, была хирургия. Она входит в образование лорда, как мне сказали. Что бы он мог штопать своих животных и людей.

Частично зашитая рана снова закровоточила, Берти застонал и заворочался, и Дугал замер, тогда Келсону опять пришлось потянуться к нему мыслью. Затем Дугал припудрил кровяющуюся плоть синевато-серым порошком и велел Келсону сжать вместе края раны. Осторожно и тщательно он начал сшивать их изящными зелеными шелковыми стежечками.

— А правда, что герцог Аларик сам себя исцелил на твоей коронации? — спросил Дугал миг спустя, не отвлекаясь от работы.

Келсон поднял бровь.

— Это из тех рассказней, которые до вас дошли?

— Ну, да. И много прочего.

— Это правда, — подтвердил Келсон не без некоторой неловкости. — Ему помог отец Дункан. Я не видел, как это случилось. Но видел итог. И видел, как позднее он исцелил Дункана — от раны, которая погубила бы любого другого.

— Действительно — видел? — спросил Дугал и, перестав на миг шить, воззрился на Келсона.

Келсон слегка задрожал и вынужден был отвести взгляд от крови на своих руках, чтобы освежить память.

— Они пошли на это, — прошептал он. Нам понадобилось убеждать Варина де Грея, что Дерини — это не всегда зло. Варин утверждает, что его собственная целительная сила — от Бога, и Дункан решил показать ему, что Дерини тоже умеют целить. Он позволил Варину ранить себя в плечо, но рана оказалась слишком скверной. Мне и думать жутко, чем это обернулось бы, если бы ничего не вышло.

— Что ты имеешь в виду под «если бы ничего не вышло»? — тихо спросил Дугал, почти забыв об игле в пальцах. — Мне показалось, ты говорил, что они с Морганом умеют исцелять.

— Умеют, — ответил Келсон. — Только они по-настоящему не знают, как они это делают, и дар этот не всегда надежен. Может, из-за того, что они лишь полу-Дерини. После исследований отца Дункана мы предположили, что некоторые Дерини способны были на такое постоянно во времена Междуречия, но, очевидно, с тех пор их искусство утрачено. Но лишь у немногих Дерини был дар исцеления, даже тогда.

— Но и этот Варин что-то может.

— Да.

— А он не Дерини?

Келсон покачал головой.

— Нет, насколько мы способны утверждать. Он по-прежнему настаивает, что его дар исходит от Бога, возможно, это правда. Возможно, он истинный чудотворец. Кто мы такие, чтобы судить?

Дугал фыркнул и вернулся к работе.

— Это звучит еще более загадочно, чем то, что кто-то — Деррини. Творить чудеса! Что до меня, думаю, я был бы доволен, если бы у меня получался твой фокус.

— Мой фокус?

— Да, так вот, без боли усыпить пациента, прежде чем приступить к делу. С точки зрения полевого хирурга, это благословение. И неважно, откуда исходит такая способность, хотя, погодреваю, служители церкви это оспорили бы. Не стоит сомневаться в мужестве нашего друга Берти, но если бы ты этого не сделал — что бы это ни было, — он не смог бы продержаться спокойно, пока я не закончу. Полагаю, то было что-то из твоей... дерринийской магии?

Почти как в трансе Келсон следил, как движутся туда-сюда окровавленные руки, зашивающие рану, — Дугал и сам проявлял почти что магический дар, и Келсону пришлось слегка встряхнуть головой, чтобы разрушить чары.

— Думаю, и у тебя есть какая-то своя магия, — пробормотал он, глядя на Дугала в восхищении. — И, слава Богу, не кажется, будто тебя страшит моя. Ты и понятия не имеешь, какое облегчение — быть способным использовать свой дар на что-нибудь вроде этого — то есть, для того, для чего он изначально и был предназначен, как я уверен... И тебе не стоит ничего бояться.

С улыбкой Дугал закончил последний шов и перерезал нить, затем поглядел на Келсона прямым, пронизательным и оценивающим взглядом жителя Пограничья.

— Я еще не забыл, что мы когда-то поклялись на крови, что на всю жизнь останемся братьями, — тихо сказал он, — и станем делать любое добро, какое сможем. С чего мне, в таком случае, бояться моего брата, просто потому, что у него больше способностей творить добро, чем считалось? Я знаю, ты никогда ничем не повредишь мне, брат.

Келсон в изумлении задержал дыхание, а Дугал наклонил голову и вернулся к своему занятию, промывая рану поверх шва чистой водой, а затем пригоршнями накладывая сверху сухой мох.

Тут наконец Келсон что-то начал понимать, моя руки и вытирая их краем рубахи пациента. Он не был уверен, что полностью понял этого юношу, стоящего на коленях про-

тив него, но и не думал сомневаться в том, что только что произошло между ними. Он и забыл уже, каким утешением может быть полагаться на друга из своего поколения. Конал был близок к нему по возрасту, и Пейн, и Рори — лишь чуть моложе, но это далеко не то же самое. На них никогда не возлагалась ответственность взрослых, как на него и на Дугала. Морган и Дункан, конечно, его понимали, а, возможно, и его дядя Нигель, но их от него отделяли их возраст и опыт. И они не всегда оказывались рядом. Он невольно испустил вздох облегчения, когда Дугал, наконец, ополоснул руки и насухо вытер их запятанным кровью серым полотенцем.

— Вот что, — сказал Дугал, внимательно поглядев раненого, а затем устремив вопросительный взгляд на Келсона. — Думаю, я совершил одну из своих лучших починок, но лишь время покажет, что это так наверняка. Он все-таки потерял много крови. И лучше, чтобы он спал, не просыпаясь, всю ночь.

— Тогда мы об этом позаботимся, — откликнулся Келсон, коснувшись лба спящего и производя необходимые ментальные воздействия.

— Я бы предпочел, чтобы кто-то будил его каждые несколько часов и давал ему немного вина. Дункан говорит, что это помогает быстрее восполнить потерю крови. Но в целом ему не стоит шевелиться до утра.

Когда они оба встали и Дугал подобрал свой меч и плащ, Келсон дал знак одному из своих подойти. Дугал коротко отдал ему указания, после чего два старых друга медленно двинулись к окраине лагеря, который вырос вокруг них, пока они занимались раненым. Не говоря ни слова, Келсон взял меч и плед, пока Дугал приводил себя в порядок.

Теперь, стоя бок о бок, они заметили, что оба почти одного роста, может, Келсон на несколько пальцев выше и чуть тяжелее, хотя ни один из них еще не возмужал окончательно.

До того Келсону почему-то казалось, будто Дугал коротко остриг свои медные волосы, но теперь, когда Дугал стянул капюшон и пробежал пальцами по шее под воротом кожаного панциря, чтобы освободить волосы, обнаружилось, что они еще длиннее, чем у Келсона, стянуты на затылке на местный манер и заплетены в небольшую косицу, перевязанную кожаным шнуром.

Он взял капюшон, в том время как молодой житель границы стал щелкать застежками панциря, и, опершись о дерево, снисходительно наблюдал за ним, пока Дугал с зорной усмешкой не потянулся и не подцепил пальцами прядь Келсоных волос.

— Вот к чему приводит отсутствие войн в течение двух лет, — заметил Дугал, уронив длинную прядь, опять взял меч и перекидывая перевязь через плечо. — Неприлично длинные волосы, словно у простого мужлана с границы. Любопытно, как бы ты выглядел с нашей косицей.

— А ты бы пригласил меня к себе, дал бы поприветствовать твоего отца и предложил бы щедрое горское гостеприимство, тогда, возможно, и увидел бы, — парировал Келсон с улыбкой, возвращая плед и капюшон. — Если бы я уже не ошеломил своих людей просто тем, что я — Дерини, то игра в необузданного вождя из пограничья, разумеется, произвела бы эффект. Ты переменился, Дугал.

— Ты тоже.

— Потому что... обрел волшебную силу?

— Нет, потому что обрел корону. — Дугал опустил глаза и застремил в пальцах подбитый кожей кольчужный капюшон. — Несмотря на то, что ты говорил прежде, ты все-таки теперь король.

— А что, большая разница?

— Сам знаешь, что да.

— Тогда пусть это будет перемена в лучшую сторону, — сказал Келсон. — Ты сам признал, что с силой, которая мне дана, — и в смысле житейских дел, и... в другом... я теперь способен делать больше добра. Возможно, что-нибудь такое, о чем мы только мечтали в детстве. Видит Бог, я любил своего отца, и мне его страшно недостает, но есть кое-что, что я делал бы иначе, если бы столкнулся с чем-нибудь из того, с чем довелось иметь дело ему. Теперь у меня появилась возможность.

— А здесь что, тоже большая разница? — спросил Дугал.

Келсон передернул плечами.

— Я жив, а мой отец мертв. Я хранил мир два года.

— И этому миру угрожают в Меаре. И это имеет отношение к тому, что здесь случилось, знаешь ли. — Дугал обвел рукой отыхающих вокруг воинов и часовых, окружавших пленных через поляну от них. — Мы здесь в горах постоянно страдаем от набегов — это часть нашей жизни. Но кое-кто с обеих сторон, похоже, сочувствует делу госпожи Кэйтрин. — И скорчил рожу.

— Представь себе, она моя тетка.

Келсон приподнял бровь.

— Правда?

— Угу. Жена моего дяди Сикарда. Сикард и мой отец не разговаривали много лет, но кровь людская не водица, сам понимаешь. И они удивляются, почему мы их не поддерживаем, хотя живем так далеко от центрального Гвиннеда, и прочее.

Странно, что ты не уловил никаких намеков, пока разъезжал по стране нынче летом. И это то, чем ты был бы способен заняться сейчас, со своей вновь обретенной силой?

Вопрос отнюдь не прозвучал враждебно, но ясно было, что Дугал пытается нащупь найти опору, ибо, как и кто угодно другой, не был уверен, что может или не может сделать король-Дерини.

— Я не всемогущ, Дугал, — отвечал Келсон, спокойно глядя ему в глаза. — Я могу с очень небольшим усилием определить, лжет человек или нет, это называется чарами истины, но, чтобы по-настоящему узнать правду, мне требуется задавать правильные вопросы.

— А я... я думал, что Дерини угадывают мысли, — прошептал Дугал. И хотя он не отвел взгляда, Келсону не потребовалось дерринийского чутья, чтобы понять, какой это потребовало храбрости, исходя из невежества, в котором пребывал Дугал. То, что Дугал доверяет ему — вне сомнений. Но, несмотря на его недавние уверения, что он не боится того, чем стал Келсон, определенные страхи может ослабить только опыт. А у Дугала его не было.

— Это можно, — пробормотал Келсон. — Но мы не поступаем так с друзьями, если они против. А в первый раз, даже между Дерини, это требует непременного телесного соприкосновения.

— Наподобие того, как ты коснулся лба Берти?

— Да.

Дугал издал отчетливый вздох и опустил глаза, подчеркнуто завернувшись в плед, словно в плащ, и взявшись с пряжкой, дабы его скрепить. Когда он, наконец, устроил все, как ему было удобнее, Келсону вновь досталась его скорая и яркая улыбка.

— Ну что же. Пожалуй, нам стоит выяснить, почерпнул ли кто-нибудь что-нибудь еще у пленников. Ты не забудешь, что я сказал насчет пристрастий горцев, верно?

Келсон улыбнулся.

— Я уже открыл тебе, как узнаю, лжет кто-нибудь или нет. Ну, а ты как это делаешь?

— А так, что у нас, горцев, есть Второе Зрение, или не слыхал? — отшутился Дугал. — Спроси кого-нибудь в доме моего отца о Меаре и об этой алчной Самозванке.

— А, ну раз вся закавыка в Меаре, полагаю, мне лучше опять наведаться туда весной, — отозвался Келсон. И бок о бок с теми, кто понимает, что творится. Возможно, даже и с теми, у которых есть это самое Второе Зрение. Как ты думаешь, твой отец позволил бы тебе явиться ко двору?

— Если бы ты попросил его как король, у него не осталось бы выбора.

— А каков твой выбор? — спросил Келсон.

Дугал ухмыльнулся.

— Когда-то мы были как братья, Келсон. И мы все еще заодно. — Он бросил взгляд через плечо на спящего Берти и опять посмотрел на короля. — А что ты думаешь?

— Я думаю, — ответил тот, что стоит завтра с утра поехать к Транше и послушать, что он скажет.

Глава третья

И возложи ему на голову кидар¹

Dаждь, который прежде лишь докучал Келсону в Транше, обернулся бурей ко времени, когда тучи добежали до Кулди на следующий день после полудня. Потопав, чтобы очистить подошвы высоких, до бедра, сапог для езды верхом, Морган немного выждал в дверях гостиницы Кулдийского Аббатства и стряхнул воду с длинного и легкого кожаного плаща. Они с Дунканом намеревались съездить в окрестные горы, как только было отложено послеполуденное заседание консистории. Но внезапная буря сорвала их планы. Теперь серо-стальному р'кассанскому скакуну, приунывшему в епископском стиле, придется ждать погоды до завтра, если не дольше, и оба они, он и его хозяин, будут становиться все мрачнее и тревожнее от вынужденного бездействия. Едва ли это казалось справедливым, особенно, учитывая, что Келсон наслаждается свободой.

Подув на пальцы поверх перчатки, чтобы согреть их, Морган побрел по длинной галерее к временному обиталищу Дункана, и на короткое время представил себе, как такая же буря свирепствует и в Транше. Мысль об этом вызвала у него улыбку. Никого из слуг не оказалось поблизости, когда он вступил в зальчик, который Дункан делил с хозяином, архиепископом Кардилем, так что он сам развел огонь, поставил вино подогреться, разложил свой промокший плащ на табурете, чтобы просох, и уронил шапку и перчатки. Полчаса спустя Дункан застал своего друга уютно устроившися на скамье в глубоком проеме окна, выходившего в монастырский садик. Морган неподобающе уперся сапогами в каминную скамью напротив и позабыл о дымящейся в руке чаше. Нос его был прижат к стеклу, по которому снаружи сбегал дождь, свободная рука прикрывала глаза.

---

¹Исход 29:6

— Выходит, я был прав, — заметил Дункан, сбрасывая плащ и торопливо потирая ладони перед огнем. — Как только я увидел, какой дождище разразился, сразу понял, что даже ты не решился бы выехать в такую непогоду. На что ты смотришь?

— На тщеславного отца Джедаила, — ответил Морган, не сдвигаясь с наиболее удобного места. — Подойди и посмотри сам.

Дункану не требовалось второго приглашения, ибо Джедаил Меарский был единственным спорным кандидатом, которого пытались оценить все епископы. Хотя он был безупречен с церковной точки зрения и достаточно привлекателен лично, его родственные связи возбуждали больше подозрений, нежели вызывали доверия среди тех, кто ясно видел подоплеку возни вокруг Меарского епископата, ибо Джедаил приходился племянником Кэйтрин. И как раз теперь он стоял перед дверью Зала Собраний, поглощенный разговором со старым Креодой из Кэрбери, епископом нового Кулдийского епископата с минувшей зимы, хозяином на нынешнем соборе. Только когда эти двое двинулись по галерее и пропали из виду, Дункан оторвался от окна.

— Не нравится мне это, — негромко заметил священник, глядя на Моргана с неодобрительно поджатыми губами. — Старый Креода — сущий флюгер. Помнишь, как он стоял за Лориса почти до конца два года назад? Когда епископы решили упразднить его бывшую епархию, я так понял, что ему дадут отставку. Кто бы мог догадаться, что вместо этого они отправят его в Кулди?

— Гм. Не стану спорить, — согласился с ним Морган. — Разумеется, я не выбрал бы его для престола, столь тесно связанного со святым-Дерини. Но, возможно, они полагали, что Карстен его уравновесит, учитывая, что Кулди так близко от Меары. Вряд ли кто-либо ожидал, что Карстен не протянет и года.

Дункан поднял бровь.

— Вряд ли? Но меня, между прочим, никто не спрашивал. Здоровье подводило Карстена в последнее время. И это знали все в Кирни и Кассане. И все же в Меаре не было серьезных осложнений при его жизни. А теперь, когда он скончался, большинство меарского духовенства вдруг засудчили насчет того, чтобы его сменил Джедаил. А это как раз тот, кого я отнюдь не жажду видеть епископом Меарским.

— Джедаил? — Морган принялся поигрывать одним из звеньшек своей цепи главнокомандующего, постучав гравированным золотом по передним зубам и кивнул. — Я тоже.

Этот престол и так слишком похож на королевский. Даже по мерке сторонников независимости, Джедаил — слишком дальний наследник, чтобы требовать для себя Меарскую корону, но как епископ Меары, он смог бы воспользоваться своим влиянием во благо своей тетушки и ее сыновей.

— Ох уж эти сыновья, — фыркнул Дункан. — Я думаю порой, что лучше бы старый Малcolm убил всех прочих меарских наследников, когда принял корону и женился на Ройзиан. Возможно, это звучит жестоко, и так не подобает говорить священнику, но это в дальнейшем избавило бы нас от новых кровопролитий.

— Ага. И эти меарские юнцы лишь немногим моложе нашего Келсона. В самый раз, чтобы им вскружили головы честолюбивые мечтания их матушки. А Джедаил на епископском месте — это для них большой шаг вперед. Меня от одной этой мысли трясет.

— Здесь я с тобой спорить не стану, — отозвался Дункан. — Самое печальное, что он отменно пригоден для такой должности. Его послужной список священника безупречен, и он обладает всеми нужными управлением способностями, чтобы из него получился хороший епископ.

— Или ядро мятежа, — вздохнул Морган. — Хотя, с такими данными, как у него, трудно было бы отнести его кандидатуру. И давай смотреть правде в глаза: говорить о том, что он принадлежит к младшей ветви королевского дома, стоит не больше, чем о том, что мы с тобой — урожденные Дерини.

— А жаль.

Со вздохом Дункан отвернулся от окна и сел в кресло с высокой спинкой, тени которого почти поглотили его черную сутану, и протянул ноги к огню. Морган последовал за другом, поднял подогретое вино с безмолвным вопросом и вновь наполнил свою чашу, когда Дункан покачал головой. Когда Морган устроился в другом кресле близ него, Дункан повернул голову в сторону друга и поглядел на него испытующе, сложив руки и постучав соединенными пальцами по щеке, опервшись локтями о подлокотники.

— Я начинаю не на шутку волноваться, Алари, — вполголоса признался священник. — Мы проводили собеседования с тьмой кандидатов, но ни один из них не под стать Джедаилу. О, кое-кто получше в том или в этом, но в среднем, никто из них не перетягивает.

— А как насчет того, с которым беседовали нынче утром? — спросил Морган. — Как биши его? Отец Беной? Он мне показался вполне подготовленным.

Дункан покачал головой.

— Прекрасный священник, но слишком наивен, ему не справиться с положением дел в Меаре. Он — тот, кого следует держать в уме на будущее, и можно назначить его на какой-нибудь вспомогательный пост в епископстве, но нам сейчас от этого мало проку. Нет, что нам нужно — так это хороший кандидат, который устроит всех, а я не уверен, что такой имеется. Он должен быть человеком короля, но также хоть немного разбираться в меарских делишках. Те, кто, кажется, удовлетворяют обоим требованиям, либо слишком молоды, либо чересчур неопытны. Полагаю, они и не могут быть такими, как Арилан: помощник епископа в тридцать пять и собственный епископат до сорока.

— Я тоже полагаю, что нет, — сказал Морган. Он задумчиво потянул вино, затем наклонил голову к Дункану. — А тебе не приходило в голову, что епископы, пожалуй чересчур быстро расширили число епархий? Восстановили три старых престола, а упразднили только один. Не для того ли, чтобы вы исчерпали запас тех, кто годен к продвижению? Вдобавок, вы потеряли — сколько? — четырех епископов за последние два года. Пятерых, считая Лориса.

Дункан поморщился.

— Это благословение, а не потеря, кузен. В любом случае, он надежно заточен в Святом Айвиге, так что думаю, нам не стоит беспокоиться.

— Будем надеяться. А сильно ли он замутит воду, если он выберется?

— И не думай о таком. Говорят, он ни на йоту не переменился, — продолжал Дункан более доверительным тоном. — Я слышал, у него чуть не случился удар, когда он услыхал, что Арилан назначен епископом Джассы.

— В самом деле?

— О, не прикидывайся удивленным, — ответил Дункан игристо. — В конце концов, кто из так называемых мятежных епископов главный виновник его падения? Даже если Лорис не знает наверняка, что Арилан — Дерини. Подумай только: подозреваемый на одном из старейших в Гвиннеде престолов. Для Лориса было бы достаточно скверно, если бы тот просто остался помощником епископа в Ремуте.

И словно одно упоминание имени Арилана призвало его, в этот же миг отворилась дверь, и через порог шагнул епископ Денис Арилан, за которым следовал Кардиель. Эти двое выглядели необычайно довольными собой, в то время как Дункан и Морган освобождали их от намокших плащей. Кар-

диель, стряхнув капли с серо-стальных волос и пригладив короткие прядки над ушами обеими ладонями, сел в кресло, которое пододвинул ему Морган. Когда темноволосый Арилан тоже сел, подавшись вперед и принявши лениво пошевеливать в огне кочергой, Кардиель взглянула на Дунканна, который ставил новые чаши на горячие камни близ кувшина с подогретым вином.

— Дункан, к тебе только что прибыл гонец. Он во внутреннем дворике, — сказал он. — Парнишка в твоей герцогской ливрее. На его выючной лошади поразительное число свертков.

Усмехнувшись, Дункан передоверил свои обязанности хозяина Моргану и поднялся.

— Что же, полагаю, они меня нашли. Недаром я боялся, что вся почта свалится на меня, если я слишком надолго застряну в Кулди. Нельзя ли мне на минутку выйти, сударь? Похоже, мне действительно нужно взглянуть, что он привез.

Кардиель ничего не сказал, дав разрешение одним взмахом руки, но, когда Дункан покинул помещение, Моргана снова поразило ощущение чего-то, бурлящего в глубине, второй намек, который он уловил после того, как эти двое вошли, такие довольные собой.

Он размышлял об этом, вручая Кардиэлю дымящуюся чашу, убежденный, что Кардиель — главный источник сигнала, но он даже и помыслить не посмел, не копнуть ли глубже, ибо рядом сидел Арилан. Епископ-Дерини мигом догадался бы, если бы он или Дункан применили свою мощь на такой лад, какого бы он не одобрил — а порой, казалось, — вообще, на любой лад. В последнее время Моргану часто становилось не по себе даже находиться поблизости от Арилана.

— Что же, я рад, что гонец прибыл к Дункану именно теперь, — сказал Кардиель, пока Морган передавал Арилану вторую полную до краев чашу. — Нам нужно кое-что обсудить с тобой наедине очень быстро, пока он не вернулся. Что ты думаешь насчет посвящения Дунканна в епископы чуть раньше, чем мы намечали?

Морган едва не уронил чашу, которую наполнял для себя.

— Но ведь не думаете же вы сделать его епископом Меары?

— Нет, нет. Не Меары, — быстро уверил его Кардиель. — Просто моим помощником, как мы уже решили. Однако, мы нашли кандидата для Меары. И если его предлагать, помочь Дунканна понадобится мне еще больше прежнего.

Морган и не пытался утаить вздох облегчения. Все еще легко качая головой, он подтолкнул трехногий табурет поближе к собеседникам и сел спиной к огню.

— Иисусе милосердный, признаюсь, я на миг подумал, что вы не в себе. Вы действительно собираетесь обойти Джедаила?

— Не совсем, — отозвался Кардиель. — То есть, мы не собираемся посвящать кого-либо в епископы вместо него. Нам с самого начала было ясно, что у любого епископа, который не по нраву меарцам, будет хлопот полно рот, когда он примется изучать свои обязанности и пытаться совладать с меарской недружелюбностью одновременно. Но, положим, мы назначим в Меару того, кто уже имеет опыт? Это с самого начала разрешит половину задачи.

— Значит, вы переведете туда человека, уже служившего епископом, — догадался Морган, быстро прокручивая в уме список прелатов.

Арилан опустил чашу и кивнул.

— Верно. И Джедаилу не на что обижаться, если мы поставим на это место человека, который уже знает, как управлять епархией.

— Однако все епископы диоцезов уже при деле, — сказал Морган, еще больше озадаченный. — Где вы собираетесь взять этот образец совершенства?

Кардиель улыбнулся.

— Это Генри Истелин, помощник Брадена.

— А-а.

— Он уже потихоньку делает уйму работы за Брадена последние два года, — сказал Арилан. — Более того, когда его еще только сделали разъездным епископом несколько лет назад, он проводил немало времени в Кирни и пограничных землях.. Вероятно, он знает тамошний народ лучше, чем кто-либо, не считая самого Джедаила... Или, разумеется, Дункана. Но мы уже договорились, что его надо занять чем-то другим.

Морган задумчиво кивнул. Для гвиннедцев выбор Истелина имел огромный смысл... но просто избрание теоретически пригодного кандидата не уничтожало весьма вероятных жителей последствий, которые не замедлили бы сказаться, как только в Меару направили бы кого-нибудь, кроме Джедаила.

— Вы взваливаете на Истелина тяжкую ношу, — сказал Морган. — Что побуждает вас думать, что меарцы его примут? Они спят и видят во сне Джедаила.

— Это верно, — согласился Арилан. — Однако, даже несмотря на их возражения...

— Которые, как вы знаете, посыплются градом, если кто-то другой...

— Даже несмотря на их возражения, — продолжал Арилан, — слишком поздно в такую пору предпринимать ско-

лько-нибудь крупный военный поход с тем, чтобы его изгнать. Ратаркин будет достаточно надежен всю зиму, если мы оставим ему подразделение епископской стражи для поддержания порядка. А если король предпримет поход на Меару в ближайшем году...

Видя, что у Моргана по-прежнему сомневающийся вид, Кардиель сокрушенно развел руками.

— Нет и не предвидится совершенного кандидата, Аларик... Такого, который удовлетворит все группировки. И мы бы, конечно, могли найти немало таких, кто похуже, чем Истелин. Да, кстати, когда должен вернуться король? Естественно, нам хотелось бы договориться с ним, прежде чем мы вздумаем что-либо провозглашать.

Морган поднял бровь, все еще не убежденный.

— Я слышал нынче утром, что его следует ожидать через несколько дней. Он направляется на север, чтобы повидать графа Траншийского.

— Траншийского... То есть — Макардри? — спросил Кардиель.

Арилан понимающе кивнул.

— Я помню, как его младший сын воспитывался при дворе несколько лет назад: смышленый паренек, примерно, одних с Келсоном лет. Как его звали?

— Дугал, — ответил Морган. — Келсон явно натолкнулся на него где-то у Трурилла и решил поскакать с ним обратно в Траншу, дабы нанести визит вежливости старику.

— Ну, полагаю, несколько дней не составят большой разницы, так или иначе, — сказал Кардиель. — Еще нужно уточнить всякие мелочи касательно Истелина... Например, выяснить, а желаает ли он, вообще, ехать в Меару. Предполагается, конечно, что у Келсона нет возражений.

Прежде чем Морган успел ответить, из галереи снаружи ворвались резкий крик и шум драк, а затем он услышал мысленный призыв о помощи. Дункан!

Морган вскочил на ноги и бросился туда, прежде чем другие успели даже взглянуть в направлении шума. Очутившись в галерее, он сразу увидел, что Дункан борется с кем-то в дальнем ее конце, но, пока он туда бежал, Дункан уже отпустил тело своего противника, и оно скользнуло на пол. Повсюду виднелась кровь.

— Надеюсь, ты...

— Не касайся меня, — выдохнул Дункан, прижимая окровавленную правую руку к окровавленной сутане и оседая на колени. — На клинке была мераша. — Он бросил затуманен-

ный взгляд на неподвижного противника. — Господи, боюсь, я его убил.

Мераша. Само это слово побудило Моргана отпрянуть и вспомнить на миг часовню, которой больше нет, колючку на вратах алтарной преграды и ужас от того, что он — во власти дурмана, что его сила его не слушается, что он отдан на милость тех, кто убьет его за то, что он таков, каков есть. Дункан вытащил его оттуда и ухаживал за ним неустанно весь самый жуткий период его болезни, но из памяти тот случай полностью не изгладился, особенно последний неотступный образ столба, обернутого цепями, который они миновали, когда уходили. Столб предназначался для него.

— Тем хуже для него! — воскликнул Морган, перешагивая через труп, чтобы осторожно присесть на корточки близ раненого священника. — Куда он тебя ранил? Это твоя кровь?

Привлеченные шумом, в коридоре начали скапливаться зеваки: слуги, священники и даже несколько стражей со двора, так что Кардилю и Арилану пришлось проталкиваться к Дункану. А тот, белый, как простыня, лишь качал головой и втягивал воздух сквозь стиснутые зубы, осторожно раскрывая правую ладонь. Она была разрублена почти до кости в миг, когда он попытался защититься ею от ножа противника, но куда более жуткой была волна едва уловимого темного смятения, которое он излучал — Морган наткнулся на нее, непроизвольно начав мыслепроникновение, и быстро остановился.

— Осторожней с клинком, — предостерег Морган, хотя Арилан уже остановился: он тоже почувствовал присутствие недоброго зелья.

Стараясь не касаться крови, в которой вполне могло оказаться зелье, способное их одурманиить, двое Дерини склонились над мертвым убийцей.

Ярко-алое пятно запачкало спереди синюю ливрею Кассанов, и такая же алая лужа растекалась, дымясь, по холодному камню под телом — алый поток бежал из-под безбородой нижней челюсти. Парнишке с окровавленным лицом было на вид не больше четырнадцати.

— Мальчик, — пробормотал Кардиль.

— Бог свидетель, мне ничего другого не оставалось, — прошептал Дункан, вновь сомкнув ладонь и обвалившись назад, на пятки. — До самого момента, когда он меня ударил, я думал, что все обойдется.

— Ты не знаешь его? — спросил Арилан.

— Нет, но я вряд ли признал бы каждого пажа или 48 оруженосца, который мне служит. И еще... еще поскольку

во мне — мераша, я боялся, что если не убью его, пока еще в состоянии, он сможет одолеть меня, когда зелье меня вконец одурманит. Зачем он это сделал?

Морган покачал головой, осторожно потянувшись к мальчику разумом, и одновременно приложив ладонь к его затылку, где было куда меньше крови. Иногда оказывалось возможно кое-что прочесть в мозгу умершего, если он только мертв не слишком давно, но Морган не отыскал ничего, кроме нескольких зыбких образов из детских воспоминаний, угасших, пока он их читал. В то время как Арилан и какой-то монах собирали рассеянные депеши, он тщательно обыскал труп на случай, не попадется ли что-то, что помогло бы определить, что это за мальчик и откуда, но нет, ничего не нашлось. Дункан начал покачиваться, когда Морган снова взглянул на него, голубые глаза жутко остекленели, и Дункан напряг всю свою волю, чтобы не дать им закрыться. Кардиэль обвил рукой его плечи, чтобы поддержать, но было очевидно, что Дункан стремительно уносится в бездну, развернутую мерашей. Кто бы ни был убийца, он знал, что идет охотиться на Дерини.

— Томас, почему ты не заберешь Дункана к себе и не осмотришь его рану? — негромко предложил Арилан, коснувшись ладонью плеча Кардиэля и обняв взглядом их всех, включая и Моргана. — Я присмотрю, чтобы здесь убрали, и попытаюсь что-нибудь узнать об этом юном убийце.

Кардиэль кивнул, и они с Морганом помогли Дункану встать.

— Отлично. Можешь выяснить вместе со стражниками, кто впустил мальчика в монастырь. Возможно, кто-то узнал его. Любопытно было бы также установить, был ли он тем гонцом, которому вручили депеши, или настоящий посланец лежит убитый где-нибудь в канаве... или с него, по меньшей мере, стащили ливрею.

Дункан полностью обмяк ко времени, когда Кардиэль замолчал, и Морган с архиепископом вдвоем понесли его назад в епископские покои. Час спустя, умытый и перевязанный, Дункан крепко спал в своей постели, а изнуренный Морган быстро наложил на себя чары, снимающие усталость.

— Я попытаюсь исцелить его утром, когда самое худшее будет позади, — прошептал Морган, отворачиваясь, наконец, от кровати Дункана. — Скверная рана, но не думаю, что было бы удачной мыслью сейчас совать пальцы в мерашу.

Его руки дрожали, когда он принимал чашу воды, поданную ему Кардиэлем, ибо проникновение в одурманенный разум Дункана было тяжким испытанием, как духовно, так

и телесно, ибо вынудило его основательно вспомнить свой собственный ужасный опыт. И ему еще грозили приступы страдания, если только он как следует не обуздает свой разум. Он знал, что в течение нескольких ночных ему еще предстоят кошмарные видения.

Но прикосновение Кардиеля к его плечу выражало искреннее сочувствие и даже понимание, пока архиепископ вел Моргана к одному из кресел с подушками у очага. Морган догадался, что Кардиель вспоминает свое собственное участие в той старой истории, в самом ее конце, когда Морган с Дунканом явились к нему и Арилану в Дхассе и открыли все в страстной исповеди, стремясь заключить мир с церковью, от которой их отлучили за то, что они совершили, чтобы спастись.

Морган сидел и молча потягивал вино в течение нескольких минут, невидящим взглядом вперившись в огонь и чувствуя, как внутри постепенно распрямляется пружина, затем откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза и думал, пока не вернулся Арилан. Чары, изгоняющие усталость, казалось, не действовали должным образом, хотя он и повторил их несколько раз.

— Я порасспросил кое-кого из стражи, — сказал епископ-Дерини, присаживаясь рядом с Морганом после того, как зашел в спальню и взглянул на пациента. — Очевидно, мальчик прибыл из Баллимара, что на северном побережье. Он воспитывался в доме герцога Джареда, затем некоторое время служил пажом у одного из местных баронов, но его уволили. Один из моих осведомителей, кажется, полагает, что это связано с его сочувствием Меаре.

— С его сочувствием Меаре? — пробормотал Кардиель. — И сколько же ему лет?

— Больше, чем на вид, — ответил Арилан. — И достаточно много, чтобы он был готов заплатить жизнью за свои действия. Но вот чего я не понимаю, это почему он пытался убить Дункана. Здесь дело не в Меарском епископате. Всем известно, что Дункан не выдвигался кандидатом.

Дункан и Меара. Внезапно Морган выпрямился в кресле, вспомнив, как они с Дунканом наблюдали беседу между Джедаилом и старым Креодой. Они предположили, что Джедаил закидывает удочки насчет вожделенного диоцеза. И теперь Моргану пришло в голову нечто, косвенно связанное с желанным для Джедаила постом, но такое, мысль о чем еще больше пробирала холодом.

— Нет, речь не об епископстве. Во всяком случае, не напрямую, — тихо произнес он, воскрешая в памяти для надежности генеalogическое дерево. — Но Дункан — герцог Кассан и

граф Кирни. То есть, почти суверенный владелец на своих землях. А земли эти не всегда назывались по-нынешнему.

Темно-фиалковые глаза Арилана засветились внезапным пониманием.

— Другая половина древней Меары, — сказал он, кивая. — А что, это послужило бы мощным основанием, если бы кто-то хотел отколоться от прежнего владельца и провозгласить себя независимым государем. Воссоединение двух Меар!

— А у Дункана нет прямого наследника, — добавил Кардиель, уловив, к чему они клонят. — Кто наследует ему по закону, Аларик? Ты? Вы ведь кузены, не так ли?

Морган скрочил рожу.

— Боюсь, у нас недостаточно близкая степень родства... И это скверно не из-за того, что я жажду приобрести больше титулов и земель, но из-за того, что кое-кто, небезопасный для нас, имеет больше прав, чем я. Их, собственно, трое, хотя я до нынешнего часа думал только о двух. Ни у отца Дункана, ни у его деда не было братьев, но у его деда было две сестры. Младшая, моя бабушка по отцу, родила одного сына — моего отца. Однако у старшей тоже родился сын. И он женился на принцессе Анналинде Меарской.

— На двойняшке славной королевы Ройзиан, — прошептал Кардиель. — То есть, старший сын Кэйтрин — наследник Дункана!

Морган кивнул.

— Итак; а за ним его брат Алюэл. Дочь не считается, хотя, роди она сына, он бы шел в счет, если бы не оказалось наследников у ее братьев. — Он умолк, чтобы увлажнить губы, а между тем оба епископа выжидающе глядели на него. — Итак, вам все еще неясно, кто же третий наследник. — Он вновь помедлил. — У Кэйтрин тоже была сестра, а у этой сестры — сын. И кто же это, если не наш добрый отец Джедаил из Меары?

У Кардиеля недоумевающее отвисла челюсть. Арилан шлепнул раскрытой ладонью по своему креслу и негромко выругался.

— Обратите внимание, я не говорю, что он имеет какое-то отношение к нападению на Дункана, — продолжал Морган. — Я просто указываю, что если бы убийство удалось, Джедаил и его родня, разумеется, выиграли бы. Все, что мы действительно знаем о его устремлениях, — это то, что он страсть как хочет стать епископом Меары. Если бы один из его меарских родичей был герцогом Кассаном и графом Кирни, это им пришлось более чем кстати. Епископу Баллимара ничего не осталось бы,

кроме как поддержать кандидата, предпочитаемого его новым герцогом: кузена Джедаила. А если Джедаил станет епископом, это прибавит его тетушке рычагов для восстановления престола Меары — объединенной Меары, после того, как она умрет, и ее сын получит ее наследство на юге. Действительно, ловко.

— Дьявольски хитро, если вы спросите меня, — пробурчал Кардиель, — не говоря уже о том, что пахнет изменой. Денис, мы ведь наверняка можем что-то сделать. Не стоит ли нам позвать сюда Джедаила и порасспросить его?

Арилан рассмотрел это предложение, рассеянно покачивая взад-вперед свой нагрудный крест на цепочке, затем опустил взгляд.

— На каком основании, Томас? Мы проводили собеседования с этим человеком битую неделю. Если только не считать его самолюбия, он так чист, что буквально сияет. То, что сейчас обрисовал герцог Аларик — только теория — неправдоподобно блестательная, если бы мы были меарцами — но у нас нет доказательств, что такое пришло в голову Джедаилу.

— А, ну тогда используй свою магию, чтобы установить, что и как! — взорвался Кардиель. — На что она тебе, если ты ее не применяешь?

Арилан кротко вздохнул, готовясь развернуть доводы, которые так часто служили ему, когда он пытался объяснить Кардилю насчет Дерини.

Морган с трудом подавил зашевелившееся искушение. Ему и прежде приходилось бороться с собой из-за подобных соблазнов, и не всегда успешно.

— В конце концов, это вопрос этики, — произнес вдруг Арилан, словно откликаясь на мысли Моргана. — Я использовал свою силу всю неделю, Томас, чтобы поймать тех кандидатов, которые лгут касательно своей подготовки. И это я мог проделывать незаметно для них, не разоблачая себя как Дерини. — Он улыбнулся. — Кроме того, они подозревали Дункана, что он Дерини, и это заставляло их вести себя честно: они все думали, а не читает ли он их мысли, чего он, конечно, не мог в тех условиях — но они-то не знали.

— Тогда пусть присутствует Дункан, если ты считаешь, что нужна приманка, — не уступил Кардиель. — Или Аларик, поскольку Дункан временно вышел из игры. Уж вдвоем-то вы сможете добраться до истины.

— А если он, действительно, просто набожный человек со священническим честолюбием, но далекий от мирских дел? — спросил Арилан. — Тогда мы наживем еще одного врага для

— Тогда, если окажется, что он невиновен, заставь его потом обо всем забыть!

— А здесь мы уже действительно вступаем на зыбкую почву, — откликнулся Арилан. — Предпочтение это одно. Использовать нашу магию, чтобы определить, не лжет ли человек, вполне пра-вомерно, поскольку здесь нет насилия над чужой волей. А вот заставить кого-то сказать правду... Гм. Думаю, здесь требуется больше, чем смутное подозрение, что кто-то может что-то скрывать. Равно как и повелеть ему все забыть. Иногда такие меры оправданы, если речь идет о жизни и смерти, или когда кто-то сам этого хочет, но где проходит граница?

— И ты, выходит, настолько не уверен насчет границы? — заметил Кардиель.

— Разумеется. По меньшей мере, я молю Бога, чтобы мне не узнать искушения перейти ее и злоупотребить своей силой. Но как раз недостойное применение силы определило картину последних двух сотен лет. И Камберианский Совет был образован, чтобы этому воспрепятствовать.

Тут Морган пристально взирался на него, ибо Арилан тщательно избегал разговоров о загадочном Камберианском Совете последние два года. Его взгляд явно напомнил Арилану, что он коснулся того, о чем лучше не говорить людям, даже таким близким, как Кардиель. Епископ-Дерини умолк, чтобы собраться с мыслями, и покачал головой, положив ладонь на плечо Кардиелю.

— Послушай меня, Томас. Я польщен твоим доверием, но не стоит думать, будто все Дерини — вроде меня, Аларика или Дункана, а не то ты однажды попадешь в беду. Мы всегда вели себя очень осторожно, дабы не совершить ничего, что могло бы тебя слишком напугать, но ты должен признать, что мы не раз и не два заставили тебя побеспокоиться — а ты знаешь нас и доверяешь нам. Подумай о тех, кто не руководствуется строгими правилами, вроде наших. Сколько раз нужно злоупотребить силой, чтобы породить Кариссу? Или Венцита Торентского? Или Междуцарствие? Аларик знает, о чем я говорю. Правда, Аларик?

Морган нехотя согласился, хотя порой щепетильность Арилана казалась ему такой окостенелой, что того гляди — сломается. Но не стоило при Кардиеле возвращаться к старому спору. Конечно, Кардиеля еще требовалось основательно убеждать, но, в конечном счете, он тоже вынужден будет признать, что привлекать Джедаила к допросу преждевременно.

— Думаю, Келсону нужно будет сообщить о случившемся, — упрямо заметил Кардиель. — И не думаю, что это

стоит откладывать дня на три-четыре, пока он не вернется. Все было прекрасно, пока мы просто беседовали об Истелине, но теперь...

Здесь хотя бы Морган мог решить вопрос по-деринийски.

— Не вся наша мощь под запретом, ваше преосвященство, — спокойно вставил он. — Возможно, что мне удастся дотянуться до Келсона, когда он будет спать нынче ночью. Для него это будет неожиданностью, но я попытаюсь. — Кардиель радостно кивнул, и Морган продолжал. — Если не выйдет, я отправлюсь в Траншу с утра, после того как осмотрю Дунканна... Или вы можете предложить что-то получше, сударь? — осведомился он, покосившись на Арилана.

Епископ-Дерини покачал головой.

— Нет. Не могу. Учитывая, насколько тесно вы с Келсоном связаны, я отнюдь не удивлюсь, если твоя затея удастся. Однако я также знаю, насколько трудно образовать зацепку на подобном расстоянии и без подготовки с обеих сторон. Если не получится, мы дадим тебе время, которое потребуется, чтобы попасть туда физически.

Вера Арилана в его способности помогла Моргану притупить негодование по поводу необходимости отказаться от допроса Джедаила, но теперь, когда на ближайшие несколько часов определилось, чем ему заниматься, Моргану требовалось немного побывать одному.

Как только он удостоверился, что Дункан спит поспокойнее, и на миг проник в сон священника, чтобы сделать его еще крепче, он простился с обоими прелатами и направился к себе. Он старался не думать о том, как близко оказался Дункан от смерти, и о той беспомощности, которая одолела Дункана под действием мераши, сосредоточившись вместо этого на спокойствии, какое требовалось, если он рассчитывал добиться до короля.

Но помеха сосредоточению в виде Джедаила Меарского подстерегала его, когда он проходил мимо открытой двери часовни в крыле для гостей. При виде его Морган весь напрягся, мысленно кляня себя за то, что, вообще, заглянул внутрь. Джедаил и другой священник, смутно знакомый на вид, как раз выходили в коридор. Искушение хотя бы проверить, слышал ли Джедаил о нападении на Дункана, оказалось слишком велико.

— Ваша светлость, — пробормотал Джедаил, когда Морган показался в дверях и преградил ему выход — само почтение и придворная услужливость перед защитником короля.

— Отец Джедаил, — обратился к нему Морган, — я хотел бы спросить, могу ли перекинуться с вами словечком-дру-

гим наедине, — и бросил пристальный взгляд на спутника Джедаила спутника. — Полагаю, мы могли бы вернуться в часовню.

Джедаил был озадачен и несколько встревожен, но достаточно охотно согласился. Когда стремишься к высокой должности, на которую утверждает король, не стоит отклонять приглашение близкого друга короля. Он бесстрастно наблюдал, как Морган закрывает за ними дверь часовни, а затем наклонил голову и пошел впереди Моргана по короткому нефу, когда Ала-рик указал рукой в тот конец часовни. Оба преклонили колени и осенили себя крестным знамением, когда приблизились к алтарной преграде и расположились на скамье для коленопреклонения, тянувшейся вдоль преграды. Морган склонил на миг голову, как бы в молитве, дабы возбудить у Джедаила любопытство и заставить теряться в догадках, затем поглядел на священника искоса.

— Полагаю, вы знакомы с моим кузеном, отцом Дунканом Маклайном, — негромко заметил он.

Джедаил вскинул голову и посмотрел на Моргана.

— Ну, я знаю, что он секретарь архиепископа Ремутского, ваша светлость. Он ведет записи собеседований на этой неделе.

— Именно так, — пробормотал Морган раскрывая свой разум для правдоцтвия. — А вам известно, что нынче вечером, совсем недавно, на него набросился мальчик с ножом?

При этой новости у Джедаила округлились глаза, затем он быстро укрылся за маской озабоченности.

— Отец Маклайн священник, как и я, ваша светлость, — сказал он полуслепотом и почти без выражения. — Печально слышать, что кто-то совершил такое святотатственное посягательство, но куда больше меня огорчает мысль, что вы можете считать, будто я к этому так или иначе причастен.

— Так значит, вы даже ни о чем не знали? — спросил Морган, несколько ошарашенный — ибо убедился, что собеседник говорит правду.

— Нет, ваша светлость.

— Понятно.

Абсолютно никакого понятия. Джедаил действительно не знал ни о чем. В течение нескольких секунд Морган испытывающее глядел в глаза священника, ничего не делал, просто глядел, хотя Джедаил мог истолковать это как ему угодно, и неплохо бы, чтобы он достаточно перепугался, дабы ненамеренно выдать какие-нибудь новые сведения... Но Джедаил встретил его взгляд не более напряженно, чем любой другой, на кого взорится Дерини, и кто не представляет себе, насколько далеко просятся возможности собеседника.

— Тогда еще один вопрос, — сказал Морган, тщательно подбирая слова. — Когда вы в последний раз получали вести от вашей тети?

Джедаил даже не моргнул.

— На прошлое Рождество, ваша светлость. А почему вы спрашиваете?

На Рождество, задолго до того, как освободилось место епископа Меарского, отметил про себя Морган. И Джедаил не хитрил и не увиливал. Он не только ничего не знал о покушении на Дункана, но, кажется, вообще, не был вовлечен ни в какие махинации, которые могла затеять его тетка с тем, чтобы обеспечить ему епископство, хотя, разумеется, у Джедаила имелись и свои честолюбивые мечты. Однако Морган не дерзнул продолжать поиски. Джедаил выглядел все более встревоженным, и единственным способом идти дальше было бы произвести глубокое принудительное чтение мыслей... За что Арилан, вполне вероятно, спустил бы с него шкуру, и даже не за само чтение, за один намек — после той лекции, которую прочел Карадилю.

— Очень хорошо, отче. Тогда я вас покидаю. Благодарю, что уделили мне время. Если у вас есть желание спасти чью-то душу, можете помолиться за мальчика с ножом. Боюсь, он умер без отпущения грехов.

Он медленно и нарочито перекрестился, не отводя глаз от Джедаила, затем поднялся и двинулся обратно вдоль нефа. Джедаил все еще стоял на коленях, спрятав лицо в ладони, когда Морган обернулся в дверях.

Затем он некоторое время гулял, проигрывая в уме то, что узнал, после чего спросил у стражи, что сделали с трупом убийцы, покушавшегося на Дункана. Тело лежало в лечебнице, покрытое одеялом, и Морган некоторое время глядел в лицо мертвому мальчику, ломая голову, кто подослал его.

Глава четвертая

...напоил нас вином изумления¹

Dальше на северо-восток от Кулди, недалеко от побережья, начали сгущаться ранние сумерки, когда Келсон и его спутники понукали своих усталых коней на последнем участке пути в замок Транша, поплотнее завернувшись в плащи от все учащающейся кочевой мороси. Дугал, ехавший рядом с королем, задал им прорвную рысь после того, как они нынче утром расстались с трурилским дозором, дабы они очутились в замке его отца до темноты. Но скачка замедлилась, когда подъем стал круче. Дугал напряженно вглядывался в серую морось впереди, пока неясная громада не обозначилась, а затем постепенно не обрела четкие очертания каменного замка, почти черного на фоне темнеющего неба. Юный лорд из пограничья ухмыльнулся, искоса поглядев на короля.

— Считай, уже приехали, — радостно произнес он. — Управляющий моего отца, наверняка, уже все подготовил. Видишь ли, весь последний час за нами наблюдали.

— Вот как?

Несколько ошеломленный и растерянный, Келсон повернулся и вопрошающе поглядел на Дугала, ибо он прочесывал окрестные горы и скалы своим деринийским чутьем примерно около часа и ничего не обнаружил.

— Не тревожься, — усмехаясь, продолжил Дугал. — Я тоже никого не видел. Но понимаешь ли, я еще не так опытен, как Къярд. Он дал мне знак, когда мы в последний раз остановились отдохнуть.

Къярд. Разумеется. Кроме Дугала, это — единственный из людей Макарди, который разъезжает с трурилским дозором, так что, конечно, он где-то здесь. Келсон хорошо помнил его со вре-

¹Псалтирь 60:5

мени, когда юный Дугал воспитывался при дворе. Задумчиво оглянувшись на горца средних лет, ехавшего за несколько человек от них, он вспомнил, как ему говорили, что Киара О'Руан был вскоре после рождения Дугала назначен его личным спутником и телохранителем по приказу самого вождя Макардри. И Келсон не помнил, чтобы тот когда-либо оказывался далеко от своего подопечного. Почти сверхъестественные способности этого человека и в былые времена озадачивали Келсона; а деринское сверхчувствство, обретенное со временем их последней встречи, не проливало света на загадку.

— А, Кьярд, так я и думал, — пробормотал Келсон в сторону Дугала, когда тот опять сосредоточился на сужающейся дороге впереди. — Полагаю, дальше ты мне скажешь, что в этом ему помогает Второе Зрение жителей Пограничья, о котором ты давеча упоминал.

— Да, ты все правильно понял, — отозвался Дугал, снова прыснув. — Впрочем, тебе и впрямь не стоит беспокоиться. Я лично ручаюсь за верность моих людей — хотя, должен предупредить тебя: не нужно удивляться, если прием сперва покажется тебе несколько прохладным. Даже если бы ты не был королем: ты — с равнин. И то, и другое усложняет дело здесь, на крайнем западе.

«А то, что я Дерини, еще больше усложняет», — мысленно добавил Келсон, хотя Дугал этого и не сказал. Несмотря на заверения Дугала, он не мог избавиться от слабого зуда между лопаток.

Воздух все больше отдавал солью по мере того, как они приближались к наружным укреплениям замка, а чайки, вопящие над головой, словно пытались противопоставить свою песнь глухому постукиванию облепленных грязью копыт и приглушенному позвякиванию сбруи. Эван и Конал следовали непосредственно за намокшим от дождя знаменем Хаддейнов, звонко шлепавшим по перчатке Конала, и порой взлетающего по ветру достаточно, чтобы рассмотреть изображение на нем.

Дугал посоветовал им не сворачивать знамя, чтобы их не приняли за кого-нибудь другого. Остальные в отряди также ехали парами: Кьярд с одним из слуг Эвана, а затем Джодрелл, Трэгерн и все прочие: рыцари, оруженосцы и слуги.

Они подъехали на расстояние верного выстрела из лука к наружной куртине, прежде чем Келсон наконец заметил часовых наверху, сдав виднеющихся на фоне серого неба. Отблески факелов мелькали в нескольких бойницах, прорубавших камень навесной башни, где явно присутствовали и люди — это подозрение подтвердило деринское чутье Келсона — но ни-

кто не обнаруживался поблизости. Отряд замедлил движение, почти остановившись, когда подъехал к воротам.

— Они знают, кто вы, но не понимают, почему вы здесь, — пробормотал Дугал, когда тяжелые створки распахнулись наружу, а цепи залязгали, скользя по вращающимся барабанам лебедок. — Не стоит упрекать их за осторожность.

— Согласен.

Как только спускная решетка поднялась чуть выше головы, Кьярд направил своего пони мимо прочих, тот застучал неподкованными копытами и нырнул в проем ворот. По пути всадник выхватил факел из кольца в стене и с ним поскакал по мостику, опустившемуся надо рвом. На другой стороне рва Кьярд придержал пони и оглянулся на остальных, взмахом руки приглашая последовать за ним, и Дугал тут же ударили пятками в бока своего пони. Келсон поглядел наверх, когда вместе с другими ехал за Дугалом через передние ворота, и был вознагражден зреющим краснощекой физиономии, наблюдавшей за ними в потайное отверстие в потолке. Обладатель физиономии кивнул и прикоснулся двумя пальцами к своей горской шапочке, прежде чем исчезнуть, но Келсон почувствовал, что приветствие равно относится к нему и к Дугалу.

Приглушенный цокот копыт по мостику сменился более гулким постукиванием железа о кремень, когда они очутились по ту сторону рва, за которым располагались новые укрепления, и стали подниматься, Келсон подумал, что если какой-либо замок возводился с расчетом полностью использовать все преимущества местности для обороны, то это Транша.

Дорога, вившаяся серпантином налево, быстро стала крутой, узкой и небезопасной, со стороны моря холм так круто обрывался навстречу гремящему внизу приливу, что дух захватывало. С правой стороны, где ничто бы не защитило их, на сорок футов над их головами вздымалась главная башня, промежутки между зубцами стены обеспечивали все удобства для обстрела подступающего врага. Ширина дороги только-только позволяла проехать бок о бок двум местным пони, но огромные скакуны Халдейнов вынуждены были выстроиться цепочкой.

Чайки вылетали из-под туч, чтобы получше рассмотреть пришельцев, и поворачивали прочь с рассерженными криками, чуть фыркнет лошадь или хлопнет по ветру плащ. Запах моря был крепок даже после того, как они миновали вторые, внутренние, ворота.

— Дайте огня для молодого хозяина и его гостей! — вскричал Кьярд, развернув пони по кругу и размахивая факелом, пока вновь прибывшие въезжали во двор. — Это я, Кьярд 59

О'Руан. Молодой хозяин дома! Где Кэболл Макардри? Эй, дайте огня, говорю вам!

Его призыв удостоился незамедлительного отклика. Как только по всему периметру двора заполыхали факелы и везде заслышались голоса, прибежал едва дыша, помощник конюха и поспешил принять у него пони. Келсон сидел на своем копне-великане рядом с пегим пони Дугала, глядя, как к ним шагает Къядр.

Позади останавливались, подъезжая, все остальные члены отряда, но Келсон дал им знак оставаться в седле, пока не соскочит наземь он сам. Дугал уже готов был принять у него поводья и передать обоих животных Къядру перед тем, как взял Келсона под локоть, чтобы проводить к лестнице, ведущей в главный зал.

— Эй, Кэболл! — воззвал Дугал, когда отворилась дверь зала, и по ступеням начали спускаться тесной кучкой одетые в тартан мужчины. Кое-кто из них накинул край пледа на голову от дождя, некоторые несли факелы. На шапочке идущего впереди красовалось два пера: знак вождя клана, Довольная улыбка озарила его бородатое лицо, когда он торопливо сбегал вниз навстречу неожиданным гостям.

— А, молодой Дугал!

— Управляющий моего отца, — вполголоса пояснил Дугал Келсону, пока встречающие спускались на лестничную площадку. — Кэболл, все подготовлено, чтобы оказать подобающее гостеприимство его королевскому величеству? Государь, я хочу представить вам Кэболла Макардри, моего родича, который говорит от имени клана и от имени Макардри. Как мой отец, Кэболл?

— Макардри сердечно приветствуют вас, государь, — произнес Кэболл, касаясь рукой шапочки в знак приветствия и наклоняя голову не только в сторону монарха, но и в сторону молодого хозяина. — Дугал, твой отец будет счастлив видеть, что ты столь неожиданно вернулся домой. — И опять устремил свое внимание на Келсона. — Мы не можем предложить больше, чем то, что обычно у нас принято: времени было мало. Но Макардри с удовольствием явится приветствовать вас, когда вы отдохнете, и гостеприимно приглашает вас и ваших людей нынче вечером отужинать с ним в парадном зале.

— Прошу передать Макардри, что я тоже с удовольствием встречусь с ним, — ответил Келсон, любезно склонив голову. — Мне недоставало его общества с тех пор, как он приезжал на мою коронацию, а Дугал поведал мне, что в последнее время он был нездоров. Я был огорчен, услышав это.

Управляющий скоро и небржко поклонился, с его бороды стекала дождевая вода.

— Что до удобств, — продолжал Келсон с обезоруживающей улыбкой, — то мы несколько дней провели под открытым небом, и нас обрадует любая крыша над головой и любая горячая снедь.

Кэболл словно немножко расслабился, когда опять взглянул на Дугала.

— Думаю, это мы в силах предоставить вам, государь, а, может быть, и немного больше. Дугал, мы постелем его королевскому величеству и другим, кому положено быть при нем, в твоих покоях. А прочие могут ночевать в зале с нашими воинами, когда кончится ужин.

— Тогда мы берем с собой принца Конала, — отозвался Дугал, взглядом ища одобрения у Келсона, — и, возможно, Джодрелла и Трегерна... или герцога Эвана — разумеется, если только они не предпочтут спать с воинами. Как, государь?

— Эван из Клейборна? — пробурчал Кэболл, дернув головой, чтобы обозреть людей короля. — С вашего позволения, государь, я обо всем остальном договорюсь с ним. Дугал, введи его величество под крышу, чтобы не мокнуть.

Он и его помощники промелькнули мимо Келсона, едва тот успел кивнуть; управляющего, как горца к горцу, чуть только он завидел тартан Эванова плаща, потянуло к Эвану, и при этом он, словно спохватившись, небрежно отдал честь Келсону. Короля это лишь позабавило: он привык к грубым манерам пограничного люда еще мальчиком, когда познакомился с Дугалом и теми, кто при нем состоял, но оскорбленный принц Конал остановил своего коня-великаны близ короля, не на шутку потрясенный.

— И ты что, намерен позволять ему так с собой обращаться? — спросил он громким шепотом, склоняя роняющее дождевые капли знамя Хаддейнов к голове Келсона. — Он словно слугу отпустил!

— Он спросил моего дозволения. Не устраивай сцену, — отрезал Келсон, положив руку на поводья кузена. — Он по горло занят.

— Да. Слишком занят, чтобы выказать подобающее уважение к правителю всей страны!

— Здесь нет умышленного неуважения, — возразил Келсон, — а когда стоишь под дождем, не до поклонов и речей. Я не оскорблён.

Но Конал злился, и продолжал пыхтеть и что-то бурчать себе под нос во время всего подъема по винтовой лестнице

за спиной у Дугала и Келсона, не прекратив жалоб, даже когда все трое добрались до небольшого уютного помещеньца на вершине башни. Явился оруженосец Келсона, чтобы помочь им разуться, а Конал все еще выражал свое неудовольствие по поводу местного пренебрежения чинами и званиями и закончил ядовитым замечанием касательно обстановки.

Келсон отоспал оруженосца, прежде чем преподать кузену урок, после чего извинился перед приунывшим Дугалом. Атмосфера была несколько накалена, когда эти трое начали избавляться от намокшей одежды, чтобы умыться перед ужином.

В гнетущем молчании нескольких последующих минут Келсон не мог не подметить контраста между искренним стремлением Дугала забыть о происшествии и надменной церемонностью Конала.

. Поведение кузена немало смущило короля. Вскоре возвратился оруженосец с их скучными пожитками и помог Коналу облачиться в сухой и чистый придворный костюм, слишком нарядный для обычного горского ужина, но когда Келсон попытался тактично указать на это кузену, тот возобновил свои выпады против спесивых горцев, провозгласил, что покажет им всем, что такое настоящий принц крови, и вышел, надевая на ходу серебряный венец, положенный ему по званию. Келсон послал вдогонку оруженосца, надеясь, что удастся помешать Коналу оскорбить кого-либо еще из местных, на которых он наткнется, и в молчании вытащил из своего тюка чистую шерстяную рубаху.

— Конал — ужасный зануда, не сердись на него, если можешь, — сказал он миг спустя, как только голова Дугала высунулась из горловины шафранового цвета рубахи. — Надеюсь, он просто глупит по молодости.

— По молодости? — Дугал фыркнул, его придворный лоск вмиг сменился приграничной откровенностью. — Келсон, он на год старше меня. Как бы он ни жаждал уважения, он не добьется его, продолжая в том же духе. К тому же, он второй по праву престолонаследия.

Келсон присел, чтобы помочь названному брату собрать складками большой килт на полу, не в силах что-либо возразить.

— Вроде бы, это верно, — сказал он, следя, как Дугал ложится на килт, чтобы обернуть его вокруг своей узкой талии. — Слава Богу, до него есть еще один наследник, его отец. А я ни разу не слышал, чтобы кто-то не по-доброму отзвался о Нигеле. Возможно, к концу будущего года, вообще, появится новый наследник. И все же ты прав: молодость не извиняет грубого поведения. Конал способен порой на дикие выходки.

Дугал, сев, чтобы заколоть плед на плече аметистом размёром с яйцо ржанки, внезапно поднял глаза от драгоценной пряжки и возвился на короля.

— Что еще за новый наследник? Келсон, ведь ты даже не помолвлен, верно?

— Нет, нет, не в этом дело, — ответил Келсон, хмыкнув. — Но не делай такое жуткое лицо. Мне семнадцать, и я король. Мне положено найти жену. Нигель и тетя Мерауд говорят мне об этом больше года, и примерно столько же времени — Морган.

— И Морган?

Келсон задумчиво пожал плечами.

— Ну, все они, конечно, правы. Нужно обеспечить себе преемника. Я потерял счет принцессам, графиням и прочим подходящим для меня невестам, смотринны которых устраивали весь год. Любой дворянчик в Гвиннеде с созревшей для брака дочерью или сестрой от двенадцати до тридцати лет под тем или иным предлогом представлял ее ко двору. Даже Морган угрожает привезти на Крещенье какую-то Р'кассансскую принцессу, родственнику его жены.

— Его жены? — Дугал еще сильнее вперился в него, хотя теперь тоже улыбаясь. — Так вот из-за чего весь сыр-бор! Морган женился и теперь считает, что все должны последовать его примеру. И кто она?

Келсон, усмехаясь, покачал головой. Он все еще забывал, насколько в Транше никто слыхом не слыхивал обо всем, что творится в столице.

— Так ты ничего не знаешь? Но ведь ты слышал, что я сделал его своим наместником на юге, верно?

— Нет.

— А ты знаешь, что в Торенте — опять регентство? — рискнул спросить Келсон.

— Регентство? Что случилось с принцем Алроем?

— Упал с лошади. И сломал шею. Из всего, что мне удалось услышать, ясно, что это несчастный случай. Но он только-только достиг совершеннолетия. И некоторые болтают, будто я это подстроил... Точно также, как Карисса подстроила смерть моего отца.

— То есть, с помощью волшебства? — прошептал Дугал.

Келсон кивнул.

— Они не очень хорошо меня знают, правда?

— Но с чего бы это могло тебе понадобиться, если бы ты даже был... если ты даже способен извести кого-то волшебством, Келсон?

— Если ты хочешь спросить, есть ли у меня способность убивать волшебством, ответ — да. Есть и сама способность, и знания, как это делают, — спокойно произнес Келсон. — Я... Мне уже приходилось однажды на такое пускаться. Именно так я убил отца Алроя, его дядю... И еще графа Марли. Гордиться здесь нечем, но не было другого выхода. И я бы снова прибег к чарам, чтобы защитить мое королевство. — Он неловко поперхнулся. — Теперь о подоплеке. Боюсь, она тоже есть. Если на Торентском престоле будет сидеть несовершеннолетний, это снизит вероятность более серьезных столкновений, кроме обычных пограничных стычек с Торентом, хотя бы пока новый король не подрастет. Это дает мне около пяти лет, чтобы все уладить в Меаре, прежде чем опять придется отвлекаться на Торент, а то и больше. Но брата Лайема я не убивал.

— Я тебе верю, — сказал Дугал.

Эти три слова были произнесены спокойно, почти без выражения, но Келсон знал, что они правдивы. Четыре года прошло с тех пор, как они с Дугалом последний раз виделись, но он чувствовал, что прежняя близость не ослабела с годами, несмотря на все, что за это время произошло. Он взглянул на свои руки, в которых держал жизнь и смерть столь многих людей, затем тряхнул головой, понимая, что ему никогда не удастся хоть на миг мысленно отвлечься от своей колдовской силы.

— Но довольно об этом, — продолжал Келсон более воодушевленно. — Ты спросил о Моргане и его жене. Он женился на Риченде Марлийской полтора года назад, весной. У них маленькая дочка, ей скоро исполнится год. Ее зовут Бриони.

— В честь твоего отца, — пробормотал Дугал и одобрительно кивнул. — Это мне по нраву. Но Риченда Марлийская... Это не графиня Марли? Разве ты не сказал только что, что убил ее мужа?

— Да. Но она не в ответе за измену графа, — тихо ответил он. — И сын их тоже. Я утвердил юного Брэндана как графа Марли нынче летом, когда ему стукнуло шесть. Пока он несовершеннолетний, его опекает Морган, а Риченда — его регент.

— А что он скажет, когда станет старше и узнает, кто сгубил его отца? — прошептал Дугал. — Что если он тебя за это возненавидит?

— Здорово надеюсь, что к тому времени он поймет, почему мне пришлось на это пойти, — отвечал Келсон со вздохом.

Брэн Корис был одним из первых, кого я вынужден был

64 лишить жизни. К несчастью, он не стал последним. Но с тех

пор я, хотя бы, кое-чему научился... не то, чтобы была какая-то разница, если опять придется кого убивать, — он снова вздохнул с обреченным видом. — Но что сделано, то сделано. Нет смысла ворошить то, что я не могу изменить. А вот что я могу изменить — так это отношение к себе, которое встретил, когда прискакал сюда час назад.

Дугал рассмеялся, и торжественность последних нескольких минут развеялась.

— Да, если тебе это удастся, то ты и впрямь волшебник. Ты их видел, Келсон. Они — жители пограничья. Большинство из них отродясь не бывали при дворе, и не побывают. Ты не вправе ожидать, что завтра же заслужишь их уважение.

— Не завтра, что ты. Но, кажется, я догадываюсь, с чего начать.

Полчаса спустя два молодых горца покинули каморку на башне. Келсону придало вдохновения давешнее замечание Дугала насчет его длинных волос.

Он решил не замахиваться на большой килт, вроде того, который носил Дугал, ибо не больно был склонен полагаться на одежду, которая удерживалась только поясом, да еще имела столько сложных складок, — и он выбрал рыжеватый кожаный костюм Дугала: облегающие короткие штаны и куртку поверх шафрановой шерстяной рубашки, вроде той, что на Дугале. Плед Макардри: серое, черное и желтое, был брошен наискось через его грудь, наподобие перевязи и укреплен на левом плече пряжкой в оправе из серебряного кольца. Мягкие домашние сапожки из оденье кожи приятно облегали ноги. Вместо золотого обруча, который красовался у него на голове во время обычного появления на людях, он нацепил шапочку, вроде той, что у Дугала. Черные волосы, заплетенные в местную косицу, оказались на добрую ладонь короче дугаловых медных, но косица эта, вдобавок к одежде, превратила изысканного юного аристократа с равнин в темноволосого двойника сына вождя. Если только им подыграет старый Каулай...

Он услышал повизгивание настраиваемых волынок, когда последовал за Дугалом вниз по винтовой лестнице и вдоль прохода к большому залу: сперва звук этот показался ему резким и сумбурным, но вскоре из хаоса выплыл старинный приграничный напев, один из немногих, которые Келсон знал. Музыка придала ревности его шагам, когда они с Дугалом приближались к залу, и король слышал, как Дугал еле слышно настырывает в лад. Здешние оруженосцы, слуги и несколько из людей Халдейнов кружили вперемешку перед открытыми дверьми зала, но на Келсона, явившегося в обществе Дугала и переодето-

го, никто не обратил особого внимания. Выхватив факел из по-темневшей от огня подставки, Дугал повел друга через толпу, и они быстро нырнули в малоприметную деревянную дверь рядом с главным входом, при этом Дугал знаком велел ему молчать, и тут же зашагал по крутому и узкому ходу вдоль стены, за которой был большой зал. Когда они, как показалось Келсону, одолели примерно половину длины зала, Дугал остановился и отыскал две узких косых прорези, проделанных в камне под различным углом, осторожно опустил факел и придинул его поближе к стене, чтобы в зале не заметили свет. Заглядывая то в одну щель, то в другую, Келсон смог увидеть почти весь зал, хотя вход и помост в противоположном конце оставались за пределами видимости.

— Похоже, большинство твоих людей, которые не на посту, уже уселись, — пробормотал Дугал, глядя в зал вместе с Келсоном. — Впрочем, заметно, насколько они предоставлены самим себе. Явно, многое зависит от того, как тебя примут.

Келсон кивнул, изучая зал. Так как, по местному обычанию, все сородичи были более или менее равны положением, не существовало большой разницы между местами для знати и для простых воинов. Он увидел, как герцог Эван движется по залу с раздосадованным на вид Коналом, чтобы занять места за столом на помосте, — но если не считать этих двоих, почти все спутники короля сгрудились по обе стороны длинного стола, тянувшегося вдоль боковой стены, тщательно отделенные, как заметил Келсон, от членов клана и их жен. Гостеприимство, судя по всему, имело свои пределы.

В большой задумчивости он последовал за Дугалом дальше по тайному ходу и вокруг угла; наигрыш волынщиков едва ли вторгался в его мысли теперь, когда он глядел через другую косую прорезь на стол на помосте. Отсюда он был в состоянии разглядеть все у этого стола, включая и графа Траншийского.

Каулей Макардри состарился за те три года, что Келсон не видел его, но, хотя время заметно убавило подвижности у старого приграничного вождя, оно явно не затронуло прочих его качеств. Слуге приходилось помочь ему добраться до кресла за столом, ибо ходить без поддержки он больше не мог, но руки, выступавшие из рукавов тонкой шафрановой рубашки, были по-прежнему жилисты и дотемна выдублены жарким солнцем и ветрами Траншийских гор. Келсон видел, как заиграли мышцы, когда старик поднял полный бурдюк вина и подставил рот под красную струйку, так, что не пролилось ни капли. Его жесткие седые волосы были стянуты сзади на местный лад и перевязаны лентой цвета его клана. В бороде, спускавшейся

на грудь, все еще угадывался каштановый отлив. Карие глаза были ясными и зоркими, в то время как вождь беседовал с герцогом Эваном, сидящим по другую сторону от Конала, по его левую руку; но вождь все поглядывал в дальний конец зала, словно чего-то ждал.

— Не нас ли он высматривает? — вполголоса спросил Келсон, бросив искоса взгляд на Дугала. — Не лучше ли нам войти?

— Да, но не так, как ты думаешь, — откликнулся Дугал. Он лукаво улыбнулся, ухватив складку рукава Келсона, и потянул друга назад по проходу. — Идем. Следуй за мной и делай как я.

Вскоре они уже вступали в большой зал из-за перегородок, которые отделяли кухню от помоста, Дугал подтолкнул короля, и они двинулись мимо слуг, подававших на главный стол. Те выразили почтение сыну вождя, но едва ли удостоили взглядом Келсона, разве что постарались не наткнуться на него, идущего вплотную за Дугалом. Они были слишком поглощены зрелищем, которое являли собой Конал, сидящий слева от вождя, и Джодрелл, который пододвинул табурет к краю стола, чтобы потолковать с Эваном, и вклинился между ним и вождем. Старый герцог Клейборнский был легко принят ими, так как тоже был плоть от плоти кланового общества и понимал их обычай, а прочие были жители равнин, вроде рыцарей и простых вояк, сидевших внизу в зале. Конал, вызывающее надменный в своем придворном платье и серебряной короне, выглядел особенно не на месте.

Теперь до Келсона дошло, что затеял Дугал. Когда тот подобрался поближе к главному столу и указал рукой на почетное место справа от старого Каулая, после чего опустился на скамью еще чуть правее, Келсон удержался от улыбки и последовал за другом. С небрежным безразличием Келсон скользнул на место меж Дугалом и стариком и оперся о стол локтем, едва ли поведя бровью в сторону прислужника, который нырнул между ним и Дугалом, чтобы налить обоим вина, и начал о чем-то спрашивать.

Однако тут кое-кто из людей короля узнавал его, и, по мере того, как все больше их вскакивало на ноги, из-за чего застучали и заскрипели о каменный пол деревянные скамьи, это движение привлекло внимание старого Каулая.

Оборачиваясь, дабы осведомиться о причине, он с удивлением заметил незнакомого юного горца, сидящего по его правую руку. Гудение волынок оборвалось, все взгляды устремились на вождя Макардри.

— Халдейн горячо приветствует Макардри из Транши, — весомо произнес Келсон, почтительно наклонив голову, в то

время как у старика отвисла челюсть. — Мой брат Дугал предложил мне сесть от вас по правую руку, сударь, и для меня это действительно большая честь, ибо его отец должен быть отцом и мне, поскольку моего уже нет в живых.

Утратив дар речи, Каулай уставился в серые глаза Халдейна, а между тем в зале поднялся шум: его люди бурно расспрашивали друг другу, увидев, как нечто чужое и загадочное смешалось с привычным. Когда старики последний раз видел Халдейна, то был четырнадцатилетний мальчик, на которого возлагали отцовскую корону. Тот, кто сидел с ним рядом, был молод, но в нем угадывался мужчина, его честный прямой взгляд был таким же, как у местных вождей. Когда Каулай посмотрел мимо незнакомца на своего сына, Дугал поднялся, подошел и с ухмылкой поцеловал отца в щеку.

— Я привел моего брата домой, чтобы он поужинал с нами, отец, — сказал он на приграничном наречии. — И он сочтет великой милостью, если ты до завтра забудешь о прочих его званиях, ибо он прибавит чести нашему дому, и согласился бы пролить кровь ради союза, который связывает его со мной. Ты не хочешь поприветствовать его как родича и сына?

Бесконечно долгий миг Келсон страшился, что Каулай не поддастся, что прочные узы приграничного родства вынудят его опять играть роль монарха, которую так часто приходится исполнять. Но тут лицо старика озарила довольная улыбка, карие глаза потептели, и он протянул огромную лапищу Келсону.

— Гм, я рад видеть тебя, сынок, — тихо сказал он. — Я покинул тебя мальчиком, а ты явился сюда мужчиной. Не хочешь ли поцеловать своего старого отца в знак мира?

Келсон торжественно вложил свою ладонь в его лапу и поднялся, наклонив голову в подобающем приветствии. Когда он склонился, чтобы поцеловать старика в щеку, нестройный шум одобрения пронесся среди присутствующих, и волынки издали приветственный возглас, пронизанный на этот раз барабанной дробью. То было не самое непринужденное приветствие, но все же какое-то начало...

Прикидываясь, будто он не замечает осуждающего взгляда Конала и растерянных лиц большинства своих спутников, Келсон, улыбаясь, сел на свое место. Брион никогда так не поступил бы, но ведь он, Келсон, не Брион. Придется им всем привыкнуть, что новый король станет вести себя иначе, как ему присуще. Он рассмеялся шутке, которую пробормотал ему на ухо Дугал, а когда явился Къядр, чтобы подать им жареную птицу и говядину на крепкой горской лепешке-подносе, он

Они с Каулем время от времени беседовали о том, о сем за едой: Келсон коснулся кое-какого своего опыта последних трех лет, а старый вождь с гордостью сообщил, что теперь умеет Дугал, как его приемник. И лишь мимоходом было упомянуто об ухудшающемся здоровье вождя.

Из уважения к хозяину Келсон избегал политики и прочих щекотливых тем, намереваясь подождать с такими разговорами до того, как им удастся потолковать с глазу на глаз. Но как раз перед тем, как подали сладкое — липкое миндалевое печенье, бисквиты и мед, Каулай между прочим произнес имя Сикарда, своего брата, жена которого была Меарской Самозванкой.

— А что из себя представляет госпожа Кэйтрин? — спросил Келсон, стараясь, чтобы в голосе прозвучало поменьше нетерпения. К его облегчению, это не оскорбило Каулая и не побудило к сдержанности, вино сделало его словоохотливым и дружелюбным.

— А, она лелеет старую мечту, время для которой давно миновало, — ответил вождь. — Она мне всегда не нравилась. Между прочим, моя ровесница, а не пухистый цыпленок, но... Но дети у нее — горячие головы, а муженек — пуще того. Она и мой брат... Бrr! — он с презрением сплюнул, и Келсон приподнял бровь, прикидываясь изумленным.

— Между тобой и Сикардом нет согласия?

— Можно так сказать, — согласился стариk. — По правде говоря, мы не ладили ни с ним, ни с его сыновьями — Ителом и Люэлом. А вот девочка...

— Опять — дочь-невеста, — почти себе под нос уронил Келсон.

Однако старый Каулай тут же понял намек и громогласно расхохотался, хлопая Келсона по плечу.

— А, я вижу, тебя подталкивают, чтоб выбирал невесту? Что ж, можно найти кого-нибудь куда хуже, чем малышка Сидана. Ее имя означает «шелк» на древнем языке, и в ней есть все, чего не хватает ее братцам и мамаше. Она хорошенка, равно как и наследница славного имени, с чудными шелковистыми волосами до колен, цвета орехов — а глаза, как у олененка. Крепкие белые зубы. И такие бедра, что ясно: принесет немало замечательных сыновей, хотя ей вряд ли больше пятнадцати.

— Ты говоришь так, словно пытаешься нас сосватать, — заметил Келсон с улыбкой, — что ты хочешь мне сказать?

Плечи Каулая поднялись и шевельнулись не без смущения, хотя он при этом и помотал головой.

— Ну, я не стал бы предлагать невесту моему королю, сынок, — сказал он. — Но если кто-то хочет поправить ста-

рую-старую беду и принести мир своему народу, может, ему и стоило бы жениться на Сидане. Если бы я видел в этом хоть какую-то пользу, я бы женил на ней Дугала или, да смилиется надо мной Господь, будь я сам помоложе и найди говорчивого священника, сам бы на ней женился, хоть она мне и приходится племянницей.

Келсон невесело улыбнулся, вспомнив, что читал однажды о кровосмешении еще более близких родичей, из-за которого рухнул престол два столетия назад — хотя, в случае с Имре и Эриеллой, вопрос стоял еще и о Дерини.

Однако предложение Каулая не могло повлечь за собой столь катастрофических результатов, а напротив, помочь решению проблемы. И даже если они с Сиданой — родичи (Келсон попытался подсчитать в уме, но сбился), то не настолько близкие, чтобы вызвать негодование Церкви.

— Не думаю, что тебе понадобится жертвовать своим благом, — уверил он вождя с лукавой едва заметной усмешкой.

— А, ну конечно, конечно. Ей ведь нужен супруг-Хаддейн, а не очередной горец, чтобы прекратились эти грязные интриги. Если не ваше величество, то, может, этот ваш юный кузен... — И старик поглядел вдоль стола туда, где Конал шевельнулся, сидя между Эваном и Джодреллом, ссгутившись над винным кубком.

— Нет, если хорошо подумать, Конал не годится, — более трезво продолжал старый вождь. — Не будет она с эдаким счастлива, хотя, думается, у твоего двоюродного братца хватает своих лихих замыслов. Власть порой — большое искушение, сынок. Но не мне тебе об это напоминать, верно?

Пораженный, Келсон бросил взгляд на Конала, а затем вернулся к старику.

— А что такое?

— Да ну, не хотел я очернить твоего двоюродного брата, парень. Но Сидана — завидная невеста, и может дать своему супругу все права на Меару. И если какой-нибудь умник с толком примется за дело, он даже сможет убедить ее братцев уступить дорогу.

Келсон мрачно покачал головой.

— Как раз чего-то подобного я и пытаюсь избежать, Каулей, — тихо сказал он. — Я не хочу, чтобы мне пришлось идти на Меару так, как ходили мой отец и дед, и разрешать дело мечом. Но я не намерен отдавать то, что мое по праву.

Каулей уронил взгляд в глубины своего кубка.

— Может быть, это единственный выход, сынок, — мрачно прошептал он. — Юный Ител жаждет престола. Он

не удовольствуется тем, что станет править двором изгнанников в Лаасе после того, как скончается его мать.

— Ты говоришь об этом словно о неизбежном, — выдохнул Келсон, осторожно попытавшись применить чары истины. — А что, Ител с кем-то о чем-то сговаривается?

— Ну, толком я ничего не слыхал. И не хочу слышать. — Каулай сделал большой и неторопливый глоток вина и покачал головой. — Так, сплетни всякие. А у какого юнца нет честолюбия? Не стоит, право, об этом говорить.

Ощущив холодок, Келсон оттолкнул в сторону кубок и взирался на вождя. Тот говорил правду, насколько мог определить Дерини, но какие именно сплетни до него долетели? Если Ител Меарский вовсю готовит мятеж...

— Мне нужно знать, Каулай, — промолвил он, коснувшись запястья старика и попытавшись проникнуть в его мысли. — Если ты что-то знаешь...

— Я ничего не знаю, — прошептал тот, глаза его вспыхнули и он высвободил руку. — И если ты будешь слишком назойлив, то...

Но тут за дверьми опять раздался вопль волынок, Каулай умолк на полуслове, как бы извиняясь, покачал головой, и вновь медленно и основательно отпил из своего кубка. Келсон соображал, как бы поделикатнее вернуться к предмету разговора, а между тем в зал с дальнего конца вступили двое с волынками, вышагивавшие впереди старика в белом одеянии, потрясавшего, точно мечами, двумя зелеными ветками. Все разговоры стихли, едва они показались, даже самые буйные из Макардри отставили кубки и посыпали с голов шапки, приветствуя проходившего мимо старика. Женщины вставали и приседали, даже челядинцы, подававшие на стол, встали, как вкопанные, давая старику положенное уважение.

— Кинкеллиан, главный бард, — прошептал Дугал на ухо королю, когда старик поравнялся с волынщиками и пошел дальше уже между ними. — Это может оказаться очень важно. Сиди пока, но будь начеку.

Когда бард дошел до нижней ступени помоста и остановился, скрестив свои ветви над головой и отвесив поклон, музыка умолкла, и Дугал встал, подняв кубок, отвечая приветствием на приветствие человека в белом.

— Пусть луна и звезды ярко светят над твоей тропой, благородный бард. Макарди и все его родичи приветствуют Кинкеллиана в Траншийском зале.

Старик наклонил голову и что-то произнес. Ветви в старческих руках прошелестели, широко разойдясь в сторо-

ны, словно руки раскрылись для объятия. Келсону почудилось, будто он слышит свое имя, но он не был уверен, Дугал что-то ответил на местном наречии, затем поклонился и бросил взгляд на отца. Кажется, старый Каулай напрочь забыл о своем недавнем возбуждении и низко поклонился, поднявшись с места, а затем тоже вознес кубок в знак приветствия.

— Кинкеллиан предлагает тебе свое бардовское благословение и просит, чтобы наш клан удостоил тебя вечной дружбы, — прошептал Дугал краешком рта Келсону на ухо. — Макардри ответил согласием. Встань, поклонись, а затем, после того как мы с Кинкеллианом все закончим, сделай, что сочтешь подобающим.

Келсон последовал совету, и тогда юный Дугал поклонился отцу и вышел из-за стола. Он спустился с помоста под бурный стук кулаков по столешницам, производимый всеми его родичами. У людей Келсона вид был озадаченный. У всех, кроме старого Эвана.

Медленно и торжественно, почти священнодействуя, Дугал принял ветви у старого барда и вновь поклонился, затем обра- зовал из них над головой косой крест, медленно повернулся на носках, пока не очутился лицом к лицу с Келсоном, и тогда склонился, положив этот косой крест на пол, а волынщики из- дали несколько вступительных тактов нового напева. Темп изме- нился, когда Дугал выпрямился и положил руки на бедра, вновь поднявшись на носки. И тут наследник Макардри пустился в пляс.

Келсон почувствовал, что и его самого тянет плясать, наблюдая за Дугалом, — волынки поистине зачаровывали. В какой-то миг, когда Дугал переместился в другую четверть креста, его взгляд и взгляд Келсона столь глубоко проникли друг в друга, что воспоминания хлынули по вознесшемуся мосту, все равно как если бы Дугал тоже был Дерини, и вполне сознательно плеснул своей мыслью в мозг Келсона... Воспоминание говори- ло, что оба они полжизни тому назад глядели друг на друга по- верх не ветвей зеленых веток, но скрещенных мечей, и ступали в ритме танца, который ныне исполнял Дугал, и в который ему, Келсон полагалось включиться. В один миг Келсон понял слова Дугала: «Сделай, что сочтешь подобающим» — и вдруг обнару- жил, что выбирается из-за стола с помоста туда, где кружил и подскакивал Дугал.

Музыканты ни на миг не запнулись, когда король покинул помост. Келсон чувствовал всеобщее ожидание: у одних — радостное, у других — полное изумления, но старый бард держался, как ни в чем ни бывало, разве что приподнял се-

дую бровь. Дугал заканчивал размеренное кружение вокруг концов веток, вращаясь и покачиваясь, и подняв над головой сперва одну руку, а затем и другую.

Увидев, что Келсон направляется к месту напротив него, он ухмыльнулся и кивнул, положив сжатые кулаки на бедра, и готовясь повторить по новой все уже проделанные движения танца. Келсон сразу же уловил нужный шаг, позволив ногам нести себя, как бывало много лет назад, повторяя движения Дугала: сперва несколько деревянно, но затем все с нарастающей раскованностью, и зрители — родичи Макардри и рыцари с равнин — глядели на него в удивлении.

Когда они перешли к следующей части танца, и в более страстном ритме заплясали — каждый в своей четверти косого креста, а не вокруг концов веток, не касаясь веток стопами, Келсон опять ощутил, как пульсирует то, что их связало, и его движения ничем не отличались от движений Дугала. С поразительной самоотреченнстью он позволил миру сжаться до порхающих стоп, вечнозеленых ветвей и радостной улыбки Дугала. Он лишь смутно догадался в какой-то миг, что мужчины и женщины вокруг хлопают и притоптывают в такт, поощряя танцоров, участвуя в волшебстве, которое не имело никакого отношения к Дерини.

Келсон едва не выдохся ко времени, когда они приступили к заключительной части танца, но не споткнулся, а легко перепрыгивал из четверти в четверть — на пятку, на носок, пока, наконец, ритм не переменился, и музыка не стала отступать и не завершилась одной долгой-долгой нотой — и тогда они с Дугалом поклонились друг другу с противоположных сторон зеленого креста и опустили ладони на бедра. Зал разразился неистовством.

Воины клана и их жены не унимались, а два юных широко улыбающихся танцора едва не падали друг на дружку, хватая ртом воздух. Почти все из свиты Келсона, не считая Эвана, выглядели ошеломленными. Кое-кто, правда, достаточно проникся обстановкой, чтобы добродушно присоединиться к ликованию, и не последним из них был барон Джодрелл. Конал сидел, нахохлившись, между ним и Эваном, сложив на груди руки и скривив губы, но во главе стола расплывался в улыбке вождь Макардри, явно забыв о прежней досаде. Как только Дугал и Келсон — рука в руке — спотыкаясь, взошли на помост, он протянул обоим вновь наполненный кубок.

— *Айр до слайнте!* — вскричал он, и остальные подхватили этот возглас, в то время как два названных брата отпили из одного кубка. — Ваше здоровье!

Ликующие вопли поутихли после того, как Дугал, подняв руку, призвал к молчанию, а он все еще не очень ровно дышал, когда поворачивал Келсона лицом к своей родне, обвивая одной рукой плечи короля.

— Родичи, это мой названный брат Келсон, — сказал он, улыбаясь во весь рот. — Как вы убедились, он — наш по крови, равно как и по моему выбору. То, что он также мой король — большая радость для меня, и я по своей воле обещаю хранить верность ему как государю, равно как брату и родичу. Не окажете ли вы ему подобную честь?

Возобновившиеся восклицания и шум были тем ответом, который и требовался Дугалу. Келсон отступил на шаг, довольный, все еще не восстановивший дыхание после пляски и пораженный, как здорово удалось их всех к себе расположить — этих суровых обитателей гор, которые обычно не спешат признать своим уроженца равнин — Дугал между тем вдруг обернулся и преклонил колено у его ног, скользнув сложенными ладонями в пространство меж ладоней Келсона и приложив их к своему лбу в знак вассальной верности.

Прочие один за другим попадали на одно колено, кто где стоял, без строгой последовательности. Некоторые даже улыбнулись, как улыбнется любой горец, когда обязан последовать чуждому обычая. Лишь немногие сохранили хмурый и настороженный вид, но и они преклонили колена. Исключительность такой уступки не ускользнула от Келсона.

— Брат мой, благодарю тебя, — сказал Келсон, бережно поднимая Дугала и давая остальным знак подняться. — И тебе, мой родич, также моя глубокая благодарность. Прошу тебя поверить, я понимаю, какой чести удостоился. А если среди вас есть такие, у кого еще остались сомнения насчет спесивого выскочки с равнин, который вторгся к вам, я не могу вас корить. И не стану пытаться изменить ваше мнение словами. Мои действия, как я надеюсь, достаточно скажут за меня, и в них я всегда буду стремиться проявить себя как ваш истинный и великодушный повелитель.

Его люди заколотили по столам, выражая одобрение, но он опять вознес руку, требуя тишины.

— Но, хотя я и уроженец равнин, я все-таки житель границы, как вы, по праву выбора и крови, что уже сказал мой брат Дугал. И поэтому, уверяю вас, что когда только возможно, буду ставить выгоду клана выше моей собственной, если только это не окажется в ущерб другим, кого я поклялся оберегать и защищать. И в знак этого прошу вас принимать меня сегодня

74 не как короля, но как родича, и вместе со мной поднять

кубки во славу нашего благородного вождя. Пусть Макардри еще долго ведет своих детей к миру и процветанию. *Айр до слаймте.*

Это выражение Келсон помнил еще по прежним временам, и он был благодарен старому Каулаю за то, что тот сегодня освежил его память — оно вызвало желаемый отклик. На этот раз никто из траншийцев не остался в стороне.

Зал взорвался эхом древнего приграничного тоста, даже самые непреклонные из сородичей вознесли кубки, — с лицами уже более задумчивыми. Вскоре волынщики завели новую плясовую, и на середину повыскакивали один за другим лихие танцоры, жаждущие сплясать с новым обретенным родичем. Некоторые из девушек были прехорошенькие. Келсон откликнулся на несколько первых приглашений весело и добродушно, и честно попытался не подвести, но танец с Дугалом изнурил его, как телесно, так и душевно. И вскоре ему пришлось поклониться и удалиться под крыльышко вождя. А Дугал остался среди танцующих.

Беседа с Каулем была отличным способом закончить вечер, но он осушал три кубка вина в то время, как Келсон — один, и последствия не замедлили сказаться.

Возвращение к их прерванной беседе было в подобных обстоятельствах неуместным, и вскоре разговор свелся к шумным возгласам по поводу танцующих, да на рассказы о выходках Дугала или его планах на будущее, а Каулей чем дальше, тем больше ворчал и сетовал на здоровье. Ко времени, когда народ в зале начал засыпать у столов или стелить постели, Келсону с помощью магии удалось уменьшить степень своего опьянения до того, чтобы немного соображать, но Каулей вот-вот готов был рухнуть на стол. Дугал держался на ногах хуже Келсона, но по-настоящему пьян не был, как и он сам.

— Думаю, с него уже хватит, согласен? — промолвил Келсон, когда Дугал вернулся к столу, чтобы по новой наполнить кубок под меденный и жалобный наигрыш волынщика.

Дугал поглядел на отца, ухватившись за край стола: старый Каулей что-то бормотал и ухмылялся, и тогда его сын подал знак слуге, который головы на полторы возвышался над ним и над Келсоном. Этот парень сгреб своего вождя в охапку с не большим усилием, чем Келсон поднял бы трехлетнего малыша, и бережно понес его из зала и дальше по винтовой лестнице, а два юноши следовали за ними, и Дугал, чтобы не упасть, крепко держался за Келсона. Когда они уложили старика в постель, а слуга удалился, Дугал упал на скамью под окном и вздохнул, глядя на Келсона с усталой улыбкой.

— Ну, ты, безусловно, оставил след в жизни Транши нынче вечером. Клан будет судачить о тебе всю зиму... И с отменным красноречием!

Келсон улыбнулся и оперся об оконную раму, бросив шапочку на сиденье рядом с Дугалом. Пока они взирались на башню, у него окончательно прояснилось в голове, и теперь в память опять хлынули заботы, которые занимали его нынче вечером.

То, что он завоевал доверие клана, — прекрасно, часть стоявшей перед ним задачи выполнена, но он до сих пор не знает всего, что требовалось выяснить о меарской родне Каулая. А если Ител Меарский занят кознями...

— Хотел бы я знать, что они станут говорить обо мне, когда вспомнят, что я — отчасти Дерини, — протянул он, ломая голову, как бы вернее подойти к тому, о чем он хотел повыспросить. Но как бы он этого ни коснулся, Дугал, чего доброго, либо испугается, либо обидится.

Тот нахмурился.

— А какая разница? И с чего ты об этом вдруг подумал?

— Это, знаешь ли, вовсе не скверно — быть Дерини, — продолжал Келсон, прощупывая собеседника. — Ты сам это увидел, когда я усыпал ополченца, чтобы тебе проще было зашить ему руку. Это можно использовать на благо людям.

Дугал шумно прочистил горло, он выглядел куда трезвеем, чем каких-то несколько секунд назад, и вся его веселость испарилась.

— У меня появилось внезапное предчувствие, будто вот-вот случится нечто жуткое. Ты предостерегаешь меня, это так?

— Не совсем... — Келсон поглядел сверху на запрокинутое лицо Дугала, а затем мимо него — на спящего Каулая.

— Дугал, я никогда прежде даже искушения не испытывал как-либо злоупотребить дружбой, — сказал он негромко. — Но — проклять! — он не сказал мне всего, что знает.

— Это ты о чём?

Келсон покачал головой.

— О, не о том, что за этим может стоять умышленный обман. Думаю, он просто не хочет, чтобы его впутывали, и сдава ли можно его осуждать. В конце концов, Сикард ему брат. К несчастью, Сикард также отец мальчика, который может попытаться отнять у меня престол... А Каулай за обедом намекнул на заговор — как раз перед тем, как замолчал.

— Но надеюсь, ты не считаешь, что он мог бы скрывать подобные сведения от тебя, если действительно существует опасность? — спросил Дугал.

— Не знаю, — ответил Келсон. — Знаю только, что у твоего отца имеются сведения, которые мне нужны... а я располагаю средствами добыть их — без его ведома, и ничем ему не повредив.

— С помощью волшебства, — дополнил Дугал. Его лицо одеревенело и превратилось в маску, пока Келсон говорил, и теперь в янтарных глазах сквозило холодное негодование и некоторый страх. — Келсон, я не могу тебя остановить, — продолжал он, испустив долгий медленный вздох. — Если ты решился это предпринять, я никак и ничем не в состоянии тебе воспрепятствовать.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю твоего позволения. Он не вспомнит ни о чем, — добавил Келсон. — И не вспомнит даже о том, что я говорил с ним нынче вечером. .

— А если тебе придется использовать то, что ты узнаешь, против него? — спросил Дугал.

Келсон вздохнул.

— Избави нас Боже дожить до такого, — промолвил он, опустив глаза. — Сам знаешь, я бы никогда умышленно не совершил ничего такого, что повредило бы твоей семье. Но если сведения, которые я получу, потребуется использовать, чтобы предотвратить войну, чтобы спасти невинные жизни... ну, а ты бы как поступил?

Лишь после долгого промедления прозвучал ответ Дугала: неохотный, запинающийся и мрачный.

— Полагаю, что я... сделал бы то, что должен, — прошептал он.

Глава пятая

**Поставили царей сами, без Меня;
ставили князей, но без моего ведома¹**

21 сделал бы то, что должен.
Слова Дугала вновь облекли Келсона ответственностью, той, которая всегда была на нем, наряду с прочими обязанностями того, кто носит корону — но это совершенно особый род ответственности, такой, что присущ королю с магическим даром. Келсон обнаружил, что вновь и вновь спрашивает себя, а приходилось ли когда-либо его отцу обращаться с подобной просьбой к другу. Почему-то он едва ли мог себе представить Бриона, применяющего свою мощь для чего-то подобного, хотя и знал, что его отец чародейством убил Марлука и, очевидно, принял необходимые меры, чтобы обеспечить престолонаследие для Келсона.

Но магия Халдейнов и волшебство, унаследованное им от матери-Дерини — не одно и то же. Возможно, это различие и оказалось теперь источником тревоги для Келсона, ведь и то, и другое имело свои ограничения, равно как и преимущества. Наследие Халдейнов переходило полностью к каждому наследнику мужского пола по старшей линии королевского рода, эта чудесная сила запечатывалась королем-предшественником и пробуждалась в наследнике с помощью обряда, основные части которого явно мало изменились почти за две сотни лет. Он был деринийского происхождения, разумеется, но в него было привнесено много искусственного, насколько удалось установить Келсону — в нынешнем виде его утвердил Святой Камбер для защиты Синхила Халдейна от безумца Имре в конце Междуцарствия, и с тех пор он сохранялся у синхиловых потомков. Это волшебство, в первую очередь, имело отношение к защите, к сохранению всего, что есть достояние Халдейнов. Но эту мощь

¹Осия 8:4

можно было пробудить без подготовки и без подднинного понимания: набор отработанных чар, применение, да и само существование которых, как правило, становилось очевидным, лишь когда возникала нужда — их трудно было вызвать в уме по своей прихоти. Несколько случайных умений были по происхождению халдейскими, такие, как чары истины и усиление телесной выносливости, повторявшие кое-какие деринийские возможности — но более хитрое и полное применение магии, а заодно и такое, каким легко злоупотребить, принадлежало исключительно Дерини.

В самом деле, большая часть волшебных умений, уже доступных Келсону, исходила из его деринийского, а не халдейского наследия, главным образом то, чему оказались в состоянии научить его Морган и Дункан, знавшие, как обращаться с этой частью его дарований, и о многом таком, что по-прежнему лишь дремало в нем. Теперь же ему предстояло соединить свой скучный опыт, почерпнутый у этих двоих, и безличное знание, имевшееся в его распоряжении, а также возвзывать к своим халдейским корням и выбрать действия, пригодные для той особой задачи, что стояла перед ним сейчас. Несколько раз за минувшие два года он наблюдал, как подобные вещи проделывает Морган, и сам раз-другой проделывал их под его руководством. Но теперь — совсем другое: он один-одинешенек станет допрашивать человека, который ему дорог, не пленного врага, от которого любой ценой можно добиться правды. Учитывая, что присущую Каулаю осторожность уже ослабило вино, Келсон не слишком беспокоился, насколько легко пойдет дело, но его беспокоило, что он может вызвать отчуждение Дугала. Арузей, которым он мог доверять, которые не боялись его, нашлось бы немного, и он их ценил.

— Если так, то полагаю, мне придется сделать то, что надлежит, — прошептал он наконец, горестно встретив взгляд Дугала. — Это одна из самых неприятных сторон жизни короля. И между тем, я здорово боюсь, что как раз этим мне часто придется заниматься. — Он помедлил немного. — Тебе вовсе не нужно наблюдать за мной, если не хочется. Можешь уйти, или я мог бы погрузить тебя в сон, избавить от воспоминаний. И ты тоже обо всем забудешь.

У Дугала заметно напряглись челюсти, сияющие янтарные глаза стали испуганными и немного отчаянными.

— Если ты этого хочешь, то я... склоняюсь перед твоей волей, разумеется... но, черт побери, Келсон, уж я-то никогда не стану тебя бояться! Видит Бог, я не понимаю, чем ты стал, и если ты предпочитаешь, чтобы я не смотрел, то я... я раз-

решаю тебе усыпить меня или что еще ты считаешь нужным. Но уходить все-таки не хочу.

Отвага и слепое доверие, озарившее лицо Дугала, когда он взглянул на короля, сделало ненужным дальнейший разговор. Благодарное: «Тогда останься» скорее прошелестело, чем прозвучало членораздельно, но Дугал понял. Его дрожащая улыбка и быстрая ответная улыбка Келсона — и больше никаких обсуждений. Они вернулись вдвоем в каморку, где спал Каулай, Келсон больше не тревожился.

Старик невозмутимо храл, когда Келсон подошел и присел на постель справа. Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы собраться, как учил его Морган. Он не касался спящего, ибо не желал встревожить Дугала на этой первой ступени. Дугал, настроившийся несколько игриво, поставил табурет у противоположной стороны постели и уселся, чтобы наблюдать; но мало-помалу даже ему передалось твердое спокойствие, излучаемое королем.

Как и у Келсона, его дыхание вскоре замедлилось и стало почти неощутимо, ловкие пальцы хирурга безвольно опустились на колени, прикрытие килтом.

Теперь Келсон мог переключить внимание со своего плавного дыхания на Каулая, осторожно простер правую руку над лбом старика и на несколько секунд легонечко коснулся большим пальцем и мизинцем сомкнутых век. Он ощутил хмельной дурман, когда ненавязчиво вплыл в сознание Каулая, но быстро миновал эту преграду и принял образовывать все необходимые для него связи, закрыв глаза и все дальше бредя на ощупь через пьяные грэзы.

— Слушай только меня, Каулай, — прошептал он.

Слабый всплеск изумления Дугала побудил Келсона на миг поднять веки и непроизвольно послать тонкий, словно усик растения, успокаивающий импульс в направлении друга. Вряд ли Дугал ощутил его на сознательном уровне, но, похоже, вновь почти мгновенно расслабился, испустив сдержанный вздох, и подался вперед, чтобы взглянуть на безмятежное лицо отца.

— Продолжай крепко спать и слушай только мой голос, — продолжал Келсон, возвращаясь к старику. — Тебе слышно каждое слово, которое я произношу, хотя ты и спишь, и ты будешь охотно и, насколько сможешь, полно отвечать на мои вопросы. Ты понимаешь?

— Да, — нечетко ответил голос старого горца.

Дугал взорвался на Келсона в изумлении, тот откинулся назад и ответил слабой улыбкой, небрежно скрестив руки на

— Похоже, все пойдет как по маслу, — бросил он в сторону Дугала. — Очень хорошо, Каулай. Давай поговорим, прежде всего, о твоем брате. Ты знаешь, где Сикард сейчас?

Каулай скривил гримасу во сне.

— Да.

Точный ответ, но данный без особой охоты. Немного ослабив хватку, Келсон задал новый вопрос.

— Хорошо. И где же он?

— А, полагаю, он в этой своей башне в Лаасе — он и его заговорщица-жена, — сказал Каулай. — Она мне сразу не понравилась, как только я ее впервые увидел, но он хотел жениться именно на ней.

Его голос зазвучал оживленно, стал доверительным и бодрым, как если бы он опять сидел за столом, делясь своим мнением о происходящем за чашей доброго эля, разве что глаза оставались закрытыми.

— Госпожа Кэйтрин? — спросил Келсон.

— Она самая. Кэйт Кинелл, она себя еще принцессой величает, — с презрением продолжал старик. Они совсем стыд потеряли, это уж наверняка... великие и могущественные для всякого, кто мог бы их невзначай увидеть. Говорят, у них там прямо настоящий двор, как если бы она была королевой, а не выскочкой.

Келсон кивнул и еще немного ослабил хватку. Ему не нравилось то, что стояло за словами старика, но, в остальном, все шло поистине превосходно.

— Как если бы она была королевой? — негромко повторил Келсон.

— Ну, разумеется, для тебя это не новость, паренек. И зря ты это терпишь. Говорят, она позволяет себе вольности, подобающие только сюзерену. Она крадет у тебя вассалов, крадет заодно и честь.

Келсон ощущал, как Дугал взорвался негодованием, но знаком руки остановил его. Сейчас было не время для праведного гнева. Если Каулай называет вещи своими именами, положение в Меаре еще опаснее, чем у него был повод считать. Вассалам даруется земля взамен на их верную службу, и в первую очередь — службу рыцарскую, весеннюю. Если Кэйтрин Меарская принимает у вассалов присягу, как сюзерен Меары...

— Каулай, что за вольности она себя позволяет? — спросил Келсон, глядя в оцепенелое лицо Дугала.

— Она берет с рыцарей присягу и обещает им земли, когда Меара опять будет свободной, — охотно ответил Каулай. — И несколько новичков посвящено в рыцари. Среди них — даже два мальчика, и оба помоложе тебя.

Келсон почувствовал, что в нем нарастает гнев, не слабее, чем у Дугала, и ему пришлось немалым усилием охладить себя.

— Кто посвятил их в рыцари?

— Мой брат, — последовал ответ Каулая, на этот раз не столь охотный. — Я бы не поверил, что такое возможно: моя кровь, да еще он и клялся в верности твоему отцу, да смируется над ним Бог. Я подумал, что ослышался, когда мне принесли вести. Теперь юный Ител задирает нос: он, мол, рыцарь, а однажды станет принцем Меарским, если ему заблагорассудится. Жаль, он младенцем не умер. В нем нет ничего от настоящих Макарди, уж это наверняка.

— Понятно, — Келсон осторожно поискав зримый образ выскочки Итела. — А теперь расскажи мне об Ителе. Я хочу знать все, что ты можешь вспомнить.

* * *

А в Кулди Аларик Морган подготовился к другому проникновению в неведомое, открыв красный кожаный футлярчик размером с половину его кулака и высыпав оттуда пригоршню полированных кубиков из слоновой кости и черного дерева.

Они застучали друг о дружку и о столешницу, он поправил их, и их грани отразили свет, когда Морган поднес поближе к столу, что перед ним, одну-единственную свечу. Он быстро выстроил из них положенный рисунок: четыре белых посередке большими белым квадратом, четыре черных — у каждого угла, не соприкасаясь. Перстень-печатка на правой руке тоже засветился, когда он потянул кончики пальцев к середине белого квадрата, но с мгновение он не обращал внимания на кольцо, приводя в порядок мысли.

Эти загадочные черные и белые кости назывались Сторожевыми Башнями на языке тех, кто в них разбирался, подобно тем, что входят в оборонительные сооружения замков — ибо назначением их было — охранять и защищать. К ним прибегали, чтобы создать сферу магической защиты для места, ограниченного четырьмя точками, в которые ставились Башни, удерживающие внутри энергию и не допускающие вторжение разрушительных сил.

Подобная защита была жизненно важна, когда замышлялось магическое действие вроде того, которое желал совершить Морган — ибо, чтобы дотянуться до Келсона на таком расстоянии и без предварительной подготовки, требовалось погрузить себя в глубокий транс и, значит, утратить чувствительность к окружающему и оказаться беззащитным, пока его разум будет искать короля.

— *Prime.*

Произнеся потеп кубика в верхнем левом углу белого квадрата, Морган коснулся его кончиком пальца и послал энергию в матрицу. Кубик тут же засветился изнутри: матово, молочно и ровно.

— *Seconde.*

Все повторилось с кубиком наверху справа — и с тем же итогом.

— *Tierce. Quartie.*

Он уже наполовину подготовился. Четыре белых кубика образовали квадрат загадочного белого света. Он чувствовал, как движутся потоки силы. Медленно и тщательно Морган набрал в легкие воздуха: именно так изменяется полярность: от белого к черному, от позитивного к негативному, от мужского к женскому, и становится доступна обратная сторона вещей. На этот раз потребуется чуть иное усилие, несколько большее, но вполне в пределах его способностей. Осторожно и плавно вдыхая, он потянулся кончиками пальца к первому из черных кубиков — тому, что слева и сверху от белого квадрата.

— *Quinte.*

Крохотная искорка пробежала между пальцем и кубиком перед тем, как они соприкоснулись, внутри засветился зелено-черный огонек. Быстро, прежде чем палец запнулся бы, Морган переключил внимание на верхний правый черный кубик, поднеся к нему палец.

— *Sixte.*

И вновь неземное свечение.

Когда он повторил то же самое с *Septime* и *Octave*, все восемь кубиков стали испускать свет: четыре — белый, четыре — черный. Теперь надо соединить противоположности и уравновесить силовые потоки, чтобы выстроить Башню.

Потерев рукой глаза, Морган вздохнул и подхватил *Prime*, вновь смеcтив равновесие и возобновив гармонию, когда кубик очутился близ своей черной пары — *Quinte*. Он чувствовал, как потянулись друг к другу потоки, когда сократилось расстояние, черный кубик едва ли не взлетел над последним участком пространства между ними навстречу белому, когда чародей провозгласил:

— *Primus.*

Два кубика слились в один: продолговатый и серебристый. Готово. Глубоко дыша, Морган легонько подтолкнул первую башню к краю и отделил *Seconde* от ей подобных, дабы сочетать с *Sixte*.

— *Secundus.*

Новый серебристо светящийся параллелепипед.

Когда он завершил *Tertius* и *Quartus*, он расставил все четыре башни на полу вокруг своего кресла — крохотные, ровно-серебристые — и вновь сел, в последний раз ища в уме точку равновесия перед тем, как привести все в движение. Собравшись с силами, он поочередно указал на каждую из Башен и произнес, чувствуя, как нарастает прибой пробужденных и воссоединившихся четырех стихий:

— *Primus, Secundus, Tertius, Quartus, fiat lux!*

И словно очутился вдруг внутри полной бледно-серебристого света палатки. Казалось, светится самый воздух вокруг него. Опустив руку и опять усевшись в кресло, он почувствовал, что башни испускают нити, из которых свился надежный кокон, защищающий его и оберегающий.

Удовлетворенный, он вновь переставил свечу и положил руки на подлокотники, повернув печатку на пальце правой руки так, чтобы она поймала свет. Вот он, осязаемый символ веры, связавший Заштитника с его сюзереном; золотой халдейнский лев, выгравированный на поверхности овального оникса, оправленного в золото, казалось, воззрился на него в полумраке. Морган уставился на него, не мигая и не отводя взгляда, пытаясь увидеть поверх львиной фигурки лицо короля.

Он чувствовал, как замедляется его дыхание, как становится реже пульс; постепенно поле его зрения уменьшилось до этого камня со львом на кольце. Он упорно удерживал в сознании образ Келсона, а между тем, веки его все опускались и опускались, пока глаза не сомкнулись — и только образ юного короля и остался. Он все меньше ощущал свое тело по мере того, как мысленный образ делался все резче, а дух его потянулся на север, и он не ослаблял сосредоточенности на кольце, на лице и на разуме.

* * *

Много позже, дойдя почти до пределов возможного, он наконец уловил поблизости то, что искал.

А Келсон в Транше, погруженный в допрос Каулая, сосредоточившийся, чтобы не упустить из своей власти его сознание, машинально отбил первую попытку медленного соприкосновения. Они с Дугалом в ужасе, как зачарованные, вслушивались в повесть об измене, простиравшейся куда дальше, чем кто-либо из них подозревал.

Но когда Каулей принялся повторять слухи, которые до него дошли — о рыцарях, переметнувшихся к Самозванке, о растущей популярности Итела Кинелла — Келсон начал

осознавать, что к нему взывают в связи с чем-то срочным, хотя и не понял сперва, кто и откуда. Король вздрогнул, когда зов впервые плеснулся на уровне сознания, мгновенно заглушив болтовню Каулая, которую Келсон все еще пытался слушать. Когда оказалось, что речь его уже слишком сумбурна, король положил руку на запястье старика и покачал головой.

— Достаточно, Кауляй. Помолчи минутку, — прошептал он и закрыл глаза, чтобы лучше слышать.

Ничего. Затем — словно перышком повело. Он догадался, что это, наверное, Морган, но даже теперь, когда собрал все свое внимание, ожидая следующего прикосновения, не мог быть уверен, что оно произойдет.

— Что это? — прошептал Дугал, пододвигая поближе свой табурет. — Что-нибудь не так?

Келсон сдержанно покачал головой, стараясь не потерять связь, совсем слабую, трепещущую на пределе восприятия.

— Погоди, — пробормотал он. — Кто-то пытается до меня добраться. Откуда-то издалека. Зов очень слабый. И дело срочное.

Дугал ненадолго затаил дыхание. От него плеснуло смесью благовения и тревоги. Затем:

— Ты знаешь, кто это?

Келсон медленно кивнул, все еще пытаясь лучше разобрать мысленный зов.

— Морган. Кажется... мне не уловить... не разобрать.

— Морган? Но ты говорил, что он в Кудзи.

— Да, насколько мне известно. А на таком расстоянии странно уже то, что я, вообще, его узнал.

Он медленно открыл глаза, чтобы взглянуть на Дугала, хотя продолжал вслушиваться в непрекращающийся зов. Не пропадало ощущение, что это срочно, а убеждение, что источник зова — Морган — непрерывно росло. Келсон понимал, что после всего, что он уже проделал, он не в состоянии поддерживать усилия зовущего, но должен быть какой-то другой путь. Однако это требовалось выяснить.

— Что такое? — поразился Дугал. — Почему ты на меня так смотришь?

— Помнишь, как ты сказал, что ни за что и никогда меня не испугаешься? — произнес Келсон.

Дугал повернулся к нему и Келсон угадал тревожное предчувствие, всколыхнувшееся в груди юного горца.

— Что ты собираешься делать? — прошептал Дугал. — Нет, я не то спросил. Что ты собираешься делать со мной? Я тебе для чего-то нужен, верно? А, чтобы помочь тебе дотянуться до Моргана?!

— Да. — Келсон окинул мгновенным взглядом спящего вождя. — Мне нужен кто-то из вас или вы оба, чтобы умножить мои силы. Его могло бы хватить, но мне хотелось бы, чтобы и ты помог.

Дугал с шумом проглотил комок, не пытаясь скрыть свой испуг.

— Я...?

Келсон вздохнул и не слишком терпеливо кивнул головой. Чем дальше, тем труднее становилось успокаивать Дугала и одновременно поддерживать связь с тем, кто пытался до него дозваться, но в его сознании уже начал обретать форму слегка иной подход.

— Незнание — это самое скверное, так? — заметил он. — Сам видишь, Каулай еще не пришел в себя, а ты боишься того, что может случиться с тобой, и что ты даже ничего не узнаешь. Потеря контроля над собой.

— Да-да, наверное.

Снова кивнув, Келсон встал и обошел изножье постели, знаком удержав Дугала, который поднялся было с места, готовый отпрянуть.

— Тогда давай попробуем поступить чуть по-другому, чем я намеревался с самого начала, — сказал он, сев на табурет и движением руки предложив Дугалу встать сзади. — Это будет совсем не так пугающе. Мне нужно телесное соприкосновение с тобой, чтобы образовалась связь, но нет причин, по которым ты не мог бы управлять вместо меня. Для меня будет чуточку сложнее, если ты окажешься в полном сознании, но я хочу попробовать, если ты согласен.

— Что я должен делать? — настороженно полюбопытствовал Дугал.

— Просто встать позади меня и положить ладони мне на плечи. И чтобы твои большие пальцы лежали у меня на затылке...

— Так? — спросил Дугал, выполнив распоряжение.

— Да. Прекрасно.

Келсон взял левую ладонь Каулая, вялую и безжизненную, и приложил лодочкой к своему колену, затем, выпрямляясь, бросил взгляд через плечо.

— Теперь подойди чуть ближе, чтобы я мог опереться о тебя для поддержки. Это будет похоже на то, как если бы я вдруг уснул, а не на то, что я вчера продевывал с Берти. И я не хочу свалиться с табурета. Не смейся, — добавил он, ощущив изумление Дугала. — Я, действительно, буду вроде как отдан на

Он почувствовал, как Дугал позади него напрягся всем телом. Затем раздался слабый голос:

— Келсон, я не уверен, что справлюсь.

— Справишься, — терпеливо возразил он, — Дугал, здесь нет никакой опасности. Если ты вдруг лишишься чувств, что совершенно маловероятно, самое худшее, — это я потеряю контакт. А теперь доверься мне, ладно? — и потянулся назад, чтобы насколько, для подъема духа, коснуться предплечья Дугала. — Вдохни несколько раз поглубже, чтобы расслабиться, и попытайся ни о чем не думать. — Он тут же сам последовал своим наставлениям и уловил отклик Дугала. — Молодец. Теперь еще один глубокий вдох, и медленно выпусти воздух. Закрой глаза. Представь себе, будто все напряжение покидает твое тело при выдохе. И ты паришь, — продолжал он, в то время как Дугал осторожно подключился к нему. — У тебя просто прекрасно выходит. Скоро я поведу тебя дальше, на глубину, но если он не сможет дать мне достаточно сил, мне понадобится черпать и у тебя. Ты этого можешь даже и не почувствовать. В крайнем случае, возникнет нечто вроде легкой щекотки в голове. А теперь опять дыши глубоко...

Предоставив Дугалу продолжать, он ненадолго переключил внимание на Каулая, протянув к нему мысленный шуп, как его учили Морган и Дункан, и присоединившись к источнику силы. Он не ожидал, что моши окажется достаточно, и потому не был разочарован. По крайней мере, он сумел убедиться, что ищет действительно не кого-то, а именно Моргана, и что Морган ощутил ответное усилие по установлению связи. Он осязаял неизученную силу Дугала у себя за спиной, пылко поддерживающую его, но, пожалуй, слишком неуверенную, чтобы стать реальной опорой, и понял, что ему придется зайти чуточку дальше, чем он намеревался.

Он мягко потянулся и скользнул к краю сознания Дугала, подбираясь к точкам, с помощью которых ему удастся погрузить Дугала в легкий управляемый транс, вопреки тому, о чем говорил — ибо он не мог позволить, чтобы Дугал заколебался в решающий миг. Мало-помалу голова Дугала клонилась все ниже, пока наконец его подбородок не уперся Келсону в макушку, хотя по-настоящему он не уснул, а лишь парил в безмятежных сумерках. Еще несколько биений сердца спустя, Келсон вновь переключил внимание на ожидающего собеседника, раскрыв свой ум для послания Моргана.

«Отлично, мой повелитель, — зашептал голос Моргана в его мозгу. — Я и впрямь не был уверен, дотянусь ли до тебя. Кто еще в соединении?»

«Каулай и Дугал, — ответил Келсон. — И Дугал отчасти в сознании, так что постараися, чтобы ничего не прорвалось, а не то он почувствует, перепугается до смерти и все сорвет».

До него долетело некое подобие смеха, вроде звона серебряных колокольцев, затем — более спокойный звук.

«Храбрый парень и верный друг, — отозвался Морган. — Почему ты не привезешь его в Кудди?»

«Мне уже пора обратно?» — осведомился Келсон.

«Да. Кардиель попросил меня с тобой связаться. Они с Ариланом надумали добиться назначения Истелина епископом Месарским, им хотелось бы узнать твоё монаршее мнение. Я сказал им, что ты их, скорее всего, одобришь, но сделать это ты должен лично.»

Разумность предложения была очевидной, и важность дела — вне вопроса, но Келсон почувствовал, что в глубине таится нечто большее, малопонятное и, вероятно, скверное. Дугал завозился: похоже, и ему передалось это беспокойство, так что Келсону пришлось усилить контроль.

«Что стряслось? — спросил он. — Чего ты мне еще не сказал?»

«Кто-то пытался убить Дункана сегодня вечером... Мераша на кинжале.»

«Что?»

«Один из его же людей. Почти мальчик. К несчастью, он мертв.»

«А Дункан?»

Его собственное потрясение дало резонанс, он тут же почувствовал, как Дугал сжался и попытался высвободиться. И тогда нехотя перехватил управление, дабы еще ненадолго удержать связь, даже если это нагонит страху на беднягу Дугала.

«Он вне опасности, — пронизало короля спокойствие Моргана. — Глубокий порез на руке, который я, вероятно, смогу вылечить утром, и вполне предсказуемые последствия действия зелья, но больше ничего. Вернись как можно скорее — и все.»

Морган прекрасно владел собой, но его переполняли невероятно сильные эмоции. Несмотря на попытки Келсона ослабить написк, Дугал содрогнулся, и связь начала колебаться. Отказавшись от роскоши словесного общения, Келсон передал свое согласие и призыв поскорее прекратить связь ради Дугала — и вышел из соединения, столь же вынужденно, сколь и добровольно. Резко разворачиваясь, чтобы ухватить запястья содрогающегося Дугала, он по-прежнему улавливал смутные отголоски боли

Дункана, которая проникала в душу Моргана — только теперь они исходили от Дугала.

— Прекрати! — хрюпнуло прошептал он, как следует встряхивая друга и пытаясь возвратить к его отчаявшемуся разуму. — Взгляни на меня, Дугал! Вздохни глубоко и послушай! Не обращай внимания. С тобой все в порядке. И с Дунканом... Ты не...

Его разум поплыл к Дугалу, и тут слепящая боль словно взорвалась в глубине его взгляда, ударив по быстро выставленным щитам, отразившихся и почему-то вновь задев Дугала, с еще большей силой.

Дугал завопил, сложился вдвое и осел на пол, глухо рыдая, бесслезно, с сухим треском, хватая воздух ртом и сотрясаясь в объятиях Келсона.

Келсон был ошеломлен. Обнимая исступленного Дугала и пытаясь его утешить, он искал и не мог найти причину подобного состояния. После того, как прервалась связь с Морганом, Дугал не должен был больше ничего чувствовать.

Но когда Келсон попытался, наконец, совершив новое прощупывание, ему все стало исчерпывающе ясно.

— Щиты, — прошептал он, отступая как можно скорее, отодвигая от себя Дугала и взирая на него в изумлении. — Матерь Божья, Дугал, да откуда у тебя щиты? Ты меня слышишь, Дугал? У тебя щиты! Дугал, ты цел?

Тот нескладно выпрямился и кое-как сел, поддерживая голову одной рукой и опираясь на колено короля. Келсон больше не требовал от него немедленного ответа, а лишь ждал, пока Дугал опять придет в себя. Наконец, тот медленно поднял голову, утер рукавом заплаканное лицо и посмотрел на короля несколько остекленелым взором.

— Дугал, что случилось? — еле слышно прошепел Келсон.

Тот попытался бодро улыбнуться.

— Я собирался спросить у тебя то же самое. Боже, сердце так и ноет!

— Тебе каким-то образом удалось перехватить кое-что из того, что Морган посыпал мне, — прошептал Келсон. — А затем ты выставил щиты. Как ты это сделал?

— Что?

— Щитами загородился. Это мало кто из людей умеет делать. Все шло превосходно, пока Морган не сообщил мне о нападении на Дунканна и о мерах.

— Это еще что такое? — бесстрастно спросил Дугал.

— О, Иисусе Милосердный, ты, конечно, не знаешь. Это зелье. Понятия не имею, откуда оно взялось. Но оно убивает даринийскую магию. И мы... короче, не можем тогда пользоваться магией. На мне его никогда не пробовали, но с Морганином такое было. А теперь — и с Дунканом. И я знаю, как

его применили, чтобы сделать моего отца беспомощным перед колдовством Кариссы, так что она смогла его убить.

Дугал содрогнулся.

— Послушать, так просто жуть...

— Вот именно. И ты попытался выйти из соединения! О, Господи, у тебя, оказывается, есть щиты! А у него нет, — и Келсон раздосадованно махнул рукой в сторону спящего Каулая. — И насчет тебя такое трудно было представить. Но тут мы получили этот отголосок от Дунканна. Так что это еще за чертовщина? Ты можешь хоть что-нибудь вспомнить?

Дугал потер виски и болезненно поморщился.

— Я не могу думать, когда на меня орут.

— Я не ору. Я просто должен знать, что стряслось, — сказал Келсон чуть с меньшим напором. — Ты меня дьявольски напугал.

— Я и сам себя дьявольски напугал.

Дугал осторожно сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, не глядя на Келсона и пытаясь вернуться к воспоминанию о внезапной боли.

— У меня в голове полная каша, — наконец заговорил Дугал, запинаясь, — но помню, что как только ты перестал говорить, у меня... Меня вроде как дремота охватила.

— Здесь моя вина, — пробормотал Келсон. — Признаюсь, я сделал чуть больше, чем то, о чем сказал тебе. Но это не должно было так на тебе отразиться. Что-нибудь еще помнишь?

— Я... да, было смутное ощущение, будто Морган смеется... И что-то о епископах... и... а затем — жуткая боль у меня в голове.

— Таково должно быть Дункану от мерави, — произнес Келсон, кивая. — Каким-то образом ты вошел в соединение глубже, чем я полагал... достаточно, чтобы передалось ощущение. Но щитов я никак не ожидал. У Каулая их точно нет.

— У него и с животными так не ладится, как у меня, — сообщил Дугал не без некоторого раздражения. — А он в свое время был охотником не хуже Къярда. — Он помедлил. — Может быть, это имеет какое-то отношение ко Второму Зрению. Может... Может, оно связано со щитами.

— Наверное, — согласился Келсон.

Но упоминание Дугалом животных заставило отзваться какую-то струну в душе Келсона, так что он едва ли обратил внимание на все, что касалось Второго Зрения. Он вспомнил рассказы отца о том, как Морган мог чарами довести оленя до самых городских ворот, если пожелает, и какие-то мимолетные разговоры о сестре Моргана, Бронвин, способной при-

зывать с неба птиц. Если их дар исходил от Дерини, то кто такой Дугал? Он тоже всегда хорошо ладил с животными... А теперь еще и щиты...

— Давай-ка попробуем разобраться, — сказал он, опустив ладони на виски другу, прежде чем тот успел возразить. — Постарайся не противиться мне. Это — единственный способ узнать больше о том, с чем мы столкнулись.

Но Дугал схватил ртом воздух и попытался вырваться, едва только первое прощупывание ударило о вновь выставленные щиты.

— Боже мой, что ты со мной делаешь?

— Я не хочу причинить тебе вред, — ответил Келсон. — Постарайся расслабиться. Тогда мне станет куда легче. Но ты должен мне помочь. Да не противься мне, глупец! Чем больше противодействие, тем больнее!

Но страдания, вызванные этими поисками, вновь помешали Дугалу вести себя разумно, он сжался в клубочек и задрожал. Келсон совершил несколько попыток, но щиты все равно поднимались. При этом он чувствовал, что у Дугласа опасно учащается сердцебиение. Пришлось прекратить.

— Прости, — пробормотал он, оставив свою затею. — Боже мой, хотел бы я знать, откуда они у тебя взялись!

Он сомневался, что Дугал его слышит, но снова и снова повторял свои извинения, разминая оцепеневшие плечи друга и дожидаясь, когда тот оклемается, пока, наконец, Дугал не пошелевелился и не разогнулся достаточно, чтобы обратить к Келсону лицо с испуганными, ошеломленными глазами.

— Прости, — снова повторил Келсон, — я не хотел сделать тебе больно. Мне действительно очень жаль. Ты как? Ничего?

Дугал кивнул, словно пьяный, и с помощью короля сел, успокаивающе подняв руку.

— Это не твоя вина. Это все я. Я старался вести себя так, как ты просил, но это так трудно...

— Знаю, — Келсон отвел взгляд, вновь перебрав в памяти все мелочи, затем покачал головой и вздохнул.

— Ладно, немногого нам пользы в том, чтобы вот так сидеть и просить прощения друг у друга. Никто не виноват. Эх, вот только жаль, что мне придется завтра с утра выехать в Кулди. — Он в надежде поднял бровь. — Ты ведь вряд ли подумываешь о том, чтобы отправиться со мной, а?

— Из-за... из-за того, что случилось?

Келсон кивнул.

— Я не могу, — Дугал проглотил комок и полуобернулся, теребя пальцами складку своего килта. — Дело в моем от-

це, Келсон. Сам видишь, каков он нынче. Зима еще только начинается. Я не могу оставить его здесь одного.

— А он и не будет один, — осмелился вставить Келсон. — Здесь твои сестры и весь ваш клан. Это истинная причина?

Дугал глубоко вдохнул и медленно выдохнул, стараясь не глядеть королю в глаза.

— Почти что. Если он умрет... Нет, *когда* он умрет... Я стану вождем клана Макардри, да еще и графом Траншийским. У меня есть обязанность перед родными. И... дела всегда осложняются, если нового вождя нет поблизости, когда проходит время старого.

Келсон, похолодев, бросил взгляд на постель, возвышавшуюся рядом с ними, хотя отсюда и не было видно спящего.

— Каулай близок к смерти?

— Я здорово сомневаюсь, что он протянет до конца зимы, — спокойно произнес Дугал. — На вид-то он крепок, но сердце... Ладно, скажем так: будь он лошадью, я бы усыпал ее месяц назад. И еще... С головой тоже кое-что неладно. Он даже говорить не мог некоторое время после того, как ему отказали ноги, хотя речь восстановилась несколько месяцев спустя.

— Мне искренне жаль.

— Мне тоже, — Дугал издал обреченный вздох. — К несчастью, это ничего не меняет. Я сомневаюсь даже в том, что твои деринийские целители могут много для него сделать. А я могу хотя бы оставаться с ним до конца, если это возможно. Конечно, если он переживет эту зиму, у меня будут другие сложности. А весной мое место будет подле тебя, во главе ополчения Макардри. Но об этом мы станем беспокоиться не раньше, чем что-то случится, — с воодушевлением заключил он. — Что до остального, давай тоже не беспокоиться до поры. Ладно?

Неуверенно пожав плечами, Келсон поднялся и помог Дугалу встать на ноги.

— Если ты желаешь. Как бы мне ни хотелось, чтобы ты находился при дворе нынешней зимой, я, безусловно, не могу оспаривать причин, которые удерживают тебя здесь. Я не считаю, что требуется по-настоящему спешить из-за... из-за того, что недавно случилось. Что бы ни происходило у тебя в голове, это, вероятно, уже некоторое время шло, как идет, и я сомневаюсь, что многое изменится, если мы подождем до весны, чтобы узнать больше.

Они с Дугалом молча вернулись обратно, к сиденью в нише под окном. Там Келсон раскрыл ставни и стал глядеть на море, глубоко вдыхая соленый воздух. Дугал молча стоял рядом с

— Если рассуждать стратегически, вряд ли что-то важное случится до весны, — продолжал король несколько секунд спустя. — Посмотри-ка. Вот уже назревают бури. Еще месяц — и дожди вдвое увеличат время поездок к этой части королевства. А два месяца спустя, снега увеличат его еще вдвое. Даже твой кузен Ител, как бы он ни жаждал престола, не сможет передвигать сколько-нибудь боеспособные войска в таких условиях. Нет, у нас — целая зима, чтобы решить, как с этим справиться. Возможны кое-какие незначительные местные беспорядки, но — никакой сильной угрозы еще самое меньшее — пять месяцев.

Хмуро поджав губы, Дугал бросил взгляд назад, на большую постель и человека, хралевшего под меховыми одеялами.

— Если где возникнет угроза, я там буду, мой брат, — не громко сказал Дугал, и поднял правую ладонь, которую пересекал старый бледный шрам. Это движение тронуло Келсона больше, чем почти все, что случилось нынче вечером. А у него и многое другое вызывало подобное чувство. Он в задумчивости поднял и свою правую руку и соединил белый шрам, пересекавший его ладонь с тем, что у Дугала. Воспоминание о том, как появились оба шрама, хлынуло в один миг, как если бы они вновь стояли вдвоем у священного источника, высоко на горе, обточенной ветрами, на краю Кэндор Ри. Келсону тогда было десять. Дугалу — почти девять.

— Ты уверен, что действительно этого хочешь? — спросил тогда Дугал, когда они вымыли свои грязные руки водой из источника. — Мои родные считают клятву нерушимой, если пролилась кровь. И что скажет твой отец?

— Мне безразлично, что он скажет, когда дело будет сделано, — отозвался Келсон. — Ведь он не сможет ничего изменить, верно?

— Нет. Ничто не сможет отменить клятву, пока один из нас не умрет.

— Тогда нам не о чем беспокоиться, — заметил Келсон с улыбкой. — Потому что мы с тобой будем жить вечно. Правда? — Он помолчал секунду-другую. — А что, очень больно бывает, не знаешь?

Кожа Дугала под веснушками стала чуть бледной.

— Не знаю, — признался он. — Мой брат Майкл обменялся клятвой крови со своим другом Фалком, когда им было меньше, чем нам теперь, и он говорил, что ужасно болит... Но, думаю, иногда Майкл меня нарочно пугает. — Он проглотил комок. — В конце концов, это лишь небольшой порез. Если мы хотим стать рыцарями, мы должны приучиться не бояться ран, верно?

— Я не боюсь, — парировал Келсон, вручая другу свой отданый серебром кинжал. — Вот. Давай.

На самом деле, он здорово боялся, и Дугал тоже, но он не позволил себе даже дрогнуть, когда неумелая рука Дугала полоснула клинком по его ладони. Келсон сжал свое запястье и, словно зачарованный, следил, как наполняется кровью порез на его ладони, и отвел глаза лишь, когда его друг вложил черную резную рукоять своего кинжала в окровавленные пальцы Келсона. В шарик на конце рукояти был вправлен бледный аметист, и Келсон помнил, как кровь запятнала камень, когда он провел клинком по ладони Дугала и нанес ему рану, такую же, как у него самого.

— Повторяй за мной, — прошептал Дугал, прижав свою окровавленную ладонь к руке Келсона и обвязав их сверху платком. — Отныне ты станешь моим братом по крови до конца жизни.

— Отныне ты станешь моим братом по крови до конца жизни, — повторил Келсон.

— Призываю в свидетели все четыре Стихии, — добавил Дугал.

— Призываю в свидетели все четыре Стихии, — подхватил Келсон.

— Что, пока я дышу, я не покину моего брата во имя моей жизни и чести...

Слегка улыбнувшись, Келсон обхватил своей свободной рукой их соединенные ладони и кивнул.

— Тогда буду ждать тебя весной, брат мой, — тихо произнес он. — Исполняй свой сыновний долг нынешней зимой и храни мир здесь, в Транше, ради меня, а затем явись ко мне в Кулди, как только расчистятся перевалы.

— Приду, мой государь, — прошептал Дугал. — И пусть хранит нас Бог до той поры.

Глава шестая

**Они задумали свергнуть его с высоты,
прибегли ко лжи; устами благословят,
а в сердце своем клянут¹**

Wнав особому призыву архиепископа Ремутского, епископы в Кулди собирались на совещание на другой день с самого утра. Истелина позвали, чтобы исполнял обязанности секретаря. Никто не был изумлен больше него, когда Кардиель предложил его на пост епископа Меарского.

К облегчению Кардиеля и Арилана, Истелин быстро встретил поддержку. После того, как хвалы ошаращенному Истелину пропел архиепископ Брендан, который лучше, нежели кто-либо другой, знал Истелина как священнослужителя, едва ли нашелся прелат, которые не присоединился к его сторонникам, ибо назначение Истелина предлагало гибкое решение Меарского вопроса. К полудню, когда все съехавшиеся в Кулди собрались на мессе, архиепископ Браден уже смог провозгласить их единодушное решение с кафедры. За несколькими исключениями, новость приняли с одобрением.

Одним из тех, кому не понравилось решение, был Джедаил из Меары, хотя на публике он не выказал какого-либо недовольства. Однако вскоре после того, как месса закончилась, он почтительно постучал в дверь своего покровителя, Креоды Кэрбериjsкого. Секретарь епископа немедленно впустил его.

— Вы могли бы меня предупредить, — сказал он, когда секретарь препроводил его в присутствие Креоды, и были соблюдены все формальности.

Вздохнув, Креода указал ему на место против своего, и вторым знаком руки попросил священника-секретаря остаться.

¹Псалтирь 62:5

Джедаил сел. Он был моложав на вид, держался прямо, как палка, волосы его преждевременно поседели и резко контрастировали с черным облачением.

Бледно-голубые, как море, глаза мерили Креоду обвиняющим взглядом, руки также выдавали его возбуждение: он все время играл своим кольцом.

— Такое порой случается, — пробормотал Креода. — Если и есть утешение, то вы вели себя в точности так, как следовало. Кардиель выступил с этой рекомендацией на собрании сегодня утром. Не было возможности предупредить вас между собранием и мессой. Весьма сожалею.

— Я тоже, — Джедаил еще несколько мгновений теребил свое кольцо, затем устремил взгляд в сторону, на огонь в каминном очаге. Серебряная печатка у него на пальце куда больше подошла бы светскому вельможе, нежели духовному лицу.

— Что же будет дальше? — спросил Джедаил. — Это конец? Король утвердит назначение Истелина?

— Я не могу ответить ни на один из трех вопросов, — откликнулся Креода. — Истелин был в чести у короля много лет, и я сомневаюсь, что будут какие-либо возражения со стороны его величества. Однако, это не означает неизбежного конца делу.

— Не означает?

Креода щелкнул пальцами в направлении секретаря и протянул руку, в которой тут же очутился свернутый лист пергамента. Джедаил в ожидании подался вперед, но Креода разворачивать документ не спешил.

— Вот что я получил вчера вечером, — сказал епископ, держа письмо в вытянутой руке и пробегая глазами, прежде чем вручить его Джедаилу. — Суть в том, что наш брат в Святом Айвиге готов поддержать вас и ожидает посланца, который выведет его на свободу.

— А много ли стоит его поддержка теперь, когда другой избран на епископский престол Меары? — с горечью заметил Джедаил, разбирав густо покрывающие лист письмена.

— Она стоит столько, сколько нам потребуется, — ответил Креода. — Он хотя бы может объединить служителей во имя возрождения Старой Меары.

— Вы действительно думаете, что он все еще обладает достаточным влиянием?

— Вы о нем многоного не знаете, — заявил Креода. — Безусловно, он фанатик, но я всегда считал его праведным и набожным человеком. То, как поступил с ним король, оскорбило многих, в том числе, и меня. В конце концов, он был примасом, и выбрали его мы.

— И он — фанатик, — напомнил своему покровителю Джедаил, возвращая послание священнику, стоящему рядом, — вы сами это признали.

Креода передернула узкими плечами и улыбнулся, надменно и хитро.

— Прошу вас, святой отец, не отрицайте, что у меня есть толика здравого смысла. Если кто-то отзыается о нашем бывшем примасе как о набожном человеке, это не означает неизбежно, что он думает, будто того нужно возвратить на прежнюю должность.

— Не означает?.. — Джедаил в немом изумлении воззрился на епископа. — Но я думал...

— А вы не думайте, отец, — тихо ответил Креода. — Предоставьте думать мне. На кон поставлено многое, и помимо вашего Меарского епископата. Чем меньше вы знаете, тем лучше.

— Но...

— Говорят, что король может вынудить любого говорить правду, отче, — продолжал Креода. — И одному Богу ведомо, какие нечестивые дела способны творить его деринийские друзья. Но никто не может говорить о том, чего не знает, разве не так? Мое молчание — ваша защита, ровно как и моя, сын мой.

Лицо Джедаила стало белее его волос. Он обхватил грудь руками, словно подавляя дрожь.

— Господь Всемогущий и Всеблагой, вы правы! Морган остановил меня на пороге часовни вчера вечером. Я не смог увернуться. Он хотел знать, известно ли мне что-нибудь о попытке убийства Маклайна.

— О попытке убийства?

— Так значит, вы за этим стояли?

— Конечно, нет. А что случилось?

У Джедаила был смущенный вид, и он покачал головой.

— Не знаю наверняка. Как я понял был какой-то мальчик с ножом. Хотя рана не должна быть опасной. Сегодня утром Маклайн присутствовал на мессе. Я видел, как он сидит рядом с Морганом.

— Присутствовал... — Креода в течение нескольких минут глядел в пространство, затем покачал головой. — Неважно. Это не наша забота. Очень много кому могла бы понадобиться смерть священника-Дерини.

— Или герцога-Дерини, — добавил Джедаил. — А он еще и герцог, не забывайте. Моя тетушка и кузены сочли бы, что его смерть им на руку.

Креода оторопело уставился на него, и Джедаил с некоторым пренебрежением продолжал:

— Разве такое можно забывать, ваше преосвященство? Пусть это не имеет прямого значения для церковных дел, но это нельзя сбрасывать со счетов. Как герцог Кассан и граф Кирни, Дункан Маклайн не имеет прямого наследника. По праву наследования, его земли должны перейти к Ителу после его смерти... хотя, король такое вряд ли позволит.

— А, стало быть, Морган нашел, что у вас есть мотивы, — произнес Креода. — Что, в сущности, верно. И поэтому пожелал вас допросить. И разве вы не рады, что ничего не знали, и что вам было нечего ему сказать?

— Признаюсь, что да. Он хотел знать, как давно я получал вести от моей тетушки. И он должен был понимать, что, если меня возведут на престол Меары, это могло бы содействовать их делу.

— Едва ли это для кого-нибудь тайна, — кисло заметил Креода. — Ну, ладно. Стоит предположить, что в будущем он станет еще наблюдательней — что еще раз подтверждает: вы должны знать о наших планах как можно меньше, пока дело не будет сделано. Согласны?

— Судя по всему, мне выбирать не приходится.

— Именно так. Поэтому пока что я посоветую вам ждать погоды, доброжелательно поддержать Истелина и сторониться как можно больше Моргана или любого другого Дерини. Увы, они кругом так и кишат.

Джедаил наклонил голову в знак согласия.

— Вот и славно. А сейчас, думаю, вам лучше бы вернуться в вашу келью, — продолжал Креода. — И оставайтесь там как можно дольше. Никто не сочтет странным, если вы пожелаете находиться в одиночестве несколько дней. Как я понял, короля ожидают завтра или послезавтра, и я предвкушаю вскоре после того великий исход в Ратаркин на введение в должность Истелина. Надеюсь, вскоре после того мы будем готовы сделать новый ход.

— Я преклоняюсь перед вашей мудростью, ваше преосвященство, — пробормотал Джедаил, преклонив колена в церемониальном прощании, чтобы поцеловать кольцо епископа и получить его благословение.

Когда Джедаил ушел, Креода скосил глаза на своего секретаря.

— Посланец Горони все еще ждет за стеной? — спросил он.

— Да, ваше преосвященство.

— Отлично. Тогда пригласите его и приготовьте чернила и пергамент. Нам предстоит кое-какая работа.

* * *

Два дня спустя король вернулся в Кулди. Делегация епископов встретила его снаружи у городских ворот и провела с подобающим церемониалом в зал собраний, где Истелин был формально представлен как избранный епископ Меары. По нескольким различным дорогам были посланы вестники, чтобы отыскать короля и сообщить ему о намерениях епископов, так что Келсон был способен незамедлительно дать свое монаршье одобрение. Он отобедал с Истелином и несколькими другими приглашенными в тот вечер, затем удалился с Морганом и почти оправившимся Дунканом; они обменялись подробностями всего, что произошло за дни отсутствия Келсона. На следующее утро весь королевский двор выехал в Ратаркин и добирался туда весь день, чтобы еще день спустя присутствовать при введении в должность Истелина.

Ночью, когда король и двор отдыхали в Ратаркине, а вновь избранный епископ бодрствовал с несколькими своими братьями в монастырской часовне поблизости, некто, одетый, как монах, прошел по тихим галереям другого монастыря, далеко на северо-востоке, у самого моря. Узник Святого Лайвига нетерпеливо расхаживал туда-сюда, пока по другую сторону двери скрежетал замок, при каждом новом шуме опасаясь, как бы не поднялась тревога. Когда же, наконец, дверь распахнулась, его приветствовал монах, который исповедал его ранее на неделе: проповедник Джеробоам, которого ему велено было ожидать. Джеробоам склонил голову, чтобы получить благословение, затем знаком показал, что следует снять сандалии. Две пары босых ног не производили шума, пока эти двое спускались с башни по винтовой лестнице навстречу свободе.

Было время между повечерием и заутреней, когда все аббатство спало. Только сейчас можно было надеяться проделать весь путь через монастыри, не опасаясь кого-нибудь встретить. Когда они считали пятками ступени близ монашеской спальни, Лорис едва ли смел дышать. Миновав ее, вздохнул во всю грудь, но тут их дорога стала лабиринтом непредсказуемых поворотов, подъемов и спусков. Он понятия не имел, где они. Новая ведущая вниз лестница сменилась скользящим вниз проходом, затем — туннелем, вырубленным в скале, а далее — пещера над самым морем и отчаянный спуск по веревке с крутой скалы к ожидающей внизу плетеной, обшитой кожей лодочке. Лорис приник к бортам крохотного суденышка, когда оно покинуло бухту и направилось вперед по мощным вадам, и успокоился не раньше, чем из тумана вдруг возник корабль, рангоут и такелаж которого четко вырисовывались во тьме. Едва Лорис вскараб- 99

кался на борт, корабельщик, не мешкая, подал молчаливый знак гребцам, и те взялись за весла.

— Да пособит Бог вашему преосвященству в вашем деле, — сказал приглушенный голос, и смутная тень преклонила колена, чтобы взять руку вновь прибывшего и поцеловать ее.

— Горони? — прошептал Лорис, поднимая этого человека, как равного, а затем обнимая. — Горони! Горони! Я боялся, что больше не увижу ни тебя, ни свободы! О, я поистине благословлен такой услугой!

Горони отстранился, насколько требовалось, чтобы с благодарностью наклонить голову, и довольно улыбнулся:

— У меня нашлись могущественные союзники, мой господин. Но, боюсь, недостаточно могущественные, чтобы помешать вашим врагам чинить нам все новые и новые препятствия. Отец Джедаил не был избран на престол Меары. Завтра утром Браден и Кардиэль возведут в эту должность Генри Истелина в Ратаркине перед королем и большей частью двора.

— Истелина? Ах, проклятие! — Лорис ударили кулаком по ладони, затем отвернулся от Горони и двинулся дальше в сторону носа.

Ветер бодрил его, корабль скользил все дальше из своего укрытия среди скал, парусина шуршала и хлопала, пока матроны поднимали парус и разворачивали его по ветру.

— Ты знаешь, как это случилось? — спросил Лорис после того, как справился со своим гневом.

Горони пожал плечами.

— Не во всех подробностях, ваше преосвященство, но нетрудно понять, что сюда приложил руку Дерини Маклайн. Кстати, вынужден сообщить, что наша затея окончилась неудачей. Маклайн жив и будет введен в епископы на Пасху, чтобы служить Кардиэлю.

— Гадюка в епископской митре! — Лорис в ярости сплюнул за борт. — А как наш человек? Он что-нибудь сказал?

— Судя по всему, нет. Маклайн убил его в ходе схватки. К счастью, мертвца не может заставить говорить даже Дерини... Особенно, если применить мерашу.

— А, значит, малычику удалось его ранить.

— Да. Хотя — неопасно; насколько до меня дошло — порез на ладони. Очевидно, Морган оказался способен его исцелить, хотя не прямо на месте, и мераша попала в кровь. Маклайн достаточно оправился, чтобы посетить мессу наутро в поддень, и, вроде, не было даже следа раны.

— Ах, чтобы его разорвало, еретика деринийского! Обоих их! И этот будет епископом! — он оглушительно вздохнул,

затем более мягко посмотрел на Горони. — Тогда как это меняет наши намерения, друг мой? Ты сотворил достаточно чудес, чтобы вытащить меня из Святого Айвига, но мы никоим образом не сможем вовремя попасть в Ратаркин, чтобы сорвать введение в должность Истелина.

— Что правда, то правда, сударь. Однако, когда мы все-таки попадем в Ратаркин, король и двор будут на пути в Ремут. И всю зиму нового Меарского епископа будет охранять только его гарнизон — а большинство стражей многим обязаны епископу Кулдскому или даже Джедаилу.

— В самом деле? — прошелестел Лорис.

— Именно так, мой господин, — с улыбкой ответил Горони. — И епископ Креода не перестанет поддерживать нас после того, как вы освободились. Он предлагает помочь вам низложить Истелина, а затем возвести на его место Джедаила. Король даже не узнает ничего несколько дней, если все пойдет своим чередом — а снегопады не позволят ему что-либо предпринять до весны. К тому времени вы с принцессой Кэйтрин будете надежными союзниками.

Лорис переварил все новости и наконец кивнул.

— Да, и Креода хорошо мне послужил. В нашем распоряжении есть третий епископ, чтобы действительность посвящения Джедаила была вне вопроса?

— Мы надеемся... да... убедить Истелина, чтобы он нам помог, — осторожно произнес Горони. — Его сотрудничество прибавит нам доверия сторонников короля в городе, а, возможно, еще и облегчит наше положение на всю зиму. Если же нет, то Мир Кирнийский и еще несколько странствующих епископов остаются в пределах досягаемости от Ратаркина. Когда город будет наш, у вас не окажется недостатка в покорных епископах.

— Сколько их сейчас? — спросил Лорис.

— Пока что семеро, не считая Джедаила и вас. У трех — важные епархии. — Горони помедлил. — Мне бы следовало добавить: никто из них не знает, что вы участвуете в деле, наряду с Креодой и Джедаилом, хотя всех их связывает борьба за независимость Меары. Однако, думаю, их достаточно легко можно будет убедить поддержать вас, как только всплынет, что вы намереваетесь примкнуть к принцессе Кэйтрин.

Лорис едва слышно фыркнул, затем огляделся, прежде чем остановить взгляд на Горони.

— Вы думаете, мне, вообще, есть до нее дело, Горони? Я хочу получить обратно свой престол. И добраться до Дерини, которые его у меня отняли. Во что бы то ни стало — добраться до них.

— Полагаю, вы вполне можете получить желаемое, сударь, — и Горони улыбнулся. — Вы увидите, что епископы теперь куда более послушны, чем в прошлый раз... А если поднять знамя воссоединенной Меары, ничто не помешает создать новые епархии, и уж эти-то епископы сделают все, чего вы ни пожелаете. Меара — это лишь первый шаг.

— Ах, Горони, вы все превосходно понимаете, — с одобрением пробормотал Лорис. — Не забуду о своем обещании. — Он вздохнул и посмотрел на бесконечное море впереди. — Сколько еще до высадки? Страсть как хочется поскорее приняться за дело.

— Завтра чуть свет. Оттуда два-три дня конного пути до Ратаркина. Мы не ожидаем сопротивления. Почему вы не ложитесь, мой господин?

— Спасибо. Полагаю, и впрямь стоило бы. Возможно, мне даже удастся заснуть.

* * *

Никто не спал в монастыре святого Айвига, незадолго до того как аббат, впервые за тридцать лет, отменил заутреню. Старый монах, дрожа преклонивший колена перед аббатом и братьями, поспешил собравшимися в пустой келье Лориса, чуть ли не рыдал, его голос был едва слышен, хотя аббат уже освободил присутствующих от Орденского Предписания говорить только шепотом, за исключением Божественной Службы.

— Я не могу этого объяснить, отец аббат. Он просто исчез. Он испросил разрешения посетить вечерню, чтобы послушать проповедь брата Джеробоама, и я сам запер за ним дверь, когда он вернулся. Вот ключ. — Он не глядя протянул ключ обеими руками. — Я поклонюсь на любых святых реликвиях, на каких вы ни потребуете, что он все это время был при мне.

Вышел вперед другой монах и встал на колени рядом с обескураженным стариком.

— Это правда, отец аббат. У брата Венцеслава был при себе ключ, когда он вернулся, препроводив отца Лориса в его келью. Мы вдвоем бдели в часовне Богоматери до поздней вечерни. И оба заглянули к отцу Лорису перед отходом ко сну, нам показалось, что он спит. А раннюю заутреню он часто пропускает. И не было причины проверять, как он, пока мы не явились будить его к заутрене.

Аббат, весь мятый и всклокоченный, в поспешно надетой сутане, устало сел на табурет и вздохнул.

— Тогда он не может отсутствовать долго, — пробормотал 102 аббат. — Как это могло случиться? Брат Венцеслав, прошу,

поверь, я ни в чем не обвиняю лично тебя, но не могло ли случайно быть второго ключа?

Третий брат, склонившийся, чтобы осмотреть дверной замок при свете свечи, которую держал четвертый, что-то пробубнил себе под нос, а затем, подняв глаза на аббата, покачал головой.

— Сомневаюсь, что был еще один ключ, отец аббат. Имеются явные признаки, что замок взломали. Это мог быть один из лудильщиков, которые забредали к нам в последние несколько дней. — Он немного помолчал. — Или какой-то другой посетитель. Вряд ли кто-то уже расспрашивал брата Джеробоама, а?

Аббат сокрушенно покачал головой.

— К несчастью, как мне уже сообщили, брат Джеробоам тоже отсутствует. Увы, он казался хорошим проповедником, а в действительности был чем-то другим. То, что мы не распознали его — не вина кого-либо из нашего Ордера, но суть такова, что заключенный, которого нам доверили охранять, сбежал. Мы не исполнили свой долг. — Он снова вздохнул, и собравшиеся братья покаянно склонили головы. — Нам ничего не остается, кроме как сообщить королю, братья мои, и мы это сделаем, хотя я готов плакать от стыда.

— Это наш общий позор, отец аббат, — пробормотал один из монахов.

— Да-да, — аббат покачал головой и в третий раз вздохнул. — Поищем-ка в последний раз, братья мои. Возможно, мы найдем еще что-нибудь, что прояснит, как это было осуществлено. Между тем я набросаю письмо королю. Брат келарь, мне понадобится гонец, который с рассветом отбудет в Ремут. Позаботьтесь, чтобы его снарядили в путь.

— Да, отец аббат.

* * *

В полдень на мессе в тот же день ремутский священник Генри Истелин был официально провозглашен епископом Меарским и получил знаки своего нового достоинства. Возвещенный на престол в своем соборе Святого Уриила и Всех Ангелов, окруженный архиепископами и своими собратьями-прелатами в присутствии короля Келсона, он получил присягу и выражения почтения от всех присутствующих духовных лиц в Меаре, и никто не проявил более благостного смирения, нежели отец Джедаил. Сам король просил нового епископа одарить его первым благословением, ибо сохранил теплые воспоминания о верности, которую проявил Истелин во время войны против Торента. Он и его доверенные приближенные стояли на ко-

ленах со склоненными головами, пока звучали проверенные веками слова. В тот вечер был пир в епископском зале.

Казалось, что горожане более или менее довольны своим новым прелатом, но на всякий случай Келсон дал Истелину на зиму двадцать воинов из своей стражи. Кардиэль выделил столько же из епископских войск. Ими был умножен гарнизон, оставшийся после покойного епископа Карстена, который и прежде разросся, приняв два десятка человек из ополчения епископа Креоды. Сам Креода предложил, что останется в Ратаркине на несколько недель, дабы помочь Истелину мирно добиться для себя подлинной власти. То был братский жест, в котором ни у кого не было причин сомневаться.

Однако, все ухудшающаяся погода не позволяла королю слишком медлить с отъездом. Раз уж Истелин, судя по всему, утвердился на новом посту, Келсону надлежало вернуться в Ремут и возобновить правление всем своим королевством. В течение долгой зимы наверняка возникнут нелады, но король чувствовал, что его новый епископ неплохо защищен. Он был весел, когда выехал из ворот города Ратаркина на следующее утро, да и сопровождающие его ехали в радужном настроении, несмотря на брызгущий с неба дождик. Некоторые из епископов, которые прибыли на церемонию из Кууди, намеревались двигаться вместе с королевским кортежем, пока не настанет пора сворачивать по домам, — так что путешествие вышло почти праздничным. Когда кавалькада двигалась на юг, чтобы пройти горными перевалами близ Куилтейна, прежде чем погода вынудит выбирать более долгую дорогу, никто в королевском кортеже — ни Дерини, ни люди, ведать не ведали о предательстве, зреющем в городе, который они покинули, а тем более — о предательстве, которое совершится всего несколько дней спустя, дальше к северу.

Глава седьмая

**Уста их мягче масла,
а в сердцах их вражда;
слова их нежнее елея,
но они суть обнаженные мечи¹**

Л предрассветной тишине следующего утра лодчонка из ивняка и кожи с бывшим и будущим при-
масом Гвиннедским отошла от корабля, бросив-
шего якорь у Траншийского побережья, и бесшум-
но заскользила в закрытой бухточке. Углое суде-
нышко качалось и подпрыгивало, пробиваясь к берегу через бу-
руны, и двое, сидевших в нем не без тревоги хватались за
кожаные борта, скокожившись под тяжелыми плащами, защи-
щавшими их от ледяных брызг. Когда песок заскрипел под дни-
щем, двое гребцов спрыгнули в воды прибоя, чтобы доволочь
лодчонку до самого берега. Из утреннего тумана выплыли факе-
лы, а затем постепенно стали видны одетые в темное вооружен-
ные мужчины. Поодаль, еле слышно сквозь рев набегающих
волн, топали и фыркали лошади и бряцала сбруя.

— Эй, в лодке, — воззвал к ним низкий голос.

Лорис неуклюже встал, лодчонка угрожающе закачалась.

— Брайс?

Предводитель отряда и один из факелоносцев немедленно
отделились от остальных и вышли вперед.

— Добро пожаловать, ваше преосвященство, — сказал Брайс
Труриллский. Он помог Лорису выбраться из лодки и склонил-
ся над его рукой. — Надеюсь, путешествие было не слишком
утомительным.

Лорис поспотыкал на влажном песке: его ноги не сразу
привыкли к сухе, но Брайс поддержал его под локоть, и они

¹Псалтирь 55:22

потащились вдвоем вверх по крутому откосу. Его спутник помог покинуть лодку Горони. Как только оба прибывших оказались на берегу, гребцы стали толкать лодочку обратно к бурунам. На ожидающем в отдалении корабле на миг вспыхнул огонек.

— Благодарю за помощь, сын мой, — пробормотал Лорис, немного пыхтя, ибо его утомил подъем. — Твоя услуга не останется без награды. Все в порядке?

— В порядке, ваше преосвященство. Мы умышленно подобрали для вас маленькую свиту, чтобы не возбуждать лишнего любопытства, но Гендону удалось установить местонахождение нескольких из ваших бывших валоретских стражей. Все мы поклялись верно служить вам.

Он указал рукой в сторону товарищей, темных и безликих, ожидающих у беспокойных лошадей, и все, как один, почтительно склонили головы. Удовлетворенно кивнув, Лорис вознес правую руку, благословляя их, и проговорил подобающие слова. Брайс и Гендон также склонили головы, принимая благословение. Затем один из встречавших вывел вперед двух коней. Брайс, надев шлем с баронским венцом вокруг макушки, сам придержал стремя бывшему архиепископу, пока тот забирался в седло.

— Куда мы направляемся? — спросил Лорис, едва очутился в седле и собрал в руках поводья.

Барон Брайс Труриллский улыбнулся, вскакивая на собственного коня.

— Мы едем в Ратаркин, ваше преосвященство, где нас ждут наши сторонники.

Лорис мрачно усмехнулся, и то был единственный ответ, который он позволил себе, пока взирались в седло остальные. По мере того, как они, один за другим, швыряли факелы в воды прибоя, их темные фигуры вновь расплывались в набегающем тумане. Побрякивающая сбруя негромко отвечала рокоту волн, когда всадники, покинув берег, двинулись на юг. Корабль задержался ненадолго, взмыв над покатой водяной горой, точно не здешняя морская птица, а затем исчез в тумане. Вскоре о предрассветном свидании напоминали только остатки догоревших факелов, покачивающиеся на приливной волне.

Однако их поездка не прошла незамеченной. Двое бородатых разведчиков, лежавших на животе на скале над бухтой, заметили отряд воинов в черном еще до полуночи. Появление любых вооруженных людей на траншийской земле всегда было поводом для подозрений; а эти, казалось, из кожи вон лезли, чтобы скрыть, кто они, и, разумеется, находились здесь

без дозволения вождя Макарди. Прибытие корабля еще усилило подозрения наблюдателей. Один из них изучал высаживавшихся в длинную подзорную трубу, едва слышно зашипев сквозь усы, когда увидел, что более высокий из высадившихся поднимает руку в благословении.

— Знать не знаю, кто это, но он мне здорово не нравится, — прошептал он, передавая подзорную трубу напарнику. — Как ты думаешь, что им надо?

Второй крякнул и поднес трубу к глазам, несколько секунд он молча наблюдал, затем ответил:

— Здесь что-то неладно, это уж точно. Надо сказать лорду.

— Угу.

Они продолжали наблюдать, пока подозрительные люди не сели верхом и не уехали, подсчитав их, определив направление и запомнив все прочие подробности, которые были им доступны с их наблюдательного поста. Вскоре они тоже растворились в утреннем тумане, едучи проворной и легкой рысью по направлению к Траншийскому Замку.

* * *

— Нет, мне не показалось, будто на них были ливреи или какие-нибудь знаки, сударь. Но отряд, хорошо вооруженный, да еще и без знамени или чего-то такого — это попахивает изменой, — докладывал старший из двоих час спустя в зале, где Макарди и его наследник завтракали с еще несколькими родичами. — Готов спорить, это меарская зараза.

— Зараза. С этим я согласен, — пробурчал старый вождь. — Но почему меарская? Александр, у тебя есть доказательства?

Александр покачал головой.

— Нет. Просто я чувствую. И еще кое-что: один из тех, которые высадились, он точно священник. Он благословил прочих перед тем, как все уехали. Ну, а с чего бы священнику устраивать тайное свидание с какими-то разбойниками?

Дугал Макарди протер затуманенные спросонья глаза и посмотрел на отца. У старика выдалась скверная ночка. О том, чтобы недужный Каулай возглавлял какую-либо поездку, на некоторое время и вопроса быть не могло. Нынче утром старик едва ли оказался в состоянии поддерживать разговор — и понимал это. Отец с сыном обменялись почти неуловимыми кивками, после чего Дугал встал, опрокинув себе в рот остатки эля из чаши.

— Думаю, нам стоит выяснить, что к чему, — заявил он, вытирая рот краем рукава. — Ты говоришь, они подались в сторону Каркашейла?

— Ага... если только не свернут к востоку у Колбейна, в чем я сомневаюсь.

— Значит, нам надо в Каркашайл. Кэболл, сколько человек мы можем собрать, чтобы немедленно выехать?

— Наверное, дюжину, — ответил управляющий его отца. — Я бы хотел дать тебе больше, но два дозора уже отправились... И многие разъехались по домам на зиму. Неудачное время, паренек.

— Ага. Но нам-то что остается? Надо ехать с тем, чем располагаем, — вздохнул Дугал. — Томэйс и Александр, поедете с нами. И Кьярд. Кэболл, поможешь собраться?

— Да, Дугал.

Когда все вышли, чтобы подготовиться к отъезду, и в зале со старым вождем и его наследником остались только волынщик и бард Кинкеллиан, Дугал повернулся к отцу спиной. Во взгляде старика, помимо телесной боли. Была еще и тревога, когда он протянул руку, чтобы ухватить за плечо Дугала.

— Скверно это пахнет, мой мальчик, и что-то мне не по себе. Священники и епископы торчали в Куди весь последний месяц. С чего бы еще одному появляться здесь тайно подобным образом? И морем — в такую-то пору...

Дугал кивнул, скав губы, срывая с себя килт и полотняную рубашку, чтобы переодеться для поездки в кожу и легкую броню, которые уже принес слуга.

— Гм. Мне все это тоже не по вкусу, отец. А король сказал бы мне, если бы что-то знал. Наверняка, здесь измена. Но нам надо все разведать.

— Это так. Но будь осторожен, парень. Нашему клану нужен вождь.

— Хватит об этом, отец. У клана есть вождь. И будет много лет, если Господь пожелает. Кроме того, я еще не всему научился.

Старик кивнул и улыбнулся, когда его сын отстранился, чтобы позволить Кьярду его облачить, однако оба знали, что лишь напускают на себя равнодушный вид. Дугал прикинулся, будто ему надо поправить завязку кожаного панциря, в то время как Кьярд набрасывал ему через голову перевязь меча и закалывал у горла тяжелый, подбитый мехом плащ.

Натягивая на ходу перчатки, Дугал покинул зал, подняв руку в дверях в знак прощания. Несколько минут спустя траншийское воинство выехало из ворот замка к Каркашайлу. Еще через два часа Дугал и его люди поставили своих косматых горных пони — шпора к шпоре — поперек входа в Каркашай-

108 лский перевал — здесь подъезжающие чужаки могли бы при-

близиться к траншийцам на дюжину ярдов, прежде чем, вообще, догадались бы, что они не одни. Дугал держал центр построения, Къярд находился слева от него его личным штандартом, а Кэболл — поодаль справа со знаменем Транши. Шелка празднично реяли на фоне серого декабрьского неба.

Сверху прозвучал сигнал. Как только Дугал обнажил и поднял меч, сталь вылетела еще из двенадцати ножен. Он вскинул на плечо обшитый кожей щит и присобрав поводья своего пони. Когда первый из закутанных в черное пришельцев выехал из-за поворота и заколебался, наткнувшись вдруг на ожидавшее его построение, Дугал вывел своего коня на несколько шагов вперед.

— Стойте, во имя короля, и отвечайте, куда и зачем едете! — приказал он, легонько прикоснувшись своим мечом к левому плечу. — Вы на землях графа Траншийского.

Но те, кто ехали им навстречу, не были склонны к переговорам. Поняв это, Дугал стал разворачивать своего пони для временного отступления, а они уже пришпоривали своих здоровенных скакунов, переводя их с рыси в галоп, обступая двух безоружных, схавших посередине, и обнажая оружие на скаку.

Дугал подал знак своим людям рассеяться, полагая, что быстрота их горных пони и знание местности помогут им оторваться. Однако атакующие не развернулись для общего преследования.

К изумлению и ужасу Дугала, те, что возглавляли отряд, устремились прямо за ними, а их сопровождающие смели с пути легко вооруженных всадников на маленьких пони, с ошеломляющим итогом, предводители же упорно преследовали Дугала.

— Макарди, ко мне! — вскричал он.

Его люди попытались сплотиться. Къярда оторвал от него человек на особенно большом и злобном гнедом, который лягался и все норовил укусить, и Томэйс отчаянно рванул назад, чтобы его прикрыть. Но чужаки отрезали разведчика почти что без усилий, а затем наехали своими конями на Дугала, сбив животное с ног. Падая, Дугал здорово стукнулся. Шлем он потерял, но меч все-таки удалось удержать в руке к моменту, когда он кое-как поднялся на ноги. Он стремительно огляделся и обнаружил, что плотно окружен врагами.

Дугал отбросил щит. Ухватив свободной рукой поводья одного из нападавших, он рванул их, и животное упало на колени, сбросив седока, а Дугал одновременно отбивал удар меча другого противника. Но изумление при виде герба Трурилла на рыцарской накидке, надетой под упавшим плащом, на миг сбило его с толку; и прежде чем он собрался с мыслями, 109

подкованное сталью копыто второго ударило ему по бедру, да так, что чуть не треснули кости. Он еще стоял с разинутым ртом, обездвиженный болью, стараясь не рухнуть под копыта, но тут новый враг двинул ему в грудь коленом, ребра захрустели, дыхание иссякло; он смутно признал в нападавшем труриллского сержанта, с которым они скакали бок о бок всего две недели назад.

— Гендон, — вырвалось у него.

Отчаянно хрюпя, сокрушенный неслыханным предательством, он пошатнулся; ему удалось все же нанести кровоточащую, хотя и неглубокую рану еще одному противнику, но он двигался слишком медленно, чтобы уклониться от копыт новой лошади, которые опрокинули его наземь... или от рукояти меча, которая ударила его в висок мощно и глухо, когда сам барон Трурилл схватил его за кожаный шиворот и швырнул через плечо. Он пытался сопротивляться, хотя взгляд и затуманило болью, и он почти ничего не видел, но пальцы, скимавшие рукоять меча, разогнулись, меч выпал, а боль разрасталась с каждым биением сердца.

— Назад, или я убью мальчишку! — провыл барон, рывком выпрямляя пленника в седле перед собой и прикладывая меч плашмя к горлу Дугала. — Вождь не отблагодарит вас за труп наследника. Клянусь, я его убью!

Зрение окончательно отказалось Дугалу, горькая желчь жгла глотку, поднимаясь волнами вместе с болью и тошнотой. Грудь обжигало при малейшей попытке вздохнуть, а его неловкое сопротивление лишь побудило врага теснее сдавить сломанные ребра, прибавив ему страданий. Он смутно слышал, как затихает шум боя. А затем раздался задыхающийся и отчаянный голос Кэбolla:

— Отпустите его, во имя короля Келсона Гвиннедского! Вы напали на законного представителя короля без причины!

— Короля-еретика! — прорычал позади Дугала гневный голос.
— Король, впавший в ересь, теряет свои права, делая еретиками своих сторонников. Расступитесь и пропустите нас, или мальчишка умрет!

Дугал вновь попытался бороться, несмотря на боль, которой это стоило. Он не в состоянии был ясно мыслить, но чувствовал, что любой ценой нужно помешать этим людям бежать, даже ценой его жизни.

— Нет, — удалось ему выкрикнуть, — не позволяйте...

Но рукоять меча вновь стукнула его по голове, прежде чем он договорил, мир вокруг стал уплывать во тьму, тело полностью отказалось ему повиноваться. Стало еще больнее,

когда барон поднял его выше, просунув руку в перчатке ему за пояс за спиной — и он услыхал боевой клич клана Макардри: они отвечали на его призыв. Но сознание покидало его, в то время как барон опять устремился в атаку, и больше он ничего не помнил.

* * *

Кэболл Макардри и то, что осталось от их отряда, доплелись к сумеркам до замковых ворот. Они привезли с собой двух убитых, и ни один из живых не остался невредимым. Им удалось захватить одного пленного, которого привязали к седлу негодующего пони Дугала — но лишь потому, что человек этот из-за ранений не смог ускакать со своими. И если бы не надежда его допросить, Кэболл с радостью перерезал бы ему горло без церемоний.

В течение всей этой медленной и мучительной поездки обратно от Каркашайла сокрушенный Кэболл прикидывал, как надлежит сообщить старому Каулаю, что его сын в пленах. Наконец, он решил, что отсутствие Дугала само об этом скажет. Он старался не встречаться взглядом со стариком, когда вместе с пятью другими, еще способными передвигаться, преклонил колени перед креслом вождя в большом зале. Каурай оцепенел, когда его воспаленные глаза осмотрели все шесть лиц и не нашли Дугала.

— Мы встретились с ними у Каркашайла, вождь, — глухо сказал Кэболл, и кровь выступила между его пальцами, стискивавшими рану у правого плеча. — Их вел Брайс Труриллский. Он изменник.

— А мой сын? — проскрежетал старик.

— Захвачен, — и это все, что смог прошептать Кэболл.

Он пытался сказать Каулаю, что они уверены: Дугал жив, хотя и ранен, и что он, Кэболл, пошлет огненный крест, сзываая весь клан, дабы выслатать погоню... Но дурная весть нанесла решающий удар по слабому здоровью Каулая. Не издав ни звука, старик схватился за грудь и тут же обмяк в кресле, глаза его закатились и замерли. Он умер в течение нескольких секунд в объятиях барда Кинкеллиана, и родные ничем не смогли ему помочь.

Ослабевший от ран и почти онемевший от горя, Кэболл все же объявил тревогу и призвал оставшихся в замке родичей в большой зал: большей частью, мальчишек и стариков, впрочем, пришел и кое-кто из женщин, чтобы позаботиться о раненых. Раздетый до пояса, ибо он тоже нуждался в помощи, Кэболл сидел на табурете рядом с распростертым телом по-

койного вождя, крепко схватившись одной рукой за край стола, дабы справиться с болью, в то время как другие собирались перед ними. Как управляющий замком и следующий наследник после Дугала, он обязан был принять на себя предводительство кланом, пока не выясниться, что с Дугалом.

Он передернулся, когда его жена и Кинкеллиан начали промывать его рану, и попытался не слушать тревожного бормотания старого барда.

— Теперь наш вождь — юный Дугал, — сказал он собравшимся, — если он жив. Не знаю, что с ним сделают те, кто его захватили, но поскольку они не убили его после первой угрозы, мы должны надеяться, что он еще жив.

— Нам нужно поехать следом, — прогремел один из мужчин.
— Если юный Дугал еще жив, его надо вызволить... а если мертв
— отомстить за него.

— А где наш пленник? — спросил другой. — Прежде чем мы поскакаем за этими мятежными рыцарями, нам нужно сперва разузнать, с кем мы имеем дело.

— Кьяра, приведи его, — распорядился Кэболл, взмахом руки велев отойти тем, кто возился с его раной, как только Кьярд и еще один из клана отправились выполнять его приказ.

Лицо пленного было белым, как сыворотка, правая рука — в лубках и подвязана к груди, но он удерживался на ногах, пока его вели к помосту.

Хотя ему оставили только шерстянную куртку, сапоги и штаны под черным плащом, он все еще был в своем побитом ржавчиной шлеме. Он прикусил губу, чтобы не застонать, когда его толкнули на колени перед Кэболлом, и оперся для поддержки здоровой рукой.

— На колени, и шлем долой! — рявкнул Кьярд, сбивая с того головной убор и пригиная его голову к полу.

Прямые волосы пленника были подстрижены в кружок, как обычно предпочитают воины, но на макушке блестела тонзура. Едва заметив это, Кэболл ухватил прядь волос и дернул голову чужака вверх, чтобы поглядеть ему в лицо, не обращая внимания на кровь, бегущую из раненой руки.

— Ей-Богу, он — из духовных, а сюда явился с оружием! — поразился Кэболл. — Взгляните-ка на его башку! Как тебя звать, монах? Кому ты служишь? Кто это посыпает монахов вооруженными во владения короля?

Тот лишь скривил лицо и закрыл глаза, когда Кэболл чуть сильнее потянул его за волосы.

— Говори, монах! Я сегодня не больно-то терпелив.

112 — Мне нечего сказать, — прошептал тот.

— Не трать время на этого слизняка, — прорычал один из родичей. — Он изменник. Пусть получит, что ему причитается!

— Ага, повесим его, Кэболл!

— Только троньте меня, и ваши земли попадут под интердикт, едва мой господин об этом услышит! — ответил пленный, с вызовом открывая голубые глаза. — Всю вашу землю отлучат от церкви. Я требую почтения к духовенству и права церковного суда. Вы не полномочны меня судить.

— Интердикт? — переспросил кто-то. Несколько других перекрестились. Кэболл еще разок основательно дернул пленника за волосы.

— Думай, что болтаешь! Твой изменник-хозяин тебя здесь не спасет. Говори! Кто ты?

На миг тот вроде бы заколебался, но тут же упрямо покачал головой.

— Я не обязан вам отвечать.

— Нет, но ты еще можешь об этом пожалеть, — ответил Кэболл, выпуская того с таким толчком, что пленник со стоном опрокинулся на пол. — И есть кто-то, кому ты ответишь. — Кэболл нетвердо отступил и оперся лопатками о край стола, поймав взглядом Кьярда в то время как жена Кэболла и Кинкеллиан, получив дозволение, вернулись к своим обязанностям.

— Кьярд О'Руан, тебе, слуге нашего юного господина, я поручаю сообщить королю о том, что случилось. Не жалей ни себя, ни коня, пока не доскачешь до Ремута. Если короля там нет, значит, скоро прибудет, подождешь.

— Да, Кэболл.

— Теперь о пленном, — и он с угрозой улыбнулся, опять возвращаясь взглядом к нахальному монаху-вояке, — подобающий эскорт поедет с тобой в Ремут завтра с утра. Только поэтому мы тебя пощадим. И знай, что король — брат по крови нашему юному лорду и будет в великом гневе, если с ним что-нибудь случится. Молись, чтобы твой хозяин не поступил опрометчиво. Уберите его.

Когда пленного рывком подняли и не слишком учтиво повели прочь из зала, а хмурый Кьярд подался следом, Кэболл уселся, опервшись о край стола. Позади него слуга вручил Кинкеллиану раскаленную докрасна полосу железа с обернутым полотном концом.

— Девлин, пошли огненный крест, чтобы призвать семь вождей, — сказал Кэболл клановому музыканту, который вышел вперед, услыхав свое имя. — И пусть волынка сыграет похороннюю пень, дабы проводить старого Макардри в последний путь.

— Он собрался с духом, когда Девилл и еще один человек 113

подошли, чтобы держать его, пока Килкеллиан выполняет свою работу. — И пусть женщины приготовят тело Макардри для вечного отдыха, — продолжал он. — Пока не придет дурная весть, Дугал — наш новый вождь, и я возглавляю клан только в его...

Шипение раскаленного металла, прижигающего рану, оборвало его слова, его тело дугой выгнулось от боли, но он не издал ни звука. Прежде чем все кончилось, он провалился в блаженное беспамятство, и поэтому не слышал, как одинокий волынщик начал свой плач по усопшему вождю, и как запричиали женщины, сомкнувшись вокруг тела, чтобы его унести.

Однако те, кто скакали с новым вождем, услыхали; и Къядр О'Руан, в то время, как седал скорого коня, чтобы ехать в Ремут, отчаянно надеялся, что горестная песнь звучит только по старому вождю, но не по новому.

* * *

Дугал Макардри счел бы жалобу волынки вполне уместной в те дни, что последовали, хотя упорно не желал умирать. Судя по всему, и те, кто его увез, не желали его смерти. Он смутно припоминал угрозы, которые прогремели, когда его только-только схватили, но чувствовал, что враги считают его достаточно ценным заложником. Когда сознание впервые вернулось к нему, они перевязывали ему голову, хотя с переломанными ребрами никто ничего не сделал. И он опять сомлел, когда его заставили встать, чтобы посадить на коня, а затем, в последующие дни, постоянно то лился чувств, то приходил в себя. Даже когда он был в сознании и, как пьяный, покачивался в седле неровно бежавшего скакуна, которого ему выделили, в голове у него ухало, а сломанные ребра жгли при каждом вздохе или толчке. Иногда сама попытка сосредоточиться вызывала обморок. Сперва забытье было своего рода благословением, ибо на нем живого места не осталось. Свалившись с коня он не мог: его ноги прикутили к стременам и связали под конским брюхом, но когда он проваливался в беспамятство, увы, слишком часто, его и без того изрядно помятое тело, оседая, натягивало веревки, и вновь напрягались измученные мышцы. Но хуже всего обстояло с головой. Нередко, как только его поднимали после очередной случайнй передышки, он, встав, тут же падал в обморок. Что бы там ни оказалось, а это означало нешуточное сотрясение, и единственным средством против него был покой. А покуда похитители спешили вперед к своей загадочной цели, ему только и оставалось, что терпеть.

Так прошло несколько дней, насколько ему удалось 114 прикинуть — четыре. Ему удалось узнать тех двоих, которых

сопровождали солдаты, и это встревожило еще сильнее, чем его собственное состояние. Поняв, что печально известный архиепископ Лорис каким-то образом удрал из своей тюрьмы посреди моря, он весь похолодел. И задался вопросом, а знает ли Келсон. Дугал подозревал, что бегство Лориса так или иначе связано с меарскими делами, которые тревожили Келсона, но он не мог выстроить всю картину. Всякий раз, когда он пытался об этом думать, у него вновь начинала ныть голова.

Он беспокоился из-за головы и насчет Лориса, когда они ехали по снегам на четвертый день. Первая в эту зиму метель обрушилась на них с лучами раннего солнца, и он дрожал от холода, несмотря на лишний плащ, в который его завернули.

Изнуренный, на грани бреда, с запястьями, натертymi до крови, после нескольких дней скачки со связанными руками, он погружал пальцы в гриву своего коня и старался оставаться в сознании, в то время, как отряд, казалось, парил в безмолвии мерного и непрерывного снегопада. Когда шаг лошадей наконец замедлился, он приподнял голову с трудом, но достаточно, чтобы видеть, что они приближались к призрачно-черным городским воротам.

Сперва он решил, что это Кулди, ибо на стражах, которые их пропустили, были ливреи епископа Кулдского. Но еще в воротах он понял, что это не может быть Кулди: в Кулди все верны Келсону; Лорис туда не сунулся бы. Они скакали на юго-запад. Вероятно, это Ратаркин.

Они ехали по безмолвным улицам, и наконец остановились в темном дворе, где его бесцеремонно вытащили из седла и полувволокли-полувнесли в жуткое на вид каменное здание. Его держали подмышки, и это вызывало невыносимое давление на сломанные ребра, но куда хуже было то, что не удавалось убечь от толчков голову. Он опять лишился чувств, когда его тащили вниз по узкой, плохо освещенной лестнице.

Следующее, что он ощутил — тепло от огня неподалеку, и отблески пламени, играющие на его сомкнутых веках. Он лежал, свернувшись калачиком, на левом боку, его связанные руки частично прикрывали лицо.

Внизу был какой-то мх, помимо мехового подбоя плаща. Где-то поодаль гудели голоса, порой становились различимо отдельные слова и фразы, сопровождавшиеся приглушенным плязганием брони, которую кто-то снимал, и щелканьем застежек скидываемых плащей. Его ноздри уловили запах подогретого вина, но звуки, свидетельствующие о прибытии кого-то еще, побуждали его притворяться по-прежнему лежащим без чувств. Осторожно приподняв веки, он увидел сквозь 115

ресницы двоих в церковном облачении, входящих в зал. В том, что постарше, он узнал Креоду, епископа Кулди.

— Ваше преосвященство, — пробормотал Креода, склонившись, чтобы поцеловать кольцо Лориса, — добро пожаловать в Ратаркин. Позвольте представить вам Джедаила Меарского, семья которого устроила ваш побег.

Как только Креода отошел в сторону, молодой человек с серебряными волосами вышел вперед и почтительно склонился перед бывшим архиепископом, а затем, подняв голову, остался на коленях, и Лорис не выпустил его руки.

— Итак, отец, — сказал Лорис, — как я понял, я обязан поблагодарить вас за освобождение.

— По правде говоря, не я лично заслуживаю благодарности, ваше преосвященство, — ответил Джедаил с восхищением глядя на него. — Мой повелитель Креода счел разумным, чтобы я ничего не знал о действиях моих родных. Очевидно, то была необходимая предосторожность. Когда на прошлой неделе Морган допрашивал меня о покушении на жизнь Дункана Маклайна, я мог чистосердечно признаться, что ничего не знаю. Говорят, что Дерини могут заставить любого говорить правду, хочет он этого или нет.

— Дерини. Да. — Глаза Лориса недобро блеснули. — Говорят также, что изменники-архиепископы замышляют сделать Маклайна епископом на Пасху. Епископ-Дерини! Богохульство! Богохульство!

— Да, ваше преосвященство, — кротко пробормотал Джедаил.

Его тон, похоже, напомнил Лорису, где они, и лицо архиепископа разгладилось, когда он вновь взглянул на Джедаила и, улыбаясь, поднял его на ноги.

— Но об этом проклятом племени мы поговорим позже. Говорят также, что епископство дали не вам, а другому, сын мой. Вы намерены бороться за эту должность?

Джедаил был несколько застигнут врасплох.

— Не уверен, что мне есть что сказать, ваше преосвященство. Разумеется, я жажду служить, как епископ, но Генри Истелин уже поставлен в Меаре непосредственно архиепископом Браденом и королем. Что с ним делать?

— С ним? — отозвался Лорис. — Примас Гвиннеда я, а не Браден. Желаете ли вы принять звание, на вид чуть более скромное, чем епископ Меарский, дабы разрушить козни этих епископов-отступников, которые узурпировали мою и вашу власть?

Брови Креоды вопросительно сдвинулись.

116 — Какое звание вы предлагаете, ваше преосвященство?

— Епископа Ратаркина, — сказал Лорис. — Ибо Меара, которую мы знаем сегодня — не та Меара, какой она станет, когда мы уйдем. Мы вернем древние Меарские земли, когда я предам анафеме еретика Дункана Маклайна... который не вступит в свои земли, как властитель или прелат, пока я дышу... и вы, Креода, будете Патриархом новой Меары, — подчеркнуто закончил он. — Это привлекает вас?

Креода вспыхнул от удовольствия.

— Продвижение для нас всех, мой господин. Разумеется, меня это привлекает. И верность законной королеве на Меарском престоле?

— Возможно, королеве куда большей державы, чем Меара, — кратко произнес Лорис. — Ибо не только церковные дела пострадали от деринийской порчи.

— Король? — Креода весь побелел.

— Он Дерини, не так ли?

Дугал, следивший за беседой с нарастающим ужасом, едва не акнулся вслух, когда дошло до этого. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы закрыть глаза и не позволить телу напрямься или содрогнуться.

Три клирика продолжали обсуждать мелкие подробности бегства в Ратаркин еще несколько минут, в то время как Дугал лежал неподвижно и думал, что можно сделать, чтобы их остановить. Звон кубков прорвался сквозь гул разговора, раздавшись почти что у него за спиной, и он вдруг понял, что они смотрят на него.

— Кто это? — спросил Джедаил.

— Заложник, — небрежно обронил Лорис. — Барон Трурилл сказал мне, что он — сын владетеля Транши, наследник клана Макардри. Вам не помешает его поддержка, когда Транша воссоединится с Меарой.

Дугал почувствовал, как чьи-то руки переворачивают его лицом вверх, боль в ребрах вынудила его застонать, и он опять на несколько секунд лишился сознания.

— ...нужен, чтобы засвидетельствовать посвящение Джедаила, — говорил Креода, когда Дугал очнулся. — Он основательно пострадал?

— Брайс! — позвал Лорис.

Барон Трурилл бросил возиться с застежками панциря, пошел и, встав на колени, приподнял Дугалу веко.

— Ему не хуже, чем было, ваше преосвященство, — сказал изменник-барон, тронув пальцем на пульсирующую жилку на горле юноши. — У него сломаны ребра, но мы ничего не могли с этим сделать, пока скакали, и, вероятно, сотрясение мозга,

но нехороший вид у него, прежде всего, вследствие изнурения. Он крепкий парень, оклемается.

— Ну, если он крепкий парень, нам лучше запереть его в надежном месте, верно? — спросил Креода. — Гендон, забери его куда-нибудь вниз, и пусть кто-нибудь заглянет к нему утром. А уж до утра-то он вряд ли причинит нам хлопоты. Затем можешь идти к своим людям. Ваше преосвященство, если вы и отец Горони соблаговолите последовать за мной, я проведу вас в покой, где вы не попадетесь на глаза любопытным, пока мы не будем готовы утром бросить вызов епископу Истелину. Полагаю, вам нужно выспаться.

— Нескольких часов для нас вполне достаточно, — сказал Лорис, когда они направились прочь. — Мне нужна небольшая отсрочка прежде, чем я предостерегу Истелина, что он на ложном пути. Возможно, мы...

Дугал потерял нить слов, вновь застонав от боли, когда Гендон и один из рыцарей подняли его и медленно повели к двери. Единственной его мыслью, пока он пытался передвигать ноги, сквозь туман боли и уханье сердца, было, что Келсон должен узнатъ о том, что здесь происходит. Но он понятия не имел, как это осуществить.

Глава восьмая

Ты утомлен множеством советов твоих¹

Келсон и его спутники въехали в Ремут наутро, до полудня, когда начиналась буря; полузамерзшие и промокшие до костей, несмотря на одежду из смазанной маслом кожи и подбитые мехом плащи. Принц Нигель встретил их во дворе замка, с непокрытой головой, не обращаящий внимание на проливной дождь, и торопливо схватился рукой за королевскую уздечку. Дурные вести, которые он сообщил, обдали Келсона холодом, не имевшим никакого отношения к погоде.

— Лорис? Но это невозможно!

Эти слова, несмотря на ливень, долетели до других из его окружения: Моргана, Дункана, Кардиеля и Арилана. Юный барон Джодрел первым соскочил с коня, другие так и сидели молча под дождем, оцепеневшие от потрясения. Его пример привел их в себя. Келсон поманил самых близких и доверенных людей, чтобы следовали за ним, как только спешился, и взбежал по ступеням под крышу большого зала. Его гнев боролся с отчаянием.

— Полагаю, вы сами пожелаете расспросить посланца, — сказал Нигель и вручил намокшую шапку и перчатки Келсона пажу, стараясь держаться бодро.

— Да, но прямо сейчас передайте мне коротко его слова, чтобы я подготовился.

И выслушал их со скатыми губами, расхаживая по залу и одной рукой избавляясь от мокрого плаща, в то время как другая теребила пряжку на ремне. Морган подобрал плащ и меч, как только юный Келсон их сбросил, и передал другому пажу в обмен на полотенце, которым Келсон тут же вытер лицо и воло-

¹Исаия 47:13

сы. Нигель оставил короля и других в небольшом укромном покое, а сам пошел за гонцом.

Пока они ждали, они сполна воспользовались теплом неяркого огня, бросив кучей в угол сырую верхнюю одежду и обмениваясь настороженными взглядами; ни один из них не решался первым нарушить молчание. Джодрелл исполнил обязанности оруженосца по отношению к стиснувшему челюсти Келсону, сняв с него наручни и шпоры, а затем помог стянуть кольчугу, в то время как Пейн и Рори, младшие сыновья Нигеля, сновали вокруг с чашами подогретого вина.

Король одеревенел, засыпав приближающиеся шаги снаружи, затем поспешно надел сухое платье поверх липкой исподней рубашки.

— Это отец Бевис, государь, — сказал Нигель, вводя внутрь беспокойного на вид молодого священника в синей рясе Святоайвигских Братьев Молчальников. — Ему дано разрешение аббата говорить в полный голос.

Посланцу хватило храбости шагнуть вперед одному, но он не мог заставить себя встретиться взглядом с Келсоном, когда преклонил колени у его ног.

Взглянув на остальных, Келсон поплотнее закутался в накидку и сел спиной к огню, протянув ногу в сторону, чтобы Джодрелл стащил с нее мокрый сапог.

— Добро пожаловать ко двору, отец Бевис, — торжественно произнес он, — хотя боюсь, не могу сказать, что нас порадовали новости. Простите, но дозвольте барону Джодреллу продолжать переодевать меня, пока мы беседуем. Я не хотел бы простудиться... особенно если, как представляется, мой старый враг опять на воле.

Голова с тонзурой склонилась еще ниже.

— Если кто-то должен просить прощения, то это я, государь... Я и мои братья. Мы вас подвели. — Голос его едва ли поднимался выше шепота, несмотря на разрешение. — Мы не жалели усилий, чтобы надежно охранять Лориса, как вы повелели, но он... он сбежал. — И в страхе огляделся. — Прошу не винить в этом одних нас, государь. Отец аббат утверждает, что он должен был получить помощь извне.

Морган, гревший спину справа от Келсона, презрительно фыркнула, но король лишь покачал головой и вздохнул, пересев так, чтобы Джодрелл мог стянуть с него второй сапог.

— Прошу вас, отче, встаньте, — терпеливо произнес он. Мой дядя уже изложил мне суть послания. Мы уверены, что ваш святой Орден сделал все, что было в его власти, дабы этот бывший архиепископ оставался взаперти. Вы не нашли следов?

— Нет, государь. И бродячий проповедник, назвавшийся братом Джеробоамом, также исчез. Мы думаем, он мог быть к этому причастен. Архиепи... То есть, отец Лорис просил разрешения исповедаться этому человеку за несколько дней до победы. Мы решили, что его просто тронула проповедь.

— Тронула и вынесла из Святого Айвига, — пробурчал Кардиель. Но король не обратил внимания на эту остроту.

— Понятно. И когда произошел побег?

— Шесть дней назад, государь... В канун дня Святого Андрея... Как мы думаем, вскоре после поздней вечерни.

— Канун дня Святого Андрея, — пробормотал Келсон. — Пока мы были в Ратаркине. Да, шесть дней прошло, — добавил он, глядя вбок на Моргана. — Теперь он может быть где угодно.

— Лучше бы — в преисподней! — желчно бросил Морган.

Король снова вздохнул и обернулся было к Кардилю и Арилану, затем вспомнил, что посланец все еще стоит перед ним.

— Благодарю вас за труды, отец Бевис. Возможно, нам понадобится расспросить вас подробнее, но пока вам придется подождать снаружи. Пажи вас проводят.

Пока его кузены выводили священника из покоя, явно разочарованные, ибо не желали ничего пропустить, Келсон развернулся на табурете и сел лицом к огню, ожидая, пока займут места остальные. Нигель и епископы разобрали свободные табуретки, и тогда Джодрелл притулился у края высокого очага. Дункан предпочел остаться стоять, скрестив руки на груди и опервшись о стену слева от огня. Морган, слишком взволнованный, чтобы сидеть или стоять, разгуливал короткими шагами между королем и Дунканом.

— Отлично, господа. Как вы думаете, куда мог направиться Лорис? — спросил король.

Кардиель нахмурился и обменялся взглядами с собратом-епископом, который пока не проронил ни слова.

— К тем, кто ему помогает, разумеется, государь. Действовать в одиночку ему не по зубам... а весь Гвиннед знает и понимает, почему его низложили и сослали в Святой Айвиг. Стало быть, помочь ему должны были из-за пределов Гвиннеда. И здесь первое, что приходит в голову: либо из Меары, либо из Торента.

— Торент отпадает, — заметил Арилан. — Пока Дерини сидит на престоле в Торенте — никоим образом.

— Значит, Меара, — сказал Кардиель, видя, что Арилан не продолжает. — Однако, хотя подоплека тут была бы совсем иная, едва ли это утешительно.

— А именно? — спросил Келсон.

— Мирские и церковные дела тесно переплестины в Меаре, государь. Лорис немало озабочен этой бренной жизнью. Он всегда находил поддержку у самого косного духовенства, а такое духовенство всегда оказывалось изрядно вовлечено в спор, кому сидеть епископом в Меаре. Он также умеет обеспечить себе поддержку тех, кто готовит мятеж. Два года назад то был Варин де Грей; нынче... ну, а почему бы и не Меарская Самозванка? Насколько это согласно с его стремлением вернуть себе свой пост, думаю, Эдмунд Лорис поладит с кем угодно.

— И до этого докатился человек, который был некогда Прирасом Всего Гвиннеда, — вставил Дункан.

— Тогда давайте поговорим о Меаре, — предложил король. — Кто в Меаре может выиграть от освобождения Лориса?

— Да уж куда проще, — ответил Нигель. — Самозванка и ее родня.

— Особенно ее родня среди духовенства, — подхватил Кардиэль, бросив взгляд на Арилана, до сих пор почему-то хранившего молчание. — Вроде Джедаила. Мы с Денисом немало толковали о нем после покушения на Дунканна, государь. Мой брат во Христе пренебрег моим замечанием, что Джедайл мог действовать в пользу своей тетушки.

Морган, видя, как омрачилось лицо Арилана, решил, что пора открыть то, что он узнал.

— Уж в этом-то он невиновен, ваше преосвященство, — тихо произнес он. — Или, если он и втянут, то не понимает этого до конца, и уж всяко, не связан с тетушкой. Он также ничего не слыхал о покушении на Дунканна. Я... я допросил его в тот же вечер...

Арилан выразил одновременно изумление и гнев.

— Допрашивали после того, как я запретил?

— Я не хотел поступать вопреки вашей воле, — возразил Морган, прежде чем собеседник осудит его за что-то более определенное в присутствии кроткого Джодрелла. — Кроме того, я не пошел дальше чар истины. Его не опечалила новость, что вряд ли неожиданно, учитывая, как относится Дункан к Меарскому дому... Но он был потрясен. Когда я спросил его, как давно он слышал что-либо от своей тетушки, он сказал — никаких вестей после Рождества. И тогда мы закончили разговор.

— Разговор, который, прежде всего, не стоило начинать.

— Но который вовсе не исключает, что и Джедайл может кое-что выдать, — вставил Кардиэль. — Денис, вы, разумеется, все равно не верите, что он полностью невиновен.

122 Губы Арилана вытянулись в надменную тонкую линию.

— Я никогда не утверждал, что он полностью невиновен.

— Давайте не отклоняться от сути дела, — терпеливо напомнил им Келсон. — Сейчас меня куда больше заботит, что Лорис мог, да и наверняка отправился в Меару. Дядя, вы сказали, что монахи и следа его не нашли в окрестных землях, это правда? — Нигель кивнул. — Это может означать, что он бежал морем. Джодрелл, мог он обогнуть мыс Баллимар в эту пору?

Джодрелл, отпрыск старинной семьи мореходов, помахал открытой ладонью.

— Это небезопасно, государь, но не более рискованно, чем плыть вдоль берегов Кедиша, чтобы попасть морем в Торент. Однако, если он держит путь в Меару, полагаю, ему до Баллимара идти и не нужно. Будь я Лорисом, я бы высадился где-нибудь дальше к востоку, вероятно, в Кирни, и двинулся бы сушей в Ратаркин.

— Почему в Ратаркин? — спросил Морган. — Самозванка-то в Лаасе.

— Да, но епископский престол — в Ратаркине, — возразил Кардиель, мельком взглянув на Арилана и почти что вызывая его на спор, — и там — добрый отец Джедаил, который спит и видит себя епископом. Вдобавок, Ратаркин — лишь в двух-трех днях езды от Лааса со всеми его смутьями, даже в разгар зимы. А нам туда скакать больше недели. О, он сделал мудрый выбор, если направился в Ратаркин, — желчно закончил Кардиель.

— Хоть бы дьявол прибрал этого лжеца и негодяя!

Келсон, набычившись, упер кулаки в бедра и вздохнул. Ему, безусловно, не нравилось, что между двумя епископами нарастает открытая вражда. Не понимал он, и в чем причина.

— Это нас никуда не приведет, господа, — поспешил сказать он. — Видит Бог, я боюсь затей Лориса не меньше вашего, но пока мы не определимся с направлением, любые наши действия будут лишь тратой сил. Если он попытается обогнуть Кассан, сама стихия может все решить за нас. То же самое, если вдруг он все-таки подастся в Торент.

— Сомневаюсь в этом, — сказал Нигель. — Мое чутье подсказывает мне, что в Меару. Однако мы не знаем наверняка, отправился ли он морем. Но морем ли, сушей ли — кто-то где-то увидит его и в конце концов доложит нам. Лорис слишком горд, чтобы долго скрываться.

— А как насчет епископа Истелина? — спросил Дункан. — Следует ли его предупредить? Если Лорис направился в Меару, Истелин может быть в великой опасности.

— Вы, разумеется, правы, — согласился Келсон. — Дядя, позабочьтесь об этом. Думаю, было бы также неглупо по-

святить в наши заботы архиепископа Брадена... и любого другого из верных нам епископов, кого, как вы думаете, стоило бы, уважаемый Кардиель. Как только намерения Лориса прояснятся, жизненно важно, чтобы мы действовали заодно — и духовенство, и миряне. Мне не нужна неразбериха, которой отличалось начало наших действий против него.

Кардиель наклонил голову в знак согласия.

— Будет исполнено, государь.

Келсон вздохнул и поднялся.

— Отлично. Рано или поздно Лорис всплынет... И мы о нем услышим, полагаю. Дядя, будьте добры, дайте мне знать, как только до вас дойдет что-то еще. А пока что я не против горячей ванны и сухой одежды. Морган, отец Дункан, не угодно ли вам присоединиться ко мне?

Король мало что сказал, пока принимал ванну, и это побудило Дункана теряться в догадках, для чего он их, вообще, пригласил, но Морган заподозрил нечто определенное. И его подозрения подтвердились, когда они, все трое, уселись у очага в опочивальне Келсона. Келсон зевнул и потянулся, пододвинув ноги в шлепанцах поближе к теплу огня, и принялся потягивать горячую смесь молока, вина и меда с пряностями, которую оставил оруженосец.

— Так что творится с Ариланом? — спросил он миг спустя. — Он выглядел хмурым, как школьник, которого уличили во лжи. И не говорите мне, будто дело только в том, что вы ему не виновались.

Морган улыбнулся.

— Он сердит на меня за то, что я допрашивал Джедаила вопреки его воле, да. Но злится он также и на себя, ибо отстаивал невиновность Джедаила... Во всяком случае, разыграл адвоката дьявола, объясняя нам с Кардиелем, почему мы не должны подозревать Джедаила в причастности к покушению на Дункана. И, возможно, он прав. Но если нет, то получается, что могущественный, уверенный в своем превосходстве над другими член Камберианского Совета существенно ошибся, оценивая человека, а он особенно не выносит, когда на такое указывает какой-то там полу-Дерини.

— И ты думаешь, он прав? — спросил Келсон. — Или Джедаил нас провел? Клянусь, я его в порошок сотру, если да. Еще не хватало мне, чтобы кто-то играл с огнем, когда Лорис на свободе. И если он помог Лорису, то да поможет ему Бог.

— Аминь, — отозвался Дункан. — Если он виновен. Но если он непричастен к покушению на меня, Аларик, и не был

— Его бы все-таки порадовала твоя смерть, — перебил его Морган, подавшись вперед, чтобы подбросить в огонь полено.

— И лишь то, что он ничего не знал о нападении и лично не имел вестей от своей тетушки, отнюдь не означает, что он не втянут в заговор по самые уши. Таково одно из ограничений чар истины: надо задавать правильные вопросы.

Келсон поджал губы.

— То есть, ты думаешь, что Джедаил — в заговоре?

— Не знаю. Хотя, кто-то, разумеется, мог действовать в его пользу. И Лорис...

— К черту Лориса, — пробормотал Келсон едва слышно. — И к черту все то, что помогло ему бежать. Здесь все одно за другоецепляется, Аларик, я уверен! Он замышляет нечто ужасное. У меня тяжесть на душе! Полдень в разгаре, а я трясусь, словно мальчишка в полночь, наслушавшись баек о призраках. Зря я его тогда не казнил!

Когда он осушил свой кубок и отставил прочь, выпрямившись и угрюмо глядя в огонь, беспокойно барабаня кончиками пальцев по твердому подлокотнику, Морган обменялся озабоченным взглядом с Дунканом. Его кузен непринужденно поднялся и, обойдя короля со спины, принялся разминать ему плечи. Келсон с признательностью вздохнул и закрыл глаза, пытаясь расслабиться.

— Просто чудесно, — произнес он миг спустя. — Я и не знал, насколько устал. Еще немножко.

— Мы все намаялись, — непринужденно сказал Дункан, слегка потянувшись к нему мыслью в то время, как умелые пальцы продолжали массировать твердые, точно сталь, мускулы. — Но не позволяй своему праведному гневу скручивать тебя узлом.

— Если бы я покончил с Лорисом, когда он был у меня в руках, меня бы это теперь так не тревожило, — полусонно пробормотал Келсон.

— Ну, так дай волю воображению, если тебе от этого легче. Согласен: покончи ты с ним тогда, теперь многое было бы проще.

Келсон зевнул во весь рот и еще основательней расслабился в ответ на прикосновение Дункана, как ментальное, так и физическое, откинув голову так, что та уперлась в грудь священника, и открыл глаза.

— Что-то ты слишком легко со мной соглашаешься, — пробурчал он. — Я сижу и помышляю об убийстве. У тебя, вообще, совесть есть? Если Лорис вроде тебя, неудивительно, что он сбился с пути. — Келсон обратил взгляд к Моргану. — Как ты думаешь, что сбило его с пути?

— Гордыня, — ответил Морган. — Убежденность, что истина ведома ему больше, нежели кому-то другому.

— И он продал свою честь, дабы утолить гордыню.

— Говорят, что у каждого человека есть своя цена, мой повелитель, — сказал Морган. — Просто у некоторых она слишком высока.

— И твоя настолько высока, что никому не доступна?

Руки Дункана дрогнули и замерли на миг над королевскими плечами, но Морган лишь улыбнулся.

— Достаточно высока, и недоступна никому, кроме тебя, мой повелитель, — ответил он без колебания. — Я принадлежу тебе, как прежде — твоему отцу. Ты купил меня любовью. И меня больше невозможно перепродать.

Радостно засмеявшись, Келсон зевнул и вновь закрыл глаза, понимая, что Дункан погружает его в сон, и не сопротивляясь.

— Ты всегда знаешь, что сказать, верно? Держи, — Келсон вручил Моргану пустой кубок. — И, Дункан, не нужно повторять; я все это время подумываю, что хорошо бы вздремнуть.

— Это самое толковое, что ты сказал сегодня за весь день, — отозвался Дункан. — Однако тебе надо лечь в постель. Ты растянишь себе шейные мышцы, если уснешь здесь.

— Не нужно, не нужно, — прошептал Келсон, снова зевнув. Но с улыбкой покорно поднялся. И уснул, едва только его голова коснулась подушки. Дункан более основательно укутал его меховым одеялом и задвинул полог, затем вернулся к только что освободившемуся креслу.

— Он здорово приуныл, — заметил Морган. — Нам есть о чем беспокоиться?

— Не думаю. Он просто переутомился. И потрясен куда больше, чем желает признать, бегством Лориса. А ты как думаешь, Аларик, что он вытворит?

— Лорис? — Морган покачал головой и поглядел в угасающее пламя. — А кто его знает. Впрочем, как недавно сказал Келсон, наверняка, нечто ужасное.

— А Джедаил?

— Боюсь, то же самое.

* * *

В то самое время, когда Морган с Дунканом беседовали, Лорис оправдывал их подозрения в Ратаркине. Епископ Истелин, едва отслужив полуденную мессу, был схвачен вооруженными людьми в ливреях епископа Кулди и прямо в облачении превозведен в часовню, примыкающую к его покоям. У алтаря ждали Креода и Джедаил. Некто третий в таком же епис-

копском пурпуре, что и Креода, преклонил колена у самых алтарных ступеней спиной к Истелину, так что лица его не было видно. В линии его плеч и склоненной голове угадывалось нечто давно знакомое и одновременно — опасное.

— Что это означает? — спросил Истелин, приближаясь к этим троим, после того, как стражи отпустили его и удалились.

Креода и Джедаила почтительно отступили, каждый — в свою сторону, а неизвестный поднялся и обернулся. И сказал:

— Здравствуй, Генри.

Истелин замер посреди нефа и побелел, как его стихарь.

— Лорис!

Низложенный архиепископ с удовлетворением скрестил руки на узкой груди и надменно улыбнулся.

— Похоже, ты удивлен, Генри, — мягко сказал он. — Но мне-то казалось, что после стольких лет церковного служения тебе надлежало бы знать, как приветствовать твоего примаса.

— Примаса? — У Истелина отвисла челюсть. — Да вы с ума сошли! Как вы сюда попали? Вы были в Святом Айвиге, как я слышал.

— Очевидно, я больше не там, — сказал Лорис, зловеще понизив голос. — И мне не понравилось, как меня там устроили. К чему, кстати, приложил руку и ты.

Тут Истелин до конца впервые понял, в какой он великой опасности. Звать стражу нет смысла: те самые люди, которых «одолжил» ему его предполагаемый благодетель Креода, его сюда и доставили. Мало радовало и присутствие Джедаила. Священник-меарец, искающий должности, которую получил Истелин, вряд ли станет поддерживать бывшего соперника.

Он был полностью в их власти и не имел возможности позвать на помощь или хотя бы понять, на чью сторону стоит положиться. Он рассчитывал, что люди, оставленные Браденом, все еще верны ему, но они, вероятно, тоже теперь под стражей. Он надеялся, что они не пострадали. А то, что Лорис называет себя примасом, указывало на государственную измену. Нет, дело не просто в бегстве из заточения бывшего архиепископа и его жажде мести тому, кто помог лишить его прежней славы...

— Чего ты от меня хочешь? — сдержанно спросил Истелин. — Твои слова отдают изменой, и само твое присутствие в Ратаркине незаконно. А Креода... — он переместил взгляд на епископа-предателя. — Вы с отцом Джедаилом ступили на весьма опасную почву, приняв этого человека. Или ваше предложение помочь было лишь притворством, дабы снискать мое доверие, пока этот беглец не сможет присоединиться к вам, изменившим Матери Церкви?

Джедаил ничего не сказал, лишь его челюсти напряглись в негодовании. Креода же блаженно улыбнулся и наклонил голову.

— Мы не считаем, что изменили Матери Церкви, — дружелюбно ответил он. — Скорее мы считаем действия консистории и короля предательством меарского народа. Епископом здесь должен был стать отец Джедаила, а не ты. Только и всего. И архиепископа Лориса не нужно было лишать должности и заточать, словно преступника. Мы чувствуем, что настало время исправить ошибку, Генри.

— Какую ошибку? — спросил Истелин. — Собратья-епископы осудили его, Креода. Ты там был. И я не припоминаю никаких взрывов праведного гнева с твоей стороны.

Креода невозмутимо приподнял бровь.

— Меня ввели в заблуждение.

— Ты хочешь сказать, что впоследствии тебя подкупили? Что он тебе предложил, Креода? Помилуй Боже, ты был епископом Кулди! Что лучшее мог предложить тебе этот низложенный архиепископ?

— Неплохо бы тебе вспомнить, кто ты и где ты, епископ, — подчеркнуто произнес Лорис. — И ты либо станешь нам содействовать, либо заплатишь цену, которую берут с отступников. Мы начнем с Меары: с возведения меарского священника на епископский престол Меары, с восстановления меарского царствующего дома и возвращения Меаре ее прежних границ. Меара опять станет независимым королевством со своей собственной церковной иерархией.

— Возглавляемой, несомненно, тобой, — добавил Истелин.

— Да, мной. А затем мы искореним ересь в землях Меары, а далее в Гвиннеде и в остальных из Одиннадцати Королевств. Дерринийская ересь развратила даже власть имущих. С этим надлежит покончить. И на этот раз мы не промахнемся.

— Но король отчасти Дерини, — пробормотал Истелин.

— Корона никого не защитит и не спасет от священного гнева, если оскорблен Бог! — прогремел Лорис, упиваясь своей праведностью. — Король согрешил. Короля надлежит покарать. Если бы это изменило прошлое, я бы отсек свою руку — ту, что возлила священный елей на его голову! Его грех следует выжечь, а если потребуется — пусть умрет и он сам ради спасения его бессмертной души! Предано доверие Господне. И Господь отплатит!

— Он обезумел, — еле слышно проговорил Истелин и покачал головой, наполовину отвернувшись. — Все они вконец

Он услышал все приближающийся шелест епископских шелков и, оглянувшись, увидел Лориса почти на расстоянии вытянутой руки, а по обеим сторонам от него — Креоду и Джедаила.

— Я даю тебе шанс, и только из милосердия, — сказал Лорис, подняв палец, дабы подчеркнуть важность момента. — Если ты согласен вместе со мной и отцом Креодой возвести отца Джедаила в епископы, ты будешь удостоен такой же почетной отставки, которую великодушно предложил для меня на минувшие два года. Это куда больше, чем ты заслуживаешь.

— И все, что от меня требуется, дабы сискать твою великую милость — предать моего архиепископа и моего короля, поставив изменника на мое место, — сказал Истелин. — Я отклоняю предложение.

— Я бы не слишком спешил на твоем месте, — предупредил Лорис. — неправильное толкование понятия «верность» может привести к твоей смерти.

— Не угрожай мне! — рявкнул Истелин. — Я не стану изменником ради должностей, богатства и даже ради спасения своей жизни. Я и пальцем не шевельну для соучастия в незаконном возведении в епископы этого человека.

— Умоляю тебя, Генри, будь разумен, — сказал Креода.

— О, я разумен. Совершенно разумен. И, чудится мне, это единственная причина, по которой вы добиваетесь моего содействия в вашей противозаконной затее. Вам нужен еще один епископ, чтобы посвящение стало действительным, не так ли?

Угрожающе прищурившись Лорис покачал головой.

— Вы мне совершенно не нужны, Истелин. Джедаил получит епископство, хотите вы того или нет.

— Не при моем содействии.

— Если для вас в этом есть утешение, да будет так, — парировал Лорис. — Но ошибочно было бы думать, будто ваш отказ сделает невозможным посвящение Джедаила. Ведь вы, конечно, не думаете, что я пустился бы в мой священный поход, если бы не имел поддержки среди епископов будущей воссоединенной Меары? Епископ Кашиенский и два странствующих епископа — сейчас в стенах Ратаркина, Лэхленский и Колдерский прибудут с другими сторонниками госпожи Кэйтрин в считанные дни, так что нас будет вдвое больше, чем нужно, чтобы посвящение Джедаила стало действительным.

— Вдвое больше изменников, — подхватил Джедаил.

Лорис вновь сощурился.

— Вы все такой же упрямец, Истелин. Боюсь, мне наскучила болтовня. Джедаил, будьте добры пригласить стражу. Отец Истелин перебирается в новое обиталище.

— В темницу? — спросил Истелин, как только Джедаил поклонился и прошел мимо него, чтобы выполнить приказ.

Лорис ответил чопорной улыбкой.

— Я не из тех, у кого полностью отсутствует представление о приличиях, Генри. Из уважения к посту, который ты пока еще формально занимаешь, тебя будут содержать в неплохих условиях до посвящения Джедаила в епископы. — Он сделал знак явившейся страже подождать у дверей. — Однако из чувства приличия я требую, чтобы ты снял свое облачение, прежде чем последуешь в новое жилище. Не хотелось бы пачкать священное одеяние в случае, если ты вздумаешь сопротивляться.

Само предположение, что стражи могут прикоснуться к нему, пока он все еще облачен для торжественной службы, вызвало у него холодную дрожь, но он знал, что это не пустая угроза. Суровый взгляд Лориса ясно говорил, что пощады не будет, даже если он согласится на их условия. Он медленно снял лиловую ризу с грозными символами Пришествия и передал ее в руки ожидавшего Джедаила, за ней последовали паллий, пояс, епитрахиль, орарь и стихарь. Наконец, он остался лишь в лиловом подряснике, туфлях и маленькой шапочке и стоял, прижимая к груди крест, усыпанный драгоценными камнями, по-прежнему бросая им безмолвный вызов. Страж подошел к нему сзади и набросил ему на плечи подбитый мехом плащ. Истелин не без изумления кивнул в знак благодарности, поплотнее закутываясь от холода.

— Епископ Истелин будет временно помещен вместе с юным владельцем Транши, — сказал Лорис начальнику стражи. — Прошу препроводить его туда с тем уважением, которое позволяет его поведение. Посетителей не допускать. Мы дозволяем ему служить мессу и ухаживать за мальчиком, пусть он получает все, что понадобится для того и другого. Теперь ступайте.

Стражи двинулись к нему, но Истелин, не замечая их, прошел мимо Лориса и Креоды, дабы почтительно склониться перед алтарем. Достоинство облекло его, словно мантия, когда он поднялся и направился к воинам, хотя он при этом умирал от страха, но те в ответ на благородство его осанки тут же приняли вид скорее почетного эскорта, нежели тюремных конвоиров. Ему удалось не задрожать до тех пор, пока они не заперли за ним дверь тюремной камеры. Он не помнил, как долго стоял, привалившись спиной к двери, дрожа и борясь с дурнотой и стыдом поражения, пока постепенно не осознал, что чьи-то глаза смотрят на него из тени с покрытого мехами ложа у теплого огня.

130 — Кто здесь? — негромко спросил он.

— Простите меня, что не встаю перед вами, ваше преосвященство, — ответил юношеский голосок, — но мои ребра болят, едва я шевельнулся. Вы, должно быть, епископ Истелин.

— Я самый.

Истелин осторожно подошел поближе. Мальчишечье лицо, возникшее перед ним в свете пламени, было куда моложе, нежели он ожидал увидеть.

Оrexовые глаза из-под сероватой повязки на лбу взирали на него с обескураживающей прямотой, рыжеватый пушок над верхней губой свидетельствовал, что мальчик все же немного старше, чем решил сперва Истелин — лет четырнадцати-пятнадцати. Темные круги, прорезавшие нежную кожу под глазами, указывали на страдания, которые в последнее время переносил этот юноша.

— Вы, должно быть, юный владетель Транши, — сказал Истелин, присев у его постели.

— Едва не ставший покойным владетель Транши, благодаря эскорту Лориса, — ответил мальчик, протягивая руку из-под мехового покрова и пытаясь улыбнуться. — Друзья называют меня Дугал. Едва ли здесь место для лишних церемоний.

Истелин наспех пожал протянутую руку и ответил на улыбку.

— Тогда я так и буду звать тебя, юный лорд, раз уж мы с тобой стали товарищами по несчастью. Тебе здорово от них досталось?

— От лошадей не меньше, чем от людей, как я полагаю, — признал Дугал, опираясь о гору подушек с едва уловимой болезненной гримасой. — После того, как меня сбили с моего пони, их скакуны лягнули меня разок-другой и едва не затоптали. А люди только согрели по голове. У меня кое-где сломаны ребра, но, похоже, хотя бы головная боль отступает. Какой сегодня день?

— Пятое декабря, — ответил Истелин. — Сейчас Рождественский пост. Можно я осмотрю твои раны? Не больно-то я в этом искусен, но, пожалуй, кое-что сделать смогу.

Дугал на миг прикрыл глаза и легонько кивнул.

— Спасибо. Я могу сказать, что надо делать. Я учился полевой хирургии, но не больно-то могу здесь и сейчас применить свои навыки. Взгляните. Самое скверное — это ребра.

Он лежал нагой под меховым одеялом, его изящный торс и конечности украшали старые шрамы, которых и должно ожидать у мальчика, обучавшегося воинским искусствам. Но Истелин лишь прощедил что-то сквозь зубы при виде здоровенного синяка на грудной клетке слева. Еще один синяк 131

багровел у правого бедра, он имел точные очертания подковы. Истелин разглядел даже отпечатки гвоздей на положенных местах.

— Это выглядит страшнее, чем на самом деле, — пояснил Дугал, осторожно погладив синяк правой ладонью. — Не то чтобы он не болел. И не то чтобы я не хромал из-за него. Но я хотя бы ногу не сломал. Если дадут, чем перевязать, или вы сами что-то подберете, надо наложить повязку на грудь. Без поддержки даже дыхание мучительно, стоит мне не так двинуться. И кашель... Дугал обхватил обеими руками грудную клетку, чтобы тщательно и глубоко вздохнуть. Истелин встревожился.

— А легкое у тебя не продырявлено, а, парень?

Дугал покачал головой и содрогнулся, опять закрываясь мехами до пояса.

— Не думаю. Кровохарканья нет. Хотя все отдал бы за хороший ночной сон.

— Лорис сказал, что я смогу получить все для ухода за тобой, — заметил Истелин. — Возможно, у них есть и что-нибудь, что даст тебе поспать. А что с твоей головой? Раны есть?

Дугал дернулся, когда епископ стянул с его головы повязку и начал осторожно ощупывать череп под рыжими волосами.

— Нет, и не думаю, что там есть какие-то трещины. Только головные боли, но они отступают.

— Отлично, — Истелин кое-как заставил себя улыбнуться, когда поднялся и с сомнением поглядел на дверь. — Посмотрим-ка, что имел в виду Лорис, говоря: «все необходимое».

Час спустя, закутанный в плащ от холода, Дугал робко сидел в кресле у огня и впервые чувствовал себя сколько-нибудь сносно с тех пор, как попал в плен. Если только не дышать глубоко, повязка, наложенная Истелином на его грудь, поддерживала ребра достаточно, чтобы они не болели, а лишь глухо ныли. И даже это проходило, пока он потягивал питье, которое Истелин приготовил по его указаниям.

— Благодаря этому я спокойно просплю до утра, — сказал он епископу, еще раз глотнув из чаши и почувствовав, как горьковатый привкус прокатывается до корня языка. — Если они дадут еще, я попрошу поить меня успокаивающим хотя бы еще сутки. Мне не нравится, что я так беспомощен, но, к несчастью, сон и отдых все же лучшее известное мне средство против травм головы, вроде моей. — Он горестно вздохнул. — До чего скверно, что здесь нет Келсона. Он бы...

Он резко умолк и с опаской взглянул на Истелина, осознавая, что чуть не проговорился, и боясь, что даже туманный

на, простого смертного. К его ужасу, Истелин, похоже, в точности понял, что он вот-вот сказал бы.

— Он бы — что? — спросил епископ. — Как-нибудь помог бы тебе своей магией?

Дугал шумно прочистил горло, пытаясь не терять бдительности. Лекарство не только смягчало боль, но и развязывало язык. Истелин казался заслуживающим доверия, но сдав ли было подходящее время затевать непростой разговор с человеком, позиция которого неясна.

— Я... Не хочу оскорбить вас, ваше преосвященство... Но большинство служителей церкви... не вполне терпимо... гм... к магии. Прошу забыть то, что у меня сорвалось.

— А, значит, его волшебство тебя страшит.

— Я... Я предпочел бы не говорить об этом, — прошептал Дугал, поняв, что угодил в ловушку.

Истелин наклонил голову набок, а затем оглянулся на запертую дверь, прежде чем придвигнуться теснее к мальчику.

— А почему бы и нет? — спросил он. — Ты упомянул о короле пылко и непринужденно, как о близком друге. Думаешь, что-то не в порядке с его... м-да, назовем это «дарованиями», если тебе не нравятся слова «магия» и «волшебство», а?

— Дело не в этом, — пролепетал Дугал.

— Тогда, выходит, ты сомневаешься во мне? — не отступал Истелин. — Ты уже доверил мне свою жизнь.

— Свою. Но Келсон — дело другое.

— Понимаю.

Епископ не отводил взгляда от Дугала, пока потягивал вино, что побуждало юношу все больше тревожиться... На несколько секунд спустя Истелин вздохнул и слабо улыбнулся, подняв чашу в почтительном приветствии.

— Я не осуждаю тебя за попытку выгородить короля, сын мой, но почему бы тебе не позволить мне сказать, как я к нему отношусь. Я не смогу доказать, что говорю правду, но ты достаточно проницателен, чтобы судить сам. Я не присутствовал в Дхассе, когда Лорис и другие мятежные епископы откололись от курии, но примкнул к сторонникам короля, как только узнал об этом. Я был с его войском в Дол Шайя. Именно мне довелось принести ему весть, что Лорис отлучил его и наложил Интердикт на все королевство. — Он опять вздохнул и продолжал. — Я и теперь готов отстаивать его величество везде, где потребуется. Лорис желает, чтобы я участвовал в посвящении Джедаила Медарского в епископы. Я отказался и, вероятно, меня за это ждет смерть. Клянусь всем, что для меня свято, я не лгу, Дугал. Мне нет дела до того, что король — Дерини, в любом случае,

на тот лад, на который этим озабочен Лорис. Мне кажется, что Келсон с помощью своей силы творил только добро. Или у тебя иное мнение?

— Конечно, нет.

Дугал отвернулся и поглядел в трепещущее пламя, после чего отпил еще глоток вина с успокаивающим лекарством, хотя и знал, что оно сделает его еще уязвимей. Но он поверил Истелину. И даже если бы епископ был не лучше, чем прочие, засевшие здесь, в Ратаркине, доброй славе Келсона мало мог повредить рассказ его друга о том, как король усыпал раненого с помощью волшебства.

Минувшие два года изобиловали намеками на кое-что похуже, исходившими от персон поважнее, чем пятнадцатилетний лорд из пограничья.

— Около двух недель назад Келсон выехал из Кулди, чтобы внезапно заявиться к одному из окрестных баронов, — осторожно начал Дугал. — А именно — к Брайсу Труриллскому. Трурилл граничит с Траншей, и я разъезжал в ту пору с дозором трурилцев. — Он скрчил гримасу. — Это другая история. Те же самые люди, включая и барона, встретили Лориса, когда он высадился на берегу близ замка моего отца, едва ли неделю спустя. Вероятно, они все еще здесь, в Ратаркине.

— Брайс Труриллский поддерживает Лориса?

В голосе Истелина прозвучало неподдельное изумление и потрясение, прибавившее ему доверия собеседника.

— Ага. И меня схватил никто иной, как сам Брайс. Он до того обнаглел, что приставил клинок к моему горлу.

Истелин чуть слышно присвистнул, а Дугал отпил еще чуть-чуть вина, поморщившись, ибо по мере того, как меньше оставалось до дна, вкус делался все горше. Он чувствовал, что становится все разговорчивей под действием лекарства.

— В любом случае, когда король доехал до нас две недели назад, мы как раз обратили в бегство шайку ворья, пытавшуюся стащить овец. — Он помедлил и зевнул. — После этого я приступил к своим обязанностям и стал штопать раненых. У одного из наших ребят была паршивая рана. Келсон... погрузил его в сон, и мне было куда проще наложить шов. Прямо чудеса.

Глаза Истелина округлились, точно две полных луны.

— Значит, он исцелил раненого?

— Нет. Только положил руку ему на лоб и заставил его уснуть. Впрочем, он говорит, что Морган и отец Дункан иногда могут исцелять. — Дугал побудит себя посмотреть в глаза отцу

Истелину. — Ведь и в этом не может быть ничего дурного, 134 верно, ваше преосвященство?

— Нет, — прошептал Истелин. — Нет, сын мой. Никоим об разом.

Однако епископ казался встревоженным и вскоре поднялся, чтобы искать утешения в молитве. Преклонив колена на низкой скамейке в одной из оконных ниш, он осенил себя крестом, затем уронил голову в ладони и замер. Дугал следил за ним несколько минут, повторяя в уме молитву, которую, судя по всему, читал Истелин, но, поймав себя на том, что клюет носом, юноша допил то, что оставалось на дне чаши, и опять осторожно за брался в постель, морщась от горького вкуса. Сосредоточиться становилось все труднее — он теперь принял полную дозу, но, устроившись поудобнее под мехами, пытался думать, как улучшить свое положение, когда проснется. И смутно спросил себя, а знает ли уже Келсон о том, что его друг в пленау.

Не то чтобы стоило надеяться, что Келсон может его выручить. Участь одного юного горца мало весит против судьбы целой страны. Но, возможно, Дугалу самому удастся как-то спра виться после того, как немного восстановит силы. То, что его рассматривают как ценного заложника, очевидно — они не только вели бой так, чтобы непременно захватить и увезти его, их отношение к нему с самого прибытия в Ратаркин было доста точно красноречиво. Отпади надобность в нем после того, как они благополучно выбрались из Траншийских владений, ему бы давно перерезали горло. Он также помнил обмоловку о том, что понадобится его поддержка, когда они воссоединят Траншу с древней Меарой: немыслимо отступничество для того, кто верен королю — но, возможно, это означало, что никто и не дога дывается о его возобновившейся дружбе с Келсоном. Да и похоже, никто не вспоминал, что юный владетель Транши и есть второй сын траншийского вождя, который некогда служил пажом при дворе короля Бриона.

Небесполезна для Дугала была также его ребяческая внешность. Он подумал, что, дожидаясь благоприятного случая, имеет смысл играть на ней, представляясь невинным и податливым, и укреплять их в заблуждении, в которое сперва чуть не впал Истелин. Это опасная игра, но он может неплохо справиться и достаточно одурячить их, чтобы притупить бдительность. И тогда бежать и предостеречь Келсона.

Он обдумывал, как можно достичь своей цели, когда, наконец, его одолел сон. И, как ни странно, ему снился не Келсон, но его отец и одинокий волынщик Макардри, наигрывавший скорбную песнь с вершины занесенного снегом холма.

Глава девятая

**Но, обладая силою,
Ты судишь снисходительно,
и управляешь нами с великой милостью;
ибо могущество Твое всегда в твоей воле¹**

Кьярд О'Руан, первый вестник клана Макардри, прибыл в Ремут на другой день ближе к вечеру и ошеломил двор своими вдвойне скорбными новостями.
— Юный лорд еще ничего не знает об отце, — закончил он, утомленно кивнув в знак благодарности юному пажу, который вручил ему полную доверху огромную кружку. — Если, разумеется, он все еще жив.

Само представление, что Дугала уже может и не быть в живых, обрушилось на Келсона, точно удар. До этого мгновения он не смел о таком и помыслить. Изгоняя страх, который не трудно было прочесть в глубине его глаз, король поглядел на Моргана и Дункана, ища поддержки. Его пальцы стиснули на мертвое подлокотники трона.

— Он должен быть жив, — пробормотал король себе под нос. — Я знаю, он жив! Кьярд, ты уверен, что его схватили именно люди Трурилла?

Тот с неодобрением взмахнул рукой, основательно прикладываясь к своему элю. Окажись в пленах его собственный сын, он не мог бы испытывать большего отчаяния.

— Мы все лето разъезжали с этими людьми, государь. Неужто я бы их не признал. Лорд Брайс, а не кто-то другой, перебросил через седло моего молодого хозяина.

— А ваш пленник, которого привезут — действительно из духовного сословия?

---

¹Мудрость Соломона 12:18

— Да, мой король. И наглец преизрядный, скажу я вам. Но Кэболл предупредил его, что тут, у вас, он запоет по-иному.

— И бьюсь об заклад, что могу назвать хотя бы одну песенку, которую он пропоет, — произнес Морган так, что один Келсон его рассыпал, когда по палате пронесся смех, в котором угадывалась угроза.

— И какую?

— Что Лорис был одним из тех, кого сопровождал Трурилл. Помните, Джодрелл сказал нам, что Лорис высадится на побережье.

— Это не забавно, Морган. Это скверная шутка, — прошептал Келсон.

— Ты и впрямь думаешь, что я шучу такими вещами? — парировал Морган. — Увидишь, монах подтвердит, что это Лорис. А кто еще посмел бы обозвать тебя, короля, еретиком? И если тебе нужны мои догадки, они отправляются в Ратаркин, как мы и подозревали. Туда прямая дорога от Каркашейла — и от места на берегу, где они высадились, а само место высадки в полутора днях плавания от Святого Айвига.

Только знание, что пленник в пути и непременно прибудет в ближайшие двадцать четыре часа, удержало Келсона от призыва немедленно выезжать в Ратаркин. Весь обед он был то раздражителен, то крайне задумчив, горько скорбел о старом Каулае — не меньше, чем тревожился за его сына, — и дал пробудиться гневу на Лориса.

— Ты прав, это должен быть Лорис, — сказал он Моргану позднее в тот вечер после того, как Дункан, извинившись, ушел совещаться с епископами, а Нигель отправился спать, в чём крайне нуждался. — И он лично ответит мне за смерть Каулая. А если Дугал...

Он не смог закончить, покачал головой, негодующе отрицая саму эту мысль, уперся локтями о каминную полку и воззрился на трещавший внизу огонь. Морган, выглянув из узкого окна на блестящие под дождем ремутские крыши, бросил, оборотясь, пристальный взгляд на короля, а затем вернулся к наружной тьме. От его дыхания на тускло-сером стекле возникло туманное пятно, и он кончиком пальца расчистил кружочек, чтобы видеть как следует. Если Гвиннедскую равнину так заливает дождем, то на Меару, вероятно, обрушился тяжелый снегопад.

— А тут еще и отступничество Брайса Труриллского, — миг спустя произнес Келсон, ворвавшись в более приземленные размышления Моргана. — Я собирался к нему нагрянуть... И наверняка что-нибудь заподозрил бы, если бы добрался до него... Но позволил себе ради удовольствия забыть о долге. Не сле-

довало мне ехать с Дугалом в Траншу. Теперь его захватили, и я виноват.

— Ты не виноват, и если будешь вновь и вновь себя корить, это лишь помешает тебе действовать. А что могло бы изменить твое посещение?

— И все-таки, мне следовало поехать в Трурилл, — упрямо сказал Келсон. — Если бы я...

— Если бы ты туда и явился, нет гарантии, что ты хоть что-то неладное заметил бы, — перебил его Морган. — Может, ты и Дерини, но ты не всеведущ.

— Я распознаю измену, когда вижу ее.

— Да, когда ты смотришь издали, уже отойдя. С другой стороны, осмелюсь предположить, что меарцы глядят на все иначе. Не забывай, они считают себя угнетенным народом. С тех самых пор, как твой прадед женился на дочери последнего меарского суверена. Если Лорис нашел сторонников в Меаре, подозреваю, это потому, что он объявил их совершающими угодное Богу дело освобождения Меары.

— Освобождения Меары? — Келсон яростно ударил ногой по ближайшему горящему полену, которое неистово брызнуло искрами. — Вот уж в самом деле — освобождения! Да Меара никогда и не была свободной! До того, как мой прадед женился на их глупышке-наследнице, в Меаре столетиями заправляли мелкие вояки и деспоты. А до того она была не менее дикой, чем Коннант.

— Тот самый Коннант, выходцы из которого — лучшие воины-наездники во всем мире? — уточнил Морган.

Келсон, нахмурившись, отступил от огня и прошел через зал, чтобы присоединиться к Моргану у окна.

— Ты знаешь, о чем я. И не сбивай меня своими тонкими намеками.

— В мои намерения не входит чем бы то ни было сбить тебя, мой повелитель, — терпеливо ответил Морган. — Главное, это...

— Главное — это то, что Лорис в Меаре и возбуждает недовольство, возможно, даже разжигает мятеж, насколько мы знаем... а тут началась зима, и я не так уж много могу с этим сделать до весны.

— Существенно еще и то, что Лорис заполучил в заложники одного из твоих лучших друзей, — негромко напомнил Морган.

— И ты был бы куда меньше тот Келсон, которого я привык любить и уважать, если бы тебя мало беспокоила его участь.

Келсон опустил взгляд, как следует приняв этот мягкий

— Он мне действительно, как брат, Аларик, — тихо ответил он. — Куда роднее мне, чем мои кузены. Он... ну, почти, как был бы ты, окажись помоложе... Или Дункан. И даже...

После того, как он запнулся и осторожно вздохнул, переместив рассеянный взгляд на затуманенное окно между ними, Морган поднял бровь.

— И даже что, мой повелитель?

— Дугал, — пробормотал король. — Иисусе Милосердный, я чуть не забыл тебе об этом сказать. — Он с робостью воззрился на Моргана. — Помнишь ночь, когда ты связался со мной в Транше, и как я вдруг прервал связь из-за того, что Дугалу стало не по себе?

— Конечно.

— Так вот, я разорвал связь не полностью по своей воле. Дугал разъединил нас. Щитами.

— Щитами? Это невозможно. Он не Дерини?

— Тогда кто он? — парировал Келсон. — Щиты-то у него явно вроде наших. Правда, убирать их он не умеет.

— Не умеет... — вырвалось у Моргана, и он заставил себя глубоко и мерно вздохнуть, выбрасывая из головы, насколько возрастает опасность для Дугала, если он все-таки Дерини, и если Лорис, у которого мальчик в руках, это обнаружит. — Итак, у него есть щиты, но он не умеет их убирать, — повторил Морган более спокойно, опять поглядев на короля. — Ты уверен?

— Я пытался читать. И не смог прорваться. Только устроил ему жуткую головную боль. И ему от них было плохо, Аларик. А такого не должно происходить.

— Не должно, — согласился Морган.

Несколько секунд спустя он покачал головой и положил ладони на плечи Келсона.

— Нужно, чтобы ты в точности показал мне, что видел и чувствовал, — сказал он. — Не таи ничего. Даже боли. Это может быть очень важно.

Испустив мощный вздох, Келсон уронил руки вдоль туловища и закрыл глаза, пожелав, чтобы отворились знакомые каналы. Он и помыслить не смел бы о том, чтобы возражать. Прикосновение Моргана к его лбу в один миг дало ему нужный настрой, тем более, что мысленной связи не мешали ни мили расстояния, ни разница в намерениях. Он буквально последовал просьбе Моргана, позволив неразбавленным воспоминаниям хлынуть по возникшему руслу в течение нескольких ударов сердца, не придерживая их даже, когда Морган задохнулся и зашатался под их тяжестью. Морган выглядел несколько оторопелым, даже когда они кончили.

— Не думаю, что я когда-либо испытывал нечто подобное, — промолвил Морган, с усилием сосредотачиваясь. — И все-таки я не понимаю, как это ты умудрился ничего не прочесть в его сознании.

— Возможно, у него есть какие-то дарования, вроде моих, — предположил Келсон. — Некое неразвитое подобие деринийских способностей. Или, может, он вроде Варина де Грея.

Морган покачал головой и, прогуливаясь к камину и обратно, принялся размышлять вслух.

— Нет. У его щитов... привкус, за неимением лучшего слова, чего-то совсем иного, нежели как у Варина. У того есть щиты, и он даже исцелять умеет, но определенно, он не один из нас.

— Тогда, возможно, он не от мира сего, — изрек Келсон, с трудом сдерживая смех. — Он мне кое-что выдал — в смысле, Дугал. Он говорит, что у них, горцев, есть Второе Зрение, или что-то такое. — Он помедлил с минуту. — А почему он не может быть Дерини, Аларик? Если наша кровь попала в его семью несколько поколений назад, возможно, в пору самых беспощадных преследований, разве не могли у них родиться потомки, понятия не имеющие, кто они, случайные и загадочные проявления дара которых были объяснены как какое-то там Второе Зрение или «не от мира сего». В конце концов, моя мать ничего не знала.

— Она так говорила, — уточнил Морган. — Я уверен, она хотела бы что-то подозревала. И, разумеется, в моем разуме не возникло сомнений на ее счет, когда я пригрозил ей чарами истины, и она шарахнулась. Но ничто в твоем контакте с Дугалом не указывает на что-либо, кроме щитов. — Он вздохнул. — Я бы хотел ответить тебе что-нибудь посущественней. Полагаю, это один из недостатков этого обучения, что выпало мне и Дункану. Арилан, наверное, сказал бы, что делать, но...

— Но вы ему не вполне доверяете, — закончил Келсон.

Морган передернулся плечами.

— Ты видел, каков он. А сам ты доверяешь ему? Несмотря на все, что нас связывает, он никогда не упускает из виду, что мы с Дунканом только полу-Дерини. Возможно, его драгоценный Камберианский Совет не позволяет ему об этом забыть. Хотя, кажется, в твоем случае, он закрыл на это глаза.

— Меня они видят в ином свете, — спокойно заметил король. — Я... Мне не положено говорить об этом.

— Ты хочешь сказать, что связан с ними? — в изумлении спросил Морган.

— Не с Советом в целом, но так, отдельные личности выходили на переговоры. — Король опустил глаза. — А боль-

ше мне нельзя ничего говорить. Прошу, не требуй подробностей.

А Морган как раз этого и жаждал, ибо впервые услыхал о подобных делах, но принудил себя не давать воли любопытству, и вместо этого бросился в кресло у огня. Если Совет все-таки пытался затеять переговоры, пусть только с Келсоном, это уже какой-то сдвиг с мертвой точки. Не следует встремлять, а то как бы все не испортить.

— Очень хорошо. Не стану тебе надоедать. В любом случае, рад слышать, что кое-что в таком роде происходит.

Келсон безразлично кивнул, опершись обеими ладонями об один из высоких выступов на спинке кресла. Увидев, какое у юноши лицо, Морган подумал, а слышал ли он хоть слово из только что прозвучавшего.

— Морган, а ты когда-нибудь в кристалл глядел? — спросил король несколько секунд спустя.

— Что тебе нужно там высмотреть?

— Дугала, конечно. Ну, так ты можешь?

— Некоторым образом. Я добивался визуализации, применивая кристалл ширила, хотя сомневаюсь, что это одно и то же. Обычно требуется что-нибудь, принадлежащее человеку, которого хочешь увидеть. У тебя есть какая-нибудь вещь Дугала?

— Вообще-то нет. Хотя, погоди... Да.

Он подошел к ящичку, стоявшему на столе у его постели, и несколько секунд шарил внутри. Наконец, вернулся с коротким обрывком черной шелковой ленты.

— Я заполучил это, когда был в Транше, — сказал король, усаживаясь на подлокотник кресла и протягивая ленточку. — Подойдет?

— Пожалуй. — Морган провел лентой по ладони, сосредоточенно пощупал ее, не обнаружил ничего особенного. — Но ведь у тебя вряд ли есть ширил?

Келсон поник.

— Нет, а разве он нужен? У тебя нет?

— Не в Ремуте, — вздохнул Морган. — Однако, говорят, это и без него не столь уж невозможно. — Он склонил голову набок.

— Ты уверен, что это необходимо?

— Морган...

— Отлично. Хотя не могу ничего обещать наверняка. Для тебя это вполне может кончиться лишь дикой головной болью.

— Все же попытаемся.

— А если он мертв?

Келсон пригнулся голову, поджав губы, с трудом сдерживая слезы, и Морган тут же пожалел о своей грубости.

— Простите, мой повелитель, — прошептал он, неловко похлопывая короля по руке и одновременно глубоко вдыхая и вскакивая на ноги. — Мне не хватило такта. Поменяемся-ка местами и попробуем. Я не хотел нагонять на вас страху.

Келсон повиновался, не взглянув на него и ничего не ответив. Он поччул смущение Моргана и то, что Дерини понимает, насколько он, Келсон, по-настоящему боится за друга. Морган осторожно пристроился на правом подлокотнике лицом к юноше, взял его запястье, как только оба сели поудобнее, и обвил концом туго натянутой ленты свои пальцы.

— Давай воспользуемся пламенем, чтобы сосредоточить взгляд, — тихо предложил Морган, прикрыв ладонями глаза короля. — Погрузись в транс и смотри в огонь. Я не увижу того, что и ты, но бери у меня силы, не стесняясь, когда начнешь угадывать образ Дугала в смещающихся пятнах света и тени. Приникни к тому, что осталось от него в этой ленте, а затем преодолей расстояние и узри его. Расслабь взгляд. Правильно. Пламя должно стать фоном для твоего видения, но помни, что не оно — твоя цель. Представь себе Дугала таким, каким видел в последний раз, а затем перенеси этот образ вперед во времени. И плыши с ним вместе. Хорошо...

Келсон старался, как мог, следовать указаниям Моргана, распространив свой разум по всей длине черного шелка между пальцами, пока его глаза взирали на ленту, и по всплескам пламени, но сосредоточению мешали его же страхи. Он чувствовал, как сила Моргана поддерживает его, как растут его силы, в то время как он искал Дугала, но он так и не убедился, что контакт состоялся. Когда он выплыл из транса, голова у него нестерпимо болела, а дыхание обжигало легкие.

— Ничего, — догадался Морган, вынимая ленту из его пальцев, пока юный король приводил себя в равновесие.

Келсон уныло покачал головой.

— Не уверен. Но думаю, я бы понял, будь он мертв... Просто я не мог отделить все остальное от того, что было Дугалом. Может, нам все-таки нужен ширак.

— Не исключено.

Несмотря на неудачу и на то, что они не заполучили хотя бы зацепки для поисков Дугала, Келсон в течение часа проникся убеждением, что Дугал не где-нибудь, а в Ратаркине, у Лориса.

— А если все именно так, Истелин тоже в опасности, — заметил король. — Морган, мы должны им помочь.

— То есть, отправиться в Ратаркин?

— Ну да, мы вполне можем нагрянуть внезапно. Какие

Но разум возобладал там, где мог взять верх душевный порыв, ибо Морган напомнил королю о пленнике, которого везут из Транши, и который, возможно, прольет куда больше света на происходящее.

А что если Лорис не направился в Ратаркин? Келсон нехотя согласился отложить решение, пока не привезут пленника и не допросят, но весь остаток ночи то засыпал, то вновь просыпался, хотя дождь ровно барабанил по окнам.

Дождь не прекратился и утром, из-за чего пленник был доставлен в Ремут лишь после полудня. По приказу Келсона, промокшие и дрожащие горцы, которые его привезли, тут же увекли свою добычу в небольшой отдаленный покой, прежде чем кто-либо при дворе смог как следует его увидеть.

Сопровождать короля были приглашены только Морган, Дункан и Нигель.

— Кто-нибудь, дайте ему сухой плащ, — распорядился Келсон, когда парни из пограничья уподволокли этого человека к креслу у огня, на которое указал Келсон. — И осторожней с его рукой.

В каждом движении пленника, рухнувшего в кресло, прижав к груди перевязанную руку, чувствовалось утомление от поездки из Транши. Он не протестовал, когда Дункан, сняв собственный плащ, накинул его на дрожащие плечи — возможно, пленного успокоило священническое одеяние жертвователя, но лицо его мгновенно выразило ужас, когда Келсон отпустил стражу, а Нигель закрыл дверь. Глаза под взъерошенными, по-воински остриженными волосами свидетельствовали не только о телесной усталости, в них сквозили подозрительность и настороженность.

— Я требую привилегий духовенства, — хрипло прошептал он, и его взгляд тревожно заметался по четырем лицам. — У вас нет права меня пытать.

Келсон вытянул руку вдоль края мантии и воззрился на пленного со смешением любопытства и странного предчувствия.

— Мы не намерены вас пытать, — сказал он. — Я просто намерен задать вам несколько вопросов. Отец Дункан, вы и Морган могли бы что-нибудь сделать с его раной?

Эти два имени вызвали предсказуемый отклик — подтвердились уверенность Келсона, что пленный не знал в лицо ни того, ни другого.

Как только Дункан шевельнулся, чтобы осмотреть перевязанную руку, а Морган стал приближаться с другой стороны, бедняга шарахнулся в своем кресле.

— Не подходите! — Он постарался следить за обоими одновременно и оттолкнул Дункана здоровой рукой. — Не касайтесь меня! Чародеи прокляты!

Прежде чем он успел решить, кто из них более опасен для него, Морган легко скользнул сзади и сжал отчаянно крутящуюся голову между ладонями, обездвижив ее.

— Не противьтесь мне, — приказал он почти досадливо, в то время, как его руки и мозг призывали к повиновению. — Из этого ничего хорошего не выйдет. А если вы расслабитесь и отклинетесь, то, возможно, нам удастся облегчить ваши страдания.

Сопротивление пленника ослабевало рывками, во многом — вопреки его воле, и наконец, здоровая рука свободно упала, в то время как Дункан начал разматывать сломанную. Бедолагу перебернуло, когда чувствительные пальцы священника погладили растерзанные мускулы над сломанным предплечьем, тело выгнулось дугой от новой боли, чуть только Дункан обхватил поврежденное место обеими руками.

— Что ты делаешь?! Без колдовства! О, нет, только не это!

В ответ на кивок Дункана Морган еще больше подчинил раненого своей власти и отключил его сознание, затем переместил одну ладонь, накрыв ею обе дункановы, настраиваясь на целительный импульс, который они с его кузеном вдвоем излучали куда верней и надежней. Достигнув четкого взаимодействия с Дунканом, он вновь испытал это дивное нездешнее чувство, которое привык связывать с даром Целительства — и тут же возникло знакомое нарастающее давление рук Другого поверх его руки, как только связь образовалась, и кости начали сдвигаться под их прикосновением. Он отступил, когда рука срослась, моргаю и частично ослабив свою власть над раненым, дабы тот пришел в сознание.

— Нет, — слабо пробормотал тот, едва его веки затрепетали.
— Только не это! Без колдовства!

— Запоздалая просьба, — ответил Морган, усаживаясь на табурет, который Нигель пододвинул поближе, дабы Морган мог не отрывать руку от плеча страдальца и не отпустить его. — Не хотите ли назвать себя?

Тот оторопело пошевелил пальцами правой руки и потер там, где недавно был перелом, украдкой поглядывая на Дункана, и на Моргана вовсе не смея смотреть и стараясь не обращать внимания на руку Дерини, покоящуюся у него на плече.

— Вы исцелили меня, — прошептал он с укором.

— Да, они вас исцелили, — ответил Келсон. — Вы ведь не чумной, знаете ли. Ответьте на вопрос. Кто вы?

Тот тяжко сглотнул комок.

— Я требую привилегий, как духовное лицо, — вяло произнес он. — Я...

— Единственная из них, которую вы получите прямо сейчас, — подчеркнуто заметил Нигель, — это то, что преподобный Маклайн здесь, дабы присутствовать при допросе. А теперь ответьте на вопрос вашего короля.

Когда тот вытянул губы в тонкую, полную вызова линию и замотал головой, Морган переглянулся с королем и усилил мысленную хватку, вынуждая упрямца говорить правду.

— Ваше имя, — терпеливо произнес он.

— Неван д'Эстрельдас, — ответил тот. Глаза его вытаращились, как только имя сорвалось с губ, вопреки его решению молчать.

— Д'Эстрельдас? — повторил Келсон, с изумлением и вопросом взглянув на Дункана, который тоже был поражен. — Необычное имя. Бремагна, не так ли?

Дункан кивнул, с мрачным видом поджав губы.

— Так же зовут одного из странствующих епископов в Кирни, не правда ли, Неван?

Неван кивнул, снова почти против воли, и Дункан еще основательней нахмурился. Келсон был ошеломлен.

— Ты имеешь в виду, что этот — один из наших епископов?

— Увы, боюсь, что так, государь, — ответил Дункан. — То-то я подумал, что у него знакомое лицо. Хотел бы я знать, сколько еще епископов удалось заморочить Лорису.

— Проверим, знает ли он, — сказал Морган, оборотив светлые глаза на пленного и завладев его вниманием. — Вы — епископ Неван, так?

— Да.

— И только? — не отступал Морган, идя еще глубже.

Неван облизал губы и нехотя наклонил голову в знак почтения.

— Да, ваша милость.

— Так-то лучше. И кому вы обязаны повиноваться, епископ?

— Епископу Кулди.

— Куди? — вырвалось у Келсона, который в тревоге перевел взгляд с Невана на Дункана. — Так что же. Выходит, кудийцы были с труриллцами? И помогали бегству Лориса?

— Не больше одного вопроса за один раз, мой повелитель, — напомнил Морган, вновь сосредотачиваясь на затравленном Неване. — Помните, он в таком состоянии слишком примитивно мыслит. Епископ Неван, вы говорите, что епископ Кулди знал о плане бегства архиепископа Лориса?

- Да, ваша милость.
- Понятно. Он подстрекал кого-то?
- Нет, сударь.
- Кто-то другой явился к нему с этим предложением?
- Да, сударь.
- И кто же?
- Не уверен, ваша светлость.
- Но, как вы думаете, кто это?

Неван опять попытался бороться, но имя, тем не менее, прозвучало.

- Преподобный Горони, ваша светлость.
- Горони!!! — ахнул король.

Морган взглядом велел ему молчать и опять сосредоточил внимание на допрашиваемом.

- И преподобный Горони был среди вас? — спросил он.

Неван кивнул.

- А Брайс Труриллский?

Новый кивок.

- Сколько человек всего?

Неван с мгновение подумал.

- Теперь четырнадцать.

- Потому что вас взяли?

— Да, ваша светлость.

- И куда вы держали путь? — спросил Келсон.

— В Ратаркин, ваше величество.

- С какой целью?

— Посвятить в епископы господина Джедаила.

- Не в Меарские епископы? — вмешался Дункан.

— Нет, сударь.

- А почему?

— Меара станет патриаршеством под началом епископа Креоды.

— Креоды, — повторил Морган, обменявшись взглядом с ошеломленными Келсоном и Дунканом. — А Лорис?

- Он, конечно, опять станет примасом.

— Пока я жив и дышу — нет, — процедил сквозь зубы Келсон. — Теперь скажите мне вот что, Неван: епископ Креода покинется Лорису или Брадену?

- Архиепископу Лорису, ваше величество.

- И есть другие епископы, которые верны Лорису?

Неван кивнул, соглашаясь.

- Сколько их?

Неван с минуту подумал.

146 — Шесть, ваше величество.

- Шесть, не считая вас и Креоды?
- Да, ваше величество.
- Назовите их.

— Бел... — Хватка у Дерини была цепкой, но Неван запнулся на полуслове, вновь пытаясь сопротивляться. Морган в нетерпении надавил на него, еще больше овладевая сознанием Невана.

— Назовите остальных епископов, Неван, — вежливо попросил он. — Не тратьте времени.

Глаза Невана закрылись, но губы вновь разомкнулись.

— Бедден, епископ Кешиена; Лэхлен, епископ Баллимара, и четыре странствующих епископа: Мир из Кирни, Колдер из Шииля, Гилберт Десмонд и Реймер де Валанс.

— И он посвящает Джедаила — да у него целая соперничающая иерархия. Совсем стыд потерял, мерзавец!

— Отсутствие у него стыда беспокоит меня куда меньше, чем то, что он действует успешно, — хмуро заметил король. — Он думает, что с лихвой опередил нас, что я ничего не смогу сделать до весны, чтобы его остановить. Что ж. Может быть, как раз здесь он совершил роковой просчет. Стража!

* * *

Сперва Совет счел, что роковой просчет совершает как раз король.

— Это чистейшее безумие, государь, — возразил ему Эван со своего места, неподалеку от короля за столом Совета. — Не стоит и надеяться провести успешную кампанию в такую пору. На дворе декабрь, спаси Господи!

— Именно поэтому я отправляюсь туда сейчас, — парировал Келсон. — Они меня не ждут. Ратаркин хорошо укреплен, но я не верю, что все горожане уже признали права Лориса. В лучшем случае, он располагает видимостью власти в городе. Появление королевских войск, особенно в декабре, когда я, по его мнению, не могу сюда прийти, может само по себе сломить его.

— Не исключено, что он даже не поехал в Ратаркин, — вставил Сигер де Трегерн, сидевший против Эвана. — Если он заручился поддержкой Самозванки, он может ехать к ней в Лаас.

Келсон покачал головой.

— Нет. Пленный сказал, что в Ратаркин. Лорису нужно решить вопрос с епископством, прежде чем он займется мирскими вопросами. А у меня в Ратаркине епископ, которого я поклялся защищать.

— А кроме того, вашего друга держат там в заложниках, государь, если Лорис действительно в Ратаркине, — заметил архиепископ Браден. — Не это ли затуманивает ваш ум? 147

— Мой долг защищать их обоих, архиепископ, — отозвался Келсон. — И не следует позволять Лорису встать чуточку тверже, чем он уже стоит. Уж вам-то меньше, чем прочим, нужно объяснять, что такое Лорис.

— И все же не нравится мне это, государь, — сказал Арилан, который уже ясно дал понять, что ему и кое-что другое не нравится, когда услышал о том, как допрашивали Невана. — Лорис хитер и...

— Даже если на его стороне все силы в Ратаркине, в чем я сомневаюсь, — резко прервал его Келсон, — их недостаточно, чтобы выйти за городские стены и разбить войско, которое я собираюсь туда вести. А о любом большом сосредоточении военных отрядов мы бы услышали. Даже в Лаасе имеется только их обычная личная охрана, других сообщений не было. Самое худшее, никто не сможет взять верх, и мы подадимся домой.

— Я опасаюсь кое-чего похуже, государь, — вздохнул Кардиль. — Но пусть будет, что будет. Возможно, вы правы. Буду молиться, чтобы так и вышло. А вдруг нет? Если вас возьмут в плен или убьют...

— Если вам будет от этого спокойней, архиепископ, обещаю, что мой дядя останется здесь, как регент, — ответил король. — Случись что со мной, быть ему вашим королем. А у него три сына, которые наследуют ему.

— И вам нужны сыновья, чтобы наследовали вам, — не без раздражения напомнил Эван, — прежде чем вы ввяжетесь в столь безрассудную затею

Келсон ухмыльнулся, почти довольный возвращению к старому спору.

— Но не понадобится ли мне для этого жена, Эван? — съязвил он.

— Так останься дома и женись, парень! — парировал тот. — Проведи зиму в постели с прелестной королевой, делая малышей, вместо того, чтобы пробиваться сквозь снега, бросая вызов мятеожным архиепископам и Бог знает чему еще! Весной будет достаточно времени для войны.

Келсон подал знак Дункану взять перо и пергамент и пылко тряхнул головой.

— Хотелось бы, чтобы я мог остаться дома, Эван. Ничто не пришлось бы мне больше по нраву. Теперь мне понадобятся все наши постоянные отряды, Нигель... и, господа, именно потому, что сейчас зима, мне надо взять у каждого из вас подразделение, которые у вас на службе, чтобы увеличить мое войско.

Мне нужна сотня рыцарей, легковооруженных для большей 148 подвижности, и самые малые силы для поддержки. Я, ко-

нечно, беру Моргана, Джодрелла и Траегерна, остальных оставлю, чтобы готовились объявить большой призыв весной, в случае, если до весны ничего не решится. Дункан, как герцога Кассана я тоже взял бы и вас, но Нигелю вполне могут понадобиться ваши услуги здесь, в Ремуте.

Он не сказал, что Дункан также может стать звеном для связи со столицей, но Арилан, казалось, почувствовал это.

— А не следует ли вам взять епископа, который представлял бы законную епископскую иерархию, государь? — спросил он, явно намереваясь попасть в число участников похода.

— В таких делах лучше предоставить все светским властям, ваше преосвященство, — ответил за короля Морган, прежде чем Келсон придумал довод, почему Арилану не стоит идти с ними.

— Если только у его величества нет особого желания рискнуть жизнью одного из самых верных ему епископов...

Он бросил взгляд на Келсона, готовый отступить, если у короля окажутся веские основания желать участия в походе Арилана, но, к его облегчению, Келсон покачал головой.

— Этого не нужно. Если кто-то сидит в Ратаркине, кроме Истелина, присягнувшего мне, это вне церковной юрисдикции. Итак, есть у кого-то существенные возражения, которые до сих пор не прозвучали?

Таковых не нашлось ни у кого.

— Тогда предлагаю заняться необходимыми приготовлениями. Я подозреваю, что здесь, в Ремуте, есть люди Лориса, и поэтому хочу выступить нынче же вечером под покровом темноты, прежде чем кому-то из них удастся послать ему вести и предупредить его. Морган, за мной.

Он поднялся и направился к большим двойным дверям, остальные встали и принялись кланяться, Морган обменялся коротким взглядом с Дунканом, прежде чем мерным шагом двинуться за королем.

Глава десятая

**Поэтому разумный безмолвствует
в это время; ибо злое это время¹**

Два дня спустя, когда Келсон и его воинство ехали к Ратаркину под ледяным дождем, Меарская Самозванка вступила в город со своим супругом и детьми. С самого утра валил снег, удерживая дома праздно любопытствующих, и она со своими спутниками последовала по почти пустынным улицам, мало ком замеченная. Только стражи у ворот епископского дворца опознала полотнище цветов старой Меары на древке и приветствовала процессию.

Госпожа Кэйтрин Киннел Меарская приняла их выражение почтения как должное. Она никогда не была красавицей, да и годы ее не щадили. Ей был шестьдесят один. Но она сохранила холодную уверенность, что рано или поздно получит пред назначенную ей власть, и упорно ждала, когда, наконец, грянет пора возмездия за лишения столь долгих лет. Белый скакун, на котором она гарцевала, был невелик, но верхушка безукоризненной прически Кэйтрин едва достигала его плеча, когда барон Трурилл помог ей сойти на покрытый снегом епископский двор. Он поцеловал ей руку, и Кэйтрин приняла его, подобно законной королеве, любезно, но свысока, и стала ждать, когда спешатся остальные.

— Добро пожаловать в Ратаркин, ваше королевское высочество, — промолвил Трурилл. — Или, возможно, мне скоро будет дана честь приветствовать вас как королевское величество. Я Брайс, барон Трурилл, ваш смиреннейший слуга. Те, кто вас принимает, ждут в доме.

Она удостоила его беглой улыбки, рассеянной и далекой, осторожно постучав кнутовищем по своей перчатке и кивнув

¹Амос 5:13

бородатому человеку в городском тартане, который приближался к ней сзади. Он был несколько приземист, с простецким лицом, но здоров и крепок, его дорогой кожаный костюм для верховой езды подчеркивал мускулистость ног.

— Мой супруг, лорд Сикард Макарди, — сказала она, как на большом приеме. — А вот мои дети: принц Ител, принц Алюэл и принцесса Сидана.

Брайс от удивления распахнул глаза, когда приблизились эти трое, они оказались не только много моложе, но и необычайно хороши собой. Он понятия не имел, откуда у них такой аристократический вид: ни мать, ни отец ничем таким не славились даже в юности — но, судя по всему, эта парочка произвела на свет трех самых очаровательных отпрысков, которых Брайс когда-либо видел. Два мальчика, лишь чуть моложе короля Келсона, вполне сравнимые с ним своей осанкой, повадкой и тонкостью черт; а юная принцесса...

Брайсу пришлось сделать усилие и напомнить себе, что он благополучно женат, и такая девушка в любом случае не для него. Невысокая, но стройная, как молодое деревце, с тугими каштановыми локонами, выбивающимися из-под капюшона, Сидана показалась Брайсу самим воплощением его идеала женственности, в ее темных глазах таилась загадка, они наводили на мысль о феях, созданиях иного мира, бойкого и все же невинного, мудрого, однако, простодушного. Она учтиво наклонила голову, заметив его страстное любопытство, но не проявила ни смущения, ни снисходительности, которые столь часто охватывают других высокопоставленных девиц в подобных обстоятельствах. Ее доброта помогла ему стряхнуть чары, прежде чем кто-то заметил его неподобающий интерес к этой красотке.

— Вы находитите мою дочь привлекательной, барон? — услышал он вопрос Сикарда, и лицо лорда из пограничья лукаво ожилилось, когда он протянул руку, приветствуя Трурилла. Брайс поглядел прямо в глаза отцу девушки и выпалил:

— Честное слово, сударь, она великолепна. Немыслимо великолепна. И счастлив будет тот, кому удастся добиться ее руки.

— Это верно, — с некоторым нетерпением заметила Кэйтрин, — хотя, она не просто для любого встречного, и я уверена, вам это понятно. — Она взяла под руку своего старшего сына и устремила взгляд к дверям мимо Брайса. — Но нельзя ли нам войти? Наши спутники присмотрят за лошадьми и выюками. Немало часов прошло с тех пор, как мы в последний раз согрелись и подкрепились.

Немного погодя, когда смущенный Брайс препроводил высоких гостей в приемную епископа, и все обменялись по-

ложенными приветствиями и подкрепились, заговорщики с обеих сторон приступили к ответственному совещанию. Сидана принесла извинения и удалилась отдохнуть со своими девицами и дамами, но оба ее брата с удовольствием уселись справа и слева от родителей, страстно желая, чтобы им тоже дозволили высказаться в свой черед.

— Мне не нравятся эти новости о герцоге Кассане, — хмуро заявила Кэйтрин, едва только Лорис усился прямо напротив нее, а рядом с ним — Креода, Джедаил и Брайс. — Кассан должен достаться Ителу, когда умрет Маклайн. А если Маклайн будет епископом, нетрудно догадаться, что он попытается оставить его церкви.

— А заодно и Кирни, — подал голос Ител справа от матери. Брайс подумал, что этот юнец с темными глазами немного смакивает на коршуна.

Тихонечко потягивая подогретое вино, Креода покачал головой.

— Не Церкви, моя повелительница. Короне. Маклайн человек короля. Мы, правда, пытались его убрать.

Кэйтрин передернула плечами.

— И весьма бездарно, как я слышала. Наутро он достаточно оправился, чтобы посетить мессу.

— Ему на выручку явился исчадье преисподней Морган, — пробурчал Лорис. — И он исцелил Маклайна с помощью деринийского чародейства.

— Но это случилось позднее, — вставил Сикард, с пренебрежением махнув рукой. — Говорят, Маклайн сам защитился при нападении. Вы поручили ребенку работу мужчины?

Лицо Лориса на миг запыпало от гнева, но, отвечая, он следил за собой и не повышал голоса

— Да, наш человек был молод. Но он воспитывался в доме самого Маклайна. И знал, что делает. Взрослый так легко не получил бы доступа к Маклайну. И Маклайн все-таки был ранен.

— Но кажется, никакой пользы...

— Ваша милость, отрава на клинке должна была сделать любого, в ком есть деринийская кровь, совершенно неспособным обороняться, — терпеливо пояснил Лорис. — А для священника, который не вправе убивать, если только может избежать этого, любое колебание должно было оказаться роковым.

— Теперь это неважно, — пробурчала Кэйтрин, поигрывая своим кубком. — Оно не оказалось роковым, и мы должны убить Маклайна каким-то другим способом. Однако, до того, обсудим положение моего племянника. — Она удостоила Джедаила теплой улыбки, на которую он ответил. — Как скоро

вы готовы осуществить его посвящение в епископы, господин Лорис?

Лорис наклонил голову.

— Завтра, если вам угодно, ваше высочество. Достойно сожаления, что епископ Истелин продолжает противиться неизбежному, но епископ Креода и несколько других будут иметь честь участвовать в этом счастливом событии.

— Вы так сказали в вашем письме, — произнесла Кэйтрин, окинув взглядом супруга. — И также сказали, что держите здесь юного владетеля Транши. Не потрудитесь ли дать объяснения?

Ошеломленно заморгав, Лорис стал переводить взгляд то на Сикарда, то на Кэйтрин, затем поглядел на Креоду, пожавшего плечами.

— Я высадился близ Транши, ваше высочество, о чем я вас, разумеется, известил, — осторожно начал Лорис. — Мальчик возглавил отряд, который пытался меня перехватить. Барон Брайс взял его в заложники, дабы обеспечить наш отход, и мы оставили его у себя, ибо поддержка Транши пригодится нам в будущем. Он молод, его легко можно будет склонить на нашу сторону. Если вы не согласны, его еще не поздно убить.

— Убить? — Сикард широко распахнул рот и полупривстал с кресла. Лорис вздрогнул в изумлении, а Брайс и Креода попытались вмешаться. Кэйтрин схватила мужа за руку.

— Спокойно, дорогой. Он явно не знает. Спокойно, друг мой, спокойно.

Когда все затихли, Кэйтрин опять устремила свое внимание на Лориса, одновременно ласково поглаживая руку своего благоверного.

— В пылу вашего нелегкого бегства, вы, очевидно, забыли, из какого клана мой муж, архиепископ, — отчетливо произнесла она. — Юный владетель Транши — племянник моего мужа. Господин Сикард не разговаривал со своим братом, отцом мальчика, много лет, но вы должны понимать, что кровные узы крайне важны для людей с границы. И то, что у Сикарда вышла размолвка с Каулаем, не охлаждает привязанности моего мужа к его единственному уцелевшему племяннику.

Лорис улыбнулся и расслабился.

— О, здесь мы не поссоримся, сиятельная госпожа, ибо юный Дугал в добром здравии и вы можете посетить его, когда угодно. Вы хотели бы видеть его?

— Немедленно, — рявкнул Сикард.

— Но, конечно... Хотя, уверяю вас, он содержится в почетном заключении. Сейчас он делит покой с епископом Истелином, который помогает залечить раны, полученные маль-

чиком при пленении. Уверяю вас, ничего опасного. Идемте, я проведу вас к нему.

* * *

Дугал Макардри основательно потянулся, затем передвинул одну из фигурок на доске, расставленной между ним и Истелином, и поднял взгляд, дабы увидеть лицо епископа. Истелин приподнял бровь и провел рукой по нижней челюсти, изучая вновь создавшееся положение и глубоко задумавшись.

Прошло больше недели с пленения Дугала, его раны исцелялись с быстротой, часто даруемой юным и здоровым. В голове еще слегка подергивало, если слишком резко двинуться или слишком долго не спать, но постоянное нытье в ребрах отступило, и возникало разве что случайно и слабо. И дышать стало много легче. Последние день-два он даже приступил к простым упражнениям, дабы поскорее вернуть форму.

Он пошевелил пальцами правой руки и собрал их в кулак, радуясь, что сил мало-помалу прибывает, потом замер и вскинул голову, прислушиваясь к приближающимся к их двери шагам. Истелин с неудовольствием поджал губы, но поднялся, когда дверь стала отворяться, побуждая встать и Дугала. Дугал повиновался, понимая, что не стоит восстанавливать после себя тех, кто их держит в пленау.

— К вам посетители, лорд Дугал, — сказал Лорис, проходя в дверь мимо отступившего стража. — Я уверил их, что с вами обращались со всем уважением, какого требует ваш ранг.

Глаза Дугала метнулись к тем, кто вошел следом за Лорисом, и сердце у него упало. Эту простоватую на вид пожилую женщину он не знал, но мог догадаться, кто она, по ее спутнику. Даже если бы сопровождавший ее мужчина не носил пледа из тартана Макардри, Дугал распознал бы его по верному отпечатку, который накладывает родство. То могла быть только паршивая овца, его дядя Сикард Макардри, и с ним — его жена, Самозванка Кэйтрин.

— Родич, — бесстрастно пробормотал Дугал, на случай ошибки, отдавая учтивый поклон.

Межу густой бородой и усами сверкнули белые зубы, их обладатель от души рассмеялся.

— Я вижу, сын моего брата вырос и стал мужчиной, а? Мы слышали, что ты заставил попотеть эскорт его преосвященства, паренек.

Дугал вновь наклонил голову.

— Я всего лишь исполнял свой долг перед отцом, су-
154 дарь. Как его наследник, я не мог поступить иначе.

Женщина подняла бровь и сверху вниз поглядела на супруга, явно довольная ответом.

— Мальчик хорошо говорит, Сикард, и, кажется, умеет не болтать лишнего. Возможно, он также неплохо проявит себя и в новых обстоятельствах. Ты не представишь мне нашего племянника?

Сикард слегка поклонился ей и жестом подозвал Дугала поближе. Тот медленно подошел, отлично понимая, что им от него требуется.

— Как будет угодно моей владычице, — пробормотал Сикард. — С вашего дозволения хочу представить вам сына своего брата, лорда Дугала Макардри, наследника графа Траншийского. Дугал, ее королевское высочество, принцесса Кэйтрин Меарская. Если ты мудрее своего отца, надеюсь, ты признаешь ее своим будущим сюзереном. Транша была некогда частью Древней Меары и станет ею вновь, если судьба к нам благосклонна.

У Дугала от его намеков заледенело сердце, но только этого он и мог ожидать. Придав своему лицу самое наивное и оторопелое выражение, он принял протянутую руку Кэйтрин и училиво коснулся губами костяшек пальцев. И почувствовал, как у него за спиной осуждающее напрягся Истелин.

— Для меня честь познакомиться с вами, сударыня, — сказал он, робко поднимая на нее взгляд. — Пока я рос, меня нередко огорчало, что, поссорившись с братом, мой отец лишил меня дяди, тети и кузенов. Надеюсь, вы не в обиде на меня из-за него.

— Разумный мальчик, — ответила она, беря его за плечи, чтобы церемонно расцеловать в обе щеки. — Мы еще поговорим об этом после завтрашнего посвящения в епископы нашего родственника Джедаила, если подтвердится, что ты и впрямь такой славный юноша, каким кажешься.

Она отстранилась, чтобы взглянуть на Истелина, который встретил ее взгляд с каменным лицом, затем кивнула Лорису.

— Я желаю, чтобы лорд Дугал получил почетное место на завтрашней церемонии, господин архиепископ. Он из нашей семьи. И я желаю, чтобы с ним обращались соответственно.

Лорис поклонился.

— Если ваш племянник даст слово не вмешиваться в происходящее, уверен, это можно устроить, ваше высочество.

— Итак, Дугал? — Она в упор поглядела на юношу. — Мы можем положиться на тебя, как на своего по крови?

Упав на одно колено, Дугал склонил голову и сказал, что согласен от всей души.

Если это и было требуемым обещанием, он мог дать его со спокойной совестью, ибо кровь и честь привязывали

его, прежде всего, к королю. А добившись их доверия, он еще сможет сбежать, чтобы предостеречь Келсона.

— Тогда поклянись на кресте, — сказал Лорис, не столь уж неожиданно, и начал протягивать Дугалу свой нагрудный крест для целования. — Нет, поступим иначе. Ты поклянешься на кресте Истелина, а то у тебя могут быть сомнения насчет того распятия, которое ношу я. Истелин, подойди.

Когда Лорис щелкнул пальцами в сторону Истелина и поднял руку, Дугал подумал сперва, что епископ откажется: Истелин всем своим видом осуждал то, что явно выглядело, как отступничество со стороны Дугала. Но приказ Лориса не оставил места неповиновению. Вызов означал бы только, что крест отберут силой. Сняв с шеи цепь, Истелин отвел глаза и протянул Лорису реликвию. Тот взглянул на коленопреклоненного Дугала и пошел еще дальше.

— Думаю, присягу следовало бы принять епископу Истелину, — вкрадчиво промолвил он, схватив запястье Истелина и поднеся руку с крестом к Дугалу на уровне его глаз. — Возложи длань на этот святой символ и принеси присягу Истелину, юный Дугал. И знай, если ты преступишь клятву, будешь гореть в аду за свой грех!

У Дугала отвисла челюсть, дело и впрямь пахло скверно, но он уже знал, каково его решение, когда возлагал руку на крест в руке Истелина: его первый долг — перед Богом и королем, и он отменяет любые клятвы, которые могут быть потребованы от него принуждением.

— Поклянись, что не предпримешь ничего, чтобы сорвать завтрашнюю церемонию, — тихо произнес Истелин, когда Лорис в нетерпении стиснул его запястье. Слова были в точности те, которые одобрила Кэйтрин, и Дугал решил, что еще в состоянии с чистой совестью дать такую клятву. Возможно, Истелин даже считал, что здесь есть простор для толкований. Но прежде, чем Дугал успел склониться и поцеловать крест, свободная рука Лориса хлопнула по их соединенным, безжалостно вдавив металл креста в их плоть.

— Поклянись также, что не попытаешься бежать, — потребовал Лорис. — Дай мне слово чести и получишь все, что подобает твоему званию.

— Клянусь, — пролепетал Дугал, с силой выдавив это слово из глубины души и подняв испуганные глаза на архиеписко-па-бунтовщика.

— Повтори каждое слово клятвы, — настаивал Лорис.

Дугала чуть не вывернуло, но ему ничего не оставалось, 156 кроме как повиноваться.

— Даю слово чести, что не попытаюсь бежать, — твердо проговорил он.

— И что никак и ничем не сорву церемонию, — подсказал Лорис.

— И что никак и ничем не сорву церемонию, — повторил Дугал.

— Да поможет мне Бог...

— Да поможет мне Бог.

— И пусть душа моя горит в аду, если я не сдержу эту торжественную клятву! Говори! — не унимался Лорис.

Весь похолодев, Дугал поднял полные искреннего страха глаза на Кэйтрин в немой мольбе, но она лишь улыбнулась и кивнула.

— И... и пусть душа моя горит в аду, если я не сдержу эту торжественную клятву, — и он едва не задохнулся.

— Теперь целуй крест, — произнес Лорис, ослабляя чудовищную хватку.

Дугал слепо повиновался, добавил горячую молитву, чтобы Господь простил ему ложную клятву. Когда он встал, он дрожал от изнурения, которого стоило ему свершившееся, но Кэйтрин выглядела довольной, и даже Лорис казался удовлетворенным. Лицо Истелина не выражало ничего, когда он вновь надел крест себе на шею, с вызовом встретив взгляд архиепископа — и тут Самозванка обратила на него самое пристальное внимание.

— А как насчет вас, епископ? — вкрадчиво спросила Кэйтрин. — Я не настолько наивна, чтобы думать, будто вашу верность можно заполучить столь же легко, сколь и верность нашего племянника, но вы будете присутствовать завтра на посвящении Джедаила. А явитесь ли вы на нее с почестями, подобающими вашему сану, решать вам.

Истелин наклонил голову.

— Я не стану ни в чем таком участвовать, сударыня. Я не признаю полномочий этого человека, бегство которого, очевидно, устроили вы. И глупо с вашей стороны думать, будто король бездельничает, пока вы узурпируете власть в его землях.

— Меара моя, а не Келсона, — ответила Кэйтрин.

— Меара — часть Гвиннеда и была законно присоединена к нему несколько поколений назад, — упрямо промолвил Истелин. — Если вы заодно с этим низложенным служителем церкви, тогда вы все — изменники.

— История рассудит, что есть измена, — парировал Лорис, — точно так же, как она рассудит, было ли мудрым ваше решение. У вас ночь, чтобы как следует подумать. Но завтра вы станете свидетелем посвящения отца Джедаила, даже если вас

придется приволочь туда полуживого и привязать к вашему престолу. Не совершите ошибки, сочтя это пустой угрозой. Это вполне можно устроить.

— Итак, законность того, что вы творите, все же имеет значение, не так ли, Лорис? — и он перевел взгляд на Кэйтрин. — Сударыня, я прошу вас основательней обдумать ваши действия. Еще не слишком поздно отказаться от того, что вы затеяли, и молить короля о прощении. Лорис бежал из монастыря и ответит за это, но вы пока не совершили тяжких преступлений, так остановитесь.

Разъярившись, Лорис взметнул руку, чтобы ударить его, но Сикард, по мгновенному знаку жены, удержал его.

— Мы благоразумно последуем вашему совету, епископ, — ласково промурлыкала Кэйтрин, — а вы, надеюсь, последуете нашему. Архиепископ Лорис, нам нужно кое-что обсудить наедине. — Она взглянула на молчаливого, стоящего с расширенными глазами Дугала, в то время как Сикард двинулся к открытой двери. — Племянник, если ты ценишь жизнь этого глупого священника, ты хорошо поступишь, попробовав убедить его в ошибочности такого решения. Вечером ты будешь обедать с нами и сообщишь, что тебе удалось.

Она повернулась и скользнула в открытую дверь за мужем, изумленный Дугал едва успел отдать поспешный поклон. Лорис бросил на Истелина ядовитый взгляд, несколько задержался на нем, затем более сдержанно оглядел Дугала и скрылся. Дугал испустил долгий негромкий вздох, как только снаружи отремели засовы, и с горечью взглянул на потрясенного Истелина.

— Так вот какова моя тетя Кэйтрин, — пробормотал он.

Истелин обжег его взглядом, полным страстного отвращения, и отвернулся, затем вслепую зашагал к молитвенной скамейке и рухнул на нее коленями, уткнувшись лицом в сложенные руки. Миг спустя Дугал последовал за ним и неловко преклонил колена на голом камне рядом.

— Прошу вас, не гневайтесь на меня, ваше преосвященство, — прошептал он, желая, чтобы епископ поднял голову. — Неужели вы думаете, что я действительно сделаю хоть что-то, что помогло бы Лорису?

Шепот Истелина едва ли был слышен сквозь его руки.

— Ты дал клятву, Дугал. Страшную клятву. Неужели ты собираешься ее преступить?

— Я... Мне не приходилось выбирать.

Истелин холодно поглядел на него.

— Ты мог выбирать. Ты мог поступить, как я. А ты дал ему свое слово!

Дугал болезненно проглотил комок. У него опять заболели ребра, так заколотилось о них сердце.

— Я дал свое слово королю, — промолвил он. — И если даже это будет стоить мне спасения души, я сдержу слово, данное ему. — Он тщательно сложил руки, переплетая пальцы, и с силой придавил их к подбородку.

— Но я не смогу бежать и предупредить его, если меня будут слишком бдительно охранять, — очень тихо продолжал он. — Возможно, я все равно не смогу бежать, но надо хотя бы попытаться. А если так, то ради него мне нужна хоть какая-то надежда на успех.

— Даже ценой нарушения священной клятвы? — спросил Истелин.

— Любой ценой, — прошептал Дугал.

* * *

Он не смог убедить Истелина, что самое мудрое — это прикинуться, будто они согласны помогать мятежникам. Он пытался сделать это, пока не явился слуга, чтобы вести его на обед, но епископ стоял на своем: даже прикидываться послушным столь же гибельно, сколь и по-настоящему сдаться врагу. И никаких разговоров.

— Но они намерены доставить вас туда, ваше преосвященство... И чего доброго, если даже им придется водрузить на престол ваш труп! — сказал, наконец, мальчик. — Вы ничем не поможете королю, если станете трупом.

— Возможно. Но я умру, зная, что был верен моему долгу и Господу. Лорис не получит удовлетворения.

Дугал думал над словами Истелина, пока шел за слугой в большой епископский зал, и ощущал неслыханную тяжесть, навалившуюся на душу, но сделал все возможное, чтобы яснее сообщать, как только сел за стол. Его поместили на дальний конец главного стола, где воины обслуживали его, а заодно и наблюдали за ним, и он знал, что с него не спускают глаз и многие другие.

Все больше осознавая, какую опасную игру он затеял, мальчик вел себя тихо и старался неизменно таращить глаза и благоговеть в присутствии Меарского Двора.

Казалось, никто не вспомнил, что он воспитывался при дворе поизысканней, в Ремуте, и Дугал надеялся, что они сочтут, будто он отвык от подобной роскоши, живя дома в горах. В сущности, он уже несколько лет, как покинул Ремут и ему не стоило больших усилий перейти к более небрежному поведению, обычному в доме его отца: шумному и неистовому, 159

с откровенным вниманием к еде и всячим штучкам, немыслимым в столице.

Как только он вошел в образ, поддерживать его оказалось легко. Вскоре его представили кузенам: Ителу и Алюэлу, юнцам примерно его лет, и ошеломляюще красивой Сидане.

— Не думаю, что ты видел в своей Транше много девиц, вроде этой, — с гордостью произнес принц Ител, наливая сестре чашу эля. — Меара будет сердцем обновленного мира, когда мы победим. Увидишь.

Он был достаточно пьян, чтобы принять неловкий смешок Дугала за признак восторга. Сидана тоже присоединилась к веселью.

Один Алюэл держался особняком, украдкой поглядывая на Дугала, когда ему казалось, что тот не замечает, и угрюмо задумавшись над чашей. Дугал попытался во что бы то ни стало заставить их доверие, вызывая на разговор молчальника Алюэла, выслушивая рассказы о военных подвигах кузенов с притворным благоговением, и, наконец, присоединившись к добродушным подначкам, которые неизменно выносила Сидана от старших братцев. Ко времени, когда обед закончился, он почти что стал одним из них.

Однако, одним из детей, но не из взрослых. После того, как дамы удалились, и подали вино покрепче, Сикард пододвинул свой табурет поближе к племяннику и стал выспрашивать его о взглядах старого Каулая с намеком, что после смерти старика Меара в состоянии существенно улучшить жребий Дугала.

Дугал заподозрил, что его дядя на самом деле куда трезвеет, чем кажется. Он умел скрыть свои подлинные чувства, даже прикинулся оживившимся, когда Сикард предложил ему герцогский титул после того, как Меара отделился от Гвиннеда. И, судя по всему, давал правильные ответы.

Он пил с дядей и его сыновьями еще час, умудрившись каким-то образом набраться гораздо меньше, нежели они полагали. Ител, подвыпивший Алюэл и бдительные, до сих пор трезвые воины проводили его обратно, когда завершилась пирушка, два принца пропели ему шумное величание как будущему герцогу Траншийскому, прежде чем играючи хлопнуть его по спине через дверной проем.

Однако Истелин все еще был с ним холоден. Дугал застал его на коленях за молитвой, и епископ не стал глядеть на него после того, как один раз с презрением смерил с головы до пят и резко повернулся к нему спиной. Не смог Дугал и добиться от

него хоть каких-то слов. Он заполз под свое меховое одеяло, чувствуя себя последней змеей, и слезы бесшумно струились

лись по его щекам, пока он, наконец, не погрузился в тревожный сон. И почти немедленно сны оборотились кошмарами:

Судный День. Нагой и перепуганный, он съежился у подножия огромного золотого Престола Небесного, а разгневанный Истелин возносит руку к Свету в немой мольбе, с осуждением указывая другой рукой на Дугала. Сонм плачущих ангелов несет к Престолу неподвижно распростертого Келсона, и на его теле кровоточит дюжина ран.

Дугал пытается сбивчиво объяснить, что Келсон не может быть мертв, и что не в чем винить его, Дугала. Но внезапно король поднимает голову и протягивает окровавленную руку, которая также указывает в направлении Дугала, плоть исчезает с костей, в то время как Дугал в ужасе следит за этим, и глаза становятся пустыми провалами в похожем на маску черепе.

Кошмар выбросил Дугала из мира сновидений. Хватая ртом воздух, он очнулся в холодном поту, ужасаясь, а вдруг это случилось на самом деле, и он уже погубил своего брата и своего короля.

Но кругом было темно, Истелин больше не преклонял колена в маленькой молельне, но лежал, завернувшись в меха спиной к Дугалу, расплывшись темным пятном в неверном свете угасающего огня. Это был только сон.

Однако у Дугала шумело в голове от вина, и даже после того, как ужас видения отступил, он не мог больше спать. Весь остаток ночи он был наедине со своими мрачными опасениями и своим похмельем и тщательно вопрошал свою совесть, прижав ладони к губам и то и дело молясь. Время, казалось, еле ползло, пока у края неба наконец не задрожала серая полоска рассвета, и он не встал, чтобы умыться и одеться, теперь значительно пропретрзовавший.

* * *

Предмет его молитв также наблюдал, как светает в то утро, в дне быстрой езды к югу от Ратаркина. Вылетев на коне на вершину крутого перевала, Келсон скучожился в своем подбитом мехом плаще, жуя кусок грубого черного дорожного хлеба, и увидел, как сбоку от него придерживает поводья Морган. Они скакали во весь опор с полуночи и не собирались больше нигде останавливаться, пока не доберутся до Ратаркина. За ночь дождь сменился легким снегопадом и больше явно не собирался возобновляться.

Позади них, растянувшись парами по тропе, сотня их рыцарей поправляла подпруги и уздечки, а кое-кто воспользовался короткой остановкой, чтобы поесть, поспать или облег-

читься. Конал дремал на коне сзади и слева от кузена, мерно клюя носом.

— Он должен быть жив, — повторил Келсон так тихо, что даже Морган едва ли рассыпал его. — Должен. Если бы он был мертв, я бы узнал. Верно?

— Если честно, то я не знаю, мой повелитель.

— Но мы теперь куда ближе! — взорвался Келсон. — Если он все еще жив, разве не мог я прикоснуться к чему-то этой но-чью? Мы были так близки в ту ночь в Транше!

— Пока ты не побудил его сомкнуть щиты, — деликатно напомнил Морган. — К тому же, в тот раз вы прикасались друг к другу физически... сам знаешь, насколько без этого труднее установить связь. Умышленное перекрывание щитами...

— Не умышленное. Не с моей стороны.

— Отлично. Не с твоей. Но если он закрылся...?

— А не ты ли только что говорил, что нет?

Морган терпеливо вздохнул.

— Ты очень дерганый сегодня утром... Келсон, я не видел мальчика с тех пор, как ему было... да, сколько лет? Девять? Десять? Откуда мне знать?

Келсон покачал головой, затем снова сокрушенно передернул плечами.

— Да откуда было знать хоть одному из нас? Столько времени прошло. А теперь у него есть щиты.

— Отлично. И в этом, несомненно, причина, по которой тебе не удалось до него дотянуться. — Морган поднял руку, чтобы успокаивающе хлопнуть короля по плечу. — В любом случае, мы скоро что-то узнаем. Мы будем в Ратаркине до темноты.

— До темноты. Да... Но не окажется ли это поздно? — усомнился Келсон.

Глава одиннадцатая

**Они пускаются во множество действий
и занятий, и утрачивают разум,
а когда они думают о вещах,
относящихся к Богу,
то вовсе ничего не понимают¹**

Неяркое полуденное солнышко превратило витражи Собора Святого Уриила в мрачно светящиеся самоцветы, но великолепие собора принесло мало утешения Дугалу, кротко преклонившему колено в ряду скамей вместе с меарской королевской семьей. Вот-вот должно было начаться посвящение Джедаила в епископы Ратаркинские, и Дугал ничего не мог сделать, чтобы это остановить.

Не мог и Генри Истелин. Он не слова не произнес по пробуждении, ни наедине с Дугалом, ни когда явился священник спросить в последний раз, будет ли он участвовать в посвящении Джедаила. Позднее он безучастно стоял, когда два дьякона облачили его, не противясь их действиям и не отклонив чащу, которую велел ему выпить хладноглазый Горони после того, как они закончили. Дугал ясно увидел по глазам Истелина, что начало действовать какое-то снадобье, когда оба дьякона отвели его прочь под руки, а Горони пошел следом, и догадался, что дали Истелину. Если так, то нельзя рассчитывать на помощь Истелина еще много часов.

Итак, он один. И ему не на кого полагаться, кроме как на себя. Те, что стоят на коленях вокруг, прикидываются, будто приняли его, как родного, и много чего обещают в обмен на его поддержку, но он-то понимает, что пока что никто из них не доверяет ему; он не дал им никаких поводов для доверия,

---

¹II Толкования 10:12

кроме видимого согласия держать их сторону. Само то, что его поместили между Сикардом и Алюэлом, младшим из принцев, означало: он должен находится там, где можно легко и быстро пресечь любые его попытки сорвать церемонию, несмотря на его клятву. Наряженный, как и подобает принцу, в то, что принесли ему нынче утром — судя по длине богато вышитого плаща, это вещи Итела — он не выглядел как один из них. Но дело тут не в его косице жителя пограничья: у Сикарда и кое-кого из его свиты они тоже есть, пусть и не у принцев.

Где-то далеко позади них хор завел вводный антифон. Собор был набит битком. Большие литургии всегда привлекали внимание простонародья, в том числе, и возможностью мельком взглянуть на богатых и высокородных, а жажду зрелищ у ратаркинцев менее двух недель назад возбудило введение в должность Истелина. Дугал задался вопросом, а повалили бы они сюда в таких количествах ради своего законного повелителя, как сейчас из-за семейки узурпаторов. Но, возможно, они и сами не знали.

Когда процесия вступила в храм и двинулась вдоль среднего нефа, молящиеся вокруг Дугала поднялись, и он тоже. К ним медленно приближалась голова шествия: кадильщик, и за ним — второй, помоложе, а следом — причетники со свечами, и далее несли крест и шагал хор.

За хором двигался еще один кадильщик, после него — несколько епископов, участвующих в церемонии; перед каждым плыл его епископский посох, и за каждым следовало два мальчика со свечами. Дугал не смог опознать ни одного из епископов, предшествовавших Джедаилу, но ему уже говорили, что один из них — епископ Колдер, брат его матери и, таким образом, еще один его дядя. Такого он не ожидал.

Однако прелатов, эскортирующих нового без пяти минут епископа, он узнал без труда: вероломный Креода, на которого Келсон полагался, и Белден из Эрне, моложавый епископ Кешиенский, уроженец юга. Его легко было отличить по гербу на спине белого одеяния. Вряд ли Келсон ожидал от него предательства больше, чем от Креоды и прочих.

И сам Джедаил, навсегда — просто один из меарских кузенов Дугала, о котором тот знал лишь понаслышке. Будущий епископ не смотрел ни направо, ни налево, приближаясь к главному алтарю, но чуть заметная самодовольная улыбка блуждала на его губах. Дугал подумал, что так улыбаться не подобает даже тому, кто заслуженно принимает посвящение. Епископский пурпур лишь чуть виднелся у горла и на подоле, но он был облачен

лой ризой, а руки благочестиво сложил на груди. Дугал поразился, как у него хватило дерзости подобным образом шагать к алтарю, зная, что его возводят в епископы вопреки воле законного примаса и короля.

Но, быть может, Бог еще сокрушит его за подобное нечестие. Дугал страстно желал этого. А если не Джедаила, то, несомненно, бесстыдного Лориса, ществующего следом в полном облачении, на которое он не имеет права, в драгоценной митре, сверкающей, словно корона, над роскошной ризой из драгоценной парчи. Ему предшествовали служки, несущие свечи и его посох, а по пятам брел Истелин, тяжко опирающийся о плечи двух дьяконов, которых Дугал сегодня уже видел. Похоже, Истелин еще кое-как шел сам, но его полуприкрытые глаза были пусты; Дугал заподозрил, что он погрузится в дремоту, несмотря на любые свои намерения, как только его усадят на место... И, наконец, позади всех шел коварный Горони.

Дугал никогда прежде не видел подобного обряда, поэтому не определил наверняка, когда простая месса, которую он знал, перешла в церемонию посвящения. Трудно было следить за действиями дюжины священников, ибо юный горец привык наблюдать только за одним; а еще недавно знакомые слова звучали странно и непривычно, когда их выводил полный хор. С помощью намеков окружающих, он вставал и преклонял колена, когда требовалось, глотая отвращение и гнев, когда вероломные епископы собирались перед престолом, который Лорис не имел никакого права занимать, и вот этот главный изменник прочел краткое наставление касательно обязанностей епископа. Затем Джедаила поставили перед Лорисом, чтобы он ответил на положенные вопросы.

— Дорогой возлюбленный брат, — торжественно протянул Лорис, — древний обычай предписывает, чтобы посвящаемого в епископы вопрошали перед народом об их решимости держаться истинной веры и неуклонно выполнять свой долг. Поэтому я вопрошу тебя, Джедаил из Меары, решился ли ты милостию Святого Духа исполнять до конца своих дней должность, препорученную нам апостолами, которая перейдет к тебе возложением наших рук?

— Да, решился, — отвечал Джедаил.

Ритуальный диалог шел дальше, но Дугал не в состоянии был слушать внимательно. Какие бы обещания ни дал Джедаил в подобных обстоятельствах, и сколь ни был бы он благочестив до начала заговора Лориса, Дугал не сомневался, как не сомневался и в своей простой вере, что Джедаил Меарский будет осужден за участие в этой насмешке над священным обря- 165

дом. Почему Бог не поражает его насмерть? Или нет правосудия даже в самом Доме Господнем?

Он немало боялся и за Истелина, хотя в этом случае его куда больше заботило тело, нежели душа. Он не мог не восхищаться отвагой этого человека, принужденного телесно присутствовать при этом святотатстве, но неколебимом в своей решимости не поддерживать его сердцем... а вот он, Дугал, из другого теста, погрубее. Он призадумался, а не выбрал ли он более легкий путь, прикинувшись, будто он заодно с теми, кто заведомо не прав, и нет ли истины в словах Истелина, что Дугал покрыл себя позором, уже теперь зайдя достаточно далеко. И докуда он намерен идти вперед, если представится возможность...

— Возлюбленные братья и сестры, — пропел Лорис, стоя лицом к конгрегации, — давайте помолимся за этого человека, избранного утолять нужды Святой Церкви Господней. Помолимся, дабы Господь всемогущий в доброте своей исполнил его беспредельной благодати.

Дугал преклонил колена вместе с прочими, наблюдая, как клятвопреступник Джедаил простирается перед алтарем в то время, как остальные епископы стоят вокруг коленопреклоненные, и даже Истелина подтолкнули на колени близ его епископского сиденья. Хор запел *Kyrie*, гимн, который Дугал узнал даже в этой приукрашенной форме, затем ловко перешел на литанию ангелам и святым, призывающим благословить посвящаемого.

Sancta Maria...
Ora pro nobis.
Sancte Michael...
Ora pro nobis.
Sancte Gabriel...
Ora pro nobis.
Sancte Raphael...
Ora pro nobis.
Sancte Uriel...
Ora pro nobis.
Omnes sancti Angeli et Archangeli
Orate pro nobis.

Литания все продолжалась, каденции притупляли чувства, и Дугал вернулся мыслями к своей дилемме. Хотя он и пообещал, что не попытается бежать, его долг перед Келсоном повелевал иначе, несмотря на страшные слова, которые заставил его произнести Лорис перед святой реликвией. Он понимал, почему Истелин осуждает его и считает клятву клятвой, независимо от обстоятельств, при которых она дана... Возможно, он прав. 166 Возможно, любые уступки злу немыслимы. Но все же Дуга-

лу казалось, что куда большее зло будет, если Келсон не узнает о том, что происходило здесь нынче, и это перевешивает тонкость любых соображений. Если можно бежать, это его долг, невзирая на страшную клятву. Если все удастся, будет предостаточно времени добиться отпущения грехов. Но он не предаст брата.

Все более раздраженный и негодуший, он наблюдал, как изменники-епископы совершают обряд посвящения Джедаила: возложение рук, помазание священным елеем, вручение кольца, митры и посоха, принесение в дар евхаристического хлеба и вина его семьей: Кэйтрин, Сикардом и их отпрысками. Хотя бы Дугала не пригласили в этом участвовать.

Но ожидалось все-таки, что он подойдет и примет причастие в числе прочих после того, как новый епископ посвятит дьякона и вместе с новыми собратьями отслужит мессу. Он был избавлен от получения святого причастия от Джедаила только для того, чтобы сам Лорис положил освященную облатку ему на язык. Дугал изо всех сил старался не подавиться, когда возвращался на свое место, сложив ладони и опустив глаза, проклиная лицемерие, свое и чужое, в этой игре, в которую другие играли всерьез, а он притворно. Он молился, как не молился никогда прежде, чтобы Господь простил ему принятие причастия с таким грузом на сердце, ожесточенном против вероломного Лориса.

Последние отголоски торжественного *Te Deum* выплеснулись за ними на паперть, когда все кончилось.

Окруженный старшим духовенством и своими родными, новый епископ задержался на ступенях собора, чтобы даровать свое первое епископское благословение. Дугал также двигался близ епископа, по причине своего родства с Сикардом, но, кажется, бдительность надзирателей ослабела среди всеобщего воодушевления, и он воспользовался возможностью отступить и раствориться среди наименее значительных спутников этой семьи. В ветре угадывался привкус близящейся бури, и он натянул отороченный мехом капюшон плаща, принявши небрежно оглядывать соборную площадь и прикидываясь, будто вовсю наслаждается свежим воздухом. Не считая прогулки до собора, состоявшейся несколько ранее, он не бывал на улице с самого прибытия в город.

Насколько ему удалось понять, исчезновение отсюда было не столь уж невозможно. Он совсем не знал города, но движению на площадь и с нее, похоже, ничто не препятствовало, и никто за ним не следил. Южные ворота города находились менее чем в полумили от устья узкой улочки на западном краю площади. Он хорошо запомнил дорогу, когда они 167

ехали сюда утром, и прикинул, как можно двигаться иным путем по другим улочкам. Более важной заботой было для него сейчас, помошью или помехой окажутся снующие кругом горожане, многие из которых пробивались поближе, дабы, преклонив колена, получить благословение нового епископа. Судя по всему, что он слышал, никто, похоже, не счел возвведение Джедаила в епископы Ратаркинские каким-либо пополнением на власть недавно введенного в должность Истелина, ведь Истелин — это епископ Меарский. Кроме того, разве не сам епископ Истелин стоял близ нового епископа, подтверждая законность появления нового епископа одним своим присутствием? Ясное дело, Джедаил должен будет помогать епископу, введенному в должность архиепископами и королем две недели назад — а кто бы сказал им об этом что иное?

Присутствие Кэйтрин и ее семьи под королевским знаменем Меары лишь возбуждало лишнее любопытство, ибо кто из простонародья знал, кто за кем стоит в верхах? Если глава Меарского дома здесь, и явилась в открытую на церемонию посвящения своего племянника, где также присутствовал должным образом назначенный и возвещенный на свой престол представитель короля епископ Истелин, кто упрекнул бы ее в самозванстве? А прелат меарской королевской крови мог только согреть души большинства обитателей этого древнего меарского города, несмотря на все словоизлияния в адрес Гвиннедской Короны.

Итак, Дугал не вправе ожидать поддержки от ратаркинцев. Но хотя бы всенародное ликование вокруг Джедаила, как бы ни было оно противно Дугалу, возможно, способно послужить удобным прикрытием для побега; ибо, поскольку внимание толпы поглощено Джедаилом и всей остальной Меарской королевской семьей, на него, Дугала, мало кто смотрит. С кучками народу на площади смешались пехотинцы, немало их топталось и на ступенях собора, но вплотную к Дугалу — ни одного. Менее двадцати конных рыцарей и оруженосцев разъезжало дозором. Двое всадников непринужденно встали близ ворот соборной ограды, небрежно озирая толпу, но ближайшие верховые находились почти через площадь. Если только Дугал умудрится подойти достаточно близко, чтобы застичь их врасплох и завладеть конем...

Дуга на перчатки, чтобы согреть руки, он рискнул сойти на несколько ступеней по левому краю паперти, подбиравшись к двум стражам и небрежно поглядывая на ближайшую лошадку: крепкую и скорую на вид гнедую. Животное почти тут же мотнуло головой и фыркнуло, вскидывая зад в направлении своего каурого соседа и приплясывая, пока всадник резко не оса-

дил ее. Второй всадник с недовольным видом обронил в сторону напарника что-то неразборчивое, взнудывая собственного скакуна. Но когда оба опять встали спокойно, они были в несколько раз ближе друг к дружке, чем прежде. У Дугала заскреблась мысль, а вдруг кони каким-то образом разгадали его замыслы, но он почти немедленно выкинул ее из головы. Он всегда хорошо понимал лошадей, но не настолько. На паперти продолжалось представление в честь Джедаила, но теперь многие меарцы приветствовали также и Кэйтрин. Дугал наблюдал из-под капюшона, как она упивается своим торжеством, и думал, отдают ли они себе отчет, что это измена, или им все равно. Опять начал идти снег. Скоро, как бы они ни таяли от счастья, Кэйтрин и семья сплотятся и уйдут под крышу — и все пропало.

Он скользнул чуть ближе к лошадям, стараясь выглядеть как можно безразличней, и чуть не выпрыгнул из собственной шкуры, когда его вдруг потянули за плащ справа.

— Ител, холодает. Думаю, надо бы... О, прошу прощения.

Голос Сиданы. Он подавил мгновенное побуждение круто развернуться, и проделал поворот неторопливо. По ее лицу он все тут же понял. Ведь на нем одежда Итела. И немедленно сообразил, как можно этим воспользоваться... если только у него достаточно времени.

— Не нужно просить у меня прощения, прелестная кузина, — протянул он, с отменным придворным выговором, поймав ее руку и прижав к своим губам. — Вы — единственная, кто сказал мне доброе слово за все это утро... даже если оно предназначалось кому-то другому.

Она растерянно заморгала, слишком смущенная, чтобы убрать руку.

— По правде говоря, кузен, я не знала, что вы тоскуете по доброте. Вы были довольно веселы вчера вечером, но вино даже самым лживым людям придает бодрый и задушевный вид. Мой отец не был уверен, что вы ощущаете узы крови столь же остро, сколь и мы.

Передернув плечами, Дугал отпустил ее руку и поплотнее завернулся в плащ, притоптывая, чтобы меньше донимал холод, и укрываясь, как черепаха под панцирем, под своим капюшоном.

— По правде говоря, кузина, здесь снаружи достаточно холодно и без ледяных родственных упреков. То, как меня увезли из земель моего отца, прибавило мне немного житейского опыта. Если мой дядя и ваш отец сможет обеспечить мне положение в новых условиях, мне подобает прислушаться к голосу крови, особенно исходящему от столь прелестной родственницы.

В ответ на это ее щеки порозовели, но она осмелилась слабо улыбнуться, обмениваясь с ним взглядом.

— Вы заигрываете со мной, родич? — спросила она, чуть дразня его темными глазами. — В конце концов, мы ведь двоюродные брат и сестра.

Дугал решил оставить эту тему, хотя и позволил своим глазам окинуть ее лицо с откровенным одобрением. Затем сам сдержанно улыбнулся, передернул плечами и легонько смахнул несколько снежинок с оторочки ее капюшона. Она чуть побледнела и неловко хихикнула.

— Что вы делаете? — прошептала она.

— Как что? Проявляю братскую заботу о вашем благополучии, моя дорогая, — небрежно ответил он. — Разве вы не жаловались на холод всего минуту назад?

— Да. Становится все холоднее.

— Тогда позвольте мне поступить, как положено брату, — сказал он, беря ее под руку и с изяществом указывая на боковые ворота, что еще больше приблизило его к ничего не подозревающим стражам. — Я не допущу, дабы такой прекрасный цветок, как моя кузина, поник от холода. Мы можем погреться у огня в епископском зале и выпить кое-чего горячительного...

Пока они шагали, он отворачивал полускрытое капюшоном лицо, якобы от ветра; и когда он взялся пальцами за большой засов, умышленно неловко, оба конных стража подъехали ближе, тот, что был на каурой, проворно спешился, готовый помочь, ибо узнал Сидану и принял ее спутника в богатом плаще за ее брата.

Этот парень подставился под удар с дюжину раз, когда с важностью встал между принцессой и предполагаемым принцем и склонился над засовом... Похоже, он так и не почувствовал удар кинжала, который Дугал выхватил из-за его же голенища и всадил точнехонько под ребра.

Пораженный страж покачнулся с остекленевшими глазами и оборвавшимся в горле хрипом, Дугал вырвал из его ножен меч и, бросившись к перепуганной гнедой, поймал поводья, перехватил поближе и дернул, ловко поставив лошадь на колени и выбив из седла нездачливого всадника. От напряжения его грудную клетку пронзили огненные вспышки, но он не обратил внимания на боль и вскочил в опустевшее седло, крякнув, когда животное поднялось на ноги. Он ударил скакуна пятками, приводя в движение, и принялся нащупывать стремена. Лошадь заржала и лягнула, как ей нередко доводилось в бою, подступав-

ших сзади пехотинцев. Только теперь Сидана завопила. Он

170 не обратил внимания на ее крик, ибо все вокруг разбега-

лись с воплями, еле успевая убраться с дороги громадного боевого коня. Его бывший наездник схватился было за поводья, но Дугал развернул скакуна на задних ногах и отбросил зашатавшегося вояку в направлении фыркавшей каурой. И тут же безжалостно пошел на парня конем и сбил его с ног, прежде чем тот успел поймать болтающиеся поводья каурой. Гнедая попыталась укусить его, пока он валялся на земле, он поднялся, ругая обоих противников и размахивая кинжалом, пытаясь перерезать поджилки коню или всаднику. Теперь он вопил, зовя на помощь, по-прежнему пытаясь поймать каурую.

Дугалу нужно было остановить его, или — прощай свобода! Устремившись корпусом круто вниз и рубанув, он пресек попытку стражи взобраться в седло, одновременно молясь, чтобы животное встало на дыбы. И, к его изумлению, молитва исполнилась. Взметнувшиеся передние копыта толкнули противника прямо под меч Дугала. Кровь брызнула из раны на шее парня и окрасила истоптанный снег, в то время как тело рухнуло под неистовые копыта каурой.

Сидана, съежившаяся у все еще закрытых ворот, взирала на бойню в немом ужасе. Дугал как следует присобрав в кулаке поводья и быстро огляделся, высматривая ближайший путь к бегству — между тем со всех сторон спешили пехотинцы и подтягивались конные, проталкиваясь через толпу. Он надеялся, что большинство из них еще не узнали его. Пространство непосредственно вокруг было теперь свободно, если не считать окровавленного тела стражника. Но перепуганные горожане, бежавшие от копыт его коня, лишь ненадолго задержат погоню. Не следуя медлить. На том конце площади он заметил приближающихся стрелков с луками. Если он сейчас же не умчится, то угодит в западню. Направив с помощью коленей скакуна поближе к воротам и к оцепеневшей Сидане, он схватил ее подмышки и втащил на седло впереди себя, под отчаянные возгласы приближающихся солдат.

— Прости, сестренка, но тебе придется сопровождать меня, — выдохнул он, лихо подняв коня на дыбы, и не без труда удерживая девушку и меч, а сам стараясь не вылететь из седла. — Прочь с дороги, или dame грозит беда! — проорал Дугал.

Она извивалась, точно кошка, и пихнула его локтем по ребрам достаточно жестко, чтобы он ее чуть не выронил, но он только простонал проклятие и еще крепче обхватил ее, ударяя коня пятками и не веря своим глазам, когда стражи поспешили убраться с дороги, и он рванул. Сикард и его сыновья в отчаянии требовали лошадей, Кэйтрин была в полуобмороке, а Лорис отдавал какие-то приказы, когда Дугал пронесся ми-

мо них. Скачка по городским улицам была полна смятенных воплей, метаний пешеходов и криков преследователей, неразбериху усиливалась освободившаяся каурая, которая неслась впереди них, помогая расчищать путь. Сперва их преследовала лишь горстка верховых. Городские ворота стояли нараспашку, как обычно в дневное время, и Дугал со своей все еще вырывающейся спутницей пронеслись, накренясь, мимо стражи и дальше, по снежной целине, прежде чем кто-либо пришел в себя и попытался что-то предпринять.

Преследователи в полной броне были тяжелее, чем он, и Дугалу удавалось медленно, но верно отрываться в течение первых нескольких миль — правда, лишь благодаря коню, который не жалел для него сил. Но конь с двумя наездниками не мог быть долго выдерживать такую скачку. Впрочем, преследователи тоже. Дугал на время потерял их из виду, когда внезапно велел ошалевшему коню остановиться и соскользнул с его спины, всадив меч в снег. Конь заспотыкался, когда его ноша вдруг столь заметно уменьшилась, и чуть не упал. Сидана с побелевшим лицом вцепилась в седло.

— Спокойней, дружок, — пробормотал Дугал, положив ладони на тяжко вздымавшуюся конскую грудь, и ласково продолжал. — Никто и просить не мог бы о лучшей службе, но ты заработал отдых. А дальше нас понесет твой товарищ.

Все еще поглаживая измотанное животное одной рукой, он обернулся и протянул другую в сторону каурого, негромко проповедств. Второй конь тоже был в мыле и тяжело дышал, пар поднимался от него на холоде, но шаг его все еще был упруг, ибо он пробежал эти мили без груза. Мягко попыхивая, он наострил уши, подошел и ткнул Дугала губами в грудь, требуя, чтобы тот вытер его вспотевшую морду.

— Ах ты, умница, — сказал Дугал с привычной в таких случаях улыбкой и, продолжая поглаживать обеих лошадей, взглянул мельком на Сидану. У нее было такое лицо, что он немедленно подошел, снял с коня и опустил в снег, скорчившуюся под теплым плащом и горестно рыдающую девушку.

— Прости, что я обошелся с тобой так грубо, — сказал он, присев с ней рядом на корточки, — но мне надо было оттуда удрать любой ценой.

— Зачем? — всхлипнула она. — Разве мой отец недостаточно предложил тебе? И ты мог так легко предать родную кровь?

— Если бы я остался, я бы предал нечто куда более важное, — ответил он и обеспокоено глянул туда, откуда они примчались.

— То, что делает твой отец, дурно. Он узурпирует права ко-

— Келсона? — икнула Сидана и попыталась перестать всхлипывать. — А ему-то ты чем обязан?

— Я Траншийский наследник, — отозвался Дугал. — Мой отец — вассал короля Келсона.

— Твой отец. А ты ему никаких клятв не давал.

— Ты думаешь?

— Что же, ты волен отдавать свою верность, кому пожелаешь, — заметила она, глядя на него огромными, полными укора глазами. — Но как ты мог, если кровь твоей родни слилась с меарской? Твой дядя — мой отец и отец будущих королей. Когда-нибудь мой брат станет править воссоединенной Меарой. И ты мог бы... ты бы был ее частью. Ведь отец пообещал тебе титул герцога?

Дугал печально покачал головой.

— Лишь мой король может даровать мне титулы, сударыня, — сказал он, положив ладонь на узду гнедого. И не ваш брат станет править воссоединенной Меарой, но мой.

— Но... Я думала, у тебя нет братьев.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Нет в живых ни одного из рожденных моей матерью... Но у меня есть брат, прекрасная кузина; названный брат, которому я обязана хранить верность; тот, ради которого стоит погубить душу, лишь бы защищать его и служить ему — возможно, я уже это сделал, нарушив слово и бежав, а заодно и прихватив вас, — он вздохнул. — Но, бросив такое сокровище на весы, я не желаю, чтобы это вышло впустую, и чтобы меня опять взяли, — добавил он и предложил ей руку, помогая подняться. — Пожалуйста, вашу руку, сударыня, — попросил он, когда Сидана негодующе попятилась. — Не вынуждайте меня добавлять новую грубость к перечню моих преступлений. Что бы вы ни думали, меня учили уважать женщин.

В ее темных глазах вновь вспыхнули непокорство и негодование, но Сидана не была бы дочерью высокопоставленных родителей, если бы не понимала, что ей ничего больше не остается. С презрением отвергнув его руку, она облачилась в отрепья своей гордости поверх теплого плаща и кое-как поднялась сама. Впрочем, она позволила похитителю подсадить ее в седло и сидела, как деревянная, пока он устраивался сзади и, стараясь не прикоснуться к ней, протягивал руку к поводьям. Еще момент ушел на то, чтобы поднять торчащий из снега меч — и вот Дугал сжал конские бока пятками, поглядев через плечо на темные точки — их преследователей. Гнедой некоторое время бежал за каурым, но постепенно отстал и пропал из виду, в то время как их скакун мчался уверенным и твердым шагом. Так им

удалось проехать еще час, пока длинные бледные тени не упали на девственный снег Куилтейнской дороги; но их конь выбился из сил ко времени, когда Дугал придержал поводья на вершине подъемы и оглянулся. Отсюда были хорошо заметны всадники, неотвратимо подъезжавшие все ближе и ближе. Сидана завозилась в его руках и тоже обернулась, ветер трепал темную прядь, упавшую ей на лицо.

— Мой отец тебя убьет, — тихо сказала она, не поворачивая головы. — После того, как тебя отделят мои братья.

Боль прокатилась под его ноющими ребрами. Дугал устремил взгляд туда, куда они бежали — к безопасному Гвиннеду. Им туда не добраться. Им еще повезет, если их лошадь спустится с косогора, а дальше она вряд ли сможет их нести. И хватит ли у Дугала бессердечия грозить расправиться с Сиданой, когда те подъедут — неважно, ведь даже если он осуществит угрозу, он все равно пропал. Быстро он умрет или в долгих мучениях, едва ли что-то значит. Мертвец, он и есть мертвец.

Неожиданно, когда его глаза опять в отчаянии метнулись к востоку, он уловил нечто движущееся; да, оттуда ехали всадники, и их было немало, возможно, даже больше, чем тех, которые его преследовали. Он резко втянул ноздрями воздух, напряженно всматриваясь. Может, это люди Сикарда опередили его и взяли в кольцо? Но нет, они не могли успеть так быстро!

И больше он не раздумывал. Ткнув пятками дрожащего скакуна, он погнал его с косогора, покрепче прижимая к себе девушку всякий раз, когда животное спотыкалось и пошатывалось, готовое рухнуть.

Смерть все еще рядом. Он вполне может сломать шею, свалившись с лошади, если не будет смотреть, куда та ступает. Или те, что впереди, окажутся не более милосердны, нежели те, что позади.

Но он не собирался ждать, пока его настигнут меарцы.

Глава двенадцатая

**И все, что были с тобой в союзе,
подвели тебя к самой границе:
те, что жили с тобой в мире,
обманули тебя и стали тебя одолевать¹**

, мы не одни, — пробормотал Келсон.

Он перевел коня на шаг и привстал на стременах, чтобы лучше видеть, указывая на заснеженный хребет далеко впереди, где только что возник конь, несущий седока, хорошо заметный на фоне сумерек.

— Ты видишь его?

Морган, знаком велев остановиться колонне рыцарей, ехавших позади них по четыре в ряд, также придержал коня и взирался вдаль, дабы выяснить, точно ли всадник один.

— Вижу. И он, несомненно, уже увидел нас, — ответил Морган. — Равно, как и подъезжающие ратарки... э, что такое? — он умолк в изумлении, ибо конь внезапно сорвался с возвышенности и ринулся вниз по снежному склону, шарахаясь и спотыкаясь, грозя на каждом шагу опрокинуться и сбросить всадников из седла.

— Он что, шею хочет сломать? — ахнул Келсон.

В этот самый миг лошадь чуть не упала, затем Келсон с Морганом внезапно увидели одну из причин, по которой животное так устало.

— Он несет двоих! — воскликнул удивленный Келсон.

— Ага. А чтобы ехать вдвоем с такой скоростью и на почти загнанном коне, нужно, чтобы за ним гнался сам дьявол, — подхватил Морган. — Не угодно ли бросить вызов дьяволу, государь?

---

¹Обадия 1:7

Келсон приподнял бровь, уж больно крепко выразился его друг, но второго приглашения ему не потребовалось. Ведь именно стычки он и жаждал весь этот день. С ухмылкой, в которой было мало веселья, он извлек из ножен меч и вскинул его над головой, оглянувшись на миг туда, где Конал уже встряхивал складки боевого знамени Хаддэйнов.

— Вперед в галоп! Развернуться веером! — скомандовал он, привстав на стременах и указывая вперед мечом. — Кто бы ни преследовал этого беднягу, их ждет неожиданность!

Конал и Сигер де Третерн немедленно пришпорили коней, и слева от Келсона заколыхалось на ветру, разворачиваясь, полотнище алого шелка. Джодрелл возглавлял правое крыло. Гибельное шипение стали, вылетающей из ножен, добавилось к звяканью удил и шпор, заскрипела кожа, рыцари рассыпались все шире, крайние всадники выдвинулись вперед. Они уже приближались к косогору, лошадь беглецов была совсем рядом, достаточно близко, чтобы Морган увидел: первый из всадников — девушка с мечущимися по ветру темными волосами. А второй...

— Это Дугал! — вскричал Келсон, и тут же рука горца взмыла в воздух в пылком приветствии.

И вот уже Дугал среди них, громко смеющийся, несмотря на усталость. Келсон и Морган схватили с боков спотыкающегося коня, в то время, как все остальные хлынули вверх по косогору. Морган поймал ближайший повод каурого и подтянул его голову к себе, его собственный конь чуть не утратил опору, когда каурый закачался и почти что упал.

— Спокойно!

— Эй, возьмите ее! — выдохнул Дугал, подталкивая свою отбивающуюся спутницу навстречу Моргану, уже готовому ее пересадить. — Это Сидана, дочь Самозванки. Люди ее отца мчатся за мной по пятам.

— Сколько их? — спросил Келсон, поддерживая Дугала сзади чуть ниже плеча. Дугал вцепился пальцами в пояс Келсона за спиной для большей надежности и радостно затряс головой.

— Недостаточно, чтобы твоим людям пришлось туда, мой государь. Как я рад тебя видеть!

— А я тебя, — Келсон развернулся скакуна, приподняв на дыбы, и взглянул вслед рыцарям, приближающимся к гребню. — Но давай убедимся, что ты хорошо считаешь. Морган, не ввязывайся в бой, пока не понадобится. Держись рядом со мной. О, а вам добро пожаловать в Гвиннед, сударыня!

Морган почувствовал, как девушка, услыхав его имя, оцепенела в его руках, но только переместил ее поудобней в сгиб

королем и держа наготове обнаженный меч. Впереди них воинство рассеялось по гребню гряды, испуская торжествующие крики.

Тут же послышались тревожные крики с другой стороны: это преследователи Дугала увидели над головами нападающих знамя Халдейнов.

Все решилось ко времени, когда Морган остановил коня на вершине косогора рядом с Келсоном. Вдалеке на равнине горстка Халдейнских рыцарей преследовала нескольких отставших, а прочие меарцы уже во весь дух мчались домой. По ту сторону гряды несколько человек, спешенных в стычке, дрожа, поднимались на ноги, но ни на одном из них не было королевской ливреи. И над каждым стояли с оружием рыцари Халдейна. Третгерн и Конал вели к остальным еще одного, в то время как оруженосцы ловили и заворачивали освободившихся коней. Дружное «ура» грянуло кругом, как только Келсон начал спускаться с гряды, и по его знаку пропел боевой рог, зовя обратно тех, кто увлекся погоней. Ухмыляясь, Морган направил свою лошадь следом за королевской.

— Нам здорово повезло, государь, — промолвил он, когда они седло к седлу съехали по дальнему склону и остановились, весело поглядывая на девушку, принявшуюся извиваться, как только он стал убирать меч в ножны. — Вдобавок, Дугал принес богатую добычу. Не стоит так биться, сударыня. Поберегите лучшие силы для обратной дороги в Ремут.

— Отец отомстит за меня! — выкрикнула Сидана. — Вы захватили его врасплох.

— Но разве принято поступать иначе, моя госпожа? — смеясь, спросил ее Келсон. — Любой старается захватить врага врасплох. Плохим бы я был предводителем, если бы послал своих людей против мятежников, не воспользовавшись сполна всеми преимуществами. Ваш отец сделал бы то же самое.

— Мой отец не мятежник, — возразила девушка. — Он хочет вернуть моей матери престол, который принадлежит ей по праву, и снова сделать Меару свободной. Нами не будет править... еретик-Дерини!

Эта кличка, бывшая для Моргана лишь чем-то, приевшимся с детства, и давно вызывала не более, чем легкую досаду, но Келсон взвился, словно его ужалили, ибо явно не ожидал такого от прелестной юной девушки. Дугал, находившийся позади короля, не видел, как угрожающие вспыхнули серые глаза, но, безусловно, уловил внезапное напряжение, прежде чем Келсон обуздал свой гнев. Даже Сидана широко раскрыла рот, когда поняла, что сказала, кому, и в чьих руках пребывая. Морган 177

заставил себя не вмешиваться, выжидая, как справится юный король.

— В будущем, моя госпожа, я бы тщательней выбирал выражения, — произнес наконец король, после того, как озабоченно вздохнул. — Если то, что мы — Дерини, для вас отвратительно, то вам следовало бы догадываться, что хотя бы часть того, что говорится о Дерини — правда. А мы не каменные. Не испытайте слишком настойчиво наше терпение.

И несколько секунд целеустремленно глядел на своихозвращающихся рыцарей, временно избавив Сидану от своего жгучего взора, но эта краткая передышка ничуть не помогла девушке успокоиться, и она дрожала в руках Моргана, точно воробей в когтях хищной птицы. Неестественно прямая осанка Дугала свидетельствовала, что он все еще оглушен хлестнувшей по нему силой, исторгшейся из человека, в седле впереди, и внезапно ставшего чужим. Даже если Морган и не почувствовал страха за щитами, которым неоткуда взяться у Дугала, он догадался бы о его чувствах. Лицо Келсона стало многое мягче, когда он, наконец, оглянулся, но Сидана все же отпрянула.

— Вам не причинят вреда, сударыня, — проговорил Келсон.
— Клянусь честью и короной. Если мои недавние слова показались вам суровыми, простите меня, но у нас за плечами долгая тяжелая дорога, а столь высокородная пленница — полная неожиданности для меня. Я враждую не с вами, но отпустить вас не могу. А теперь вы должны извинить меня, я взгляну, что там у моих людей.

Он пустил своего скакуна в галоп вниз по склону к месту недавней стычки, не дожидаясь ответа, белый конь отчетливо виднелся на истоптанном снегу. Дугал, державшийся теперь не за пояс короля, а за круп его коня, последовал за ним на своем спотыкающемся животном.

Морган с утихомирившейся девушкой ехал совсем медленно, думая о Келсоне.

Как понял Морган, меарцы, гнавшиеся за Дугалом, еще не сочли дело безнадежным, прочесывая темнеющую равнину впереди. Они сбились тесной кучкой в нескольких сотнях ярдов отсюда, явно пытаясь решить, что делать дальше. Между ними и местом первой стычки выстроились в одну долгую линию почти все королевские рыцари, готовые отбить любое повторное нападение.

Позади их строя оставшиеся всадники стерегли пленных. Тех было шестеро: четверо стояли вместе перед Трегерном и Коналом со связанными за спиной руками, еще двоим, полу-
178 чившим легкие раны, оказывали помощь. Никто из них не

был в тяжелых доспехах, а часть и вовсе без брони, лишь в придворной одежде.

— Ты случайно не испортил им праздник? — спросил Келсон через плечо, когда они приблизились к Трегерну и Коналу.

Дугал скрчил мину и наклонился вперед мимо короля, чтобы осмотреть пленных.

— Они бы сочли, что да, государь. Архиепископ Лорис нынче утром посвятил Джедаила Меарского в епископы Ратаркинские. И, полагаю, ты догадался, что епископ Истелин взят под стражу. — Его лицо вспыхнуло изумлением, а затем радостью, когда он как следует рассмотрел мрачного на вид юношу, стоявшего ближе других к лошади Конала, у него были не только связаны руки, но и веревка на шее, конец которой держал Конал.

— Вот так чудеса!

— Кто-нибудь знакомый? — спросил Морган, чувствуя охвативший Сидану безмолвный ужас.

Дугал расхохотался и хлопнул Келсона по плечу, его скверное настроение развеялось окончательно.

— Знакомый? О, еще как, ваша светлость. Редкая удача. Государь, не кому-то а мне выпала честь представить вам принца Алюэла Меарского, младшего из братьев этой особы. — Он широко взмахнул рукой в сторону Сиданы. — Отлично, Конал. Это ты его пленил?

Конал весь подобрался, неуверенный — то ли торжествовать по поводу такой ценной добычи, то ли сердиться, что Дугал пренебрег его титулом.

— Я, а кто же еще? Так ты говоришь, это Алюэл Меарский? — повторил он, с презрением толкая Алюэла носком сапога.

Алюэл вынес оскорбление, не сопротивляясь, но его карие глаза полыхали, когда он обернулся, чтобы взглянуть снизу вверх на Конала.

— Черта с два ты бы меня взял, если бы не сбилась подпруга, — горячо заявил он. — Отец еще вернется за нами!

— Да, под флагом переговоров, — парировал Келсон, привлекая их внимание к направляющейся к их строю кучке всадников. — Думаю, это едва ли ошеломляющий налет спасителей, но послушаем, что они скажут.

Пав духом, Алюэл вевернулся в другую сторону и до отказа вытянул шею.

— Мы с сестрой не сделали ничего дурного, — в отчаянии произнес он. — Вы не имеете права нас удерживать.

— Разве? — Келсон небрежно опустил руки на край седла. — А что мне следует делать с подданными, которые бро-

сают вызов моим законам и узурпируют мою власть в моих землях?

— У нас больше прав на них, — начал Ллюэл. — Наша ветвь берет начало...

— Да знаю я все про вашу ветвь, и где вы на ней выросли, — перебил его Келсон. — Дело было решено почти сто лет назад. — Он поглядел на оруженосца, едущего от халдейнского строя, и на горстку меарских всадников, медленно приближающихся под белым флагом, затем привстал на стременах и прикрыл глаза рукой, чтобы высмотреть что-то дальше на погружающейся во тьму равнине.

— Вижу, — сказал Морган, заметив факелы, которые нес другой приближающийся отряд, возможно, бывший в получасе лихой скачки. — Подкрепления Сикарда. Нам лучше поторопиться, государь.

— Я точно так и думаю, — Келсон повел лошадь коленями вокруг свежего скакуна, которого второй оруженосец подводил для Дугала, и помог другу пересесть. — Ллюэл, я уделю вашему отцу несколько минут, но, думаю, вы и сами понимаете, почему я не могу болтать с ним долго. Джодрелл, приготовьте всех, чтобы выехать, как только мы переговорим. Конал, нам понадобится еще одна лошадь для вашего пленника. А вы, Морган, подвезите девушку чуть поближе. Возможно, им легче будет рассуждать здраво, если они увидят, что она цела и невредима.

Поспешно зажигались факелы, трещавшие и шипевшие из-за падающего снега. Они поехали вперед. Келсон и Дугал — во главе, Сидана, все еще оцепеневшая и перепуганная, — в седле перед молчаливым Морганом чуть поодаль. Конал и Трегерн — по бокам от усаженного на коня Ллюэла, и вплотную за ними — четыре рыцаря. Среди дюжины всадников, приближившихся с меарской стороны, Дугал с ходу узнал двух первых — Сикарда Макарди и его сына Итела. Все, кроме четверых главных участников переговоров, осадили коней в пределах слышимости от разделявшей их незримой черты. Келсон и Дугал поехали дальше навстречу Сикарду с Ителем. И остановились на расстоянии пары шагов друг от друга.

— Я никогда не причинял тебе ущерба, Сикард Макарди, — спокойно заговорил Келсон. — Почему ты изменил мне?

Сикард бросил холодный и надменный взгляд на Дугала, державшего факел близ короля, затем опять посмотрел на Келсона.

— Я никогда не приносил тебе присягу, Келсон Гвинисдский. А вот мой юный родич предал свою кровь и преступил клятву, принесенную на святой реликвии перед многими

ми свидетелями. Тебе ли упрекать меня в измене, когда клятвопреступник сидит подле тебя, и ты к нему прислушиваешься.

— Он верен куда более давнему слову, чем любая клятва, исторгнутая принуждением, — ответил Келсон. — Но, думаю, ты явился не обсуждать проступки Дугала Траншийского, каковы бы они ни были. Я полагаю, что ты желал бы удостовериться в том, что твои дети целы и невредимы. Как видишь, с ними ничего не случилось.

Взгляд прикусившего губу Сикарда устремился на сына, беспокойного, но полного надежды, связанного и охраняемого Коналом и Трегерном, затем еще короче, но мучительней упал на Сидану.

— Верни мне их, Халдейн, — проговорил он, стараясь больше на них не смотреть.

Келсон учтиво наклонил голову:

— Отец не может об этом не просить, мой господин. И этого нетрудно добиться. Я не враждую с детьми.

— А какова цена? — спросил Сикард.

— Для начала — пусть мне вернут моего епископа Генри Истелина.

— Он не у меня.

— Не у тебя. Но ты можешь отдать его мне.

Сикард покачал головой.

— Его удерживает Лорис, а не я.

— Измена Лориса — давнее дело. Я не считаю, будто ты за нее отвечаешь. Твоя измена еще свежа и может быть прощена, если я получу надежное доказательство твоей будущей верности. Как только Истелин, живой и здоровый, вернется ко мне, и ты передашь в мои руки Лориса, я соглашусь обсудить полное помилование для всей вашей семьи.

— Ты не посмеешь.

— Я сказал, что посмею.

— А что, если я откажусь?

— Тогда ты больше не увидишь своих детей. А весной я пойду в Меару большое войско и переворошу все, пока не отыщу тебя, твою жену и всех, кто жив из Меарского королевского дома, и предам вас мечу.

— Не бывать этому, — прошипел Сикард.

— Если хочешь — проверим, — отрезал Келсон. — С другой стороны, если ты сам, твоя достойная супруга и все прочие из вашей семьи явятся к моему двору на Рождество, передадут в мои руки изменника Лориса и его сообщников и принесут мне присягу, как подобает вассалам моей короны, наша 181

размолвка может завершиться наиболее счастливо для всех, кто в нее втянут.

— Это немыслимые условия! — воскликнул Сикард, с презрением плюнув на снег. — Ты меня не иначе как за дурака считаешь! Никто не пойдет на такое, если он в здравом уме.

— Тогда, возможно, тебе лучше немного спятить, Сикард, — парировал Келсон, поглядев на факелы, уже наполовину догоревшие. — И я вряд ли в своем уме, если останусь продолжать этот спор.

— Но что будет с моими детьми?

— У тебя две недели, чтобы сказать мне, что с ними будет, — ответил Келсон, собирая поводья и готовясь поворачивать. — Я должен узнать твое решение к Рождеству. А пока что даю тебе слово, им никто не причинит ущерба... Надеюсь, ты заверишь меня в том же самом касательно епископа Истелина.

— Я уже сказал тебе: это не в моей власти...

— Тогда изыщи способ этого добиться!

— Не могу!

— Две недели, — повторил Келсон.

Они с Дугалом повернули коней и двинулись обратно, а строй подался немного вперед, предостерегая Сикарда от самой мысли о преследовании. Бросив взгляд назад на подходящие подкрепления, все еще в четверти часа езды, то есть не способные мгновенно изменить соотношение сил, Сикард в последний раз с тоской посмотрел на сына и дочь, которых увлекали с собой враги, затем дернул поводья и галопом поскакал обратно вместе с оставшимся сыном. Алюэл достаточно твердо перенес совершившееся, лишь пригнув голову и закусил губу, чтобы не всхлипнуть, когда отец и брат уносились в сумерки, и двинулись прочь факелы, но его сестра разразилась бурными рыданиями.

— Нет! Не может быть... Бросить нас! Вот так! — выкрикивала она, извиваясь в руках Моргана и пытаясь вырваться. — Отец, отец, вернись!

Конечно, ее усилия были тщетны, но Моргану было совершенно ни к чему, чтобы она вопила и вырывалась всю дорогу. Стянув зубами правую перчатку и покрепче удерживая девушку левой рукой, Морган переглянулся с Келсоном и передал ему свое предложение.

Келсон согласился.

Притиснув сопротивляющуюся девушку к своей облеченнной в броню груди, Морган наложил ладонь ей на глаза и велел уснуть. И она немедленно расслабилась и обмякла в его руках, уронив голову на его плечо.

— Что вы сделали? — ахнул ее брат. И дернулся так, что веревка впилась ему в запястья, пытаясь подогнать коня поближе, чтобы лучше видеть. — О, Боже, что вы с ней сделали?

— Ничего страшного, он просто погрузил ее в сон, — резко ответил Келсон, вклинив своего коня между Алюэлом и Морганом и хватая Алюэла за плечо. — И если ты постараешься не глупить, мне не придется поступать с тобой, как он с ней.

— Это волшебство? — с трудом прошептал Алюэл, у которого сперло дыхание.

— Нет, но нет времени прямо сейчас объяснять, в чем разница. Будь покладистым, и я прикажу, чтобы тебе поудобнее связали руки. До Ремута еще далеко, намаешься с руками, скрученными сзади.

— Ты за это заплатишь! — буркнул Алюэл, стиснув зубы. — Твою деринийскую душу ждут ад и проклятие!

— Ты не считаешься с тем, что у моего терпения есть пределы, — предостерег его Келсон. — Не стоит. Если ты веришь, что я уже проклят, из этого следует, что я ничего не выиграю, стараясь сдерживаться... Хотя, что бы ты ни вбил себе в голову, я намерен обращаться с тобой настолько благородно, насколько возможно. Легко это будет для меня или трудно?

Алюэл со слезами и отчаянием в глазах несколько секунд выдерживал его спокойный и бесстрастный взгляд, затем отвел глаза и уронил голову, удрученно поникнув.

— Мне не выстоять против демона, — прошептал он. — Я не настолько глуп, чтобы умышленно искать смерти.

— Я тоже, — ответил Келсон. — Конал, свяжешь ему руки спереди, и глаз с него не спускать. — Он бросил новый взгляд на приближающиеся меарские силы, развернул коня и поднял над головой руку.

— Начинаем тактическое отступление, господа! — прокричал он, и его люди ответили криками одобрения. — Мы осуществили хотя бы часть того, для чего явились. А теперь возвращаемся в Ремут!

И они ускакали с Ратаркинской равнины с приобретением в виде двух царственных пленников и спасенного графа Дугала, еще не ведающего о своей потере: кончине отца. Темнота и все усиливающийся снегопад вскоре помогли им скрыться от преследовавшего их войска меарцев; и когда обычные и магические чувства подтвердили, что они вне опасности, Келсон позволил своему войску короткий отдых. Лишь тогда он отозвал Дугала немножко в сторону и сообщил ему о старом Кауле, постаравшись утешить друга, как мог, так как разделял его горе о смерти старика.

* * *

Скорбь и слабое утешение в полной мере были явлены в тот вечер и в Ратаркине, когда сокрушенный Сикард вернулся без дочери, без племянника-клятвопреступника, да еще и без второго сына. Кэйтрин и Джедаил в гробовом молчании выслушали его сбивчивый рассказ, и Джедаил неловко держал тетушkinу руку, но был неспособен сказать хоть что-то обнадеживающее.

— Откуда Хаддейн мог знать? Как он там вдруг оказался? — прошептала Кэйтрин, когда ее муж умолк. — О, это гнусное колдовство! И мои дети — у него в заложниках...

— Мы ошиблись, доверяя юному Дугалу, — пробормотал Джедаил. — Предать своих родных... Но кто бы мог предположить, что он изменит слову, да еще когда поклялся на святынях! Он проклят, проклят...

— Я должен был собственноручно убить его, когда только увидел, — простонал Сикард. — Должен был догадаться, что за все эти годы мой брат настроит его против нас. А теперь мой сын... моя девочка... в руках Дерини!

Немного погодя, когда они несколько пришли в себя и обдумали требования Келсона, они послали за Лорисом и Креодой. Ко времени, когда Сикард закончил свой повторный рассказ для вновь явившихся, Лорис вскочил с пеной у рта.

— Он предложил вам помилование, если вы бросите меня? — взъярился он. — И посмел требовать освобождения Истелина? Какая наглость! Полное бесстыдство! Как он смеет думать, будто вправе нам угрожать!

— Но он так думает, — с раздражением ответила Кэйтрин. — Более того, он чувствует себя вполне уверенно. Я была бы до крайности наивна, если бы считала, будто он ждет, что мы примем его предложение, но он прикидывается, будто так и есть. И все же мы не беспомощны. Племянник, пусть сюда приведут епископа Истелина.

— Он пока что мой пленник, а не ваш, сударыня, — предостерег Лорис.

— Я об этом еще не забыла. Я желаю допросить его. Джедаил, прикажи им.

Лорис позволил ему выйти, чтобы выполнить ее требование, но продолжал ворчать и брюзжать все время отсутствия Джедаила, едва ли притронувшись к вину, которое налил Ител, чтобы все хоть как-то взбодрились.

— Да проклянет Бог Дерини! — прошипел Лорис, когда немного спустя Джедаил привел Истелина. — И да проклянет деринийского короля, который прикидывается благочестивым и

184 кротким, а сам продолжает возиться с магией. И да прокля-

нет Бог вдвойне любого епископа, который станет с ним разговаривать! — добавил он, вперив горящий взгляд в Истелина. — Ты не лучше, чем Халдейн, которому ты служишь, Истелин. Мне бы следовало казнить тебя как изменника.

— В этом городе не будет казней без моего дозволения, архиепископ, — кротко произнесла Кэйтрин, подав знак, чтобы для Истелина принесли табурет. — Мертвый епископ едва ли может нам пригодиться. Халдейн желает получить его обратно живым и здоровым. Точно так же, как и он не тронет моих детей, пока верит, что мы согласны на переговоры. А переговоры можно затянуть до весны.

— Вы слишком полагаетесь на его честь, сударыня, — сказал Лорис. — Дерини — воплощенное коварство. И Келсон — самый коварный из них.

— И все же он еще мальчик, — с презрением изрек Сикард.
— Дети детей не убивают.

— Не стоит недооценивать его, господин мой, — возразил Лорис. — Со мной такое было, но я больше не повторю свою ошибку. Он уже мужчина со всем присущим взрослому мужчине коварством и вероломством, особенно учитывая, что он Дерини. — Он немного помолчал. — А уж коли он мужчина, разве вам не приходило в голову, что у него могут быть вполне мужские влечения? А в его власти сейчас ваша дочь...

Кэйтрин крепко сжала губы, не издав ни звука, костяшки пальцев Сикарда побелели на подлокотниках кресла.

— Если он только тронет ее...

— Конечно, он может и жениться на ней, — продолжал Лорис, особо следя за Сикардом и тщательно подбирая слова. — Это подтвердило бы его претензии на меарский престол после того, как он уничтожит всех вас. Союз двух корон... Так же рассуждал его прадед, когда брал в жены сестру вашей прабабки, ваше высочество. Но опять же, он может просто позабавиться с ней и бросить... Или предложить ее своим людям после того, как она ему наскучит. Такие вещи...

— Я не желаю об этом слышать! — взорвался Сикард.

— А там еще и Алюэл, — безжалостно продолжал Лорис. — Прехорошенький мальчик. У вояк иногда...

— Молчать!

С трудом разогнув пальцы, намертво обхватившие подлокотник, Сикард машинально взял руку жены в свою, а другой рукой поднял чашу и осушил ее одни духом. Кэйтрин вздрогнула, когда он сжал ее ладонь, но хранила глухое молчание. Когда чаша опустела, Сикард отставил ее и сделал глубокий вдох, прежде чем укором взглянуть на Лориса.

— Последний удар был ниже пояса, архиепископ.

Лорис передернула плечами.

— Тогда приношу извинения. Однако опасность для Сиданы...

— Я ее отец, архиепископ! — огрызнулся Сикард. — Неужели вы полагаете, что все это время я не боялся и мог думать о чем-то еще? Когда я увидел проклятого Хаддейна на его огромном белом коне, молодого, горячего, гордого, и его подручного Дерини, обхватившего лапами...

— Сикард, перестань! — взмолилась Кэйтрин. — Пожалей себя. Сидана будет в безопасности, увидишь... Мы добьемся.

— Тогда мы должны показать хаддайнскому щенку, что с нами шутки плохи, ваше высочество, и что мы не позволим себя запугать, — промурлыкал Лорис.

Сикард рывком снова поднял свою чашу и протянул Ителе, чтобы тот налил еще вина, позволив Кэйтрин успокоить себя нежным поглаживанием по плечу. Однако смотрела она не столько на мужа, сколько на Истелина. Епископ старался как мог не попадаться никому на глаза, пока они спорили, но теперь ему было никуда от нее не деться. Темные круги под глазами резко выделялись на его нежно-белой коже, но, судя по всему, он оправился от действия снадобья, которое давали ему утром. Когда Сикард выпил половину содержимого чаши, внимание Кэйтрин вернулось к Лорису. Ее грубоватое лицо вновь выражало решимость.

— Нас, действительно, не запугаешь, архиепископ, — спокойно сказала она. — Я люблю детей не меньше, чем мужа, но суровая истина такова, что они уже не маленькие, и полностью осознавали возможные последствия поддержки нашей борьбы за престол. Если Богу угодно, чтобы они пали от руки тирана, мне остается только молиться, чтобы им даровано было вынести это со всем достоинством, какое дает королевская кровь. Эти горькие слова произносит не только королева, но и мать. С помощью Божией, пусть никому из нас не потребуется приносить жертвы!

Она поднялась и стала медленно мерить шагами пространство между креслом и очагом, поигрывая кольцами на изящных руках.

— Как королеве, мне приходит, однако, в голову, что наш юный король-Дерини мог совершить большую тактическую ошибку, давая нам понять, что ему нужен епископ Истелин. Он угрожает страшными карами, если мы не покоримся к Рождеству,

но пока он считает, что мы обдумываем его условия, он

186 вряд ли причинит нашим детям какой-либо ущерб. При

всем при том, что он Дерини, он предпочитает не проливать кровь, если без этого можно обойтись. Переговоры могут отнять много времени — целую зиму, как я сказала. Это достаточно долго, чтобы удостовериться, что мы располагаем всецело той поддержкой, в которой нуждаемся, дабы весной встретить и разгромить его.

— Сама зима даст нам время, которое необходимо, чтобы собрать силы для весенних боев, — упрямо продолжил Лорис. — И нет надобности в переговорах с Дерини, сударыня.

— Матушка, можно мне кое-что сказать? — вмешался Ител. Кэйтрин царственно наклонила голову.

— Спасибо. — Ител подошел и встал возле пустого кресла матери, положив руку на ее спинку, и устремил взгляд на Лориса. — Архиепископ, как наследник моей матери, я немало приобрету, если мы одолеем Халдейнов, но, надеюсь, вы поймете, что я бы предпочел, чтобы мои брат и сестра были еще живы, когда мы победим его окончательно, и разделили бы нашу радость. С этой целью я хотел бы высказать несколько практических соображений по части тактики и политики, которые могли ускользнуть от вашего внимания.

— Не поучай меня, дитя.

— Я не дитя, архиепископ. Не более, чем Келсон, — парировал Ител, холодно и не повышая голоса. — Я принц и буду благодарен, если вы обратитесь ко мне как к таковому. Вам не приходило в голову, что даже если для Келсона невозможно вести настоящую войну зимой, он способен все-таки достаточно тревожить равнинные местности, чтобы помешать сбору нашего ополчения? Но он не предпримет решительных шагов, пока мы с ним договариваемся.

— Тебе предстоит еще немало узнать о политике, дитя, — холодно ответил Лорис. — И о Дерини. Как ты можешь даже думать о том, чтобы дать ему удовлетворение...

Сикард с угрозой оташлялся.

— Мой сын мыслит здраво, архиепископ. Так мы с матерью его воспитали. И я, тоже привыкший смотреть на вещи трезво, понимаю: мы не сможем защитить Сидану и Люэла, если Халдейн не станет держать слово. К началу года, когда пройдет лишь немного после Рождества — срока, назначенного Халдейном, даже наши равнины будут совершенно недоступны для больших воинств, собранных вне Меары. Пока мы делаем вид, будто согласны рассмотреть его условия, будут в безопасности и наши дети, и наши пограничные земли.

— Ни дети, ни земли не могут быть в безопасности, пока жив Келсон, — упрямо заявил Лорис. — Он считает вашу

землю своей, и должен в конце концов убить вас и ваших наследников или же держать вас в пожизненном заточении, как попытался поступить со мной. Не такой он дурак, чтобы оставить вас в покое и позволить, чтобы над ним всегда висела угроза мятежа. Он использует детей, как наживку, дабы заманить вас в ловушку и уничтожить.

— Так пусть думает, будто все идет как надо, — отрезала Кэйтрин. — Болтовня ничего не стоит. Возможно, нам удастся сыграть на его надежде на освобождение Истелина, ибо его, кажется, тревожит безопасность этого человека. Теперь, когда Джедаил посвящен, нам здесь от Истелина пользы мало.

Лорис высокомерно поднял бровь в направлении Истелина.

— Да. Любой достойный священнослужитель известил бы вышестоящих, что кто-то из его подопечных намерен нарушить священную клятву. Истелин, вот кто лично в ответе за побег юного Дугала.

Истелин, доселе угрюмо молчавший, тряхнул головой.

— Искренне сожалею, но не могу признать за собой эту заслугу, — вымолвил он негромко. — Что же до греха клятвопреступления, полагаю, есть куда более противные Богу деяния, чем попрание обета, принесенного по принуждению. Возможно, кое о каких из них вам известно.

У Лориса недобро засветились глаза.

— Что до того, чего я стою как священнослужитель, — продолжал Истелин, — вы не полномочны об этом судить, вы лишены такого права с тех пор, как епископы низложили вас и отправили в заточение.

Столь же внезапно, сколь и сознательно, Лорис вскочил и занес руку, чтобы ударить непокорного Истелина. Нечленораздельный рык вырвался из его гортани, он не заметил, как его кубок свалился с подлокотника и разбился о каменные плиты.

— Стойте! — выдохнула Кэйтрин, одновременно Сикард кинулся между этими двумя, чтобы предотвратить удар.

Возглас принцессы и звон разбитого кубка умерили слепую ярость Лориса, и он с негодованием остановился, прежде чем Сикард успел коснуться его, подчеркнуто уронив руки по сторонам и склонив голову перед Кэйтрин, и опять уселся. Сикард шумно и резко вздохнув, поправил рубашку и тоже сел. Ител, который намеревался поддержать отца, осторожно вернулся на прежнее место за креслом матери. Джедаил стиснул руки перед собой и попытался, чтобы по его лицу не поняли, насколько он разрывается между верностью тетушке и повиновением человечку, который сделал его епископом. И за все это время Истелин даже не дрогнул.

— Прошу принять мои извинения, ваше высочество, — покаянно проворчал Лорис. — Не знаю, что на меня нашло. Его дерзость... несовместима с духовным саном.

— Согласна, — холодно отозвалась Кэйтрин. — Однако сомневаюсь, что он именно так видит свое поведение. И тем не менее нужно, чтобы Халдейн получил доказательство того, что Истелин жив и здоров. Его кольцо, я думаю, и письмо, написанное его рукой, которое продиктуете вы, архиепископ...

— Я не стану его писать, — спокойно сказал Истелин.

— А если он будет упрямиться, — продолжала Кэйтрин с суровым лицом, — оставляю на ваше усмотрение, архиепископ, что надлежит предпринять, дабы уверить короля, что епископ у нас, и что с ним будет то же, что и с моими детьми, если нам не удастся достичь соглашения. — Она мрачно улыбнулась Лорису.

— Я прошу моего племянника содействовать вам и положусь на ваши объединенные усилия, дабы осуществились наши намерения.

Лорис медленно кивнул, на его лице возникла недобная улыбка.

— Отлично, сударыня. Я с большим удовольствием выполню ваши пожелания. Думаю, вы не будете разочарованы.

Глава тринадцатая

Но и он переселен, пошел в плен¹

Усталый, но довольный, Келсон ввел свое воинство обратно в ворота Ремута через неделю после описанных событий, и ни у одного из его людей не появилось и царапины. Присутствие Дугала подле короля свидетельствовало хотя бы о частичном успехе предприятия. Когда колонна прогремела через мост и вступила во двор замка, несколько посланцев из Транши бросились вперед, дабы приветствовать своего нового вождя хриплыми горскими воплями. Прежние раны Дугала стали болеть сильнее вследствие его побега и напряженной скачки трех минувших дней, но он смог улыбнуться и сказать несколько добрых слов каждому, прежде чем со страдальческим видом сполз с коня.

Дугал был не единственным, кто добавился к вернувшимся. С отрядом ехали шесть угрюмых пленников; самый юный, темноволосый аристократического вида мальчик, старался, как мог, выглядеть бодрым, запястья его были связаны спереди, а поводья его коня укреплены на луке седла Конала. Его щеки рделы от смущения под любопытными взглядами, но он твердо глядел поверх голов и с презрением отверг помочь, когда настала пора спешиться. Но особое любопытство возбудила спящая женщина, укутанная в тяжелый плащ с выбившимися из-под капюшона спутанными каштановыми волосами, которую Морган бережно носил на руках.

— Это младшие дети Самозванки, — сообщил Келсон Нигелю, как только спешился на заснеженном дворе и помог Моргану передать спящую девушку с рук на руки Дункану. — Теперь нам нужны только сама Кэйтрин, Сикард и их старший. И, конечно, Лорис. Девочку зовут Сидана. Дугал выкрад ее у них из-под носа.

---

¹Наум 3:10

— Она невредима? — встревожился Нигель.

Морган, избавленный от своего бремени, переметнул ногу через шею коня и слетел наземь, покачав головой.

— Утром с ней будет все в порядке. Я... Да, мне пришлось ее усыпить. Она принялась вопить и биться, когда поняла, что ее не вызволят. Сомневаюсь, что она хотя бы вспомнит большую часть поездки.

Нигель медленно кивнул, глазом не моргнув при подобном признании в использовании волшебства.

— Да, вероятно, это было оправдано. Дункан, ты не отнесешь ее к моей жене? Если только ты и, конечно, Келсон, не решили иначе. Ей будет кстати общество другой женщины, когда она пробудится. А женские покой более подходящее место для этой меарской розы, чем темница.

— Я бы сказал, не розы, а шиповника, — улыбаясь, заметил Келсон. — И предупреждаю, шипы у нее острые. Но неважно. Тетушка Мерауд — хорошее общество для нее, спору нет. Отец Дункан, вы ее туда не отнесете?

— Разумеется.

— А что до нашего второго неожиданного гостя, — продолжал Келсон, бросив взгляд на хмурого Алюэла, когда Дункан удалился, — вам приятно будет узнать, что захватил его не кто-нибудь, а ваш сын Конал, дядюшка. Его зовут Алюэл. Он с самого начала вел себя несколько воинственно, и думаю, его нужно тщательно охранять. Но не в подземелье. Он благородный заложник, а не преступник.

Еще несколько минут у Келсона заняли распоряжения касательно остальных пленных и обеспечения его людей и коней, после чего он вместе с Дугалом и Морганом вступил в зал. Когда все трое запили остатки жаркого из оленины подогретым элем, он с ходу отчитался наспех созванному совету о своем предприятии. Ко времени, когда все кончилось, Дугал уже клевал носом над угощением, и даже Морган сделался вялым после того, как голодные желудки наполнились, а эль убаюкал ноющие мышцы. В течение часа, наметив на следующий день собрание полного совета, Келсон отпустил двор и удалился в опочивальню. В ту ночь факелы в Ремутском замке горели допоздна, пока Нигель и прочие пытались переварить то, о чем поведал им король.

Однако на заре Келсон пробудился, еще не вполне выспавшийся, но чувствующий, что вальяться дальше смысла нет. Его снедала потребность что-то делать, но делать он ничего не мог, пока Кэйтрин не ответит на его требования. Он сел у окна и некоторое время глядел, как падает снег, надеясь, что на 191

него опять накатит дремота, но лишь стал беспокойнее. Немного погодя он окончательно оставил мысль о сне и оделся в простые серые облегающие штаны, сапоги, рубаху и верхнее платье, подбитое мехом.

Точно безмолвный призрак он бродил по всему замку, проверил, хорошо ли устроили людей, вернувшихся с ним из Ратаркина, взглянул на своих пленников и заложников и вскоре завтракал с Морганом, которому тоже не спалось с утра пораньше. Когда несколько часов спустя он вернулся к себе, все еще встревоженный, он застал там Дугала, также бодрого и одетого, недоумевающего, где пропал король.

— Я не мог спать, — ответил Келсон. — Поговорил с Морганим, но это, кажется, плохо помогло. Думаю, я бы мог посетить могилу отца до того, как начнется совет. Иногда у меня от этого проясняется в голове, почти, как если бы я мог по-прежнему спросить у него совета. Пойдешь со мной?

Они выбрали самого неприметного вида лошадок, какие отыскались в королевских конюшнях, ибо Келсон не хотел, чтобы поездка стала предметом внимания. Завернувшись в плащи и низко надвинув капюшоны, как ради анонимности, так и для тепла, они проскакали полмили до собора по тихим, почти безлюдным улицам и дорожкам. Погода стояла холодная и ясная; снег еще почти везде лежал белый, неутоптанный с предыдущей ночи. У собора они спешились. Белый пар поднимался в воздух от их ноздрей, когда они шагали по крытому проходу, обходя с северной стороны монастырский участок. Келсон направился к боковой двери. Дугал ковылял за ним, ему все еще мешал ноющий синяк на бедре.

— В свое время я ненавидел это место, — признался Келсон, ведя друга по южному нефу. — Я имею в виду королевскую усыпальницу. Архиепископ Кардиель много сделал за те два года, что распоряжается в соборе, чтобы она стала более сносной. Но все же там еще немного жутковато. Я когда-нибудь раньше водил тебя туда?

— Если и да, я не помню.

— Помнил бы, если бы водил. — Келсон задержался, открывая высокие позолоченные медные ворота — ровно настолько, чтобы им с Дугалом проскользнуть внутрь. — Полагаю, она хороша, прежде всего тем, что это единственное место, где меня почти наверняка никто не побеспокоит, — продолжал он. — Таких мест всегда мало, если ты — король.

Дугал позволил себе сдержанно хмыкнуть, пока они шли прямо, сворачивали налево и спускались вниз по мраморным ступеням. Он чуть отставал, чтобы меньше болела нога.

га. Ко времени, когда он очутился внизу, Келсон уже стоял на коленях около украшенного резьбой надгробья, склонив голову в молитве; Дугал устроился поудобнее на нижней ступеньке и прошептал молитву за душу своего отца. Дойдя до конца, он оглянулся, обратив внимание на ряды каменных саркофагов вдоль мраморной стены. Каменное изваяние над той гробницей, у которой молился Келсон, было совсем новым и мало напоминало короля Бриона, каким тот запомнился Дугалу.

— Я полагаю, именно таким он остался для большинства людей, — заметил Келсон после того, как перекрестился и встал, оглянувшись на Дугала, задержавшись одной рукой на руке изваянного короля. — Суровый Блюститель Справедливости, который хранил мир почти пятнадцать лет. — Он вздохнул и опустил взгляд к своим ногам. — Хотя я вовсе не таким люблю его себе представлять. Мой отец много смеялся, а король Брион... что же, он делал то, что должен был делать как король. У королей много меньше поводов смеяться, чем у простого люда. Это — одна из вещей, которым я научился за три года, что ношу корону.

Дугал кивнул и вновь оглядел подземный склеп не без праздного любопытства, вспоминая добродоту старого короля к смущенному восьмилетнему пажу, еще не отвыкшему от куда более бесхитростных нравов в доме своего отца. Как это часто случается в таком возрасте, Дугалу не всегда удавалось совладать со своим быстро растущим телом, что привело к гибельным последствиям, когда ему впервые повелели прислуживать за главным столом. Один только король и удержался от смеха, когда новый паж споткнулся, и поднос с дымящимися фазанами и подливкой запрыгал и зашлепал вниз по ступеням королевского помоста.

Это воспоминание вызвало в мыслях старого Каулая, восседающего в своем зале в Транше и обучающего своих собственных воспитанников столь же твердо, но любящие, сколь наставляли Дугала при дворе Бриона — и юный горец заулыбался. Улыбка угасла, когда он снова поглядел на изваяние короля Бриона — ибо тот, что в Транше, был мертв лишь недавно, и годы еще не заглушили потрясения от его ухода. Дугал чувствовал, что слезы вот-вот хлынут из его глаз, несмотря на то, что каким-то образом он еще не мог поверить в смерть старого Каулая.

— Да, знаешь ли, его и должно не хватать, — тихо сказал Келсон, уловив его состояние, если не мысли. — Мне до сих пор не хватает моего отца, хотя столько прошло. И я тоже плакал, когда это случилось. А иногда поздно ночью, когда я чувств-

вую себя особенно одиноким и обремененным заботами, я снова плачу.

Дугал постарался, как мог, удержаться от рыданий, не смея взглянуть на Келсона, из опасения излить мощным паводком несвоевременную скорбь. Вместо этого он сосредоточил взгляд на одном из факелов, пылавших на медных подставках, затем принудил себя поднять глаза к сводчатому потолку.

— Не такое уж и жуткое mestечко, — выговорил он, неловко пытаясь переменить тему. — Здесь, пожалуй, даже мило.

Келсон одарил его сочувствующей улыбкой, прекрасно понимая, что происходит с его названным братом и едва ли осуждая его.

— Здесь так стало лишь последний год или около того. Вся каменная облицовка стен — новая. — Он небрежно повел рукой в сторону ближайшей плиты полированного мрамора и двинул ее к ней. Его открытая ладонь шлепнула по камню, и Дугал вздрогнул.

— За этими плитами в скале вырублены гробницы, — пояснил он. — Лишь королей и королев полагалось хоронить под такими надгробьями, как у моего отца. Прочих членов королевской семьи просто заворачивали в саван и укладывали в углубления внутри стен. По какой-то причине они не разлагались. Они просто высыхали и наконец начинали крошиться... Мне сказали, здесь дело в воздухе. Я крепко хватался за руку матери и закрывал глаза, когда в памятные дни меня приводили сюда молиться. Тот, что здесь, за стеной, пугал меня больше других — до полусмерти.

Готовый отвлечься на что угодно от своей скорби, Дугал поднялся и приблизился к доске, которой касался Келсон.

— «*Dolonus Haldanus, Princeps Gwyneddis*, 675-699», — прочел Дугал, немного спотыкаясь на изысканных старинных письменах.

— «*Filius Llarici, Rigonus Gwyneddis. Requiem in pacem.*» — Он с вопросом поглядел на друга. — Принц Долон... Это не его казнил родной отец?

Келсон кивнул.

— А заодно и его младшего брата. В то время считалось, будто они плетут измену.

— А на самом деле?

— Кто знает? — Келсон оглядел следующий ряд стенных надписей. — Его брат вот тут. Помню, в какой ужас меня привели два безголовых скелета. Моя няня сказала мне тогда, что их отец отрубил им головы за то, что они его не слушались.

— Нечего сказать, воспитывали тебя!

— Думаю, в тот день со мной особенно сладу не было. Прошло много лет, прежде чем я смог более здраво взглянуть на вещи. — Он задумчиво оглянулся на могилу отца. — Хотя это было не самое страшное, что я когда-либо здесь видел, — негромко продолжал он, неуверенный, стоит ли рассказывать о давнем ужасе, который может здорово пр obrать еще и Дугала. — Это случилось за ночь до моей коронации...

— До моего отца докатились слухи, — вставил Дугал.

Келсон улыбнулся и вновь подошел к гробнице Бриона, опервшись обеими руками о край.

— Ну, еще бы. Ладно, не стану вдаваться в подробности, которые могут показаться тебе слишком жуткими, но как ты, на-верное, знаешь, Моргана не было здесь, когда умер мой отец. Он был в Кардосе.

— И вернулся за день до коронации, — подхватил Дугал.

— Правильно. Мой отец был уже неделю, как погребен, к тому времени. Об этом позаботилась моя мать: она ненавидит Моргана за то, что он Дерини. В любом случае, когда я говорил с ним и с отцом Дунканом в тот день, вскоре стало очевидно, что... короче, нам недоставало кое-чего, что окончательно утвердило бы меня на престоле, и это было погребено вместе с моим отцом.

— И тогда ты открыл гробницу?! — ахнул Дугал, в ужасе расширил глаза. — Мой отец говорил, ходили слухи о вандалах...

— За это мы не отвечаем, — парировал Келсон. — Мы думаем, что Карисса или ее подручные распускали сплетни, пытаясь опорочить Моргана и отца Дункана. Мы искали Глаз Цыгана.

Он отбросил прядь волос за правым ухом, явив ярко-красный камень. Дугал кивнул.

— Я помню, он его носил.

— Ну да, я его без серьги никогда не видел. Но когда мы подняли вот эту крышку, — Келсон одной рукой постучал по камню, — внутри лежал не мой отец... или, если и он, выглядел он совершенно непохоже. Сперва мы подумали, что кто-то подменил тело, и мы стали обыскивать весь склеп. Я был недостаточно силен, чтобы самому сдвигать эти каменные плиты, вот ими и занялись Морган с отцом Дунканом, а я должен был заглядывать внутрь. Это... приятного было мало.

— Я... не думаю, что я понял, — еле слышно признался Дугал.

— Ты хочешь сказать, что в гробу все-таки лежало тело твоего отца?

Келсон кивнул.

— Я до сих пор все еще не понимаю, но, очевидно, Ка-рисса что-то сделала с телом путем колдовства, и это, поми-

мо прочего, изменило его вид. Отец Дункан его расколдовал, но сказал, что... — он заколебался, а Дугал глядел ему в лицо странно и напряженно. — Он сказал, что душа отца тоже была связана каким-то заклятием... что он... был не полностью свободен. Я опять тебя напугал, да? Прости. Тебя все еще смущает, когда я так запросто говорю о магии, верно?

Дугал, кое-как откашлялся и постарался не уклоняться от взгляда Келсона, но то была правда.

— Да, — прощептал он. — Я понимаю, что бояться здесь нечего, но, полагаю, это сила привычки. А когда ты говоришь о душах, которые лишены свободы...

— Но это не обычная деринийская магия, — полуслепотом произнес Келсон, положив ладонь на плечо Дугалу. — Это черная магия, и у тебя есть все причины ее бояться, как и у меня. Но то, что делаю я, то, что делают Морган и отец Дункан — оно от Света. Я знаю, в этом нет зла. Разве я поставил бы под угрозу свою душу? Или твою? Если бы считал, что это зло?

— Нет. Если бы ты знал. А что, если ты ошибаешься?

— А разве мой отец ошибался? — спросил Келсон. — Ты его знал, Дугал. Был ли Брион скверным человеком?

— Нет.

— А Морган? А отец Дункан?

— Не думаю.

— Хорошо, а епископ Арилан?

— Арилан? Разве он Дерини?

У Дугала даже отвисла челюсть, Келсон медленно кивнул.

— Да, он Дерини. И ты — один из менее чем дюжины, которые это знают, — ответил он. — Мне говорили, что он происходит из очень-очень древнего деринийского рода, давно таившегося... вероятно, он знает о магии больше, чем Морган, отец Дункан и я, вместе взятые. Я трепещу перед ним, но знаю, что в нем нет зла. А Лорис — самое зло, хотя он даже не Дерини.

— Я... на этот счет я не стану с тобой спорить, — пробормотал Дугал. — Так и есть... — Он провел рукой по глазам, тщетно пытаясь избавиться от нарастающего мельтешения перед глазами и подозревая, что низложенный архиепископ причинил ему куда больший ущерб, чем он думал прежде. — Прости. Боюсь, я не очень ясно говорю.

— Не нужно извиняться, — ответил Келсон. — Ты уйму всего передумал за последнюю неделю, а при этом еще окончательно не поправился. Мне бы следовало попросить Моргана и Дункана на тебя взглянуть, а не тащить тебя сюда.

На смену нарастающей подавленности в один миг хлынула дремучая жуть, и Дугал с тревогой взглянул на Келсона.

— То есть, чтобы они лечили меня?

— Да.

— Но... — Он болезненно сглотнул комок. — Келсон, я... я не уверен, что уже готов к этому.

— Из-за того, что случилось в Транше?

— Да, — признался горец. Он потер глаза обеими ладонями.

— Боже, у меня дергает в голову. Я не могу думать.

— Вот почему я хотел бы, чтобы они на тебя взглянули, — заметил Келсон. — Они бы могли исцелить тебя, не трогая щитов, знаешь ли. И возможно, ты бы почувствовал вообще что-то иное, чем тогда со мной.

— Может быть. Однако сейчас... Думаю, я предпочел бы, чтобы совершила свое природа, если ты не против. Я выкарабкаюсь.

— Если тебе так хочется. Хотя они могут попросить тебя и сами. Я еще не рассказывал Дункану о Транше, но Морган может спросить. Он знает.

Дугал посмотрел на свои тесно сжатые кулаки и с трудом расслабил их, сделав глубокий вдох.

— Ну, тогда я подожду, пока они что-нибудь скажут. Но только я не могу... сам их спросить, Келсон. И не хочу, чтобы ты с ними говорил. Может быть... я не испугаюсь, если они заговорят об этом первыми. — Он содрогнулся и снова потер виски. — Увы, от твоих прощупываний куда больнее, чем все, что у меня когда-либо случалось с головой... Хотя, я не против, чтобы мне долечили ребра, это наверняка. Мне уже несколько дней как следует вдохнуть без боли не удается. А езда верхом мало улучшила положение.

— Значит, лучше тебе как следует отдохнуть, — сказал король тоном, в котором не слышалось разочарования. — В любом случае, скоро совет, и я не прочь перекусить, прежде чем мы приступим к говорильне.

— Что-что, а такое предложение мне более чем по душе, — ответил горец с улыбкой.

Их шпоры забренчали о полированный мрамор ступеней, пока они поднимались в собор, ворота из позолоченной меди громко проскрипели, когда Келсон плотно прикрыл их снаружи.

— Надо попросить ризничего смазать их, — обронил он, стараясь не особенно повышать голос, пока они двигались вдоль трансепта, направляясь к среднему нефу. — Напомни мне как-нибудь, чтобы я рассказал тебе о том, какую долю он 197

внес в смятение в ночь перед моей коронацией. Эх, жаль тебя тогда не было... Такой день!

Дугал тревожно ответил на сияющую улыбку друга.

— Отец рассказывал мне немного о том, что видел. Он говорил, что ты бился на каком-то магическом поединке, прямо здесь, в соборе.

Келсон обвел широким жестом перекрестье трансепта, пытаясь рассеять тяжелое чувство, связанное с тем событием, и одновременно все еще неся в себе его чудо.

— Прямо здесь, у алтарных ступеней, — ответил он. — Хотя, что действительно меня спасло, это одна из печатей в полу. Без нее я бы просто не догадался, что делать. — Он подвел Дугала почти что к центру трансепта и снял правую перчатку, преклоняя колена.

— Все вот это — печати и символы разных святых, покровителей собора, — объяснил он, обводя кончиками пальцев весь круг мозаичных изображений под крестом. — Среди того, что я унаследовал от отца, как будущий король — дар взывать к Знаку Защитника. Мы предположили, и не без причины, что мой Знак Защитника — это печатка на моргановом перстне, поскольку он с самого начала готов был биться за меня. — Он благоговейно провел пальцами по полуустергому изображению близ его колен. — Хотя это был не он, а другой: печать Святого Камбера.

— Того деринийского еретика и святого?

— Его имя не появляется на ней, но все-таки я понял, что это оно — и не спрашивай, каким образом. Возможно, способность распознать истинный символ, когда настанет час — это из области знаний, которые перешли ко мне от моего отца. Вот стоит кто-то в плаще и капюшоне, и держит корону: видишь? Ибо Святой Камбер вернул корону Гвиннеда Халдейнам. А в этот узор вплетены буквы из его имени, и если знать, как смотреть, можно их разобрать: К-М-Б-Р. Может быть, как раз хитрость, с которой это спрятано, и спасла печать от уничтожения, когда куль Камбера искоренялся два столетия назад.

Дугал рассеянно кивнул, упираясь костяшками пальцев в пол и возврившись на завитки цветной мозаики, и его глаза проследили на печати буквы: *Sanctus Camberius*, благодаря Келсону, показывавшему кончиком пальца, куда смотреть.

— Значит, ты не веришь, что Святой Камбер был исчадием ада? — наконец спросил он.

Келсон покачал головой и встал, протягивая Дугалу руку.

— Ничуть. И не хочу показаться легковерным, но либо Святой Камбер, либо какой-то его нынешний последователь, который желает, чтобы мы думали, будто он Святой Кам-

бер, пришел нам на помощь, и не один раз. Моргану и Дункану, а также мне. Думаю, что я попробую когда-нибудь восстановить его почитание, — задумчиво добавил он. — Многие не согласились бы, но я считаю, что он был и великим человеком, и могущественным святым. Я хотел бы узнать о нем побольше. Каким он был в действительности? Да и хорошо бы пуститься в странствие, дабы отыскать какие-нибудь его реликвии, и выстроить для них подобающее святилище. Он этого заслуживает.

— Подозреваю, что Церковь стала бы возражать, — промолвил Дугал.

— Подозреваю, что ты прав, — произнес голос у них за спиной, — если судить о церкви по ее наиболее твердолобым иерархам. При таком подходе Церковь возражает против множества начинаний куда менее противоречивого характера. Я лично могу за это ручаться.

— Отец Дункан! — воскликнул Келсон, когда оба они развернулись и увидели стоящего позади них отца Дункана с грудой рукописных свитков под мышкой. — Ох, надо же, я вовсе не хотел, чтобы вы услышали все, что касается Камбера. Вероятно, глупо об этом даже думать.

— Не глупо, мой повелитель, — кротко сказал Дункан. — Ни одно искреннее деяние благочестия и веры не может быть глупым. Это не означает, то твои мечты непременно осуществимы, — добавил он. — В любом случае, не сейчас. Но кто знает, что нам сулит будущее? В конце концов, кто бы подумал, что епископы одобрят назначение известного Дерини в их ряды?

Келсон оглядел трансепт, чтобы удостовериться, что никого, кроме них, нет в пределах слышимости, слегка обеспокоенный, что Дункану удалось подобраться к ним незамеченным.

— Тссс, — прошипел он едва слышно. — Епископы многое чего знают, но не все и каждый. Не следует делать все сложнее, чем оно есть.

Дункан поднял бровь.

— Я то, что я есть, государь, как и все мы. В отрицании немного пользы.

— А кто же тогда я? — прошептал Дугал, обращая угасшие, полные страха глаза на Келсона. — Давай, Келсон, спроси его! Он прав. Мне нужно знать. Иначе я не смогу как следует служить тебе, пока все не пойму.

Келсон взорвался на Дункана и обнаружил, что священник-Дерини неправдоподобно спокоен, тих и поглядывает то на него, то на Дугала со жгучим вопросом в голубых глазах.

— У Дугала есть щиты, — проговорил Келсон, одновременно касаясь кончиками пальцев ладоней Дункана и пере-

давая кратко общее впечатление о том, что пережили тогда они с Дугалом. — Я сказал о них Аларику до отъезда, но не было времени сказать тебе. Теперь его нужно долечить, но я немного боюсь, если кто-либо из вас попытается заняться этим в одиночку. Я подозреваю, вам понадобится обойти щиты, а это — дело хитрое. Он закрылся от жуткой боли, когда я пробовал прочесть его мысли в Транше.

Глаза Дункана не выдали никаких чувства, пока он вбирал слова и мысли Келсона; но когда король договорил, Дункан медленно перевел глаза на Дугала, насторожившегося и слегка призадумавшегося.

— Щиты, говоришь? Щиты, которые даже ты, Келсон, не смог пробить?

Король покачал головой.

— Я не хочу сделать ему еще больнее, чем тогда, грубо ломясь вперед. Я знаю, что и как делать, но у вас с Алариоком куда больше опыта. Если необходимо, думаю, можно привлечь... еще чью-то мудрость, — добавил он, подумав об Арилане и заметив, что та же мысль посетила и Дункана, хотя внезапно ему захотелось, чтобы Дункан не знал, что он проговорился Дугалу.

— Нет, — мягко заметил Дункан, — я предпочел бы больше никого не впутывать, если мы можем справиться сами. — Он опять переключил внимание на Дугала, переложив свою гору свитков, чтобы освободилась одна рука. — Ты не против, если я тебя слегка прощупаю, Дугал? — спросил он, как бы между прочим потянув руку ко лбу мальчика, прежде чем тот успел отпрянуть. — Я тут же прекращу, если тебе станет плохо.

Коснувшись Дугала, он осторожно попробовал установить ментальный контакт, но немедленно отпрянул, как только сомкнулись мощные щиты, и мальчик испуганно заморгал.

— Больно было? — спросил Дункан, не убирая ладонь.

Дугал осторожно кашнул головой, слишком изумленный, чтобы даже подумать об отступлении.

— Нет, не больно. Нет. Просто я что-то почувствовал.

— Ну, можно вообразить, каково тебе было — с такими щитами. — Дункан снова осторожно коснулся его мыслей. — А это чувствуешь?

На лице Дугала возникло странное выражение.

— Не то чтобы чувствую. Это вообще не телесное ощущение. Похоже... ну, как бы на зуд в голове.

— Прекратить?

Дугал кашлянул..

— Ну, по-настоящему не болит. И не то, чтобы даже 200 неприятно, просто...

— Давайте я помогу, — сказал Келсон, положив руку рядом с дункановой и попытавшись подсоединиться.

Но при первом же его телесном прикосновении Дугал раскрыл рот и отпрянул, стиснув ладонями виски и скорчившись от боли. Келсон и Дункан немедленно отпустили его, и при этом Дункан уронил на пол свои свитки, помогая Келсону поддержать его дрожащего названного брата. Дугал хватал ртом воздух, но позволил священнику усадить себя на корточки и зажать свою голову между колен, стараясь не задеть его больные ребра и не тронуть синяк на бедре. В голове у него опять болезненно подрагивало.

— Точь-в-точь как тогда в Транше, — пробормотал Келсон, предоставив священнику заботу о Дугале, а сам между тем стал неловко собирать упавшие свитки. — Это случилось не сразу же, но с тех пор только так и было. Хотел бы я знать, почему у тебя по-другому.

Дункан пожал плечами, осторожно разминая шею Дугала, и опять прикоснулся к нему мыслями.

— Не знаю. Но он все еще за щитами. И чем сильнее я напираю, тем они крепче.

— Но мне совсем не больно, когда это делаешь ты, — пролепетал горец.

— И будь я проклят, если понимаю, почему, — откликнулся священник, помогая мальчику встать. — Признаюсь, мне это не по силам. Нам скоро нужно идти на совет. Но почему бы, когда все кончится, не уединиться где-нибудь с Алариком и не добраться до сути? Я просто жажду посмотреть, Дугал, отозвешься ли ты на него так же, как на меня. Хотя, предупреждаю, с тем же успехом ты можешь отозваться на него, как на Келсона.

Дугал поморщился, но храбро последовал за ними, когда они двинулись обратно по главному нефу.

— Только предупредите, прежде чем кто-то еще меня коснет-ся, отче. Если Морган...

Но у него не хватило времени завершить эту мысль. Как только все трое достигли притвора, накидывая капюшоны для защиты от снега, ссыпавшегося за наружной дверью, Морган собственной персоной явился из узкого дверного проема в сопровождении встревоженного Нигеля. Он поприветствовал всех троих хмурой рассеянной улыбкой и небрежно поклонился Келсону, вытаскивая из-под рубахи какое-то письмо. Нигель стряхнул снег с плеч и потопал ногами, между тем как Морган вручил письмо королю.

— Прибыло около часа назад, мой повелитель, — сказал Морган, окидывая взглядом притвор и дав мимоходом 201

знак Нигелю поплотнее закрыть за ними дверь. — Мне не очень легко было понять, куда вы подевались. Это ответ из Ратаркина, хотя, боюсь, не тот ответ, какого пожелал бы любой из нас.

Пергамент был тяжелым, с висящими на шнурах печатями, темным, покрытым мелким почерком кого-то, кто любил вставлять перо в широкий держатель. Келсон пробежал глазами по первым нескольким строкам, где содержались титулы, положенные и самовольно принятые. Суть послания излагалась лишь в нескольких сжатых фразах:

«...что Мы не намерсаемся сдаваться; и далес, что если Вы немедленно не заявите о Вашем соглашении вернуть Наших сына и дочь, епископ Генри Истелин за это поплатится. В доказательство Нашей решимости, Мы посыпаем Вам это кольцо...»

Послание было подписано Кэйтрин и Сикардом, как соправителями Меары, и удостоверено принцем Ителом, архиепископом Лорисом и другими епископами, знакомыми и незнакомыми — всего восемью.

— Не могу сказать, что для меня это неожиданность, — заметил Келсон, изучая письмо во второй раз, — хотя никак не ожидал, что Лорису за столь короткое время удастся заполучить столько сторонников. Должно быть, он уже несколько лет как подкапывался под нас... все время, что был в заключении. Здесь имен почти достаточно, чтобы создать их собственный синод, как в прошлый раз. Думаешь, он так и сделает, Дункан?

— Я бы счел это почти неизбежным, государь, — отозвался священник, заглядывая через его плечо.

— Боюсь, что это еще не все, — и Морган вынул из-за пазухи крохотный деревянный ящичек. — Это было при письме. И, похоже, положение у нас скоро будет незавидное.

— Оно давно незавидное, — заметил король, беря ящичек, поворачивая его и взясь с задвижкой. — Хотя не возьму в толк, что способна придумать Кэйтрин, чтобы заставить меня договориться о скорейшем обмене Сиданы и Ллюэла на Истелина.

— Полагаю, за это дополнение мы должны благодарить Лориса, — спокойно заявил Морган, пока юный король открывал ящичек. Во всяком случае, записка его. А прочее — боюсь — Истелина. И больше, нежели просто кольцо.

У Келсона округлились глаза, и он так испуганно отпрянул, что чуть не выронил шкатулку.

— Иисусе Милосердный! — ахнул он, и взгляд его метнулся к остальным, как если бы он искал опровержения того, что

Там, внутри сверточка густо исписанного пергамента, лежало епископское кольцо Истелина, надетое на отрубленный палец.

— И Лорис угрожает прислать новые и более существенные кусочки нашего друга епископа, если ты не станешь говорчев, — тихо сказал Морган.

Глава четырнадцатая

**Сила наша да будет законом правды;
ибо бессилие оказывается бесполезным¹**

21

уже начал подозревать, что у Лориса нет совести, но и представить себе не мог, что он настолько готов ни перед чем не останавливаться, — сказал архиепископ Браден немного погодя, когда король представил совету ультиматум Кэйтрин с грозным постскриптуом Лориса. — И, разумеется, не думал, что госпожа Кэйтрин станет соучастовать в таком деянии.

— Вы недооцениваете желание этой дамы стать королевой, мой господин, — проворчал Эван.

Кардиель хмуро кивнул.

— Его светлость прав, мой господин. Не следует нам и забывать, насколько умеет Лорис добиваться своего, если ему это нужно. Видит Бог, он почти одурачил многих из нас два года назад. И, несомненно, одурачил многих епископов, которые присоединились к нему на это раз в Ратаркине.

— Как раз сейчас меня заботит участь епископа, который к нему не присоединился, — сказал Келсон, — и палец которого лежит в этом ящичке.

Его резкий взмах рукой в сторону ящичка, придавившего угол дерзкого письма, вновь пробудил гнев, который охватил их всех при первом сообщении о злодействе.

— К несчастью, боюсь, что это лишь начало того, что Лорис приготовил для Истелина, — продолжал Келсон после некоторого выжидания. Как бы то ни было, я не могу согласиться на мearские условия. И не могу пожертвовать моим королевством ради спасения одного человека, как бы ни был он дорог любому из нас. Как мой совет, вы должны знать это с самого начала.

¹Мудрость Соломона 2:11

Собрался еще не весь совет: несколько важных членов совета еще не прибыли из своих имений, дабы присутствовать на общеобязательном Рождественском Королевском Приеме. А относились они к лучшим умам Гвиннеда. Несколько из этих умов были для Келсона в буквальном смысле открытой книгой, касательно же настроения других он мог лишь строить догадки, не прибегая с неправомерному использованию своей мозги.

Морган, разумеется, был ему ясен — по крайней мере, что он испытывает по этому поводу. Сидя, как обычно, по правую руку от короля, он был легко досягаем — как телесно, так и ментально. Аларик выплеснула всю свою ярость при первом ознакомлении с письмом и ящичком, так что теперь осталась лишь холодная целеустремленность: его давний противник не одержит окончательной победы.

Следующее кресло занимал Дункан, здесь когда-то сидели его отец и брат, как герцог Кассан и граф Кирни; далее шел Эван, старший из трех нецарственных герцогов Гвиннеда. Келсон чувствовал напряжение Дункане, — как итог их опыта с Дугалом и следствие тревоги за Истелина; что до Эвана, то тут не нужно быть Дерини: он и сам выскажет все, что думает, и стесняться не станет.

За Эваном сидели епископы Арилан и Хью де Берри. Дери-ни Арилан, которого Келсон не мог бы раскусить, даже если бы посмел попытаться, и собранный верный Хью, трогательно-человечный. Арилан оставил место в совете, дабы принять Дхасский престол, а Хью и вовсе никогда не состоял в совете. Но Хью служил секретарем у покойного коллеги Лориса, Патрика Корригана, что означало: он знает Лориса не хуже любого из присутствующих.

Дугал тоже знал Лориса: не столь основательно, но явно не-плохо успел узнать, и он также знаком теперь с Меарской королевской семьей, в отличие от остальных присутствующих. Он также не являлся членом совета, хотя Келсон помышлял ввести его после того, как Дугал будет торжественно провозглашен гравом Траншийским. Теперь, когда они вновь встретились, король желал никуда не отпускать от себя побратима, особенно из-за этих неожиданных и загадочных щитов. Недавнее их исследование, равно как и разбереженные раны привели к тому, что юный горец чувствовал себя неважко, но он и теперь был подле короля и, погруженный в свои мысли, угнездился на табурете между Келсоном и архиепископом Браденом.

С другой стороны от Брадена сидел архиепископ Кардиель, а за ними — Джодрелл и Сигер де Трегерн, все четверо появились в совете после восшествия на престол Келсона. Ни-

гель занимал кресло на противоположном конце стола, как вероятный наследник престола, а справа от него на правах наблюдателя сидел Конал.

— Никто не оспаривает ваше мнение, государь, — спокойно заметил Браден, когда их начало тяготить затянувшееся молчание. — И менее всего его оспорил бы Истелин. В соответствии с тем, что нам рассказал юный Дугал, Истелин полностью смирился с последствиями своей верности долгу. — Он вздохнул. — Боюсь, что мы не можем сделать ничего, разве что вознести молитвы о его вызволении.

— Молитвы не избавят от мучений, которые замыслил для него Лорис, — пробормотал Арилан еле слышно. — Если бы я мог ударом кинжала спасти его от злобы Лориса, я бы на это пошел.

Открытое приятие Ариланом *coup de grace*, который Церковь запрещала как убийство, повергло в ужас Брадена и Хью, сравнительно недавно покинувших кров монастыря и академии. Но такая последняя услуга была признанной, пусть и через силу, оказываемой в обычной жизни на поле боя — проявлением милосердия к другу или врагу, когда лишь бессмысленные страдания оказывались между человеком и смертью. Помимо двух епископов, лишь Конал еще не был запятнан в этом отношении. Даже Дугал не избежал сурового посвящения. Большой частью его опыт сводился к приканчиванию больных или раненых животных, которых невозможно было исцелить. Но однажды случилось, что один из людей его клана разбрзлся при падении с приречной скалы, и поблизости не оказалось никого другого, кто бы взял на себя ответственность. Несчастный уже не мог разговаривать, когда юноша добрался до него, в истерзанном теле едва ли осталась одна целая кость, но полные страдания глаза молили об избавлении, и мучения кончились, когда Дугал вонзил кинжал в пульсирующее горло. А ему едва стукнуло тридцать.

Когда Нигель откашлялся и подался вперед на сиденье, Дугал стряхнул с себя воспоминание и подавил дрожь, радуясь, что не им принимать решение насчет бедолаги Истелина. Он знал: никто не осуждает его за то, что не привез епископа с собой из Ратаркина, и тем не менее, он немало из-за этого терзается. Епископ проявил себя как храбрый малый и настоящий друг за то короткое время, что Дугал знал его, хотя они и разошлись во мнениях о пределах дозволенного.

— Мы не принесем пользы ни Истелину, ни себе, если будем и дальше переливать из пустого в порожнее, — спокойно сказал Нигель, нарушив неловкое молчание. — Никто не

скорбит о его участи больше меня, ибо он был добрым другом, равно как и истинным духовным пастырем, но думаю, мы должны перейти к более практическим вопросам. — Он в упор поглядел на Келсона. — Государь, Лорис может сейчас казаться более страшной угрозой, но его значение напрямую определяется влиянием и поддержкой госпожи Кэйтрин. Сокруши ее, тогда и ему не устоять.

Келсон наклонил голову, насмешливо соглашаясь.

— Я бы с удовольствием проучил обоих, дядюшка. Увы, боюсь, любое значительное предприятие против них придется отложить до весны.

— Хвала Небесам за столь мудрое суждение, — вздохнул Эван. — А я-то думал, он, чего доброго, вновь сорвется и поскочет в Меару нынче же ночью!

— При такой погоде? — оторопело спросил Браден.

Морган, почувяв неодобрение под внешней грубоватостью Эвана, метнул на Келсона предостерегающий взгляд.

— Думаю, его величество вполне осознает положение, Эван, — непринужденно произнес он. — В любом случае, будь даже погода отменной, мы уже не сможем нагрянуть внезапно. Наш первый набег на Меару не встретил отпора, так как никто не ожидал, что мы дерзнем заявиться в канун зимних бурь. Но ко второй встрече они подготовятся.

— Да, военного удара они будут ждать, — парировал Нигель.

— Однако я подумываю об ударе, который не потребует никаких военных действий. И средства его нанесения уже в ваших руках, государь.

Келсон с непроницаемым лицом выпрямился в кресле и опустил глаза, ведя пальцем вдоль резьбы на подлокотнике. Он догадывался, о чем сейчас услышит. А он-то надеялся избежать чего-либо подобного.

— Если вы намекаете на наших заложников, дядя, то я не воюю с женщинами и детьми.

— Я вас об этом и не прошу, — ответил Нигель. — Однако я бы вам напомнил, что не все войны выигрывают на поле боя.

Прежде чем Келсон смог подобрать слова для ответа, бородатое лицо Эвана засвятилось лукавством.

— Он намекает на брачную постель, парень. Самый подходящий способ провести зиму! Я уже говорил, тебе пора жениться. И разве это не ужаснет ее матушку?

— Эван, довольно!

Укор Келсона заставил старого герцога умолкнуть, но не прогнал ухмылку с его физиономии и не потушил блеск в глазах. Нигель изучал своего царственного племянника со 207

смесью сострадания и решимости, предложение нравилось ему не больше, чем Келсону. Слева от Келсона Браден был в сомнении, а Кардиель задумчив. Когда Браден прокашлялся, все взгляды немедленно устремились на него.

— Государь, представляется так, что их светлости сочли уместным предложить вам брак с госпожой Сиданой, — тихо промолвил он.

— С принцессой Сиданой, как сказали бы меарцы, ваше преосвященство, — поправил его Нигель, — и наследницей того, что они считают законной королевской династией.

— Но это отнюдь не законная династия, — подчеркнул Келсон, — а будь даже так, перед Сиданой — мать и два брата.

— Мать уже немолода, — возразил Нигель, — Если даже она ускользнет от возмездия, время работает на нас. Нетрудно будет дождаться своего часа. Из двух братьев один уже у нас в руках, а другой рано или поздно будет схвачен или убит в бою. Устрани обоих и женись на Сидане — не обязательно в таком порядке, и Меарское наследие станет бесспорно законным в поколении ваших детей, как следовало бы сделать еще во времена вашего прадедушки.

Судя по оживлению, которое последовало, быстро стало очевидно, что подобная мысль уже приходила в голову хотя бы некоторым из них, вероятно, с момента, когда Сидана въехала в городские ворота на руках у Моргана. Келсон больше слушал первые несколько минут, нет-нет да обмениваясь тревожными взглядами с Морганом, Дугалом или Дунканом; но когда он наконец воздел руки, призывая к молчанию, он закрыл свои подлинные чувства стеной, за которую было не проникнуть даже Моргану.

— Есть известный смысл в том, что предложил мой дядя, господа, — сдержанно начал король. — Я сразу же поставлю вас в известность, что отнюдь не впервые означенная особа предлагается как возможная королевская невеста. Когда я был в Транше несколько недель назад, покойный отец лорда Дугала также превозносил эту особу как отменную невесту — не как дядюшка, желающий повыгодней пристроить племянницу, но как верный вассал, предлагающий возможный способ умерить накал страсти, который нарастает вдоль меарской границы последние не сколько лет.

— Старый Каулай предложил тебе ее руку, а ты нам не сказал? — выпалил Эван, и глаза заполыхали над его буйной бородой. — Ах, старый лис!

— Он не предлагал мне ее руку, Эван! — отрезал король, 208 испустив раздосадованный вздох. — Он не был в состоянии

что-либо мне предложить. Он просто указал на явные преимущества такого брака. В то время Сидана все еще была в Меаре.

— А как теперь, когда она в Гвиннеде? — спросил Нигель.

Келсон на миг закрыл глаза и набрал побольше воздуху в легкие, затем медленно выдохнул.

— Откровенно говоря, эта мысль повергает меня в ужас. Я даже не знаю девушку. Но я, в первую очередь, король, и лишь во вторую — мужчина. Если такой союз разрядит обстановку вдоль границы и поможет обеспечить мир, то я плохо сдержал бы свою коронационную клятву, если бы не поддержал предложение от всего сердца.

— Возможно, оно дельное, государь, — задумчиво произнес Джодрелл. — Я знаю меарцев. Мои дозоры постоянно ездят туда-сюда через границу. Сыновья Кэтрин или сыновья Сиданы — для большинства в этом никакой разницы. Они посыпали сыновей, мужей и братьев на войну с Гвиннедом в течение более сотни лет.

— Я сомневаюсь, что брас с Сиданой это прекратит, — вмешался Сигер де Трегерн. — Если только Кэтрин не сдастся к Рождеству, что, как я думаю, весьма маловероятно, учитывая вот это, — и он коротко указал рукой на письмо и ящичек, — весной непременно будет война. По крайней мере, если мы не захватим Кэтрин и Итела.

Епископ Хью, до сих пор молчавший, подался вперед и поднял руку, требуя внимания.

— Государь, простите, если я выскажусь, пока до меня не дошло, но нельзя ли использовать брак с Сиданой в переговорах по достижению прочного мира? А вдруг Кэтрин согласится отречься от своих требований, если уверить ее, что ее дочь станет королевой объединенных Меары и Гвиннеда?

Дугал покачал головой.

— Это невозможно, ваше преосвященство. А если и соглашится она, то Ител — ни в какую. Он полон замыслов, которые осуществит, когда получит корону. Люэл немного получше, и он хотя бы у нас в руках.

— Этот малый прав, государь, — согласился Джодрелл. — Брак с Сиданой может обеспечить окончательное разрешение дела, но мы все еще должны получить Кэтрин и Итела. И любых других меарских наследников, пока идут раздоры, прежде чем это потеряет смысл. Особенно важен Джедаил. Приверженцы Кэтрин могут перекинуться к Сидане, если убедить прочих наследников отступиться.

— Мы потолкуем с Джедаилом, сударь, — уверенно заявил Арилан. — Не нужно беспокоиться об изменнике — слу-

жителе церкви. Хотя и у брака есть преимущества. Государь, из того, что было сказано, я заключил, что вы желаете вступить в подобный союз. Это верное заключение?

Келсон передернул плечами и сделал жалкую попытку казаться равнодушным.

— Если я должен. Однако очень многое зависит от девушки. Она может отказаться за меня пойти.

Эван фыркнул.

— Она поступит, как ей взляет, если понимает, что ей на благо.

— А если нет? — спросил Келсон.

Джодрелл пожал плечами.

— Она ваша заложница, государь. Если вы чего-то желаете, думаю, вряд ли ей особенно придется выбирать.

— О? Но если я поволоку ее к алтарю вопреки ее воле, как же тогда со святостью брачных обетов? — отрезал Келсон. — Что вы скажете, архиепископ?

Браден поежился под испытующим королевским взглядом, Арилан покачал головой.

— От невесты не требуется пылкого желания, государь, достаточно и разумной уступки. А если предложение сделано... с подобающей деликатностью, — он со значением выгнул бровь в сторону короля. — Думаю, она упрямиться не станет.

Его взгляд, брошенный на Келсона, напоминал об огромных возможностях короля-Дерини убеждать, даже не прибегая к прочим его магическим дарованиям.

Келсон в один миг прочел послание, ощущив досаду, и по мгновенной вспышке негодования понял, что и Морган его уловил.

С ледяной улыбкой Келсон откинулся на спинку своего кресла и позволил себе обреченный вздох.

— Я понял, к чему вы клоните, епископ, — спокойно изрек он, пытаясь выкинуть из головы искушение, на которое только что намекнул Арилан. — Однако, если потребуется ее добиваться, я сделаю это по-своему. Ради блага моего королевства я даже готов заставить ее, если потребуется. Уверен, можно отыскать священника, который не стал бы слушать ее крики, — сухо добавил он. — Но если мир можно обеспечить каким-то другим способом, без потерь многих жизней, то я бы предпочел не жениться на тебе. Время у нас еще есть.

— А у Истелина есть время? — вопросил Браден. — Как вы намерены ответить на это?

И раздраженно указал на ящичек через стол от себя и 210 Келсона. Король в отчаянии ударил ладонью по столу.

— Ясное дело, я не могу на это ответить, архиепископ! Я уже сказал, что ничем не могу помочь Истелину! Я повторю наше требование, чтобы Кэйтрин и ее сын покорились мне к Рождеству.

— А если не покорятся?

Келсон тяжко вздохнул, и его мгновенный гнев испарился.

— Если не покорятся, то я возьму принцессу Сидану в жены на Крещение и кину клич о весеннем походе.

— Увы, боюсь, для Истелина это может быть равносильно гибели, — сказал Кардиель, когда вокруг зашумели разговоры.

— Мы должны считать Истелина уже мертвым, господа, — тихо сказал Морган. А если он умрет, его смерть должна к чему-то привести. Знаю, он поддержал бы желание короля разрешить дело, насколько возможно, без крови, но, если потребуется, весной его убийц покарает меч.

— Отлично, — ответил Браден. — Я вижу, здесь нет смысла спорить. К счастью, Церковь располагает оружием, иным, нежели меч, дабы покарать Лориса и его самозванную королеву. И чтобы его применить, нет надобности ждать до весны.

Браден обвел своих собратьев-епископов суровым взглядом, и Келсон понял, что сейчас последует.

— Я предлагаю предать их всех анафеме, — продолжал Браден. — Нужно формально лишить Лориса его звания и священства — а это следовало сделать еще два года назад — нужно приостановить полномочия епископов, которые приняли его сторону, а также отлучить от церкви многих и многих, включая и Меарское семейство.

Другие епископы важно кивнули, переговариваясь меж собой; но у Келсона под ложечкой заныло медленно и тоскливо, хотя он наполовину ожидал, что кто-нибудь выскажет такое предложение. В свое время Келсон сам оказался отлучен, пусть лишь вследствие злобы Лориса, и мог испытывать только жалость к тем, на кого обрушится сходная участь. Он взглянул на Моргана и Дунканна, которым при отлучении пришлось куда хуже, чем ему, и уловил внутреннее содрогание при одном упоминании об этом. Но требовалось на это пойти. Отлучение — это язык, который Лорис понимает, хотя это здорово разъярит его.

— Я согласен, — спокойно заявил Кардиель. — Он долго вынуждал нас к этому. Может, вы также рекомендуете общий интердикт Меары, ваше преосвященство?

Все в зале шумно ахнули: интердикт лишил бы каждого в Меаре всех тайнств и утешения Церкви, даже невиновных.

Браден покачал головой.

— Я бы не возлагал такое бремя на весь народ Меары на этот раз. Хотя подобное может оказаться необходимым в будущем, если отлучение зчинщиков не поставит их на колени. Нет, того, что я перечислил, пока достаточно, как я думаю. Если только у вас нет веских возражений, государь.

Келсон наклонил голову.

— Я не считаю себя вправе оказывать давление на моих епископов, ваше преосвященство, — промолвил он. — Если вы считаете какие-либо меры оправданными, да будет так.

— Тогда, нужно сделать это как можно скорее, — решительно заметил Браден. — Думаю, нынче же после вечерни, дабы наш ответ дошел до Лориса и госпожи Кэйтрин вместе с ответом его величества.

Кардиель кивнул

— Требуемые грамоты можно составить к ночи. Мои монахи вам помогут. Государь, мы сочли бы особой милостью, если бы вы и прочие государственные мужи обеспечили нам поддержку своим присутствием.

— Мы явимся, — пообещал Келсон.

Браден кивнул с облегчением.

— Благодарю вас, государь. Я бы не отказался от вашей поддержки и в более приятном деле. У меня не было возможности посоветоваться с моим собратом Кардиелем, но я уверен, он согласится с тем, что я хотел бы предложить.

И когда он отыскал взглядом Дункана по ту сторону стола, его намерения стали всем ясны.

— Отец Маклайн, вы знаете, что я полностью согласился с вашим желанием отложить ваше посвящение до весны, чтобы вы могли лучше подготовиться к исполнению более значительных обязанностей, но наши изменившиеся обстоятельства таковы, что я чувствую: вы нужны нам как епископ сейчас. Кроме того, утверждение решения епископов, избравших вас, поднимет их авторитет и укрепит нашу позицию касательно устремлений Лориса. Не согласитесь ли вы принять посвящение немедленно? Или как только это можно будет должным образом устроить?

Кардиель знаком выразил согласие, и тогда Арилан и Хью также с ожиданием обратили взоры на Дункана, а Келсон позволил себе немного расслабиться. Это-то он мог поддержать без внутренних мучений. Он чувствовал также и поддержку Моргана, когда обращал свой проницательный взгляд на Дункана. Священник-Дерини сложил перед собой на столешнице руки и со смирением вздохнул, прежде чем взглянуть на своего по-
212 кровителя.

— Я соглашусь, ваше преосвященство, но я попросил бы вас об одном одолжении: я бы хотел, чтобы мне вручили кольцо епископа Истелина. — Он оглядел их всех в поисках понимания.

— Это бы очень много значило для меня. Возможно, мы не в силах спасти его бренное тело, но я хотел бы, по меньшей мере, отдать должное его отваге и твердости духа.

— Неплохо сказано, — пробормотал Келсон, а Браден с Кардилем обменялись одобряющими взглядами.

— Ваша просьба будет исполнена, — сказал Браден. — Стало быть, мы назначаем ваше рукоположение через три дня. А пока что, государь, с вашего дозволения, думаю, мы все должны удаститься, чтобы подготовить наш ответ Лорису и его сообщникам.

* * *

Ответ епископов получил воплощение позднее в тот же вечер. Келсону не доставило удовольствия при этом присутствовать, но он явился, как и обещал. Преклонив колена в первом ряду у южных скамей, с Дугалом и Морганом по обе стороны от себя и остальным своим советом позади, он слушал, как Браден выводит первое песнопение, на которое откликается хор монахов, священников и епископов вокруг него. Среди них стоял и Дункан.

— *In nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti...*

— *Amen.*

Собор был погружен во тьму, если не считать свечей в руках у духовенства и багрового сияния Неугасимой лампады над алтарем позади них. Сквозняк проносился по главному нефу и по хорам, отчего пляшущие огоньки бросали судорожные тени на одеяния, колонны и ряды скамей. Браден стоял рядом с Кардилем на самой нижней алтарной ступени, оба — в черных ризах и митрах, и каждый — со свечой. Длинный пергаментный свиток ниспадал из рук Брадена, увешанный понизу тяжелыми печатями.

— Мои властители и братья, выполняя свой суровый долг, я произнесу следующий приговор, под которым вы все подписались, — начал он. — «Да будет надлежаще засвидетельствовано, здесь, пред алтарем Господним и в Присутствии Ангелов Небесных, что мы делаем то, что делаем, без злобы и на благо заблудших душ, в надежде, что они еще могут осознать ошибочность путей своих и раскаться, возвратившись, наконец, в лоно любящей их Матери Церкви». — Несколько напряженно прокашлившись, он вручил свою свечу Кардилю и поднес пергамент поближе к свету, начав читать голосом, который разносился 213

по всему собору. — «Принимая во внимание, что Эдмунд Лорис, священник и бывший архиепископ, бежал от справедливой епитимии, наложенной, как подобает, правомочным синодом равных ему, и тем самым выказал неповинование власти, над ним поставленной; и поскольку указанный Эдмунд Лорис спознался с мятежными поданными своего законного сюзерена и короля, поправ этим деянием свои священные обеты, и призвал их к изменническим действиям; и поскольку означенный Эдмунд Лорис вновь стал пользоваться звание, на которое не имеет больше прав, и, прикрываясь которым, незаконно посвятил епископа, не избранного подобающе составленным синодом и не одобренного королем; и поскольку упомянутый Эдмунд Лорис узурпировал власть нашего брата епископа в его собственном диоцезе, и принудил его быть свидетелем незаконного обряда, и причинил ему телесный ущерб, и посмел угрожать его жизни в попытке сбить других на путь измены,

— Мы, Браден, Милостью Божией Архиепископ Валорета и Примас Всего Гвиннеда, провозглашаем указанного Эдмунда Лориса лишенным его епископского звания, а также изгнанным из рядов священнослужителей в этой стране. Более того, мы отлучаем от Церкви указанного Эдмунда Лориса, а также отстраиваем от должности и отлучаем от Церкви всех епископов, соглашившихся ему повиноваться, прежде всего — Креоду из Кэрбери и Джедаила из Меары. Подобно тому, отлучаем от Церкви Кэйтрин Меарскую, Сикарда Макардри и Итела Меарского, и лишаем их всякого утешения Матери Церкви. Да не будет ни одна церковь Божия открыта для них, но пусть любой храм и святилище перед ними закроются...»

Внутренне содрогаясь, Келсон уселся, в то время как обряд продолжался, и положил подбородок на сложенные руки, не в силах выкинуть из памяти свое собственное отлучение и слепой ужас, который его тогда охватил. Он чувствовал, что подобные воспоминания мучают и Моргана, неподвижно стоящего на коленях справа от него, но внешне высокопоставленный Дерини был, как всегда, собран. Он удержался от попыток проникнуть в разум Дугала.

Сзади он ощущал присутствие Нигеля и Конала, тихих и благоговеющих, слева от них — Джодрелл и Сигер де Трегерн, лишь слегка взъявленные, ибо никогда прежде напрямую не сталкивались с этой стороной могущества Церкви.

Эван сидел один позади всех, не следя за происходящим; он даже задремал, ибо никогда не отличался любовью к церемониям. Дункан, стоявший впереди, казалось, твердо держал себя в руках; но Келсон не сомневался, что Маклейн тоже

вспоминает не столь давнее время, когда они, а не Лорис, оказались преданы анафеме.

«...Мы не подадим им правой руки в знак приветствия, и не станем есть за одним столом с ними, и тем более не объединимся в священных обрядах с теми, кто предпочел принять сторону Эдмунда Лориса...»

Их было двадцать шесть, собравшихся у алтаря в тот вечер, черноризные архиепископы, точно черные изваяния, стояли в кольце мрачных епископов, священников и монахов. Дункан — смутное, почти неразличимое пятно между Ариланом и Хью де Берри, — был почти невидим в полумраке. Голос Брадена мощно взлетал к сводам, неся слова осуждения, и напряжение все нарастало по мере того, как обряд близился к решающей точке.

— «...И если они не поспешат образумиться и не пожелают мира с нами, мы осуждаем их на вечное проклятие и предаем бессрочной анафеме. Да будут они прокляты в доме, да будут прокляты в поле; да будут прокляты их пища и питье, и все, чем они владеют. Мы провозглашаем их отлученными и значащимися среди трижды осужденных. Пусть они разделят участь Дафана и Абирама, которых в один миг поглотил ад, а также Иуды и Пилата, которые предали Господа. Так мы вычеркиваем их имена из Книги Жизни. Да угаснет для них свет посреди тьмы. Аминь. Да будет так».

И с этими последними словами, на которые прочие откликнулись эхом: «Да будет так!», Браден опять взял свою свечу и вместе с Кардилем сошел с нижней ступени и двинулся в середину круга, который сомкнулся позади них. В молчании оба архиепископа подняли ввысь свои свечи и держали несколько биений сердца, затем опрокинули: конец к концу — и погасили пламя об пол. Остальные последовали их примеру, гулкий стук роняемых свечей зловещим эхом прогремел под сводами в сгущающейся тьме.

Когда воцарилось молчание, нигде не виднелось ни огонька, кроме Неугасимой лампады над главным алтарем. Не произносится ни единого слова, участники и свидетели медленно потекли прочь из тяжелой тьмы.

Глава пятнадцатая

**А теперь дошло до тебя,
и ты изнемог; коснулось тебя,
и ты упал духом¹**

Wпоследующие дни обстановка в стране все усложнялась, что требовало все больше времени и сил со стороны каждого при дворе, и вынудило Келсона отодвинуть его тревоги за Дугала на второй план. И все же он беспокоился. Но непрерывные требования участия монарха в тех или иных мероприятиях не оставляли возможности непринужденно переговорить наедине с Морганом и Дунканом, что удалось бы в менее суматошные времена — и казалось, Дугала это вполне устраивает. Юный герцог избегал любых упоминаний о том, что произошло в соборе, но из его поведения явственно следовало, что он еще не готов решиться повторить подобный опыт. Хотя Келсон несколько раз пытался вернуться к этому вопросу, предполагая, что деррикийские методы могут облегчить состояние Дугала и, возможно, даже ускорить его выздоровление, Дугалу неизменно удавалось уйти от разговора, ничего напрямую не отвечая.

Наверное, это было неплохо, ибо и Келсон и Морган почти каждый час, когда бодрствовали, отдавали того или иного рода совещаниям, сперва обсуждая текст высочайшего ответа Кэйтрин и Лорису, а затем в тесном кругу с Ниглем и другими военными предводителями готовили письменные призывы, которые предстояло разослать всем верным вассалам короля, если зачинщиков мятежа не удастся добром уговорить оставить опасную затею. Дункан, как и следовало ожидать, был по горло занят приготовлениями к своему скорому посвящению. Даже Морган почти не видел его в эти два дня.

---

¹Иов 4:5

Однако утро третьего дня ознаменовалось временной приостановкой приготовлений к войне, ибо в подень должно было состояться посвящение Дункана. По такому случаю архиепископ Кардиель объявил о смягчении обычных ограничений, налагаемых постом, на что Келсон ответил обещанием праздничного пира на тот вечер. Возможность отойти от напряжения последних дней вызвало оживление при дворе, которое заразило даже Моргана, снявшего удобную и простую одежду из кожи и домотканого полотна и нарядившегося в богатое придворное платье и плащ из тонкой сапфирно-синей шерсти. Однако он совсем не думал, что до рукоположения у будущего епископа найдется для него время, и потому поспешил в покой Дункана с тревожным предчувствием, когда за ним явился слуга.

— Дункан? — окликнул он, едва удалил впустившего его дьякона, и оглядывая комнату.

— Я здесь, — раздался приглушенный ответ.

В теле, как и в голосе угадывалась дрожь, когда хозяин покзался из-за тяжкого занавеса, отгораживавшего небольшую молельню. Свежевыбритый и подстриженный, он был облачен в положенные священнику стихарь, паллий и epitraхиль с крестами поверх пурпурной ризы, не хватало только белой мантии, чтобы завершить его облачение для процессии, до которой оставалось менее часа, и она тоже была под рукой; но лицо Дункана выражало отнюдь не безмятежность и спокойствие, с которыми ему следовало бы ожидать возведения в епископы. Он отводил глаза, топчась спиной к занавесу и пытаясь чуть больше открыть его, и ощутимо содрогнулся, чуть только Морган скользнул внутрь мимо него.

— Что-то неладно? — прошептал ошеломленный Морган.

Дункан покачал головой, и голос его прозвучал почти неразличимо, когда он ответил:

— Не хотелось беспокоить тебя, Аларик. Боюсь... Я взял на себя больше, чем мне представлялось. Я думал, что сам справлюсь, но заблуждался. Даже молиться не могу.

— Да что ты несешь? — поразился Морган. Он положил руки на плечи кузену и попытался побудить его поднять глаза. — Взгляни на меня! Разве это не то, чего ты хочешь? Ты вот-вот станешь епископом, первым известным деринийским епископом за... за сколько? Двести лет, что ли? Да что с тобой?

Дункан не поднимал головы и отвернулся в сторону.

— Не думаю, что я могу заплатить должную цену, Аларик, — прошептал он. — Именно потому, что я Дерини, это так сложно, понимаешь? Когда мне на палец наденут это кольцо, как я могу надеяться стать достойным его?

И лишь когда он невидяще махнул рукой в сторону алтаря позади себя, Морган увидел деревянный ящичек, стоящий у подножия распятия. Морган решил, что понимает, чем так встревожен Дункан.

— Боже правый, не говори мне, что у тебя все еще палец Истелина! — пробормотал он, торопливо пересекая пространство и подхватывая коробочку, прежде чем Дункан успел его остановить. — Какая дикая чепуха! Он бы отчитал тебя как следует, если бы знал, что ты себя так ведешь!

— Если он еще жив, — Дункан скрестил руки на груди и стал мрачно изучать носок своей туфли. — Может, мне не следовало бы становиться епископом, Аларик. Теперь, всякий раз, когда ко двору является гонец, я ломаю голову, а что еще пришлет нам Лорис. Руку? Глаз? Или, может, голову...

— А если ты не примешь посвящения, думаешь, это сохранит ему жизнь? — возразил Морган. — Сам знаешь, что нет. Что до гонцов, боюсь, я был бы даже рад, если бы нам вручили голову.

— Что?

— Это хотя бы означало, что Лорис уже ничего больше с ним не сделает. Ведь ты не думаешь, что Лорис согласится оставить его в живых, а? Он достаточно далеко зашел и не отступит.

Дункан закусил губу и тяжело вздохнул.

— Ты прав. Я знаю, что ты прав. Полагаю, именно поэтому я сразу попросил кольцо Истелина. Я знал, что он никогда больше его не наденет. Но три дня назад все было по-другому. И теперь взять кольцо с руки мученика кажется... ну, дерзостью, если не сказать больше.

— Никакой тут нет дерзости. Это дань уважения отважному человеку, который не покорился врагу.

Дункан не ответил, и тогда Морган открыл ящичек и достал кольцо, тщательно избегая соприкосновения со сморшившимся пальцем Истелина. Ему показалось, будто от золота покалывает, когда он сомкнул ладонь, и это подтвердило его догадки о причинах страха Дункана — и что со страхом этим следует справиться, прежде чем Дункан отправится в собор. Поджав губы, Морган закрыл ящичек и осторожно поставил его обратно на алтарь.

— Я знаю, что тебя гложет, как знаю и многое другое о тебе, — сказал он после недолгого молчания.

— Не знаешь.

— Дункан, я не могу не знать. И ты тоже. Мы Дерини. Я просто поддержал его, и этого достаточно, чтобы я почувствовал: это не просто кольцо.

— Разумеется, нет. Это кольцо епископа.

— И это кольцо Истелина, взятое у него самым грубым образом, — добавил Морган. — И в нем осталась некая сила, связанная с этим. И тебе предстоит столкнуться с ней — если не сейчас, то немного позднее, перед всеми, кто явится в собор, когда ты будешь куда более уязвимым, чем теперь.

— Я подниму щиты, — прошептал Дункан.

— Ты именно так решил пройти посвящение в епископы? — спокойно спросил Морган. — Ты помнишь, как принимал священство... Уж я-то, видит Бог, никогда не забуду. И ты действительно хочешь напрочь отгородиться от этого рода магии, Дункан?

Он следил, как дернулась голова с тонзурой, как напряглись облаченные в белое плечи, хотя Дункан не повернулся к нему.

— Это как раз то, что тебе нужно сделать, сам знаешь, — продолжал Морган. — И не думаю, что ты действительно этого хочешь. Дай мне руку, и покончим с этим.

Дункан медленно и неуклюже повернулся, лицо его было таким же белым, как одеяние, все чувства загнаны вглубь, разве что по светлым голубым глазам видно было, как борются за первенство страх и благоразумие. Когда последнее, наконец, победило, Дункан испустил долго тайный вздох, и немедленно глаза, которые встретились со взглядом Моргана, стали подлинным зеркалом души, которую Дункан все-таки открыл человеку, ближе которого у него не было.

— Ты прав, — прошептал он. — Если я с этим не слажу, я не епископ и не истинный Дерини. Но побудь со мной.

— Я бы не подумал, что тебя даже просить понадобиться, — негромко ответил Морган и улыбнулся. Взяв правую ладонь Дункана в свою, он держал в другой кольцо Истелина, прихватив его самым кончиком безымянного пальца и, подбадривая себя и Дункана, без дальнейших колебаний, надел ему на палец золотой обруч. Дрожь пробежала по телу Дункана, когда холодный металл скользнул по коже, но он только покачал головой и закрыл глаза при невнятном вопрошающем взглясе Моргана, поднеся стиснутый кулак к губам, дабы коснуться ими холодного аметиста в знак верности слову. Когда он вновь задрожал, Морган скользнул ладонями вверх по рукам кузена, вновь остановился на его плечах и быстро ввел себя в транс, ища связи. Он соединился с Дунканом, как раз когда с кольца и аметиста на нем всплесками полились воспоминания.

Огонь и лед, золотое и лиловое — тайные помыслы кузнеца, который придал форму кольцу и вправил в него камень, предназначив свое изделие для священной цели. Его срабо-

тали именно для Истелина, и никто другой его до сих пор не носил. Ожило воспоминание, как его освящали водой и фимиамом при возведении Истелина в епископы, слова благословения, произнесенные над ним, когда оно лежало на серебряном подносе: священный обряд связал его с саном слуги служителей, призвав самого служителя к служению верховному Владыке. И служитель не опозорил кольцо за все годы, что оно оказывало милость его руке.

Губы великих и малых касались его, приветствуя, большинство — с подобающим уважением, некоторые с небрежением, и немногие — с двуличием в сердце своем; но сам человек оставался верен верховному Владыке и не забывал о своем предназначении. Лишь в конце открыто было выказано презрение к слуге служителей. Открытый человеческий страх, смиление — и затем отзвук резкой жгучей боли, когда, вспыхнув, мелькнуло лезвие и разъединило кольцо и обладателя...

Даже хотя Морган был к этому готов, он стал хватать воздух ртом от потрясения, крепко держа Дунканна, когда тот задрожала, еще более отчетливо прочтя последнее воспоминание, и негромко вскрикнул от чужой боли.

Но затем, весь дрожа, Дункан стал уходить еще глубже в транс, ибо кольцо еще не поведало всего, и Морган, поколебавшись, последовал за кузеном, вбирая еще более древние образы самого золота, предшествовавшие созданию кольца. Нечто таилось в нем с самого начала, когда пламя впервые очистило девственные самородки — ощущение неземного сияния и нетелесного тепла. Руки, совершающие обряд, подняли его к Высшей Славе — две пары рук; одни — обычного священника, другие — являли собой нечто большее. На миг явилось нечто давно знакомое — а затем ничего.

Морган резко вырвался из транса в обычное состояние, как только пропала связь, и зашатался, ибо Дункан обмяк на мгновение мертвым грузом в его руках. Но, прежде чем он что-либо предпринял, Дункан шевельнулся и обрел почву под ногами, помогая себе успокоиться слабой улыбкой и взмахом руки с кольцом.

— Что такое... — начал Морган.

Дункан покачал головой и улыбнулся более уверенно, опершись о край алтаря и стягивая кольцо с пальца, чтобы благоговейно положить его рядом с ящичком.

— Вот и скажи мне — что... — прошептал он, бегло взглянув на Моргана. — Полагаю, воспоминания, как его изготовили для Истелина, ты уловил?

— И как он его утратил, тоже.

— Думаю, это наименее важно из того, что мы видели, — Дункан вновь возврался на кольцо, продолжительно и с почтением. — А как насчет того, что было до того, как оно стало кольцом?

— Расплавили нечто иное, чтобы его сделать, — заметил Морган, — Ты знаешь, что это было?

Дункан задумчиво кивнул.

— Думаю, что-нибудь из алтарных принадлежностей: потир или дискос. — Он дрогнул. — Не уверен, хочется ли мне произнести вслух, о ком я подумал, как о владельце.

— Ну, если не ты, то я произнесу, — сдержанно отозвался Морган. — Я уловил две различных и определенных сущности. Один — простой священник, но другой... Да кто это мог быть, если не Святой Камбер?

Дункан кивнул, опершись ладонями о края алтаря, и снова опустил взгляд на кольцо.

— Однако на этот раз было не явление, просто воспоминание. — Его лицо озарила улыбка. — Но это может быть единственной истинной реликвией Святого Камбера, которой мы располагаем — то, чего он действительно касался. Хотелось бы знать, что это было.

— Ну, если кольцо Истелина действительно выковали из чего-то, стоявшего на алтаре, это, наверное, удастся проследить, — сказал Морган. — Говорят, сын Камбера был священником. Возможно, потир или дискос принадлежали ему. Возможно, это предал ему Камбер — как дар при рукоположении или чем-то таким. В любом случае, не столь уж невозможно выяснить, где было добро золото для кольца.

— Пожалуй, — и Дункан вновь улыбнулся. — Кстати, не говорил ли я тебе, что Келсон жаждет восстановить кульп Святого Камбера?

— Да? Он никогда мне об этом не упоминал.

— Мне тоже. Просто я случайно подслушал. Возможно, идея лишь начала складываться в его голове. Он говорил об этом Дугалу, когда я наткнулся на них в соборе, как раз перед тем, как ты нас нашел. А у Дугала... Да, об этом тебе Келсон сказал?

— О его щитах? О, да. Я был в контакте с ним, когда Дугал прервал нашу связь с Келсоном — в ту ночь, когда тебя чуть не убили. Не выдалось времени получше разобраться в этом с тех пор, как мы вернулись.

— Ну, а я уже подступился к нему, хотя лишь коротко, — сказал Дункан. — Как ни странно, он не шарахнулся от моих прощупываний, хотя Келсону по-прежнему не дает под-

ступиться. Но и я не смог прорваться. Понятия не имею, откуда у него такие щиты. К несчастью, Келсон попытался подключиться ко мне после первых нескольких секунд — с поистине сокрушительным итогом для бедного Дугала. Если у тебя сложилось впечатление, что он пытается избегать нас последние два дня — дело, несомненно, в этом.

Морган кивнул.

— Не могу сказать, что осуждаю его. Хотя, нынче же вечером попытаюсь поговорить об этом с Келсоном. Подозреваю, ты будешь слишком занят в несколько ближайших дней, чтобы уделить этому много внимания.

— Если это важно, как-нибудь выкроим время. — Улыбаясь, Дункан подхватил кольцо и взвесил его на ладони. — А пока что, я вспомнил, что у меня встреча кое с кем из епископов, а у тебя, думаю, с королем.

— Когда мы в следующий раз увидимся, ты будешь епископом, — усмехнулся Морган, — а я, с другой стороны, королем никогда не буду. — И, непринужденно улыбаясь, взял правую руку Дункана и упал на одно колено. — Все-таки мне хотелось бы первым поприветствовать тебя как епископа, даже если пока еще слишком рано. Мы повторим это, как положено, чуть позднее, ваше преосвященство.

Невизира на отчаянные протесты улыбающегося Дункана, он поцеловал руку будущего епископа и удалился, чтобы присединиться к свите короля для поездки в собор. Встреча с Дунканом дала ему немало поводов к размышлению.

Как и три дня назад, место Моргана было по правую руку от Келсона, когда они чуть погодя преклонили колена в соборе, в том же самом ряду, который они занимали во время отлучения Лориса, хотя немного поближе к алтарю, и Морган оказался с краю.

Нигель, его жена и три сына стояли в этот раз на коленях позади них, но Дугал — опять слева от Келсона. Прочие королевские домочадцы занимали скамьи дальше к западу и северу, вместе с теми из сановников, для которых нашлось место.

Минута шла за минутой, собор наполнялся, а Морган тем временем молился за человека, которому предстояло посвящение, и ждали великие труды, прося милосердия и руководства как для Дункана, так и для себя в грядущие времена.. За стойким и неугасимым пламенем, полным силы и самообладания, которым был Келсон слева от него, он ощущал глухо затемненное присутствие Дугала. Когда в собор вступила процессия, и

все они встали, Морган решил непременно поговорить с 222 Келсоном о его друге до конца дня.

Церемония продолжалась без особых происшествий, насколько мог определить Морган, хотя он охотно признавал свою неосведомленность в литургических тонкостях. Вроде бы, все оказывались на нужных местах в нужное время и давали правильные ответы, никто ничего не уронил, а Дункан выглядел глубоко тронутым, когда отвечал на положенные вопросы архиепископа Брадена.

— Возлюбленный брат, решился ли ты исполнять до конца дней своих обязанность, доверенную нам апостолами, которая передает к тебе наложением наших рук?

— Да.

— Готов ли ты хранить верность нашей Святой Матери Церкви, и хранить и наставлять ее детей, как своих собственных?

— Да.

Пока этот диалог еще продолжался, Морган отрешился от слов и осторожно потянулся мыслью к Келсону. Это было вовсе не для них — напрямую разделить то, что сейчас испытывает Дункан, но ему пришло в голову, что Келсону следует знать о том, что случилось, когда Дункан надел кольцо Истелина, просто на случай, если при повторении этого действия произойдет нечто непредвиденное.

Келсон почувствовал легкое мысленное касание и с вопросом оглянулся на него, но Морган только небрежно кивнул и двинулся глубже, когда все они преклонили колена, внимая лitanii благословения над простертым лицом Дунканом. О подобных вещах вслух говорить было слишком опасно, даже шепотом.

— *Kyrie eleison.*

— *Kyrie eleison.*

— *Christe eleison...*

«Что-то неладно?» — донеслась до него встревоженная мысль Келсона.

Морган опер локти о пюпитр впереди себя и наклонил голову, оперев лоб и выходя на более глубокую связь.

«Насколько мне известно, все в порядке, — ответил он. — Я подумал, тебе было бы любопытно узнать кое о чем, что случилось совсем недавно. Очевидно, кольцо Истелина — это нечто большее, чем оно кажется.»

«Кольцо Истелина?»

Тогда он поделился видением кузнечной работы и всем, что смог вспомнить о том, что испытал Дункан, когда надел кольцо на палец. Когда все кончилось, он почувствовал рядом с собой легкую дрожь Келсона.

«Значит, Камбер?» — спросил Келсон.

«Может быть. От него определенно исходила великая мощь. Откуда получил Истелин это кольцо?»

«Не знаю. Может, Дункан сумеет разобраться.»

«Наверное.»

Литания закончилась, пока они беседовали, и когда оба подняли головы, посюсторонняя картина наложилась поверх Внутреннего Видения — и при этом мысленная связь сохранилась. Теперь Дункан стоял на коленях перед престолом архиепископа, склонив голову и сложив руки в молитве, а Браден, Кардиель и затем каждый из остальных епископов молча возлагали руки ему на голову, поручая ему полностью и в совершенстве выполнить свои пастырские обязанности, как положено епископу. Морган ощущал, как нарастает напор могучих волн, расходящихся кругами, когда Кардиель встал, принял у прислуживавшего ему дьякона открытое Евангелие и торжественно задержал его над склоненной головой Дункана, точно возвел крышу для защиты, приступив к молитве.

— Господь Бог, Господь Милосердный, несущий утешение всем, ныне излей на этого избранного силу, которая проистекает от Тебя, совершенный дух, который Ты даешь Твоему возлюбленному Сыну, Христу, Дух, который Он дал апостолам. Вдохнови сердце Твоего служителя, которого Ты избрал для епископства. И да пасет он Твоих овец, неся свою высокую службу без упрека, трудясь ради Тебя день и ночь, дабы примирить нас с Тобой, и предлагая дары Твоей Церкви. Духом этого священства да обретет он сил прощать грехи, как Ты повелел. И да определит он долг пастыри, согласно воле Твой, и разрешит любые узы властью, которую Ты даровал апостолам. И да станет кротость и целеустремленность его перед Тобой, как жертва через Твоего Сына Христа. Ибо Твои и слава, и сила и честь, во имя Сына и Святого Духа, ныне, и присно, и во веки веков!

— Аминь!

Даже на расстоянии Морган чувствовал, как нарастает волнение Дункана, когда Кардиель убрал Евангелие, а Браден подготовился помазать ему голову елеем. В один миг, хотя он к этому и не стремился, он очутился в сознании Дункана, стал ощущать его чувствами и видеть его глазами. Этому несколько мешало присутствие в контакте Келсона.

— Бог создал для тебя долю в священстве Христовом, — произнес Браден, возливая священный елей на макушку Дункана. — Да возольет он на тебя это масло таинственного помазания и сделает твой дух плодотворным и благословенным.

Пока Браден очищал руки, сперва белым хлебом, а за 224 тем льняной салфеточкой, Морган парил в потоке блажен-

ства, хлынувшего от Дункана, даже телесно ощущая некоторое тепло.

— Прими Евангелие и проповедуй Слово Божие, — провозгласил Кардиель, вложив огромную книгу в руки Дункана, — уча всегда с величайшим терпением.

Книгу унесли, и тут же подали серебряный поднос с кольцом. Когда Браден перекрестил над ним воздух, Моргану почудилось, будто оно вспыхнуло ярче, нежели просто отблеском свечей, в нем полыхнул его собственный огонь, пока архиепископ держал его перед протянутой правой рукой Дункана.

— Возьми это кольцо, как печать веры; и, храня веру, оберегай и защищай Святую Церковь, Невесту Божию, — произнес Браден.

Морган был готов к тому, что когда Браден наденет кольцо на палец Дункану, вновь появятся образы, которые они с Дунканом выдели прежде: кольцо, надеваемое на иную руку в минувшие дни, — и смутный намек на присутствие Другого, обласченного в темно-синие священнические одежды, преподносящего кольцо, нет — чащу — в ходе торжественной мессы.

Но было и нечто большее: туманный ореол серебристого мерцания вокруг головы Дункана возник на краткий миг, и почудилось касание призрачных рук, которое Моргану уже несколько раз доводилось ощущать на себе. Все исчезло, когда Браден и Кардиель возложили на голову Дункана митру, и Моргану осталось лишь моргать глазами, вопросительно косясь на Келсона, недоумевая, не померещилось ли ему то, что он на миг испытал.

Однако, если и померещилось, то не ему одному, и даже не им двоим с Келсоном. Кто-то третий оказался вовлечен в контакт и сейчас испытывал потрясение, и даже ужас.

Дугал! В лице — ни кровинки, плечи одеревенели в слепом страхе. Келсон в тот же миг уловил этот отзвук его отчаяния, и поспешил обойти Дугала с другой стороны, чтобы тот оказался между ним и Морганом. Оба, как могли, попытались поддержать молодого горца.

Позади них в беспокойстве приподнялся Нигель, но Келсон покачал головой.

— Все в порядке, дядя, — неловко прошептал он. — Он немного болен, и все. Поправится.

Когда Нигель опять сел, утихомирив Конала и любопытных Пейна и Рори, несомненно, подозревая, что здесь что-то неладно, рука Моргана скользнула вокруг плеч Дугала, и Дерини попытался укрыть юного горца от назойливых взглядов.

— Тебс нехорошо, Дугал? — прошептал он.

Содрогнувшись, Дугал отвел напряженный взгляд от обряда, все еще продолжавшегося перед алтарем, и нагнул голову.

— Что со мной происходит? — через силу выдавил он. — У меня такая голова, словно вот-вот лопнет.

— Вдохни поглубже и постайся не придавать значения тому, что тебя пугает, — предложил ему Келсон. — Плыви по течению.

— О, Боже! Не могу! Ты это видел?

«Аларик, он уловил то же, что и мы! — передал Келсон Моргану. — Надо увести его отсюда, а я не могу выйти, пока все не кончится.»

Его мысль смешалась с испугом, настороженностью и даже легкой радостью, но Нигель подталкивал Моргана сзади, указывая рукой на алтарь. Обряд как таковой завершился, и епископы построились по-иному, чтобы продолжать мессу — а Моргану предстояло участвовать в том, что произойдет дальше.

«Время для дароприношения», — передал Морган королю, взглянув искоса на него и на все еще дрожавшего Дугала и поднимаясь, между тем как хор монахов завел гимн — знак для него. «Если я не выйду, будет еще хуже. Удерживай его, пока я не вернусь.»

Отведя глаза и сложив руки, как надлежало. Морган двинулся по боковому нефу и задержался перед небольшим накрытым белым столиком, учтиво ответив на торжественный поклон, который отдал ожидавший дьякон, вручая ему хрустальную бутыль вина и накрытый крышкой золотой потир. Хрусталь был холоден и скользок на ощупь, а дароносица казалась неестественно легкой, несмотря на свое содержимое — множество бледных неосвященных облаток.

Он чувствовал, что Дункан наблюдает за ним, пока медленно подходил к алтарным ступеням и преклонял колена перед новым епископом и двумя архиепископами, ясно осознавая: что-то не так. Весть, которую он намеревался сообщить, проскочила между ним и Дунканом, словно искра, когда он предлагал дары, и руки их соприкоснулись.

«Дугал что-то уловил. Я отведу его в твой прежний кабинет. Приходи туда с Келсоном, как только удастся», — передал Морган.

Он почувствовал легкое мысленное касание Дункана, выражавшее удивление и согласие, и поднялся, поклонившись присутствующим на прощание. Когда же он нагнулся, чтобы помочь подняться Дугалу, то пульсирующая боль вновь нахлынула на него с безудержной силой. Горец, похоже, готов был ли-

— Скажи всем, что Дугалу стало хуже из-за его ран, — шепнул он Келсону. — Найдешь нас в старом кабинете Дункана. А пока я сделаю, что могу. Дункану я уже сказал.

Он не оглянулся, пока вел спотыкающегося Дугала по проходу. Слова молитвы архиепископа Брадена преследовали его протяжным эхом, ошеломляя глубиной значения, которого никто в то время не мог оценить.

— Господи, прими эти приношения, которые мы предлагаем за Твоего избранного служителя, Дункана, избранного Тебе священника. Обогати его дарами и добродетелями истинного апостола, ради блага Народа Твоего. Аминь.

Глава шестнадцатая

...в долине видения¹

Сприльнувшим к его руке полуобморочным Дугалом, таким бледным, что его веснушки казались пятнышками крови, Морган прошел в проход, огибавший собой сзади, не возбудив больше внимания, чем желал бы. Несколько монахов, не участвовавших в церемонии, воззрились на них с любопытством, но хмурое лицо Моргана удержало их от предложения помощи. Моргана знали и уважали в духовной среде после трех лет усердной службы новому королю, но у некоторых он до сих пор возбуждал изрядный страх.

А вот страх Дугала вызывал у Моргана куда больше опасений, чем испуг любого монаха, затаившегося в тени храма — и, похоже, предстояло ухудшение, пока не станет существенно лучше. Он ощущал мощный ужас, бившийся под поверхностью, словно полуразрушенная плотина лишь ненадолго сдерживает паводок, и не сомневался: ясное понимание Дугалом неустойчивости равновесия только ухудшает ситуацию. Единственным способом не дать ужасу прорваться — было смотреть себе под ноги, сосредоточив все внимание на простейших действиях: одна нога вперед, теперь — другая...

— Надо тебя отсюда увести, — пробормотал Морган, направляя юношу в двери в ризницу. — Я могу на тебя положиться? Ты меня послушаешься?

Тот споткнулся и чуть не упал, бросив на спутника странный измученный взгляд.

— Полагаешь... у меня есть выбор? — через силу прошептал он, когда Морган подхватил его понадежней и потянулся к засову. — Что со мной творится?

— Именно это я и хотел бы узнать.

¹Исаия 22:5

Морган надеялся, что ризница окажется никем не занята во время церемоний, но присутствие старшего ризничего собора Святого Георгия оказалось неожиданностью. Старик клевал носом в скучном солнечном свете эркерного окна на том конце ризницы, когда они вошли, и, вздрогнув, пробудился, как только за ними закрылась дверь.

— Кто это?

— А, брат Джером, это вы? — спросил Морган, обхватывавшую пошатывающегося Дугала. — Мальчику стало нехорошо. Ему бы присесть.

Старый монах, хлипкий и слабо видящий, подтянулся поближе и посмотрел искоса на Моргана и на его явно недужного спутника.

— А, так это герцог Корвин... А с ним кто? — проребезжал старческий голос с некоторой настороженностью и немалым уважением. — Давай, парнишка, садись сюда. Вид у тебя неважный. Что с мальчиком, ваша светлость?

— Надеюсь, ничего страшного, — ответил Морган, позволив старику помочь ему усадить Дугала на низкую скамью-ларь близ шкафа для одежды. — Думаю, в соборе просто было душно. А может быть, слишком много фимиаму накурили. — Он отважился бросить косой взгляд на ризничного, щупая пульс на запястье. — Уверен, через несколько минут все будет в порядке. Как вы думаете, архиепископ не будет возражать, если хлебнуть глоточек его освященного вина?

— А, ну, конечно, нет, ваша светлость. Как раз то, что надо. Погодите.

Когда старики заковылял через ризницу, теребя связку ключей, привешенную к поясу, Морган наклонился поближе к мальчику. Дыхание юного горца стало поверхностным, голова его оперлась о стенку шкафа, глаза закрылись.

— Дугал, сиди тихо, и не удивляйся, что бы ни увидел, — прошептал он, прикладывая палец к губам, когда мальчик открыл глаза. — Думаю, брат Джером собирается вздремнуть.

Морган ощущал внезапный, точно всплеск, вопрос Дугала сквозь густой туман недомогания, но выкинул это из головы, шагнув к Джерому, пытавшемуся подобрать ключ к замку винной горки.

— Я знаю, он где-то здесь, где-то здесь... — бормотал старики.

— А почему бы не попробовать этот, — предложил Морган, ловко обвив рукой ссутулленные плечи, как бы указывая на ключ, а затем вдруг положив другую руку на лоб и глаза старика. — Не сердись, дружище. Просто усни и все забудь, — прошептал он. — Вот так...

Со стариком не возникло никаких сложностей. Когда у него, погрузившегося в глубокий сон, стали подгибаться колени, Морган ослабил мысленную хватку и помог ему достаточно выпрямиться, чтобы бережно проводить его обратно до кресла у окна в нише. Мягкий храп плыл вслед Моргану, когда он возвращался к ошеломленному полуобморочному Дугалу.

— Не трогайте меня, — прошептал мальчик, весь оцепенев, как только Морган взял его за руку и поднял на ноги. — Не надо. Что вы сделали со стариком? Куда мы идем?

— Я ничем не повредил брату Джерому, и ничем не поврежу тебе, — сказал Морган, еще крепче обхватив запястье мальчика. — А ну-ка, встань здесь ярдом со мной. Станешь упрямиться — будет только труднее для нас обоих.

— Нет! Пустите меня!

С сочувствием покачав головой, ибо не было времени объяснять, Морган поволок упирающегося горца в центр ризницы, где был выложен плитками правильный крест — как раз такой, на какой могли бы рядом встать двое. Когда Морган опустил ладони на плечи Дугалу и отодвинул его от себя, поворачивая, тот опять попытался вырваться.

— Если тебе удастся расслабиться, все получится много легче, — пробормотал Морган, скользнув рукой вокруг шеи мальчика сзади, готовый сдавить, если тот не прекратит бороться. — Не мытьем так катаньем я собираюсь провести тебя через то, что мы называем Перемещающим Порталом. Так Дерини попадают куда-нибудь, если торопятся.

— Это магия? — выдохнул Дугал. Ужас полыхал вокруг него почти что с телесным напором. Морган чувствовал, что он вбирает воздух для крика. Менее всего им сейчас нужно было привлечь внимание. Сдержав раздражение, ибо едва ли Дугал был виноват в том, что испугался, Морган покрепче обхватил рукой горло мальчика и накрыл ладонью другой руки разинутый рот. И потянулся умом к той области сознания Дугала, которая лишила бы его сознания. Дугал стал сопротивляться еще сильнее, его страх и неистово бьющиеся щиты не давали возможности обездвижить его физическим образом, если только Морган не готов был действительно ему повредить. Ему почти что пришлось повалить Дугала на пол, прежде чем он почувствовал, что его удушающий захват оказывает действие.

— Прости, сынок, — пробормотал он, почувствовав, что темень начинает заволакивать сознание мальчика, и Дугал прекратил извиваться. — Но я тебе сказал: не мытьем так катаньем, ты пойдешь со мной. У меня нет времени нежничать. Ага, вот 230 так, — закончил он, когда тот обмяк у него в руках.

Он почувствовал покалывание под ногами: Портал... Опять выпрямился и переместил руки, крепко обхватив Дугала. Вдохнув поглубже и закрыв глаза, он представил себе мысленно место назначения и раскрыл разум силовым потокам, связывающим оба места, после чего подался вперед, сдвигая равновесие. И вот уже он стоит неведомо где, в кромешной тьме, с тяжелым и бесчувственным Дугалом на руках...

Он осторожно пошарил в углу, ища штырь, отворяющий выход, не смог разыскать на ощупь, щелкнул пальцами, вызвав огонь, весь в нетерпении... и наконец в зеленоватом свете разглядел штырь — оказывается, он искал не в том углу. Надавил. Прилегающая стена повернулась вокруг своей оси с негромким шорохом, отступил также тяжелый цветной ковер, за которым скрывалась дверь.

Покой за дверью был пустынен. Мягкий дневной свет лился сквозь мелкие янтарные стеклы окна справа от них. У стены по левую руку бросался в глаза очаг, каменный пол перед которым покрывал толстый ковер. Здесь Морган и уложил бесчувственного Дугала, уложив его голову, как на подушку, на свой свернутый плащ. Несколько негромких слов затворили дверь в комнату Портала и воспламенили факелы, установленные на стенных подставках. И только тут, спохватившись, уже стоя на коленях подле мальчика, Морган погасил зеленый огонек, падивший у его плеча; не стоит еще больше пугать Дугала, когда придет в себя.

И без этого было достаточно переживаний. Даже сейчас, пока Дугал лежал без сознания, извержение, разразившееся в соборе, продолжалось — выброс за выбросом — вокруг вплотную сошмкнутых щитов. Кроме того, у юного горца вновь заняли старые раны, из-за того, как не слишком бережно Моргану пришлось обойтись с ним в ризнице собора. Впрочем, это как раз было для Дерини поправимо....

— Поглядим-ка, могу ли я исцелить в обход щитов, — пробормотал он, проворно развязывая тесемки на верхней и нижней рубахе мальчика.

Разбитую грудь охватывала широкая повязка, но если Морган станет возиться и снимать ее, Дугал может прийти в сознание до того, как он закончит. Неважно. Можно и так. Положив ладони на грудь Дугала выше и ниже витков сероватого полотна, так что они стали вздыматься и падать в такт слабому дыханию мальчика, Морган скользнул кончиками пальцев как можно дальше под повязку с обоих краев, и потянулся мыслью к сознанию Дугала, оценивая ущерб, закрыв при этом глаза и сделав долгий медленный выдох. На этом уровне щиты Ду-

гала делу не мешали — они ощущались, как нечто досадное и отвлякающее, но не более того. Без дальнейших колебаний Морган вошел в Целительский транс, что с каждым разом оказывалось для него все проще и привычнее за эти три года, и принял ся, сосредоточив энергию в кончиках пальцев, мысленно исследовать тело больного.

Ущерб был невелик. Лечение отнимет у него немного целиальной моци, ибо самой жизни ничто не угрожает. Морган мягко начал движение, связывая разорванные хрящи и мышцы, срашивая кости, оживляя течение богатой и чистой крови, чтобы размыла кровоподтеки не только на груди Дугала, но и по всему телу. Он ощущал происходящее с мальчиком как пощипывание в собственной плоти и как эхо, проникавшее в отдаленные закоулки его сознания, пробуждавшее такой прилив радости, что доходило почти до боли. И тут промелькнул беглый, но знакомый образ: незримые руки, возложенные на его собственные — прикосновение Камбера, как он начал думать.

Затем поток стал замедляться, и он открыл глаза, чувствуя некоторое головокружение, пока не вспомнил, что нужно несколько раз глубоко вздохнуть; порой он забывал, как следует дышать, когда находился в исцеляющем трансе.

Он заморгал и вернулся в обычное состояние, сделав еще один глубокий вдох, затем начал медленно разматывать повязку, охватывавшую грудь мальчика. Когда он осторожно приподнял Дугала в полусидячес положение, подставив под его спину колено, чтобы удобнее было разматывать повязку, веки Дугала затрепетали, и он застонал.

— Ничего страшного, мой юный друг, — пробормотал Морган, обнимая мальчика одной рукой и продолжая одновременно разматывать повязку. — Через несколько секунд ты почувствуешь себя превосходно. Прости, что пришлось забрать тебя оттуда подобным образом, но оставалось либо это, либо ударить тебя. А мне казалось, что тебя уже достаточно лупили в последнее время. И было очевидно, что я не смогу воспользоваться средством, которое применил к брату Джерому.

— К брату Джерому, — заплетающимся языком. — Что ты с ним... Э, а что ты делаешь?

— Снимаю твою повязку.

— Но...

— Да не нужна она тебе больше, — уверил его Морган, вытягивая из под рубашки Дугала последний виток и откидываясь на пятки. Он начал сматывать полотняную ленту в плотный сверток; между тем, стало заметно, что Дугал уже способен

Дугал замигал и обадело уставился на свою грудь под рубашкой, осторожно касаясь кончиками пальцев недавно поврежденных ребер, затем задрожал, вновь подняв взгляд, лицо его было неподвижным и недоверчивым.

— Ты меня... Ты меня вылечил? — прошептал он.

Морган закончил сматывать повязку, и бросил ее в кресло позади себя, не отводя взгляд от Дугала.

— Да. А ты бы предпочел, чтобы я предоставил тебе и дальше мучиться?

На миг на лице Дугала отразилось смятение, его давние страхи боролись с пробуждающимся любопытством, а затем мальчик осторожно улегся на свернутый плащ Моргана и умсленно перевел взгляд на очаг.

— Ты применил ко мне свое колдовство, верно? И к этому монаху.

— К брату Джерому? — Морган пожал плечами. — Не знаю, впрямь ли это называется колдовством. Это — одна из вещей, которые я умею творить как Дерини, но... — он опять пожал плечами и уклончиво улыбнулся. — Что до Целительства, не думаю, что это колдовство. Но, полагаю, тебе бы пришлось ко мне здорово приставать, чтобы я смог точно определить, что это такое, на мой взгляд. Несколько удалось понять нам с Дунканом, это редкий дар даже среди Дерини. И мы не обнаружили никого из не-Дерини, кто владел бы им... если не считать человека по имени Варин де Грей. А он думает, что его дар исходит от Бога. Возможно, и так. Возможно, это источник нашей целительной силы.

— И только поэтому ты утверждаешь, что это не колдовство? — спросил Дугал. — Потому что кое-кто, хоть он и не Дерини, тоже это может?

Морган наклонил голову вбок и хитро улыбнулся.

— Не знаю, я как-то до сих пор особо об этом не думал. Я считаю большую часть того, что у меня получается, своим даром. И все. А колдовство, в основном... О, это нечто вроде того, что делала Карисса, чтобы погубить короля Бриона, или что сделал Венцит Торентский. Уверен, до тебя какая-то молва об этом докатилась.

— Но то были дурные дела, — возразил Дугал. — Значит, ты говоришь, что если эта сила применяется на благо, она — дар, а если во зло — то колдовство?

Морган не мог не усмехнуться в ответ на это нехитрое суждение.

— Полагаю, я мог бы сказать, что именно это и имел в виду, — признал он, усаживаясь на ковре поудобнее и разги-

бая уставшие колени. — Полагаю, что скорее всего меня задел твой отрицательный взгляд на магию... Тот отрицательный взгляд, который присущ большинству людей. А магия просто имеет отношение к обузданию силы, которая для большинства людей недостижима. А сама эта сила... Попытаюсь объяснить тебе иначе. Сила существует. Верно?

— Конечно.

— Думаю, ты признаешь, что существует много видов этой силы... Что она может сходить из многих источников. Да?

Дугал кивнул.

— Хорошо. Давай возьмем один из примеров: огонь, — продолжал Морган, быстро потерев ладони одну о другую и протянув их к холодному очагу, одновременно оглянувшись на Дугала. — Огонь можно использовать для многих благих целей. Он может давать нам свет, как факелы на стенах, — и неопределенно мотнула подбородком. — И может согреть дом. — Усилие ума вызвало из воздуха над приготовленным топливом яркие искры, и топливо занялось. Дугал перебрался в сидячее положение, чтобы лучше видеть.

— Как ты это сделал?

— Думаю, пока что достаточно признать, что я это сделал, — ответил Морган, — и что обеспечивать холодное помещение светом и теплом — это благо. Но огонь может также быть разрушителен, когда выйдет из повиновения или будет обращен на дурные цели. Он может спалить дом... или докрасна раскалить железо, чтобы лишить человека зрения.

Его лицо посувровело, ибо на память ему пришел один знатный Дерини, который полстолетия назад позволил ослепить себя, чтобы выкупить пленных деринийских детей: Барет де Ланей, один из самых почтенных членов Камберианского Совета, того самого Совета, где Моргана и Дункана презирали за то, что они лишь наполовину Дерини, хотя оба «полукровки» умели исцелять.

Как только давняя боль Моргана хлынула наружу, Дугал внезапно притих и вперился в него, и жесткие щиты немного зашибрировали, впервые за все это время дав слабину. Чистое, как солнечный свет, сострадание хлынуло в образовавшуюся щель: искреннее, доброе, не запятнанное страхом или недоверием.

— Ты видел, как кого-нибудь ослепляли раскаленных железом? — мягко спросил Дугал.

Как только Морган взглянул на него в изумлении, щиты немедленно наглухо сомкнулись, но Моргану показалось, будто нечто новое, некое приятие мелькнуло в карих глазах, которые по-прежнему храбро встречали его взгляд — возможно,

то был отзвук дугаловой увлеченности Целительством, пусть связанный лишь с его скромной подготовкой полевого хирурга. Внезапно Морган задался мыслью, а не Дерини ли Дугал, и нет ли в нем, в связи с этим, задатков Целителя.

— Нет, я никогда такого не видел, — колеблясь, сказал он, — и слава Богу... Но это было достаточно обычным делом в течение столетий. Я... Мне довелось познакомиться кое с кем, кого именно так лишили зрения. — Он моргнул. — Но сейчас не время отвлекаться. Я описал кое-что, что может огонь. Так благ ли огонь или дурен?

— Ни то и ни другое, — осторожно ответил Дугал. — Смотря, как его использовать. То же самое раскаленное железо, которое отняло зрение у твоего друга, можно применить для того, чтобы прижечь рану.

Морган кивнул, довольный.

— Можно. И что это говорит тебе о мощи огня в целом?

— То, что не сама его мощь... Важно, как ее используют, для созидания или для разрушения. — Дугал помедлил всего один миг. — И ты хочешь сказать, что волшебство — то же самое?

— В точности.

— Но священники говорят...

— Священники говорят то, что их научили говорить вот уже две сотни лет, — мгновенно парировал собеседник. — Дерини не всегда преследовались, и отнюдь не всегда до недавних времен «магия» означала анафему. Черная магия — исключительная мощь, применяемая в разрушительных и корыстных целях — всегда осуждалась праведными. Но те, кто могли обуздять необычайную мощь на благо человеку, для Целительства и защиты против злоупотребления мощью, — издревле звались чудотворцами и святыми. Они также некогда звались Дерини.

— Но были и злые Дерини! — возразил Дугал. — И есть до сих пор. Кто такие Карисса и Венцит?

— Дерини, которые обратили свой дар во зло, — вздохнул Морган. — Как ты думаешь, я — злодей?

Лицо Дугала застыло.

— Нет, но говорят...

— Что говорят, Дугал? — прошептал Морган. — И кто? И отдают ли они себе отчет, что я сделал, или для них важно, что я есть?

— Я... Да как-то я не думал об этом прежде.

— Я и не предполагал, что ты думал. — Морган взглянул на знак Хаддейнов на своей правой руке, перекликавшийся с Корвинским грифоном на левой. — Давай с тобой договоримся, Дугал. Я не могу отвечать за Дункана или Келсона, но ес-

ли ты можешь привести хотя бы один пример, когда, как ты считаешь, я дурно применил свою силу, я покорюсь любому приговору, который ты сочтешь нужным вынести. Разве мне не следовало помочь Келсону победить женщину, которая сгубила его отца и сгубила бы и его, чтобы захватить престол? Следовало ли мне позволить бывшим архиепископам лгать дальше и нанести ущерб Гвиннеду, свергнув законного короля? Следовало ли мне отказаться лечить тебя?

Дугал покачал головой, не желая встречаться взглядом с Морганом.

— Дугал, у меня может быть доступ к большей магии, чем у многих людей, и к иным ее видам, — мягко продолжал Морган, — но я в ответе за использование этой силы перед тем же Богом и королем, что и ты, и что любой из священников и епископов... и также перед моей собственной совестью, возможно, куда более суровым наставником. В силу того, что мне дано больше способностей, мне приходится мириться и с немалой ответственностью. Я не просил ни о том, ни о другом, просто так уж оно есть. Все, что я могу — это служить людям, не жалея сил. Отец Келсона научил меня, что такая честь и рыцарственность, и я старался не предать его доверие. Я надеюсь, что не был столь уж безуспешен — несмотря на то, что я Дерини.

Но ему не довелось выслушать суждение Дугала, ибо в этот миг кто-то завозился с дверным с дверным засовом. Как только Морган вскочил на ноги, уже догадавшись, кто пришел, дверь отворилась, и Дункан, внимательно оглядевшись, переступил порог, а затем шагнул в сторону, чтобы впустить Келсона и епископа Арилана. Дугал медленно поднялся, когда Келсон подошел, чтобы подать ему руку и вопрошающе взглянул ему в лицо. Арилан двинулся прямо к Моргану, его худощавое лицо выражало сдержанное неодобрение.

— Почему мне не рассказали, что ты нашел еще одного Дерини? — процедил он сквозь зубы, отведя Моргана в сторону. — И какого дьявола он устроил в соборе?

Морган вздохнул и подобрал плащ, куда больше озабоченный насчет Дугала, шепчуЩегося с Келсоном и Дунканом, чем мнением Арилана.

— Прежде всего, епископ, мы не знаем, что он непременно Дерини... Только то, что у него есть щиты, что нам сквозь них не прорваться, а он ими не управляет, — пробормотал Морган, набрасывая плащ на плечи и закалывая пряжку. — Что до того, что он устроил в соборе, я полагаю, что он стремился отгородиться от того потока силы, который ощущил при посвящении Дунканна.

Вы, разумеется, догадываетесь, что подобный

обряд вызывает могучее излучение, особенно, если главный участник — Дерини.

— Оставьте вашу дерзость, — осадил его Арилан. — И как вас понимать: вы не знали, что он Дерини?

— А так и понимать. В его семье не наблюдалось ничего, что проливало бы свет... разве что дар, который в Приграничье довольно туманно именуют Вторым Зрением. Правда, у него есть щиты, и он знать не знает, что с ними делать. Когда происходящее с Дунканом набрало силу, он ощутил, вероятно, мощный напор на щиты, о которых мальчик лишь недавно узнал, и опускать которые не умеет.

— Недавно, говорите? И как недавно?

Морган попытался обуздить свое раздражение.

— Три недели назад, мы тогда были на соборе в Кулди. Это случилось в ночь, когда вы попросили меня попытаться связаться с Келсоном и сообщить ему о нападении на Дункана. Келсон привлек Дугала, чтобы увеличить свои возможности, и тут Дугал уловил нечто, достаточно его напугавшее, чтобы немедленно выбить со связи их обоих. А затем с ним случился едва ли не приступ от того, Келсон попытался проникнуть в его сознание.

— А с тех пор кто-нибудь пытался? Кто-то другой, кроме Келсона? — спросил Арилан, несколько унявшись после отчета Моргана.

— Я, — вмешался в разговор Дункан. — И казалось, он не так противится моему прощупыванию, как Келсону, но я больших успехов тоже не добился. Все равно как если вдруг упрешься в обсидиановую стену. Чем сильнее я напирал, тем крепче она делалась. А когда к нам присоединился Келсон, думая, что поможет, Дугалу опять стало отчаянно худо.

— Понятно, — смиренно вздохнул Арилан. — А ты, Аларик?

— Мне не удалось пронести его через Портал, пока я лишил его сознания, — признался Морган. — Похоже, мое прикосновение — где-то между Келсоном и Дунканом по степени воздействия. Я оказался способен достаточно обойти его щиты, чтобы залечить раны, но лишь пока он был без сознания. А по-иному и попробовать не дерзнул бы.

Арилан взглянул на Дугала, позволившего Келсону помочь ему сесть за стол по ту сторону от очага, затем, целенаправленно двинувшись к нему, повлек за собой Моргана и Дункана. Дугал попытался было подняться, учтивый, несмотря на смятение и настороженность, но Арилан знаком удержал его, пододвинул кресло для Келсона и лишь после этого устроился сам. По подсказке Дункана, Морган поставил оставшееся кресло справа от юного горца, через стол от короля.

— С вашего дозволения, государь, — кивнул Арилан Келсону, — я хотел бы перейти прямо у сути дела. Дугал, — он вызвал огонь в виде мягко светящейся бело-голубой сферы, которую поместил над серединой стола. — Думаю, это мой ответ на любой вопрос насчет того, кто я и почему вздумал вмешиваться. Ты мне доверяешь?

Дугал отпрянул, когда огонь возник из ничего, новые сполохи тревоги заметались вокруг все еще вздрагивающих щитов, но взгляд на Келсона придал ему достаточно храбрости, чтобы усмирить беспокойство.

Морган был изумлен. Дугал глубоко и неторопливо втянул в легкие воздух, а затем сложил дрожащие руки, тщательно подражая Келсону, и расположил их всего на пядь от светлого шара, сияющего в центре стола и заставил себя глядеть в упор в глаза епископу-Дерини.

— Я бы солгал, если бы сказал, что не боюсь, ваше преосвященство, но мой... друг герцог Аларик много что объяснил мне за последние несколько минут. И Келсон мне о вас раньше рассказывал. Я попытаюсь сделать все, как вы попросите.

Арилан в немалом сомнении выпятил губы, но даже он не мог отрицать, что мальчику не занимать храбрости; однако Морган уловил, что он осуждает неблагородное Келсона, — и рад был, что недовольство направлено на короля, а не на него, Моргана.

— Отлично. Посмотрим, сколь многому ты научился, — заметил Арилан. — Полагаю, я не стану вдаваться в долгие подробные объяснения, что я хотел бы сделать.

— Н-нет, сударь...

Со вздохом и беглым взглядом на остальных, выражавшим едва сдерживаемое нетерпение, Арилан шевельнул пальцами указательный протянул ко лбу юного горца. Дугал, испугавшись, начал было невольно подаваться назад, но тут же вновь глубоко вдохнул и пододвинулся поближе, чтобы Арилан мог до него дотронуться. От прикосновения его передернуло, но он не отстранился, даже когда Арилан начал ментальное прощупывание, хотя происходящее явно вызывало у него беспокойство. Миг спустя Арилан уронил руку, выпрямился и снова вздохнул.

— Что же, щиты — вне вопроса. Получив время и должную поддержку, я бы смог их пробить, но это могло бы вызвать непоправимый ущерб. Не вижу надобности рисковать. Дункан, ты сказал, что твое прикосновение ему не так уж и мешало. Хочешь попытаться еще раз?

Дункан, стоявший между Ариланом и Морганом, воззрился на Дугала с вопросом.

— Ну, как сказать. Ты согласен, Дугал? Я остановлюсь, как только ты пожелаешь, если будет слишком тяжело.

Облизывая губы, Дугал прокашлялся и кивнул. И тогда Дункан обошел стол, остановился за креслом и легко положил руки мальчику на плечи.

— Келсон научил тебя расслабляться с помощью глубокого дыхания? — спросил он, расправляя плечи Дугала и скользя по ним большими пальцами, пока те не уперлись в пульсирующие точки на горле.

— Немного.

— Хорошо. Это заметно облегчит дело для нас обоих. Глубоко вдохни, а затем выдохни, и попытайся сосредоточиться на сердцебиении. Ты должен чувствовать пульс там, где мои пальцы, чувствуешь?

— Да.

— Великолепно. Вдохни еще раз... хорошо... а теперь закрой глаза и постараися, чтобы все мускулы обмякли... Хорошо.

Морган не посмел следовать за Дунканом, боясь нарушить равновесие и все испортить, но по внешним признакам видел, что мальчик прекращает сопротивление. Юный горец больше не был напряжен и, казалось, даже не заметил, как Дункан перенес кончики пальцев на виски и лоб. И даже еще больше расслабился, когда Дункан наклонил голову и приложился губами к рыхим волосам. В таком положении они оставались почти минуту, спокойные и уравновешенные, пока, наконец, Дункан медленно не поднял голову и не открыл глаза, после чего, моргнув, вернулся в обычное состояние. Дугал тоже открыл глаза и растерянно заморгал, когда Маклейн вновь скользнул руками по его плечам.

— Итак? — спросил Арилан.

Дункан покачал головой.

— Никаких столкновений и никакой боли. Это так, Дугал? Дугал покачал головой, обернувшись, дабы с благоговением взираться на Дункана.

— Что ты сделал?

— Ну, за щиты я не прошел, — ответил тот. — Только кружил вокруг да около. У кого-нибудь есть предложения?

Арилан со смущенным видом откинулся на сиденье и сложил на груди руки.

— Захватывающее. Либо он один из нас, либо — еще один проклятый Варин де Грей. Полагаю, вряд ли у кого-то из вас есть под рукой шидал?

Дункан, кивнув, пересек зал и стал рыться в ящике стола. Дугал прошептал:

— Что это — шидал?

— От него тебе зла не будет, — быстро уверил его Келсон. — Это — кусок чистого янтаря. Их находят в отложениях рек, а иногда — на морском побережье.

— Ну, и з-зачем он?

Морган улыбнулся.

— Он чувствителен к тому роду моци, которая подвластна Дерини. И все. Вспомни наш недавний разговор о силе, которая не блага и не дурна сама по себе, но лишь может быть использована во зло или на благо.

Дугал кивнул, все еще весьма настороженно.

— Ну, так кристалл шидала собирает эти лучи, наподобие солнечных, — продолжал Морган. — Если у тебя есть способности, хотя бы зачаточные, управлять этой силой, кристалл засветится.

— Но я не Де...

— Дугал, ты не знаешь, кто ты, и знать не можешь, — чуть съышно проговорил Келсон. — Нам только одно известно наверняка — про твои треклятые щиты!

Дункан вернулся к столу, развязывая тесемки небольшого кожаного мешочка, а затем извлек оттуда сверточек пожелтевшего от времени шелка.

Пока он тщательно разматывал его, Дугал, вытянув шею, жадно следил за ним, желая скорее увидеть, что внутри. Вот петли тонкого кожаного ремня соскочили, и обнаружилось, что ремень пропущен через центр медового цвета камушка размером с миндалину.

— Он стал моим, когда я был моложе Дугала, — сказал Дункан, поднеся камушек к свету за ремешок, а мешочек и шелк бросив на стол. — Это не самый чистый кристалл, но для моих целей его всегда было достаточно.

Дугал смотрел на шидал, полуиспуганный, полуувлеченный, между тем, Арилан поймал камушек рукавом и попристальнее взгляделся в него, жестом погасив свою сияющую огненную сферу, а затем отпустил шидал и, опять выпрямившись, кивнул Дункану.

— Я надеялся на что-то получше, но сойдет. Продолжай поиск. А что и как искать — сам знаешь.

— Но я-то не знаю, — вознегодовал Дугал, когда Маклайн опять встал позади его кресла и протянул кристалл над плечом мальчика.

— Уверяю тебя, вероятность, что тебе станет плохо, сейчас еще меньше, чем от того, чем мы уже занимались, — проговорил Дункан. — Просто подержи камушек в руке. В лю-

бой. На ощупь ты не испытаешь ничего, что отличало бы его от любого другого камня.

Дугал с колебаниями протянул руку и вздрогнул при первом соприкосновении с камнем. Но затем решительно сомкнул вокруг него ладони и осмелился бросить еще один вопрошающий взгляд на Дунканна.

— Что теперь?

— Закрой глаза и попытайся забыть о том, что у тебя что-то лежит в руке, — заметил Дункан с улыбкой, кладя на плечи мальчику ладони и снова отодвигая его к спинке кресла. — Я не собираюсь проделывать что-либо, отличное от того, что уже делал, так что беспокоиться не о чем. Вдохни поглубже и медленно выдохни. Это ненадолго.

Дугал повиновался с опасливым кивком, и Дункан ласково что-то забормотал, успокаивая его и помогая отрешиться.

Когда Арилан до предела вытянул руку над столом и коснулся сомкнутого кулака мальчика, кулак достаточно разжался, да чтобы все присутствующие увидели струящийся из глубины кристалла, льющийся между пальцев золотой свет. Арилан, поджав губы, бегло оглядел Моргана с Келсоном, затем кивнул Дункану: мол, завершай испытание. Свет в руке Дугала полыхнул и угас, но Дугал еще успел приоткрыть трепещущие веки и заметить его.

— Он светился! Я видел!

Как только его рука резко и непроизвольно раскрылась, Дункан подался вперед и перехватил кристалл, прежде чем тот ударился о столешницу.

Келсон кивнул, и лицо его просияло.

— Мы тоже видели. Ты не свихнулся. Угадай, что это значит.

— Это значит, что, вероятно, вашего дерринийского полку прибыло, безобразники, — проворчал Арилан, отталкивая свое кресло, резко проскрипевшее деревянными ножками по плитам пола, прежде чем Дугал успел ответить. — И откуда это только у него взялось?

Он встал, обратив лицо к огню, и Келсон покровительственно положил руку на плечо трепещущему Дугалу.

— На этот вопрос у меня нет ответа, Арилан, но не думаю, что это меня сейчас сколько-нибудь занимает, — подчеркнуто произнес король. — И не думаю, что нам следует прямо сейчас это выяснять. С него на сегодня достаточно.

— Я согласен, мой повелитель, — поддержал его Морган. — А помимо прочего, я, кажется, припоминаю, что мы собирались сегодня вечерком отметить возведение нашего друга Дункана в епископы.

— Думаю, пир не начнется раньше, чем стемнеет, — попытался возразить Арилан. — Времени еще достаточно, чтобы...

— Времени еще достаточно, чтобы Дугал отдохнул перед празднеством, если желает, — поднимаясь, заметил Келсон. — Для него сейчас нет ничего важнее.

— Но Совет пожелает...

— Чего может пожелать Совет — не наша забота, — резко возразил Келсон, ошарашив Арилана и заставив Моргана с Дунканом оторопело переглянуться. — Я не думаю, что стоит обсуждать это дальше. Верно?

Арилан не мог дать ему ответа при свидетелях. Когда король поднял Дугала с места, и они направились к двери, он отвесил поклон.

— Прошу прощения, если был слишком назойлив, государь.

Помедлив в дверях, Келсон обернулся и оглядел всех троих.

— Извинение принято. И, отец Дункан, подозреваю, вам бы отдых тоже не повредил. У вас выдался долгий день.

Дункан пожал плечами.

— Мне не на что жаловаться, государь.

— Согласен. Тем не менее, надеюсь, все мы еще встретимся на пиру. Морган, Арилан, вы придете?

Морган остался бы, ведь его любопытство насчет различных событий этого дня было куда сильнее, чем любая потребность в отдыхе. Но, останься он, того же мог бы пожелать и Арилан, а если бы остался Арилан, разговор непременно рано или поздно уперся бы в их старые разногласия насчет полу-Дерини и Камберианского Совета. Кроме того, тон короля придал вопросу значение почти приказа. Вышли оба — и Морган, и Арилан, причем епископ-Дерини что-то бормотал себе под нос.

Когда они удалились, Дункан сел в кресло, которое только что освободил Дугал, и сомкнул в руке кристалл, позволив своим мыслям вернуться к детству и к тому, кто подарил ему этот камень. Воспоминания были добрыми, и он сидел, грезя перед огнем, пока не удлинились тени, и золотой свет не угас в янтарных стеклах у него за спиной.

Глава семнадцатая

Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость перед Господом¹

Вости о посвящении в епископы Дункана не вызвали большого изумления при будущем Меарском дворе в Ратаркине. Креода уже предупреждал, что такое возможно. Это было лишь новое оправдание для войны, насколько дело касалось Кэйтрин и Сикарда, хотя Лорису и Джедаилу это досадило немало. Столь же предсказуемым оказалось повторное требование Келсона, чтобы Кэйтрин сдалась к Рождеству, с намеками о печальных последствиях для заложников, если их мать не образумится или если будет причинен новый вред Истелину.

Но решение архиепископа Брадена об отлучении, прочитанное вслух с нарастающим недоверием и ужасом ошеломленным Джедаилом, потрясло всех и каждого. Лорис настолько разърился, что опрокинул кресло, спеша подбежать к Джедаилу и вырвать у него оскорбительную бумагу.

— Да как они смеют? — злобно возопил Лорис, пробегая глазами подписи и печати в самом низу, не замечая, как крохотные брызги слюны пятнают пергамент и пурпурную сутану. — Да кем они себя вообразили?

Размахивая посланием, как если бы это могло превратить его в клинок, Лорис побрел через зал туда, где у окна стояли Кэйтрин и Сикард, обняв друг друга за талию в попытке утешить, повергнутые во прах тройным ударом. В нескольких шагах позади Ител с бледным лицом наблюдал то за родителями, то за Лорисом, то за Джедаилом и суетливо крутил конец завязки плаща.

---

¹Причи 17:15

— Как они смеют? — повторил Лорис. — Боже правый, отлучение! Это они... Меня-то... Мои бывшие подчиненные... Наглость какая! Слов нет!

— Да уж, — пробормотал Сикард, хотя Лорис не слушал его, увлеченный своими страстными филиппиками в адрес епископов из Ремута и королевского дома Халдейнов.

А Сикард разделял тревогу своей закусившей губы жены и повелительницы и смятение сына. Когда Лорис, наконец, исчерпал запас брань, божбы и клятв, Сикард уронил занавес, который до того приподнял, чтобы поглядеть на утренний снегопад, и вернулся на середину зала, ведя жену под локоть к креслам у огня. По его знаку, Ител поспешил поднять стул, опрокинутый Лорисом.

— Хватит нам распускаться. Всем нам, — произнес Сикард, глядя в упор на Лориса и маня пальцем Джедаила, чтобы подошел поближе. — Мы выслушали ответ из Гвиннеда. Теперь давайте решим, как мы поступим. Сядь, моя дорогая.

Собравшись с духом, Кэйтрин села, тщательно расправив подбитые мехом полы вокруг ног, и расположила руки на колени. Когда она подняла глаза, муж стал подле нее на одно колено с одной рукой на ее подлокотнике, а Джедаил застыл в ожидании у него за спиной. Ител расположился справа от нее. Лорис, не скрывающий раздражения по поводу тона Сикарда, подошел и остановился перед креслом, которое только что поднял Ител. Что-то в семейной картине, которая ему предстала, предсторегало от намерения сесть, пока не попросят.

— Моя королева, — мягко произнес Сикард, прежде чем Лорис подыскал подходящее выражение, — мы в вашем распоряжении, как вы превосходно знаете, но боюсь, что на этот раз Халдейн попал не в бровь, а в глаз. Угодно ли вам продолжать то, что мы начали, зная, что Церковь отторгла нас?

— Какая такая Церковь? — огрызнулся Лорис. — Горстка схизматиков-епископов, которые нарушили присягу и не повинуются мне! — Он опомнился достаточно, чтобы легко поклониться, прося прощения. — Извините мен, повелительница, но не может быть и вопроса об отступлении только из-за куска пергамента с воском. Вот что я об этом думаю!

Основательно размахнувшись, он швырнул послание в огонь, но, в ответ на краткий возглас матери, Ител сунулся в очаг и спас пергамент, очистив успевшие обуглиться края и простиав проклятие, когда с одной из печатей ему на руку капнуло расплавленным воском.

— Это не ответ, — заметил Сикард, поднимаясь, чтобы 244 пододвинуть кресло с прямой спинкой поближе к креслу

жены. — И кусок пергамента с воском, как вы его назвали, кажется, дал вам причину тревожиться, архиепископ. И, к несчастью, непризнание этого отлучения не отменяет его.

Он взял руку жены в свою и сел, поглаживая ее в тщетной попытке утешить. Лорис нахмурился.

— Это письмо — одна докука. Оно не имеет силы, — сказал он. — Его составили те, у кого не было полномочий.

— Да что означают полномочия? — прошептал Кэйтрин. — Не нужно полномочий, чтобы кого-то проклясть. А нас именно прокляли, несмотря на весь этот возвышенный язык. Мы, жители гор, кое-что в этом смыслим, архиепископ. Проклятие невозможно просто так походя отбросить.

— Тогда мы можем им отплатить, если вы считаете нужным, — сказал Лорис, опустившись все-таки в кресло и тщательно изучая обоих. — Не проклясть ли и мне их? Это дало бы мне огромное личное удовлетворение. Я могу отменить этот указ и отменю его, а сам провозглашу такую же анафему дому Халдейнов и епископам-схизматикам. Но и вы должны себя проявить, государыня. Крайняя нужда подталкивает вас к тому, чтобы дать королю ответ, которого он заслуживает. Нельзя позволить этому мальчишке запугивать нас своими угрозами.

— Этот мальчишка хорошо научился угрожать, хотя у него еще молоко на губах не обсохло, — глухо ответила Кэйтрин, подняв в руке другое письмо, приложенное к указу об отлучении: ответ Келсона на ее последний вызов ему. — Он повторяет требования о сдаче, архиепископ. И мои Сидана с Люэлом — все еще его заложники.

— Вы сами заметили менее чем две недели назад, ваше величество, что они взрослые. И понимают, в какой обе опасности.

— Но они мои дети, — не уступала Кэйтрин. — Неужели я предоставлю их такой участи? Допущу, чтобы они пострадали от гнева узурпаторов-Халдейнов и погибли за то, чтобы я носила корону?

Хмурый и решительный, Лорис пал перед ней на колени, воздев руки в мольбе.

— Разве вы не знаете, что они охотно расстанутся с жизнью, чтобы трон Меары достался ее законной королеве? — возразил он. — Эта страна уже достаточно долго страждёт под ярмом чужеземных властителей, благородная госпожа. Малcolm Халдейн отнял ее у законной наследницы сто лет назад, и с тех пор он и его последыши тяжко угнетают ваш народ, не слушая его стонов. Вы располагаете средствами положить конец тирании Халдейнов. И не вправе, во имя вашего народа, пренебрегать своим святым долгом.

Кэйтрин выслушала его слова с белым лицом, переплетя пальцы с пальцами мужа, а единственный оставшийся при них сын сидел рядом на корточках с опаленным свитком указа об отлучении в руках. Ее племянник стоял позади них, безмолвный и потрясенный в своем епископском пурпуре. Когда Лорис умолк, Кэйтрин наклонила голову. Миг спустя слезы брызнули на соединенные руки Кэйтрин и Сикарда.

— Это равносильно тому, чтобы возложить моих детей, как жертвы, на алтарь моих устремлений, — сказала она наконец, горестно качая головой. — Но вы правы. Долг — прежде всего.

Она потянулась рукой к руке Итела и, взяв ее, поднесла к своим губам, затем приложила к своей груди и задержала, и только тогда подняла глаза.

— Отлично. Этую писульку надлежит отменить, и вы предадите анафеме двор Халдейна и его епископов. Что еще?

Лорис наклонил голову в знак повиновения и сложил руки на груди.

— Вы должны дать Халдайну ответ в выражениях, которые не оставят сомнений в вашей решимости, повелительница, — сказал он. — И вам самой следует выполнить угрозы, которые от вас уже исходили.

— Какие угрозы? — выдохнула Кэйтрин.

Сдергивая торжествующую улыбку, Лорис поднялся и вернулся к своему креслу, расположившись в нем поудобней, с руками на подлокотниках.

— Я об Истелине, моя госпожа. Он должен быть казнен. Вы сказали, что не остановитесь перед этим. Так будьте последовательны. Истелин изменник.

Кэйтрин побледнела. Ител ахнул. Сикард явно был не в себе.

— Но он духовное лицо, епископ! — с не меньшим ужасом прошептал Джедаил.

— Он преступил обеты, и его отныне надлежит рассматривать как изменника, — отчеканил Лорис. — Если вы не против, я перед этим лишу его священства и отлучу от церкви.

— А с епископом так можно поступать? — усомнилась Кэйтрин.

— Я апостольский преемник Святого Петра, мне дано развязывать и связывать, — надменно изрек Лорис. — Я сделал Истелина епископом. А то, что я сотворил, я могу и уничтожить.

— Тогда он будет казнен как мирянин, — сказал Сикард.

— Как мирянин, к тому же отлученный, — Лорис выжидающе перевел взгляд на Кэйтрин. — Вам известно, чем карает-

Кэйтрин встала, полуотвернувшись, и заломила руки.

— Да мыслимое ли дело? — прошептала она.

— Он изменник, — повторил Лорис. — А кара за измену...

— Я знаю, чем карается измена, архиепископ, — твердо сказала она. — Его должно повесить, утопить и четвертовать... Знаю.

— И с ним так поступят?

Поникнув плечами, Кэйтрин Меарская нехотя наклонила голову в знак согласия.

— Да будет так, — тихо и грозно произнесла она. — И пусть Господь смируется над его душой.

* * *

Приговор был приведен в исполнение на следующее утро, как только взошло солнце. Все Меарская королевская семья, которую Лорис убедил, насколько важно присутствовать на казни, дабы напомнить будущим изменникам, что их ждет, расположилась перед открытыми воротами, выходившими на заснеженный двор замка. Лорис и его епископы нетерпеливо ждали у подножия крыльца. Снаружи в неясном свете выстроились по обе стороны от места казни ряды воинов Кулди, Ратаркина и Лааса. Четыре конных упряжки с беспокойными сдерживаемыми лошадьми стояли наготове за оцеплением близ конюшни. Лошади трясли головами, топтались и фыркали в морозном утреннем воздухе, побрякивая сбруей. Посреди двора, где лежал густой снег, ждали у насконо сколоченного эшафота одетые в черное палачи, неузнаваемые в плотных масках.

По двору прокатилась приглушенная барабанная дробь: осужденный вышел из дальних ворот, окруженный стражей, шурясь от солнца и ступая по снегу босыми ногами. Холодный декабрьский ветер вздыбил ему волосы и прилепил к телу жалкое рубище. Его руки были связаны за спиной. Он спотыкался, пока его вели к эшафоту.

Он шагал навстречу своей участи бледный, но собранный. Суровость приговора ошеломила его, но ничего по-настоящему неожиданного здесь не было, достаточно знать Лориса. Истелин и не надеялся выбраться из Ратаркина живым. Он испытал краткий, сокрушающий миг отчаяния, когда узнал, что лишен священства, ибо думал, что ему оставят хотя бы это; но отлучение, последовавшее за этим, лишь укрепило его в убеждении, что любое посягательство со стороны Лориса на епископские полномочия не имеет никакого основания. Он, Генри Истелин, оставил епископом и священнослужителем, что бы там ни сказал или ни сделал Лорис. Его мучители могли предать смерти его тело, но душа его отвечала только перед Богом.

Ненадолго его повергло в смятение, что они не дозволят, чтобы другой священник утешил его в эти последние предрас- светные часы, приняв последнюю исповедь и причастив. Это было вполне естественно для него, как для любого благочестиво- го человека перед лицом смерти. Но тут он сурово напомнил се- бе, что ему отказано лишь в видимости святых таинств. Перед самой зарей, подробно вопросив обо всем свою совесть и пока- явшись, он преклонил колена и поцеловал земляной пол своей темницы в память о Теле Господнем, а затем испил растаявшего снега в память в Крови Его. А после этого спокойно сидел и на- блюдал, как светлеет небо, и, умиротворенный, ожидал конца своего земного пути.

Он не дрогнул, когда за ним явились. То были четыре бой- ких молодцеватых воина, и один из бывших капитанов его ох- раны, никто из них не посмел поднять на него глаза. Он безро- потно вынес их грубость, когда они связывали ему руки, и лишь один раз вздрогнул, чуть кто-то из них сдернул с правой руки повязку — с места, где он прежде носил свой епископский перстень.

Ступени, ведущие вверх, были скользкими от слякоти и грязи, но стражи поддержали его, когда он едва не упал. Он едва ли чувствовал ступнями снег, поднявшись во двор, под открытое небо, или холодный режущий ветер, проникавший под рубище. И лишь мельком взглянул на эшафот, на палачей и на их сияю- щие орудия.

А вот Лориса удостоил внимания. Ледяной взгляд архиепи- скопа встретился со взглядом, безмятежным и даже сочувствую- щим, и Лорис первым отвел глаза, резко взмахнув рукой стра- же. Кэйтрин и Сикард равно постарались не смотреть в лицо осужденному, и лишь юный Ител воззрился на него в смятении, а тот мягко улыбнулся самому себе и покачал головой.

Ступени эшафота тоже были мокрыми и склизкими. Взби- раясь, он запнулся. Извинение, которое он пробормотал, выби- ло стражей из колеи, и они поспешили попятались, как только он очутился в центре помоста. Палач в маске, который подо- шел, чтобы накинуть ему веревку на шею, тоже старался не встретиться с ним взглядом и сам попросил прощения, чуть то- лько плотный узел коснулся шеи осужденного.

— Делай, что тебе положено, сын мой, — произнес Истелин, одаряя того кроткой улыбкой. — Я от всего сердца прощаю те- бя.

Тот отступил в смятении, вновь оставив приговоренного од- ного в центре помоста. Истелин устремил безмятежные гла-

ли чувствуя, как режет запястья веревка потоньше, а другая, потолще, давит на шею.

— Генри Истелин, бывший епископ и священнослужитель, — прочел глашатай, когда барабаны выдали новую приглушенную дробь, — так как ты осужден за измену, по приговору Меарской Короны, ты будешь повешен за шею, и веревку перережут, пока ты еще жив, конечности твои отсекут, кишки выпустят наружу и спалят перед тобой, а затем тебя разорвут лошади, и твою голову и части твоего тела выставят на обозрение в тех местах, где повелит королева. И все узнают, какова участь изменников Меаре!

Никто не взывал к Господу, чтобы смилиостивился над душой осужденного, ибо отлучение уничтожало всякую надежду на это, как они решили. Истелин это предвидел и разочарован не был. Когда барабаны ударили снова, стало ясно, что ему не предоставлено последнего слова, но, опять же, он на это и не рассчитывал. Он так и не отвел взгляда от небес, когда с него содрали рубище, проверили, крепка ли веревка — и лишь сдавленный вздох сорвался с его губ, когда его ноги заболтались в воздухе, и мир вокруг стал погружаться во тьму.

Он молился, пока был в состоянии. И только смутно почувствовал, как тряхнуло, когда веревку перерезали единственным взмахом. Его распластали на снегу, и он охотно уступил холоду и немоте, плавно ускользнув прочь от своих мучителей, и для него уже не существовало ни ножей, ни, тем более, огня, ни фыркающих коней, обезумевших от запаха крови, которые разорвали то, что осталось от его окровавленного тела. Улыбка на его губах, даже после того, как его голову отделили от шеи, обожгла холодом сердце не одного и не двух свидетелей этого освященного законом убийства.

* * *

На следующей неделе все больше и больше вассалов Келсона прибывало в Ремут, дабы отпраздновать Рождество вместе со своим королем, как предписывал обычай, и никто в Ремуте еще не ведал о судьбе Истелина. Келсон каждый день давал приемы и приветствовал вновь прибывших, а после обеда всякий раз устраивал совещания. Между тем, Морган, Нигель и прочие из его приближенных продолжали приготовления к намеченному на весну большому походу. У епископов хватало своих забот, но каждый вечер они обменивались все новыми сообщениями с королем и его главными советниками. По мере приближения Рождества, напряжение нарастало, ибо все их будущее зависело от того, какой ответ придст из Меары.

Бурхард де Вариан, ставший графом Истмаркским после завершения войны с Торентом двумя годами ранее, прибыл, как и ожидалось, посреди недели с Глодрутом, Реми и Эласом, а также с полудюжиной баронов и множеством спутников рангом пониже. Немного позднее явился граф Дэнок еще с двумя полководцами — Годуином и Перрисом, а также юный граф Дженнас, отец которого пал вместе с Джаредом Маклейном при Кэндор Ри. Однако никто не ожидал увидеть во дворце человека, который поджидал Моргана близ его покоев, когда тот вернулся с мессы в сочельник.

— Эй... Кто здесь? — спросил Морган, на всякий случай коснувшись рукоятки меча.

Шон, лорд Дерри, который некогда был порученцем Моргана, а теперь стал его наместником в Корвине, отделился от стены, о которую только что опирался и протянул руки. Улыбка скользнула по его задумчивому лицу, когда он наклонил голову в приветствии.

— Счастливого вам Рождества, ваша светлость, надеюсь, вы не в обиде, что мы не встретились на мессе, но мы прибыли сюда только в полночь.

В его голубых глазах замерцали озорные огоньки, к изумлению Моргана, но также сохранилось и что-то мрачное. Он вздрогнул, когда Морган обхватил его за плечи, чтобы рассмотреть получше, но не отвел взгляда.

— Шон, да какими судьбами? — воскликнул Морган, хотя точный ответ на этот вопрос был ему известен. — И что означает «мы»? Боже правый, уж не прихватил ли ты с собой и Риченду, а?

Дерри приподнял бровь — эту привычку он перенял у своего господина.

— Ваша светлейшая супруга решила, что неплохо бы встретить Рождество вместе с мужем, ваша светлость. Если бы я не привез ее, она, чего доброго, явилась бы одна.

— Да уж, от нее такого можно ждать, — тихо промолвил Морган. — И все-таки зря ты ее не отговорил.

— Думаете, я не пытался? — с негодованием спросил шин. — Я не забыл, что вы приказали. Но я не могу сказать, что это было мне по сердцу. Думаю, с нее на какое-то время хватило Кротона.

Морган вздохнул, и особенное положение его семейных дел снова встревожило совесть, чего не было уже несколько недель, ибо он находился так далеко от дома. При всем личном удовлетворении, которое принес ему брак с Ричендой, на карте их

250 отношений имелись огромные области, где еще не все нала-

дилось. И главным из них был вопрос, как много вправе брать на себя его жена во время его слишком частых отлучек из дома, и разрешался этот вопрос, к постоянной досаде Моргана, не целиком в его пользу, хоть он и был герцогом Корвина.

При обычном течении событий, к концу первого года их брака супруга Моргана стала бы полной хозяйкой в Коротском замке и правительницей Корвина в отсутствие герцога.

Но Морган не давал Риченде таких прав. Получилось так, что ей не доверяли многие из его людей: не потому что она была Дерини, ибо, вероятно, никто в Короте этого даже не подозревал, а, заподозри, не придал бы значения, ведь сам герцог Корвин и так был Дерини — но потому, что первый ее муж предал Корону.

Вполне возможно, что и она запятнала себя изменой, как утверждали они, возможно, даже помышляла втайне о мести за своего первого мужа ради своего сына от него. Как вдовствующая графиня Марли она опекала юного Брендана совместно со своим новым мужем, располагая полной свободой в распоряжении землями и доходами шестилетнего графа. Если бы что-то случилось с Морганом, ее светлость, вдовствующая герцогиня Корвин и вдовствующая графиня Марли, получила бы доступ еще и к обширным богатствам Корвина, пока не достигла бы совершеннолетия маленькая герцогиня Бриони. А ради такой власти и положения на что бы не пошла бывшая жена известного изменника?

Ей не доверяли, ибо не знали ее. А не знали, ибо, когда Морган отсутствовал, что случалось куда чаще, чем ему хотелось бы, она жила замкнуто, не имея прав чем-либо распоряжаться в его отсутствие. И он ей таких прав дать не мог, поскольку ей не доверяли, а ей не доверяли, поскольку не имели возможности удостовериться, что она способна в чем-то проявить верность своему новому повелителю. Увы, образовался порочный круг, и Морган пока что не представлял себе, как его разорвать.

Итак, Риченда оставалась лишь обитательницей его замка в Короте, встречавшей достаточно любезное обращение герцогских домочадцев, но не обладавшей никакой ответственностью. Сперва это объяснялось достаточно легко, ибо в начале Риченда была новичком в Короте, а затем вынашивала их первого ребенка — две веские причины для герцога позволить сенешалю и командующему гарнизоном управлять делами в его отсутствие, как повелось и прежде; но теперь Бриони было одиннадцать месяцев, а Риченда уже почти два года как стала герцогиней Корвин. Старые оправдания никуда не годились, а Морган не мог заставить себя открыть жене истинные причины. Hey- 251

дивительно, что разумная и предприимчивая Риченда чем дальше, тем больше тяготилась тем, что выглядело нелепыми ограничениями ее прав как супруги.

— Сам знаешь, в чем загвоздка, Дерри, — с тяжким вздохом заметил Морган. — Просто не было времени как следует этим заняться. Я ей зла не желаю.

Дерри отвел взгляд и зацепился большими пальцами за кожаный пояс, прикусив нижнюю губу.

— А вы думаете, это для нее не обида — не знать, почему вы отстраняете ее от своих дел? — спокойно спросил он, опять подняв глаза. — Простите, сударь, но за последний год я провел куда больше времени в обществе вашей жены, нежели вы. Она слишком хорошо воспитана, чтобы любопытствовать, хотя легко бы кое-что выяснить, но она чувствует недоверие ваших людей. И если вы не признаетесь ей, что не разделяете настроений... — он прочистил горло. — Сударь, я думал, что если уж вы Дерини, вам легче разбираться в таких делах.

— Иногда даже труднее, Дерри, — прошептал Морган. — Уж хоть ты-то меня не упрекай.

— Простите, ваша светлость.

— Ты ни в чем не виноват, — сказал Морган несколько секунд спустя. — Впрочем, возможно, к лучшему, что она здесь. Уж коли весенний поход почти неизбежен, я уже помышлял, а не велеть ли тебе доставить ее ко двору, как только снова наладится погода. Келсон ясно дал понять, что ее с радостью примут при дворе, как регента Брендана. И, подозреваю, ее присутствие было бы вдвое желательно теперь, когда у нас в заложниках Сидана Меарская.

— Сидана? — поразился Дерри. — Здесь? Как это вам удалось? И он собирается на ней жениться?

Морган прыснул, несмотря на свою озабоченность новым оборотом дел.

— Странно, до чего очевидным представляется такое развитие событий каждому, кроме самого Келсона. Многое зависит от того, какой ответ получим мы завтра из Меары.

— А...

— Я расскажу тебе все подробности после завтрашнего утреннего приема, если ты к тому времени не раздобудешь их из других источников, — продолжал Морган. — Разумеется, будет совещание после того, как придет ответ меарцев. А пока что тебе, вероятно, не худо бы поспать. А я, несомненно, должен успешить приветствовать мою благоверную. Полагаю, кстати, что

Гамильтон и Хилари справляются с домашними делами?

252 — Да, сударь. А матушка присматривает за малышами.

— Превосходно. Сколько людей с вами?

— Поздюжини мужчин. И одна служанка ее светлости. Надеюсь, вы не в гневе, сударь.

— Нет. Ничуть, — вздохнул Морган. Затем хлопнул Дерри по плечу, положив другую руку на дверной засов. — Ну так пойди поспи. Увидимся утром при дворе. И спасибо за то, что благополучно привез сюда мою жену, Шон.

— Счастлив вам служить, мой господин.

Как только Дерри отдал поспешный поклон, и повернулся, чтобы уйти, Морган поднял засов и проскользнул в свои апартаменты, осторожно закрыв за собой дверь.

Сперва его приветствовал только свет пламени очага. Близ занавешенного входа в гардеробную он различил гору сундуков и дорожных сумок, которых здесь раньше не было, подбитый мехом плащ, повешенный перед огнем для просушки — и никаких признаков служанки, которой полагалось присматривать за этим добром. Шагая через зал в сторону примыкающей к нему спальни, он заметил огонек свечи, горящей за пологом его кровати. Приближаясь, он мысленно прощупал пространство и убедился в присутствии там Риченды, а не какого-нибудь затаившегося убийцы, но решительно затворил в своем сознании все те мысли и темы, что, безусловно, не подлежали обсуждению в этот вечер после долгих месяцев разлуки.

— Я приехала слишком поздно, чтобы явиться к мессе, — прошептал мягкий нерешительный голос, как только Морган обеими руками раздвинул полог, — но я молилась. Ты присоединишься ко мне, мой повелитель?

Риченда занимала половину постели, меховое одеяло было надвинуто до подбородка, лицо ее озаряло пламя единственной свечи, поставленной в канделябр в изголовье. В ее глазах, что были синее любого горного озера, отразилась смесь печали и неуверенности, когда она взглянула на мужа, полыхающие золотые волосы полностью закрывали подушку. Золото обручального кольца на ее руке сверкнуло ярко и холодно, когда она поправила край одеяла у горла. Она тревожилась. Он знал, что она ожидает его недовольства.

— Так. Хотел бы я знать, что ты здесь делаешь? — спросил он, в его словах прозвучал холод, но в глазах было тепло, когда ее мысль протянулась к нему, полная ласки. — Перестань. Это мешает мне тебя отчитывать.

С притворной скромностью опустив глаза, она повиновалась, хотя почти тут же приподнялась на локте, чтобы вновь взглянуть на него, и меха, соскользнув, явили нагое плечо, что выбило его из колеи.

— Я прибыла, чтобы отметить Рождество с моим повелителем и супругом, — промурлыкала она, ласково касаясь сознания супруга. — Или мне не следовало приезжать?

Встреча после такой долгой разлуки были и сладка и мучительна. Шумно и коротко выдохнув, Морган опустил свои непрекрасные щиты, забрался в постель, обнял жену и жадно приник к ней губами. Прикосновение плоти к плоти пустило пляшущий огонь по всем его жилам. Он простонал, когда она отодвинула его достаточно для того, чтобы расстегнуть его пояс, и оба дрожали, пока она одной рукой стягивала ремень с его талии и отбрасывала его, вместе с мечом на постель рядом, а другой рукой возилась с пряжкой его плаща, и при этом ее губы непрерывно чмокали его в шею то здесь, то там.

— Нужно снять все, мой любимый, — прошептала она между поцелуями, принявшиеся за шнурки его верхней рубахи. — Особенно — сапоги. Я привезла наши простыни из Кората и постелила их, и вовсе не хочу, чтобы ты их продырявил своими шпорами.

Тут, приподнявшись на локте, он разразился смехом, тут же передавшимся и ей, затем покачал головой и сел прямо, в открытую ухмыляясь; огонь в его чреслах лишь поник, но не угас, пока он, подтянув колени, избавлялся от низких домашних сапожек.

— К счастью для нас обоих, я сегодня никуда не седил верхом, так что шпор у меня нет, и я могу справиться с сапогами сам, — сказал он, когда пряжки расстегнулись. — А то еще пришлось бы звать оруженосца.

— О, да, — согласилась она, покорная и не сводящая с него глаз.

Улыбаясь, он тряхнул обеими ногами в проеме полога и с блаженством услышал стук подошв о каменный пол. Верхняя рубаха немедленно последовала за сапогами. Она выпрямилась, чтобы помочь ему снять кольчугу, и тут одеяло соскользнуло до самой ее талии, а это было почти чересчур даже для самообладания Дерини; ему пришлось закрыть глаза и сделать несколько глубоких судорожных вдохов, пока они вместе очищали от стальной чешуи его спину, бока и грудь, а затем плечи. Причем часть пути вместе с кольчугой проделала и рубаха, зацепившаяся за нее у горловины, и он чувствовал переполняющее жену веселье, когда еще и его голова застрияла при попытках Риченды сорвать и то и другое одновременно.

— Постарайся не двигаться, пока я не разберусь, — прошептала она.

Он чувствовал теплоту ее тела спиной, когда она приподнялась на коленях позади него, чтобы его освободить, каждый его нерв щекотало от того, что ее волосы скользили по его плечу. Она тянула рубаху, и когда ткань затрещала, что-то прошептала. Ему согнуло и сдавило ухо. Он вскрикнул.

Новая возня у нераспугивающейся горловины, довольное «ух» — это жена убрала с его плеч стальной груз, и он наконец был свободен. Глубоко вдохнув, он спихнул кольчугу и мятую рубаху с постели и снова обратил взгляд к Риченде, отчаянно стараясь подавить дурацкую улыбку.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Ее улыбка была лишь слегка нерешительной, когда она кивнула в ответ, но взгляд не расстался со взглядом, когда она провела рукой по его боку и стала играть пальцами с верхней кромкой его штанов.

— Ты точно не сердишься, мой повелитель? — прошептала она.

— Сама знаешь, должен бы сердиться, — ответил он, заключая ее в объятия и бережно опрокидывая на постель вместе с собой. — Но я не сержусь. Гнев прошел, едва я увидел, как ты здесь лежишь. И теперь я только о том и могу думать, как долго не был с тобой в постели. Наверное, ты что-нибудь вроде ведьмы. Может быть, деринийская ведьма.

В ответ она звонко рассмеялась и потянула его к себе, чтобы поцеловать, сперва легко, а затем все более продолжительно, ибо их разговор велся уже не голосами.

«Так я ведьма? — Прощептал ее голос в его сознании. — И я околдовала тебя, любимый?»

«Полностью и всецело, — успел ответить он, прежде чем блаженно затерялся в ласковых касаниях ее рук, развязывающих пояс его штанов. — Боже, как мне тебя не хватало, Риченда!»

Но даже при том, что души слились, как и тела, он не был всецело околдован. Кое-чем он бы не мог поделиться, и она это знала, ибо он пользовался доверием многих людей и не вправе был открыть что-либо, связанное с ними, даже своей жене, без их дозволения.

Однако было и нечто еще, чем Морган делиться не желал, и это вызывало у Риченды глухую досаду. Особенно потому, что Морган упрямо отрицал, что проблема, вообще, существует.

Чтобы смягчить отказ, он посвятил ее в события, произошедшие с их последней встречи: обильный страстями и интригами синод в Кулди; бегство Лориса; посягательство на жизнь Дункана; прогулка короля в Приграничье — и Дугал с его щитами...

«Щиты? — прошептала Риченда, отодвигаясь, чтобы видеть его глаза, при том, что разум ее продолжал ловить то, что он передавал. — Он один из нас?»

«Мы так думаем, — ответил муж. — Но не уверены. Никто не может пройти за его щиты, а он не умеет их убирать. Большинство попыток чтения были для него столь мучительны, что теперь он боится любых новых касаний, чьих угодно, не считая Дункана. Дункан не причиняет ему боли, но и Дункан не может одолеть эти щиты.»

«А Дугал хочет, чтобы вы сделали это?» — спросила Риченда.
Морган пожал плечами.

«Он говорит, что да... и при этом не отступает, чтобы мы попытались. Правда, ни у кого из нас не было времени для основательной работы. Может, у тебя есть какие-то предложения? Вообще-то сам Бог велел заниматься этим Дункану, но он все эти дни занят не меньше, чем все мы.»

Ко времени, когда он сообщил ей все остальное, что знал о Дугале: пребывание мальчика в пленах у Лориса, смертельная опасность для Истелина, дерзкий побег из Ратаркина, взятие в плен двух царственных заложников — и совершенно непредвиденный взрыв при посвящении Дункану — Риченда прониклась жаждой принять вызов, который бросал им, Дерини, юный герц.

«У меня уже есть кое-какие соображения», — задумчиво заметила она. — «Не сомневайся, я постараюсь познакомиться с ним завтра на приеме.»

— И тебе едва ли удалось бы этого избежать, — прыснул муж.
— Его по всем правилам провозгласят графом Траншийским. А там начнется такое, что только держись.

— Ответ Кэйтрин на ultиматум Келсона, — догадалась Риченда.

Морган со вздохом кивнул.

— Он самый. А поскольку мы отнюдь не ожидаем, что она покорится, весной почти наверняка грянет война, а еще до того, на Крещенье, заключат брак Келсон и Сидана.

Тут Риченда оцепенела в его объятиях и отвернула лицо; он только и мог, что плотнее прижать ее к себе, пытаясь утешить и ждать, когда это пройдет, сожалея о последних словах, которые ляпнул, не подумав. Он никогда не докучал ей любопытством касательно обстоятельств ее первого брака, но знал, что ей пришлось тогда не легче, чем теперь Сидане. Для дочерей из знатных семей, если только они не удалялись в монастыри, браки по государственным соображениям были почти неизбежны.

256 Риченде едва исполнилось шестнадцать, когда ее выдали за

Брэна Кориса, и она ни разу не видела будущего супруга до дня свадьбы.

— О, я понимаю все династические доводы для такой жентльбы, — произнесла она наконец, вновь доверчиво прижавшись к нему в поисках тепла. — Гвиннед и Меара воюют поколение за поколением. И можно наконец прекратить эту старую-старую расплю. — Она испустила тяжкий вздох, прежде чем продолжать. — Но Келсон и Сидана — люди, Аларик, а не королевства. Я совсем не знаю девочку, но знаю Келсона. Он добрый и великолепный юноша, и знаю, он не пожалеет сил, чтобы сделать брак чем-то большим, нежели способ обзавестись законными наследниками, но... но...

— Но ни одному из них в действительности не приходится выбирать, — закончил Морган, отвечая на то, чего она не договорила. — Знаю. И меня это тоже мало радует. К несчастью, подобные обязанности неотделимы от короны.

— По-видимому. — Долгое время она хранила молчание, и ее мысли были затворены в столь сокровенных уголках, что Морган не дерзнул бы туда вторгнуться. Наконец она снова вздохнула.

— Что же, если свадьбы не миновать, тебе предстоит позабочиться о Келсоне, — сказала она. — Не знаю, как себя в таких случаях чувствует мужчина, но знаю, каково при этом женщине. Чего бы ни желала она сама, а, вероятно, быть Сидане Меарской нашей королевой. Она, безусловно, будет испугана, расстроена и несчастна, но нет причин, по которым все пошло бы действительно так уж скверно. Я в свое время испытала нечто подобное; возможно, мне удастся помочь ей увидеть светлые стороны. Если ты дозволишь, я попрошу, чтобы меня приставили к ней, и если она не будет против, мы подружимся. Мне так жаль девочку, Аларик.

— Моя прекрасная Риченда, — прошептал Морган, еще теснее охватывая ее кольцом своих рук. — Я так рад, так рад, что нашел тебя.

А заодно, подумал он, погружаясь в сон, он нашел и средство хотя бы на время отвлечь жену от мрачных мыслей — в любом случае, до тех пор, пока она в Ремуте.

* * *

Ранним рождественским утром разведчики Халдейна доложили о приближении меарского вестника и одного конного воина. Судя по быстроте передвижения, их следовало ждать через два часа. Паж принес эту новость Келсону в спальню Дугала, где король и его друг обсуждали как раз меарские дела, 257

пока Дугал одевался для церемонии. Сам король был в парадном алом хаддайском одеянии длиной до щиколоток, отороченном горностаями по рукавам и подолу и вдоль глубоких разрезов спереди и сзади. Но он еще не надел корону и прочие знаки своего королевского звания.

— Что-то мне это не больно нравится, а тебе? — спросил Келсон, отпустив пажа и оруженосца, и наблюдая, как Дугал завязывает узкий кушак поверх серой шерстяной верхней рубахи. — Вестник и один конный воин. Даже не посольство. Как ты полагаешь, что это значит?

Фыркнув, Дугал встряхнул плащ из превосходного тартана Макарди и набросил на плечи, придерживая одной рукой, пока другая шарила в деревянной шкатулке, ища подходящую пряжку.

— Готов поручиться, это не сдача... Но ее мы, по правде говоря, и не ожидали, верно? Как я понимаю, ты их примешь?

— Приму... После того, как покончим с твоим возведением в графы. Им не будет вредно немного охладить пятки. Это одна из тех вещей, за которые вестникам платят.

— Согласен.

Пока Дугал протыкал иглой тяжелого серебряного кольца два слоя тартана, Келсон приподнял бровь и наклонился поближе, кончиками пальцев повернул к свету за край плетеное серебро.

— Замечательная работа. Это из Пограничья?

Дугал кивнул и возвратил кольцо на место, поглощенный собиранием тартана в складки на плечах.

— Да. Это один из узоров клана Макарди. Передается от поколения к поколению. Полагаю, мне по-настоящему следовало бы и торк носить как вождю. Къярд сказал, что положил его на самое дно. Ты не попробуешь его найти?

Кивнув в ответ, Келсон склонился над деревянной шкатулкой. Он помнил этот торк. Старый Каулай носил его в тот день, когда вышел принести Келсону присягу на его коронации. И вскоре он увидел, что под пряжками и кольцами лежит что-то подходящего размера и формы, завернутое в белый кроличий мех.

Концевые шишечки, которым был искусно придан вид конских голов, выглянули из меха, как только Келсон вытащил эту вещицу из-под других, и он протянул ее другу, а сам продолжил рваться в шкатулке.

— Можно подумать, Къярд привез тебе всю сокровищницу

Транши, — сказал он, вытаскивая кольцо, инкрустированное

— Это? О да, траншийская, но не Макардри, — Дугал протер торк рукавом, а затем накинул его себе на шею, высвободив свою косицу и поправляя плащ и ворот так, чтобы они не мешали. — Вероятно, это следовало бы добавить к прочим знакам моего титула. Наряду с графской короной. У кого-нибудь еще такое есть?

— Вероятно, у Къярда, — отозвался Келсон. — Во всяком случае, у кого-то из твоих людей. — Он надел перстень себе на палец, чтобы наверняка не потерять и опять сунулся в шкатулку: а что там еще? — О, какая прелесть... Застежка для плаща с львиной головой. Почему ты не выбрал ее вместо этой круглой?

— Эта? — Дугал мельком взглянул на нее, взяв у Келсона, затем покачал головой и опустил обратно в ящик. — Думаю, на сегодня она не годится. Хотя, обещаю надеть ее на твою свадьбу, если ты все-таки женишься на Сидане. — Он с гулким звяканьем опустил крышку сундука. — Мне говорили, что отец подарили это матери в день свадьбы... и стало быть, она куда больше подходит для празднования торжества любви, чем для провозглашения кого-то военачальником. Согласен?

— М-да... Пожалуй. И все-таки она мне нравится куда больше круглой.

Сунув за пояс кинжал в ножнах, Дугал осклабился и робко кивнул.

— Если честно, то мне тоже. Но если я не надену подобающие знаки моего достоинства как вождя, особенно по слуху, когда я впервые, как таковой принят при дворе, я могу оскорбить своих родичей. Они подумают, что для меня куда важнее быть твоим графом, чем их вождем. А сам знаешь, как у нас на это смотрят.

— О, еще бы, — сказал Келсон, подражая рыкающему приграничному говору Дугала, и с улыбкой попросил его повернуться для осмотра.

Он опять был сдержан к моменту, когда тот остановился, а в серых, как у всех Халдейнов, глазах даже угадывалась легкая настороженность.

— В чем дело? — спросил Дугал.

Келсон со вздохом взорвался на свои сапоги.

— Хотелось бы, чтобы нынче утром у нас только и было забот — взвести тебя в графы, — тихо признался он. — О прочем я стараюсь и не думать.

— Как и все мы, — ответил Дугал.

— Тогда почему мы об этом думаем?

— Наверное... Потому что так надо.

— Так надо, — повторил Келсон.

Вдохнув поглубже, он выдохнул и поднял глаза с улыбкой, которая была лишь слегка напряженной.

— Ну, если уж на то пошло, полагаю, что и мне пора нацепить все знаки моего достоинства, как ты думаешь? Без них я не могу присвоить тебе графский титул.

— Конечно, нет, — воскликнул Дугал, уловив намек.

И они продолжали в том же духе все время, пока Келсон завершал свой туалет, и даже по пути в тронный зал до самых дверей.

Глава восемнадцатая

И обручу тебя Мне в верности¹

Лоролевский Рождественский Прием: аромат ели и кедра и еще более прянный запах факелов из сосновых ветвей, напитанных смолой, освещавших ему путь через набитый до отказа, гудящий зал. Зов серебряных труб, рокот барабанов.

Ослепительные наряды, обладатели которых почтильно раскланиваются, уступая дорогу; ряды придворных в праздничном платье, некоторые при оружии; дамы беспечны и легки, точно певчие птички.

Как полагается в самые большие праздники, он надел украшенный самоцветами тяжелый венец, которым его короновали, а не скромный золотой обруч, в котором чувствовал себя куда привольней. Его черные волосы свободно падали на плечи. На позолоченном кожаном поясе висел отцовский меч; инкрустированный скипетр покоялся на сгибе левого локтя.

Прежде чем взойти на помост к высокому трону с балдахином, он двинулся налево, где ждали епископы, и ненадолго преклонил колена перед Браденом, чтобы получить рождественское благословение, и, стараясь не расплескать наполнивший душу мир, воссел на трон.

И отныне то был единственный островок спокойствия. Едва король занял свое место, ударили барабаны, привлекая внимание к глашатаю, который возвестил об открытии Рождественского приема.

Последовали приветствия верных вассалов – большинство их лишь мелькало перед глазами.

Голова его то и дело наклонялась в ответ на их низкие поклоны, рука протягивалась, чтобы к ней в знак повиновения прикоснулись их губы, язык бормотал слова признательности, и

¹ Осия 2:20

даже что-то спрашивал о семьях и землях, и вот — перед ним кто-то новый, а за ним еще и еще...

Он просиял, когда к нему вдруг приблизился Дерри, ибо ведать не ведал, что тот собирается явиться ко двору на Рожество. Затем поднялся, чтобы поцеловать руку улыбающейся Риченде, которую подвел к нему Морган, и внезапно понял, почему Дерри здесь. И все-таки один сменялся другим слишком быстро, и мелькание замедлилось лишь тогда, когда выступил вперед Дугал, чтобы принять звание. И даже этот обряд прошел слишком скоро, чтобы доставить полное удовольствие.

Косички горцев, их пледы и оправленные в серебро кинжалы, волнистые волосы. Опустившийся перед троном на колени Дугал. Слова сожаления о смерти старого графа, приветствие новому. Выражение повиновения и клятва верности, руки Дугала меж королевских рук. Взмах большим мечом плашмя — серебряная вспышка в воздухе между ними — и вот он опоясывает Дугала другим мечом с позолоченным графским поясом...

— ...этим мечом обороны! беззащитных и наказывай зло, всегда помня, что у чести, как и у меча два острых края — правосудие и милосердие...

Внесены знамя и котел, ибо Дугал отныне правомочен предводительствовать на войне и обязан кормить и поддерживать своих вассалов... и вот он получает перстень и графскую корону.

— Хотя ценность этого благородного металла — знак твоего звания и достоинства, пусть вес этой короны напоминает тебе также о твоем долге и об ответственности, которую ты отныне разделяешь с нами. Поднимись, Дугал Макарди, граф Траншийский, и встань по нашу правую руку, среди других любимых нами доверенных советников.

Волынщики опять завели нечто бодрое и приподнятое, в то время как родичи Дугала торжественно несли его по залу на плечах, распевая славословие... Но, увы, слишком скоро пришлось вернуться к житейским бурям.

Бот он, вестник из Меары: выходит вперед, учтивый и смиренный, как приучен, но произносит дерзкие слова от имени своей госпожи, поправшей все предложения милосердия и предоставившей царственных заложников их участи. А вот — голова Истелина, окровавленная и точно вылепленная из воска, поднятая ввысь за прядь спутанных волос — грозное предостережение любому, кто изменит Меаре.

И даже этим не кончилось. Зал разразился воплями и громкими требованиями воздаяния. Нескольким женщинам сделалось дурно. Не одного и не двух вассалов Келсона пришлось силой удерживать, чтобы они не выместили гнев на

вестнике, прежде чем того препроводили под замок, дабы защитить. Когда король и его главные советники удалились в палату совета, страсти накалились пуще прежнего. Слишком оглушенный и подавленный даже для того, чтобы думать, что делать дальше, Келсон сидел, уронив голову в ладони, и старался ничего не видеть и не слышать несколько минут, пока другие не выпустили пар. Он поднял лицо, лишь когда Браден, сидевший около него слева, повторно его окликнул:

— Государь! Государь! Умоляю! Я не мстителен, государь, но такое простить невозможно! — говорил Браден, возбужденно крутя в пальцах нагрудный крест. — Разумеется, больше и вопроса нет о браке с меаркой!

— Если я не женюсь на ней, единственное, что мне остается — это убить ее, — устало заметил Келсон. — И вы хотите, чтобы я обратил свое негодование против невинной заложницы?

— Невинной? — фыркнул Джодрелл. — С каких это пор вина или невиновность имеют отношение к их участии? Прошу прощения, государь, но Генри Истелин был куда невинней любой меарской принцессы. И кровь его вопиет об отмщении!

— Да, но если я позволю, чтобы мстительность властвовала надо мной, что я за король? — парировал Келсон. — Я дал клятву, Джодрелл... Клятву поддерживать закон, умерять правосудие милосердием, но не мстить!

— Я не вижу здесь правосудия, — едва слышно пробурчал тот, раздраженно передвигаясь в кресле.

— А что вы увидели, Джодрелл?

— То, что вы, кажется, намерены дозволить отродьям изменников выйти сухими из воды, государь! — сказал Джодрелл по-громче, его красивое лицо недобро исказилось. — Да еще и пресподнести одному из них ту самую корону, которую их матушка пытается вероломно захватить! В данном случае милосердие — это слабость, государь. Меарская сучка умертвила заложника, которого взяла; и наше право — прикончить тех, которых удерживаем здесь мы.

— Око за око? — спросил Келсон. — Не думаю. Да и вы сами признаете, что восстала против меня Кэйтрин, а не кто-то другой.

— О да, восстала, государь! — прогудел Браден, — и совершила святотатственное убийство! Или грехи отцов не падут на детей? Келсон, она казнила не кого-нибудь, а епископа! Помазанного Богом. И прежде, чем они отняли у него жизнь, у Эдмунда Лориса хватило дерзости не только отлучить его, но еще и лишить священства... Генри Истелина, одного из самых набожных людей, какого я когда-либо знал!

Келсон искал, чем бы его урезонить, ибо это уже превосходило всякие границы, а между тем Кардиель покачал головой и властно положил ладонь на рукав Брадена.

— Мир тебе, брат, — спокойно произнес он. — Никто не спорит, что Истелин был набожным человеком. Но, учитывая, что он был набожен, он, судя по всему, не дрогнул, принимая мученичество ради веры и короля. И преступление Лориса лишилось смысла.

— Безусловно, в нем не было смысла, — возразил Браден. — Не о том речь. Был в нем смысл или нет, а Истелину пришлось встретить несправедливый приговор — одному, лишенному утешения извне, лишенному всего. И такая страшная смерть, — нескладно закончил он, и гнев его растворила скорбь.

Кардиель вздохнул и опустил полные слез глаза.

— Мой дорогой брат. Умоляю тебя, не терзайся так. Во всем и всегда Генри Истелин был верным слугой Бога и короля. Мы не вправе сомневаться, что он умер, полный веры... что он проявил себя так, как каждому из нас надлежало бы себя проявить, будь нам только ниспослана такая милость в ответ на наши молитвы... и что вера его поддерживала его до самого...

— Нет, — прохрипел Браден, и гнев его вспыхнул вновь. — Пусть вера Меарских детенышей поддерживает их, когда они встретят заслуженную ими участь, как отродья изменницы! Государь, я не могу найти в моем сердце сострадания к ним. Змеенейшей надлежит истребить, подобный брак немыслим!

Морган, сидящий по правую руку от короля вместе с Ричендой, не мог не уловить мощный напор отчаяния и скорби, хлынувший в какой-то краткий миг во время спора двух архиепископов.

Волна быстро спала, но он знал: Риченда тоже почувствовала. Он ощущил ее дрожь, а ее рука вцепилась в его руку. Он знал также, чего стоит Келсону не давать волю своему гневу и осознанию беспомощности. И неважно, как поступит король, кто-нибудь все равно его не одобрит.

Уязвленный болью Келсона, Морган обратил умоляющие глаза к двум архиепископам, не упуская из виду и всех остальных за столом.

— Довольно вам наконец, господа! — воззвал он к ним, обрывая новый виток страстного противостояния. — Или вы думаете, что ваша перебранка облегчает нам принятие решения? Чего вы пытаетесь добиться? Думаете, он не знает? Или корона не тяжела?

— А сколь же тяжко было бремя Истелина? — проговорил Браден.

Но любой новый взрыв пресек утомленный взгляд Арилана и покачивание седой головы Кардиеля, полного муки и сострадания.

— Прошу вас, Браден,тише, — произнес Кардиель. — Герцог Аларик прав. Какой бы ужасной и незаслуженной ни была участь нашего брата Истелина, это уже в прошлом. Мы уже больше не в силах помочь ему или вернуть его. Мы не вправе позволить, чтобы гнев и скорбь затуманили наш разум и помешали принять мудрое решение.

— Архиепископ Кардиель говорит дело, — согласился Нигель.

— Если мы расправимся с заложниками, мы утратим всякую надежду на мирный исход противостояния. Злоба может породить только злобу, и...

— Ну, вот именно, вот именно, — вмешался Эван. — Породить — отличное словечко. Пусть парень сватается, архиепископ. Ему надо породить наследника.

Гул одобрения, который издали другие миряне из присутствующих, вдохновил Эvana на продолжение его речи.

— Давай, не отступай, пока она не скажет «да», государь. А там — что есть духу под венец и смотри, молодец, чтоб понесла от тебя к весне. А там и в поход можно. Немало славных меарцев сбежится под твое знамя, если станет ясно, что на свет вот-вот появится наследник двух корон. Смотри же, не теряй времени!

Браден вздохнул и наклонил голову, подняв руку с кольцом, пусть нехотя, но давая согласие, и напряжение, пусть отчасти, но разрядилось.

Миг спустя Нигель взглянул вдоль стола на своего царственного племянника, через силу пытаясь улыбнуться.

— Мудрый совет, Келсон, — спокойно признал он, — хотя я бы выразился несколько сдержанней. Тебе нужен наследник — плоть от твоей плоти, и нужен союз с Меарой. А наследник от союза с меарской принцессой — лучше не придумаешь. Я знаю, этот брак — не то, что ты предпочел бы, выди по-иному, но... — Он пожал плечами. — Что я еще могу, кроме как пожелать тебе счастья и предложить все, чем располагаю, чтобы легче все устроить и наладить?

Келсон равнодушно взглянул на дядю, неподвижный, сложивший перед собой руки.

— Благодарю вас, дядя. Пожалуйста, не считите мой недостаток воодушевления за недостаток благодарности. Все, что сказали вы и герцог Эван, совершенно верно. — Он вздохнул. — Теперь нужно молиться, чтобы принцесса Сидана смотрела на вещи столь же здраво, сколь и мы.

— А если нет... — лукаво заметил Арилан, и в его взгляде вновь появился намек на способы во что бы то ни стало добиться согласия. — Ты женишься на ней вопреки ее воле?

— Я уже сказал, что женюсь, — ответил Келсон несколько резко. — И вы совершите обряд, ваше преосвященство, если я поторщу к алтарю упирающуюся невесту?

Арилан поджал губы, но решительно кивнул. Браден и Кардиель выглядели оторопелыми. Эван фыркнул.

— Поймай его на слове, государь. Особую канитель разводить недосуг. Если вздумает поначалу воротить от тебя нос, то придется сперва играться, а потом венчаться. Или хотя бы пригрозишь ей чем-то таким. Она живо образумится.

Это замечание в свой черед возбудило немало шума, в том числе, и негодующего, в первую очередь, среди духовенства, но также со стороны Риченды и Дугала, пока, наконец, Келсон не прокашлялся и не обвел их всех серыми глазами, так что каждого обдало древним и жгучим огнем, как в дни его отца.

— Благодарю вас, господа, я справлюсь со сватовством, — произнес он, когда все умолкли. — Оно пройдет столь благородно, сколь возможно, но так или иначе, а быть на Крещенье королевской свадьбе.

— К чему медлить? — спросил Сигер де Трегерн. — Если одна из целей всей затеи — обзавестись наследником до весеннего похода, государь, вам следует начать сеять как можно раньше. Девица молода. Придется повозиться, пока не произойдет зачатия.

Келсон запыхал гневом, не в силах найти ответ, и тут ему на выручку пришел Дугал.

— Если я правильно понимаю намерения его величества, государь, он хочет короновать свою королеву в тот самый день, когда женится. А это предполагает иную подготовку, чем когда просто совершается оглашение, и пара в положенный срок предстает перед священником.

После того, как Келсон кивнул и пробормотал: «да», от души благодарный за помощь, Дугал продолжил:

— Ну, а если молодую супругу следует возвести на престол с великолепием, как предстало спутнице короля Гвиннеда, мы все окажемся заняты по горло, чтобы все подготовить за столь короткое время. И, не сомневаюсь, госпожа Риченда подтвердит, двенадцати дней едва ли хватит, чтобы обзавестись нарядами и драгоценностями, которые потребуются для столь краткого, но яркого мига.

— Это правда, господа, — согласилась Риченда. — И если 266 бы только это. А ведь надо еще подумать и о самой бедной

невесте. Ведь не слишком большая дерзость попросить хоть немного времени, чтобы она подготовилась к обязанностям, которые на нее возложат?

— Да вряд ли она из недогадливых, — вставил Эван. — И наверняка ее сызмальства приучили, что долг прежде всего. Не стоит с ней слишком нянчиться, государь.

— Нянчиться вообще ни к чему, — отрезала Риченда, прежде чем Келсон успел раскрыть рот. — Но я говорю как та, которая сама была просватана и обвенчана ради земель и прочих благ, и которую никто не спросил о ее желаниях. Дайте девушке несколько дней, чтобы привыкла к мысли, что так надо, и чтобы смогла убедить себя, что брак этот — на благо и ее земле. Когда-нибудь, годы спустя, ваша королева, быть может, выскажет вам благодарность.

— А я благодарю вас, моя госпожа, — отозвался Келсон. — Вы как нельзя более уместно напомнили нам об участии во всем этом Сиданы.

Она изящно склонила голову.

— Могу я также просить вас о том, чтобы служить ей, пока она при дворе? — продолжал он с напряженной, но полной надежды улыбкой. — И, возможно, взять на себя всю женскую сторону наших приготовлений? Я не настолько наивен, чтобы счесть, будто для нее этот брак окажется более заманчив, чем для меня, но, наверное, ваш опыт и сочувствие помогут ей принять неизбежное.

— Для меня было бы величайшей честью служить вашей будущей королеве, государь, и сейчас, и в дальнейшем, — ответила Риченда. — Мы с моим повелителем именно это обсуждали нынче утром.

— О, — сказал Келсон. — Это весьма кстати.

И окинул взглядом остальных, сделав глубокий вдох и отчетливо выдохнув, затем встал. И сразу встали все присутствующие.

— Очень хорошо, господа советники, и вы, сударыня, — сказал он. — Сейчас я иду беседовать в моей будущей королевой. Госпожа Риченда, буду рад, если вы согласны меня сопровождать... И вы, епископ Дункан. А всем остальным предлагаю начать обсуждать все, что требуется для предстоящего брака. Дядя, прошу вас вести совещание в мое отсутствие.

* * *

Уже немного спустя Келсон рад был, что попросил Риченду и Дункана пойти с ним, ибо обнаружил, что куда больше тревожится, нежели согласился бы признать, и тревога не покидала его на протяжении всего пути по едва освещенной гале-

рее. Сразу же по прибытии Сиданы в Ремут он отвел для нее бывшие покой своей матери, решив, что это единственное подходящее место для принцессы, сколь бы сомнителен ни был ее титул; и теперь он задавался вопросом, а не предполагал ли с самого начала подобного посещения.

Во рту у него пересохло, как в пустыне, когда он подходил к наружной двери, он нервно откашлялся и дал Дункану знак пройти вперед, дабы возвестить о нем. Стражи встали навытяжку и ревностно отдали честь королю, когда они приблизились втроем, но он дал им знак встать вольно перед тем, как расправить складку тяжелого придворного одеяния. Большую корону он сменил на простой и легкий золотой обруч. Пока Дункан медлил перед дверью, он с беспокойством глядел на тень, которую отбрасывал в свете факелов. Риченда ждала чуть позади него.

— Вы уверены, что готовы через такое пройти, государь? — спросил Дункан, взглянув на него искоса и положив руку на парчовую тесьму колокольчика.

Неловко поежившись, Келсон кивнул, показывая, что хорошо осознает свой королевский долг, и рука Дункана, встрепенувшись, вызвала в ответ мелодичный звон колокольчика. Епископ-Дерини вновь окинул короля взглядом, полным участия и дружеской поддержки, и сам должным образом подобрался, когда дверь отворила служанка. Девушка обалдело уставилась на епископский пурпур.

— Король желает увидеться с госпожой Сиданой, дитя мое, — произнес Дункан, стараясь, чтобы это прозвучало как можно мягче и спокойнее, но все же властно. — Нам можно войти?

Несколько смущенная, как его званием, так и просто мужским присутствием, девушка почтительно присела и отошла в сторону, пропуская их, перед королем она вновь присела — медленно и глубже, а глазами с ним даже не решилась встретиться. Когда она затворила за ним дверь, в следующем дверном проеме появилась герцогиня Мерауд, улыбнувшаяся, едва увидев, кто это.

— Племянник, — произнесла она, шагнув вперед, чтобы почтительно и торжественно присесть, — тебе здесь как нельзя более рады. И епископу Дункану... И Риченде! Ах, Риченда, ты поистине рождественский подарок! Аларик даже не потрудился сообщить мне, что ты приехала.

Когда две женщины обнялись, даже Келсону удалось слабо улыбнуться, бормоча подобающее приветствие, пока госпожа

Мерауд касалась его щеки обычным родственным поцелуем. Ее

макушка едва достигала его подбородка. Догадавшись вдруг, что происходит нечто важное для женщины, он скользнул взглядом по ее темно-зеленому платью и, не конфузясь, задержался на слегка округлившемся животе.

— О, да, наша семья скоро снова прибавится, — небрежно обронила она. — Она родится в конце весны.

— Она? — улыбаясь, переспросила Риченда.

— Да, откуда ты знаешь, что это девочка? — спросил Келсон.

— Как откуда? У нас уже и так три мальчика. И мне дозволено надеяться, что теперь у них будет сестренка, — ответила герцогиня. — Не то чтобы я желала для нее участи некоторых принцесс. — И оценивающе оглядела всех троих. — Предстоит королевская свадьба? И вы пришли, чтобы сказать ей об этом?

Прикусив нижнюю губу, Келсон кивнул.

— Боясь, что так, тетя. И... я думаю, пусть лучше теперь меня сопровождает только отец Дункан.

— Разумеется, государь, — пробормотала герцогиня, внезапно стал чуть холоднее. — Она у себя.

И, высоко держа голову, повела короля и епископа через зал. Она и сама не уступила бы иной королеве. Длинные волосы, свернутые на затылке под тонким покрывалом, были черными, как у всех Халдейнов, лицо — светлым и гладким. Когда она задержалась у входа и обернулась, делая им знак проходить, она показалась лишь немногим старше своей царственной подопечной, которая обернулась и замерла у большой арки глубоко прорубленного в стене окна.

— Добрый день, моя госпожа, — ровным голосом произнес Келсон.

Сидана побелела в ответ на его слова и, немедленно отвернувшись, стала глядеть на падающий снег... Что она испытывала, было заметно даже оттуда, где стоял Келсон. Угасающее солнце бросало сквозь окно красноватые отсветы на ее длинные каштановые волосы и превратило ее светло-голубое платье в пурпурное.

— Господин Алюэл в гостях у сестры, государь, — предупредила Мерауд, придерживая Келсона рукой за предплечье, когда он двинулся было к девушке. — Что же, нынче Рождество, — добавила она, видя, что он остановился и смотрит на нее с нескрываемой досадой. — Никто не говорил, что им нельзя видеться... И он зашел только на час. Или я не имела права его впускать?

Вздохнув, Келсон покачал головой и двинулся вперед, к оконной нише; вскоре он и сам увидел Алюэла, сидящего на дальнем конце, застывшего и негодящего. Король надеялся, что брат Сиданы при разговоре присутствовать не будет, 269

но, возможно, к лучшему, что он здесь. Если удастся добиться поддержки Алюэла, это легче пройдет для Сиданы. Но, когда их глаза встретились, Алюэл встал и словно воздвиг между ними стену, а рука его непроизвольно потянулась к поясу за клинком, которого там не было. Сидана стала на какое-то мгновение похожа на попавшуюся в западню перепуганную пташку.

— Нет, все в порядке, тетушка, — непринужденно заметил Келсон. — То, что мне нужно сказать, касается господина Алюэла не меньше, чем госпожи Сиданы. Хотя, должен вас предупредить, Алюэл: я хочу, чтобы у нас получился разумный спокойный разговор. Любая ваша попытка его сорвать будет пресечена. Вам все понятно?

С мгновенье Алюэл стоял неподвижно, весь пылая, пальцы правой руки сгибались и разгибались там, где привыкли отыскивать рукоять кинжала, и Келсон призадумался, а не придется ли им с Дунканом противостоять этому юнцу физически. Он чувствовал, как Дункан рядом весь напрягся, готовый к борьбе, и знал, что епископ-Дерини поглощен теми же мыслями. Но от безумных выходок Алюэла удержала Сидана, поспешно коснувшись его руки и слегка покачав головой.

— Перестань, брат, — прошептала она. — Я бы не хотела, чтобы с тобой что-то случилось из-за меня. Если ему угодно, он будет со мной разговаривать. И ты ничем не сможешь ему воспрепятствовать.

— Твоя сестра весьма неглупа, Алюэл, — признала Мерауд. — Прими все как есть. И не заставляй меня сожалеть, чтоб я тебя впустила.

Алюэл оборотил жгучий, исполненный горечи взгляд на Келсона и уронил руки по швам, с заметным усилием изгоняя из тела изнуряющее напряжение. В ответ Келсон с холодной учтивостью наклонил голову. И еще несколько секунд Алюэл не сводил с него немигающих глаз, после чего, прежде чем опустить голову, прошептал сестре два-три слова, которые никто, кроме нее, не рассышал. Затем принц повернулся спиной к царственному посетителю сестры и стал глядеть в окно. Даже Сидана смущилась при виде его грубости и в тревоге скжала руки, бросив украдкой взгляд на короля.

— Прошу вас, тетя, уделите внимание герцогине Риченде, — обратился Келсон к Мерауд, не отводя глаз от Сиданы, — мы с отцом Дунканом прекрасно справимся.

Мерауд присела и удалилась, затворив за собой дверь, и Келсон постарался ничем не дать понять, что заметил испуг и отчаяние на лице Сиданы, а лишь плавным движением попрощалась с ней. А Сидана первым взойти по крутым ступенькам в

оконную нишу. Алюэл настороженно обернулся при их приближении, а его сестра попятилась, и в конце концов оба оказались в правом углу: она стояла, прижавшись спиной к боку своего брата, а он покровительственно обвил рукой ее плечи.

— Прошу вас, сядьте, — спокойно предложил им Келсон, указывая на подушки слева от него. Нет надобности затруднять друг друга там, где и без того все непросто. Я не намерен ни одному из вас угрожать, но есть вещи, говорить о которых порой необходимо. Садитесь же! — повторил он, ибо ни один, ни другая не шевельнулись. — Я предпочел бы не выворачивать шею, глядя на вас.

Еще заметней побледнев, Сидана опустилась на подушку, со спиной, прямой, словно палка, и сжатыми кулаками, которые она пыталась скрыть в складках юбки.

Алюэл, рухнувшись на сиденье рядом, был явно не меньше напуган, но не жалел сил, чтобы скрыть страх напускной бравадой.

Внезапно Келсон понял, каков он сейчас в их глазах — уверенчный короной, облаченный в парадное алое одеяние, отделанное горностаями, да еще и в обществе епископа-Дерини. Он попытался придать своему лицу более мягкое выражение, переводя взгляд с брата на сестру, но знал, что ему надлежит быть твердым. И радовался присутствию Дунканна, способного охладить страсти.

— Пришли вести от вашей матушки, — начал он, обращаясь к обоим. — Ее посланец прибыл нынче утром.

На краткий миг Сидана распахнула рот, закрыв глаза. Ее брат залился краской.

— Она все еще бросает вызов Гвиннеду, верно? — прохрипел Алюэл. — И готова стоять до последнего!

— Она казнила моего епископа, который был у нее в заложниках, — ровным голосом сказал Келсон, не поддаваясь на поднажку. — Вам известно, что это означает?

Сидана в страхе глянула на брата, и тот напустил на себя еще более надменный вид.

— И вы, в свою очередь, намерены казнить нас? Мы не боимся умереть!

— Никто и не обвиняет вас в трусости, — осадил его Келсон. — И я хотел бы позаботиться о том, чтобы никому больше не пришлось умирать... Хотя, думаю, даже вы согласитесь, что теперь я бы мог с полным правом вас убить.

— Ублюдок деринийский! — бросил Алюэл.

— Охотно признаю, что я Дерини, — мягко ответил Келсон, — а использование вами другого слова отношу за счет 271

вашего гнева и юношеского нахальства. Но не прерывайте меня больше, а не то я попрошу епископа Маклайна вас угомонить.

И почувствовал: они знают, что это не пустая угроза. Сидана опять едва не раскрыла рот, но сдержалась, и оба непроизвольно оглянулись на Дунканна. Алюэл сдал губы и, угрюмый, опять сел на место. Дункан был без оружия, и ни в его телосложении, ни во взгляде не угадывалось ничего грозного и воинственного, но они наверняка уже поняли: вот еще один «деринийский ублюдок». И если он еще не применил к ним свои умения, то оба уже отведали волшебства Моргана. И на миг оба присмирили.

— Очень хорошо. Надеюсь, здесь мы друг друга поняли, — вздохнул Келсон. — Прошу вас, поверьте, у меня нет желания кого бы то ни было казнить, особенно моих родственников, да еще женщин, но я бы не очень хорошо сдержал свои коронационные обеты, если бы дозволил измене остаться безнаказанной. Я законный помазанный король не только Гвиннеда, но и Меары. Ваша мать восстала против меня и лишила жизни невинного.

Сидана по-прежнему немо взирала на него, а Алюэл, похоже, готов был снова взорваться; но вновь страх перед сидящим неподалеку Дунканом не дал ему нарушить молчание, и Келсон заговорил дальше.

— Но я не желаю новых жертв, — сказал он более умиротворяюще. — Искреннее мое желание, чтобы Меара и Гвиннед были едины, как мечтали наши прадеды. И если этого можно добиться мирным путем, то я его бы и предпочел. И вы можете мне в этом помочь.

— Мы? Помогать Халдейну? — усмехнулся Алюэл.

Как только раздались эти слова, Келсон гневно полыхнул на него глазами и подал знак Дункану.

— Еще одно его слово... — недобро предостерег он.

Небрежно, но целенаправленно, Дункан передвинулся поближе к краю ниши, и теперь мог бы спокойно дотянуться до Алюэла. Мальчик немедленно присмирил, и Келсон всцело сосредоточил внимание на его сестре. Он почти надеялся, что больше Алюэл ничего не скажет, его постоянное вмешательство не облегчало этот непростой разговор.

— То, что я скажу дальше, касается, прежде всего вас, сударыня, — терпеливо произнес он. — Я не рассчитываю, что вы сделали бы что-нибудь ради меня, но, надеюсь, готовы сделать что угодно ради Меары. Я предлагаю вам способ покончить с рас-

прай между нашими землями без дальнейшего пролития 272 крови. И прошу вас заключить со мной союз, чтобы наши

дели правила, как неоспоримые властители, объединенными Мерарой и Гвиннедом.

Ллюэл с гневным воплем попытался подняться со скамьи, Сидана вскрикнула и вскинула руку, пытаясь остановить Дунканна, осознав, что сейчас произойдет...

Но епископ оказался над Ллюэлом, прежде чем тот покинул свое место, и так быстро пустил в ход свое умение, что Ллюэл только успел вскинуть ладонь в направлении Келсона. Веки принца затрепетали, а затем закрылись, и он рухнул на руки Дункану, уронив голову на епископский пурпур. Уснувший, с разгладившимся и безмятежным лицом, он теперь выглядел даже моложе своих пятнадцати лет.

— Его предупреждали, — пробормотал Дункан, поудобнее устраивая юношу на скамье и бросив взгляд на его сестру. — Я ничем ему не повредил. Он слышит, что происходит вокруг. Просто он не сможет ответить. Уверяю вас, боли он не ощутил. И сейчас не испытывает. Его величество обратился к вам с вопросом, сударыня. Полагаю, вы ему ответите.

Раскрыв в испуге рот, Сидана вырвала свое запястье из пальцев Келсона и встала, очевидно, только теперь заметив, что король ее удерживает. Она была слишком горда, чтобы разрыдаться, но Келсон чувствовал, с каким великим трудом она удерживалась от слез, когда отступила в угол ниши, как можно дальше от них. Обхватив свою грудь руками, она несколько секунд невидяще смотрела в окно.

Когда она наконец попыталась заговорить, ее голос запнулся. Смутившись, она обратила этот сдавленный звук в напряженный кашель.

— Если я... правильно поняла, это предложение брака? — удалось ей наконец спросить.

— Это так, — подтвердил Келсон.

— И король действительно просит или повелевает? — с горечью прошептала она. — Если я откажусь, он возьмет меня силой, верно?

Келсон безрадостно улыбнулся, предпочитая не замечать насмешки.

— Здесь, при свидетеle, сударыня? — небрежно переспросил он. — Да еще и при епископе?

— Епископе-Дерини, — уточнила она, с вызовом задрав подбородок. — Том, который уже подчинил моего брата вашей воле. Почему бы ему не проделать того же и со мной, если вы желаете? Или вы бы сами что-то такое совершили... О, мы слышали, как вы завоевали свою корону с помощью черной магии.

Дункан с негодованием взглянул на нее, затем вопросительно — на короля, но Келсон покачал головой, у него уже возникло удачное возражение.

— Вы действительно верите, что я готов принудить вас к браку? — тихо спросил он. — Или что служители церкви допустят такое и оправдают меня?

— Вы оба Дерини. Я не знаю, на что вы способны.

— Я бы не применил ничего из того, чем располагаю, ни обычную силу, ни магический дар, чтобы вынудить вас на что-либо, противное вашей совести, Сидана. Брак — святое таинство. А это кое-что значит для меня. Кое-что весьма важное. Но важно также и то, что наш брак означал бы для двух наших земель: конец кровопролитию, вызванному спором о наследовании; мир. Или для вас так ненавистна мысль о том, что вы станете королевой?

Она склонила голову, и с минуту ее плечи беззвучно вздрагивали.

— А что будет с моими родителями? — спросила она наконец. — И с братьями?

Келсон взглянул на неподвижного Алюэла и вздохнул.

— Я бы предложил Алюэлу отречься от его прав на меарские титулы, на которые претендует ваша семья. Как только я заручусь его словом чести, я предоставлю ему имение, какое подобает брату моей королевы.

— А Ител? А мать и отец?

— Я знаю, что вы желаете услышать, — ответил он, — но не могу обольщать вас ложными надеждами. Так или иначе, чтобы мир наступил надолго, я обязан не допустить никакого наследования перед вами, дабы никто не оспаривал права наших потомков править и Гвиннедом, и Меарой. Участь ваших родителей и братьев зависит от их дальнейших действий. Мне не нужна их смерть, но я без колебания лишу их жизни, если это спасет сотни, а, возможно, и тысячи других.

— Понятно.

Она медленно перевела взгляд на брата и безучастно двинулась к окну, положила на него плащмя обе ладони и стала смотреть на вольные холмистые просторы за Ремутом, бело-бронзовье в лучах угасающего солнца.

— Итак, мне не из чего выбирать, — произнесла она несколько секунд спустя. — Откажу я вам или нет, моя семья обречена, равно как и моя земля. Мы в своем праве, но мы — маленькая страна, по сравнению с Гвиннедом... и мы люди. Нам не высто-

ять перед могуществом деринийского властителя. Полагаю, 274 я об этом всегда догадывалась. Наше дело было проиграно

еще до начала борьбы, хотя моя матушка этого ни за что не признает. И, чтобы ни сделала я, знаю: они погибнут, ибо не покорятся.

— Тогда подумайте о вашем народе, — напомнил ей Келсон, медленно встав, чтобы посмотреть на нее, и жалея, что не может предложить ей настоящего утешения. — Разве так ужасно быть оружием мира? И не нашли бы вы хоть какого-то удовлетворения в титуле королевы?

— Королевы какой-либо страны, кроме моей...

— Королевы земли, в которую входит и ваша, — уточнил он.

— И жены человека, который не пожалеет сил, чтобы сделать вас счастливой.

— В браке, заключенном по государственным соображениям с врагом моего народа, — отозвалась она, опустив глаза. — Мне суждено стать пешкой в династической игре, что всегда было участью знатных женщин.

— Равно как и участю королей, сударыня.

Дрожа, Келсон снял свой обруч и отложил в сторону, пав перед ней на одно колено. Он жаждал коснуться ее, ощутить пальцами хотя бы прядь ее блестящих волос, но был слишком взволнован и слишком ясно осознавал, что Дункан молча сидит рядом справа от них с Люэлом, неподвижно распростертом у него на коленях, но в полном сознании.

— Я... я не меньше пешка, чем вы, Сидана, — тихо продолжал он. — Отец Дункан подтвердит вам, что я всегда втайне надеялся на брак по любви или, хотя бы, по склонности, но при этом всегда знал, что династические соображения придется поставить выше моих личных желаний, когда я наконец женюсь. — Он напряженно прочистил горло. — И все-таки даже такой брак может оказаться хотя бы удовлетворительным. Я не могу обещать, что вы будете счастливы, если пойдете за меня. Но даю слово короля и мужчины, что буду поступать с вами честно, и попытаюсь, насколько смогу, вести себя как добрый участливый супруг. И молиться, чтобы со временем к нам пришла и любовь. Возможно, это не все, чего бы вы пожелали, и это не все, чего я бы пожелал... но это все, что я могу предложить. Вы хотя бы обдумаете мое предложение?

В течение долгого мига она не двигалась, и он был уверен, что она откажется. Вопреки благородству, он потянулся к ней мыслю и увидел смятение в ее душе: беспомощный гнев, чувство долга, честь и слабый намек на сострадание, давший ему повод надеяться.

Отстранившись, ибо ее чувства были слишком насыщены, чтобы слишком долго такое выносить, да еще, когда он

вторгся в ее мир украдкой и непрошеным, он поднял ладонь и пригладил каштановый локон, запутавшийся в складке ее плаща, намереваясь продолжать уговоры. И от прикосновения словно ударила молния, так поразившая его, что он едва не распахнул рот.

Точно ужаленный, он отдернул руку и воззрился на ее профиль, отчетливый поверх темнеющего окна, испытывая некоторое головокружение. Он не посмел бы позволить этим теперешним мыслям воцариться в своем разуме, но не мог остановить их. Он знал, что если она будет упорствовать, возможность принуждения не полностью исключается, что бы он ни утверждал до того.

Однако Сидана сама спасла Келсона от сомнений. Несколько секунд спустя, так и не взглянув на него, она уронила правую ладонь и раскрыла ее.

— Я выйду за вас, — прошептала она, и наконец слеза скатилась по ее щеке.

Почтительно, не смея говорить из боязни, что она вдруг передумает, Келсон взял ее руку и поцеловал, тут же отбросив волну, которая поднялась в нем при этом прикосновении. И все-таки она что-то почувствовала. И когда он повернул ее ладонь, готовясь снова приложить к губам, он ощущил ее дрожь. Он поднялся со вновь обретенным спокойствием, держа ее ладонь в своей, и неловко повернулся к Дункану:

— Вы свидетельствуете о том, что дама согласилась, отче?

Кивнув, Дункан переместил Люэла в сидячее положение и встал, положив руки на их соединенные ладони. Люэл пошевелился и открыл глаза, но у него, похоже, не хватало духу на что-то большее.

— У вас намечен срок, государь?

— Через двенадцать дней на Благовещенье.

— Подходящий день для коронования королевы, — мягко заметил Дункан и одарил дрожащую принцессу сочувственной улыбкой. — Сидана Меарская, согласна ли ты и даешь ли обещание добровольно и по своему желанию заключить почетный брак с Келсоном Гвиннедским двенадцать дней спустя, по обряду нашей Святой Матери Церкви?

Ее глаза наполнились слезами, но она проглотила слезы и быстро уронила подбородок.

— Согласна и даю обещание, и да поможет мне Бог.

— Келсон Гвиннедский, даешь ли ты обещание и согласен ли добровольно и по своему желанию заключить почетный брак с

Сиданой Меарской двенадцать лет спустя, по обряду нашей 276 Святой Матери Церкви?

— Согласен и даю обещание, и да поможет мне Бог, — твердо произнес король.

— Тогда я свидетельствую и подтверждаю, что торжественно совершена помолвка между Сиданой Меарской и Келсоном Гвиннедским, дабы они соединились священными брачными узами двенадцать лет спустя, по обряду нашей Святой Матери Церкви. Оглашение состоится завтра. И эта договоренность столь же нерушима, сколь и брачные обеты, и не будет расторгнута. — Он осенил крестом их соединенные руки. — Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь.

Она немедленно вырвала руку, отвернулась и, зарыдав, упала на подушку у окна. Келсон попытался было утешить ее, но Дункан покачал головой и позвал вместо этого Мерауд и Риченду, коротко сообщив им, что произошло, прежде чем вывел за дверь Алюэла и Келсона. Ошеломленного Алюэла он передал с рук на руки стражу, чтобы тот проводил его обратно.

А Келсона опять повел в королевские покои, где ждали Морган, Дугал и Нигель. Там они оба рассказали, как и что решилось, и король распорядился продолжать приготовления.

Глава девятнадцатая

**Веселое сердце благородно,
как врачевство, а унылый дух
сушит кости¹**

Втечение последовавших полутора недель Келсон избегал любых встреч со своей нареченной, надеясь, что время, полное размышлений, поможет ей приучиться не лить слез в связи с предстоящим исполнением их обоюдного долга. Постоянное присутствие при ней Риченды оказалось благословенным, ибо вскоре Сидана стала предпочитать ее общество обществу любой другой дамы при дворе, несмотря на суровую истину, что Риченда была женой Дерини. Келсон не спрашивал, воспользовалась ли Риченда какими-то особыми способами, чтобы установить дружеские отношения с принцессой; для его совести было достаточно знания, что его собственное сватовство свершилось без применения деринийских дарований.

Однако Риченде это удалось; и бурные приступы с рыданиями постепенно уступили каменному терпению, безучастной покорности, и порой даже робкому волнению, когда, скажем, кроились и примерялись наряды, а Риченда начала участливо наставлять свою молоденькую подопечную касательно некоторых привилегий, равно как и обязанностей ее новой жизни. Единственный крупный срыв приключился посреди недели, когда после встречи наедине с братом она устроила припадок с криками и воплями. Услышав об этом, Келсон запретил им впредь видеться до самого дня свадьбы и попросил Риченду все это время находиться при девушке день и ночь. Морган тосковал в пустой постели, но дела с Сиданой отныне пошли настолько лучше, что он считал жертву оправданной. Однажды, проходя мимо покоев Сиданы, он даже услышал, как девушка поет вмес-

¹Причи 17:22

те с Ричендоу. Келсон, когда ему об этом рассказали, сиял весь вечер.

Церковные и военные приготовления также шли полным ходом все остающиеся до свадьбы дни. Наутро после Рождества архиепископы предприняли новый шаг для того, чтобы поставить Лориса на колени, распространив отлучение мятежных епископов и Меарской семьи на всю Меару, то есть, провозгласив общий интердикт. Келсон сомневался в оправданности этой меры, было мало похоже, что Лорис хотя бы ухом поведет, но позволил разослать это решение вместе со своим объявлением войны, которая начнется весной. Желая соблюсти приличия, он также послал в Ратаркин извещение о своем намерении жениться на Сидане: в письме воспроизвилось оглашение, сделанное в Ремуте в то утро и засвидетельствованное почти дюжиной епископов и государственных мужей.

Не приходилось опасаться, что меарцы сорвут свадьбу, ибо ни один посланец не смог бы домчаться в Ратаркин и вернуться в столицу до начала обряда; а все дальнейшее должно было решиться весной.

— Ее родители, вероятно, предпочли бы увидеть ее мертвой, — мрачно заметил Келсон, потягивая терпкое фианнское вино с ближайшими из друзей вечером накануне венчания. — Возможно, она тоже. Подозреваю, что Алюэл — наверняка. Да, пожалуй, и меня.

Дугал, на которого непринужденность вечеринки произвела куда большее действие, чем на короля, покачал головой и приснулся, многозначительно переглянувшись с Морганом и Дунканом.

— Разумеется, Алюэл вовсе не против твоей смерти, государь, — беспечно откликнулся он. — Алюэл ее брат. А разве брат может счастье какого угодно мужчину достаточно хорошим для своей сестры?

— Был некогда один, достаточно хороший для моей сестры, — вставил Морган, глядя поверх своей чаши на Дугала с печальной задумчивой улыбкой.

Эти слова ошеломили обоих юношей: Дугал понятия не имел, о чем говорит Морган, а Келсон знал подоплеку слишком хорошо. Когда король, очевидно, опечаленный воспоминанием, опустил глаза, Дугал оборотил растерянный взгляд к Дункану, который вздохнул и слегка приподнял свою чашу.

— За Кевина и Бронвина: быть им вместе на веки вечные. — Нахмурился и выпил, не глядя ни на кого. Морган и Келсон присоединились к его тосту. Дугал, еще более озадаченный, обернулся к Келсону с немым вопросом.

— Они умерли или что-то еще? — прошептал он, изрядно пропрозвев.

Келсон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Что-то еще.

— Что это означает?

Морган со вздохом подхватил винный кувшин и стал тщательно наполнять свою и дунканову чаши, стараясь избегать чье-либо взгляда.

— Бронвин была Дерини. Она — моя единственная сестра. Кевин, сводный брат Дункана, был человеком. Был также юный зодчий, состоявший при герцоге Джареде, по имени Риммель, которому приглянулась Бронвин, хотя в то время никто этого не знал, и менее всех — она сама. Так или иначе, Риммель проникся безумной ревностью к Кевину. За два дня до того, как Бронвин и Кевину предстояло обвенчаться, Риммель, по-видимому, решил, что нужно уничтожить соперника.

— То есть, он убил Кевина? — ахнул Дугал.

Морган помедлил с винным кувшином в руке, невидяще глядя в огонь.

— Не совсем, — проговорил он после недолгого молчания. — Он получил приворотное зелье от ведьмы, которая жила в горах. Она сказала, что зелье заставит Бронвин полюбить его, окладев к Кевину. Зелье было скверно составлено. Случился взрыв. Бронвин пыталась защитить любимого, и оба погибли.

— Ужасно.

Снова вздохнув, Морган покачал головой и принялся наливать вино королю, стараясь вернуться обратно из прошлого.

— Прости меня. Я думал, все знают. И у тебя я прошу прощения, мой повелитель. — Он поставил кувшин в очаг и взглянул на Келсона. — Едва ли это подходящая беседа для вечера в канун твоей свадьбы. Следовало бы поговорить о более счастливых парах: твои дядя и тетя, твои родители...

— А может, и о твоем браке? — спросил Келсон со слабой улыбкой, губы его раскраснелись от вина, он выпил уже порядочно.

Морган заколебался, и на его лице стремительно отразились какие-то весьма сложные чувства. Дункандержанно усмехнулся, а Дугал пьяно хохотнул и нетвердой рукой поднял свою чашу.

— Да-да, ваша светлость. Вы — единственный женатый среди нас. Расскажите-ка моему девственному брату, чего он вправе ожидать в свою брачную ночь!

— Сомневаюсь... что нашему королю нужны какие-то основательные наставления насчет таких дел, — заметил

Морган после краткого раздумья, подозревая, что они как раз нужны, но не желая слишком вдаваться в подробности в присутствии явно одного из весьма опытных сверстников, да еще и когда все постепенно напиваются.

— Как сложится брак, решается не в первую брачную ночь, — продолжал он, — а несколько позднее. Я полагаю, что у Келсона все выйдет более или менее, как у других. Независимо от того, насколько он с его невестой в конце концов начнут дорожить друг другом, — а если Богу угодно, любовь к ним придет — будут хорошие дни и не очень хорошие, — он пожал плечами и улыбнулся. — Ко всему можно привыкнуть.

Келсон как-то странно на него посмотрел.

— И это — голос опыта, Аларик? — тихо спросил он. — Почему-то мне и в голову ни разу не приходило, что вы с Рицендой не испытываете сплошное безумное счастье. Казалось, у вас была такая любовь...

— Была и есть, — сказал Морган, задумчиво приподнимая бровь. — Однако, это не означает, что порой мы не сталкиваемся с трудностями. Она умная и своеобразная женщина, Келсон, а я самый своеобразный мужчина, которого ты когда-либо видел. Я бы не солгал тебе, сказав, что у нас выдавались скверные дни, но уверяю тебя, ночи наши почти всегда хороши.

— О, еще бы! — захихикал Дугал, опять поднимая чашу и вызвав недоумевающий взгляд Келсона. — Я слышал о вашей жене, ваша светлость.

— В самом деле?

Сухой вызывающий тон Моргана был просто шуткой, ибо он знал, что Дугал не имел в виду ничего дурного, но тревога, появившаяся на лице у юного горца, когда он понял, что ляпнула глупость, была не такой, чтобы просто от нее отмахнуться. Что же, пусть усвоит, каковы последствия слишком обильной выпивки, пока он среди друзей, а не с чужими, которые, пожалуй, не преминут смертельно оскорбиться.

— Ваша светлость, простите меня! — с трудом прошептал юноша и так вытаращил глаза, что Морган подумал, а видит ли он ими что-то. — Я только... только имел в виду...

— Что вы имели в виду, граф Траншийский? — мягко переспросил Морган. — Что она красива?

— Да. И это все!

Прямо у них на глазах Дугал аж весь позеленел, так быстро, что это ошеломило даже его самого.

— Я слишком много выпил! — прохрипел он, пошатываясь, поднялся и побежал, спотыкаясь, через зал. Едва он исчез за перегородкой, стало слышно, как его рвет. Келсон, едва ли

менее пьяный, но куда лучше управляющий собой, подавил смущенный смешок и звучно икнула.

— Прошу прощения, мне не стоило смеяться. Думаю, я и сам забыл меру. Но кто-то должен посмотреть, все ли с ним в порядке.

— Я пойду, — вызвался Дункан, поднимаясь, чтобы поспешить на помощь Дугалу. Морган бросил взгляд через плечо на удаляющегося епископа, а затем опять посмотрел на неудержимо икающего короля.

— А ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросил он у Келсона.

Тот покачал головой и прижал прохладный кубок к жаркому лбу, закрыв глаза.

— Нет. Просто я боюсь завтрашнего дня. У меня будет жена, Аларик! А я ей даже не нравлюсь. Что мне делать?

— Постарайся, чтобы все шло на лад, как во всем, с чем ты до сих пор сталкивался, — ответил Морган. — Ну а что до того, нравишься ты ей или нет, почему бы не попытаться понравиться ей, прежде чем решать, что дело безнадежно? Тебе предстоит заметить в ней большие перемены с тех пор, как ты видел ее в последний раз. И ты уже признал, что она для тебя притягательна. Потрудись немного себе на благо. Не так уж тяжело влюбиться. У меня это получалось раз двенадцать.

Келсон фыркнул и поднял веки.

— В счет идет только один раз. И как это с тобой случилось? Не дождавшись ответа, он неожиданно спросил:

— Что-то неладно между тобой и Ричендой, Аларик? И я могу что-то... Фу, какую чушь я несу! — он опять торопливо глотнул из чаши и вернулся взглядом к изумленному Моргану. — Ну вот я, испуганный грядущим браком, спрашиваю бывалого жениатого мужчину, не могу ли я что-то... чем-то ему помочь. Я пьян, как Дугал.

— Нет, если ты понимаешь, что говоришь, — ответил Морган, задумчиво посматривая на юного короля.

— Насчет того, что я пьян? Или, что хочу помочь? — переспросил Келсон.

— Да.

— Хорошо. И что?

— Что?

— Что я должен сделать, чтобы помочь? — спросил Келсон, подзывая Моргана поближе. — Скажи мне.

С коротким вздохом Морган подался чуть поближе, поигрывая кубком, который держал в обеих руках, и в упор по-282 глядел на короля.

— Я бы хотел, чтобы Риченда осталась при дворе, когда мы отправимся в поход весной.

— То есть, здесь, в Ремуте?

— Да.

— А дети? Они еще в Короте?

— Я смогу взять их сюда, как только позволит погода. А пока стоит зима, пусть лучше поживут дома. Матушка Дерри — их гувернантка. И со всем прочим мои люди управляются.

Келсон задумчиво нахмурился, не в силах уловить ход мысли Моргана.

— Значит, дети прибудут сюда к матери весной и останутся здесь на время похода. И все же, я не понимаю, почему.

— Ну, во-первых, твоя будущая королева, как ты и сам знаешь, привязалась к моей жене, — ответил Морган. — Это само по себе веская причина. Риченда могла бы также помогать твоей тете. У Мерауд вот-вот появится малыш, и ей не следовало бы взваливать на себя все обязанности хозяйки замка. А пока ты не убедился, что Сидана — всецело на твоей стороне, ты ей ничего такого доверить не сможешь.

Келсон кивнул.

— Да, это чистая правда. И уверен, тете Мерауд пришлось бы по вкусу общество Риченды. Но разве Риченда не будет нужна в Короте, пока тебя там нет.

Морган опустил голову и стал поигрывать бокалом, отчаянно желая, чтобы так и было.

— Нет, — прошептал он.

— Нет? Но она твоя герцогиня. Кто лучше ее мог бы управлять твоими владениями, когда ты надолго их покидаешь?

— Только не бывшая жена изменника, — спокойно ответил Морган.

— Что?

— Они ей не доверяют. Келсон, думаю, они худого не хотят, но, похоже, боятся, а вдруг она меня предаст. Возможно, они думают, а не попытается ли она отомстить мне за мою причастность к смерти Брэна.

— Но Брэна убил я. И отчасти — по этой самой причине. Чтобы никто и никогда не смог сказать, что ты убил его, чтобы получить его жену.

Морган вздохнул.

— Знаю. Это не все. Хилари говорит, их тревожит, что она — опекун Брэндана... и что если со мной что-нибудь случится, в ее распоряжении окажутся и Корвин и Марли, пока Брэндан и Бриони не достигнут совершеннолетия. И потом, если бы она хотела предать тебя...

— Аларик, что за безумие! — взорвался Келсон. — Она нам всем верна! И никогда никого из нас не предаст! Должно быть какое-то другое объяснение. — Лицо его выразило досаду. — Вероятно, здесь виноваты Гамильтон и Хилари, не желающие уступать власть, которой пользовались все те годы, что ты не был женат. Едва ли можно укорять их за такую ревность.

Морган покачал головой.

— Если бы все было так просто, мой повелитель. В сущности, и Гамильтон, и Хилари очень ее любят. И очарованы не меньше нас с тобой. Но кое-кто из их подчиненных приходил к ним и говорил, что они не смогут отвечать за поведение людей, если я оставлю ее за старшую и что-то пойдет не так... Даже если не по ее вине. — Он вздохнул. — И я не дал ей никакой власти, и даже не смог заставить себя объяснить ей, почему. Ей бы могло представиться, будто я с ними согласен.

Келсон быстро трезвел, слушая Моргана, и, когда тот кончил, с недовольной гримасой отставил свой кубок.

— Зря ты мне раньше не сказал.

— Не хотелось тебя беспокоить. Прежде чем умер Карстен Меарский, и все завертелось, я думал, что проведу дома целую зиму и все улажу. А теперь, похоже, мне не попасть домой до конца лета. Я не знал, что она приедет сюда на Рождество, видишь ли, но рад, что она здесь, учитывая обстоятельства. Ремут будет лучшим для нее местом, пока я не наведу порядок.

— И все-таки ты должен был рассказать мне раньше. Дункан знает?

— Нет. И никто другой. — Он резко умолк, чуть только Дункан появился в дверях, поддерживая слабого и расстроенного Дугала.

— Он скоро придет в себя, — объявил Дункан, широко улыбаясь, в то время, как помогал Дугалу пересечь зал и сесть на его прежнее место. — Он уже не так пьян, как несколько минут назад, верно, сынок? Думаю, он получил важный урок.

— Ага. Больше не повторится, — горестно кивнул Дугал. — Но что это было за вино такое? Никогда еще я так жутко себя не чувствовал просто от того, что пил.

Морган лениво приподнял чашу и принюхался к его содержимому.

— Фианнское красное. Совсем неплохое вино. Голова болит?

— У меня там, как в кузнице, где куют мечи, — пожаловался Дугал, проводя пятерней по глазам и откидывая голову к спинке своего кресла. — Того гляди, помру.

Дункан, непринужденно взгромоздившись на его подлокотник, пропустил руку под затылок мальчика и стал мас-

сировать у основания черепа, придерживая его другой рукой за плечо. Дугал вздохнул и немедленно начал расслабляться. Морган, догадавшись, что последует, и понимая, что мальчик не догадывается, поглядел на Келсона и приготовился отвлечь внимание Дугала. Если они все постараются, можно сегодня вечером кое-что сделать для Дугала.

— Ну, полагаю, нам всем знакомо это чувство, — сказал он с улыбкой, передав королю намек на их намерения. — Красное вино тоже порой скверно шутит с людьми. Помню один вечерок с Дерри в долине Дженнан... задолго для того, как ты стал королем, Келсон... когда мы с ним напились вина из местного погреба, и я не сомневался, что нам обоим — конец. А вообще-то Дерри пить умеет. Он влез на стол, и как запоет...

И болтал о чем придется несколько минут, пока они с Келсоном наблюдали, как Дугал все больше и больше поддается усилиям Дункана, ни о чем не догадываясь, руки мальчика медленно упали ему на колени, складки исчезли с его лба, он успокоился и задремал. Еще через несколько минут Дункан быстро передвинул руку, чтобы положить ее на сомкнутые глаза Дугала. Подняв взгляд на Моргана и Келсона, он улыбнулся.

— Отлично. Я не полностью его подчинил, но он спит. Не хочу слишком испытывать удачу. Щиты все еще на месте. И если он сейчас подумал, что у него головная боль, подождите до утра!

— Я бы предпочел об этом не думать, — пробурчал Келсон.

— Ну, у тебя-то выбор есть, — заметил Морган, отодвигаясь в кресле и с ухмылкой ставя на стол чашу. — Одно из попутных преимуществ целительского дара — это способность облегчить утреннее похмелье. Вполне вероятно, мы бы могли помочь и Дугалу, но это куда труднее из-за того, что придется обходить его щиты. Может, это окажется побуждением для него учиться их убирать.

— Надеюсь, рано или поздно, что-то его к этому побудит, — согласился Келсон. Вздохнув, он встал и провел пятерней по взъерошенным волосам. — Но, полагаю, нам всем пора на боковую. Дункан, почему бы тебе не отнести Дугала ко мне в спальню; в моей постели полно места, по крайней мере, до завтрашней ночи... А там ты с Алариком сможете вытащить из беды и меня.

Несколько нестордо, но отклонив предложение Моргана помочь, сбрасывая на ходу верхнее платье, он прошел в спальню.

— Сделай, чтобы все было в порядке, когда я проснусь, Аларик, — прошептал он, когда лег, а Морган присел с ним рядом. — Пожалуйста.

— Закрой глаза и усни, мой повелитель, — мягко сказал Морган.

Он вверг себя в транс, как только Келсон послушался, протянул ладонь ко лбу Келсона и, касаясь сомкнутых век большим и средним пальцами, с нежностью обволок своим сознанием сознание короля и повел его в глубины безмолвия. Несколько мгновений спустя подсоединился и Дункан. Постепенно два Дерини начали изливать в душу короля покой и блаженство, и следом за душой начало приходить в себя и тело.

* * *

Заря на Крещенье выдалась холодная, но ясная. Вскоре после восхода солнца Морган уже занимался последними мелочами, с которыми надо было покончить до выступления свадебной процессии, которая должна была проследовать витками из Ремутской Цитадели к собору под горой. Ему не тяжело было встать рано, поскольку он все равно скучал в постели один, хотя — ради благого дела. Риченда переночевала у беспокойной царственной невесты. За два часа до начала процессии, шагая по галерее мимо покоев Келсона, Морган встретил Дункана, как раз оттуда выходившего.

— Как он? — спросил Морган, когда они двинулись дальше вместе.

Дункан улыбнулся.

— Неплохо. Я только что принял его исповедь... он еще ни разу не был настолько на взводе, если только не грозила смертельная опасность... Но он в добром настроении. Вероятно, лучшее, что о нем можно сказать — это «полон надежд».

— Что же, это уже неплохо, — согласился Морган. — А как Дугал?

— Не знаю. Пошел переодеться до того, как явился я. Однако, насколько я понимаю, шумные звуки и внезапные движения — не то, что ему сейчас по вкусу. Бедняга.

— Что же, все мы однажды получили этот суровый урок, не так ли? — отозвался Морган. — Да, а вот более приятное известие. Ты знаешь, что Люэл согласился сегодня утро вести коня своей сестры и быть свидетелем при обряде?

Дункан рассмеялся.

— Я ничуть не удивлен. Мне сказали, что вчера он пожелал исповедаться Брадену. Очевидно, он раскаивается.

— Более вероятно, что Нигель предложил ему присесть и потолковал с ним немного о том, какова действительность для принца-заложника, — фыркнул Морган. — Но... А ну, взгляни-
286 ни-ка, это кто еще жив, несмотря на ужасное похмелье! — с

воодушевлением добавил он, когда Дугал показался из-за угла в дальнем конце прохода, направляясь в их сторону.

На мальчике была в то утро парадная приграничная одежда: яркий тартан Макардри, уложенный складками вокруг тела и скрепленный на плече серебряной пряжкой, волосы заплетены и скручены узлом по тамошней моде и перевязаны черным шелком. Он небрежно поклонился, когда подошел совсем близко, но движения, очевидно, давались ему нелегко. Морган по-товарищески положил ему руку на плечо и подался вперед, чтобы заглянуть в красные глаза, затем испытующе улыбнулся:

— Что неладно, Дугал?

— Ничего смешного, сударь, — прошептал тот, отчаянно сморшившись. — И никакой справедливости. Келсон встал — и словно ни капли вчера в рот не попало. А у меня словно вот-вот отвалится макушка.

Морган приподнял бровь и с сочувствием прищелкнул языком.

— Ну, когда ты научишься опускать эти твои щиты, мы и тебя сможем избавлять от похмелья, верно, Дункан? — подмигнул он.

Но лицо Дункана было неподвижно и лишено выражения, а разум внезапно нагло закрылся от попыток Моргана туда заглянуть. Морган не успел определить из-за чего, он понял, что не все в порядке... была какая-то тень. Дункан замигал, когда почувствовал, что на него смотрят, как если бы пытался избавиться от некоей мрачной картины.

— Дункан?

— Просто. Я думал о чем другом. О чем ты спросил?

— Да я просто подразнивал Дугала насчет его похмелья, — объяснил Морган, пытаясь понять, почему у Дункана так внезапно изменилось настроение. — Ты забыл что-то сделать?

— Да, — ответил Дункан, с благодарностью ухватившись за предложенное Морганом объяснение. — Мне надо на несколько минут вернуться к себе. Ты не дашь мне руку?

— Конечно. Думаешь, это надолго?

— Нет. Просто ты мне нужен в связи кое с чем. — И Дункан оглянулся на юного горца. — Мы, вероятно, и тебя отвлекаем от твоих обязанностей, Дугал. Однако, должен сказать, что приятно снова видеть при дворе приграничный наряд. Скажи, а эта застежка — образец, принятый у Макардри?

— Эта? — Дугал оттянул ее от пледа кончиком большого пальца и взорвался на нее. — Нет. Не думаю. Она у моего отца с детства. Я не знаю, где он ее взял. Он подарил ее моей матери а день свадьбы, а она оставила мне, когда умерла. Я ее не

очень часто ношу, но Келсон счел ее подходящей для сегодняшнего случая. Впечатляющий вид, верно?

— Пожалуй, — Дункан еще более озабоченно посмотрел на Моргана. — Но мне действительно нужно позаботиться о моем деле. Аларик, ты идешь?

И епископ-Дерини не сказал ничего другого, пока вел кузена не к своим покоям, но к маленькому кабинету, где они собирались после его посвящения. И щитов не опускал. Лишь когда они были внутри, он немного расслабился, хотя он все еще был, словно тугая пружина, когда шел к своей маленькой молитвенной скамеечке у окна и преклонял колена. Морган с любопытством наблюдал на ним, стоя посреди комнаты, не пытаясь касаться его мыслей. Наконец, Дункан перекрестился и встал, оборотив мрачный профиль к янтарному окну.

— Тебе причитается объяснение, — негромко произнес он, поманив Моргана, чтобы подошел поближе. — Могу только сказать: случилось нечто такое, до чего бы я в самых бредовых грезах не досмотрелся. Это... Нужно время, чтобы к этому привыкнуть.

Морган нахмурился, остановившись на расстоянии вытянутой руки от кузена, боясь к нему прикоснуться.

— Будь так добр, объясни, о чем ты говоришь? Что стряслось? У тебя такой вид, словно ты встретил привидение.

— Некоторым образом так и есть, — Дункан прикусил нижнюю губу и вздохнул. — Аларик, я не из чистой придворной учтивости одобрил наряд юного Дугала и спросил насчет его застежки. А когда он мне сказал, откуда она у него...

Он снова вздохнул, уронив взгляд на лиловые туфли, выступавшие из-под пол его ризы.

— Когда-то эта вещица была моей, Аларик. Я подарил ее сестре Дугала много лет назад при тех самых обстоятельствах, которые он назвал. — Он помедлил, с трудом прочищая горло. — Только... теперь я думаю, что брат, родившийся немного погодя, мог вовсе и не быть ей братом. Я... я думаю, что Дугал — ее сын. И мой.

Глава двадцатая

Еще наследника приведу я к тебе¹

Логда Дункан поднял глаза на Моргана, тому не понадобилось никаких особых магических талантов, чтобы прочесть изумление и потрясение, которые того охватили. Дункан знал, что наверняка и сам излучает нечто подобное. Ему, так же как и Моргану, с трудом верилось в сегодняшнее открытие, но пряжка сама за себя говорила. А Дугалу было ровно столько лет, сколько полагалось.

На Дункана нахлынули воспоминания о давно прошедших годах, но он придержал их еще на миг и указал на два кресла перед очагом. Он старался держать щиты сомкнутыми и, вообще, как можно меньше думать, пока переставлял ноги, приближаясь к креслам, а Морган следил за ним. Дункан не мог понять, душевный подъем или дикий ужас грозят захлестнуть его, как только он наконец выпустит на свободу воспоминания.

Он сидел, и пламя в очаге расплывалось перед его глазами, присутствие рядом Моргана лишь смутно угадывалось, тот придвигнул свое кресло еще ближе и воззрился на него, едва ли не касаясь лбом и коленями колен.

— Так ты собирался мне об этом рассказать, — тихо напомнил Морган. — Я не священник, но ты сам знаешь, мое слово не менее твердо и нерушимо.

Дункан неволко улыбнулся.

— Если это правда, то сомневаюсь, что способен сколько-нибудь долго молчать об этом, — еле слышно произнес он. — Если бы я мог позволить себе сына, он был бы очень похож на Дугала, а если Дугал и есть мой сын, он имеет право знать.

— Иногда лучше чего-то не знать, — ненавязчиво намекнул Морган. — Если он незаконнорожденный...

---

¹Михей 1:15

— Мой сын — не дитя случая, — пылко произнес Дункан. — Мы с его матерью собирались пожениться в то время и обменялись обетами, которые считали нерасторжимыми. В наших глазах и перед Богом она была моей женой.

— А перед законом?

Дункан покачал головой и вздохнул.

— Этого я не знаю. Но есть, по крайней мере, одна хитрая оговорка в каноническом праве. Это называется... — он сосредоточился, усилием воли набираясь спокойствия. — Кажется, это называется *per verba de presenti* — клятва перед свидетелями, пусть не обряд, совершенный священником. И, хотя бы в теории, она столь же обязывает, сколь и помолвка, которая не менее прочна, чем самий брак.

— И ты можешь представить свидетелей? — спросил Морган.

Дункан уронил голову, вспоминая ту ночь много лет назад, уйдя в сумеречную страну воспоминаний о поре между детством и возмужанием... вот он и Мариза стоят на коленях в часовне в полночь, опасаясь, а вдруг кто-то войдет, и молясь перед единственным свидетелем, на которого можно положиться, а люди ее отца готовы выступить со двора, едва забрезжит заря.

— Перед Тобой, как Высшим Свидетелем, мой Господь и мой Бог, я приношу этот торжественный обет, — произнес Дункан, оборотив глаза к лампаде, ярко пылающей над алтарем. — Что я беру эту женщину, Маризу, как свою законную венчанную жену, отрекаясь от всех остальных, пока нас не разлучит смерть.

Игла пряжки у его горла оказалась неподатлива, и он повозился немного, пока не снял ее и не положил в ладонь Маризы, глядя на девушку со всем отчаянием влюбленного перед неизбежной разлукой.

— Я даю тебе это в залог моей любви и беру тебя в жены, и отныне я навсегда твой.

— Были свидетели? — донесся до него мягкий голос Моргана.

— И ты можешь их представить?

Плечи Дункана обмякли, и он покачал головой.

— Мы произнесли наши обеты перед Святым Причастием, Аларик, — тихо сказал он. — Ибо никому больше не могли доверять. Как я уже говорил, закон на этот счет допускает толкования.

— Понятно, — Морган вздохнул. — Хорошо, давай пока об этом не думать. Откуда ты знаешь, что застежка, которую носит Дугал — та самая, которую ты дал... Как ее звали? Мариза?

— Да, — с болью отозвался Дункан. — Эта... застежка, ко-

290 торую я дал ей, как залог любви, была особенной. Мастер,

который ее изготовил, сделал в ней маленький тайничок. И если только не знать, как его найти, ни за что не заметишь. Если это моя застежка, в тайничке должен лежать мой волос, перевитый с ее волосом. А волосы у нее были очень светлые, почти белые.

Морган снова вздохнул, еще тяжелее прежнего.

— Хорошо. И что ты намереваешься делать? Обрушить это на Дугала прямо сейчас или можно отложить на после свадьбы?

— Боюсь, я не могу ждать, Аларик, — ответил Дункан, впервые поглядев в лицо кузену с тех пор, как начал исповедь. — Я знаю, это может звучать странно после стольких лет, но я должен удостовериться. Не думаю, что я смогу стоять там, в двух шагах от него, и венчать Келсона и Сидану, не зная, принес ли плод мой краткий брак.

Морган неторопливо кивнул.

— Поскольку я и сам теперь отец, я могу это понять, — учastically заметил он, после чего на губах его мелькнула стремительная улыбка. — Впрочем, если Дугал — твой сын, и законный — разве это не внесет смятения в ряды меарцев? У тебя есть наследник, плоть от твоей плоти, который получит после тебя и Кассан, и Кирни... какой удар по их надеждам воссоединить эти земли с Меарой, когда та снова станет самостоятельным королевством.

Дункан фыркнул.

— Честно говоря, мне это пока не приходило в голову, но ты прав. Тем больше оснований все выяснить, а затем прикинуть, как добиться, чтобы его признали, и не возникло бы даже вопроса о его праве наследования. — Он опять поглядел в огонь.

— Хотя, конечно, я мог бы просить о более удачном выборе времени. Немало вопросов поднимется из-за сына епископа.

— Но ведь тогда ты не был ни епископом, ни даже священником?

— Нет. Какая пощечина для заговорщиков.

— Не могу не согласиться. Ты не хочешь, чтобы я пошел и разыскал его? У нас не очень много времени, но я постараюсь успеть.

— Да, пожалуйста, — прошелстал Дункан. — Но не говори пока, для чего мне нужно его видеть. Мне... Я должен сказать все сам.

— Поверь мне, это последнее, что я сделал бы, — пробормотал Морган, поднимаясь и покидая кабинет.

Дункан не двигался в течение нескольких секунд. Прикрыв лицо одной рукой, он пытался придержать свою надежду и волнение на случай, если все-таки ошибается. Он говорил себе, что существует много объяснений тому, как к Дугалу попа-

ла застежка... Если это вообще та самая. И пытался напомнить себе, что это может оказаться и другая. Но в глубине души знал: это она, и понимал, откуда она у Дугала.

Хотя ни он, ни Мариза не думали о возможных последствиях во время своего краткого, полного слез и тревоги союза двух невинных, он теперь ясно и отчетливо представил себе развитие событий.

Мариза, несколько месяцев спустя благополучно вернувшаяся на зиму в Транш, ее отец и старшие братья — в походе с войском короля, и вдруг она догадывается, что у нее будет ребенок. Сперва она боится открыть это кому бы то ни было, но затем, когда скрывать уже становится невозможно, вся в слезах, признается матери, которая тоже должна родить.

И возникает замысел: пусть Мариза вынашивает своего ребенка втайне, а, родив, отдаст матери, дабы та растила его, как близнеца своему, который должен появиться примерно на месяц раньше. В уединении среди гор, зимой, когда все их мужчины в Меаре, а их окружает лишь несколько служанок, кто хоть о чем-то догадается?

А затем, когда Мариза умерла, то ли в родах, то ли от лихорадки, как было объявлено, кто и о чем мог догадаться? Дункан, услыхав о ее смерти в то лето, разумеется, не сопоставил одно с другим. Весть о ее смерти лишь вернула его в прежнему намерению подготовиться и принять священство. И довольно скоро горячие насыщенные дни в Кулди сохранили только пряное воспоминание о необычайно яркой мечте, которой не суждено вовеки сбыться. Он не рассказывал об этом ни одной душе, не считая давно скончавшегося исповедника, и даже Моргану.

Смахнув слезы, Дункан поднялся и прошел к письменному столику под янтарным окном, достал из ящика ширал на тонком кожаном шнуре. То был ее дар — и он применил его, сам того не ведая, чтобы проверить, есть ли у их сына магический талант, который, безусловно, должен был существовать. Теперь в этом нет сомнений. Взяв ширал за ремешки, он вернулся к своему креслу и сел, держа его перед глазами, как святыню. Ка-ковой тот и был.

Ширал.

Сомкнув его в кулаке, Дункан опять переместился в ту часовню, в миг, когда они приносили обеты.

— Я беру тебя, как моего венчанного супруга, — сказала она.

— Я даю тебе это, как знак моей любви, и отныне я навсегда твоя.

Она сняла его с шеи, все еще хранящий тепло ее тела, и 292 повесила на шею Дункану. Теперь, дрожа, он снова надел

талисман на шею и поднес камешек к губам, вздрогнув оттого, что в его воспоминания вторгся стук в дверь.

— Входите, — откликнулся он, пряча кристалл под ризу.

И поднялся, когда они вошли: Морган и держащийся чуть позади, томящийся в ожидании Дугал.

— Вы хотите видеть меня, отец Дункан? — спросил мальчик.

Дункан едва ли был в состоянии говорить и лишь рукой указал Дугалу на сиденье. Морган явно колебался, не уйти ли, но Дункан кивнул ему, чтобы он тоже остался.

— Сядьте, пожалуйста. Оба, — сказал наконец Дункан и сам сел, как только Дугал послушался. — Я... да, я понимаю, время самое неподходящее, но мне показалось, что это ждать не может. Это... Потом будет еще труднее об этом говорить.

— Я что-то не совсем понимаю, — ответил Дугал, робко сдвинувшись на край кресла. — Речь о чем-то, что я сделал?

Несмотря на свою тревогу, Дункан улыбнулся:

— Нет, ты ничего не сделал. Не выполнишь ли ты одну мою просьбу?

— Если смогу.

— Отлично. Тогда я хотел бы, чтобы ты, не спрашивая меня, почему, снял свою застежку и повернул обратной стороной к себе.

Недоумевающие поглядев на Моргана, Дугал повиновался и без единого слова завозился с заколкой. Бегло окинул взглядом обратную сторону фибулы и поднял глаза на Дункана. Епископ смотрел в очаг, в его светлых глазах играли отблески пламени.

— Что я здесь должен увидеть? — прошептал Дугал после небольшого колебания.

Дункан весьма заметно слглотнул комок.

— Отыщи у верхнего края тонкую трещинку. Если подцепить ее ногтем, она откроется. Если внутри что-то есть, я предпочел бы, чтобы ты прямо сейчас не говорил мне, что это. Согласен?

Передернув плечами и озадаченно взглянув на сидящего с каменным лицом Моргана, Дугал кивнул и коснулся застежки ногтем. Подпрыгнул немножко, когда та поддалась, затем наклонился, чтобы заглянуть в тайничок, который только что обнаружил.

— Что за... Откуда вы знали?..

Дункан обреченно вздохнул и отодвинулся к спинке кресла, прикрыл глаза, положив руку рядом с рукой Дугала и опервшись на ее локоть.

— Можно я расскажу тебе небольшую историю, Дугал?

— прошептал он.

Озадаченный, Дугал кивнул и опять уселся поудобнее, время от времени поглядывая на фибулу у себя в руке.

— Когда ты объяснил мне, как она к тебе попала, это был первый звоночек тревоги, — заговорил епископ. — Как твой отец подарил ее твоей матери, когда они поженились. Я никогда и никому не говорил этого прежде, но нечто похожее на то, о чем говорил ты, случилось со мной, когда я был лишь чуть моложе тебя. Я влюбился в прекрасную и нежную девушку, и у меня на чисто пропало желание стать священником. Девушка была из твоего клана, и мы намеревались просить у наших родителей разрешения на брак, как только наши отцы вернутся из похода, куда они ушли с королем. Именно поэтому она со своей матерью и сестрами была в замке моего отца... Но, пока продолжалася поход, был нарушен мир между нашими кланами. Его старшего брата убил в пьяной драке один из людей моего отца, и было очень возможно, что вот-вот начнется кровавая расправа, хотя виновный был осужден и казнен. Ее отец и его люди вернулись в Кулди, чтобы поскорее собрать всех женщин и детей, и готовились выезжать на следующее утро с зарей... Короче говоря, мы поняли, что наши отцы ни за что не дозволят нам пожениться после того, что произошло — и мы обменялись обетами в темной часовне. Она дала мне свой знак любви, а я ей свой — застежку для плаща, очень похожую на ту, что у тебя в руке. В сущности, вполне может быть, что это она.

Дугал выслушал весь его рассказ с нарастающим изумлением, и теперь, когда он опять взглянул на фибулу, на краю его сознания зашевелилась смутная догадка.

— Можно... Можно мне узнать ее имя? — прошептал он.

— Мариза Макардри, — таким же шепотом ответил Дункан.

— И пусть только в наших глазах и перед Богом, но она была моей женой в ту краткую ночь.

— Но... Мариза — это имя моей сестры. Она умерла в ту самую зиму, когда я родился.

— Да, об этом я услышал, когда настало лето, — сказал Дункан, — и еще о том, что примерно в это же время ее мать родила близнецов. Пока я не увидел твою пряжку, мне и в голову не пришло, что один из этих детей мог быть моим.

— Вы говорите обо мне? — спросил Дугал совсем тихо.

Дункан уронил ладонь, чтобы внимательней посмотреть в глаза Дугалу.

— Сказать тебе, что ты нашел в тайничке твоей пряжки? — спросил он. Дугал кивнул в испуге.

— За несколько часов до того, как мы дали обеты, Мариза²⁰⁴ за взяла по прядке наших волос и сплела из них колечко, на

основу для которого пошли волоски из хвостов наших пони. Я знаю, что ты ее не помнишь, если даже и видел, но тебе могли попасться ее портреты. Ее волосы были почти серебряными, еще светлей, чем у Аларика. Конский волос был черным. Думаю, ты убедишься в этом, если вынешь то, что лежит внутри.

Почти что боясь дышать, Дугал приблизил кончики двух пальцев к тайничку и вытащил оттуда ни что иное, как волосяное колечко: овальное, оттого, что долго лежало стиснутым, почти что черное, но с вплетенными в узор нитями чистого серебра. В то время, как он держал колечко большим и указательным пальцами, не решаясь произнести ни слова, Морган подался вперед и впервые заговорил:

— Если хотя бы один из волосков — Дункан, я смогу это определить, Дугал, — спокойно произнес он. — А если нет, я это тебе тоже скажу. Можно?

Дугал без слов опустил колечко на его простертую ладонь, в страхе поглядев при этом на Дункана. Морган закрыл глаза, сомкнув кулак вокруг колечка, затем передал его Дункану.

— Да, там есть твой волос, — тихо сказал он. Но это не доказывает, что Дугал твой сын... А вероятно, лишь то, что у тебя с Маризой были отношения, о которых ты рассказывал. Дугал вполне может быть сыном Каулая. У тебя есть сестра-близнец, верно, Дугал?

— Это... все равно, как если бы у меня вдруг появилась еще одна тетка или племянница... смотря, кто из нас был ребенком Маризы.

— Это верно, — пробормотал Дункан. — Но я бы поспорил на все, что мне дорого, включая и свою весьма зыбкую надежду на спасение, что ребенок Маризы — ты. И знаешь почему? Сказать?

Дугал торжественно кивнул.

— Потому что ее ребенок от меня был бы частично Дерини. А мне кажется, именно на это мы непрерывно получаем намеки с тех пор, как вы с Келсоном вернулись сюда вместе, — твердо сказал Дункан. — И думаю, в ту ночь в Транше, когда ты помогал Келсону связаться с Аларием, произошло следующее: впервые в жизни твой деринийский дар был пробужден, но это напугало тебя до оцепенения. Это также объясняет, почему позднее, когда мы пытались прочесть твои мысли и установить, что с тобой творится, тебе легче всего было со мной. Помнишь?

Глаза мальчика все расширялись и расширялись по мере того, как Дункан говорил; теперь и руки Дугала дрожали. Он поспешил стиснуть их, чтобы унять дрожь, не смея отвести глаз от Дункана.

— Я... Хочется верить... — удалось ему наконец прошептать. — Я не собираюсь проявить неуважение к моему от... лорду Каулаю, но если... если мой отец — ты, это многое объясняет.

Дункан медленно и глубоко вдохнул. Настал поистине решающий момент.

— Мне известен только один способ доказать это тебе, помимо того, что я уже сделал, Дугал, — мягко сказал он. — Если я твой отец, то ты тоже Дерини. А раз уж ты Дерини, тогда... если ты пожелаешь — я должен оказаться способен связаться с тобой мысленно и передать в точности все, что помню о нас с твоей матерью. Я очень любил ее, Дугал, и я немало заботился о тебе все эти годы, до того, как хотя бы заподозрил, что ты можешь оказаться моим сыном. Я не могу возместить тебе все годы, что ты жил в неведении... и в этом нет вины никого из ныне живущих... но я могу попытаться перебросить мост через пропасть, которая, увы, разверзлась. Ты доверяешь мне?

— Да, — выдохнул Дугал.

— Ты действительно доверяешь мне? — переспросил Дункан.

— Ты доверял мне и прежде, но не мог меня впустить. Как ты думаешь, сейчас ты готов?

— Дункан, я не уверен, что у нас действительно есть время, — осторожно вставил Морган.

— Если все пойдет без сучка без задоринки, много времени не понадобится, — ответил Дункан, не отводя глаз от мальчика.

— Мы вполне успеем, если это то, чего Дугал действительно хочет.

Дугал сглотнул комок и кивнул.

— Он прав, Морган. Надо попытаться сейчас. Не пойдешь ли ты к Келсону и не передашь ли ему, что я прямо сейчас буду? Не рассказывай ему только, что случилось. У него сейчас и без того тьма забот.

— Дункан? — спросил Морган.

— Сделай, как он просит, — ответил епископ. — Мы справимся.

Глава двадцать первая

Я буду ему Отцом, и Он будет мне Сыном¹

Л

ак только дверь за Морганом закрылась, Дункан по-глядел на Дугала.

— Не стоит терять время, — мягко заметил он. — Если хочешь прямо сейчас получить доказательства, делай в точности, как я скажу, возможно, без полного объяснения, какого ни одному из нас и не понадобилось.

Дугал медленно покачал головой.

— Мне не хочется ждать, оте... — и опустил глаза. — Я только сейчас понял, что, может быть, все эти годы звал тебя, как полагается. — И продолжал уже ровнее. — Странно, но порой это даже выходит куда легче, чем когда я называл отцом старого Каулая.

— Он и был твоим отцом во всем том, что особенно важно для мальчика, который растет. Жаль, у меня не было возможности наблюдать, как ты рос. Конечно, я за тобой наблюдал, особенно, когда мы виделись при дворе. Но, думаю, испытывал бы нечто иное, если бы знал, что ты мой сын.

— Возможно, неспроста было так суждено, — застенчиво произнес Дугал. — Возможно, требовалось, чтобы я потерял одного отца, прежде чем обрету другого. Если бы я узнал о тебе, пока старый Каулай был еще жив, я бы не хотел его ранить.

— Я тоже. И надеюсь, ты всегда будешь чтить его память, — и Дункан улыбнулся, легко положив руку на предплечье мальчика. — Он дал тебе свое имя и свою защиту в годы, когда ты был наиболее уязвим. Теперь, когда его нет, а ты — мужчина, никого не ранит правда. — Улыбка стала шире — во все лицо. — Тебе следует знать, что будет, самое меньшее, одно затруднение... которое вызовет, в лучшем случае... неловкость. Если я захочу признать тебя, а мое намерение как раз такого, если и ты не против,

¹Послание к Евреям 1:5

то... непременно найдутся такие, которые назовут тебя ублюдком в дополнение, конечно, к Дерини.

Дугал улыбнулся.

— Тебя с Морганом они годами обзывают ублюдками. Каким-то образом, у меня до сих пор не создавалось впечатления, будто это имеет отношение к тому, кто были ваши отцы.

— Нет, — Дункан пододвинул табурет поближе к дугалову креслу спереди и одновременно извлек из-под ризы кристалл ширала на кожаном ремне. — Ты его помнишь, — спокойно заметил он, вложив камешек в руку мальчика. — Он принадлежал твоей матери. Она отдала его мне в ту ночь, когда я отдал ей пряжку.

Дугал пробежал пальцами по грубо отполированной поверхности и не спеша кивнул.

— И что я должен делать на этот раз?

— Большую часть того, что нужно делать, сделаю я. А тебя попрошу только раскрыться и не бояться. Попробуем воспользоваться кристаллом как связующим звеном. У тебя могут возникнуть необычные чувства, возможно, даже неприятные, но обещаю, вреда я тебе не причиню. Для начала попрошу тебя все время помнить о кристалле и попытаться внутренним зрением увидеть Маризу. Ты видел ее портреты?

Дугал сомкнул пальцы вокруг ширала и снова кивнул.

— Один, совсем маленький. Хотя это было давным-давно.

— Тогда позволь мне написать ее портрет словами в твоем уме, — предложил Дункан, сомкнув ладонь вокруг руки Дугала, которая держала кристалл, а другую возложил мальчику на голову, словно благословляя. — Закрой глаза и попытайся увидеть ее настолько отчетливо, насколько получится. Но не напрягайся, ищи ее, уговаривай явиться. Представь себе ее светлые волосы, словно расплавленное серебро, стекающие до талии, перетянутые у лба кружевной лентой из мельчайших цветов... Думаю, это были примулы...

Он чувствовал, как Дугал расслабляется под его прикосновением, и сам тоже закрыл глаза и увидел образ давно утраченной любимой...

— А в центре каждого цветка было по крохотному золотистому камешку, по цвету — в точности, как ее глаза — и почти как твои, — спокойно продолжал Дункан. — И она носила розовое платье, почти такое же, как ее румянец... кожа светлая... очень светлая...

Пока он говорил и одновременно передавал то же самое мысленно, образ, возникающий в мозгу Дугала, для него

Сперва этот образ обозначился лишь на поверхности, затем постепенно начал размывать задрожавшие щиты.

— Смех ее звенел, как серебряные колокольчики... и она была безмятежна и глубока, точно озеро на Шаннис Мир...

Голос Дункана постепенно угас, он решительней двинулся вперед, без труда миновав щиты Дугала, вступил в его разум и повел воспоминания из глубоких тайников в сознание мальчика, бдительно следя, чтобы канал не закрылся, даже когда, почувствовав, что происходит, Дугал в какой-то миг попытался в ужасе отпрянуть. Дункан чувствовал, как мальчик беззвучно раскрывает рот, чуть что-то особенно тревожно вспыхнет, и тут же снинал близящиеся приступы острой боли, одновременно прижимая Дугала к себе и утешая физически.

И вот в один миг все барьеры исчезли, и Дугал был вместе с ним, и видел те безмятежные дни, когда Дункан полюбил Маризу. Робкие встречи в галерее и замковом зале, скачка с ветром наперегонки по холмам вокруг замка, непринужденные завтраки на траве под густым пологом ближайшего к замку Алдуинского леса, нежные взгляды и чистые, полные смущения, поцелуи в теплом тенистом месте, где пахнет свежей землей, между их пони, закрывающими от любопытных глаз.

А затем оба клана оказались дома, и разлетелась ужасная новость: как Арди Макардри,тан клана Маризы, поссорился с одним из Маклайнов из-за девицы в трактире... Пролилась кровь Макардри... виселица для убийцы, мрачное безмолвное шествие, доставившее оба тела обратно в Куди — ровно настолько, чтобы Макардри собрали всех своих и уехали, прежде чем распры вспыхнет вновь...

Отчаяние Маризы, когда они поняли, что это значит для них двоих... Горе Дункана... поспешное соглашение в зале, мимоходом, о встрече в часовне нынче же ночью... само свидание — полное тревоги и страха, и обеты, которые они принесли перед Богом...

А затем — их сближение в теплой и укромной каморке на чердаке над конюшней — суетливое и бесполковое, но все же радостное. И такая скорая разлука... разлука навсегда рано поутру... Дункан глядит, не отрываясь, как она вместе со своими уезжает из Куди, уходит из его жизни, и ни один из них не подозревает, что в мир явится дитя их юной любви...

Могучая сила чувства, наполнявшая воспоминания Дункана, хлынула через мозг Дугала, не оставляя никакой возможности сопротивляться; но теперь, когда столь многое объединило их, Дугал не испытывал больше ни малейшего страха или настороженности. Дункан отчетливо ощущил тот краткий миг,

когда мальчик добровольно сделал выбор, сохранил связь и раскрылся полностью — и прилив хлынул еще мощнее, теперь Дункан мог разделить с ним еще больше.

В стороне остались лишь те вещи, которые нельзя было делить с кем бы то ни было — его священнические тайны и обязанности, чужие исповеди... Дункан поведал мальчику обо всех годах, когда они жили врозь, и переплел эти воспоминания с воспоминаниями Дугала. Их было числом поменьше, но они представлялись столь же драгоценными.

И Дугал, как только уловил, как это делается, радостно пошел ему навстречу.

Ни один из них впоследствии так и не вспомнил, в какой миг Дугал, покачнувшись, еще теснее приник к епископу, обвив его руками и рыдая, и когда хлынули слезы радости из глаз самого Дункана — лишь когда разговор душ начал наконец затихать, и постепенно возвратилось обычное состояние сознания, обнаружилось, что они сидят, тесно прижавшись друг к другу, и Дугал — наполовину на коленях у отца, а Дункан бережно гладит его волосы и мягко успокаивает, чтобы не вернулись прежние барьеры.

— Ты как себя чувствуешь? — прошептал епископ.

Шмыгнув носом, Дугал отстранился достаточно, чтобы поглядеть на Дункана, кивнул, затем протер рукавом глаза.

— Немного ноет голова... Но это, вероятно, еще не кончилось похмелье. А так — совсем неплохо.

— Посмотрим-ка, не смогу ли я сделать из «совсем неплохо» «великолепно», — предложил Дункан, опустив руку на лоб Дугала и прикоснувшись большим и средним пальцами к быстро закрывшимся глазам. — Сделай глубокий вдох, а затем выдохни... и почувствуй, как растворяется боль. Вот так.

Оказалось достаточно легчайших прикосновений, чтобы боль отступила. И Дункан прочитывал это по тонкой ниточке между ними так же легко, как состояние Моргана, когда они работали вместе.

Когда он убрал руку, Дугал раскрыл глаза и воззрился на него с благоговением. На этот раз всякая тень страдания исчезла из янтарных глаз.

— Это твоя целительная магия? — спросил мальчик.

— Некоторым образом, — улыбнулся Дункан. — Но если ты не отпустишь мою ногу, мне придется исцелять себя от мышечной судороги, — добавил он, перемещая Дугала и вздрогнув, как только возобновилось движение крови. — Боюсь, мы все не очень хорошо продумали. Мне бы следовало усадить тебя 300 поудобнее.

Дугал смущенно поднялся на ноги, чуть покачиваясь, пока Дункан не поддержал его и не направил к креслу.

— Меня только чуть-чуть шатает, — замотал головой Дугал. — Сейчас станет лучше. Келсон нас, поди, заждался. Я не могу откладывать, надо ему рассказать.

— Думаю... Нам лучше подождать, пока не кончится венчание, — заметил Дункан, придерживая его за плечо. — Само по себе побуждение было благим. Но у него сейчас на уме немало всякого другого. А это можно и отложить.

— Но мы не опаздываем?

Епископ покачал головой.

— То, чем мы занимались, отняло куда меньше времени, чем ты думаешь. И еще вполне можно перевести дух.

— О, — застенчиво ухмыльнувшись, Дугал позволил себе немного расслабиться, затем вдруг порывисто схватил руку Дункана и прижал к губам.

— Отец, — благоговейно прошептал он. — Ты и в самом деле мой отец. А это означает, что я тоже Дерини. — Он помедлил. — А ты знаешь, я затосковал по магическому дару в тот самый миг, когда впервые увидел, как Келсон применяет свою силу. Он погрузил раненого в сон, и я смог зашить руку. Мне показалось, что я грезжу, но я ведь уже тогда, наверное, начал что-то понимать?

— Возможно, — согласился Дункан. — И, полагаю, твое умение управляться с лошадьми — тоже отсюда. Бронвин, случалось, подзывала птиц. Глядишь и ты станешь целителем.

— Я? Целителем? О, боюсь, мне всего здесь не осилить. Понадобится много лет.

— У нас есть эти годы, — проговорил Дункан. — Мы найдем и время, и учителей. Тебя изумит, как скоро приходят некоторые навыки, если только знать, что ты есть. Мы с Алариком можем поделиться с тобой всем, что умеем. И Риченда...

— Госпожа Риченда — Дерини?

— Да, и обучалась совсем в иной школе, чем мы двое. Тебе доставит большое удовольствие знакомство с ней.

Дугал зарделся.

— Если она вообще станет со мной разговаривать. Как ты думаешь, герцог Аларик передал ей, что я ляпнул вчера вечером? Я совсем не это хотел сказать... честно.

— Я все понимаю, сынок. А если Аларик что-то ей и передал, уверен, она не приняла это как оскорбление. Да, кстати об Аларике: думаю, самая пора присоединиться к нему и Келсону.

— Ага. И посмотреть, как наш король вступает в брак честь по чести, — согласился Дугал. Вставая, он вспомнил о

ширале, и благоговейно поднес его к губам перед тем, как вручить Дункану.

— Вот. Ведь я должен вернуть его тебе.

— Нет. Возьми его на память о матери.

— Но... Тогда у тебя не останется ничего, что напомнит о ней, — начал было Дугал.

— У меня останется все, — ответил Дункан, касаясь кончиком пальца щеки Дугала. — Ведь у меня есть сын от нее.

* * *

А в другом покое, совсем неподалеку, другой его сын, духовный, готовился к брачному обряду, нетерпеливый и беспокойный, между тем, как в его свадебный наряд вносили последние усовершенствования. Длинный, до пят, плащ малинового бархата усеивали крохотные халдейские львы, вышитые тончайшим золотом, верхняя рубаха состояла из четырех кусков: два — такие же, как плащ, и два — словно его изнанка: с малиновыми шелковыми львами по золоту. В знак уважения к приграничным предкам своей невесты, он стянул волосы на затылке золотым шнуром, хотя и не заплел на горский лад. Золотую корону Гвиннеда из крестов и переплетенных листьев достали и принесли из сокровищницы замка: говорили, что ее надевал Малкольм Халдейн, когда венчался с другой меарской принцессой почти сотню лет назад, и Келсон осторожно провел пальцем вдоль одного из листьев и поглядел на Моргана, когда служители собрали свои принадлежности и удалились. Кое-кто говорил даже, что корона эта принадлежала некогда Синхилу Халдейну, а, возможно, и Фестилам до него. Если да, то, пожалуй, ее видел и к ней прискасался сам Святой Камбер.

— Как ты думаешь, я правильно поступаю? — спросил Келсон Моргана, когда они наконец остались одни. — Бог свидетель, это совсем не то, о чем я мечтал: брак по государственным соображениям, с девушкой, которую я едва ли знаю, и уж всяко не люблю.

— Ты просишь, чтобы тебе повторили все обычные доводы, почему этот брак необходим? — парировал Морган.

— Нет, о, Боже! Мы столько раз не этому возвращались, что я могу рассказать все разговоры наизусть — и даже воспроизвести голоса тех, кто выступал. — Келсон вздохнул. — Полагаю, что я вообще-то хочу спросить, как ты думаешь, есть ли надежда, что меж всех этих государственных доводов все же проберется настоящая любовь. Я знаю, что ропот сердца нужно заставить отступить перед долгом, если ты король, но не могу не зави-

Морган улыбнулся, вспоминая собственные страхи утром перед их свадьбой, хотя они с Ричендой любили друг друга, как возможно только для Дерини, способных разделить любые мысли, мечты и страхи. Он сомневался, что Келсон когда-либо испытает столь совершенное слияние душ с простой смертной — Сиданой, но кто может сказать? Любовь часто приходит и после бракосочетания, супруги привязываются один к другому — порой — не на шутку. Если и Келсон, и Сидана постараются, их союз не будет слишком тягостен. А когда возможная награда — мир...

— Не стану уверять тебя, будто знаю, что вы будете счастливы до конца своих дней, как наплели бы барды, — заметил он миг спустя. — Вам придется нелегко. С другой стороны, Риченда говорит мне, что твоя принцесса нет-нет, да и задумывается о тебе. Конечно, Сидана ни за что не признается, что ее хоть чуточку волнует мысль о предстоящей свадьбе — она для этого слишком горда. Но она — красивая, здоровая, умная девица — а ты жених хоть куда: самый могущественный и привлекательный из властителей христианского мира. Может ли она не счесть тебя желанным?

Келсон покраснел от гнева.

— Аларик, прекрати! Ты обо всем этом... Словно мы животные! Если она когда-нибудь сможет меня полюбить, я бы хотел, чтобы наша любовь... чтобы она была не плотской, а духовной, как у вас с Ричендой.

— Духовной? — Морган фыркнул. — Келсон, или ты думаешь, будто мы с Ричендой наедине только и делаем, что обсуждаем духовную сторону наших отношений?

— Да нет же, я...

— Ну, и это само собой, — продолжал Морган. — Но, поверь мне, что и «плотское», как ты сказал, тоже довольно славно. Не презирай свое тело. Оно — часть того, кто ты и что ты. Небесная любовь хороша для монахов, и ее здоровая доля делает брак глубже и полнее, но с венчанной женой, особенно, когда она — только человек, и с ней нельзя полностью разделить душу — и самые телесные утехи, как ты скоро обнаружишь — это особое средство общения и единения. И, конечно, есть житейская сторона: это важно, чтобы обзавестись наследниками.

— Да, конечно, — Келсон повернулся и несколько раз прошелся взад-вперед, стискивая руки.

Когда он вновь остановился и бросил искоса взгляд на Моргана, он несколько побледнел, что подчеркивал его малиновый наряд.

— Аларик, у меня никогда никого не было. Сам знаешь. 303

— Знаю, — промолвил Морган с сочувствием, но Келсон продолжал, словно не слыша.

— У меня пока не было времени... или случая... чтобы произошло так, как я всегда мечтал, — зашептал король. — О, можно было порой побаловаться между прочим с какими угодно девицами или служанками и даже с дамами при дворе... и вряд ли можно пожить как следует в замке или сходить в поход — и не увидеть или не услышать достаточно, чтобы знать, что да как. Если мы только и говорим, что о телесном влечении, то любой паж или деревенский мальчишка быстро набирается нужных знаний. Властители не исключение. Но я-то больше, чем просто мое тело, Аларик. И, хотя я еще... ни разу не был с женщиной, я знаю, должно быть нечто большее, чем просто телесная усада.

Морган понимающе кивнул, не ощущив необходимости в словесном ответе. Келсон чуть помедлил, достаточно для того, чтобы перевести дух перед тем, как помчаться дальше. Его рассуждения то развивались, то сбивались под напором переживаний, естественных для юноши, которому вот-вот предстоит стать мужчиной.

— И есть еще кое-что, — зачастил он снова. — Я король. А что если были бы случайные дети? Меньше всего мне хотелось бы усложнить и без того запутанные семейные отношения в Гвиннеде, дав начало роду, а то и родам царственных байстрюков, чтобы мучили воду двадцать лет спустя... или стали однажды пешками для моих противников. А я-то Дерини, Аларик. И мои дети будут такими. Этого одного могло оказаться достаточно, чтобы обречь на верную гибель их, а также их матерей. Казалось просто... безопасней... воздерживаться, а не то мало ли что.

— Вероятно, ты прав, — согласился Морган.

— Вот я и оказался в неловком положении — дожил девственником до самой свадьбы, — заключил Келсон. — Это прекрасно для женщины; и это важно для той женщины, на которой женюсь я. Но... а вдруг я не пойму, что мне делать, Аларик? Что если она станет смеяться?

Морган изо всех сил постарался не улыбнуться. Разве не было среди живущих мужчины, который не испытал таких страхов, хотя бы в самом начале? А некоторые подобные опасения так и не утрачивают... Хотя, непохоже, чтобы Келсон с его тонкостью и неподдельным вниманием к другим, так и остался при этом затруднении.

И тогда Морган с пониманием, как старший родственник, положил королю руку на плечи и постарался его успокоить, напомнив, что и невеста в подобном положении, и предлагая,

вится. Почему-то королю такая мысль еще не приходила в голову. Ко времени, когда в дверях появился Дугал вместе с прочими участниками свадебного шествия, Келсон расслабился и даже стал перебрасываться шуточками со своим словоохотливым побратимом, пока надевал корону и шагал навстречу невесте.

* * *

Кони и невеста с ее спутниками ждали во дворе замка под бледным-бледным зимним небом. Наряд Сиданы был лишь чуточку темнее, чем у короля, и восседала она на молочно-белом скакуне с бело-серебряной сбруей. Ее плащ из тонкой шерсти, лазурный, вышитый по краю золотыми гранатами, окутывал крестец ее скакуна и почти что касался земли сзади. Голову ее украшал венок из белых роз, длинные каштановые волосы свободно струились по спине, почти закрывая плащ.

Алюэл стоял у головы ее коня, суетливо скручивая и раскручивая повод из белой кожи, — наступившая тень в голубом одеянии, чуть потемнее, чем на Сидане, не замечающая солнца. Чуть поодаль ждали Риченда и еще три дамы на бледно-серых лошадях, готовые сопровождать невесту. Все спутники короля уже тоже взобрались в седла, и Дерри держал поводья здоровенного черного красавца. Чуть в стороне четверо рыцарей уже приготовили небесно-голубой шелковый балдахин, чтобы нести его над невестой. Ни один из четырех не был ниже, чем графский сын.

— Нам ниспослана прекрасная погода по случаю нашего бракосочетания, моя госпожа, — произнес Келсон, наклонив голову в осторожном приветствии, когда они с Морганом и Дугалом пробрались между лошадей и кланяющихся придворных и остановились перед Сиданой. — Надеюсь, мои люди, занимавшиеся приготовлениями, сумели вам угодить?

— Угодить? — язвительно переспросил Алюэл, прежде чем его сестра успела ответить. — Кто и чем может нам угодить, если мы пленники?

— Думаю, ваши узы не были тяжелыми, — пробормотал Келсон, отчаянно желая, чтобы Алюэл не омрачил торжество дикой выходкой. — Никто не обращался с вами дурно.

— А ты не считаешь, что это дурное обращение с моей сестрой — вынуждать у нее согласие на брак? — вскинулся Алюэл.

«А я думал, он с нами примирился», — передал Морган Келсону, когда Сидана с ужасом набрала в грудь воздуху, а у Келсона напряглись челюсти. — Хочешь, я погружу его в сон?»

«Нет, просто встрижни его чуток. Сидана хочет, чтобы он ее сопровождал.»

«Как тебе угодно.»

И без какого-либо предупреждения Морган вдруг стиснул руку Алюэла у самой подмышки — с тем же приветливым выражением лица.

— Невеста согласилась на брак с королем, — мягко произнес он. — Не придержиши ли язык или наподдать тебе коленом за то, что ведешь себя как наглый испорченный мальчишка?

— Ты не посмеешь.

— Разве?

— Алюэл, прошу...

— Не вмешивайся, Сидана!

— Мой повелитель, — проворчал Морган, — с вашего позво-ления, я препровожу этого юного дурня в место, где он никому не сможет навредить, в том числе и себе.

— Послушай, Алюэл, — спокойно произнес Келсон. — Ты до сих пор знал меня, как человека необычайно терпеливого. Можешь судить об этом уже потому, что ты до сих пор жив, несмотря на то, что твоя мать предательски умертвила моего епископа, а ты, как сам заявлял, стоишь между своей сестрой и короной Меары. Щадя чувства моей невесты, я желаю на многое закрыть глаза. Но я не потерплю твоей наглости, если ты позволишь себе срывать свадьбу и коронацию твоей сестры. Ну что, ты и дальше будешь продолжать в том же духе?

Глаза Алюэла вспыхнули неприкрытой ненавистью, но несколько секунд спустя он отвернулся голову.

— Ты ведь сразу пустишь в ход свою черную магию, если я хоть что-то скажу, — проворчал он в гриву коня.

— Что ты сказал? — поразился Келсон.

Морган рывком развернул Алюэла лицом к ним, тот оказался еще более разъяренным, чем до того, и Келсон с недоверием пододвинулся поближе.

— А то и сказал, что ты запросто применишь ко мне свою треклятую силу, если я не уступлю! — запинаясь ответил Алюэл, все еще с вызовом, хотя вцепившиеся в его мышцы пальцы Моргана и заставляли его содрогаться. — Как до того твой деринский священник.

— Ты, никак, задираешь меня, чтобы случилось что-нибудь, о чем потом мы оба будем сожалеть? — прошептал Келсон.

— Алюэл, прошу тебя! — взмолилась Сидана. — Перестань, ради меня. Ты не можешь предотвратить этот брак. Ведь ты обещал, что будешь стоять рядом со мной. Если они тебя уведут, я останусь одна!

Тяжко и обреченно вздохнув, ее брат собрался с достоинством, какое только позволяло сохранить его нынешнее

положение, хотя рука Моргана по-прежнему крепко держала его.

— Вижу, что я тоже один, — ровным голосом произнес он. — Но я не лишу мою сестру сопровождающего, которого требует ее звание. Я... исполню обязанности своего отца и передам жениху невесту, если ты желаешь, чтобы все прошло как положено! Но я не перестану ненавидеть тебя ни на миг!

— Ах, ненавидеть меня? — Келсон поднял бровь и с облегчением улыбнулся. — Что же, полагаю, я с этим могу примириться, если будешь вести себя, как полагается. Морган, можешь отпустить его. Моя госпожа, простите, что вам пришлось быть свидетелем этой ссоры.

— Прошу вас простить моего брата, мой господин, — прошептала Сидана. — Он лишь хотел защитить меня.

— Сидана, мне незачем прятаться за бабьими юбками.

— Может, ты все-таки закроешь рот? — проворчал Морган.

Как только он угрожающе поднял руку, Люэл в тревоге попятился.

— Достаточно, Морган, — сказал Келсон. — Он молод, горд и обидчив. Постараемся не совершить роковой оплошности. Люэл Меарский, — продолжал он, со всей силой устремляя свой живой, как ртуть, взгляд на меарского принца. — Напомню тебе в первый и последний раз, что Морган и другие мои верные друзья и вассалы будут рядом со мной во время обряда. Если случится что-нибудь, чему происходит не положено — и по твоей вине — что бы то ни было — я даю им полную свободу действовать, как они сочтут нужным. Это предполагает, конечно, что я не трону тебя первым. Я достаточно ясно высказался?

— Достаточно ясно, — еле слышно проворчал тот.

— Я не слышал.

— Ты выразился достаточно ясно. Исчерпывающе ясно, — угрюмо повторил принц.

— Хорошо. Значит, мы друг друга поняли. Да, моя госпожа?

Он снова оглянулся на невесту, испытующе протянув руку, и, к его изумлению, Сидана подала ему свою. Воодушевившись, он склонился и скользнул губами по костяшкам ее пальцев, у него прибавилось уверенности к моменту, когда он выпрямился и отпустил ее руку.

— Сударыня, еще раз извините меня. День свадьбы должен быть радостным для женщины и свободным от забот. Боюсь, я довольно неудачно его начал.

— Вы сделали только то, что должны были, мой повелитель, — прошептала она, — и я тоже вынуждена еще раз просят прощения за своего брата.

— Сидана!

Не обращая внимания на Алюэла, Келсон покачал головой.

— Здесь не время и не место обсуждать случившееся, сударыня. Позднее, когда мы обвенчаемся, времени будет достаточно для чего угодно. А сейчас архиепископы — да и народ — все ждут, чтобы посмотреть, как пройдут свадьба и коронация новой королевы. Моджно мне распорядиться, чтобы шествие началось?

— И вы просите моего разрешения, мой господин? — изумилась она.

— Конечно. Вы — моя госпожа и моя королева.

Одного взгляда на брата, вперившего в нее жгучие глаза, следящего за каждой малейшей переменой в ней, было, очевидно, достаточно, чтобы Сидана воздержалась от словесного ответа, и все же она робко наклонила голову. Келсону показалось, что это больше, чем повиновение долгу. Отойдя к голове шествия, где ждал его конь, он подал знак рыцарям подать балдахин — голубой, шелковый, часто усеянный звездочками и лунами. Он возликовал, как только благополучно повернулся спиной к Меарскому принцу и принцессе.

— Аларик. Ты видел? — прошептал он, пока Морган придерживал его стремя и помогал ему взобраться в седло, а Дугал направлял малиновый плащ вокруг конского крупра. — Похоже, я ей по нраву. Как только мы оторвем ее от брата, кто знает, что может случиться! Может, в конце концов, все обернется к лучшему.

Как только они тронулись, Морган оглянулся на крохотную одинокую всадницу на белом коне, которую под шелковым балдахином вели навстречу ее жребию; все их надежды на мир воплотились в этой хрупкой девчушке. Он пылко надеялся, что Келсон не ошибается.

Глава двадцать вторая

**Ибо Господь благоволит к тебе,
и земля твоя сочетается¹**

У Келсона, который и так уже испытывал немалый подъем, яркие образы, возникавшие по пути шествия, вызывали головокружение: ликующие толпы, знамена всех оттенков радуги, трепещущие над улицами, ливни подснежников и других зимних цветов, которыми усыпали его дорогу — и новые цветы, и новое ликование для следовавшей за ним темноволосой невесты. От многоцветья и многозвучья он словно взлетел на гребень волны-надежды, и во все лицо улыбался Моргану и Дункану, между которыми ехал. Улицы были узкими и петляющими, а между ним и его невестой — тьма-тьмущая участников шествия, но выдалось несколько мгновений — когда дорога становилась прямой или когда они пересекали площадь, в которые он мог оглянуться и увидеть ее венок из роз под шелковым балдахином. Однажды их глаза встретились, и ему почудилось, будто пробежала стремительная искра, соединив их, наполнив радостным смятением его мозг и добела накалив чресла. Он твердил себе, что слишком увлекся, что позволяет себе выдавать желаемое за действительное, цепляясь за что-либо — слово или взгляд — уловленные ранее при их встречах... Но его природа не давала ему отстраниться. Его тело уже сполна жаждало единения с ней, но он также решил непременно добиться союза сердец, наряду с союзом их земель, если сможет. Он старался не слишком много думать о предстоящей брачной ночи. И с немалым облегчением доехал, наконец, до собора и спешился, обратив разум, равно как и тело, к делам менее плотским.

Архиепископ Кардиэль встретил его у высокой двери в золотой ризе и митре, почти ослепляющих под полуденным солн-

¹Исаия 62:4

цем, роскошно контрастирующих с малиновым одеянием Келсона и золотом его короны из крестов и листьев. Когда они обменялись подобающими приветствиями, и архиепископ наклонил голову, а король нагнулся и поцеловал его кольцо, к ним присоединились Арилан с Дунканом, и общение стало более непринужденным: двое в стихарях, обильно отделанных кружевом, древних и незапятнанных, поверх пурпурных сутан, блеск золота на епитрахиях белоснежного шелка. Келсон принял их приветствия, мыслями будучи лишь наполовину здесь, и потянул к себе Моргана, о чем-то беседуя с епископами, черпая у Моргана спокойствие, дабы придать своим мыслям более подобающий вид для обетов, которыми вот-вот обменяется с Сиданой. Когда невеста и ее спутники начали вставать на площадку перед собором, король и его свита заняли место между тремя прелатами и скрылись внутри.

За самым соборным порталом ждали другие служители церкви: крестоносец с распятием Кардиеля, служки со свечами, хористы — мужчины и мальчики с дочиста отмытыми лицами, в белых с алым нарядах, два мальчика постарше, мерно покачивающие кадилами. Когда архиепископ и остальные, вступившие в собор с королем, присоединились к ним, и шествие двинулось по главному нефу, музыканты на хорах протрубили торжественное приветствие королю.

Шагая, Келсон высоко держал голову, не чувствуя, как пристально наблюдает за ним все собравшееся духовенство, не сводя глаз с круга на спине Кардиеля. Когда хор запел, он сразу узнал торжественное *Te Deum*. По сторонам от себя он ощущал уверенное и успокаивающее присутствие Моргана и Дугала. Морган — как всегда, столп мира, готовый в любой миг мысленно поддержать Келсона; но и Дугал казался более твердым, более надежным, почти Дерини в своей собранности, то ли нечувствующий, то ли не желающий замечать легких и скорых ментальных прикосновений Келсона.

Они пересекли трансепт, пройдя прямехонько над печатью Камбера, Келсон на миг призадумался, а что бы подумал деринский святой о том, что решил совершить он, Келсон. Он хорошо помнил, что Камбер устроил брак между своей подопечной и Синхилом Халдейном еще до Реставрации Халдейнов. Имя королевы вылетело у него из головы, но его позабавила мысль, что та королева могла быть увенчана вот этой самой золотой короной, покоящейся перед ним на подушечке и сверкающей в пламени алтарных свечей. Он в задумчивости разглядывал венец, следя за епископами мимо рядов скамей к

Нигель и Мерауд заняли почетные места справа от него, ближайшие к алтарю, а чуть дальше расположились их три сына. Другие — кто позади них, кто — с другой стороны от прохода: Эван и Дерри, Джодрелл и Сигер де Трегерн — все из его старших сановников — на их лицах отразилось ожидание и надежда. Как раз перед тем, как Келсон дошел до ступеней, он перехватил мгновенную, ободряющую улыбку Нигеля и щедрый благожелательный кивок Мерауд.

«Господи, прости меня, если я приближаюсь к Твоему алтарю с недостаточно чистым сердцем, — молился Келсон, вставая между епископами у подножия ступеней и преклоняя колено перед высшим Присутствием. — Дай мне полюбить женщину, на которой я вот-вот женюсь... и пусть она меня полюбит. И помоги мне стать мудрым и понимающим супругом для нее».

Тут епископы обратились к нему в ожидании, а он и его спутники отодвинулись чуть вправо и тоже повернулись, готовые пропустить невесту и тех, кто с ней.

На хорах над главным входом Келсон уловил блеск труб, которые опять поднялись... И вот полились серебряные звуки, на этот раз — величающие Сидану, нежные и протяжные. Хор завел псалом во славу королевы.

Когда она возникла в распахнувшихся дверях, на миг показалось, будто она плывет в облаке солнечного света, и будто за просто унеслась бы прочь, если бы не держалась на якоре: кистью руки за локоть своего брата. Когда балдахин медленно внесли внутрь, а она с Люэлом переступила порог под его роскошной сенью, казалось, что белые розы в ее волосах испускают собственный свет, наделяя ее почти дерринийским нимбом в глазах Келсона.

«О, Боже, она окутана миром, словно плащом! — подумал он, наблюдая за приближением девушки со смиренно опущенными глазами. Едва ли он вообще видел поджавшего губы Люэла или Риченду и всех остальных, кто шел сзади. — Прошу тебя, Господи, да будет мир между нами двоими, равно как и между нашими землями. Я не хочу убивать ее близких. И никого другого не хочу убивать. Я желаю множить жизнь, не смерть. Прошу тебя, Господи...»

И вот она с Люэлом — коленопреклоненные у алтарных ступеней, вот — поднимаются, чтобы встать рядом с ним. Люэл хмурится между женихом и невестой. Кардиель ждет между Ариланом и Дунканом, когда балдахин очутится на положенном месте и обозначит пространство, где свершится брачный обет. Морган и Дункан остаются у самого внешнего края балдахина, Риченда и другие — с противоположной сторо-

ны. Кардиель, раскрыв требник, читает, обращаясь к бледному и внимательному королю:

— *Kelsonus, Rex Gwyneddis, vis accipere Sidanam hic praesentem, in tuam legitimam uxorem juxta ritum sanctae Matris Ecclesiae?*

Келсон, король Гвиннеда, желаешь ли ты взять Сидану, здесь присутствующую, как свою законную супругу, по обряду нашей Святой Матери Церкви?

— *Volo*, — выдохнул Келсон, не смея глядеть в ее направлении. Желаю.

С важностью поклонившись, Кардиель обратился к невесте, задав ей тот же самый вопрос:

— *Sidana, Princeressa Mearae, vis accipere Kelsonum hic praesentem, in tuam legitimum uxoret juxta ritum sanctae Matris Ecclesiae?*

Затаив дыхание, Келсон позволил своему взгляду метнуться влево, мимо стиснувшего челюсти Аллюэла — к своей невесте. Ее шелковистые волосы падали, словно занавес, на ее правую щеку, и король не видел ее глаз, но после совсем недолгого колебания губы девушки раскрылись.

— *Volo*, — прошептала она.

Келсон почти что рассыпал мысленный стон отчаяния, изданный Аллюэлом, но заставил себя воздержался от дальнейшего мысленного проникновения.

Этого мальчика с пеленок учили верности долгу, как и самого Келсона. Для чего Келсону возмущать спокойствие, которое он хочет обрести, когда обменяется брачными обетами со своей будущей королевой?

— Кто отдает эту женщину в жены? — спросил Кардиель.

Аллюэл неуклюже вложил руку сестры в ладонь архиепископа, бросив лишь беглый и холодный взгляд на жениха, и отступил на шаг.

Когда Кардиель соединил руки жениха и невесты, ладонь Сиданы показалась Келсону холодной и дрожащей, и он едва заметно с облегчением вздохнул.

— Повторяй на мной, — произнес Кардиель. — «Я, Келсон, беру тебя, Сидану...»

— Я, Келсон, беру тебя, Сидану, — твердо сказал король.

— В законные супруги...

— В законные супруги...

Его глаза были прикованы к ее лицу, пока он повторял древнюю формулу, не смея применить свои деринийские возможности из страха перед тем, что мог бы прочесть, но со все растущей надеждой, ибо ему казалось, что он ощущает тепло.

Лишь когда он умолк, девушка на какой-то миг подняла 312 глаза — и между ними пронеслось нечто, подобное вспыш-

ке летней молнии, яркой и жаркой, хлынувшей в каждую жилу, сухожилие и мышцу.

Темные глаза быстро опустились... Она тоже почувствовала?.. Но необычное чувство держалось, пока она повторяла свою часть брачных обетов, голосом, холодным и спокойным, точно священный водоем в Кэндор Ри; рябь ее слов пробуждала надежду и что-то тепло обещала. Келсон не выпустил ее руку, когда она замолчала, и она не вырвала руку, вообще не попыталась убрать ее, когда они оба опять посмотрели на Кардиеля, чтобы тот благословил их.

Но кольцо поднес Дункан, а благословил Арилан, сперва окропив святой водой, а затем с особой молитвой окурив из кадильницы. Мастер, которого знал Арилан, выковал это кольцо из кассанского золота — он был Дерини, связанный с Камберийским Советом: епископ поведал это одному Келсону в редкий миг, когда начистоту говорил об этой особой стороне своей жизни. На плоской овальной поверхности, в которую переходил узкий обруч, мастер выгравировал изящного Гвиннедского льва и вставил в его глаза крохотные рубины — подходящий знак, чтобы скрепить союз новой королевы с ее королем и его землей. Рука Келсона чуть заметно дрожала, когда он повторял за Дунканом слова, а колечко быстро скользило вдоль кончиков ее большого, указательного и среднего пальцев, пока не дошло до безымянного.

— *In nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

И вот Кардиель соединил их руки, связав их, как требовал обряд, епитрахилью, взятой у Дункана, все три епископа возложили ладони на их соединенные руки, и Кардиель провозгласил, что брачные обеты даны:

— *Ego conjungo vos in matrimonium: In nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti...*

В этот священный миг, когда разум Келсона убаюкало могучее «Аминь», подхваченное и разнесенное хором, в нем не возникло никаких предупреждений об опасности. Склонив голову и закрыв глаза, рука — в руке невесты, он был слишком переполнен новизной своего положения, чтобы уловить, как затаенный гнев Алюэла переходит в готовность к действию.

Лишь, когда Сидана ахнула, и рука была наполовину вырвана из руки, он поччял беду — слишком поздно, чтобы ее предотвратить. Слишком поздно, чтобы кто угодно ее предотвратил. Рука его запуталась в епитрахили, связавшей его с Сиданой, и он не мог вовремя развернуться, чтобы остановить Алюэла. Не мог перехватить смертоносный кинжал, который непонятно откуда извлек меарский принц. На этот раз молниенос-

ную вспышку вызвала наточенная сталь, сверкнувшая в пламени свечей и угасшая в расплывающемся алом пятне — это Алюэл одним отчаянным ударом полоснул сестру по горлу.

Келсону почудилось, будто все, кроме Алюэла, угодили в липкий мед и двигаются слишком медленно, чтобы что-то сделять, охваченные ужасом при виде свершившегося зла. Даже кровь, хлынувшая из смертельной раны жертвы, словно повисла в воздухе. Губы Сиданы замерли в немом «О», свет в карих глазах уже угасал, когда вопль ее жениха — как слышимый, так и беззвучный — эхом полетел по собору.

— Нее-е-е-ет!

И тут зашевелились все и каждый. Одновременно. Крики гнева и отчаяния разорвали немоту; Дугал и рыцари, державшие балдахин, накинулись на Алюэла и бросили его на пол, стараясь не попасть под нож и не допустить, чтобы убийца поразил себя. Келсон, оглушенный почти до темного бесчувствия, подхватил падающую Сидану, прижал к груди и затем бережно уложил на пол, тщетно прикрывая рукой страшную рану на горле, в то время как глаза его искали Моргана и Дункана, а разум взывал к ним, моля спасти невесту.

Кровь хлынула из горла, когда они столпились вокруг нее, омочила голубой наряд, стала натекать лужей там, где рассыпались роскошные волосы, затем запятнала белые розы. Белый стихарь Дункана почти в мгновение стал красным, его руки и руки Моргана оказались все в крови, когда они попытались остановить кровотечение.

— Не убивайте его! — приказал Арилан, когда рыцари и Дугал наконец справились с Алюэлом и подняли его, избитого и помятого. — Это сделает другой!

А Морган и Дункан все еще боролись за спасение смертельно раненой. Келсон нemo глядел на кровь. Кардиель наконец взял на себя обязанность удалить со скамей охваченных ужасом свидетелей, и ему помогал Арилан. Два Дерини еще несколько минут лихорадочно продолжали хлопотать над невестой, пока в конце концов Морган не поглядел на Келсона и не покачал головой, подняв окровавленные ладони с видом побежденного. Он только и мог, что беспомощно смотреть на короля, неспособный предложить ему утешение.

— Келсон, мы пытались, — прошептал он. — Видит Бог, мы пытались. Но все совершилось так быстро. Она потеряла так много крови... Так скоро...

Прежде чем Келсон успел ответить, взгляд Моргана метнулся к тяжело дышащему, торжествующему Алюэлу, тоже в 314 крови, замершему, широко расставив ноги, среди суровых

рыцарей. Дугаоказался тут же, с окровавленным кинжалом в руке. Одним движением Морган вскочил и, схватив убийцу за шиворот, принялся поворачивать вперед и вниз, с глазами, холодными и безжалостными, точно море, схваченное зимним льдом.

— На колени перед твоим королем, меарский бунтовщик! — процедил он сквозь зубы. — Каким зверем надо быть, чтобы умертвить родную сестру в день ее свадьбы?

— Морган, не тронь его! — рыкнул Келсон, оборачивая к ним лицо без единой кровинки и поднимая руку, чтобы не вмешался Кардиель. — Что он сделал — понятно. Я хочу знать, почему. — И в упор, взглядом, какой всегда отличал Халдейнов, посмотрел на схваченного убийцу, как и прежде неподвижно сидя на корточках около невесты. — Я жду ответа, Алюэл. Почему Сидан? Почему ты не тронул меня? Это было нетрудно.

На шее Алюэла выступили тугие узловатые жилы, но он не дрогнул под королевским взглядом.

— Убить Дерини? — он с презрением сплюнул и полыхнул глазами на Моргана и Дункана. — Он бы меня как-нибудь остановили. А если бы и нет, если бы я и порешил тебя, это не спасло бы Сидану от брака с каким-нибудь Халдайном. Вот он стал бы королем после тебя. — И дернулся подбородком в сторону оторопелого Нигеля, стоявшего за спиной у Келсона. А у него три охочих до радостей жизни сыночка. Я не желаю, чтобы мою сестру лапали Халдайны.

Тут Келсон начал подниматься, захлестываемый яростью, которая одолела скорбь. Дункан удержал его за рукав.

— Келсон, стой!

— Если ты не станешь его убивать сам, доставь мне такое удовольствие, — воскликнул Морган, и в его руке появился стилет, в то время как он до предела скрутил ворот Алюэла и умоляющее взглянуло на короля.

— Нет! — вмешался Кардиель и решительней, чем когда-либо на памяти Келсона, схватил запястье Моргана, а сам встал между пленником и королем. — Да не свершится нового кровопролития в этом Доме Божием! Разве ты не мог примириться со свадьбой, Алюэл? — добавил он, с жалостью покачав головой, между тем как Морган отпустил горло меарца и убрал свой клинок. — Твоя сестра стала бы королевой Гвиннеда и Меары. Удалось бы покончить почти со столетней распрай. Ты понимаешь, что натворила?

— Я вернул своему брату надежду получить корону, — упрямо возразил Алюэл. — После нового союза Меары с Халдейнами его права навсегда оказались бы под сомнением. 315

Пусть король Гвиннеда найдет себе другую королеву. Моя сестра стоила лучшей участи. Теперь она с ангелами.

— И ты никогда больше ее не увидишь, — спокойно заметил Арилан, встав рядом с Кардилем. — В аду есть особое место для убийц, Алюэл.

Юноша только покачал головой.

— Я с радостью отправлюсь в ад, ибо спас мою сестру от того, что готовили для нее вы, епископ. Ей лучше было умереть, чем стать королевой проклятого короля-Дерини.

— Что же, счастливого пути, — нарушил Келсон гробовое молчание. — Но проклят я или нет, я был готов любить и почитать Сидану... и, думаю, она готова была постараться любить и почитать меня.

Алюэл сплюнул.

— Никогда бы она тебя не полюбила!

Келсон лишь печально покачал головой, когда Морган спокойно подхватил окровавленную епитрахиль, которая еще недавно опутывала руки венчавшихся, и предложил одному из рыцарей сделать из нее кляп для Алюэла.

— Возможно, ты и прав, Алюэл, — прошептал король. — Да, очень даже может быть, что ты прав. Но она была моей королевой, пусть всего миг — и ей окажут почести, как королеве, хотя бы провожая в последний путь. — Он взглянул на Моргана, смахивая слезы, затем опустил глаза.

— Пусть его отсюда уведут, Аларик. Я не желаю видеть его до тех пор, пока моя королева не обретет последнее пристанище. Тогда состоится суд. Не может быть сомнений насчет его исхода, но даже Алюэл должен получить все преимущества, которые предоставляет закон.

— Будет сделано, мой повелитель, — проговорил Морган и дал знак рыцарям исполнить приказ.

— А теперь, если вы не против, — продолжал король упавшим голосом, — я бы хотел побывать с ней наедине несколько минут. Дядя, уведи, пожалуйста, отсюда всех.

Вскоре в оскверненном кровопролитием соборе с погруженным в скорбь королем остались только Морган, Дункан и Дугал. Нигель и его семья помедлили за пределами слышимости, не желая окончательно его покинуть. Мерауд и Риченда тихо всхлипывали в объятиях друг другу, Конал неприворно горевал, а два мальчика помоложе стояли с расширенными глазами, перепуганные жутким зрелищем. Морган со вздохом присел на корточки рядом с безмолвным королем, возле которого опустился на колени и Дункан. Дугал с белым лицом стоял, он-

316 мев, за спиной отца, не зная, как утешить.

— Я бы мог сделать для тебя что-нибудь еще, мой повелитель? — спросил Морган, коснувшись оцепенелых плеч.

Келсон только наклонил голову и закрыл глаза, плотно затворив разум от любого вторжения.

— Или к жене, Аларик, — прошептал он. — Пожалуйста. Ты ей сейчас нужен. А мне... необходимо побывать одному.

— Хорошо. Дугал, Дункан, вы идете?

— Сейчас, — ответил Дункан. — Встретимся в ризнице.

Вздохнув, Морган поднялся и присоединился к тем, кто ждал его, на несколько секунд обнял Риченду, а затем просто замер в ее объятиях, прежде чем проводить через боковую дверь Нигеля и его семью. Келсон открыл глаза, когда Дугал молча присел рядом с Дунканом, но не поглядел в их сторону.

— Келсон, нам нужно еще очень многому учиться, — тихо произнес Дункан. — Мы пытались, я и Аларик, но просто-напросто времени не хватило. Будь мы поисксней... Но кто умеет обучать искусству исцеления в наше время?

— Ее бы никто не спас, — прошептал Келсон. — Ей не суждено было жить. Выходило как-то слишком просто. Совершенное решение: король женится на прекрасной принцессе и объединяет две земли, даря мир.

Слезы брызнули из глаз Дугала.

— Это я виноват, — сказал он. — Мне следовало бдительней наблюдать за Алюэлом. Если бы я...

— Да брось ты, — возразил Келсон. — Никто не мог знать, что Алюэл скорее прикончит родную сестру, чем увидит, как та стала женой его заклятого врага. Но когда мы произнесли наши обеты, я подумал, что он принял все как должное.

— Келсон прав, сынок, — тихо проговорил Дункан. — Ты не мог знать. Сомневаюсь, что это знал даже Алюэл до последнего мгновения. Кто-нибудь из нас уловил бы хоть намек.

Келсон пожал плечами и тяжко вздохнул.

— Теперь это все равно неважно. Мы старались, как могли, с наилучшими намерениями — и этого оказалось недостаточно. Очевидно, судьба припасла для нас что-то другое.

— Возможно, — отозвался Дункан.

Воцарилось неловкое молчание. Миг спустя, Дункан подобрав запятнанную епитрахиль, подал знак Дугалу идти с ним.

— Мы оставим вас на несколько минут, государь, — тихо произнес он. — Я переоденусь и вернусь. Дугал, поможешь?

— Я сейчас, — ответил Дугал, не шевельнувшись.

— Хорошо.

Дункан медленно поднялся по алтарным ступеням и прошел в ризницу, оставив Дугала коленопреклоненным. 317

— Келсон, мне так жаль, — с усилием прошептал Дугал.

— Знаю. Мне тоже.

— Ты... Ты действительно в нее влюбился? — спросил Дугал.

— Влюбился! — Келсон удрученно пожал плечами. — Откуда мне знать? У меня не было времени это решить. Думаю, я был готов сделать все, чтобы стать ей хорошим мужем. Наверное, король не имеет права рассчитывать на что-то большее.

— Но мужчина имеет такое право, — с негодованием бросил Дугал. — Короли, что — не такие как все?

— Да, черт побери! Не такие. Они... — Келсон опустил глаза, сдерживая слезы. — Я столь же мужчина, сколь и король. И сегодня оба они оплакивают свою невесту. И расстроенный союз наших двух земель, который мог принести мир. Я...

Его голос дрогнул, угрожая сорваться на рыдание, он снял корону, поставил рядом с собой и закрыл лицо окровавленной ладонью.

— Прошу, оставь меня, Дугал, — еле-еле выдавил он.

Ему даже удалось овладеть собой, пока Дугал не встал и не вышел; и лишь тогда он горестно уронил голову, чуть только его глаза снова обратились к неподвижному созданию, распростертому перед ним.

«О, Боже, у них были благие намерения, но как они могли понять? — подумал он. — Все кончилось прежде, чем успело даже начаться.»

Видение расплылось в его глазах, дрожащими пальцами он легонько коснулся ее локона, на который не попала кровь, приложил его к губам, и слезы наполнили его глаза — но он все еще подавлял рыдания.

«Сидана, — прошептал он мысленно. — Сидана, моя шелковая принцесса. Я бы попытался сделать тебя счастливой. Ты могла бы...»

С нежностью он скользнул руками под ее плечи, приподнял ее и положил ее голову себе на грудь, не замечая крови, мерно покачивая ее и шепча ее имя, а между тем слезы наконец ослепили его, а рыдания заставили содрогаться оба тела — живое и мертвое.

«Сидана...»

И так, сокрушенный и своей кровью, и своей короной, как было ему навсегда суждено, Келсон Гвиннедский сидел на обломках своих разбитых мечтаний и плакал горькими слезами, держа мертвую надежду на мир в трепещущих руках.

МИЛОСТЬ КЕЛСОНА

Пролог

И король поступит по его воле¹

Ая говорю вам, он *ни за что* не передумает,— сказал Совету Дерини епископ Арилан, хлопая обеими ладонями по инкрустированному столу слоновой kostи, дабы подчеркнуть свои слова, в то время как его взгляд пробежался по троим мужчинам и трем женщинам, сидевшим вместе с ним в сводчатой палате, где проходило заседание Совета.— Он не только не передумает — он не желает даже *обсуждать* это...

— Но он *должен* обсудить! — Ларан ап-Пардис, казавшийся очень старым и очень хрупким в своей черной мантии ученого, был явно испуган.— Ни один из королей династии Халдейнов *никогда* не делал ничего подобного. Уверен, вы предупредили его, что может случиться.

В бледном сиреневом свете, сочившемся сквозь большой восемиугольный купол комнаты, Арилан казался усталым; он откинулся на высокую спинку своего кресла и глубоко вздохнул, мысленно молясь о том, чтобы сохранить терпение.

— Я предупреждал... и не однажды.

— И? — вопросительно произнесла женщина, сидевшая слева от него.

— И если я буду слишком настойчивым, он может вообще утратить доверие ко мне.— Епископ повернула голову и осторожно глянул на женщину.— Вы можете усомниться, Кайри, но дело идет именно к тому. Видит бог, он определенно не доверяет нам как группе.

Под группой подразумевался, само собой, Совет Камбера, или, иначе говоря, Совет Дерини; предметом же обсуждения был семнадцатилетний король Гвиннеда, Келсон Синхил Райс

¹Даниил 11:30

Энтони Халдейн, уже более трех лет занимавший трон после убийства его отца.

Эти три года вовсе не были легкими ни для Совета, ни для короля, ни для королевства. Любой столь юный король почувствовал бы неуверенность рядом с этими людьми, задачей которых было помогать ему советами,— ведь несмотря на то, что за пределами этой комнаты лишь очень немногие вообще знали о существовании данной группы, Совет Камбера считал себя ответственным за судьбу Дома Халдейнов. Но Келсону, в отличие от большинства монархов, до него занимавших этот трон, достался в наследство слишком большой магический дар — через могучую кровь Дерини, его матери, королевы Джеханы,— она и сама не подозревала о собственной силе, пока невольно не пустила ее в ход во время его коронации. И в равной мере огромные магические возможности, видимо, достались ему от отца, короля Бриона.

Для любого, кроме Келсона, такое сочетание могло бы оказаться смертельно опасным, потому что тех, кто принадлежал к Дерини, боялись во всем Гвиннеде, и очень многие ненавидели их. До восстановления правления Халдейнов два века назад Гвиннед в течение многих поколений находился под властью Дерини, и Дерини, ничем не смущаясь, использовали чародейство ради собственной выгоды. И потому магов Дерини не только боялись, но и презирали; и мало кто теперь знал или помнил, что были и такие Дерини, которые оставались просто людьми и боролись с тиранистом рода Дерини, или что был и некий позже опозоренный святой Дерини, который не только дал свое имя тому самому Совету, который собрался сейчас в тайной палате, но и первым научил королей рода Халдейнов магии.

Келсон, конечно, знал об этом. И, подобно многим Халдейнам до него, он принимал магический дар как естественную часть своего божественного королевского права, и постоянно держался на тонкой грани между беспомощностью, если он не использовал эту силу, и ересью, когда он ее применял,— но ведь ему приходилось защищать свой народ и корону. То, что ему приходилось скрывать наследие Дерини, было понятно: ведь слишком много еще оставалось таких людей, которые искали возмездия за годы преследований со стороны Дерини, к тому же подобный дар мог вызвать смертельно опасный интерес со стороны враждебной и завистливой Церкви.

И дело было даже не в том, что Церковь могла заподозрить в унаследовании магического дара именно от проклятых Дерини. Вообще необычное или по видимости волшебное, 321

выходящее за рамки предписанного Писанием, всегда подвергалось исследованию со стороны тех, в чьи обязанности входило охранять чистоту веры; и безответственное использование магии, самими ли новыми сюзеренами, или теми, кто служил им, лишь усиливало убеждение в том, что магия скорее всего является злом. После свержения Дерини последовала реакция церкви, проклявшей их, и ко всем представителям этого рода стали относиться как к воплощенному злу, несмотря на то, что среди них было немало Целителей и истинных святых. И хотя простой народ в течение последних двух десятилетий уже стал забывать о своей ненависти, враждебность Церкви к роду Дерини не угасала. А потому вне Совета не набралось бы и дюжины людей, знающих о том, что епископ Денис Арилан — настоящий Дерини; и, насколько ему было известно, кроме него был лишь один священнослужитель, в чьих жилах текла та же кровь.

И тот, второй Дерини, также служил предметом особого интереса, хотя его происхождение от проклятого рода точно так же держалось Советом в тайне, как и происхождение епископа Арилана. Отец Дункан Маклейн, недавно ставший герцогом Кассана, графом Кирнийским, а заодно и епископом, был Дерини лишь по матери,— то есть полукровкой в глазах Совета,— однако Совет считал, что он, пусть отчасти, но все же виноват в том, что король упорно не желал, чтобы им руководил Совет.

Ведь Келсон обращался за советом, что по делам управления, что по вопросам магии, отнюдь не к Совету, который постоянно твердил о необходимости «правильного» обучения и официального исследования его возможностей, а к Дункану и к своему кузену Аларику Моргану,— такому же полукровке, могувшему и поневоле уважаемому герцогу Корвинскому; оба эти человека овладели своими талантами скорее по случайности, да еще благодаря собственному упорному труду.

Келсона могли бы счесть таким же полукровкой,— и тогда он бы оказался вне защиты Совета Дерини,— однако в нем текла еще и кровь его отца, Халдейна, и она много прибавила к и без того мощному наследию Дерини. Все это в особенности беспокоило Совет в последние дни, так как в одной из западных провинций Гвиннеда вспыхнул бунт, и король, прежде чем отправиться усмирять бунтовщиков, намеревался назначить наследником своего дядю, поскольку пока что не имел детей.

— Да, это не обрадует принца Нигеля, если он *действительно* осуществит свой план,— сказала старая Вивьен, неодобрительно покачивая седой головой.— Коль скоро Нигель немножко коснулся могущества Халдейнов, он вряд ли пожелает отказаться от него.

— Ему придется отказаться, как только у Келсона появится сын,— сказал Арилан.

— А если он не захочет, или просто окажется не в силах? — спросил сидевший справа от Арилана Баррет де Лайни, старший член Совета и коадъютор.— Я знаю, вы верите, Денис, что совесть Нигеля так же чиста, как ваша собственная,— и, возможно, так оно и есть. Но предположит, Келсон не сможет изменить ход дел. Сумеете ли тогда *вы* сделать это?

— Я лично? Конечно, нет. Но Нигель...

Сидевший по другую сторону стола Тирцель Кларонский лениво зевнул и поглубже усился в кресло.

— Ох, нам незачем беспокоиться *об этом*,— сказал он с едва скрытым сарказмом.— Если Денис не справится, и Келсон тоже, я уверен, *кто-нибудь* обязательно найдет простой способ, чтобы устранить с пути нашего доброго принца Нигеля. Именно так всегда и бывает, сами знаете,— заявил он и добавил с негодованием: — В конце концов, мы не можем допустить, чтобы силой одновременно обладал более чем *один* Халдейн, не так ли?

— Тирцель, ты ведь не собираешься снова вспоминать *тот* старый спор, а? — спросил Баррет.

— А почему бы и нет? Скажи мне, пожалуйста, что страшного случится, если несколько Халдейнов *сумеют* завладеть силой? Мы не знаем, возможно ли такое, но если да?

Ответив так, Тирцель опустил голову и принялся водить пальцем по спиральному рисунку на инкрустированном столе; Вивьен, второй коадъютор, величественно повернулась в сторону самого молодого члена Совета.

— Мне очень жаль, если мы наскучили тебе, Тирцель,— резко сказала она.— Скажи мне, ты нарочно стараешься породить разногласия, или просто не желаешь думать? Тебе же известно, что само такое намерение недопустимо, даже если бы это было возможно.

Тирцель напрягся, его рука прекратила движение,— но он не поднял взгляда на Вивьен, продолжавшую говорить:

— Что касается Нигеля, то, если обстоятельства того потребуют, Нигель *будет* устранен. Постановления и условия наследования дома Халдейнов разработаны два столетия назад, самим нашим благословенным предком. И за все прошедшее время они ни разу не нарушились. Не думаю, чтобы ты не понимал причин этого.

Тирцель наконец посмотрел на нее; и что-то такое было в выражении его лица... нет, не просто приподнятая бровь и скавшиеся губы. Хотя не было ничего необычного в подобных стычках между членами Совета, в том, что старое и новое 323

поколения не сразу находили общий язык,— ядовитое замечание Вивьен задело его слишком глубоко; ведь он, будучи едва ли не вдвое моложе почти каждого из членов Совета, обладал, само собой, куда меньшим опытом и знаниями... он ведь был лишь на несколько лет старше самого короля. Правда, его теоретические знания превосходили знания многих здесь присутствовавших, но это не всегда помогало ему игнорировать то, что он воспринимал как личные выпады в свою сторону. Видя, что в миндалевидного цвета глазах Тирцеля вспыхнул гнев, холодный и опасный, Ларан успокаивающе коснулся руки Вивьен:

— Довольно, Вивьен! Тирцель, и ты тоже! Прекратите! — прошпорчал он, машинально бросая взгляд на сидевшего напротив Баррета, хотя этот человек был слеп уже половину столетия.

Баррет, да сделай ты что-нибудь! — мысленно воззвал он.

Баррет уже поднял костяной жезл в ритуальном жесте предостережения; его изумрудные невидящие глаза остановились на лице Тирцеля.

— Тирцель, прекрати! — приказал он.— Если мы начнем ссориться, мы ничего не добьемся. А мы должны направить все усилия на то, чтобы справиться с Нигелем.

Тирцель фыркнул и демонстративно сложил руки на груди, но не произнес ни слова.

— Мы не должны, впрочем, забывать и о роли Келсона в этом деле,— продолжал Баррет.— Деля власть со своим дядей, он просто исполняет свой долг, как он понимает его,— то есть желает оставить наследника, способного нести бремя власти, на тот случай, если сам он падет в битве. Вы ведь не станете утверждать, что Келсон уходит от ответственности?

Тирцель, несколько смягчившись, покачал головой, но предпочел пока промолчать.

— А ты, Вивьен,— Баррет обернулся к второй спорщице.— Тебе не следовало бы проявлять такое холодное равнодушие к судьбе Нигеля. Он принял сторону закона, подчинившись силе, которой ему предстоит владеть. Наш долг будет не менее серьезен, если нам придется использовать ее.

— Он не чистой крови,— раздраженно пробормотала Вивьен.

— Ох, Вивьен...

С другой стороны стола, из кресла между Барретом и Тирцелем, донесся отчетливый смех, похожий на тихий звон драгоценного кристалла: это смеялась Софиана, до сих пор молчавшая.

Более двадцати лет назад, когда она была еще моложе, чем сейчас Тирцель, Софиана Анделонская блестящие служила

того, что ее отец умер, не оставив наследников мужского пола. Более десятилетия она была суверенной правительницей Анделона, но год назад, когда ее дети стали уже взрослыми или почти взрослыми, она вернулась в Совет, чтобы занять место Торна Хагена, временно отстраненного от дел за его молчаливое попустительство действиям Венцита Торентского и Ридона из Истмарка в войне Гвиннеда и Торента. Вторая вакансия, более прямо связанныя с войной, пока что оставалась незаполненной: это было место Стефана Корама, предшественника Вивьеен в должности коадъютора, который без ведома Совета начал подлую и опасную игру, и этот обман в итоге стоил ему жизни,— зато корона Келсона была спасена.

Личные способности Софианы, а также ее полная отстраненность от внутренних интриг и споров, все более раздиравших Совет с момента вступления на престол Келсона, сделали ее чрезвычайно подходящей для того положения, которое она теперь занимала. Она также привнесла на скучные прежде заседания Совета свежий взгляд на вещи и редкое чувство юмора.

— Что бы это значило — «не чистой крови»? — мягко спросила она, опервшись подбородком на ладонь красивой руки и весело глядя на Вивьеен живыми черными глазами.— После двух столетий преследований едва ли многие представители нашего народа могут называться *чистокровными* Дерини.

Рыжеволосая Кайри, самая молодая из трех женщин, обиженно вскинула голову.

— Я могу так называться,— высокомерно произнесла она.— И в течение двух столетий *до того*. Тем не менее, разве мы не утверждаем, что линия наследования тщательно проверяется?

— В этом я с тобой согласна,— кивнула Софиана.— И именно по этому определению Брион был Дерини.

— Это абсурдно...

— И Нигель, как и Брион, несет в себе кровь Халдейнов... которая на свой лад может оказаться такой же могучей, как чистейшая кровь Дерини... какова бы ни была эта сила. Так что возможно, Нигель — Дерини. И Варин де Грей. В конце концов, он же умеет излечивать,— добавила она.

Члены Совета явно намеревались возразить, и она увидела это по их вспыхнувшим глазам, по приоткрывшимся губам,— но остановила всех легким взмахом свободной руки, не потрудившись поднять голову, опиравшуюся на другую ладонь,— она выглядела величественной и уверенной в своих свободных пурпурных с серебром одеждах.

— Успокойтесь, друзья мои. Я первая признаю, что мы здесь говорим отнюдь не о лекарских талантах, хотя я и 325

знаю, что это интересует наших уважаемых сеньора коадъютора и преданного Ларана.— Она одарила милостивой улыбкой их обоих.— Нас интересуют возможности Халдейнов. Что именно делает членов этого рода способными обладать силами, подобными силе Дерини? Кстати, Венцит Торентский, при всей его подлости, явно открыл некий способ оделять кое-кого сходными силами... тому очевидец Брэн Корис. Последний герцог Лайонел и его брат Махазель также, видимо, обрели подобное благословение. Возможно, то, что в Гвиннеде называют возможностями Халдейнов, на деле является той же силой Дерини, только чуть более слабой... или более могучей.

— Более могучей? — удивленно произнес Тирцель.

— Это вполне возможно. Я сказала «более могучей», потому что сила Халдейнов проявляется у ее носителей сразу в зрелой форме, она им доступна, хотя, возможно, и не до конца понята. В некотором смысле им приходится учиться, как использовать ее,— но именно это с незапамятных времен приходилось делать и «чистокровным» Дерини.

Арилан, хотя склонный согласиться скорее с рассуждениями Софианы, чем с чьими-либо еще, перестал наконец вертеть свое епископское кольцо и нахмурился.

— Поосторожнее, Софиана, или ты скоро начнешь убеждать нас в том, что все вокруг — Дерини.

Софиана улыбнулась и откинулась на спинку кресла, покачав головой; серебряные серьги в ее ушах melodично звякнули.

— Ничего подобного, друг мой, хотя это решило бы множество проблем... и, без сомнения, породило бы другие, еще худшие,— сказала она, поймав полный ужаса взгляд Вивьен.— Но согласитесь, что возможности Халдейнов могут оказаться таким же проявлением нашей силы Дерини, как «случайный» целительский дар Моргана и Маклайна, и что оба дара требуют особого обучения и обращения, и что оба возникают самопроизвольно.

Арилан тихо присвистнул, Ларан изумленно уставился на Баррета, а остальные что-то забормотали невнятно. Арилан мысленно признался себе, что уже не раз размышлял о такой возможности, и был уверен, что он не одинок в этом, — но никто не осмелился заговорить об этом вслух на Совете. Арилан был также уверен, что Ларан, будучи Целителем, и Баррет, чье зрение могло бы отчасти вернуться, если бы его целительский дар можно было снова взять под контроль, тоже считают вопрос достойным обсуждения.

— Но, конечно, эту тему следует отложить на другой день,— продолжила Софиана.— Сейчас, если я правильно по-

няла, нас гораздо больше интересует то, что Келсон намерен действовать вопреки нашим суждениям. Однако я боюсь, что мы мало что можем изменить в данном случае, если забыть о физическом вмешательстве.

— Я уверен, ты не примешь возражений по этому вопросу,— сказал Баррет.— Но то, как ты выбираешь слова, заставляет предположить, что ты видишь некий способ...

— Если мы окажемся достаточно дерзкими, чтобы его использовать... да. Поскольку мы, похоже, согласны в том, что нет сомнений в том, что Вивьен столь изысканно назвала «чистотой крови» Келсона, я предполагаю, что у нас хватит сил, чтобы взять его под контроль... что мы по сути и делали в течение нескольких лет. Введем его в состав Совета.

Она не обратила внимания на общий вздох и подняла руку, показывая на пустое кресло с высокой спинкой, стоявшее между Тирцелем и Вивьен.

— Введем его в Совет и свяжем его теми же клятвами, какие связывают всех нас. Или вы боитесь его?

— Конечно, нет! — вознегодовала Вивьен.

— Он достаточно силен,— продолжила Софиана.— Он зрел не по годам.

— Он не тренирован!

— Ну, так возьмем на себя эту работу, и тогда можно не сомневаться — он будет под должным наблюдением.

— У него нет других качеств.

— Каких именно?

— Не дави на меня, Софиана!

— Каких качеств ему не хватает? — настаивала Софиана.— Я готова согласиться с тем, что он действительно не готов, но вы должны доказать мне это.

— Очень хорошо,— Вивьен вскинула голову.— Он недостаточно безжалостен.

— Он недостаточно безжалостен,— повторила Софиана.— Понимаю. Тогда вы, возможно, предпочли бы Моргана или Маклайна?

— Ты с ума сошла?! — задохнулся Ларан, оказавшийся достаточно храбрым для того, чтобы вмешаться в продолжающуюся перепалку.

— Это вообще не может обсуждаться! — заявила Кайри, энергично встряхивая своей огненной гравой.

— Тогда найдите какого-то Дерини, готового взять на себя ответственность,— сказала Софиана.— Мы действуем не в полную силу, потому что у нас нет полного состава. Как долго еще будет пустовать место Стефана Корама?

— Лучше недостаток одного члена, чем замена его человеком, неспособным владеть своей силой! — рявкнула Вивьен.

Арилан с любопытством наблюдал за тем, как реагировали на идею Софианы сидевшие за столом: Вивьен и Кайри продолжали оспаривать каждое высказывание Софианы; Ларан выглядел глубоко взвешенным; Тирцель был возбужден, но ни с кем не заговаривал, что-то обдумывая; лишь Баррет оставался непроницаемым, он сидел между Ариланом и Софианой неподвижно и молча.

Конечно, это вовсе не было плохой идеей — ввести Келсона в состав Совета... когда-нибудь. В самом начале, хотя Совет быстро согласился признать короля полноправным Дерини, никто не пытался доказать, что он достаточно искусен или опытен... но за три года, прошедшие после его коронации, Келсон научился многому и как король, и как мужчина. Арилан имел возможность доложить об этом Совету. Вообще-то именно Арилан первым заговорил о возможном кандидатстве Келсона; Арилан же и продолжал настаивать на этом, хотя в куда более мягкой форме, нежели теперь Софиана; Арилан, единственный из семерых, постоянно общался с королем и знал лучше, чем кто-либо другой, каким твердым и дисциплинированным — и могучим — становился постепенно король. Да, ни один из королей династии Халдейнов до сих пор не заседал в Совете; но ни один из Халдейнов и не обладал такими способностями, как Келсон.

— Я думаю, мы уже достаточно ходили вокруг да около,— сказал наконец Арилан, дождавшись, пока бурные эмоции немного поутихли.— Даже если мы все склонны к тому, чтобы отдать королю должное,— а вам известно мое отношение к этому вопросу,— все равно сейчас не время принимать окончательное решение, нам предстоит война, а сегодня вечером мы должны провести ритуал. И кстати, я не думаю, чтобы кто-то всерьез полагал, будто Морган или Дункан могут сейчас быть реальными кандидатами.

— И спасибо небесам за это,— пробормотала Вивьен.

— Не беспокойся, Вивьен,— сказал Арилан.— Я первый согласился с тем, что оба они обладают неизвестными нам качествами. Кроме того...— он позволил себе горькую улыбку,— они до сих пор не простили меня за отказ от их услуг.

— Ты хочешь сказать, они тебе не доверяют? — спросил Тирцель.

Арилан взмахнул рукой, как бы говоря: «И да, и нет».

— Недоверие — это, пожалуй, слишком сильное слово,— продолжил он.— Лучше просто сказать, что они осторожны во

328 всем, что касается меня — и кто станет порицать их за это?

Они негодуют из-за того, что я не хочу говорить с ними о Совете — а я, само собой, не могу им объяснить, почему я этого не хочу.

— Три года назад ты привел их сюда, никого не спросясь, — холодно сказал Баррет. — Они уже знают о нас слишком много.

Арилан склонил голову.

— Да, я готов ответить за это... хотя я по-прежнему считаю, что поступил правильно, учитывая обстоятельства. Но, конечно, с тех пор я обдумал все как следует.

— Но продолжаешь поступать по-прежнему, — промолвила Вивьен.

— Давайте не отвлекаться, — тихо сказал Баррет. — Это старый, слишком старый спор. Вернемся к насущным проблемам. Денис, если ты не можешь этого предотвратить, то можешь ли ты хотя бы держать все под контролем?

Арилан отрывисто кивнул.

— В том смысле, в каком любой тренированный практикующий может контролировать ход внешних процессов — безусловно. Заверяю вас, мы должным образом защищены, у нас есть все для работы на высшем уровне магии. Но что происходит на внутренних уровнях — то остается под властью самого Келсона.

— А как насчет Риченды? — спросил Ларан. — Она сможет помочь тебе? Келсон ей доверяет, это точно.

— Да, это так, — Арилан повернулся к Софиане. — И мы знаем, что у Риченды есть сила и умение, ведь так, Софиана?

Софиана неопределенно пожала плечами.

— Не вини меня за это, Денис. Если бы меня спросили вовремя...

— Но она твоя племянница, — сказала Кайри. — Ты знала, что она обладает умением, однако позволила ей выйти замуж за по-лукровку!

— Ох, Кайри, *ничего я ей не позволяла!* Риченда взрослая женщина, и она Дерини, она сама принимает решения. Что касается нашего рода... — Софиана снова пожала плечами, кривясь скривив губы. — Боюсь, я ее почти не знаю. Моя сестра и ее муж решили, что Риченде следует выйти замуж за человека, далекого от наших традиций и веры, и именно из этих соображений они исходили, когда выбирали ей первого мужа. Я возражала, но ничего не могла изменить. Я почти не видела девушку после того, как она стала графиней Марли.

— Но выйти замуж за Моргана...

Темные глаза Софианы полыхнули огнем.

— Мы пытались добиться, чтобы я прокляла его? — резко сказала она. — Этого не будет. Он сделал Риченду счастливой, он принял внука моей сестры как родного ребенка, и я

всегда относилась к нему хорошо — и, как ни странно, не ошиблась в своих чувствах. И хотя я слышала о том, что его сила опасна, поскольку не обуздана, я видела его лишь однажды. Незачем и говорить, что он был настороже и вел себя безупречно.

— Ах, но ты ведь все равно не доверяешь Моргану,— сказала Вивьен.

— А что такое доверие? — возразила Софиана.— Я уверена, что он хороший муж и отличный отец своим детям; я уверена в искренности моей племянницы, когда она рассказывает мне о его делах — и это хорошие дела. А все остальное — просто слухи. Но могу ли я доверять ему так, как доверяю всем вам? Мы тут, в Совете, часто спорим, но *все мы* обнажили друг перед другом души, принимая обеты. *Вот это доверие.*

Ларан вздернул серебристую бровь.

— В такое случае, доверяешь ли ты Келсону? — спросил он.— А ты, Денис? Открыл ли король свою душу перед тобой?

— В том смысле, какой имела в виду Софиана? — улыбнулся Арилан.— Вряд ли. Он как-то приходил ко мне на исповедь, когда Дункан Маклайн отсутствовал, но это совсем другое дело. Однако я уверен, что его подлинные намерения и цели — такие же, как наши собственные.

— А как быть с Нигелем? — нетерпеливо спросил Тирцель.— На случай, если кто-то забыл,— Келсон сегодня вечером намеревается попытаться передать ему часть своей силы...

— Нет, мы не забыли,— кивнул Арилан.— И я знаю, к чему ты ведешь, Тирцель. К счастью, мысль о том, что не один-единственный Халдейн может владеть полной силой, не приходила в голову нашему твердолобому юному ренегату. Но если вам охота еще о чем-то побеспокоиться, то вот вам предлог: Келсон решил, что нынче вечером должен присутствовать молодой Дугал Макардри. *Вот этот* — точно для вас. Я не знаю, как это случилось, но он наверняка отчасти Дерини; и хотя он не знал об этом еще несколько месяцев назад, это не значит, что он не мог с тех пор многому научиться у Келсона, Моргана и Дункана.

Кайри изобразила на лице крайнее отвращение, а Вивьен пробормотала что-то вроде: «Еще один полукровка...»

— И еще есть Джехана,— продолжил Арилан, не обращая внимания на обеих женщин.— Когда она вернется ко двору...

Это и в самом деле пробудило во всех сильные опасения,— ведь королева-мать принадлежала к тому же роду, что и Левис ап-Норфал — один из Дерини с невероятными способностями и умениями, около века назад пренебрегший властью Совета. Хо-

тя Джехана ничего об этом не знала и всю жизнь отрицала свою принадлежность к Дерини, она все же сумела исполь-

зователь свои долго подавляемые способности во время коронации Келсона, да так, что надолго вывела из строя в высшей степени тренированного мага, покушавшегося на жизнь ее сына.

Но это не значило, что она осознала свои действия, даже после трех лет пребывания в уединении монастыря. Ее неминуемое возвращение ко двору означало то, что в игру будет введен еще один неизвестный фактор,— потому что Джехана по-прежнему ненавидела Дерини.

— За ней придется тщательно наблюдать,— сказал Баррет.

Арилан кивнул и устало откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза ладонью.

— Я знаю,— прошептал он.

— И еще сам король,— вставила Вивьен.— Нельзя допустить, чтобы он вбил себе в голову, будто Нигель сможет по-прежнему владеть силой, когда Келсон произведет собственного наследника.

— Я *все* знаю,— повторил Арилан.

И пока Совет обсуждал другие вопросы, епископ Денис Арилан упорно думал о возложенной на него задаче. Изо всех семерых только ему одному предстояло окунуться в хаотическую путаницу взбудораженных сил и попытаться установить нечто вроде равновесия.

Глава первая

Со стрелами и луками будут ходить туда¹

Келсон,— заговорил Аларик Морган, когда они с королем смотрели вниз, на суetu во дворе замка Ремут,— ты становишься суровым, жестоким человеком.— Не обратив внимания на удивленный взгляд Келсона, он весело продолжил: — Половина дам нашего королевства и нескольких соседних томятся по тебе, но ты ни на одну из них не посмотрел дважды!

На противоположной стороне освещенного солнцем двора сверкали на смотровом балконе шелка и атлас нарядов примерно двух десятков дам, в возрасте от двенадцати до тридцати лет,— милые леди болтали между собой и принимали изысканные позы, якобы наблюдая за мужчинами, демонстрирующими воинское искусство во дворе внизу, но на деле стараясь быть замеченными красавцем Халдейном, молодым королем. Молодым мужчинам во дворе, занятым отработкой ударов мечом или копьем, тоже доставалось немало восхищенных взглядов, поскольку практичные леди прекрасно понимали, как малы их шансы добиться внимания короля,— и тем не менее их жадные взоры невольно то и дело возвращались к нему.

Келсон машинально посмотрел на дам, и даже улыбнулся и кивнул, едва ли думая об этом,— и это вызвало в толпе его поклонниц возбужденный ропот и суetu; леди тут же начали прихорашиваться. Келсон глянул на Моргана и состроил кислую гримасу, после чего снова сосредоточил свое внимание на воинах во дворе замка, сев боком на широкую каменную балюстраду.

¹ Исаия 7:24

— Это не влюблённость,— негромко сказал он.— Их интересует только корона.

— О, почти наверняка,— согласился Морган.— Но со временем тебе придется поделиться ею с одной из них. А если ты не выберешь одну из этих, то все равно тебе достанется кто-то в этом роде. Келсон, я знаю, что тебе надоело об этом слушать, но ты должен жениться.

— Я и женюсь,— пробормотал Келсон, делая вид, что живо заинтересован тем, как молотят друг друга боевыми дубинами двое оруженосцев герцога Эвана.— Моя возлюбленная прожила слишком недолго, я не успел возложить корону на ее голову...— Он сложил руки на груди, на черной куртке.— Я не готов жениться снова, Аларик. Не раньше, чем я предам суду ее убийц.

Морган сжал губы в тонкую твердую линию и припомнил: непокорный Ллюэл Меарский, блеклым февральским утром повернувшийся спиной к палачу, со связанными позади руками, с гордо поднятой к небу головой... Лишь на одно мгновение перед тем, как меч палача свершил последний суд, взгляд принца метнулся к Келсону — обвиняющий и дерзкий...

— Почему он так посмотрел на меня? — жалобно прошептал король, обращаясь к Моргану, как только они скрылись с глаз толпы.— Я ее не убивал! Это он совершил самое святотатственное из всех убийств, на глазах сотен свидетелей,— убил собственную сестру! В его виновности нет сомнений. Никакого другого приговора и быть не могло!

Но безмерная вина лежала не на одном Ллюэле. В равной мере ответственность должна была быть возложена на его родителей, самозванку Кэйтрин и ее мужа-предателя, Сикарда, ныне правивших Меарой вопреки воле их законного сюзерена. Когда-то прадед Келсона пытался мирно объединить две эти области посредством брака со старшей дочерью последнего Меарского принца,— но этот договор не признала большая часть меарской знати, считавшей законной наследницей другую dochь; Келсон пытался заново утвердить старый договор, женившись на взятой в плен девушке из претендующего на власть рода; это была пятнадцатилетняя принцесса Сидана.

У Сидана было два брата, которые могли оспорить ее право на наследование.

Но Ллюэл, младший, к тому времени уже находился под опекой, и в случае постепенного устранения Кэйтрин, Сикарда и второго брата Сидана могла стать единственной наследницей младшей ветви рода. Ее дети от Келсона обладали бы безусловными правами на обе короны, и так мог разрешиться вековой спор о законности наследования.

Но Келсон не учел силы ненависти Алюэла к любому из Халдейнов... он и вообразить не мог, что принц Меары предпочтет убить родную сестру в день венчания, лишь бы не позволить ей стать женой заклятого врага Меары.

И в результате Гвиннед теперь готовился к войне. Отец Алюэла и его брат, принц Ител, как стало известно, собирали армию в центральных областях Меары, к западу от Гвиннеда,— и к тому же получили опасную для Гвиннеда поддержку от Эдмунда Лориса, бывшего епископа Валоретского, злейшего врага Келсона, который внес в и без того взрывоопасную обстановку религиозный пыл и фанатичную ненависть к Дерини. К тому же Лорис, как уже случалось однажды, склонил на свою сторону кое-кого из епископов, придавая назревающему конфликту слишком сильную религиозную окраску.

Вздохнув, Морган зацепился большими пальцами обеих рук за свой оружейный пояс и принялся бесцельно таращиться на двор внизу, лениво переводя взгляд с одной группы на другую. Вот три сына принца Нигеля и молодой Дугал Макардри соревнуются в стрельбе из лука... новый граф Транши, похоже, пользуется успехом у дам... Дугал и Конал, старший отпрыск Нигеля, этим утром уже продемонстрировали немалое воинское искусство, причем Дугал, на взгляд Моргана, был посильнее, поскольку отлично владел левой рукой; на границе они назвали такой удар «кулак горца».

То, что Дугал умудрился сохранять эту особенность своего стиля, было постоянным источником удивления для Моргана,— не потому, что Дугал был весьма искусен, Морган не раз видывал опытных левшей,— но потому, что молодой граф Транши здесь, в Ремуте, не забыл того, чему его учили прежде,— а ведь здесь им руководил сам Брион. А Брион, вопреки многократным попыткам Моргана доказать ему обратное, держался того мнения, что леворукие мечники и копьеносцы вносят беспорядок в строевые учения,— что, конечно, было правдой,— но ведь нельзя было пренебрегать и тем, что в реальном бою левша, встречаясь с противником, привыкшим к иным способам сражения, зачастую получал немалую выгоду.

Брион в конце концов согласился с тем, что при тренировках следует развивать обе руки, на случай ранения, например,— тогда рядовой воин сможет продолжать сражаться левой рукой; но он продолжал твердо стоять на том, что это ни к чему будущим рыцарям. И эта тенденция сохранялась даже теперь, хотя со дня смерти Бриона прошло более трех лет.

Но Дугала это не касалось. Он стал пажом, когда ему 334 исполнилось всего лишь семь лет, и был куда моложе дру-

гих мальчиков в том же звании,— однако сдва ему стукнуло двенадцать, как он был отозван обратно на границу, и там продолжилось его ученичество, в обстановке, где важно было не изящество, а умение выжить. А для выживания требовался совсем не такой стиль борьбы, как тот, которому Дугала учили при дворе. В условиях границы нужны были скорость и подвижность, легкое вооружение для коня и всадника, ничуть не похожие на мощные латы придворных рыцарей. И там никого не интересовала, какой рукой дерется будущий вождь клана Маркарди,— лишь бы дело было сделано.

Морган покачал головой и снова посмотрел на Келсона, который все еще следил за лучниками. Но Морган прекрасно понимал, что короля беспокоит вовсе не своеобразный метод стрельбы Дугала. Не думал король и об их недавнем разговоре о новом браке, хотя при других обстоятельствах этот вопрос следовало все же обсудить.

Нет, сегодня Келсона — короля и Дерини — занимало совсем другое. Он думал о необходимости провести сегодня вечером деринийский обряд, посвящения, о передаче магической силы человеку, который сумеет заменить его на троне Гвиннеда, слу чись королю не вернуться с войны. Поскольку Келсон еще не имел прямого наследника, корону и магическое наследие Хадейнов следовало передать принцу Нигелю, дяде Келсона, брату покойного короля Бриона.

Брион. Спустя три с лишним года боль потери старого короля уже не терзала Моргана так сильно, как это было прежде, и его бесконечная преданность отцу теперь была отдана сыну — вот этому худощавому сероглазому юноше, лишь приближавшемуся к порогу подлинной зрелости,— и этот юноша готовился встретиться с новым испытанием, которое было бы нелегким даже для более взрослого и опытного человека.

Ну, по крайней мере физически он был к этому готов. Король-мальчик уже исчез. Постоянные воинские упражнения, подготовка к грядущей кампании укрепили и закалили мальчишеские мускулы, к тому же за зиму он вытянулся почти на ладонь, а еще недавно по-детски пухлое лицо приобрело новые, сухие и заостренные черты. Сейчас он был ростом почти с Моргана, и с некоторых пор уже начал бриться почти каждый день, чтобы выглядеть так аккуратно, как того требовал Морган.

Но в то время как Морган подстригал свои светлые волосы очень коротко, чтобы не тратить на них внимания во время походов, Келсон за два последние мирные года позволил своим отрасти,— «как какой-нибудь приграничник», со смехом заметил Дугал при первой встрече с королем предыдущей

осенью. Приграничники по традиции заплетали волосы в косу у самой шеи, и перевязывали лентами цветов своего клана; никто и не помнил, откуда пошел такой обычай.

По капризу судьбы эти несколько месяцев мира, позволившие Келсону отрастить его черные волосы и заплести их в аккуратную косу, подобную той, какими щеголяли Дугал и его клан, принесли кое-какой политический капитал; король как бы подчеркнул тем самым свою связь с Дугалом и кланом, обеспечив себе их твердую поддержку. И лишь обнаружив такой интересный политический результат, Келсон решил, что подобная прическа весьма практична, поскольку с ней удобнее носить шлем с забралом или римский шлем, который предпочитало большинство закаленных воинов.

А вслед за тем многие молодые мужчины и юноши тоже начали отращивать косу пограничников, как их король, хотя пуритане из долин и наиболее консервативные секты по-прежнему считали, что короткая стрижка — признак элегантности и цивилизованности. Конал принадлежал как раз к таким туристам и носил соответствующую прическу, хотя оба его младших брата щеголяли короткими пограничными косичками, перевязанными лентами цвета Халдейнов — алыми; может быть, эти косы выглядели и не так внушительно, как медная коса Дугала, но они несли в себе пылкий восторг перед их царственным кузеном и его лихим молочным братом, который не жалел времени на то, чтобы учить их стрельбе из лука, и не смеялся, когда их стрелы проносились мимо цели.

Шум аплодисментов и женский смех, донесшиеся с другой стороны двора, заставили Моргана снова посмотреть на Дугала, который как раз всадил стрелу почти точно в центр мишени. Молодой лорд-пограничник опустил лук и оперся на него как на посох, молча наблюдая за тем, как его противник Конал аккуратно натягивает тетиву; его стрела вонзилась в мишень рядом со стрелой Дугала, но ничуть не ближе к центру.

— Неплохо стреляет, а? — буркнул Келсон, кивая в сторону своего старшего кузена.

Когда братья Конала, тринадцати и восьми лет от роду, вышли вперед, чтобы сделать свои выстрелы, и Дугал стал что-то пояснять мальчикам, Конал отошел назад от линии, с которой велась стрельба, и мрачно уставился на своего главного соперника.

— Да, он довольно искусен,— согласился Морган.— Возможно, настанет и такой день, когда он достигнет полного совершенства. Хотел бы я знать, от кого он унаследовал свой

Келсон улыбнулся и покачал головой, машинально глянув через двор, туда, где его дядя, отец Конала, работал с двумя своими пажами,— эти парнишки, находившиеся под его опекой, были слишком молоды, чтобы участвовать в предстоящей кампании. Старый боевой жеребец, уже непригодный для войны, терпеливо ходил по кругу, меся грязь копытами; один из мальчишек сидел верхом на спине коня, позади тяжелого боевого седла, а второй паж пытался устоять на спине мерно шагающего животного. Нигель шагал рядом и выкрикивал указания. Джатам, личный оруженосец Келсона, вел коня в поводу.

— Смотри-ка...— пробормотал себе под нос Келсон, когда воспитанник Нигеля покачнулся и полетел вниз головой в размятую конскими копытами грязь,— однако рука Нигеля перехватила его на полпути, поймав за пояс,— и паж был водружен на прежнее место.

Они не могли слышать, что именно Нигель сказал парнишке, однако его слова заставили юное лицо залиться алой краской. Почти в то же мгновение мальчик выпрямился, преодолев дрожь, и уже более уверенно стоял на спине коня, приоравливаясь к его шагу. Подбодренный возгласом товарища, сидевшего позади, он даже усмехнулся, когда Нигель кивнул и отошел подальше от коня.

— Боже, как я рад, что у меня есть Нигель,— прошептал Келсон, вслед за Морганом восхищаясь Железным Герцогом Гвиннеда.— Наверное, короли, уходя на войну, никогда не знают, как справляются с делом их наследники, если сами они не вернутся,— но можно не сомневаться, что если на моем месте останется Нигель, Гвиннед очутиться в надежных руках.

Морган внимательно посмотрел на него.

— Надеюсь, тебя не мучают дурные предчувствия?

— Нет, ничего подобного.

Морган приподнял одну бровь, раздраженный таким ответом, но промолчал, отметив лишь, что король начал вертеть кольцо, надетое на мизинец его левой руки. Это кольцо совсем недолго носила невеста Келсона, ныне спавшая вечным сном в гробнице под Ремутским кафедральным собором; кольцо изображало собой ленту, обвившуюся вокруг пластинки, на которой был выгравирован крошечный лев Халдейнов. Глазами льву служили маленькие рубины. Король носил это кольцо со дня похорон девушки. И с того же дня, поскольку дворцовый протокол не запрещал этого, он ходил в черном. И сегодня он был одет так же.

Морган не знал, насколько внешние знаки траура отражают подлинную глубину печали Келсона. Келсон сказал

ему, что траур служит всего лишь напоминанием о данной им клятве — предать правосудию мятежников Меары, но Морган гадал, нет ли тут и скрытого смысла... хотя он, конечно, никогда и не помышлял о том, чтобы совать нос в чужие дела. Вынужденный из государственных соображений вступить в брак с девушкой, которая с детства впитала ненависть к самому его имени, Келсон позволил себе утешиться фантазией, что он влюбился в Сидану, а она — в него. К тому времени, когда они производили перед высоким алтарем свои клятвы, он уже почти убедил себя в том, что это правда... или, по крайней мере, должно быть правдой.

Ее ужасная смерть, случившаяся до того, как фантазии прошли проверку реальностью, оставила молодого короля тонущим в океане неудовлетворенных юношеских страстей и разбитых идеалов.

Но роль страдающего и оскорбленного вдовца дала ему время разобраться во всем до того, как обстоятельства стали требовать от него пуститься в новое плавание по морю супружества. И он, и Морган отлично знали, что ему придется жениться вновь, и довольно скоро. И так же, как в прошлый раз, соображения династической выгоды будут стоять впереди желаний сердца.

— Ну, вполне естественно немножко поволноваться сегодня,— сказал Морган, полагая, что причиной плохого настроения Келсона является скорее предстоящее, чем прошедшее.— Не тревожься. Нигель все сделает отлично. Ты его готовил к этому всю зиму.

— Да, конечно...

— И ты все сделаешь отлично,— продолжил Морган.— Могу спорить, со времен самого Синхила не было ни одного короля в династии Хаддейнов, для которого старалось бы такое множество Дерини, помогая ему назначить магического наследника. У твоего отца точно их столько не было. Ведь все, что он имел,— это я.

— Что ты хочешь сказать этим «*все*»? — фыркнул Келсон; но ему не удалось достаточно убедительно изобразить непонимание.— Впрочем, я бы тоже предпочел, чтобы за моей спиной стоял ты, а не кто-то другой... и неважно, что именно я намеревался бы делать. А в том, что касается магии...

Морган рассмеялся, зная, что угадал, что подразумевает король.

— В том, что касается магии, тебе лучше иметь за спиной *любого* тренированного Дерини,— весело сказал он.— Даже Дункан

— Возможно, и нет, но может быть, формальное обучение тут не так уж и важно. Кроме того, Риченда владеет искусством. И Арилан.

— Арилан...— Морган вздохнул, стараясь ничем не выдать охватившей его неуверенности.— Ты уверен, что он объяснит Совету каждую деталь, так?

— Возможно. А возможно, нет.

— Келсон, ты знаешь, что он это сделает. Он не только предан тебе, он связан клятвами Совета... а это куда сильнее. Даже я это знаю.

— Ну, полагаю, иной раз о них кое-что становится известно,— пробормотал Келсон.— Кроме того, они получили доступ к тем записям, которые будут нам необходимы, если мы когда-нибудь восстановим честь святого Камбера.

— Так ты поступишься нашей безопасностью.

— Нет, я подтолкну Дерини к дальнейшим переговорам,— улыбнулся Келсон.— Разве ты не знаешь, что старик Ларан ап-Пардис начал, например, пользоваться нашей библиотекой? Его ученый ум не в силах удержаться, он должен знать, что там у нас имеется. А поскольку он врач, он очарован тем, что ты и Дункан способны исцелять... хотя он и не в силах признать, что таким даром могут обладать многие.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Ну, я с ним встречался разок-другой.

Прежде чем Морган успел усвоить новые сведения, его внимание поневоле вернулось к состязанию стрелков во дворе, поскольку снизу внезапно донеслись хриплые вопли Рори и Пэйна, младших кузенов Келсона,— так они выразили свой восторг по поводу того, что последняя стрела Дугала вонзилась точнечко в центр мишени.

Под аплодисменты наблюдавших за состязанием дам Конал шагнул вперед, чтобы сделать последний выстрел,— хотя, конечно, у него было мало шансов на то, чтобы даже сравняться с Дугалом, а уж тем более — победить его. Он и не победил.

— Вот это да,— сказал Келсон, когда стрела Конала вонзилась в мишень на расстоянии целой ладони от стрелы Дугала; это был вообще-то вполне приличный выстрел, но о сравнении с Дугалом не могло быть и речи.

Леди снова зааплодировали,— поскольку принц был почти такой же хорошей добычей, как и король,— но Конал резко опустил свой лук, хотя и не стукнул им о землю. Келсон понимающе переглянулся с Морганом, в то время как довольные Рори и Пэйн отправились вместе с Дугалом к мишени, чтобы выдернуть из нее стрелы.

— Ну-ну,— произнес Келсон, соскальзывая с балюстрады,— это оказалось *намного* интереснее, чем можно было вообразить. Пойдем, поздравим победителя? Уж не знаю, как, но он сумел еще и того добиться, что Конал не взорвался!

— Да, и это само по себе немалое достижение, кроме его блестящей стрельбы,— заметил Морган, когда они направились к лестнице и вниз, во двор.— Рискну предположить, что Конал по-немножку чему-то учится.

— Ну, может, тут еще подействовало присутствие дам.

Они подождали на линии стрельбы возвращения Дугала. Рори и Пэйн с восторженным видом несли стрелы. Поклонившись Келсону, Пэйн тут же заговорил без передышки, рассказывая о победе Дугала, и молодой лорд-пограничник поспешил отослать мальчиков, а затем уважительно отсалютовал своему королю. Он всегда, ну, по крайней мере, на людях, отдавал Келсону те почести, которых требовал королевский ранг.

— Отличная стрельба, Дугал,— сказал Келсон, улыбаясь.— И уверенная победа!

Дугал наклонил голову и улыбнулся в ответ; его золотисто-янтарные глаза встретились с серыми глазами Халдейна,— Дугал точно знал, что подразумевалось под словами Келсона.

— Благодарю вас, сир.

Хотя Дугал не был так высок, как Келсон, он тоже подрос за эту зиму,— к неудовольствию оружейников замка, которым пришлось уже во второй раз срочно изготавливать для него стальные и кожаные кольчуги и панцири, чтобы ему было в чем отправиться назавтра в поход.

Сейчас на нем был новые башмаки и новые кожаные бриджи, того же рыжевато-коричневого оттенка, что и его коса пограничника,— но льяная рубашка была старой, она не сходилась у него на груди, а рукава не прикрывали даже запястья. Однако, хотя из-за дневной жары он снял свой плед, никто бы не ошибся в его ранге.

На его золоченом графском поясе, туго охватывавшем талию, не было меча, но зато Дугал носил у левого бедра особый кинжал, на рукоятке которого красовался светлый дымчатый аметист. Три орлиные пера — символ вождя пограничников — были заткнуты за эмблему Макарди на его берете.

Опуская стрелы в колчан, Дугал усмехнулся; крупные, ровные зубы сверкнули белизной из-под шелковистых негустых усов, которые он отпустил в шестнадцать лет, одновременно с волосами.

— Постреляем, сир? — проказливым тоном спросил он.— 340 Нам тут тебя явно не хватало.

Благодушно улыбнувшись, Келсон взял отвергнутый лук Конала и проверил его, потом наложил стрелу на тетиву и небрежно натянул.

— Конал вряд ли нуждался во мне,— сказал он, выпуская стрелу и следя взглядом за тем, как она вонзилась точно в центр мишени.— К тому же Конал еще не овладел искусством проигрывать.

Не обратив внимания на шумные аплодисменты, которыми наградили его прекрасные зрительницы, он опустил лук и взял из рук задумавшегося внезапно Дугала другую стрелу, и снова натянул тетиву.

— Понимаю,— сказал наконец Дугал, не столько обиженно, сколько удивленно.— Значит, это я должен заняться усмирением Конала.

Почти машинально Келсон поднял лук и, закрыв глаза и чуть отвернув лицо в сторону от мишени, снова выстрелил.

— Ну, это было честное состязание,— мягко сказал он, с последним выпуская вторую стрелу.

Все еще с закрытыми глазами он сменил позу, опустил лук и посмотрел на Дугала только тогда, когда вторая его стрела воинзилась вплотную к первой.

Леди на балконе заплодировали с еще большим энтузиазмом, и Келсон, полуобернувшись, коротко глянул на них и чуть наклонил голову, не обращая внимания на разинутый рот Дугала.

— Боюсь, я должен признаться, что пользуюсь тем, что Конал счел бы нечестным преимуществом,— насмешливо сказал король и подмигнул Дугалу.— Быть Дерини — значит иметь немало мирских выгод.

Он повернулся к Моргану.

— Ты должен отметить, Аларик, что я не так уж нечувствителен к вниманию моих придворных дам,— продолжил он.— Я просто стараюсь воспитать в себе отчужденность, необходимую в моем положении. Может быть, и ты попытаешь удачи? Выстрели, покажи Дугалу, как мы, Дерини, делаем это.

— Ты хочешь сказать...

Дугал изумленно смотрел на то, как Морган, слегка приподняв бровь, взял лук и небрежно наложил стрелу на тетиву. Его стрела была короче той, которыми пользовался его молодой господин, и он не натянул тетиву до конца, как Келсон,— и намеренно отвел взгляд от мишени. Не посмотрел он на нее и тогда, когда во второй раз натягивал тетиву. Однако его стрелы легли так, что вместе со стрелами короля образовали маленький

ровный квадрат.

— Черт побери! — прошептал Дугал, со страхом глядя на четыре древка стрел, торчащих из мишени. С балкона неслись восторженные возгласы и аплодисменты дам.

Морган опустил лук и отвесил в сторону зрительниц вежливый поклон. Потом вместе с двумя молодыми стрелками ленивым шагом направился к мишени. Дугал изо всех сил старался не слишком таращить глаза.

— Как вам это удается? — выдохнул он наконец.— *Никто* не может так стрелять! Вы что, *действительно* используете магию?

Морган безразлично пожал плечами.

— Это совсем нетрудно, если знаешь, как взяться за дело,— сказал он, принимая отстраненный вид.— К счастью, наши очаровательные поклонницы не понимают, настолько необычна такая стрельба. Но, подозреваю, мы вряд ли станем часто радовать их подобными представлениями. Сейчас они, пожалуй, поняли только то, что Конал и его братья довольно слабые стрелки по сравнению с нами троими. С другой стороны, Конал может угадать правду... и взбеситься.

— *Не сомневайся*,— пробормотал Дугал.— Он становится невыносимым, когда не побеждает.

Келсон первым очутился у мишени и начал осторожно выдергивать предательские стрелы, передавая их Моргану.

— Теперь ты знаешь и другую причину, по которой я отказался участвовать в состязании,— сказал он.— Это было бы нечестным преимуществом. Когда знаешь способы усилить какое-то умение, как знаем это мы с Алариом, то искушение воспользоваться таким знанием бывает слишком велико. А *твое* искусство происходит из настоящего таланта в обращении с луком... и может стать намного выше, когда ты научишься более свободно обращаться со своей силой.

— Ты хочешь сказать, *я* могу такому научиться?

— Конечно. Но нужно практиковаться.

Когда они пошли назад, к линии стрельбы, Конал и его оруженосец стремительно выехали из конюшни в дальнем конце двора, где стояли боевые кони,— их жеребцы оглушительно пропустили копытами по камням, которыми было вымыщено все пространство вокруг замка; оруженосец мимоходом отсалютовал королю.

Конал сделал вид, что никого не заметил. Ему и оруженосцу пришлось придержать коней и взять в сторону, чтобы пропустить возвращавшийся патруль, который как раз въехал во двор через огромные ворота с подъемной решеткой,— но едва последний из всадников в шотландских пледах промчался мимо

— Эй, смотри-ка, кто вернулся! — сказал Морган, увидя среди всадников своего кузена Дунканна.

Епископ Дункан Маклайн, герцог Кассанский и граф Кирнийский, совсем не походил на графа, и еще меньше на епископа, когда ехал на своем сером коне вдоль ряда воинов. На его шляпе красовался бледный плюмаж, на плечи был накинут плед в зеленую, черную и белую клетку, но остальная одежда графа была из тусклого-коричневой кожи, как у всех воинов. Он улыбнулся и поднял в приветствии затянутую в перчатку руку, когда заметил короля и его компанию, и, вместо того, чтобы ехать к конюшне с остальным отрядом, повернул своего жеребца и направился к королю. Улыбающийся Дугал взял взбудораженного коня за поводья и стал что-то шептать на ухо животному, осторожно поглаживая его бархатную морду.

— Доброе утро, сир,— сказал Дункан Келсону, кивая и одновременно перекидывая ногу через высокую переднюю луку седла и легко спрыгивая на землю.— Дугал, Аларик... что вы сделали с молодым Коналом? Можно было подумать, что за ним гонятся демоны!

— Только демон зависти,— фыркнул Келсон, упирая кулаки в свои узкие бедра.— Дугал победил его в стрельбе из лука, честно и открыто.

— В самом деле? Отлично, сын мой!

Все трое рассмеялись, поскольку обращение «сын мой» в данном случае имело особый смысл; епископ Дункан Маклайн вполне мог бы публично заявить, что Дугал Макардри — действительно его сын,— поскольку Дункан был недолгое время женат на его матери, хотя это было еще до того, как Дункан вступил в святой орден, и брак этот был странным и неожиданным, и его подлинность могла быть доказана лишь средствами магии, а отец и сын узнали о своем родстве лишь несколько месяцев назад, хотя и были знакомы много лет — как священник и королевский паж. Теперь же в эту тайну были посвящены лишь они четверо, да еще жена Моргана, Риченда,— но Дункан готов был с радостью официально признать свое отцовство, стоило Дугалу пожелать этого.

Но они согласились на том, что сейчас для этого неподходящее время. Обнародование этого факта наложило бы на Дугала клеймо незаконнорожденного, лишив его права главенствовать с клане Макардри и звания графа, а также сильно ослабило бы позиции Дункана как Князя Церкви. Это также помешало бы Дункану наследовать земли Кассана и Кирни — а это был немаловажный фактор в конфликте с Меарой, поскольку принц Ител мог иметь определенные притязания на титул, если 343

Дункан умрет, не оставив потомства,— чего, собственно, и ожидали от любого епископа.

Не таким мгновенным, но куда более опасным результатом подобного признания была возможность того, что Дугала могли впоследствии заклеймить как Дерини,— поскольку принадлежность Дункана к Дерини теперь уже была скорее подтвержденным фактом, нежели неопределенным слухом.

А из тех Дерини, что находились при королевском дворе, Дугал был наименее готов к тому, чтобы справиться с подобным обвинением.

Не подозревая о таком своем наследстве, равно как и о том, кто его настоящий отец, Дугал никогда не учился использовать свои врожденные магические способности; поначалу он был плотно закрыт от воздействий, и лишь Дункану удалось наконец пробить этот щит, но все равно всем Дерини удавалось лишь изредка и с большой осторожностью провести небольшие испытания его дара. Даже сам Арилан пробовал это сделать — хотя и до того, как было выявлено родство Дугала и Дункана.

— Это было отличное соревнование,— сказал Морган, наслаждаясь зрелищем отца и сына.— Впрочем, Дугал не знал, что можно улучшить результаты, применив определенные... э-э... дополнительные умения, ведь так, Келсон?

— Да, но мы сами не решились бы использовать их в схватке с Коналом,— признал Келсон.— Он уж слишком выходит из себя, когда проигрывает.

Дункан расхохотался и запустил затянутые в кожаную перчатку пальцы в короткие каштановые волосы. Готовясь к предстоящей военной кампании, к долгим часам и дням в военном шлеме и кольчуге, он перестал выбиривать тонзуру, и она превратилась в маленький символический кружок на самой макушке. Остальная часть его волос была подстрижена цирюльником как раз в том воинственном стиле, который так нравился Моргану,— в противоположность косам Дугала и Келсона.

— Ох, я думаю, Конал завел себе подружку где-то в городе,— сказал он, улыбаясь так, как совсем не положено было церковному лицу его ранга.— Может быть, он поэтому так спешил, что чуть не сбил меня конем. Я заметил, что он не слишком интересуется придворными дамами... и почти всегда возвращается в замок с эдакой глупой улыбкой на лице. И не пора ли нашему королю последовать его примеру?

Келсон знал, что Дункан всего лишь шутит, но поскольку Дугал тут же пихнул его локтем в бок, он почувствовал легкое раздражение; к тому же Морган в очередной раз поднял

— Неужели нам *обязательно* нужно возвращаться к этой скучной теме? — пожалуй, слишком резко произнес Келсон, забирая у Моргана стрелу и делая вид, что рассматривает ее.— Как прошел патрульный поход, Дункан? Твои люди годны для такого дела?

Улыбка Дункана мгновенно растаяла, его синие глаза похолодели, и он снова надвинул шапку, тут же превратившись в отменного служаку.

— О, да. Однако я боюсь, мы видели кое-что такое, что не слишком тебе понравится. Кортеж королевы менее чем в часе пути от городских ворот.

— Ох, нет!

— Им, похоже, понадобилось меньше времени на дорогу от Сент-Жиля, чем мы ожидали. Я оставил с ними восемь человек для эскорта.

— Черт!

Ругательство было произнесено едва слышным шепотом, но тут же Келсон, не сдержавшись, резко ударил стрелой о колено и швырнул обломки на землю.

— А... Только не сегодня! Почему бы ей было не подождать денек, или хоть до позднего вечера?!

Морган гадал, может ли Джехана и в самом деле знать, что они задумали, и даже спросил об этом короля, но Келсон лишь покачал головой и тяжело вздохнула, уже полностью овладев собой.

— Нет, я уверен, нам просто не повезло.— Он снова вздохнул.— Полагаю, нам ничего не остается, кроме как встретить ее и надеяться, что она изменилась... хотя в этом я сомневаюсь. Аларик, тебе бы лучше скрыться с глаз, пока я не выясню, жаждет ли все еще она твоей крови. Она вряд ли осмелится *сделать* что-нибудь, но нет смысла самим напрашиваться на неприятности.

— Я стану невидимкой, мой принц,— тихо произнес Морган.

— Да, и еще нам придется вечером начать позже, чем мы рассчитывали,— продолжил Келсон, к которому вернулась уверенность.— Дункан, ты можешь известить епископа Арилана?

— Разумеется, сир.

Келсон еще раз вздохнул.

— Ну, хорошо. Думаю, мне лучше пойти к дяде Нигелю и сказать, что она вот-вот явится. Я не очень-то жду этой встречи.

Глава вторая

**Разве дам ему первенца моего
за преступление мое и плод
чрева моего — за грех души моей?**¹

Внезапно закрытый паланкин, несший мать короля Гвиннеда, покачнулся и накренился, когда коренник взял в сторону, чтобы обойти рыхтину, наполненную жидкой грязью. В паланкине, за тяжелыми шерстяными занавесками, не пропускавшими внутрь лучи весеннего солнца, в таинственной полутьме, Джехана Гвиннедская обеими руками ухватилась за деревянные поручни и принялась молиться о том, чтобы дорога стала лучше.

Она ненавидела путешествия в конном паланкине; ее тошило от них. Но она уже три года не вдевала башмаки в стремена, и к тому же вела строго аскетический образ жизни, что было частью ее религиозной практики,— так что она просто не в состоянии была добраться от Сент-Жиля до Ремута каким-то иным способом. Бледные ухоженные руки, цеплявшиеся за полированные подлокотники кресла, были болезненно худы; золотое обручальное кольцо, подарок ее покойного мужа, готово было соскользнуть с пальца при малейшем движении, и соскользнуло бы, не будь оно привязано к запястью тонкой белой шелковой нитью.

Строгое платье королевы, с высоким воротником, тоже было белым, как эта нить; белый цвет являлся обязательным для кандидатов на вступление в орден, хотя наряд королевы был сшит из шелкового букле, а не из домотканой шерсти, как у ее сестер, а ее плащ был подбит мехом горностая. Роскошные темно-рыжие волосы, всегда составлявшие ее гордость и так радо-

¹Михей 6:7

вавшие Бриона, скрывались под белым шелковым платом, скрывшим заодно и седину, начавшую пробиваться на висках. Но королеве был к лицу такой наряд. Впавшие щеки и высокий лоб создавали скорее впечатление аскетической красоты, чем изможденности, хотя тосклиwyй взгляд говорил о том, что причина этой красоты — скорее внутренняя мука, нежели удовлетворенность.

Лишь цвет глаз королевы не изменился за прошедшие годы: они были дымчато-зелеными, как тенистые летние леса, и цвет их был роскошным, как изумруды, которые Бриону так нравилось видеть на ней. Ей исполнилось всего тридцать шесть лет.

Резкий мужской голос внезапно оторвал Джехану от размышлений, и тут же до нее донесся стук множества копыт; ей навстречу неслось всадники. Паланкин резко остановился; у королевы перехватило дыхание, и она взмолилась о том, чтобы среди встречающих не было Келсона. Потом она осторожно раздвинула занавески слева от себя и выглянула. Сначала она увидела только зад гнедого жеребца сэра Делри и его пышный хвост, перевязанный лентой, и аналогичную часть белого мула отца Амброва.

Потом, когда Делри подал коня вперед, навстречу вновь прибывшим, Джехана увидела мелькнувшие кожаные куртки и клетчатые пледы всадников, в зеленую, черную и белую клетку. Джехана видела прежде такую расцветку, но не могла припомнить, какому клану она принадлежала.

Она наблюдала за тем, как Делри несколько минут совещалась с офицером — Делри был старшим из тех четырех рыцарей-бретонцев, которых ее брат прислал для ее охраны. Затем Делри оставил нескольких человек в конвое, а остальные умчались обратно. Джехана собралась уже опустить занавеску на место, когда отец Амбров подъехал к паланкину на своем мule и, закрыв от королевы всех остальных, наклонился к окну, чтобы успокоить женщину.

— Нам прислали почетную охрану, миледи, — мягко сказал он, с такой улыбкой, от которой растаяло бы и сердце ангела. — Это патруль герцога Кассана. Его люди присмотрят, чтобы мы спокойно добрались до Ремута.

Герцог Кассанский... Поскольку и Джаред, и Кевин Маклайны умерли, герцогом теперь должен быть Дункан Маклайн — отец Маклайн, духовник Келсона в течение многих лет... и дальний родственник Аларика Моргана, Дерини. То, что Дункан — тоже Дерини, потрясло Джехану... но, конечно, у нее и в мыслях не было сообщать данный факт кому-либо, не осведомленному об этом. Господь должен обрушить свою месть на 347

Дунканна Маклайна — за то, что тот принял духовный сан вопреки тому, что Церковь запретила Дерини вступать в духовные ордена... хотя как Господь мог дозволить, чтобы Дункан возвысился до сана епископа, Джехана понять не могла.

— Да, конечно. Благодарю вас, отец,— пробормотала она.

Она не знала, удалось ли ей, торопливо опустив занавеску, скрыть охватившую ее панику, или нет,— она лишь надеялась, что голос не выдал ее. Ну, вряд ли Амброд так уж проницателен, в конце концов он еще слишком молод, настолько, что годится ей в сыновья.

Но тут же мелькнувшая мысль о ее собственном сыне была ничуть не более утешительна, чем мысль о Маклайне... и Моргане.

Ну, у нее еще будет время подумать о них. Королева на мгновение прижала ладони к губам и, закрыв глаза, вознесла к небу еще одну горячую молитву, прося даровать ей храбрость... и тут же ухватилась за подлокотники, поскольку процессия тронулась с места.

Встреча с ее сыном, Дерини, было не единственной причиной, по которой Джехана страшилась возвращения в Ремут. Возобновление светской жизни, которой, естественно, ожидали от королевы при дворе, пугало ее, потому что она давно отвыкла видеть кого-либо, кроме своих сестер по Сент-Жилю. Хотя за три года уединения она официально так и не приняла обеты, она жила так, как все в общине, молясь ради искупления той ужасной грязи, того зла Дерини, которое, как она знала, она несла в своей душе, ища освобождения от той муки, которую причиняло ей это знание. Ее с самого раннего детства учили, и в семье, и в Церкви, что Дерини были злом,— и она до сих пор не сумела разрешить те противоречия, которые возникли в ее уме, когда она узнала, что и сама принадлежит к проклятой расе. Ее духовные наставники в Сент-Жилю постоянно уверяли ее, что это грех простительный... если вообще можно назвать грехом то, что кто-то использует все свои силы, желая защитить своего ребенка от неминуемой смерти от руки злобного врага... но то, что было внушено в раннем возрасте, продолжало жить в по-детски доверчивой душе Джеханы, и она верила, что греховна.

Страстность ее отрицания собственной крови слегка ослабла за время пребывания королевы в Сент-Жилю — поскольку, оставаясь в уединении, она почти не видела тех, кто мог хотя бы упомянуть о других Дерини; но ее страхи возродились и разгорались все сильнее по мере приближения к Ремуту и к ее 348 сыну — Дерини. Она покинула монастырь лишь ради спасе-

ния души Келсона, ведь проклятие его крови сказывалось на других людях... даже его юная невеста не смогла спастись.

Ведь в конечном счете именно поэтому Джехана решила покинуть святое прибежище Сент-Жиля; Келсон, вдовевший уже шесть месяцев, должен был поскорее выбрать новую жену, чтобы обеспечить наследование трона. Джехана представления не имела, каков может быть круг предполагаемых кандидаток — ей достаточно было той идеи, что достойная короля невеста, избранная в соответствии со стандартами Джеханы, может смягчить и утихомирить дурные проявления крови Дерини, текущей в Келсоне. Только в этом крылся шанс заставить Келсона свернуть с того пути, который он, похоже, выбрал, оградить его от дурного влияния других Дерини, состоящих при королевском дворе, и привести его к спасению.

Подкованные копыта коней застучали громче, дорога выровнялась, и Джехана снова раздвинула занавески паланкина — ровно настолько, чтобы выглянуть наружу. Впереди, между фигурами всадников, она заметила знакомые стены замка Ремут, отсвечивающие серебром на весеннем солнце, и дерзко вздымающиеся к небу и белым облакам башни.

«*Белые барашки*, — яростно повторяла она в мыслях, борясь с подкатывающим к горлу комком, — *белые барашки на голубом холме...*»

Но детский образ, которому следовало оттолкнуть когти страха, не помогал. Жалкое успокоение, которое она обрела в Сент-Жилем, осталось позади, в королеве вновь проснулись давние чувства — страх за собственную душу, за душу Келсона, страх перед тем, что грозило всему ее миру... но она должна была справиться с этим до того, как встретится с сыном.

* * *

А во дворе замка Ремут, на площадке лестницы, ведшей в огромный холл, стоял Келсон, также охваченный трепетом перед тем, что могла принести с собой встреча с матерью. Вместе с ним прибытия королевы ожидали лишь его дядя Нигель, архиепископ Кардиэль, и двое младших сыновей Нигеля. Келсон решил, что незачем пугать Джехану большим количеством людей.

— Много времени прошло, — прошептал Келсон дяде, стоявшему справа от него. — Как ты думаешь, какова она теперь?

Нигель, посмотрев на своего царственного племянника, улыбнулся спокойно и благодушно, — однако Келсон знал, что дядя тоже не на шутку опасается возвращения своей родственницы.

— В какой-то мере она наверняка изменилась,— мягко сказал герцог.— Будем надеяться, что это перемены к лучшему. И, видит бог, она обнаружит, что и *ты* изменился.

— Но ведь не слишком? — удивился Келсон.

Нигель пожал плечами.

— А как *ты сам* думаешь, Келсон? За время ее отсутствия ты стал мужчиной... если пока оставить в стороне магию. Ты сражался на войне, ты убивал... тебе пришлось принимать очень трудные решения, какие *мне* уж точно принимать бы не хотелось.

— Ну, это просто дело,— пробормотал Келсон, криво улыбаясь.

— Да, только одни мужчины делают дело лучше, чем другие,— возразил Нигель.— и ты один из таких. Даже сейчас, в канун новой войны, ты держишь в узде личные чувства,— а ведь многие более опытные и зрелые годами люди позволили бы мести разыграться вовсю. Я не уверен, что *я* смог бы сдержаться и не растерзать Алюэла прямо там, в соборе, если бы это мою невесту безжалостно убили у меня на глазах.

Келсон отвернулся и принял яростно вертеть кольцо на мизинце.

— Если бы я владел собой, то прежде всего ее бы просто не убили.

— Ты собираешься снова ворошить *это?* — сказал Нигель.— Все в прошлом. Да, очень жаль — но как ни укоряй себя, ничего не изменишь. Никто не избавлен от ошибок. Но ты *можешь* изменить будущее.

— О, да, и моя дорогая, погрязшая в суеверии матушка всемерно поможет мне!

— Она всего лишь твоя мать, Келсон, вот и все! *Ты сам* не сделал ничего такого, чего бы следовало стыдиться. Если она хочет бичевать себя за грехи, пусть это остается между нею и ее богом. Не проси меня подарить бич *тебе*, чтобы и ты занялся тем же.

Келсон фыркнул и с недовольным видом сложил руки на груди, потом посмотрел на сторожку у ворот; его глаза уловили какое-то движение в темной аллее. Когда первые всадники кассанского эскорта влетели в ворота, он слегка выпрямился и нервно вцепился в борта своей куртки.

— Милостивый Иисусе, это она...— прошептал он.

Четыре копьеносца из отборных частей Дункана возглавляли скромную процессию; их синие с серебром вымпелы полоскались на концах длинных копий, пледы цветов Маклайна на 350 плечах всадников и на седлах сверкали яркими красками,

коны пританцовывали и становились на дыбы, завида конюшню. За копьеносцами скакал сэр Алан Соммер菲尔д, закаленный в боях капитан Маклайна, и бок о бок с ним — молодой рыцарь, на белом плаще которого красовались черный корабль и алый полумесяц королей Бремагны. Сразу за ними во двор въехали два конных паланкина; первый везла пара светлых седых коней, и рядом с ним ехал на белом мule молодой монах. За вторым паланкином следовали еще три рыцаря Бремагны и еще четыре копьеносца Кассана.

— Идемте, сир,— тихо сказал архиепископ Кардиель, касаясь локтя короля и ведя его вниз по ступеням.— Она в первом паланкине. Нам следует быть рядом с ним, когда она выйдет.

— Почему она не поехала верхом? — шепотом спросил Келсон Нигеля, когда они шли следом за архиепископом Кардилем и кузенами вниз.— Ты не думаешь, что она больна?

— Ну, путь был неблизкий,— предположил Нигель.— Наверное, так ей было легче.

Паланкин королевы подъехал к основанию лестницы одновременно с тем, как туда подошли король и его свита; священник и два капитана спешились и подошли к паланкину, а остальные рыцари выстроились по обе стороны для салюта. Когда капитан отодвинул тяжелые занавески и открыл маленькую низкую дверцу, священник с поклоном протянул руку. Появилась Джехана, бледная до белизны, в белом одеянии,— она казалась еще бледнее от того, что глаза на ее изможденном, болезненном лице пылали огнем.

— Матушка,— выдохнул Келсон, шагая к ней и пылко обнимая ее в тот момент, когда она пыталась опуститься перед ним на колени, прямо на пыльную землю рядом с паланкином. Прижимая ее к груди, он почувствовал, как колотится ее сердце под шелковым платьем — и вдруг с ужасом понял, что она даже не подняла рук, чтобы обнять его.

Должно быть, она почувствовала его изумление,— и высвободилась, отступила на шаг, присев в официальном реверансе, как и следовало при встрече с королем. Потом она шагнула к архиепископу и склонилась перед ним, чтобы поцеловать его перстень, а затем представила ему священника и моложавую монахиню, вышедшую из второго паланкина.

— Позвольте представить вам моего капеллана, отца Амброва,— мягко сказала она, стараясь не встречаться взглядом с Келсоном,— и сестру Сесиль, мою компаньонку. Сэр Дэри — командир моей охраны. Больше со мной никто не прибыл,— неволко добавила она.— Я не хотела слишком обременять его величество.

— Это не бремя, матушка,— мягко сказал Келсон.— Пока я не женился снова, ты — королева и хозяйка замка. И ты должна была взять с собой свиту, соответствующую твоему рангу. Тетя Мерауд поможет тебе подобрать придворных дам. Умоляю, возьми столько, сколько тебе необходимо.

— Вы чрезвычайно щедры, сир, но мои нужды настолько сократились за последние три года, что в это трудно поверить. Сестра Сесиль будет помогать мне... и... найдется ли при дворе место для моего капеллана, господин архиепискон?

Кардиель поклонился.

— Я буду рад, если отец Амброд поселится в моих апартаментах, миледи,— промурлыкал он.— И вообще-то, если он вам не слишком нужен сегодня днем, я бы мог сразу начать знакомить его кое с кем из нашей братии.

— Благодарю вас, ваше святейшество,— прошептала королева.— Отец Амброд, думаю, вы можете быть свободны до утренней мессы.

— Как вам будет угодно, миледи.

— А теперь, сир,— продолжила Джехана,— не покажет ли кто-нибудь нам наши апартаменты? Мы с сестрой очень устали за время путешествия.

— Разумеется, матушка,— Келсон посмотрел на нее с надеждой в глазах.— Могу ли я сказать придворным, что вы соизволите поужинать с нами?

— Благодарю вас, сир, нет. Боюсь, я еще не готова к появлению на людях. Но я была бы весьма благодарна, если бы моим рыцарям оказали должное гостеприимство. Они служили мне более чем преданно.

Келсон вежливо наклонил голову, ничуть не удивленный тем, что королева отклонила его приглашение.

— Мы будем рады видеть за столом сэра Делри и его людей, матушка. Господа, наш королевский кузен, принц Рори, покажет вам ваши комнаты, они вполне соответствуют вашему рангу. А теперь, если позволите,— продолжил он, обращаясь к Джехане,— я провожу вас в ваши палаты.

— Благодарю вас, сир, но если вы не против, я бы предпочла, чтобы нас проводил Нигель.

Само собой, Келсон был против, но он не собирался строить из себя дурака при таком количестве свидетелей, хотя, конечно, большинство из них знали о том ледяном барьере, что встал между Джеханой и ним самим. Когда Нигель с извиняющимся видом взял королеву под локоть и повел ее вверх по лестнице, а сестра Сесиль смиренно засеменила за ними, Келсон проводил их задумчивым взглядом. Юный Пэйн

остался с ним, когда Рори увел рыцарей, а Кардиель увлек к себе молодого священника Амброза.

— Должно быть, она и в самом деле злится на тебя, Келсон,— прошептал Пэйн через мгновение, смущенно глянув на своего притихшего кузена, когда его отец и тетушка исчезли за огромной дверью холла.

Фыркнув, Келсон обнял Пэйна за плечи и грустно покачал головой.

— Боюсь, это так, Пэйн. Боюсь, это действительно так.

* * *

— Он выглядит таким повзрослевшим,— тихо сказала Джехана, когда они с Нигелем отошли достаточно далеко от Келсона.— Я и не представляла, что он окажется таким высоким.

Нигель удивленно посмотрел на нее, но не ответил, пока они не миновали группу кланявшихся королеве придворных.

— Ты отсутствовала три года, Джехана,— осторожно сказал он.— Дети растут, видят это их родители или нет. Погоди, пока увидишь Конала... и я не уверен, что ты вообще узнала Рори и Пэйна.

— Их я всегда бы узнала,— возразила Джехана, когда они уже миновали холл и пошли по длинному коридору, ведшему к тому крылу, где должна была разместиться королева.— На них петь Халдейнов. Никто не ошибется, видя детей твоих или Бриона.

— Может, это и так. Но очутись ты в толпе, *тебя* бы я не узнал. Что ты с собой сделала, Джехана?

— Не знаю, о чем ты говоришь,— пробормотала она, отводя взгляд и нервно пряча в рукава худые кисти рук. И тут же прибавила шагу.

— Ох, знаешь. Ты выглядишь так, словно жила не в монастыре, а в подземной темнице. Насколько ты похудела?

— Пост полезен для души,— ответила она, вызывающе вскидывая голову.— Но я не ожидаю, что ты это поймешь, учитывая, в каком обществе ты живешь.

Сжав ее локоть, Нигель остановился посреди коридора и повернул Джехану лицом к себе.

— И что же ты хочешь этим сказать?

— Ну, разве они уже не при дворе?

— Кто не при дворе?

— Ты знаешь — Морган и Маклейн, и бог знает кто еще.

Он выглядел настолько изумленным, что она почти поверила в то, что подобная мысль до этого момента ни разу не приходила ему в голову. Джехана осторожно высвободила

353

свою руку из его крепких пальцев и сделала несколько шагов вперед по коридору, жестом подозвав молчаливую Сесиль поближе.

— Если ты покажешь нам, куда идти, мы бы могли наконец отдохнуть,— вежливо сказала королева.

К ее удивлению и облегчению Нигель не стал возвращаться к опасной теме. Вместо того он отвел ее в ее прежние покой, расположенные рядом с внутренним садом. Джехана ожидала, что ей отведут помещения поменьше. На стук Нигеля дверь открыла горничная, и тут же отступила в сторону, скромно присев в реверансе,— но Нигель не стал входить. Когда дверь за Джеханой и ее молчаливой компаньонкой закрылась, королева лишь мельком оглядела маленькую приемную и открытую дверь на солнечную галерею, где расположились придворные дамы; дюжина или около того пар глаз оторвались от вышивок и посмотрели на нее. В следующее мгновение ее уже обнимала Мерауд, жена Нигеля, по цветущим щекам которой ручьями текли радостные слезы

— Джехана! Слава богу, ты наконец вернулась! Бедняжка, ты, должно быть, умираешь от усталости!

Когда Мерауд обнимала ее, Джехана ощущала ее выпуклый живот — снова ждет ребенка, после такого длинного перерыва! — и тут же ее пронзила острыя боль от того, что сама она не сумела родить ни одного ребенка после Келсона. Но тут же она подумала, что это, возможно, и к лучшему, потому что ее проклятая кровь не распространится в следующих поколениях.

И она вообще-то не была уверена, что одобряет Мерауд, решившую родить еще одного ребенка... хотя в данном случае опасность передать далее чудовищную наследственность Келвина была настолько мала, что почти не стоила упоминания. Если же по каким-то причинам Келсон не оставит собственного наследника, род продолжится через Нигеля и Конала — или, возможно, через юных Рори и Пэйна, если линия Конала почтум-то угаснет.

Тот ребенок, которого сейчас носила под сердцем Мерауд, вряд ли когда-либо унаследует корону Халдейнов или узнает о лежащем на них проклятии.

— Мерауд, Мерауд, мне *так* тебя не хватало! — ласково сказала она, вглядываясь в карие глаза подруги, когда они наконец оторвались друг от друга.— А ты снова ждешь маленького. Наверное, вы с Нигелем *очень* рады!

— Да разве может быть иначе? — воскликнула Мерауд, весело улыбаясь.— Нигель надеется, что на этот раз будет девочка, и я, честно говоря, тоже, после трех-то мальчишек! Ну, через

месяц или около того узнаем. Но ты, Джехана... как ты похудела! Ты здорова?

— Здоровее не бывает,— ответила королева и чуть повернувшись, кивнув на свою компаньонку.— Это сестра Сесиль. Она приехала со мной из Сент-Жиля. Сестра, это герцогиня Мерауд, супруга принца Нигеля. Может она подождать там, с другими дамами, пока мы немножко поговорим?

— Конечно. Сестра, мы рады приветствовать вас в Ремуте,— сказала Мерауд, слегка кивая головой в ответ на поклон монахини.— Прошу, побудьте с моими дамами. Мы через несколько минут присоединимся к вам.

Когда сестра Сесиль ушла на галерею, Мерауд снова всмотрелась в Джехану и увлекла ее поближе к окну, на солнечный свет.

— Так. Что же это за вопрос, который не может ждать, хотя ты нуждаешься в отдыхе? — спросила она, осторожно усаживаясь обитую тафтой кушетку.

Джехана не стала садиться; она стояла в луче солнца и нервно сжимала худые руки... ее взгляд искал сочувствия Мерауд.

— Тебе ничто не грозит, Мерауд? — наконец прошептала она.

— Грозит?!

— Морган и Маклайн не разлагают твоего мужа, как разложили и погубили моего?

— Джехана!..

— Это ради его собственной души, Мерауд! — продолжила Джехана, опускаясь на кушетку рядом с герцогиней и не отводя глаз от лица Мерауд.— Ты должна уберечь его от заразы Дерини! Келсон в уже погиб, но Нигеля еще можно спасти... да и для Келсона, пожалуй, еще не все потеряно. Именно поэтому я вернулась.

— Э-э... спасть... Келсона? — осторожно спросила Мерауд.

Джехана горячо заговорила, приняв слова Мерауд за приглашение к рассказу.

— Он должен снова жениться, Мерауд, и поскорее. Ему нужен наследник. И я чувствую, что хорошая жена сможет одолеть зло, поселившееся в нем. Ведь ты же уберегаешь Нигеля от беды, так и королева Келсона должна вернуть его к праведной жизни. Это единственная надежда, Мерауд. Обещай, что поможешь мне!

Мерауд задумчиво улыбнулась, позволив королеве схватить себя за руку.

— Ну, девушек, желающих выйти замуж за короля, более чем достаточно,— неопределенно сказала она.— Хотя я подо-

зреваю, что тут немаловажно и мнение самого Келсона. В любом случае, я сомневаюсь, чтобы он занялся этим делом до окончания военной кампании.— Она улыбнулась и с надеждой глянула на королеву.— А ты не хотела бы сама познакомиться кое с кем из девушек? Среди моих придворных дам есть вполне подходящие. Да и все равно тебе нужно выбрать собственный штат. Идем, я их тебе представлю.

Джехана вскоре запуталась в именах проходивших перед ней дам, но идея активного участия в выборе жены для Келсона заставила ее щеки слегка разрумяниться. Многие из дам были очень молоды и явно хороши по всем качествам.

Настроение королевы все улучшалось; но наконец Мерауд увлекла ее к окну, возле которого сидела занятая вышивкой по тафте прекрасная молодая женщина.

На ней было платье глубокого синего цвета, напоминавшего о горных озерах, ее тяжелые огненно-рыжие волосы были уложены на затылке в золотую сетку, унизанную жемчугом, лоб стягивала золотая лента.

— Это герцогиня Риченда,— сказала Мерауд, когда женщина встала и присела перед королевой в глубоком реверансе.

Сердце Джеханы заколотилось как сумасшедшее, ее тело застыло от ужаса.

— Герцогиня... Риченда? — с трудом произнесла она.— Не приходилось ли мне прежде слышать ваше имя?

Женщина выпрямилась и ее невероятно синие глаза посмотрели прямо в глаза королевы,— уверенно и с сочувствием.

— Это вполне возможно, ваше величество,— ответила она низким голосом.— Мой покойный муж заседал в совете короля Бриона. Это граф Марли.

— Граф Марли...— безжизненно произнесла Джехана.— Но Мерауд сказала...

— Теперь титул графа Марли носит мой сын Брендан, ваше величество. А я ныне замужем за герцогом Корвином.

Корайн! Джехана наконец поняла, что значит звук этого имени, и онемела от страха. «Добрый Иисус, это жена Моргана! Она замужем за Дерини!»

— Да... понимаю,— прошептала она.

Но она почти ничего не видела вокруг себя, когда повернулась, чтобы уйти; она едва передвигала ноги, и не понимала, когда ей представляли еще... и наконец подозвала Сесиль и сбежала в поисках спасения в молельню, примыкавшую к ее спальне. Молитва отчасти вернула ей душевное спокойствие, но не изгнала чувства глухого отчаяния от того, что супруга Дерини, похоже, уверенно водворилась в королевском доме.

Глава третья

...потому что родили чужих детей¹

стоток дня для Келсона прошел в напряжении, вызванном приездом Джеханы. Не улучшало его настроения и то, что должно было произойти вечером. Немало обеспокоенный ритуалом, который предстояло провести в поздние часы, он тем не менее не смог отдохнуть и расслабиться хотя бы на час-другой перед ужином, потому что, хотя Джехана и отклонила его приглашение поужинать с двором, он счел необходимым составить ей компанию в ее покоях. Однако, чтобы перенести встречу на более нейтральную почву, он попросил Нигеля и Мерауд устроить все и организовать ужин в их собственных палатах. Заодно Нигель отвлекся бы от мыслей о предстоящем ритуале. С немалой долей злорадства он приказал Моргану и Риченде занять главные места за столом в большом холле на время его отсутствия,— поскольку именно Морган отчасти был виновен в настроениях Джеханы. Дункан и Дугал постарались, чтобы все было сделано как можно лучше.

И в результате этим вечером Келсон сидел со своей матерью, Нигелем и Джеханой в вечерней столовой своего дяди и пытался поддерживать вежливую болтовню,— при том, что ему страстно хотелось очутиться как можно дальше отсюда. В столовой было душно — или это ему лишь казалось,— и Келсон бездумно вертел кольцо Сиданы, слушая, как собеседники пересекаются с темы на тему. Но в основном разговор вращался вокруг ненавистных Джехане и пугающих ее Дерини.

— Когда эта новость добралась до Сент-Жиля,— говорила Джехана,— я едва поверила своим ушам. Держать Аларика Моргана рядом с собой — уже достаточно опасно; но принять ко

¹ Осия 5:7

двору его жену, чей первый муж был изменником и к тому же Дерини...

— Брэн Корис не был Дерини, матушка,— раздраженно бросил Келсон, внезапно испугавшись того направления, которое могла принять беседа, не прояви он осторожности.

— Но о нем говорят, что он стоял в магическом круге Венцита Торентского...

— А епископ Арилан стоял в *моем* круге. Разве от этого *он* стал Дерини?

— Епископ Арилан? Разумеется, нет! Но...

— Вот видишь, нет! — Это не было прямой ложью, но отвело подозрения Джеханы от Арилана, буде они возникнут.— Я просил присутствовать его и отца Дункана... и Моргана, потому что процесс позволяет четырем человек с каждой стороны. Но состязались я и Венцит. Мы выбрали тех, кто готов был составить нам компанию и поддержать нас, но сила, если она и присутствовала на Тайной Дуэли, исходила от Венцита и меня самого.

— Но чьей властью она дана? — резко спросила Джехана.— Тех чужаков, что явились на белых конях? Я слышала о них, Келсон. Кто они? Это были Дерини, ведь так?

Келсон отвел глаза.

— Я не могу говорить о них.

— А, значит, это *действительно* были Дерини,— прошипела королева. И повернула искаженное отчаянием лицо к брату своего покойного мужа.— Нигель, ты был там. Что ты видел? Кто были те люди? Неужели их так много, что они спокойно ходят меж нас, неизвестные и безнаказанные?

Нигель знал об этом не намного больше Джеханы, поскольку не был посвящен в планы Совета Камбера — он знал только о некоторых его непосредственных действиях. Но его неловкое молчание тут же побудило Джехану вернуться к старой и относительно безопасной теме Моргана, чье благожелательное отношение к Дерини ни для кого не было секретом. Пока Джехана рассуждала об этом, Келсон предавался приятным размышлениям о тех находящихся при дворе Дерини, о которых Джехана пока что *не знала*.

Она даже не связала их с Ричендой, хотя, конечно, подошла в своих предположениях пугающе близко. И ясно было, что ничего подобного не приходило ей в голову относительно Арилана. Если бы она обнаружила, что Дерини сумел пройти все ступени церковной иерархии неопознанным, и достиг звания архиепископа — это потрясло бы ее веру до основания; но, конечно, она бы ни на секунду не усомнилась в том, что все

это — происки дьявола, его попытка подорвать Религию изнутри. А ведь и Дункан мог бы достичь подобных высот — но кое-кто из епископов был уверен в том, что он Дерини, а многие готовы были проклясть его кузена Дерини — Моргана.

Дугал, само собой, был в другом положении. Кроме самого близкого окружения Келсона — Моргана, Риченды, Дункана и самого Дугала,— лишь Нигель и Арилан знали, что Дугал тоже Дерини; и еще меньшее число людей знало, что он сын Дункана, об этом и Нигелю с Ариланом не было известно. Впрочем, следовало признать, что Совет Палаты, пожалуй, знал все, о чем знал Арилан,— и что их беспокоил Дугал и тайна его силы, так же, как их беспокоили Морган и Дункан,— но кроме этих немногих никто не мог и заподозрить ничего подобного, в этом Келсон почти не сомневался.

Он сделал большой глоток легкого орехового эля, поданного Нигелем к столу,— вино могло притупить их чувства и тем помешать ритуалу,— и улыбнулся в кубок, пробормотав что-то неразборчивое в ответ на продолжавшийся монолог королевы.

То, что Дугал оказался Дерини и сыном Дункана, все еще удивляло и восхищало его. Это открытие отчасти смягчило ужающее потрясение, вызванное убийством Сиданы, немного приглушило воспоминание о Двенадцатой Ночи несколько месяцев назад. Под ровное бормотание матери он позволил себе вспомнить кое-что...

...Он тогда сидел в ванне перед камином, в своей спальне, надеясь, что горячая вода разгонит холод, проникший, казалось, в самую его душу. Он давно уже смыв с рук кровь Сиданы, но что-то заставляло его снова и снова окунаться в воду, словно это могло изгнать следы ее крови из его сердца.

Он смутно осознавал, что по спальне время от времени кто-то осторожно проходит — Морган, Дункан, Дугал... он ощущал их теплое сострадание, знал, что они хотят облегчить его боль; но он был слишком туго стянут обручами страдания и чувства вины, и еще гнева... он не мог позволить их сочувствию проникнуть в него. Он по-прежнему не знал, действительно ли он любил Сидану, но он все равно был в ответе за ее смерть, пусть и не его рука держала кинжал.

Она находилась под его защитой, а он ее предал. Ее обручальное кольцо сверкало на его пальце, обвиняя и напоминая... он снял это кольцо с тоненького пальчика, когда держал на руках безжизненное тело, там, в запятнанном кровью святилище, в котором за несколько минут до того они сочетались браком.

— Думаю, ты достаточно просидел в воде, мой принц,— тихо сказал Морган, внезапно появляясь из тени у него за

спиной и протягивая ему толстое пушистое полотенце.— Давай, вытирайся. Дункан согрел для тебя молока с вином, чтобы ты уснул.

И он повиновался, и тупо встал, позволив Моргану завернуть себя в полотенце, а потом лишь до него донеслись звуки: потрескивание огня в камине, звяканье металла о фарфор — это Дункан ставил канделябр на небольшой столик... услышал собственное прерывистое дыхание. Ступив ногой на толстый кедицкий ковер, он покорно направился туда, куда его вели,— к глубокому креслу возле очага. Когда он уселся, Дункан вложил в его руку теплую чашу и сел рядом на скамейку; и Дугал устроился на таком же сиденье у ног Келсона. Морган остался стоять, спиной к огню, одной рукой он оперся о резную каминную полку, и казалось, что его волосы превратились в светлый нимб.

— Пей, пей,— мягко сказал его наставник, кивая на чашу.— Это немного смягчит боль.

Он послушно проглотил напиток, заметив, как трое обменялись недоуменными взглядами, но он не думал, что это как-то относились к нему... ну, во всяком случае, он не видел повода для беспокойства. В молоко было добавлено крепкое вино, и напиток оказался слишком горячим. И лишь допив до конца, Келсон ощущал на языке легкую вязкость — Дункан уже как-то давал ему это средство, настой успокоительных трав. Дугал кашлянул, следя взглядом за тем, как Келсон отставляет в сторону пустую чашу, а Морган сложил вместе пальцы, по-прежнему опираясь одним локтем о каминную полку.

— Дугал и Дункан хотят кое-что сказать тебе,— тихо произнес Морган, и в его серых глазах светилось сострадание.— Конечно, мне бы хотелось, чтобы ты узнал об этом при более радостных обстоятельствах, но возможно, это слегка облегчит твою нынешнюю печаль. Думаю, ты не останешься недоволен.

Удивленный вопреки горю, Келсон повернулся к Дункану, который положил руку на плечо Дугала. Успокоительное уже начало действовать, и Келсон никак не мог сфокусировать взгляд, однако ум его оставался ясным и, как он знал, будет оставаться таким еще несколько минут.

— Дугал и я сделали некое чудесное открытие, как раз перед тем, как сегодня утром отправились в собор,— сказал Дугал, улыбаясь в ответ на улыбку Дугала.— Это связано с застежкой на его плаще. Уверен, ты ею не раз восхищался.

Только теперь Келсон заметил, что хотя Дугал сменил яркий шотландский плед на черную траурную одежду, на его плече по-прежнему красовалась крупная броши с головой льва, 360 которая, как он говорил, принадлежала его матери.

— И что с ней произошло? — спросил Келсон, снова переведя взгляд на Дункана.

Дункан вдруг усмехнулся точь-в-точь как Дугал.

— Ну, это же символ Маклайнов — видишь закрытые глаза? Спящий лев Маклайнов. Мой отец заказал ее для меня. Я подарила ее своей жене в нашу первую брачную ночь.

— Твоей жене?.. — пробормотал ошеломленный Келсон.

— Ну да, матери Дугала, как оказалось, — продолжил Дункан со счастливым видом. — Понимаешь? Дугал — мой сын!

Теперь Келсон помнил лишь немногие подробности того вечера, хотя выяснение подробностей радостного открытия действительно немногого ослабило шок от смерти Сиданы. Он перешел в мыслях к тяжелым дням похорон... но его вернуло к настоящему имени Сиданы, слетевшее с губ его матери.

— ...не можешь вечно горевать об этой Сидане, — говорила она. — Ты едва знал эту девушку. Ты обязан подыскать другую жену. Потому я и вышла из монастыря — чтобы помочь тебе найти ее. Подходящая жена может помочь искупить проклятие, которое я наложила на тебя.

— Да что же было «неподходящего» в невесте, которую я выбрал? — раздраженно спросил Келсон, со стуком отставляя кубок. — Даже по твоим стандартам, матушка, Сидана была «подходящей» во всех отношениях: принцесса из знатной семьи, союз с которой мог обеспечить нам долгий мир; молодая и красивая; почти наверняка способная родить здоровых наследников. Она даже не была Дерини, и не любила Дерини! И ее убил ее же собственный брат, солидным, надежным, совсем не мистическим ножом!

— Ты знаешь, что я не это имела в виду... — начала Джехана.

— Ну, так не надо читать мне наставления о «подходящих» женах, матушка, — не дал ей продолжить Келсон. — Я хотел выполнить свой династический долг, и выбрал невесту по всем правилам. Ты должна извинить меня, если мне не хочется снова очертя голову бросаться в брак, да еще так быстро!

Джехана покачала головой, ее губы скжались в ниточку.

— Неию минуту, конечно, Келсон. Но скоро...

— Не слишком скоро, матушка. На тот случай, если ты забыла, — этим летом нам предстоит война, одно из маленьких последствий моей краткой женитьбы. И даже если бунтовщики Меара пока что зашли не слишком далеко, все равно семья Сиданы проклинает меня за ее смерть, так же, как и Алюэла. Вопрос независимости Меара теперь перепутан с вопросом кровной мести, несмотря на то, что это Алюэл убил Сидану

— не я! — и что Алевел был наказан за свое кровавое преступление, и совсем не потому, что я так уж искал его смерти.

— Ну, тебе все равно со временем пришлось бы с ним разбираться,— холодно произнесла Джехана.— Он бы помнил об угрозе всю жизнь. А что касается его тела...

— Матушка!..

С грохотом отодвинув кресло от стола, Келсон встал и посмотрел на Нигеля и Мерауд, которые во время этой перепалки не произнесли ни звука.

— К счастью, вопрос о Алюэле стал теперь чисто академическим,— сдержав всплеск чувств, сказал Келсон, взглядом показывая Нигелю, что им пора удирать.— И у меня нет ни малейшего желания обсуждать его нынешним вечером. Командиры моей северной армии завтра утром отправляются в Кассан, и нам с Нигелем необходимо поговорить с ними. Дядя, вы не хотите принести извинения дамам за наш уход? Нам до сна нужно еще немало поработать.

Он мог лишь восхищаться тем хладнокровием, с каким принц встал и попрощался с дамами. Хотя он знал, что Нигель в душе доверяет ему и Совету Дерини, а Совет доверяет Нигелю, он все же должен был испытывать некоторые опасения относительно «работы», которая им предстояла, хотя бы потому, что именно он был объектом действия и не знал, что с ним будут делать. Но он ничем не показывал своей тревоги, и выглядел как человек, который отправляется выполнять свой обычный долг, когда набрасывал на плечи плащ и говорил Мерауд, что дожидаться его не стоит.

— Ты же знаешь, дорогая, как долго проходят эти военные советы у Келсона,— пояснил он.— Мы можем просидеть там половину ночи. Тебе и нашему маленькому нужно отдохнуть.

Мерауд улыбнулась и положила ладонь на круглый живот, когда ее муж вышел из комнаты вслед за Келсоном и дверь за ними закрылась. Но тут же она задумчиво глянула на Джехану. У королевы был несколько ошеломленный вид,— она словно бы не могла поверить, что Келсон сбежал.

— Он очень похорошел, пока тебя не было, правда? — сказала Мерауд.

Джехана прикрыла глаза.

— Я с трудом узнала его,— прошептала она.— Он такой суровый и воинственный... и совсем взрослый.

— Да, с детьми такое случается,— вежливо согласилась Мерауд.— Я увидела то же самое в Конале. Да и Рори осенью вошел в возраст... но он еще мальчишка, хотя ему уже четырнадцать.

362 — А мой сын — нет,— пробормотала Джехана.

— Верно. Но Келсон к четырнадцати годам уже стал королем. Оказалось Рори в таких обстоятельствах, для него это обернулось бы трагедией. Нет, Рори пока еще мой мальчик. И Пэйн, конечно. А скоро у меня будет еще одна кроха. Но я *очень* надеюсь, что родится девочка.

Джехана скривила губы.

— Девочка... которая однажды станет жертвой династического брака?

— Девочка, которая выйдет замуж за того, кого изберет ее сердце, если будет на то божья воля,— возразила Мерауд.— У нее будет три старших брата, способных продолжить род, и я не вижу причин принуждать ее к браку с нелюбимым человеком. А может быть, она изберет Небесного Жениха. Думаю, тебе бы это понравилось.

Джехана горько улыбнулась, размазывая пальцем маленькую каплю эля по столу перед собой.

— Если бы я в свое время повенчалась с Церковью, это избавило бы меня от той муки, которую я несу в себе,— прошептала она.

— Но ведь тогда у тебя не было бы Келсона! — возразила Мерауд.— Ведь если бы его родила другая мать, он бы не был тем самым Келсоном,— а что бы он делал без твоего наследия и поддержки, когда столкнулся с Кариссой?

— Он мог умереть,— признала Джехана.— Но зато он был бы человеком, его душа не была бы запятнана проклятием Дерини, которое он получил лишь потому, что его родила я.

Покачав головой, Мерауд тяжело поднялась из-за стола.

— Ты все не можешь смириться с этим, да? Ты Дерини, Джехана. И ничего с этим не поделать. Ты не можешь этого изменить. Но возможно, это *не* проклятие? Возможно, в этом есть *кое-что хорошее*?

— Боюсь, ты наслушалась моего сына,— печально сказала Джехана.— Это *проклятие*, Мерауд. Это гниль, живущая во мне... и при дворе моего сына. И я не буду знать отдыха, пока не найду пути искупления.

* * *

Изгнание нечистой силы, но только совсем не такое, какое было на уме у Джеханы, как раз и являлось целью действий, производимых в этот момент в другой части замка. Негромко начитывая ритуальные фразы очищения, епископ Дункан Маклайн медленно шагал вдоль стен крошечной часовни Святого Камбера, мерно размахивая серебряным кропилом и обрызгивая все вокруг водой. Вокруг курились благовония. 363

Через дверь, ведущую в кабинет, за епископом наблюдал Дугал, не сводя с отца уважительного и почтительного взгляда. До прихода остальных они закончили почти все приготовления. Окуривание помещения ладаном и окропление водой были последними действиями, которые скорее должны были укрепить обоих участников и помочь им сосредоточиться, чем очистить и без того чистое помещение.

— *Asperges me, Domine, hyssopo, et mundabor: lavabis me, et super nimis dealabor...*

— Аминь.

— *Pax huic domui. Et omnibus habitantibus in ea...*

Да будет мир этому дому и всем живущим в нем...

Когда все было закончено и Дункан убрал все принадлежности, отец и сын вернулись в кабинет, и Дункан опустил занавеси, которые обычно закрывали дверь. Дугал помедлил мгновение, глядя на занавески,— в его глазах все еще светилось благоговение,— а Дункан тем временем сел к круглому столу перед камином. В центре стола стоял подсвечник с одной единственной свечой, и больше, кроме огня камина, ничто не освещало комнату. Через секунду-другую Дугал присоединился к отцу, хотя и продолжал время от времени поглядывать на закрытую занавесками дверь.

— Эта часовня вызывает ощущение присутствующей силы, верно? — сказал Дункан, с улыбкой отвечая на изумленный взгляд Дугала.— Я не удивлюсь, если ты это заметил. Святой Камбер, похоже, оставил в ней свой след. Разница между этой часовней и другими слишком очевидна. Наш добрый святой племени Дерини должен быть очень сильным заступником.

Дугал неловко поерзал на стуле.

— Ты... ты действительно думаешь, что он вмешивается в земные дела? Что вообще святые это делают?

— Ну, в этом, конечно, нельзя быть уверенным до конца,— ответил Дугал.— Аларик и я знаем, что некоторые вещи, которые сразу после коронации Келсона приписывали святому Камберу, похоже, были сделаны...— Дугал опустил взгляд.— Кем-то другим,— закончил он.— Мне очень жаль, но я не могу сказать, кто это, даже тебе. Он прежде был членом Совета Камбера, но они просили, чтобы мы никогда не упоминали их имен.

— Я и не собирался выспрашивать,— запротестовал Дугал.

Дункан улыбнулся.

— Я знаю, сын. В любом случае, кое-что из того, что мы приписываем Камберу, не делал никто из известных нам людей...

так что вполне возможно, что он и вмешивается. Когда я

364 бываю в этой часовне, я начинаю верить в это.

Дугал снова посмотрел на занавеси, потом на Дункана.

— Келсон мне говорил, что ты и Морган провели ритуал, который вложил в него силу. И Нигель придет для этого?

— Отчасти,— согласился Дункан.— Однако мы также обратимся к Камберу с особой просьбой о защите, ведь говорят, что это он передал магию Дерини кое-кому из Халдэйнов, уже более двух сотен лет назад. И пока его имя не будет очищено от обвинений, я думаю, эта часовня может оставаться единственной в Гвиннеде, посвященной ему.

— Ох...— Дугал мгновение-другое размышлял над этим. Потом спросил: — А... а отец Келсона тоже получил свою силу здесь?

— Не думаю. Этим занимался Аларик, не я... за несколько лет до рождения Келсона. Он тогда был даже моложе, чем Келсон сейчас. Насколько я понимаю...

Стук в дверь прервал его, и Дункан встал, чтобы приветствовать Моргана и Риченду.

— Если бы Келсон не был королем, я бы надрал ему уши за то, что мне пришлось целый вечер сидеть за столом вместо него,— сказал Морган, когда они с Ричендой сбросили плащи с капюшонами.— Вы хоть представляете, как это скучно — изображать из себя гостеприимного хозяина, когда я знал, что ты и Дугал уже здесь, занимаетесь приготовлениями? А почему здесь так жарко?

— Потому что окна закрыты,— ответила Риченда, ослабляя шнурок на вороте блузы.— И чтобы тебя не был озиноб.— Она посмотрела на Дункана.— Подозреваю, в самой часовне будет намного жарче, когда столько тел начнут излучать тепло. Там есть хоть какая-то вентиляция?

Дункан улыбнулся и покачал головой, усаживая Риченду к столу.

— Боюсь, почти нет. Уж придется нам как-нибудь справиться.

Новый стук в дверь возвестил о прибытии Арилана, и собрание тут же приняло более официальный вид. Направляясь в часовню, чтобы проверить, все ли сделано правильно, он на ходу с легким неодобрением глянул на Дугала и попросил Дункана выйти с ним на несколько минут.

Когда оба епископа снова присоединились к остальным, терпеливо сидевшим вокруг стола, Арилан естественным образом принял на себя роль старшего. Но он, похоже, не заметил, что Морган и Риченда аккуратненько разместились по обе стороны от него, отгородив его от Дункана и Дугала. Позже Арилан будет слишком занят, чтобы уловить какие-то намеки на

подлинные отношения отца и сына, но пока было решено не дать ему такой возможности.

— Естественно, когда мы действительно начнем, вести будет Келсон,— негромко сказал Арилан.— Однако пока он и наш... э-э... субъект не прибыли, полагаю, нам не помешает небольшая медитация. Это будет во многом новым для юного Дугала, так что предлагаю соединить руки вокруг стола до того, как мы начнем концентрироваться. Такая физическая связь поможет устранить несоразмерность в уровне нашего опыта.

В его голосе прозвучала едва заметная снисходительность, но даже Дугал почувствовал, что Арилан прав. Они без колебаний взялись за руки и устремили пристальные взгляды на огонек свечи, а потом постепенно, один за другим, погрузились в более тесную взаимосвязь; их дыхание замедлилось, глаза закрылись, и даже Дугал наконец вошел в спокойное созерцание, оставаясь при этом бдительным, ожидая короля и его родственника...

* * *

В замке тем временем король вел своего предполагаемого восприемника в темный покой, принадлежавший ему, когда он был принцем. Сейчас там жил Дугал. Дверь была не заперта, но даже будь на ней замок, это не остановило бы Дерини.

Впустив Нигеля в темноту комнаты и закрыв за собой дверь, Келсон на мгновение задержался, чтобы создать огонь. Бледный алый шар света возник на его левой ладони, осветив Нигеля, стоявшего с настороженным и напряженным видом,— но теперь уже не было нужды следить за собой, как во время ужина. Келсон осторожно провел Нигеля глубже в комнату, по дальше о двери, остановился возле холодного камина, повернулся и внешне спокойно посмотрел на брата своего отца; но его слова показали, что он далек от равнодушия и его беспокоит ответственность за предстоящее.

— Ты ведь не хочешь отступить, правда? Потому что если даже ты захочешь, я тебе не позволю.

Нигель криво улыбнулся и фыркнул.

— Келсон, я вдвое тяжелее тебя. Что бы ты мог сделать? Может, съешь меня с ног и отнесешь... а кстати, где это должно произойти?

— Увидишь,— коротко ответил Келсон.— И я уверен, ты прекрасно знаешь, что я не имел в виду физическую силу.

— Да я и не думаю, что она бы тебе понадобилась,— Нигель

глубоко вздохнул.— Я просто *нервничаю*. Ты ведь не станешь порицать меня за это, верно?

Келсон подошел чуть ближе к нему и покачал головой.

— Конечно, нет. Но я могу немного облегчить твоё состояние, когда придет время, если хочешь.

— Да уж, пожалуйста,— прошептал Нигель.— Но я бы предпочел справиться с собой до того как... как настанет время.

— Это зависит от тебя,— сказал Келсон, поднимая правую руку и касаясь лба Нигеля; глаза он при этом закрыл.— Закрой и ты глаза, глубоко вдохни...

Слегка пожав плечами, Нигель повиновался.

— Теперь задержи дыхание и считай до пяти... а потом выдохни. Почувствуй, как из тебя вышли все опасения, когда опускают твои легкие, постараися выбросить все напряжение. Если понадобится, сделай еще один вдох.— Когда Нигель во второй раз глубоко вдохнул, он опустил руку и сказал: — А теперь отбрось все и посмотри на меня.

Нигель шумно выдохнул, его глаза открылись, он моргнул.

— Лучше стало? — спросил Келсон.

Нигель смущенно кивнул.

— Немножко голова кружится... как будто я хлебнул крепкого вина на голодный желудок.

— Это пройдет,— сказал Келсон, поворачиваясь и отходя к другому концу каминна.— Сейчас я хочу показать тебе кое-что, чему я научился от Моргана. После сегодняшней ночи ты тоже сумеешь так. Ты смотришь?

— Да.

Келсон чувствовал, что Нигель стоит возле его правого плеча, уже куда более уверенно, и ощущал, что по крайней мере часть спокойствия дяди возникла благодаря его собственной силе и вере в то, что делает Келсон. Это утешало отчали, потому что Келсон и сам не был избавлен от опасений относительно предстоящего, хотя и по другим причинам, чем Нигель.

Подняв левую руку, в ладони которой по-прежнему лежал огонек, Келсон взмахнул правой, нарисовав в воздухе запутанную линию. Одновременно с физическим действием происходило и некое психическое, но этому Нигель должен был научиться во время ночного ритуала.

— Я... не думаю, что я уловил...— прошептал Нигель, изумленно глядя на то, как часть стены отодвигается, открывая темную лестницу.

Келсон улыбнулся и шагнул в проем, кивнув Нигелю, чтобы тот следовал за ним.

— Не беспокойся. Ты вспомнишь, если понадобится.

Многие из сил Халдейнов действуют именно так.

Они начали спускаться по ступеням, и Нигель изо всех сил старался сохранить присутствие духа.

— Вообще-то,— продолжил Келсон,— я намерен сегодня передать тебе только некоторые способности, несмотря на то, что мы выявим твои потенциалы. Часть того, что у меня есть, я получил по отцовской линии, так что все будет в порядке. Но сейчас нам лучше помолчать. Тут населенная часть замка, и мне бы не хотелось, чтобы люди подумали, будто в стенах бродят призидения.

Нигель хихикнул, но дальше они шли в молчании, и наконец остановились перед гладкой стеной. Здесь Келсон погасил свой огонек и долго смотрел сквозь отверстие, расположенное на уровне глаз. Затем небольшая часть стены бесшумно отодвинулась, и они увидели перед собой двор замка и звездное небо над ним.

Стена за их спиной так же бесшумно встала на место, как только они отошли от нее на шаг. Впереди темнел на фоне неба силуэт замковой церкви святой Хилари, и кое-где на стеклах его темных окон вспыхивали отражения дальних звезд. Келсон, ни чуть не скрываясь, зашагал через двор, увлекая за собой Нигеля. Лишь когда они быстро поднялись по лестнице, ведшей к западному входу, Нигель понял, почему у них не было нужды таиться.

— Все в порядке, сир,— произнес вышедший из-за колонны лорд Дерри, небрежно салютуя королю.— Остальные уже внутри.

Келсон кивнул.

— Ты поставил во дворе надежных стражей?

— Это пограничники лорда Дугала, сир,— улыбка Дерри сверкнула во тьме.— Они получили очень точные приказы.

— Спасибо. Не сомневаюсь, что это так.

Без дальнейших церемоний король увлек Нигеля через боковую дверь в притвор.

В соборе святой Хилари мало что изменилось с тех пор, как Келсон был здесь в ночь перед своей коронацией,— тогда он был ведомым, и сопровождал его Морган. Впрочем, сейчас здесь было чуть светлее. По обе стороны высокого алтаря, красовавшегося в центральном нефе, у малых боковых алтарей Благословенной Девы и покровительницы собора святой Хилари пылали ряды поставленных по обету свечей, бросавших сапфировые и альяе отблески. В главном же святилище над дарохранительницей ровно горела лампада. Ничто не шевелилось вокруг, 368 лишь беспокойные огоньки танцевали над свечами,— но

Келсона вдруг волной окатило некое предчувствие... и он неожиданно понял, что это не только его ощущение, но и Нигеля тоже.

Пора было привести все в равновесие и закрепить его. Дальнейшее промедление лишь создало бы дополнительные трудности для них обоих.

— Задержимся на минутку, помолимся, а потом присоединимся к остальным,— мягко сказал Келсон, ведя Нигеля в боковой придел, к передней скамье, где они с дядей преклонили колени.

Когда Келсон закончил молитву и сосредоточился для встречи с ожидающими их, он снял тот мысленный поводок, на котором удерживал разум Нигеля. Нигель, подняв голову, посмотрел на него и едва заметно вздрогнул.

— Я хочу оставить тебя на несколько минут, чтобы ты мог немножко подумать наедине с собой,— сказал Келсон.— Когда будешь готов, иди в кабинет Дункана. Мы почувствуем, когда ты подойдешь к двери.

Нигель тяжело слглотнул и с трудом улыбнулся.

— Ты не боишься, что я уйду?

Келсон качнул головой.

— Ты уверен, что я приду?

— Совершенно уверен.

Глава четвертая

...верный и благоразумный домоправитель, которого господин поста- вил над слугами своими¹

Когда за Келсоном закрылась дверь, Нигель испустил долгий вздох и откинулся назад, опервшись спиной о край стоявшей позади него скамьи. Через несколько минут он тоже должен войти туда.

А он-то надеялся, что ему никогда не придется столкнуться с тем, чего теперь требовали от него,— не потому, что боялся утратить собственную безопасность и спокойную жизнь, а из-за того, что могла повлечь за собой сегодняшняя ночь. Принять на себя потенциал древней силы Халдейнов означало с куда большей определенностью, чем до сих пор, что он может в один день стать королем. Именно это и пугало его.

Ведь он никогда не искал короны, и даже не предавался праздным мечтам о ней. До смерти Бриона он жил своей жизнью в окружении горячо любимых сыновей — рядом с короной, в бесконечной преданности ей,— но при этом в полной уверенности, что сам он никогда не возложит ее на свою голову, хотя он и был братом короля. Это было наследство для его племянника, и только для него; и Нигель был этим вполне доволен.

А теперь, случись Келсону погибнуть, не оставив собственных наследников, корона *непременно* перейдет к Нигелю и *его* детям. Об этой ужасной возможности Нигель знал с момента смерти Бриона — и иной раз горячо молился о том, чтобы такого никогда не случилось. Но если подобное все же произойдет, Нигело следовало быть готовым к тому, чтобы принять на себя королевские обязанности; готовым к тому, чтобы пожертвовать своими желаниями ради блага страны. Он не чувствовал себя

¹Лука 12:42

достойным, но он должен был подготовиться к встрече с испытанием, если такое произойдет. И эта ночь была первым шагом к готовности.

Все еще неохотно, но уже смирившись в душе, он встал и осторожно подошел к большому алтарю; он поднял голову и посмотрел на Иисуса, взиравшего вниз, на него,— и преклонил колена на алтарных ступенях. Он не слишком часто ощущал потребность внешне выражать свои религиозные чувства. Как и Брион, он предпочитал выражать свою веру через правильную жизнь, а не тратить время на поклоны в здании, служившем местом молитв для многих простых людей. Однако в эту ночь ему было необходимо выразить свои чувства внешне.

Он неловко склонил голову и обратился к Помазаннику Божию, моля укрепить его дух, случись ему однажды вступить на престол королей Гвиннеда, и в то же время прося, чтобы с ним никогда такого не произошло. Он просил даровать ему храбрость при встрече с тем, что неминуемо — и, если можно, вообще избавить его от тяжкой ноши королевской власти.

Он предпочел бы служить своему королю, как прежде, но он заранее соглашался на все, чего потребует от него божья воля.

Когда Нигель наконец встал, чтобы направиться к тем, кто ждал его, шаг принца был уже куда более уверенным, а мысли прояснились.

Пройдя в ту дверь, за которой скрылся Нигель, он не услышал ни звука. За дверью лежал короткий коридор, и когда Нигель сделал шаг вперед, открылась другая дверь, впереди, слева. Дункан молча наклонил голову, приглашая принца войти, и отступил в сторону, давая ему дорогу. Дункан был в епископском пурпуре, и потому казался немного чужим.

Комната, в которую вошел Нигель, была ему совсем незнакома; она была большой, но ее освещали только низкий камин справа от двери и единственная свеча на столе перед камином. На столе лежало оружие: несколько кинжалов, узкий стилет, который, как подумалось Нигелю, он видел несколько раз в руке Моргана, и меч в ножнах, украшенных дымчатыми топазами,— он определенно принадлежал Моргану. Рядом со столом стоял Дугал, и его собственный меч в ножнах лежал на его согнутой руке, а перевязь болталась свободно. Но Нигель не увидел ни Келсона, ни кого-либо еще из тех, кого он ожидал встретить здесь.

— Давай-ка твой плащ,— сказал Дункан, снимая с плеч Нигеля не застегнутую накидку.— И еще я попрошу тебя оставить здесь все твое оружие. Все остальные в маленькой ча-

совне, за той дверью,— кивком головы указывая направление,— но только мечу Келсона дозволено быть внутри.

Он положил плащ принца на стул, где уже лежало еще несколько подобных одеяний, и Нигель начал послушно отстегивать свой белый оружейный пояс. Дункан аккуратно свернул ремень вокруг ножен и положил меч принца на стол, в то время как Нигель доставал заткнутый за спиной кинжал и стилет, скрывавшийся в высоком башмаке.

— Больше ничего? — с легкой улыбкой спросил Дункан.— Вы с Алариом оба любите острые предметы. Между прочим, я бы предложил тебе снять лишнюю одежду; все остальные именно так и сделали. Там будет тесновато, слишком много людей.

Нигель одобрительно фыркнул, принимая попытку Дункана поднять его настроение, и снял металлические набедренники, отстегнул тяжелый воротник, положенный принцу, а потом начал расстегивать длинную тунику винного цвета, со сложным орнаментом из бегущих львов на кромке внизу и на манжетах. Тут он заметил, что Дугал уже остался в рубашке, клетчатых шотландских штанах и сапогах, в то время как Дункан лишь расстегнул воротник и слегка распустил пояс.

— Что-то мне кажется, что там будет не просто «тесновато», — сказал он.— Я-то думал, что вы, Дерини, все умеете.

— Мы умеем,— согласился Дункан.— Но лишние вещи поглощают энергию, которая нам сегодня понадобится для других целей. Кроме того, *ты* не Дерини.

— Я это учту. А вы не могли выбрать другую часовню?

— Не для сегодняшнего дела,— последовал ответ.— Мы действуем под защитой святого Камбера. Полагаю, тебя это не удивляет?

— Удивляет? Нет. Не могу сказать, что это меня утешило, но удивило? Нет.

Он знал, что говорит так много лишь потому, что пытается скрыть свою нервозность, и что Дункан знает это. Он нетерпеливо расстегнул еще три пуговицы — достаточно для того, чтобы сбросить через ноги,— и перешагнул через винно-красную шерстяную ткань, упавшую на пол. Если там и вправду будет слишком тепло, как говорил Дункан, она ему только помешает. Под туникой на нем была тонкая льняная рубашка с длинными рукавами, обтягивающие бриджи из бургундской шерсти, и на ногах — высокие сапоги. Он снял с шеи кружевной воротник и наклонился, чтобы поднять тунику,— чтобы успокоиться, он потратил немножко времени на аккуратное складывание одеж-

наконец снова посмотрел на Дунканна, понимая, что больше тянуть не следует.

— Думаю, я готов,— сказал он.

Дункан опустил глаза, явно понимая чувства Нигеля.

— Можно задержаться еще на минутку-другую, если хочешь.— Он посмотрел направо, где у входа в часовню стоял Дугал.— Там в углу скамейка для молитвы. Если хочешь...

В темном углу Нигель лишь теперь заметил две небольшие красные свечи, горевшие перед маленьким костяным распятием, и чью-то фигуру, преклонившую колена... но покачал головой.

— Я готов, Дункан,— негромко сказал он.— Ты же знаешь, я никогда не увлекался внешними обрядами.

— Тогда идем,— с улыбкой сказал Дункан, беря Нигеля за локоть и ведя к двери, охраняемой Дугалом.— Как тебе известно, ты должен пройти сегодня через некую церемонию, но мы постараемся, чтобы ты понял как можно больше. Могло быть и хуже.

— Могло?..

— Конечно. Ты взрослый, ты идешь на это по своей воле, твое сознание способно сотрудничать с нами. Если бы ты был ребенком, от тебя ничего бы не зависело.

Нигель хмыкнул, думая, что это дело вряд ли *хоть когда-то* зависело от него... потом вдруг он осознал, что однажды Конал, или Рори, или Пэйн могут столкнуться с тем самым тяжким испытанием, которое ждет сейчас его.

От этой мысли его пробрало холодом... ведь это *сыну Келсона* следовало в эту минуту шагать к двери часовни рядом с Дунканом; не ему, не его сыновьям,— сыну Келсона... однако это были лишь пустые размышления. Пути назад все равно уже не существовало.

Нигелю пришлось слегка наклониться, когда он вслед за Дунканом проходил сквозь занавески, которые Дугал отвел в сторону. Помещение за дверью оказалось плохо освещенным и маленьким — в половину той комнаты, которую они только что покинули,— и уже переполненная людьми. Арилан и Морган стояли у стен слева и справа, Риченда, в белом, справа от двери у стены,— но внимание Нигеля мгновенно привлек Келсон.

Его племянник... нет, *король* — король стоял спиной к нему точно в центре комнаты, откинув назад черноволосую голову и свободно опустив руки. Он был в этот момент не просто человеком или Дерини, на его плечах лежало священное бремя королевской власти, такое же явно видимое и ощущимое, как мантия, надетая им в день коронации... хотя он, как и Морган и сам Нигель, снял все лишнее, оставшись в рубашке, брид-

жах и ботинках, и при нем не было ни оружия, ни других видимых атрибутов его ранга.

Король, похоже, смотрел на покрытое густой резьбой деревянное распятие, висевшее над алтарем, расположенным у восточной стены — или, может быть, его взор был устремлен на саму стену,— на ней было изображено ночное небо, усеянное сверкающими золотыми звездами,— в них отражался свет шести желтых, медового оттенка свечей. Звезды мерцали в волнах горячего воздуха, поднимавшегося от свечей, воздух наполнял аромат благовоний...

— Встань рядом со мной, дядя,— мягко сказал Келсон, слегка поворачиваясь и протягивая принцу правую руку.

Нигель повиновался без колебаний, взял короля за руку и встал рядом с ним. Дункан прошел с другой стороны от Келсона и приблизился к алтарю,— ему пришлось сделать всего несколько шагов, так мала была часовня,— и тогда Нигель осторожно посмотрел на Моргана, стоявшего у южной стены, прижавшись к ней спиной и сложив руки на груди,— он был так близко, что до него почти что можно было дотянуться. Их взгляды встретились, и Морган слегка наклонил голову, что можно было понять как ободрение,— а затем подчеркнуто перевел глаза на алтарь; Арилан уже присоединился к Дункану, готовя кадило. Нигель тоже стал смотреть туда.

Сначала предстояло оградить часовню, Нигель знал это. Он даже знал немного о самой процедуре наложения защиты. Когда-то давно он видел, как Морган создавал защитный круг,— он помогал Бриону собрать воедино все силы Халдейнов перед битвой у Марлука. Нигелю тогда было девятнадцать, Бриону двадцать пять, а Моргану еще не исполнилось четырнадцати.

Много лет спустя он снова столкнулся с этим — в шатре возле Ллиндрут Медоуз, в ночь перед последней схваткой между Келсоном и Венцитом Торентским. Но тогда он видел лишь самое начало процедуры; в ту ночь он узнал, что Арилан — Дери-ни. Он мало что запомнил, только черные и белые кубики и руку Арилана, коснувшуюся его лба... и глаза Келсона, смотревшие, казалось, прямо ему в душу.

С тех пор он научился не бояться и не сопротивляться подобным мысленным прикосновениям. Что-то похожее должно было произойти и этой ночью, но он постарался выбросить из головы все лишнее и сосредоточился на двух епископах. Арилан уже начинал: он кадил ладаном на алтарь и на восток, затем повернулся к пространству между Нигелем и Морганом.

Сначала они будут создавать тройной круг. Когда они

великим архангелам, охраняющим четыре стороны света и управляющим элементами. Дункан уже окропил святой водой Восток и готовился последовать за Ариланом во второй круг. Морган должен очертить третий круг мечом...

Нигель всегда особо выделял юг — первую из четвертей, которой следовало отдавать честь после востока... сейчас Морган ждал, пока Арилан совершил поклон — ведь юг был пространством святого Михаила, которого Нигель знал как покровителя воинов задолго до того, как понял, что Михаил также является Князем Небес в более глубоком, эзотерическом смысле.

Именно к святому Михаилу Нигель обращался с горячей мольбой много лет назад, перед тем, как его брат должен был посвятить его в рыцари. Кто знает, возможно, и его сыну предстоит такое же.

На несколько мгновений уйдя в свои мысли, Нигель не заметил, как Морган направился с юга к алтарю,— просто Морган вдруг очутился уже на другом месте и доставал из ножен меч Келсона — меч Бриона, меч его отца! Нигель, как зачарованный, следил, как Морган взмахнул мечом, отдавая почтительный салют востоку, и огоньки свечей отразились в полированной стали, и меч словно обрел собственную жизнь... напомнив о другом Моргане, другом Нигеле, о живом Брионе... затем Морган опустил лезвие меча до уровня глаз и медленно двинулся следом за Ариланом и Дунканом.

Морган шел, и с конца лезвия струился свет, оставляя вдоль стены за алтарем ленту бело-голубого сияния шириной в ладонь. Она плыла в воздухе сама по себе, и в юго-восточном углу комнаты, там, где меч чуть задержался, она мягко изогнулась, сверкнув голубым и белым, и повернула к югу.

Нигель следил, как Морган продвигался к западу, пока тот не оказался почти за его спиной, и нужно было повернуться всем телом, чтобы увидеть его,— и мельком заметил, как шагнула вперед Риченда, отдаляясь от западной стены, так что Морган прошел между стеной и женщиной. В часовне становилось все жарче, как и предупреждал Дункан, но Нигелю казалось, что он ощущает холод, струящийся от ленты света. По его телу пробежал легкий озноб, несмотря на то, что от жары по его спине тек пот, из-за которого рубашка уже прилипла к коже.

У алтаря круг завершился, Арилан и Дункан поставили кадило и кропило на алтарь и, повернувшись, очутились прямо перед Келсоном и Нигелем,— а Морган тем временем продолжал двигаться к северу, и замкнул свой круг на востоке. Лента света прилипла к стенам, как нечто вещественное, и слегка пульсировала.

Снова отсалютовав, Морган положил меч на алтарь, рядом с ножнами, и встал рядом с Нигелем; Риченда очутилась справа от него. Нигель вдруг подумал о том, как может выглядеть круг в глазах Дугала, оставшегося снаружи, в дверях часовни... и висит ли лента света поперек дверного проема?..

— Мы вышли за пределы времени, и место это — не земля,— тихо сказал Арилан.— Как повелели наши предки, мы соединились и стали Одним.

— Аминь,— откликнулись остальные.

Нигель спиной почувствовал легкое движение воздуха, вско-
ыхнутое рукавом, и ощутил тень руки Риченды между собой
и Келсоном.

— Перед нами... *Ра-фа-и...—* пропела Риченда, странно под-
черкивая слоги имени и задержавшись на последней ноте.

Когда эта нота затихла, Нигель почувствовал движение руки Риченды и увидел черный круг, появившийся на ленте света над алтарем. Он судорожно вздохнул,— но остальные, похоже, были спокойны.

— Господь исцеляет,— произнесла Риченда обычным тоном.

— Господь исцеляет,— повторили остальные.

Смущенный Нигель позволил повернуть себя лицом к югу.
Теперь рядом с ним стоял Морган, а позади Моргана — Ричен-
да. Снова она протянула вперед руку.

— Перед нами... *Ми-ха-и...—*

И снова протянулся последний звук, и рука Риченды двига-
лась, пока нота не умолкла,— только на этот раз на ленте света
возник красный пылающий треугольник, пульсирующий, слов-
но сердце.

— Он подобен Творцу,— сказала Риченда.

— Он подобен Творцу,— повторили остальные.

И они повернулись еще раз, теперь лицом на запад. За дверью, поперек которой *действительно* висела лента света, Нигель увидел Дугала, серьезного и торжественного.

— Перед нами... *Гав-ри-и...—*

На ленте вспыхнул белый крест запада.

— Господь — моя сила,— произнесла Риченда.

— Господь — моя сила,— повторил Нигель вместе с остальны-
ми. Он внезапно осознал, что произносимые ими фразы — это
перевод имен архангелов, а символы, несомненно, связаны с
восточным происхождением Риченды.

На север...

— Перед нами... *У-ри-и...—*

Золотой квадрат.

376   — Пламя Господне.

— Пламя Господне,— прозвучали голоса.

Нигель было снова повернуться на восток, но Морган подтолкнул его, чтобы принц сделал шаг назад. Келсон также шагнул, не поворачиваясь,— так, что теперь они смотрели на самый центр. Риченда, держа руки ладонями вверх на уровне талии, закрыла глаза.

— Наш центр и наша основа есть Дух... то, что длится вечно.

Она чуть развела руки в стороны и повернула их ладонями друг к другу,— и тут же в воздухе между ними вспыхнула пятиконечная звезда, обведенная фиолетовым светом. Риченда развернула руки шире, и звезда поплыла к полу, и замерцала над камнями, а Риченда откинула назад голову и воздела руки к небу.

— Над нами — вращающийся крест — определяющий и объединяющий, единство всего, содержащегося в Одном.

И символ возник, и зеленый огонь повис над их головами. Риченда широко развернула руки и так замерла, закрыв глаза. Но заговорил на этот раз Арилан.

— Теперь мы встретились. Теперь мы Единое в Свете. Уважая пути древних, мы не вступим на ту же тропу. *Augeatur in nobis, quaesumus, Domine, tuncae virtutis operatio...* Позволь Твоей силе взрасти в нас, о Владыка...

— Да будет так. Аминь,— откликнулась Риченда.

Когда она опустила руки, сложила вместе ладони и спрятала в них лицо, словно молясь, лента света вокруг комнаты стала стремительно расширяться, растягиваясь вверх и вниз, пока ее края не соприкоснулись с символами у них над головой и под их ногами. Затем все шесть символов растаяли. Исподтишка глянув на дверь, Нигель увидел за ней лишь расплывчатую тень,— рассмотреть Дугала было невозможно.

— *Lumen Christi gloriose resurgentis sissipet tenebras cordis et mentis*,— начал ровно начитывать Келсон, осеняя себя крестом, и все повторили его жест. Пусть свет Христа восстанет во славе и рассеет тьму наших сердец и умов...

Это движение словно бы вывело их из предыдущего оцепенения. Неожиданно Келсон улыбнулся Нигелю, Арилан и Риченда чуть отступили назад, встав у северной и западной стен. Морган коснулся локтя принца.

— Ну, это сделано,— мягко сказал Келсон.— Защита поставлена, отчасти в соответствии с той традицией, в которой росла Риченда. Если не считать мавританских деталей, примешавшихся сюда за многие годы, мне это кажется близким к тому, что мог использовать сам Камбер. Хотя, конечно, мы не можем знать наверняка.— Он посмотрел на Моргана, на Дункана, направившегося к алтарю, и снова на Нигеля: — Ты готов?

Нигель лишь кивнул, боясь открыть рот.

— Тогда продолжим. Идем со мной.

Три ступени привели их к алтарю. Там лежал открытый малый хирургический набор Дункана. Дункан что-то делал с комком хлопковой ваты и маленькой фляжкой. Морган помог Нигелю опуститься на колени, а Келсон протянул руку к своему правому уху и снял серьгу с большим рубином. Только теперь Нигель заметил на руке Келсона Кольцо Огня, гранатовую печать силы Бриона,— в центре перстня располагался большой ка-бошон, который окружала дюжина меньших камней с бриллиантовой огранкой; грани дробили холодный свет защитного круга, окрашивая его в алый цвет. Нигель не видел этого перстня со дня коронации Келсона.

— Насколько нам известно, Глаз Цыгана всегда играл какую-то роль в передаче потенциалов Халдейнов наследникам рода,— сказал Келсон, протягивая серьгу Дункану для стерилизации.— Эта серьга и кольцо, похоже,— важные и постоянные элементы в ритуале силы всех королей Халдайна. Поскольку ты не мой наследник в обычном смысле, кольцо сегодня ночью будет использовано не в полной мере, поскольку обычно оно запечатывает ритуал после смерти предыдущего короля,— но я хочу, чтобы ты надел Глаз. И обе вещи вернутся на свое место и останутся в безопасности, здесь, в Ремуте, когда я отправлюсь в Меару,— на тот случай, если они тебе понадобятся.

Нигель тяжело слглотнул и с трудом кивнул, едва заметно наклонив голову,— его глаза не отрывались от драгоценности, которая вернулась к Келсону, а Дункан подошел к нему с комком белой ваты. И пока Морган крепко держал сзади его голову, а Дункан прокалывал мочку его уха чем-то холодным и острым (что было даже приятно при такой жаре), Нигель утешал себя мыслью о необходимости всего этого. Он не почувствовал никакой боли, и подумал, что Морган, пожалуй, мог как-то повлиять на его ощущения. Заинтересованный, несмотря на все опасения, он наблюдал за тем, как Келсон снял Кольцо Огня и на долю секунды поднес к его уху, коснулся, пометив кольцо кровью Нигеля... а потом положил перстень на алтарь. Потом он взял Глаз Цыгана и тоже приблизил к уху Нигеля — но на этот раз рука короля вернулась пустой.

Нигель почувствовал щиплющую боль, когда Дункан прошел серьгу в его ухо, боль от того, что камень оттянул его ухо,— но тут Дункан что-то сделал, и все исчезло. Когда епископ отошел, а Морган отпустил его, Нигель осторожно дотронулся до уха пальцем. Он с удивлением понял, что не только боли, но и никаких неприятных ощущений не испытывает.

— Все уже зажило,— пробормотал Морган, помогая принцу встать.

Почему-то это совсем не удивило Нигеля. Не удивил его и лежавший на алтаре пергамент, на котором были начертаны все его имена.

— Мне говорили, что у Дерини было в обычай давать детям особые Имена посредством небольшого магического ритуала,— негромко сказал Келсон, прикасаясь правой рукой к острию меча, в то время как Дункан придерживал эфес.— Мать ребенка, как правило, совершала этот ритуал, когда малышу было от четырех до восьми лет, в зависимости от степени зрелости ребенка. Этот ритуал не только подтверждал принадлежность малыша к роду Дерини, но и был первым официальным ритуалом, через который проходили все юные Дерини.

Он на мгновение заглянул в глаза Нигеля и коротко, чуть нервно усмехнулся.

— Боюсь, я не слишком похож на твою мать, а тебе немножко больше восьми лет. Но все равно это будет твоим *первым* настоящим ритуалом. И он обеспечит должные рамки последовательных перемен... пусть только в настоящий момент. Ну, ты догадываешься, что понадобится капля крови.

При этих словах он опустил голову. Нигель вдруг понял, что Келсон точно так же волнуется из-за процедуры, как и он сам. Келсон, держа конец меча над пергаментом, крепко ухватился за него тремя пальцами правой руки и прижал к острию безымянный палец левой — и из глубокого пореза хлынула кровь. Губы короля крепко сжались — от боли или от каких-то иных чувств, Нигель не мог бы сказать,— однако он не издал ни звука. Потом он размазал кровь по пергаменту, под именами Нигеля. Зажав порезанный палец в ладони, Келсон уступил место Нигелю.

— Теперь ты,— сказал он.

Сам по себе меч не пугал Нигеля; он был солдатом, он получал раны и посеревшее той, что ожидала его в эту минуту. Взявши за меч так же, как это делал Келсон, он быстро провел пальцем по острой стали, и ощущение ожога помогло ему избежать мысли о том, что последует затем. Когда он нанес кровавое пятно на пергамент рядом с кровью Келсона, король на мгновение крепко прижал свою рану к ране принца, объединяя тем самым две линии наследственности.

— Этим смешением крови я подтверждаю, что ты — Халдейн: Нигель Клуим Гвидеон Райс, сын короля Донала Блэйна Эйдана Синхила и единственный брат короля Бриона Синхила Уриена, бывшего моим отцом и королем до меня.

После этого появилась чаша, чтобы смыть кровь с их рук, льняные полотенца, а потом рука Моргана ненадолго легла на рану Нигеля, в то время как Дункан занимался Келсоном. Когда Морган отпустил его руку, Нигель увидел, что порез исчез, словно его и не было. Пока принц в слабом свете рассматривал свой палец, Дункан насухо протер льняным полотенцем меч и передал его Моргану. Морган тут же повернул меч острием вниз и встал рядом с Нигелем, уперев меч в пол и свободно опустив руки на поперечины его рукоятки. Нигель слышал, как Келсон коротко вздохнула, когда Дункан придинул к себе кадило, из которого все еще тянулась тонкая струйка благовонного дыма, и, открыв его, вынул изнутри ковчежец с тлеющими угольками.

— Будь благословен Им, в чью честь ты возжен,— пробормотал Дункан, чертя крест в воздухе над ковчежцем, прежде чем прятнуть его Келсону.

Келсон склонился над дымком, сложив перед собой руки, как в молитве, потом взял ложку и осторожно высыпал в ковчежец еще несколько зернышек благовоний.

— Пусть этот благословенный дым донесет мою молитву до Тебя, о Повелитель.

В часовне было так тихо, что Нигель слышал, как тихо зашипела смола, плаваясь. Когда сладкий дымок спиралью потянулся вверх, Келсон взял пергамент и сложил его вчетверо, затем поднес к светящимся уголькам.

— Пусть это подношение, благословенное Тобой, вознесется к Тебе, о Повелитель,— произнес он, кладя пергамент на угли; тот загорелся.— И пусть Твое милосердие снизойдет на Твоих слуг, нынешних и будущих.

Удостоверясь, что пергамент горит хорошо, Келсон снова повернулся к Нигелю. Арилан подошел к ним, когда они дочитывали молитву, и взял с алтаря стеклянный флакон размером с палец и маленькую костяную лопаточку.

— Епископ Арилан поможет тебе в последней части ритуала,— сказал Келсон, а Дункан подтянул правый рукав Нигеля, обнажив его руку до локтя. Арилан отвинтил крышку флакона.— Это средство иногда использовалась на ранних стадиях официальной подготовки Дерини, чтобы усилить психический отзыв. Оно заодно немножко успокаивает.

Арилан молча отложил в сторону крышку и лопаточкой достал из флакона крохотную каплю густой мази сливочного цвета. Он размазал вещество по внутренней стороне запястья Нигеля, и Дункан тут же наложил на это место аккуратную

— Мазь будет постепенно впитываться в кожу,— пояснил Дункан.— Когда мы тут все закончим, мы смоем остатки, и ее действие быстро прекратится. Так ее легче контролировать, чем если бы ты проглотил порцию.

Нигель прижал перевязанную руку к груди и другой рукой нервно потрогал льняную полоску. Он вдруг начал сильно постеть, но была ли тому причиной мазь, он не знал.

— Немножко пощипывает,— сказал он.— Добрый Иисус, да она греет!

— Она уже начинает действовать,— сказал Арилан, протягивая Нигелю полотенце и всматриваясь в принца.— Как у тебя со зрением?

Нигель отвел от лица полотенце и несколько раз моргнул, чувствуя себя слегка одурманенным, потом ненадолго закрыл глаза — и снова открыл.

— Что-то не очень,— прошептал он.— Немножко... голова кружится.

— Посмотри-ка на меня! — приказал Арилан.

Нигель повиновался, но при этом покачнулся, и Дункан с Морганом поддержали его с двух сторон.

— Зрачки расширены,— услышал он голос Келсона.

— Да... усадите его, пока он не упал,— последовали за этим слова Арилана.

Нигеля не нужно было уговаривать, он готов был хлопнуться на четвереньки. Его усадили на пол. Ему казалось, что его руки и ноги лишились костей. Каменный пол был холодным и гладким, и ему захотелось лечь и прижаться к нему лбом, но Морган опустился рядом с принцем на колени и поддерживал его, не давая упасть.

Нигель не видел ничего дальше собственных ног. Руки безвольно болтались вдоль боков, но по крайней мере зад ощущал холод камня, и это немного помогало,— потому что все его тело теперь пылало жаром. То, что спиной он ощущал тепло тела Моргана, казалось почти невыносимым, но потом между ними проскользнуло лезвие меча, холодное, как лед, остудив его позвоночник. Когда он с трудом повернул голову, чтобы посмотреть, что делает Дункан, то краем глаза заметил рукоятку меча позади, над собой.

Дункан, вставший на колени справа от Нигеля, держал кадило. Келсон тоже стоял на коленях, но он казался Нигелю темным гигантом, пугающим и суровым. Медленно, очень медленно Келсон потянулся к кадилу, чтобы двумя пальцами взять щепотку пепла, а его свободная рука, коснувшаяся плеча Нигеля, казалось, обожгла принца.

— Нигель Клуим Гвидион Райс,— выдохнул Келсон, касаясь измазанным в пепле пальцем лба Нигеля между бровями и рисуя на нем крест.— Я ставлю на тебя печать дома Халдейнов и утверждаю тебя наследником до тех пор, пока я не произведу потомство от моего собственного тела.

Нигель задрожал от этого прикосновения, глаза его наполнились слезами,— а Келсон снова потянулся к кадилу, чтобы взять еще одну щепотку пепла. Его левая рука легла на щеку принца, вынуждая Нигеля открыть рот,— и принц не мог сопротивляться.

— Вкуси пепел нашей общей сожженной крови,— продолжал Келсон, кладя несколько пылинок пепла на язык Нигеля.— Силою крови ты посвящен в наследие Халдейнов. Если придется, будь Халдайном. И позволь силе возлечь на тебя.

Пепел был горьким — горьким, как та чаша, которую Нигель надеялся никогда не испить,— и когда королевская рука приближалась к голове принца, того вдруг охватил первобытный страх перед скрывавшейся в этой руке силой. На какое-то мгновение ему показалось, что король зловеще светится — он был властителем всех сил универсума, а не просто королем и лордом земли его отцов... и Нигель испугался, что когда Келсон прикоснется к нему, он умрет.

Но у него не было ни сил, ни желания сопротивляться; уж эту-то горькую чашу точно следовало выпить до дна... и капли горечи уже растекались по его языку. Когда же королевские руки охватили его голову, а большие пальцы Келсона слегка прижались к его вискам,— Нигель закрыл глаза, лишь слегка содрогнувшись в последней слабой попытке избежать грядущего. Руки были горячими, они жгли его кожу, заставляя страх в его душе вскипать и переливаться через край, и мозг его, казалось, вот-вот взорвется...

Но он не взорвался. По крайней мере, в тот момент. Огонь внутри пылал по-прежнему, но теперь внутри него начало нарастать какое-то новое давление, словно могучий и безжалостный ветер выдувал остатки его воли, колотясь внутри в ритме, который Нигель с трудом осознал как ритм биения собственного сердца.

А потом ветер превратился в ураган, разрывая изнутри его ум и тело, и это было так ужасно, что он был уверен: его плоть вот-вот отделятся от костей.

А потом огонь погасило водой, и вода понесла его прочь, вон из его собственного тела, а потом он вдруг упал на каменистый берег и, кажется, лежал там и бессмысленно смотрел

...до тех пор, пока из тумана не выглянуло лицо: доброе, со-
страдательное лицо, обрамленное золотыми с серебром волоса-
ми... глаза походили на окна в тумане, они звали, притягивали к
себе, и чья-то рука мягко коснулась его лба...

И от этого прикосновения Нигель камнем провалился в ни-
что.

Глава пятая

**Он даст совет и знание,
и в своих тайнах
будет размышлять¹**

15идение Нигеля ошеломило Келсона, но он сумел скрыть и свое потрясение, и сам тот факт, что он проник в картину, скрытую от других,— это было необходимо для сохранения равновесия в ритуале. Келсон подозревал, что Морган и Дункан тоже могли кое-что заметить, будучи частью коренной цепи, но если это и было так, они продолжали действовать, ничем этого не показав. Некое инстинктивное чувство предупредило Келсона, что Арилану знать об этом не следует, так что Келсон заставил себя убрать из сознания данный факт, чтобы завершить начатое. Поскольку Нигель был лишен мысли и полностью открылся перед его волей, это было делом нескольких минут,— закончить подключение Моргана и Дункана, затем ввести в цепь Арилана и Риченду,— чтобы они могли привести в действие потенциалы Халдейнов, заложенные в Нигеле,— на случай преждевременной смерти Келсона.

Процедура требовала большой энергии, но, несмотря на жару и тесноту, Келсон даже не устал по-настоящему к моменту завершения процесса. Он оставил Моргана наблюдать за состоянием Нигеля, а сам отошел в сторону и молча наблюдал, как Дункан и Арилан разбинтовывают руку Нигеля и осторожно смывают остатки мази Арилана. Он надеялся, что Арилан воспримет его молчание как результат душевного утомления, которое часто наступало после работы с силой,— но ни память об увиденном, ни нежелание делиться этим с Ариланом его не покинули.

---

¹Экклезиаст 39:7

Но Арилан, похоже, ничего не заметил. Как только они с Дунканом закончили, Келсон тяжело опустился на колени рядом со все еще не опомнившимся Нигелем и подозывал остальных, чтобы они встали в тесный круг. Если Арилан воспринял это как свидетельство усталости, тем лучше, поскольку могло избавить Келсона от расспросов в дальнейшем; а в данный момент ритуал слишком занимал Арилана, чтобы обращать внимание на что-либо еще.

Келсон постарался привести свой ум в спокойное зеркальное состояние на то время, которое требовалось Арилану и остальным, чтобы должным образом завершить ритуал, но едва последний отблеск защиты угас, тут же принял гнать всех прочь. Впрочем, он не думал, что кому-то захочется задерживаться в часовне без надобности, поскольку несколько часов работы в таком малом пространстве довели температуру до почти нестерпимой,— но ему уж очень не хотелось оставаться наедине с Ариланом. Часовня святого Камбера была не тем местом, где можно было пытаться скрыть видение этого святого от высшего адепта вроде Арилана.

Думая об этом, он предложил Арилану и Риченде не ждать его, а сам остался лишь для того, чтобы помочь Моргану и Дункану поставить Нигеля на ноги. Когда они наполовину повели, наполовину потащили Нигеля в кабинет, он медленно пошел следом за ними, мимоходом улыбнувшись Дугалу и чуть коснувшись его плеча.

Арилан ждал его в кабинете; Риченда, вместе с Морганом, Дунканом и Нигелем устроились в креслах перед камином. К счастью для Келсона, когда он вошел в относительно холодный кабинет, он тут же чихнул,— Арилан еще и рта открыть не успел. Дугал поспешил набросить на плечи короля плащ и потребовал, чтобы тот сел рядом с другими, поближе к огню,— Дугал не только стремился устроить Келсона как можно удобнее, но и, похоже, был немного встревожен его состоянием. Благодарный Келсон не преминул воспользоваться ситуацией, и разыграл цепое представление, закутываясь в плащ и вытирая вспотевшее лицо рукавом рубахи. К тому моменту, когда он уселся в кресло рядом с Нигелем, ему уже не нужно было прикидываться дрожащим от озноба.

— Ты в порядке? — спросил Морган, на минутку отвлекаясь от Нигеля и кладя ладонь на лоб Келсона.

Келсон кивнул и спросил, указывая взглядом на принца:

— Как он?

— Очнется через несколько минут,— ответил Дункан, осторожно приподнимая веко Нигеля и заглядывая в его

глаз.— Мазь почти уже не действует. Но ему будет здорово хотеться спать.

Арилан скривился и отыскал свой пояс в груде одежды, сваленной на стул. Пока он подвязывался, его лицо окончательно помрачнело.

— Тебя это удивляет? — пробормотал он.— Что бы он ни испытывал, это средство оградило его, как стена. Полагаю, никто из вас не сможет сказать мне, что происходило за ней?

Келсон уклончиво пожал плечами.

— Мы делали то, что должны были делать.— Он снова посмотрел на своего дядю.— Но честно говоря, я бы удивился, если бы это *не закрыло* его как стена, поскольку ты все сделал надлежащим образом. Полагаю, вряд ли кто-то мог бы одобрить полное соприкосновение, если сам через это не проходит, как прохожу я. Можешь сказать об этом Совету, если хочешь. Ведь ты именно *это собираешься* сделать, не так ли?

Губы Арилана раздраженно изогнулись, хотя он и попытался сделать вид, что это просто гримаса разочарования. Пристегивая воротник к сутане, он сказал:

— Обвинения ни к чему, сын мой. Мы не можем говорить об этом прямо, но ты наверняка понимаешь, что я обязан отчитаться о твоих действиях.

— Если я заметил лишнее — извини,— ответил Келсон. Он благодарно кивнул Риченде, протянувшей ему кубок светлого вина.— Ты и сам знаешь, что они уже больше двух лет пребывают в сомнении, пытаясь решить, кто я — рыба или птица, и именно мой статус в данном случае под вопросом, хотя Аларик и Дункан, должно быть, определены в разряд насекомых. И бог весть, что они думают о Дугале!

Поскольку при этом он взмахнул кубком в сторону своего молочного брата, который пытался превратиться в невидимку до того, как обмен любезностями между королем и епископом достигнет полного накала, Арилан посмотрел на Дугала, сухо улыбнулся и взял со стула свой плащ.

— Если мы будем продолжать в том же духе, мы поссоримся. Но ты утомлен, и у меня перед тобой явное преимущество.— Он набросил плащ на плечи и, завязывая ленты у горла, задумчиво обвел взглядом комнату.

— Да, Дункан, насколько я помню, здесь где-то есть коридор, ведущий к Порталу. Я хотел бы воспользоваться им, если можно. Да, сир, я *собираюсь* сейчас пойти в Совет, но уверяю вас, я буду предельно объективным в своем отчете.

Весь вид Келсона выражал недоверие, но говорить больше было не о чем. Нравилось это Келсону или нет, Совет

узнает все о Нигеле еще до того, как наступит утро. Король знал это уже в тот момент, когда обращался к Арилану за помощью. Но даже если бы Арилан сейчас не ушел, Келсон не решился бы рассказать ему о видении Камбера.

— Покажи ему коридор к Порталу,— сказал он Дугалу.

И отвернулся, когда Арилан коротко поклонился и поблагодарил,— понимая, что Арилан слегка задет тем, что даже Дугал знает здесь все, тогда как Арилан — нет.

Арилан не произнес ни слова — лишь коротко кивнул Дугалу и шагнул вперед, когда Дугал отвел в стороны занавеси, закрывавшие дверной проем; наконец он ушел.

Келсон судорожно вздохнул и, отставив в сторону кубок, вытянул ноги к огню.

— Чертов Совет Камбера! — пробормотал он.

Морган вздернул бровь, удивленный вспышкой короля,— хотя наверняка согласился с сутью определения.

— Ну, ты зря. Вряд ли Арилан впервые бежит в Совет доказывать о том, что мы делаем.

— Нет, конечно... и к его чести надо сказать, что он не держит это в тайне, по крайней мере, от меня. Полагаю, он на свой лад пытается быть честным.

— Ну, он, пожалуй, и честен, как человек,— осторожно сказал Морган.— Но ты, конечно, лучше разбираешься в таких вещах, чем я. Однако я бы сказал, что деятельность Совета вообще-то в целом губительна...

— Я бы предпочел не говорить об этом,— негромко произнес Келсон.

Морган и Дункан переглянулись, а Риченда тихонько отодвинула назад низкую табуретку, на которой она сидела между ними и Нигелем. Дугал, все еще несколько взъерошенный после замечаний Арилана и его ухода, осторожно занял пост справа от Келсона.

— Келсон, мы знаем, что ты не хотел бы говорить на эту тему,— мягко сказал Морган.— Но, к несчастью, твоя скрытность в последнее время не слишком успокаивает Дункана и меня. Возможно, они добиваются *твоего* расположения, но...

— Не знаю, можно ли это назвать поиском расположения,— возразил Келсон.— Я, возможно, добился частичного взаимопонимания с некоторыми из членов Совета, но как целое они все же слишком, слишком консервативны.

— Боюсь, их правильнее было бы назвать узкоголовыми,— сказал Дункан.— Я могу лишь согласиться с Алариком. Насколько мы знаем, Совет смотрит на нас как на полуруков и 387

отверженных... и, как ты и сам сказал, бог весть, что они думают о Дугале.

— Дугал для них тайна,— резко сказал Келсон.— И пусть ею и останется.

— А Нигель? — спросил Риченда, впервые подав голос.

Келсон покачал головой.

— Нигель сам по себе едва ли сюрприз для Совета. В конце концов, они или их предшественники уже две сотни лет имеют дело с наследниками Халдейнами. Но все же это удача, что Арилан не был в основной цепи — Он слегка вздрогнул и посмотрел на Моргана и Дунканна — Вы ведь понимаете, о чем я говорю, верно?

Взгляды, брошенные обоими на Келсона, дали понять с полной очевидностью, что они действительно понимали, о чем шла речь. И так же очевидно было, что Риченда оставалась в неведении... что означало, что Арилан, видимо, не уловил ничего из виденного Нигелем. Дугал, остававшийся вне круга и потому не могший прочесть особых деталей, будь даже он должным образом тренирован (а он тренирован не был), выглядел явно озадаченным.

Риченда положила руку на лоб мужа, чтобы он поделился с ней воспоминанием о происшедшем,— и задумчивость на ее лице тут же сменилась выражением понимания.

— Ах, святой Камбер,— выдохнула она.— Мне бы следовало догадаться.

Дугал, разинув рот, таращил глаза на всех по очереди.

— Святой Камбер? О чём это вы?

— Нигель... э-э... у него было видение во время ритуала,— пояснил Морган, отводя глаза от Риченды, чтобы посмотреть на Дугала.— Мы с Дунканом заметили это, оно выплынуло через Келсона.

— Видение? Святого Камбера?

Дункан кивнул.

— Мы... ну, вступали с ним в контакт прежде. Но должен сказать, сегодня ночью я его никак не ожидал.

— А... святого? — Дугал с трудом выталкивал из себя слова.

Келсон вздохнул и устало посмотрел на Дунканна.

— Покажешь ему, Дункан?

— А почему *ты* не можешь показать? — жалобно спросил Дугал — Ну, если ты не очень устал, конечно. Но я же никогда ничему не научусь, если буду работать только со своим отцом

Подобная просьба не могла бы прозвучать еще несколь-

388 ко месяцев назад, потому что лишь после нового года Дугал

научился снимать защиту хотя бы перед Дунканом. С того момента он стал куда более искусен, постоянно работая с Морганом, Келсоном и время от времени с Ричендой, но взаимосвязь с кем бы то ни было, кроме Дункана, все еще требовала от него слишком больших усилий. Келсон знал это. А потому, несмотря на усталость, он улыбнулся и протянул руку.

Как только их пальцы встретились, он почувствовал, как защита Дугала упала,— и увидел, как янтарные глаза слегка остекленели, когда Дугал, пусть и без особой легкости, вошел в контакт.

Келсон не стал щадить его. Укрепив связь, он глубоко проник в ум Дугала и начал влиять в него воспоминания, начав с того, что ощущал Нигель, когда на него начал действовать наркотик и он утратил четкость зрения, и продолжил, до того, как среди прочих ощущений возникла боль...

Дугал задохнулся и закрыл глаза, когда вливавшийся в него поток усилился, и бессознательно отпрянул, но Келсон просто схватил его за запястье и удержал контакт.

Когда связь снова укрепилась, он бросил в ум Дугала последние образы: лицо на фоне тумана, сострадательное и добре; глаза цвета ртути, золотые с серебром волосы; и рука, чье прикосновение дарует забвение. Этот образ он объединил с другим, виденным в иное время, и с тем, что заметили Морган и Дункан.

Когда он позволил связи разорваться, хотя и продолжал держать Дугала за руку, Дугал испустил долгий, медленный вздох и еще несколько секунд не открывал глаз. Когда же он поднял голову и посмотрел на Келсона, король увидел на его ресницах слезы.

— Я... я и не догадывался,— пробормотал Дугал еще через несколько мгновений, и наконец смог поднять руки, чтобы вытереть глаза.— Ты... ты действительно думаешь, что это был святой Камбер?

Дункан сочувственно улыбнулся, переглянувшись с Морганом.

— Ну, по крайней мере, мы знаем, что это был не Стефан Корам на этот раз, так? — сказал он.— И я не думаю, что это был Арилан.

— Ох, нет! — воскликнул Келсон, откидываясь назад и складывая руки на груди.— Я вообще полагаю, что он ничего не заметил. Риченда-то не видела! А когда все кончилось, я был предельно осторожен, чтобы он не перехватил что-нибудь у меня или у вас двоих, прежде чем я его выставлю. Мне почему-то не хочется делиться с ним этим.

— Может быть, потому, что ты знал — он собирается сразу же идти в Совет? — предположил Морган.

— Может быть, — снова вздохнул Келсон. — Но что вы думаете? Все вы? Это был святой Камбер?

— Почему бы не спросить того, кто увидел его первым? — проворчал Дункан, кладя руку на лоб понемногу оживавшего Нигеля. — Нигель, ты вернулся? Как ты себя чувствуешь?

Нигель с легким стоном открыл глаза и повернула голову к Келсону, не сопротивляясь легкому вмешательству Дункана, желающего устраниТЬ остаточные боли.

— Келсон, — пробормотал принц. — Боже, что за неслыханное приключение! Я и не представлял...

Келсон усмехнулся и положил руку на лоб дяди, взгляном приказав Дункану снять контроль.

— Я знаю. Однако ты со всем спровоцировал отличную работу. Ты что-нибудь помнишь?

Губы Нигеля приоткрылись в ленивой полуулыбке, серые глаза Халдейнов словно все еще смотрели в какой-то иной мир.

— Я думал, я умираю, — мягко сказал принц. — А потом... ты вряд ли этому поверишь... я видел святого Камбера, который и спас мою жизнь. Ну, по крайней мере, не дал мне сойти с ума. — Он повернул голову, испытующе посмотрел на всех по очереди, и снова глянул на Келсона. — Он это сделал. И я не схожу с ума сейчас... это так?

Келсон медленно покачал головой.

— Нет, дядя, ты не сходишь с ума. Я тоже его видел. А Алан и Дункан... они видели его прежде.

— Это вроде бы должно меня встревожить, — заметил Нигель. — Но не тревожит. Твоя работа?

— Отчасти, — признал Келсон. — Но с другой стороны, я думаю, это связано и с тем, что произошло с тобой. Камбер, похоже, в родстве с нами, Халдейнами. Теперь, наверное, ты лучше понимаешь, почему я хочу побольше знать о нем... и, возможно, даже восстановить его культ в Гвиннеде.

— Ну, я-то возражать не стану, — ответил Нигель, зевая. — Ох, спать хочется...

— Естественная реакция, — заметил Келсон, пожимая руку принца и вставая. — Ты уже в состоянии дойти до своих покоев?

Нигель поднялся без посторонней помощи, хотя и покачнулся слегка, и снова зевнул.

— Кажется, я буду спать целую неделю.

— Нет, только до утра, — усмехнулся Дункан, обнимая его за плечи. — Мы с Дугалом утром отправляемся в Кирни, и тебе придется проводить нас.

— Ох... ага...— промычал Нигель.

— Мерауд подумает, что он набрался,— пробурчал себе под нос Морган.

— Что ж, ей нетрудно будет принять его за пьяного,— откликнулась Риченда. Быстро налив в кубок вина, она подошла к Нигелю.— Ну-ка, выпей до дна! Лучше спаться будет.

Нигель повиновался без колебаний, и через мгновение сунул в руку Риченде опустевший кубок. Когда они с Келсоном ушли, Морган сел на место Келсона и усадил жену к себе на колени. Она легко рассмеялась, и Дункан налил вина всем им.

— Слава богу, все кончилось,— сказал Морган, поднимая кубок.— Выпьем за святого Камбера, короля Келсона и симпатичного наследника Халдейнов!

— За Камбера, Келсона и Нигеля! — согласился Дункан, вслед за Риченой и Дугалом поднимая свою чашу.

— Но много ли он будет помнить потом? — задумчиво произнес Дугал, допив последнюю каплю.

* * *

— Неизвестно, что он запомнит,— говорил в это самое мгновение Арилан, обращаясь к членам Совета Камбера.— Он знает меня как Дерини, разумеется, но мы с Келсоном договорились, что на его память следует наложить блок, чтобы он не открыл мою связь с кем-нибудь еще. Уверен, это поможет.

Старая Вивьен, в эту ночь раздражительная сверх обычного, кисло улыбнулась.

— Замечательно, что у вас хватило на это ума... стереть у этого типа, Варина, воспоминания о происшедшем. Но могу вам сказать точно, что как только минует кризис войны с Венцитом, им снова придется заняться.

— Ну, о Варине в прошлом году мы не так-то много слышали,— сказал Ларан, сведя вместе пальцы рук и слегка постукивая ими друг о друга.— Но мне, как врачу, хотелось бы более тщательно изучить его лекарский дар. К сожалению, о нем, похоже, никто ничего не знает.

— Я бы сказал, что это только к лучшему,— заявила Кайри, встряхивая огненно-рыжими волосами.— Изечение именем Господа, скажите на милость! Нам совершенно ни к чему такого рода суеверная чепуха!

— Ну, как бы он это ни делал, он это делает,— сухо произнес Арилан.— В любом случае, я не думаю, что Варин де Грей — подходящий предмет для разговора в данную минуту. Мы собирались поговорить о принце Нигеле, насколько я помню. Я подозреваю, что по крайней мере наш Тирцель горит жела-

нием узнать побольше о новом наследнике Халдейнов — и хотел ему придется подождать, пока я расскажу все по порядку, я уверен в этом,— подчеркнуто закончил он, бросая краткий предостерегающий взгляд через стол.

Тирцель, уже открывший было рот, чтобы возразить, тут же передумал и съежился, явно радуясь тому, что за столом кроме него достаточно людей.

— Итак,— произнес сидевший справа от Арилана слепой Баррет, осторожно вздохнув,— каково *твоё* понимание того, что сделали с Нигелем? Мы должны предполагать, что потенциал Халдейна внедрен в него, но сумел ли король сделать схему обратимой?

— Намерение было именно таким. Однако в базовую цепь были включены только Морган и Дункан, так что мне остается полагаться на слово Келсона.

Софиана склонила голову набок и задумчиво уставилась на Арилана.

— А у тебя есть основания сомневаться в нем, Денис?

— Нет... не совсем.— Он опустил взгляд, бездумно следя за собственным пальцем, который скользил по золотым линиям инкрустации стола. Епископское кольцо мерцало в неярком свете канделябров.— Ох, я не сомневаюсь, что рисунок нанесен. И мы ожидали мощной работы. Ритуалы Халдейнов почти всегда таковы.

— Ты хочешь сказать, там мог быть и перенос силы? — спросил Тирцель, не в силах сдержать любопытство.— Я имею в виду, реальное пробуждение способностей?

Вивьен бросила на него яростный взгляд.

— С чего вдруг *ты* болтаешь такую ерунду? Только один Халдейн может обладать силой, но не двое одновременно! С этим покончено раз и навсегда.

— Мы это никогда не обсуждали, если говорить честно,— возразил Тирцель.

— И никогда *не будем* соваться в запретное! — рявкнула Вивьен, уставясь в упор на более молодого члена Совета.— Ну, теперь ты замолчишь, или я должна объявить тебе официальное порицание?

Вид Тирцеля говорил о том, что он готов к дальнейшему сопротивлению, но Софиана, сидевшая слева от него, приложила к его губам два пальца.

— Довольно, Тирцель! — мурлыкнула она.— Сейчас не время.— Она бросила взгляд на Арилана.— Что еще ты нам скажешь, Денис? Глядя на тебя, можно подумать, что Келсон

Арилан сложил руки перед собой и покачал головой.

— Даже если нет, он ведь все равно Хаддейн... да к тому же есть четкие пределы того, что может быть вмещено в человека. Мы знаем такие случаи, они происходили в последние годы.

— Ты думаешь о Брэне Корисе? — спросил Ааран.

— Ну... вообще-то, оглядываясь назад, можно спросить, не было ли в нем хоть капли крови Дерини. Вряд ли стоит беспокоиться из-за Венцита, разве что понадобятся какие-то действия... — Он вскинул голову и с внезапным сомнением посмотрел на Софиану: — Ты знаешь? Брэн Корис *был* Дерини?

Едва заметная улыбка Софианы говорила то ли о презрении, то ли о некоем тайном знании.

— Если и *был*, теперь это неважно, так?

— Важно,— проворчал Баррет,— потому что у них с Ричендой родился сын, внук твоей сестры... ребенок, который может оказаться полным Дерини, если в Корисе была эта кровь. Сколько сейчас Брендану?

— В ионе исполнится семья,— тихо ответила Софиана.— К несчастью, его отец *не был* Дерини.

Кайри откинулась назад с озадаченным видом.

— Вы можете заодно и продолжить. Есть и другие шалунишки: Брендан, маленький Брион... молодой Дугал Макардри, с еще более необъяснимой наследственностью. Кстати, Денис, как вел себя этот мальчик Макардри? Ты обратил на это внимание?

— Нет. Он стоял на страже в дверях во время главного действия. Он вообще не входил в круг. Он, похоже, вполне владел собой, насколько я мог заметить, но я был *слишком* занят.— Он нахмурился.— Но если подумать, он *ни разу* не оказался рядом со мной, пока мы медитировали перед началом ритуала... то ли случайно, то ли сознательно... тогда я об этом не подумал. Рядом со мной стояли Морган и Риченда. Он был между Ричендою и Дунканом.

Тирцель передернул плечами и нетерпеливо вздохнул.

— Я вообще не понимаю, к чему это, мы же собирались поговорить о Нигеле,— сказал он.— У него повышенная чувствительность, и я полагаю, он просто выбрал такую позицию, чтобы уменьшить возможность несовпадений. Или Келсон велел ему. Тебе ведь наверняка не понравилось бы, если бы тебе мешали во время ритуала.

— Спасибо, что заставляешь нас вернуться к основной теме,— сказал Баррет.

— И за то, что ты воздержался на этот раз от своей обычной манеры высказываться,— добавила Вивьен.— Денис, ты можешь сказать что-то еще о реакции Нигеля?

Арилан покачал головой.

— Боюсь, очень немного. Как и планировалось, мы с Риченой провели настройку как посредники на втором уровне — и то, что нам позволено было увидеть, вполне совпало с тем, чего я ожидал.— Он задумчиво сморщил лоб.— Естественно, я не могу изложить вам детали реального процесса.

— Естественно,— цинично бросила Вивьен.— Он связал тебя клятвой.

— Он бы упал в моих глазах, если бы не сделал этого.

— Молись всем богам, каких только знаешь, чтобы тебе никогда не пришлось выбирать между твоими обетами,— пробормотала Кайри.— Сейчас мы можем согласиться с твоим утверждением, что на этот раз все сделано должным образом, но если окажется, что это не так,— не думаю, чтобы мне хотелось оказаться на твоем месте.

— К счастью для всех нас,— холодно произнес Арилан,— никому из вас не придется когда-либо беспокоиться из-за такой возможности.— Он сел поудобнее и вздохнул.— У нас сегодня есть еще какие-то вопросы, или я могу пойти домой и лечь спать? Должен признать, управляться с семнадцатилетним королем — не легкое дело, даже если бы он не был Дерини.

Глава шестая

**Ибо Ты услышал обеты мои
и дал мне наследие боящихся
имени Твоего¹**

Cправляться с семнадцатилетним королем было бы не-
легко и человеку помоложе Арилана. Хотя Келсон
спал, пожалуй, меньше, чем остальные, участвовавшие
ночью в ритуале, он проснулся с первыми лучами
солнца, чтобы посмотреть, как во дворе замка начал
собираться эскор特 Дункана, и пригласил своего невыспавшегося
главного советника позавтракать с ним.

Стол накрывался в большом холле; но многие из присутствовавших даже не пытались скрыть раздражение из-за столь раннего вынужденного сбора.

Только Нигель был под стать королю своим настроением — что удивило Моргана и Дункана, бывших свидетелями тяжкого испытания, выпавшего на его долю всего несколько часов назад. Даже Дугал, который был моложе короля на два года и которому не пришлось работать так, как другим, поставил локоть на стол и время от времени опускал голову на руку, закрывая глаза, хотя вроде бы и внимательно слушал королевский инструктаж. А ведь Дугал с нетерпением ждал этого дня, поскольку ему с небольшим отрядом воинов его клана в подень предстояло отправиться с Дунканом на север, чтобы соединиться с остальными рекрутами Макардри и затем мчаться к армии Кассана.

Морган внимательно всмотрелся в короля и принца, когда те вместе с Дунканом задержались на том краю двора, где собирался эскорт герцога. Дугал ушел раньше, к своим пограничникам, а два Халдейна инспектировали конных воинов,— оба в это утро в ослепительно-алом. Принц-регент двигался среди солдат с

¹Псалмы 60:6

той же легкой грацией, которой отличался его брат, и которую унаследовал Келсон.

— Да, он хорош,— пробормотал Морган.— Иной раз кажется, что это сам Брион в его лучшие годы. Думаю, если он прикажет, его солдаты помчаться ради него хоть в ад.

— О, да, это точно... хотя упаси боже, чтобы им пришлось когда-то это сделать,— откликнулся Дункан, натягивая перчатку на манжету, украшенную орнаментом из спящих львов Кассана.— Он выглядит так, словно прошедшая ночь выветрилась из него без следа. Можно подумать, он спал беспробудно с самого вечера... чего я никак не могу сказать о себе. Как ты думаешь, Келсон помог ему изгоняющими усталость чарами?

Морган пожал плечами и улыбнулся, снова перенося свое внимание на Келсона,— тот теперь осматривал новый боевой штандарт, который развернули перед ним Дугал и Добрел.

— Не знаю. Может быть. Вообще-то просто удивительно, как многому научился Нигель сам за это лето, пока мы с тобой и Келсон отсутствовали.— Он вздохнул.— Вообще-то мне не нравится, что вы с Дугалом отправляетесь на север.

— Ну, бог даст — война скоро кончится, мы победим и воссоединимся.

Ни он, ни Морган не стали упоминать о том, что каждый воин таил в глубине души, никогда не говоря об этом вслух: что даже в случае самой славной победы вернутся не все, кто ее захватывал, и не всем удастся воссоединиться, по крайней мере, в этой жизни. Но об этом не говорили, поскольку считали, что словом можно навлечь беду. Будучи епископом, Дункан мог бы посмеяться над подобным суеверием, но как солдат он и сам предпринимал эту предосторожность. А сегодня он был именно солдатом, и внешне, и в манерах.

На нем не было ни сутаны, ни риз, ни каких-либо других внешних атрибутов, говорящих о его епископском звании. Из-под латного воротника свисал простой серебряный крест, который мог принадлежать любому набожному человеку, а епископский перстень скрылся под расшитой перчаткой. На нем были обтягивающие замшевые бриджи, высокие сапоги, камзол буйволовой кожи и плащ в яркую клетку цветов клана Маклейнов. Перекрещенные меч и епископский посох на его изукрашенном щите говорили о его двойственном статусе, но чтобы рассмотреть их, нужно было подойти совсем близко.

Шлем уже более отчетливо выражал оба звания Дункана,— поскольку был охвачен герцогской короной, а над глазами, спускаясь к носу, на нем располагался стальной крест,— но

396 шлем пока что висел притороченным к седлу лошади Дун-

каны, дымчато-серой кобылы, избранной за выносливость и ровный ход. Ее держал под уздцы оруженосец, поблизости от Дункана и Джодрела.

— Лето быстро пройдет,— сказал Морган после недолгого молчания.— Риченда обещала продолжать работу с Нигелем и присыпать нам отчеты о его успехах. А когда мы справимся с делом, я тебе пришлю того прекрасного вина, что мы пили прошлой ночью за наше общее здравие!

Он хлопнул Дункана по плечу, и тот машинально улыбнулся в ответ, а потом перевел взгляд на въезжавших во двор всадников.

— Эй, это архиепископ приехал благословить войско! Думаю, нам лучше поспешить выразить ему уважение.

— Ага... но ты ведь первые мили проедешь вместе с нами?

— Конечно. Ну, его благословение — *вам* на пользу... однако не дашь ли ты благословение *мне*, прежде чем отправишься?

Дункан удивленно вздернул бровь, потом, ничуть не смущившись, усмехнулся.

— Я польщен, Аларик! Ты никогда прежде не просил об этом!

— Когда в последний раз мы отправлялись в большой поход, ты еще не был епископом,— Морган застенчиво улыбнулся.— Ты даже не был слишком уж хорошим священником, насколько я помню,— ну, то есть в том, что касается Церкви.

— Ну, это все формальности,— пробормотал Дункан, быстро снимая правую перчатку и оглядываясь по сторонам, чтобы выяснить, не наблюдает ли кто за ними.— Я все равно польщен. Я думаю, нам не стоит привлекать к себе излишнего внимания, так что на колени становиться ни к чему... просто наклони голову.

Келсон и Нигель в это время направлялись в большой холл, идя по обе стороны от архиепископа, так что общее внимание было приковано к королю,— что было явной удачей, поскольку солнце, вспыхнувшее на камне епископского перстня Дункана, пробудило в обоих Дерини слишком сильные воспоминания. Морган судорожно вздохнул, ощущив в душе отголосок прежнего страха, и тут же быстро опустил голову и отвел глаза. Эти воспоминания были слишком интимными, слишком драгоценными, чтобы делиться ими с кем-то кроме Дункана.

Этот перстень еще шесть месяцев назад принадлежал епископу Истелину; он был срублен с его руки по приказу Эдмунда Лориса, и послан Келсону, вместе с пальцем Истелина,— как сообщение о горячем желании Лориса начать, вместе с союзной ему Меарой, глобальную войну против Дерини Келсо- 397

на. Келсон отказался капитулировать, и за пальцем Истелина последовала его голова; и тогда Дункан заявил, что примет в качестве епископского кольца только перстень замученного Генри Истелина.

Но это кольцо было не только символом епископского звания; в нем таилась сила. И когда настал день посвящения Дункана, мысль о том, что он наденет перстень замученного епископа, завладела всем его сознанием,— по крайней мере, в утре церемонии. Морган утверждал, что видел нечто пугающее. Потом они объединили свои силы Дерини, чтобы выяснить, что отпечаталось на перстне,— и позже могли лишь сказать, что видели святого Камбера.

Магия Камбера таилась в самом золоте — оно было сосудом причастия, прежде чем превратилось в кольцо Истелина,— и металл, похоже, сохранил кое-что от своей прежней священной природы, несмотря на то, что прошел через огонь тигля и ковку, превращаясь из святой чаши в освященный перстень. И слабый отзвук этой особой магии окружил их обоих, когда Дункан легко коснулся ярких золотистых волос Моргана.

— Милостью Божией благословляю тебя, ныне и вовеки,—тихо произнес Дункан, чертя большим пальцем крест на лбу Моргана.— Именем Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Мгновение миновало, они направились во двор, и Дункан широко шагал к ожидающим его солдатам, а Морган поспешил вслед за Келсоном. Архиепископы Браден и Кардиель, епископ Арилан, Нигель и группа придворных провожали войско. Но никого не удивило то, что королева Джехана отсутствовала.

Когда Дункан приблизился к центру переднего ряда, один из пограничных барабанщиков Дугала ударил в барабан. По этому сигналу барон Джодрел развернул новое боевое знамя, и яркий шелк засиял на солнце. Дункан придержал ткань, чтобы она не коснулась камней, и они с Джодрелом преклонили колена у нижней ступени, а солдаты замерли в салюте перед двумя архиепископами, приблизившимися для благословения.

— *Omnipotens Deus, qui es cunctorum benedictio et triumphantium fortitudo...* — начал Браден; он и Кардиель возложили руки на знамя, а Дункан и Джодрел опустили головы.

— Милостивый Боже, ты, который благословляет всех, который дает силу тем, кто восхваляет Тебя,— в Твоей бесконечной доброте услышь наши молитвы, и с небес Твоих благослови это знамя, идущее в битву, чтобы стало оно источником силы и победы над воинственными и восставшими народами. Вооружи нас Твоей силой, вселяющей страх во врагов Твоего избранника, короля Келсона...

Браден продолжал, а Дункан тем временем смотрел на одну из красных роз, разбросанных по сине-белым полосам штандарта. Розы символизировали верность Маклайнов, а лев Халдейнов на красном поле, рядом с древком, означал, что король Келсон поддерживает клан.

Когда Кардиель окропил знамя святой водой, Дункан коснулся шелка губами, и оставался коленопреклоненным, пока Келсон спускался по ступеням, чтобы присоединиться к архиепископам. Когда король также на мгновение возложил свою монаршую руку на знамя, полсотни копий взметнулись в салюте.

— Примите это знамя, благословленное небесами,— сказал Келсон, помогая Джодрелу поднять штандарт.— Пусть оно повернет в ужас наших врагов, и пусть Господь поможет тем, кто следует его пути, сохранить его незапятнанным.

— Аминь,— откликнулись Браден и Кардиель.

Лев Халдейнов затанцевал на ветру, когда Дункан отпустил шелк и лазурная и белая полосы с розами Маклайнов мантией легли на его плечи. Дункан серьезно склонил голову, принимая плоскую золотую цепь, которую Келсон надел ему на шею, потом протянул королю сложенные руки — знак принятой присяги.

— Будь нашим полководцем на севере, герцог Дункан,— сказал король, скимая руки герцога своими и одновременно поднимая Дункана на ноги.

— Повинуюсь, сеньор, и буду служить тебе верно, всей моей честью и моей жизнью!

— Кассан! — закричали воины Дункана, колотя копьями щиты, когда король и герцог расцеловались.

Дункан и Джодрел со знаменем вернулись к строю. Дугал, на рыжеватой кобыле, под стать его волосам, ждал их чуть в стороне, держа в поводу серого коня Дункана.

Он усмехнулся, когда Дункан вскочил в седло и махнул рукой Келсону и Моргану, которые уже направились к своим коням,— их ожидал небольшой эскорт, который также должен был первые несколько миль пройти вместе с войском. На лестничной площадке стоял Нигель, к которому присоединились все три его сына. Они, епископы и небольшая группа не слишком знатных придворных наблюдали за тем, как король с Дунканом и Дугалом поворачивают вслед за кассанскими копьеносцами, которые уже исчезали за воротами.

— Ну, что ж. Отправились,— сказал Нигель Коналлу, стоявшему со сжатыми губами и мрачным лицом.— Эй... что у тебя за лицо? Вообще-то мне казалось, что ты хотел отправиться вместе с Келсоном и Алариом.

— Он не смог,— сообщил тринадцатилетний принц Рори, нахально улыбаясь.— Пэйн спрятал все его верховые сапоги.

— Рори! Ты говорил, что не скажешь! — крикнул Пэйн, лягая брата в лодыжку и тут же ныряя между ним и отцом, потому что Конал бросился на него, сверкая глазами от ярости.— Папа, не разрешай ему бить меня!

— Конал!

После окрика Нигеля Конал неохотно опустил кулак, но явно не собирался спускать девятилетнему брату то, что тот так задел его юношескую гордость. Несколько мужчин, слышавших все, едва сдержались, чтобы не расхохотаться, а один, не вытерпев, сбежал в сторонку, чтобы просмеяться. Конал с трудом сдерживал гнев.

— Лучше бы ты его наказал, отец,— проговорил он сквозь стиснутые зубы.— Или я сам это сделаю. Клянусь!

— Ты *ничего* не сделаешь без моего разрешения, сэр! — возразил Нигель.— Ты взрослый мужчина, черт побери! Ты почти в два раза старше Пэйна и больше его. Я уверен, это просто детская... Прекрати! — рявкнул он, поскольку Пэйн снова просунул голову между ним и Рори, чтобы показать язык старшему брату.— Прекрати, пока я сам тебе не *врезал*! И не прикидывайся неиной овечкой!

Нигель схватил мальчика за руку повыше локтя и встряхнул так, что Пэйн заметно побледнел и сник, утратив всякое желание дразнить брата. Нигель тем временем продолжал:

— Если ты и дальше будешь вести себя так, вряд ли я стану сердиться на гнев Конала. Возможно, я *позволю* ему наказать тебя. А теперь — где ты спрятал его сапоги?

— Это нечестно, отец,— прошептал мальчик.— Почему только Конал отправится на войну с Келсоном? Почему мне нельзя?

Нигель вздохнул и отпустил руку сына, и даже Конал после этих слов, похоже, поостыл.

— Мы уже говорили об этом, сынок. Коналу необходим боевой опыт. Он следующей весной будет посвящен в рыцари. А твоё время еще придет.

— Но герцог Аларик берет с собой Брендана, а ему еще и семи нет!

— Брендан будет пажом своего отчима,— терпеливо сказал Нигель.— Ты и Рори будете *моими* пажом и оруженосцем. Ты же знаешь, я назначен регентом на время отсутствия Келсона.

Пэйн нервно переступил с ноги на ногу и уставился на собственные башмаки, пытаясь не слишком громко сопеть.

— При дворе скучно,— пробормотал он.

— Бьюсь, такова в целом жизнь принца, сынок. Но это необходимо. Когда король уходит на войну, он чувствует себя намного спокойнее, если знает, что кто-то вместо него «скучает при дворе», — кто-то, кому он может доверять. Спроси Келсона, я уверен, он скажет то же самое. Рори, мне кажется, понял. Верно, Рори?

Тринадцатилетний Рори изобразил улыбку.

— Да, сэр. Однако тут не будет и в половину так интересно, как с Келсоном. Я мог бы отправиться с ним. Мне почти столько же лет, сколько было ему, когда он стал королем. А там будут славные битвы, правда, Конал? Тебе повезло!

Конал, понявший, что руководило его младшим братом, смягчился, и решил, что вполне может быть снисходительным.

— А, так вас беспокоит *слава*, вот как? — сказал он, изображая на лице изумление и глядя сверху вниз на обоих младших братьев по очереди. — Вы что, боитесь, что вам ее не хватит?

Оба мальчика смущались и что-то забурчали себе под нос, а Конал перевел взгляд на отца и подмигнул.

— Ну, младшее поколение, если это все, что вас беспокоит, я обещаю завоевать столько славы, чтобы ее хватило на всех нас! Может, это не так хорошо, как повоевать самим, но все же лучше, чем ничего, верно? А пока меня не будет, вы *действительно* понадобитесь отцу.

— Они могут помочь мне прямо сейчас, если им это интересно, — сказал Нигель, кладя руки на плечи мальчиков и взглядом благодаря Конала. — Господа, знаете ли вы, что через несколько дней к нам прибывает посольство Торента?

— Ну и что? — буркнул Пэйн, когда Нигель повлек их с Рори назад в холл.

— В том, что молодой король Лайем приезжает для того, чтобы подтвердить свою вассальную преданность Келсону, как своему лорду, — продолжил Нигель. — И его брат будет в составе посольства. Лайему десять лет, как я уже говорил, а Роналу шесть. Им, вероятно, будет так же скучно, как и вам. Может, вы придумаете какие-то развлечения на время их пребывания у нас?

Конал отстал от отца и братьев и задержался на площадке, не обращая внимания на все еще толпившихся неподалеку придворных.

Подумав, он решил, что не может сердиться на Пэйна за его выходку. На самом деле это было нечто вроде комплимента. Младшие братья всегда стремятся подражать старшим и пытаются соперничать с ними — а Конал, в конце концов, *действительно* намеревался завоевать славу в этом походе.

Отряд Дункана ускакал уже давно, однако... ему очень хотелось бы еще раз увидеть его. Возможно, с замковой стены он сможет бросить на них последний взгляд.

О, настанет день, и это *он сам* поведет армию, чтобы сокрушить врагов Гвиннеда!

Он бегом пересек двор, и, добравшись до вершины винтовой лестницы, ведшей к парапету над сторожкой у ворот, изрядно запыхался,— но он был вознагражден открывшимся ему зрелищем: передовой кассанский отряд мчался по равнине на север от города, яркие знамена развивались над всадниками. Основные части сил Кассана ждали своего герцога за рекой, чтобы присоединиться к нему.

Конал смотрел вслед отряду, пока тот не скрылся с глаз окончательно, и гадал, кто мог бы смотреть *ему* вслед, когда через несколько дней вторая часть армии двинется в поход.

* * *

Но до начала славного похода приходилось вернуться к скучным придворным обязанностям, на которые так горько жаловался Пэйн,— хотя с прибытием посольства скуки должно было поубавиться. Огромный тронный зал был переполнен людьми, несмотря на отбытие отряда Кассана за несколько дней до того. Юный Лайем, король Торентский, вел себя в полном соответствии с протоколом, но шестилетнего принца Ронала почему-то было видно.

— Принц Ронал простудился и болеет уже несколько недель,— сообщила королю его мать Мораг, гордо и даже надменно глядя на человека, убившего ее брата и ее мужа.— Я решила, что лучше не подвергать его трудностям двухнедельного путешествия. Я уже потеряла одного сына в прошлом году.

Это было намеком на смерть молодого короля Алроя прошлым летом, при обстоятельствах, показавшихся странными большинству знатных людей Торента, в том числе и матери короля,— они решили, что к этому причастен Келсон, и что он скорее всего пustил в ход магию. Келсон, твердили слухи, испугался, что молодой Алрой может, войдя в возраст, представить угрозу Гвиннеду. На самом же деле четырнадцатилетний Алрой просто сломал шею, упав с лошади,— вполне обычный несчастный случай, и Келсон узнал об этом лишь несколько недель спустя.

— Нам понятна ваша материнская забота о младшем сыне, миледи,— серьезно ответил Келсон, радуясь, что его собственная мать отклонила приглашение участвовать в церемо-

нии встречи. Король был облачен в полные доспехи Халдейнов, в алую мантию поверх золоченой церемониальной кольчуги, с короной на голове.— Однако мы должны усомниться в мудрости такого решения — оставить столь драгоценного ребенка без должной защиты. К тому же вы получили *повеление* представить нам обоих принцев, в знак вашей преданности.

— Вам нет нужды тревожиться за принца Ронала,— возразила Мораг.— С ним его дядя, герцог Махаэль, он выполняет роль стражи в мое отсутствие. А присутствие здесь мое и моего старшего сына должно быть достаточным знаком преданности, даже для Халдейна!

Возмущенный ропот пробежал по толпе придворных, но Келсон никак не проявил неудовольствия. И ничем не дал понять, что хотел бы слышать подсказку Моргана или Нигеля, стоявших по обе стороны трона. Мораг и отсутствующий принц Ронал неожиданно превратились в две совершенно разные проблемы, но лишь одна из них требовала немедленного решения. Мораг была Дерини, как и ее покойный брат Венцит, а потому оставалась невосприимчивой к тому мысленному давлению, которое Келсон или Морган могли приложить к другим воинствующим личностям,— но нельзя было допускать, чтобы она помешала клятве верности Лайема.

Что касается принца Ронала — был или нет он действительно настолько болен, чтобы не выдержать поездки, неизменным фактом являлось то, что он был следующим наследником престола после Лайема, и находился в руках герцога Махаэля, у которого не было причин любить человека, убившего его брата. Если с Лайемом что-нибудь случится, следующий король Торента окажется под полным контролем Махаэля,— и еще в его распоряжении будут восемь лет обладания всеми силами Торентской Короны, от имени юного короля Ронала.

— Хорошо, миледи,— спокойно сказал Келсон.— Мы поверили вашему слову... пока.

Его взгляд обратился к юному Лайему, стоявшему рядом с матерью; несмотря на заметное напряжение, он выглядел истинным королем — в тяжелой красновато-коричневой мантии и маленькой короне. Мальчик был таким же рыжеволосым, как Венцит, но глаза у него были черными, как у смуглой красавицы Мораг. И хотя этому парнишке было всего десять лет, Келсон ощущал в нем жесткую, мощную защиту. Что ж, Лайем Торентский становился Дерини, и с этим следовало считаться.

— Лайем Торентский, мы приветствуем тебя при нашем дворе,— официально произнес Келсон.— Готов ли ты, перед Богом и всеми этими свидетелями, принести вассальную при-

сягу за Торент и поклясться нам в своей верности, как это было между твоим отцом и нами?

Мальчик наклонил голову в коротком жесте согласия.

— Я готов, милорд.

При этих словах Келсон глянул в сторону, на епископа Арилана, которого просил помочь в принятии присяги,— поскольку Арилан был Дерини и мог полностью закрыться от любых попыток воздействия со стороны Мораг,— не открывая при этом, кто он таков. Когда Арилан вышел вперед, а следом за ним двинулся с места маленький Брендан Корис с Евангелием в руках, Лайем бросил на мать неуверенный взгляд.

Но Келсон встал, и юный король спокойно приблизился к трону, грациозно опустился на колени, на подушку, поднесенную Пэйном. Он обеими руками снял корону и передал ее Пэйну, в то время как Арилан держал перед ним книгу,— потом положил обе ладони на изукрашенный драгоценными камнями переплет

Но прежде чем Лайем успел открыть рот, Келсон поднял руку.

— Миледи Мораг, мы просим и вас тоже преклонить колени, чтобы присоединиться к клятве вашего сына в качестве регента.

Он почувствовал, как Мораг едва не откусила собственный язык, зажав его между стиснутыми зубами,— но, не произнеся ни звука, она шагнула вперед и опустилась на колени рядом с сыном, чуть позади него. Когда она положила руки на плечи Лайесма, ее глаза сверкали, как обсидианы, и она надменно вскинула голову, всем своим видом выражая презрение двору убийцы ее брата.

— Нужна ли вам моя помощь в принесении клятвы, сир? — спросил Арилан, обращаясь к Лайему,— так тихо, что никто, кроме юного короля, не мог его услышать.

Лайем покачал головой, потом взглянул на Келсона.

— Я, Лайем, король Торента и всех его земель, даю клятву и становлюсь вашим вассалом душой и телом. Я клянусь хранить верность и служить вам, по добной воле и без обмана. Да поможет мне Бог.

Когда он поцеловал священную книгу, Арилан передал ее Келсону, который точно так же положил на переплет обе ладони.

— Мы, в свою очередь, сообщаем всем, что мы принимаем в качестве своего вассала короля Лайесма Торентского и все 404 его земли. И мы обещаем ему защищать его и его поддан-

ных всеми нашими силами, по доброй воле и без обмана. И да поможет мне Бог.

Он также прикоснулся губами к святой книге, а потом взял корону, которую продолжал держать Пэйн, и поднял ее над головой Лайема.

— Прими из наших рук этот символ, значение которого мы сегодня подтверждаем,— произнес Келсон, надевая драгоценный убор на рыжую голову Лайема.— Носи ее с честью и преданно, чтобы наша клятва не нарушилась.

— Все, в чем я поклялся сегодня, я буду выполнять честно,— ответил Лайем, протягивая Келсону соединенные руки в традиционном жесте верности.

Келсон сжал его руки в своих и поднял Лайема,— но руки мальчика были холодными, несмотря на то, что в зале было очень тепло, и еще холоднее были ониксовые глаза его матери. Когда Келсон с Лайемом обменялись ледяным поцелуем мира и Лайем повернулся к матери, чтобы помочь ей подняться, Келсон решил предпринять относительно этих двух кое-какие меры предосторожности. Сядясь снова на трон, он короткой сжатой мыслью послал свое намерение Моргану, и тут же почувствовал одобрение Моргана в том, как тот чуть ближе придинулся к нему. Руки его наставника небрежно легли на рукоятку его широкого меча, и даже Нигель, похоже, внезапно насторожился.

— Еще секунду, ваше величество,— тихо произнес Келсон, заставив Мораг и Лайема, уже направившихся к своей свите, резко остановиться.— Мы должны попросить вас снизойти до еще одного вопроса.

Две пары черных, как ночь, глаз, обернулись к нему,— Лайем был всего лишь удивлен, Мораг преисполнилась подозрений.

— Мы выполнили то, чего требовал от нас протокол, Келсон Гвиннедский,— сказала Мораг, бросая вызов.— Вы должны понимать мое нежелание задерживаться при дворе убийцы моего мужа и моего брата.

Ее открытая враждебность вызвала ропот удивления и негодования среди присутствовавших придворных, но Келсон не обратил внимания на оскорблении.

— Я не намерен судить вас, миледи,— ровно произнес он.— Я не требую вашего одобрения или вашей любви. Я требую только повиновения.

— И я повинуюсь!

Келсон терпеливо кивнул.

— Это верно, что вы выполнили мои требования в присутствии этого двора... но вы не привезли младшего сына, 405

как вам было велено. И у меня нет доказательств того, что юный Ронал действительно слишком болен для того, чтобы совершил небольшое путешествие. Поэтому я намерен настаивать на том, чтобы вы и ваш старший сын на лето остались в Ремуте, как залог хорошего поведения вашего родственника.

— Что?!

— У герцога Махазля остался наследник Торента,— продолжил Келсон, повысив голос, чтобы пресечь ее попытки высказаться.— Вы поймете, что я не могу рисковать и допустить новый конфликт на моих восточных границах, когда мне приходится подавлять волнения на западных. Вы и молодой Лайем останетесь с моим дядей, принцем Нигелем, и вам будет позволено без помех связаться с герцогом Махазлем, чтобы сообщить о том, что вы пребываете в полной безопасности,— но вы пробудете здесь по меньшей мере до осени, когда я вернусь обратно. Ваш брат, я думаю, несколько смягчится, узнав об этом.

На мгновение ему показалось, что Мораг воспротивится, однако сестра его старого противника была достаточно мудра, чтобы понять, что сейчас в этом нет смысла. Она лишь высказала вполне естественное негодование, какого и следует ожидать от царственной персоны, задержавшейся в гостях против своей воли, и возразила против того, чтобы Лайем размещался в отдельных от нее покоях,— но Келсон понял, что все это было сказано скорее из принципа, чем в реальной надежде заставить его пересмотреть.

Однако он не расслаблялся до тех пор, пока они с Морганом лично не проводили королеву в апартаменты, спешно подготовленные Нигелем. И он призвал Арилана для гарантии того, что Дериини Мораг не пустит в ход свою силу для организации побега, прежде чем будут приняты все необходимые меры. Келсон намеревался оставить королеву на попечении Риченды, когда все будет устроено. Сняв мантию и корону, он вместе с Морганом отправился к Риченде,— убедившись предварительно, что Арилан держит все под наблюдением.

Они нашли герцогиню в прохладе внутреннего садика,— она писала, устроившись под тенистым деревом. Несколько писем и древнего вида свиток лежали на скамье рядом с ней, вместе с чернильницей и воском для запечатывания писем. На одеяле, расстеленном под соседним деревом, няня забавляла весело щебечущую малышку Бриону, которой уже было почти восемнадцать месяцев.

— Добрый день, милорд... сир,— воскрикнула Риченда, вставая при приближении Моргана и короля.— Какие у вас мрачные лица! Что-то случилось?

Келсон, скривившись, махнул рукой, предлагая ей снова сесть, а сам опустился на траву у ее ног и скосился на няню.

— Не думаю... пока. Но мне нужна твоя помощь. Аларик, нам бы надо побывать наедине, можно?

Морган велел няне уйти, но смеющуюся Бриону взял на руки.

Он упал на траву рядом с Келсоном, держа ребенка на коленях и строя гримасы, чтобы посмешить малышку. Келсон вздохнул и луг на спину, закинув руки за голову.

— Извини, что помешал тебе писать,— сказал он.— Я пришел попросить об особом одолжении. Я взял в заложники двух Дерини.

Риченда отложила в сторону перо и пергамент и осторожно разгладила юбку на своих коленях. На ней было бледно-голубое платье — Риченда предпочитала этот цвет летом,— и оно делало ее глаза такими же светлыми, как небо, которое Келсон видел сквозь листву над головой. Эти глаза теперь смотрели на него с явным любопытством, но ум Риченды оставался спокойным, как вода высокогорного озера.

— Двое заложников Дерини,— мягко повторила она.— Я ожидала, что их будет трое.

Келсон приподнял голову и довольно долго смотрел на нее, удивленный.

— Ты ожидала, что я возьму заложников?

Риченда осторожно пожала плечами.

— Ну, если хочешь, скорее трех, чем двух. Разве ты не встречал сегодня утром Мораг Торентскую с двумя сыновьями?

Келсон вздохнул и посмотрел на Бриону, теперь ползущую на четвереньках между ним и своим отцом.

— Она привезла только Лайема. Сказала, что Ронал слишком болен для путешествия, так что она оставила его на попечении Махаэля Аръенольского. Лайем произнес свои клятвы вполне ответственно, но что-то тут не так. А поскольку Ронал в руках Махаэля, я боюсь, он может воспользоваться моим отсутствием и устроить нам неприятности на восточной границе. Я не могу рисковать, раз уж буду все лето в Меаре.

— Понимаю,— сказала Риченда.— Ты опасаешься, поскольку Мораг и Лайем — Дерини, и могут набедокурить здесь, в Ремуте, пока ты в отъезде.

— Или просто сбежать,— ответил Келсон, изумленный, как всегда, тем, как она мгновенно схватила все детали.— Я отправил Арилана, чтобы тот пока наладил меры предосторожности... и я не думаю, что из-за Лайема возникнет много проблем, хотя он становится все сильнее по мере роста. Но пока что он

просто мальчик. Не пройдет и недели, и он подружится с Пэйном и Рори.

— Да, это вполне вероятно,— согласилась Риченда.— Но Мораг *не* ребенок.

— Да уж! И она ненавидит меня. Если до сих пор я и мог *в этом* сомневаться, то теперь — нет. И боюсь, что, пытаясь бежать, она может замутить умы слуг. Не думаю, конечно, чтобы она могла создать Портал без посторонней помощи...

Риченда покачала головой в ответ на вопросительный взгляд Келсона.

— Нет, это могут очень немногие.

— А это значит, что бежать она может только с чьей-либо помощью,— закончил Келсон.

— Это довольно легко предотвратить,— сказала Риченда.

Келсон устало улыбнулся.

— Я надеялся, что ты скажешь именно это. Думаю, ей захочется, чтобы рядом были какие-то женщины... ну, пусть не прямо сегодня. Ты сможешь присмотреть, чтобы она не натворила чего-нибудь.

— Понятно,— и по ее тону было слышно, что ей немного горько.— Значит, я буду стражем при двух Дерини королевской крови. Я не возражаю,— добавила она, видя, что Келсон насторожился.— По крайней мере Мораг не стыдится того, кем она является.

— И она без смущения использует свои возможности, чтобы изменить свое положение,— сказал Морган, ловя хихикающую Бриону за голую ножку, прежде чем та сумела ударить слишком далеко.— Она сестра Венцита, ее тренировка может быть неслыханной. Мне бы хотелось, чтобы ты была осторожна, Риченда.

Риченда улыбнулась и сложила руки на коленях.

— При всем моем уважении к вам, милорд, я подозреваю, что леди Мораг и я могли учиться у одних и тех же мастеров. Я как раз заканчивала письмо к одному из них, когда вы пришли в мой садик.— Она взяла один из свитков и положила его Келсону на живот.— Я получила это от него несколько дней назад. Это отчет о смерти святого Камбера в Йомейре, сделанный современником.

Келсон резко сел и развернул свиток.

— Смерть Камбера...— выдохнул он, всматриваясь в тесные строчки.— Тут говорится о месте, где он захоронен?

— Семейный склеп Мак-Рори в Кайрори,— ответила Риченда,— ныне он разрушен. Тела там, конечно, уже не было.

— Разрушен, когда его вычеркнули из списка святых?

— Нет. К тому времени, когда он был признан святым, считалось, что он вознесся на небеса во плоти, в подтверждение святости. Однако его сын утверждал, что он перезахоронил тело — хотя так и не сказал, где именно. Он был священником. Однако по каким-то причинам он всегда был против канонизации.

— Неприязнь между отцом и сыном? — спросил Морган, держа Бриону под мышкой и через плечо Келсона заглядывая в свиток.

— Едва ли. Они были очень преданы друг другу.

— Послушайте-ка, вы оба! — пробормотал Келсон, и начал читать вслух: «*Так поступили Джорем Мак-Рори и викарий михайлинцев, вернувшись с поля боя, с телом убитого графа Камбера...*» — Он поднял голову.— Кто такие михайлинцы?

— Военный орден рыцарей-священников,— ответила Риченда.— Джорем и еще несколько Дерини, по слухам, состояли в нем. Этот упомянутый викарий — отец Элистер Келлен, последний епископ Дерини.

— Ну, *не совсем* последний,— усмехнулся Морган, сажая Бриону к себе на плечо.— Мы знаем по крайней мере еще двоих после того.

Келсон фыркнул и снова уставился в свиток.

— Черт, хотелось бы мне отменить войну с Меарой этим летом! Это просто удивительно. Кто, ты сказала, прислал тебе его?

— Я не говорила, но его зовут Азим. Он...— Риченда подняла голову и взглянула на листву, словно ища там верное определение.— Он дядя мужа моей двоюродной сестры... так что по браку мы с ним дальняя родня, но я никогда понятия не имела, чем он занимается. Я всегда называла его дядей, хотя и знала, что это неправильно. Но что куда более важно для нас — так это его вступление в рыцари Анвила, в Джелларе. Ты о них слышал, сир?

Келсон кивнул.

— Своего рода рыцари-госпитальеры, так? Они хранят пути в Святую Землю. *Весьма* яростные воины, и не совсем христиане.

— Именно так,— улыбнулась Риченда.— Они говорят, что происходят от связи мавританок со спасшимися рыцарями Святого Михаила,— михайлинцев изгнали из Гвиннеда в 917 году, так? И так уж получилось, что Камбер, по настоянию его сына Джорема, был похоронен, как было принято у михайлинцев, в темно-синем...— добавила она, глядя на Моргана.— А слуги святого Камбера, орден, основанный в его честь, носят серое...

Морган внезапно поднял голову и присвистнул, а Келсон слегка побледнел.

— Да-да,— негромко сказала Риченда.— Это совпадает с каждым из предполагаемых вмешательств Камбера, о которых нам известно.

Немножко нервно сглотнув, Келсон отпустил свиток, позволив ему свернуться, и вернул Риченде.

— Лучше я не буду читать это сейчас, а то завтра я вместо залива, пожалуй, отправлюсь на восток. Это невероятно! Как ты думаешь, Анвильские рыцари знают, где похоронен Камбер?

— Нет. Но благодаря им мы сможем отыскать его.

— А этот Азим — один из них? — спросил Келсон.

Риченда кивнула.

— Ну, когда ты в следующий раз свяжешься с ним, пожалуйста, скажи ему, что это очень важно для меня,— сказал Келсон, указывая на письма.— И посыпай мне сообщения о том, как идут дела, если сможешь.

— Сделаю, сир.

Она хотела что-то добавить, но в этот момент в садик вошел Нигель с Коналом, Пэйном и Бренданом, явно ища Келсона. Конал и Нигель были в кожаных костюмах для верховой езды. Брендан, стараясь показать, что он вполне осознает важность своего нового положения в свите принца-регента, держался чрезвычайно прямо в своем пажеском наряде, но когда Риченда и Морган одобрительно кивнули ему, тут же расплылся в улыбке от уха до уха.

— Надеюсь, я не помешал чему-то важному,— сказал Нигель, когда Келсон обернулся и посмотрел на него.— Но эти новые копьеносцы прибыли наконец из Картирура. Я подумал, ты можешь захотеть взглянуть на них и поговорить с их офицерами, прежде чем они расседлают коней и разойдутся на ночлег. Я вообще-то не был уверен, что они доберутся вовремя и смогут завтра отправиться с тобой.

— Да, наверное, мне лучше пойти посмотреть на них,— сказал Келсон, поднимаясь.— Миледи, я приношу свои извинения за то, что увозжу вашего супруга, но думаю, ему тоже не будет лишним увидеть новых солдат, ведь от них могут зависеть наши жизни.

Риченда с улыбкой протянула руки и забрала у Моргана Бриону,— причем обоим явно не хотелось расставаться.

— Мне бы и в голову не пришло помешать моему супругу выполнять свои обязанности, сир,— сказала Риченда.— Кроме того, у меня есть и свои дела. Мне бы очень хотелось повидаться с принцессой Мораг и ее юным сыном.

Она собрала уже запечатанные письма и вручила их Ко-
410 налу, принявшему бумаги с поклоном.

— Пожалуйста, присмотри, чтобы их отправили немедленно, хорошо, Конал? Ты сможешь сделать это по пути, когда пойдешь следом за его величеством. А ты, Пэйн... ты не будешь так любезен, чтобы отнести вот эти свитки и перья с чернильницей в мои палаты?

Юный Пэйн, явно довольный тем, что был замечен прекрасной Ричендой, заалел и поклонился.

А Конал, идя за Бренданом и взрослыми из сада во двор замка, задумчиво смотрел на письма, вертя их и так, и эдак.

Глава седьмая

**Потому что они согласились
с одним; они объединились
против Тебя¹**

Войско Халдейна покинуло Ремут на следующее утро. Этой новости не понадобилось много времени, чтобы достичь бунтовщиков в Ратакрине. Келсон и его армия еще и дня не скакали на запад, когда шпионы на быстроногих кассанских конях уженесли сообщение через западные равнины Гвиннеда и через горные перевалы Дрогера и Култейна.

Там уже знали о продвижении армии Кассана на севере и готовились встретить ее. Меарские партизаны засели в Ратакрии сразу же после первой оттепели, и линии их пикетов и яркие шатры лагерей сверкали, как экзотические цветы, среди свежей зелени окружавших их лугов. Обуянные старой мечтой о суворенной Меаре, возможно, даже о восстановлении власти над Кирни и Кассаном, они продержались зиму, прежде всего в ожидании военной поддержки от церковников, а когда до них дошла весть о захвате в плен и убийстве принцессы Сиданы и ее брата, число их увеличилось во много раз; из северных крепостей Кастилеру и Киларден и из расположенных далеко на западе Лааса и Клума подошли новые силы. Пришли также люди с центральных меарских равнин, с гор на востоке; даже с дальнего юга, из Коннайта. К тому времени, когда они узнали о выходе в поход Келсона, перед воротами столицы Меара раскинули лагерь более двух тысяч человек.

Их ряды пополнились еще и за счет трехсот коннантских наемников: это был роскошный дар самозванного примаса Меары, Эдмунда Лориса, прежнего архиепископа Валоретского,— он мог позволить себе быть щедрым, поскольку, если бы вся эта

¹Псалмы 83:5

авантюра удалась, он бы выиграл для себя Кэйтрин, хотя и на духовной, а не мирской почве.

И даже если Лорис платил наемникам серебром, украденным его прихвостнем Лоуренсом Горони из сокровищницы Валорета, то какое до того было дело Меаре? Если Келсон Гвиннедский несправедливо лишил Лориса его поста,— что может быть справедливее, если Лорис использует имущество своей бывшей епархии для отражения Келсона и восстановления своих законных прав?

Лорис также призывал на службу и других, прежде служивших Гвиннеду: это были Григор Дални и Вильям дю Шанталь, соседи предателя Брайса, барона Трурила,— и едва ли это могло обрадовать Келсона. Были тут и другие, не такой завидной репутации: пограничник Тибальд Мак-Эрскин, Кормак Хамберлин и Тиган О'Дайр — настоящие бандиты, все изгнанные из Гвиннеда отцом Келсона,— но они привели в Меару людей своих кланов, хотя и руководила ими простая алчность, поскольку им была обещана доля в добыче, да к тому же они рвались отомстить Халдейнам.

Итак, все они собрались, по тем разнообразным причинам, которые увлекают мужчин на войну, и теперь готовились начать рискованное предприятие, которое либо освободило бы их от власти Халдейнов, либо ввергло бы их в зависимость на много поколений вперед. И когда в тот нежный майский день солнце приблизилось к зениту, солдаты заняли позиции перед воротами Ратаркина и ждали появления своей королевы; знамена полоскались на легком ветерке, дувшем со стороны ближайшего озера.

Все было готово к встрече королевы. Сразу за воротами, в тени белого шатра с откинутыми боковыми полотнищами, был воздвигнут алтарь, для того, чтобы провести службу, аналогичную проведенной несколько дней назад в Ремуте,— ради победы Меары. Священники, собравшиеся сейчас в павильоне для мессы, предыдущую ночь провели в лагере, выслушивая исповеди. И они знали, что солдаты верят: Бог на их стороне.

Вскоре должен был прибыть архиепископ, чтобы подтвердить эту веру — Эдмунд Лорис, который намеревался отправиться в бой вместе с армией Меары и сам командовать своими епископскими новобранцами и яростными коннантскими наемниками. Его главнокомандующий и первый помощник, монсеньор Лоуренс Горони, уже скакал вдоль шеренг, ободряя и благословляя солдат, отдавая последние инструкции офицерам и лордам, которые явились, чтобы сражаться за свободу своих земель.

По другую сторону ворот мятежные епископы, поддержавшие Лориса, ждали, когда из эскорта меарской королевской семьи отправится из епископского дворца к павильону,— епископы Кешиена и Баллимара, довольно молодые люди, совсем недавно поклявшиеся повиноваться преемнику Лориса на посту епископа Валоретского, Брадини и четверо странствующих епископов: Мир де Кирни, Гилберт Десмонд, Раймер де Валенс, а также Калдер Шиильский,— дядя Дугала Макардри. К концу дня лишь они, с небольшим гарнизоном, должны были остаться в тылу, чтобы охранять свою царственную леди и ожидать сообщения о поражении Халдейна.

В самом же Ратаркине самозваная королева Кэйтрин Меарская встретилась с остатками своего рода и их лидерами, чтобы провести последнее совещание перед тем, как отправиться на мессу на открытом воздухе. Кэйтрин пригласила всех в большую гостиную в доме епископа, где всю прошедшую долгую зиму собирался ее двор. Однако этим утром все выглядели почти по-домашнему, без особой официальности.

Сидя в лучах солнечного света у самого большого окна комнаты, выглядя в трауре по двум своим убитым детям скорее как монахиня, чем как королева, Кэйтрин скрывала напряженное ожидание, занимаясь тем, что нашивала на плащ старшего сына герб независимой Меары, рядом с его собственным гербом. Владелец плаща, принц Ител, расположился возле камина, помогая своему отцу приладить как следует ножные латы, чтобы те надежно поддерживали ногу, еще слабую после падения с лошади зимой. На обоих были кольчуги из кожи и стали; на плаще Сикарда красовались его собственный герб и герб его супруги, пограничные коты Макардри и алые символы Меары, на серебряных и золотых клетках.

— Нет, надо потуже,— пробормотал он, когда Ител просунул палец под ремешки, проверяя, хорошо ли они затянуты.

Эдмунд Лорис, выгляделший куда моложе своих шестидесяти лет, расположился в кресле справа от Итела и Сикарда; его верховой костюм и кольчуга винного цвета были почти скрыты под белым плащом, доходившим до лодыжек, с вышитыми на груди и спине большими синими крестами. Он и другие присутствующие слушали, с разной мерой согласия, горячо говорившего человека, примерно вполовину моложе Лориса, на плаще которого красовался герб барона Трурила. Лорис явно был недоволен его речью.

— Я все равно убежден, что те силы Келсона, что идут с юга, совсем не представляют такой угрозы, как то, что делает 414 Кассан на севере,— заявил барон Трурил, которому предсто-

яло идти на юг под формальным командованием шестнадцатилетнего Итела.— Я могу разбить Келсона; я могу задержать его, почти не понеся потерь. Я даже готов потерять собственные земли на юге и на востоке, чтобы выиграть для вас время, если нужно. Но в конце концов все это срунда перед одним неопровергимым фактом: если вы не остановите на севере армию епископа Маклайна, и он соединится с главными силами Халдейна, нам вообще незачем начинать молебен.

Лорис вертел епископский перстень на правой руке, и его синие глаза горели опасным огнем фанатизма. Он негромко сказал:

— Ваши доводы давно всем наскучили, Брайс. Можете вы говорить о чем-нибудь другом, кроме этого нахального священника Дерини?

Сикард наконец окончательно приладил латы и бросил на Лориса резкий взгляд.

— Бога ради, оставьте, Лорис! — раздраженно бросил он.— Брайс не единственный, кто нагоняет скуку. Этот «нахальный священник Дерини» не сходит у вас с языка. Но он и сам может позаботиться о своей душе.

— Вы говорите так, словно его душа ничего не стоит, ми-лорд,— ледяным тоном произнес Лорис.

Сикард, чье терпение явно подходило к концу, устало выпрямился и уперся кулаками в бока, а юный Ител тихонько опустился на скамейку у камина, наблюдая за старшими. Кэйтрин не обращала ни на кого внимания, продолжая шить.

— Душа Маклайна,— заметил Сикард,— не является тем фактором, который определит для нас тяжесть схватки с ним. Тут важны его ум и сообразительность. Если Маклайн в бою таков же, как его отец,— он будет опасным противником, и только это имеет значения до тех пор, пока мы не выиграем битву.

— Он символизирует все то зло, что таится в Халдейнах,— пробормотал Лорис.— Само его существование оскорбительно для меня.

— А твое — оскорбительно для него, архиепископ,— возразил Сикард, хватая свой оружейный пояс и надевая его.— Несмотря на то, что ты иной раз слишком примитивно делишь все на зло и добро, на черное и белое, вполне возможно, что в этом мире есть и вещи серого цвета.

Глаза Лориса опасно сузились.

— Ты осмеливаешься предполагать, что можно иной раз *посмотреть сквозь пальцы* на то, что делает Маклайн?

— Сикард не предполагает ничего столь ужасного, Эд-мунд,— Кэйтрин закрепила нитку и откусила ее.— Не стоит

высказываться так поспешно. *Мэр* не враги тебе; и мы не Дери-ни, мы даже не сочувствуем им. Просто всех немного утомляет то, что ты постоянно выбираешь Маклайна предметом своего гнева, как будто он один ответственен за нынешнюю ситуацию.

Лорис глубоко вдохнул и осторожно, медленно выдохнул, несколько раз согнув и разогнув пальцы при этом.

— Вы правы, миледи,— признал он.— Я иной раз неумерен в своей ненависти. Это слабость.

— Но вполне понятная, уверяю тебя. Ител, все готово, доро-гой.— Она встряхнула плащ и протянула его сыну; тот взял его и стал надевать поверх доспехов.

— Я, с другой стороны,— продолжила Кэйтрин,— много лет подогревала свою ненависть к Халдейнам на небольшом, но не менее горячем пламени. Признаюсь, однако, что оно сразу вспыхивает, когда мне напоминают о моей милой Сидане и ее брате.

— О, да. И насколько я помню, король Брион убил вашего первого мужа, не так ли? — мягко произнес Лорис, глядя на Кэйтрин прищуренными глазами.

Кэйтрин с мрачным видом отвернулась к окну.

— Да... И моего первенца, он тогда был совсем еще младен-цем...— Она вздохнула и перекрестилась, опустив голову.— Но тогда я была молодой. Теперь я уже не молода. И сын Бриона убил еще двух моих детей. Если он убьет еще и Итела, все бу-дет кончено. Даже если мы с Сикардом останемся в живых, я слишком стара, чтобы обзаводиться новым потомством.

— Господь не допустит этого,— без особой уверенности про-изнес Лорис.— Но если такое все же случится, есть еще одна ветвь королевского рода Меары, род Джедаила. И я полагаю, есть еще младшая линия, ведь так? Рэмси Клумский, да?

Грубая бесцеремонность его слов лишила всех членов Меар-ской королевской семьи дара речи. Кэйтрин побелела так, что ее кожа стала почти одного цвета с платьем и чепцом; Сикард застыл на месте. От красивого лица юного Итела отхлынула кровь, и принц, откинувшись на спинку скамьи, безмолвно смотрел на своих родителей, и его светлый плащ внезапно стал похож не на гордое боевое знамя, а на похоронный саван.

— Ох... да ты просто грязный ублюдок, Лорис! — прорычал Брайс, утешающим жестом опуская руку на плечо юноши и сверля архиепископа взглядом.— Что ты болтаешь!

Лорис в ответ лишь пожал плечами, внимательно рассматривая свои холеные руки.

— Не дерзи, Брайс,— сказал он наконец.— Мы обязаны

— Отлично,— сказал Сикард, справляясь наконец с собой.— Так будем же реалистами. Джедаил священник. Если даже ему придется занять место Итела, линия на нем прекратится. И ни к чему напоминать о том, что в Рэмси течет кровь та же кровь, что и в Келсоне, только по младшей ветви.

— Ну, об этом незачем знать тем, кто будет защищать Меару,— спокойно ответил Лорис.— А старшой ветви Джедаила вовсе ни к чему обрываться на нем самом. Она может продолжиться точно так же, как продолжилась линия Халдейнов, когда Синхил Халдейн, священник, восстановил трон Гвиннедов двести лет назад.

— Как это произошло? — спросила Кэйтрин.

Лорис позволил себе легкую усмешку.

— Обеты священника могут быть сняты с него, как были сняты с короля Синхила. Я уже говорил с ним об этом, и он согласен.

Сикард, обменявшийся негодящим взглядом с Ителем и Брайсом, засунул большие пальцы рук за оружейный ремень и с отвращением отвернулся.

— Полагаю, ты даже не подумал о том, что это несколько преждевременно?

— Нет, всего лишь предусмотрительно,— ответил Лорис.— Если, конечно, вы не предполагаете, что Меара окончит свое существование со смертью основного наследника.— Он холодно улыбнулся.— Ну, конечно, *ты* ведь не королева, верно, Сикард? Ты лишь муж королевы. Три поколения королев боролись за сохранение прав престолонаследия, но ты имеешь с этим дело меньше двух десятков лет, да и то, извини за напоминание, лишь в роли принца-консорта. Так что от тебя едва ли можно ожидать понимания.

Ошеломленный Сикард резко повернулся; Брайс яростно пнул одно из длинных поленьев, лежавших с краю в камине,пустив фонтан искр, и тоже обернулся к архиепископу.

— Лорис, даже если бы ты *действительно* был архиепископом... ты просто надутый осел! — рявкнул он, протягивая руку и останавливая Сикарда.— *Нечего удивляться*, что тебя выкинули из Гвиннеда!

— Придержи язык, Трурил!

— Брайс, прошу! — вмешалась Кэйтрин.— Сикард, умоляю тебя...

— Простите, мадам, но дело зашло слишком далеко,— возразил Брайс.— Мы намерены *выиграть* битву, Лорис. *Если*, конечно, ты и твои чертовы коннантские наемники сделаете то, чего от вас ожидают.

— Они сделают то, за что им заплатили,— сухо ответил Лорис.— И если армия под командованием милорда Сикарда сделает то, что она должна сделать, Маклайн окажется в ловушке, из которой невозможно будет сбежать.

— Он и не сбежит! — рявкнул Сикард.

— Так же, как не сбежал тот мальчишка Макардри, когда ты отвечал за него прошлой осенью? — поинтересовался Лорис.

Юный Ител покраснел и резко вскочил на ноги.

— Я убью этого Дугала Макардри! — закричал он.

— Ты отправишься со мной и Брайсом навстречу Халдейну,— возразил его отец.— Я сам разберусь с моим дорогим племянником... и с Маклайном.

— Ты можешь достать этого парнишку,— сказал Лорис.— Ты можешь даже управиться с Маклайном на поле боя... хотя я надеюсь, что тебе не придется убивать его в открытую. У меня кое-что приготовлено для нашего дорогого епископа-герцога Дерини. Если он попадется в мою западню, он мой!

— Да уж, пожалуй, для тебя самого будет лучше, если ты доберешься до него первым,— с отвращением сказал Сикард и отвернулся.

Они еще несколько секунд сердито перебрасывались словами, но уже остывая,— и наконец стук в дверь возвестил о прибытии епископов Креоды и Джедаила, в алых ризах поверх обычных священнических облачений. Старик Креода в своих епископских регалиях выглядел именно почтенным жрецом, но на Джедаиле риза казалась скорее королевской мантией, нежели чем-то церковным; он наклонился и поцеловал свою тетушку в щеку, и его серебристые волосы вспыхнули короной над его головой, когда он вошел в круг солнечного света. Если он и заметил явно прохладные взгляды Итела и Брайса, то не дал этого понять.

— Ваше королевское величество,— произнес Креода, торжественно склоняясь перед Кэйтрин,— ваш эскорта готов. Ваши поданные ждут вас.

Кэйтрин, бросил на Лориса уничтожающий взгляд, встала и расправила юбку платья.

— Благодарю вас, епископ Креода. Мы готовы.

Пока она поправляла маленький чепец, прикрывающий ее седые волосы, Сикард принес с другого конца комнаты ее шкатулку и опустился перед королевой на одно колено, чтобы ей удобнее было взять из шкатулки корону. Когда Кэйтрин надела ее, рубины и сапфиры, усыпавшие золотой обруч, вспыхнули в солнечном свете, наделив бледное, усталое лицо истинно королевским величием. В это мгновение она и выглядела ко-

ролевой до самых кончиков ногтей, и все присутствовавшие в комнате опустились в знак почтения на колени — даже Лорис.

— Вы будете править суверенной и обновленной Меарой, миледи... я клянусь в этом! — воскликнул Брайс, пылко целуя руку Кэйтрин.

— Да, мадам, так будет! — с энтузиазмом поддержал его Креда, а за ним и Джедаил, и — куда более сдержанно — Лорис.

Затем ее супруг повел ее к выходу из гостиной; Лорис и его клирики шли следом, за ними — Брайс и Ител, тихонько говоря между собой о чем-то и то и дело поглядывая на гордого архиепископа, шествовавшего перед ними.

Глава восьмая

Несется конница, сверкает меч и блестят копья¹

Все последующие недели быстро дали почувствовать всю соровость войны как бунтовщикам, так и сторонникам Халдейнов. Понимая, что соединение армий Кассана и Халдейнов развеет все надежды Меары, в соответствии с разработанной стратегией преследования и заманивания в ловушку Брайс и Ител поспешили на юг и восток, чтобы тянуть время и задержать продвижение Келсона, в то время как Сикард и главная часть армии Меары играли в кошки-мышки на севере, начиная маневры, которые, как они надеялись, завлекут в капкан кассанских новобранцев под командованием Дункана. Первые стычки противников оказались совсем не такими, как ожидали полководцы Гвиннеда, и в особенности был изумлен сам Келсон.

— Я думал, мы столкнемся с более традиционным сопротивлением здесь, на юге,— сказал он Моргану, когда они отразили очередной ночной налет на их лагерь.— Мы еще ни разу не видели достаточно большого отряда, всего сотня-другая человек. Я начинаю сомневаться, имеем ли мы вообще дело с армией как таковой.

Морган, стиснув зубы, наблюдал за тем, как сержант-улан приканчивает гнедую кобылу,— одну из почти дюжины лошадей, которым противник перерезал поджилки во время налета. Кровь черным фонтаном хлынула в свете фонаря, и юный Брендан уткнулся лицом в бок приемного отца.

— Не думаю, что это армия, мой принц,— мягко сказал Морган, утешающе поглаживая Брендана по золотым волосам.— Каждым из налетов явно руководил другой командир. Полагаю, этот Сикард разбил по крайней мере часть своей армии на са-

¹Наум 3:3

мостоятельные отряды, надеясь измотать нас этими мелкими стычками. Это типично пограничная тактика.

— Сир! Ваше величество! — К ним бежал оруженосец Келсона, Джатам.— Герцог Эван взял пленного, но тот уже умирает. Если хотите что-нибудь узнать от него, вам бы лучше поспешить.

Они побежали следом за Джатамом туда, где армейский хирург усердно трудился над над бледным до синевы человеком в пограничных доспехах и пледе, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из раны в его животе. Человек дышал с трудом, скованной болью, и его руки непроизвольно хватались за бандаж, который хирург прижимал к ране. Архиепископ Кардиель стоял на коленях возле головы раненного. Келсон тоже опустился на колени и взял в руки голову несчастного. Тот попытался уклониться.

— Ничего не выйдет, сир,— сказал хирург, отец Лаэл, хватая пленного за запястья, чтобы остановить беспрерывное движение рук, в то время как Морган присел на корточки по другую сторону от лежащего и просунул одну руку под пропитанную кровью повязку, а другую — под кожаную куртку, чтобы проверить, как работает сердце.

Сопротивление раненного ослабло, когда Келсон начал блокировать боль,— но скорее из-за того, что его состояние совсем ухудшилось, чем из-за замедления агонии. Кровь толчками вытекала между пальцами Моргана с каждым ударом сердца — Морган даже удивился, как этот человек сумел прожить так долго, и в отчаянной попытке хотя бы ненадолго отсрочить неизбежное погрузил руку еще глубже в рану, призывая свой лекарский дар.

— Нет... я его теряю,— прошептал Келсон, прикрывая глаза и пытаясь проникнуть сквозь барьеры угасающего сознания,— но там уже сгущалась тьма смерти.

— Я тоже,— откликнулся Морган.

Он сделал все, что мог, чтобы влить энергию в чужое тело, и почувствовал, как сила всколыхнулась в нем,— но внезапно выпрямился и резко глотнул воздух, как вытащенная из воды рыба. Они опоздали.

Он прекратил попытки, и ощущение силы растаяло. Раненный чуть повернулся, тихонько вздохнул — и затих. Морган не пытался вмешаться в действия Келсона; он лишь на мгновение прикрыл глаза, возвращаясь в обычное состояние, и совершиенно не беспокоился о том, что подумают окружающие.

— Н-да...— прошептал Келсон, напряженный и даже слегка негодующий. Он поднял голову и несколько раз морг-

нул, с трудом фокусируя взгляд на лице Моргана.— Это был человек Григора Дални. Черт, я и не знал, что *и этот* меня предал!

Вздохнув, Морган снял руки с мертвого тела. Он был весьма признателен Конала за кувшин с водой и полотенце, которые тот поспешил принести.

— Ты действительно удивлен этим, мой принц, если учесть ту пограничную тактику, с которой мы столкнулись? — проворчал он, машинально отмывая руки и продолжая настраивать сознание на обычную деятельность.

Герцог Эван поднял обрывок окровавленного пледа.

— Ну, здесь и еще один пограничный знак, сир. Аларик, узнаешь рисунок?

Морган отрицательно качнул головой; Эван скривился и набросил плед на лицо мертвеца.

— Мак-Эрскин. А один из моих разведчиков клянется, что видел старого Тегана О’Дайра. Сикард собрал к себе всех чертовых уродов!

— Больше похоже на то, что это Брайс Трурил их собрал,— возразил Келсон, устало поднимаясь на ноги.— Он и Григор Дални всегда были как две горошины в одном стручке.

Морган молча вытер руки, повесил полотенце на плечо Конала, благодарно кивнув, но когда несколько ночей спустя они связались с Дунканом в глубоком трансе Дерини, он передал возникшие у него и Келсона подозрения.

«*Мы подозреваем, что главная часть армии Меары совсем не на юге,* — сказал он Дункану.— *До сих пор мы сталкивались только с отдельными бандами — около ста человек, и только, и они ни разу не нападали открыто. Сикард должен был отправить главные силы на север, навстречу тебе.*

«*А Брайс и его приспешники тем временем задерживают вас?* — откликнулся Дункан.— *Да, это возможно. Мы еще не столкнулись с главными силами, хотя и ясно, что она неподалеку. Они стараются не допустить, чтобы наши силы встретились.*

«*Это точно,* — согласился Морган.— *Где ты сейчас?*»

«*К югу от Килардена, на большой равнине. На нас тоже нападают по ночам малыми группами... по большей части коннaитские наемники, хотя мы видели и епископских рыцарей Джодрея прочитал у них в умах, что ими командуют Горони и Лорис.*»

— А где же сам Сикард? — вслух сказал Келсон, когда контакт прервался и он стал следить за тем, как Морган готовится снять защиту.— Если мы его не видели, и Дункан его не видел...

Морган покачал головой, отказываясь от обсуждения, 422 пока он занят, задул свечу, стоявшую на походном столе

между ними и надел на руку кольцо с печаткой, которое он только что использовал как точку концентрации. Вокруг них, едва видимый в красноватом свете фонарей, висевших снаружи вокруг шатра, мягко поблескивал серебром купол защиты, вздрагнувший на время переговоров. Серебро засветилось чуть ярче, когда Морган поднял ладони до уровня плеч, чуть развел их в стороны и медленно, сосредоточенно вдохнул.

— *Ex tenebris te vocavi, Domine*, — шепотом произнес Морган, медленно поворачивая руки ладонями вниз. — *Te vocavi, et lucem dedisti*. Из тьмы призываю Тебя, Господин. Я обращаюсь к Тебе, дающему свет. Самые ничтожные из Твоих слуг послушны Твоей воле. Пусть будет так по воле Твоей...

Когда он опустил руки, свет купола поблек и угас, оставив лишь четыре пары полированных кубиков размером с игральную кость, сложенных столбиками на столе, белые поверх черных.

Когда Келсон потянулся к ним, чтобы убрать, два столбика опрокинулись и упали на покрытый соломенными циновками пол шатра, поскольку без поддерживающей их силы магии утратили баланс. Морган опустился на свой стул и вздохнул, с утомленным видом потирая двумя пальцами переносицу, — а Келсон сложил кубики защиты в красную кожаную шкатулку.

— Каждый раз все труднее, а? — пробормотал Келсон, ставя шкатулку рядом с погасшей свечой.

— Нет, просто я сегодня устал больше обычного, — Морган снова вздохнул и с трудом улыбнулся. — Хотя вообще-то это никогда не было легко, и этот дар не приспособлен к тому, чтобы его использовать на таких расстояниях... по крайней мере, не так часто.

Он закрыл глаза и начал мысленно начитывать отгоняющие усталость формулы, заодно пытаясь избавиться от все усиливающейся головной боли. Но Келсон прервал его внезапным восклицанием:

— Чертов Сикард! Ох, как бы мне хотелось, чтобы эта дурацкая война уже кончилась!

Морган сонно кивнул и попытался продолжить начитывание, но вместо этого зевнул. Наконец он едва не стукнулся лбом о стол. Келсон коснулся его плеча.

— Эй, ты в порядке?

Морган кивнул, но никак не мог сфокусироваться на лице Келсона.

— Просто реакция, — пробормотал он и снова зевнул. — Я не высыпаюсь вторую неделю.

— И, конечно, помалкиваешь об этом? — Келсон обошел стол и поднял своего наставника, крепко взяв под локоть.— Слишком часто пользуешься чарами, так? Изгоняешь усталость. И сейчас хотел сделать то же самое,— негодуяще произнес он, таща Моргана к его кровати, стоявшей напротив королевской.— Ну, сегодня ты будешь спать, даже если мне придется привязать тебя к кровати.

Морган ухитился изобразить кривую улыбку, позволяя Келсону волочь себя к постели, но колени под ним подгибались, и он просто свалился на кровать.

— Не придется, мой принц...— пообещал он, открывая свой ум перед Келсоном.

— Вот и хорошо,— прошептал король, легко касаясь лба Моргана кончиками пальцев.— Расслабься и усни. Ты достаточно сделал на сегодня. К тому же ты не единственный Дерини в лагере, ты знаешь. И в будущем я намерен требовать, чтобы ты позволял мне нести ношу побольше.

«Только если она не ослабит тебя...» — начал было Морган мысленную речь, но Келсон не дал ему продолжить.

«Мы обсудим это, когда ты как следует отдохнешь. А сейчас лучше поспи».

И Морган уснул.

* * *

После этого они сократили контакты с Дунканом, чтобы не слишком истощать силы.

Тем временем неясность тактической ситуации все нарастала, а вместе с ней и разочарование.

— Как мы можем сражаться с врагом, если мы его не видим, черт побери! — жаловался Келсон, когда они миновали горы к западу от Драгера и повернули к северу, по-прежнему сталкиваясь только с отдельными военными отрядами.

Они проникали все глубже в земли Меары, и их беспокоило то, что враг применял тактику выжженной земли на их пути.

— Пока что у нас нет проблем со снабжением,— доложил генерал Реми на совещании штаба в один из вечеров.— Пока мы можем раздобыть домашний скот или охотиться, мы можем накормить солдат, но к середине лета или чуть позже будет сложнее. К тому же такая большая армия, как наша, движется медленно. Я подумал, не лучше ли нам будет взять пример с противника и разбриться на меньшие отряды, более маневренные.

В этой части страны мы не подвергнемся особой опасности, а действовать сможем более эффективно.

Генералы решили, что идея неплоха, и Келсону она тоже понравилась. На следующее утро армию разделили на четыре полуавтономные части, которыми командовали герцог Эван, генералы Реми и Глодрут, и Морган. Келсон остался с Морганом. К концу дня отряды разошлись на расстояние полудневного марша, растянувшись вдоль линии продвижения. Связь между ними поддерживали курьеры, и схватки с до того почти призрачным противником стали приносить более ощутимые результаты и вызывать уже более откровенные меры противника.

— Боюсь, теперь мы будем видеть все больше и больше вот такого,— сказал Морган королю в одно солнечное июньское утро, когда прошел уже ровно месяц после их выхода из Ремута.

Они скакали по тропинке среди поля, сожженного противником ради того, чтобы Хаддейн не мог попользоваться урожаем, а впереди вставали обгоревшие развалины большой деревни. Поле по обе стороны тропы еще дымилось, и дым тянулся от обуглившихся стен и крыш домов.

— Да, пожалуй, дальше будет хуже,— согласился Келсон.

Такие картины они видели всю прошедшую неделю, и опустошения, производимые противником на его собственной земле, уже не ограничивались сожжением полей и складов, как поначалу,— теперь страдали уже простые жители Меары, лишенные своих домов. Каждый день отряд Келсона видел уничтоженные деревни и городки, видел несчастных беженцев — простых крестьян и горожан, потерявших все из-за войны; им предстояло заново начинать жизнь после ухода солдат, и их вовсе не интересовало, кто именно будет сидеть на королевском троне, если им и их детям придется из-за этого жить под открытым небом и голодать.

Келсон чувствовал на себе взгляды выживших горожан, когда он, Морган и небольшой эскорт въехали в очередной город; Джатам скакал впереди с ярким знаменем Хаддайна. Отряд копьеносцев промчался в авангарде, чтобы расчистить путь и разогнать тех, кто вздумает оказать сопротивление, и горожане начали понемногу выглядывать из-за дверей и из окон. Какой-то старик плюнул при виде отряда, а женщина с глубоко запавшими глазами, державшая у груди младенца, немигающим взглядом уставилась на Келсона из-за перекосившейся двери маленького обгоревшего коттеджа.

Ощущив укол боли в сердце, Келсон опустил глаза, стыдясь своего воинского звания, желая, чтобы исчезла необходимость в войнах и всегда царил мир.

— Это, пожалуй, наихудшая сторона войны,— пробормотал он, обращаясь к Моргану, когда они направляли

их огромных коней вдоль вымощенной булыжником улицы.— Почему из-за безрассудства господ всегда страдают простые люди?

— Таков мрачный, но неизбежный результат войны, ми-лорд,— ответил Морган.— Если бы мы впали в такое же отчаяние, в какое начинают впадать меарцы, мы бы...

Внезапно он замолчал и привстал на стременах, вглядываясь вперед.

— В чем дело? — спросил Келсон, глядя в ту же сторону.

В конце улицы два десятка верховых копьеносцев остановились у лестницы, ведущей ко входу скромной, но величественной церкви; от здания слева отходила крытая аркада, окружавшая двор. Стены в нескольких местах были проломлены, кованые решетчатые ворота сорваны с петель, а над монастырем позади церкви лениво курился дым.

— Мне это не нравится,— пробормотал Морган, когда увидел нескольких явно возбужденных копьеносцев, вышедших из боковой двери церкви.

Они с Келсоном мгновенно бросили коней вперед и помчались, обогнув с двух сторон эскорт Джатама со знаменем. Солдаты у церкви к моменту их приближения уже отчасти взяли себя в руки, но тем не менее лица копьеносцев были мрачными и напряженными. Один из самых молодых воинов присел на корточки и опустил голову к коленям, близкий к обмороку, а офицер отряда молча смотрел на остановившегося рядом Моргана, и на его бледном лице была написана ярость. Морган спешился, следя за приближавшимся к нему позеленевшим Коналом, за которым, спотыкаясь, брели Роджер и молодой граф Дженас, выгляделший так, словно он готов убить всякого, кто рискнет перейти ему дорогу.

— Что случилось? — резко спросил Морган, отворачиваясь от своего коня и снимая шлем.

Капитан копьеносцев покачал головой, передавая поводья коня Моргана одному из солдат, а сам беря повод коня Келсона, как только король также спешился.

— Нечто такое, чем этот подлец Трурил очень бы гордился, я полагаю, ваша светлость. Это монастырь... или был монастырь. Что еще можно сказать?

— Откуда тебе знать, что это Трурил? — спросил Келсон, также снимая шлем и шапку. По его тону и по тому, как небрежно король взял шлем подмышку, Морган догадался, что суть про-исшедшего, понятная более испытанным в боях воинам, еще не

дошла полностью до семнадцатилетнего короля. Что Келсон 426 еще не до конца осознал, что происходит с Роджером,— хо-

тя вид молодого графа мог бы дать королю полный ответ на все его вопросы.

— О, это Трурил, точно, сир,— сказал граф Роджер, и Морган ощутил всю ненависть, вложенную графом в звук этого имени.— Сестры не разбираются в гербах, но один из монахов описал... Конал, черт тебя побери, если хочешь блевать, сделай это где-нибудь в другом месте! — рявкнул он, неожиданно хватая принца за руку повыше локтя и как следует встряхивая его.— Такое случается!

— Какое... случается? — резко спросил Келсон, не желая верить в то, что лишь теперь начал понимать.— Ты хочешь сказать...

— Келсон, они... они изнасиловали сестер! — выдохнул Конал, слишком потрясенный, чтобы обратить внимание на ту вольность, с какой Роджер обошелся с его царственной персоной.— Они... они даже убили нескольких! И они о... осквернили церковь! Они...

— Они имели монахинь в боковых приделах... и мочились на алтарь, сир! — грубо рявкнул Роджер, пылая яростью.— Извините, я не слишком красиво выразился, но в этом деле слишком мало красоты! Как и в людях, которые это сделали. Если вы никогда прежде не видывали такого — ну, может быть, теперь самое время вам узнать, что за скотина этот Брайс Трурил!

После вспышки Роджера Морган не сомневался в том, что они увидят внутри. Держа в узде собственный гнев, он отдал графу своей шлем с герцогской короной и предложил бледному до синевы Келсону сделать то же самое,— и когда их руки соприкоснулись на мгновение, передал королю те яркие картины, которые успел увидеть в умах потрясенных солдат.

Они с королем быстро прошли между Роджером и Коналом, которого теперь колотила дрожь, и взбежали по усыпаным осколками стекла и камней ступеням. Они еще не подошли к разбитой двери, когда до них уже донеслись изнутри безумные крики раненых и изнасилованных, висевшие в неподвижном воздухе вместе с вонью дыма и крови. Но даже образы, переданные королю силой Дерини, не подготовили Келсона к тому, что он увидел внутри.

Насилие всегда было одним из тех преступлений, на которые рыцари и прочие знатные люди смотрели сквозь пальцы, в отличие от оскорблений святых мест,— хотя и такое во время войны случалось куда чаще, чем обычно.

Но разгром монастыря святой Бригитты был невообразимым проступком для большинства, поскольку здесь главными жертвами стали монахини, чье положение святых жен-

щин обычно защищало их от судьбы, предназначенней мириянкам.

— Мы умоляли их пощадить нас, милорд,— сказала Моргану одна из женщин в голубом одеянии, заливаясь слезами, когда он и Келсон остановились ненадолго, отдавая приказы о помощи раненым.— Мы дали им запасы, которых они потребовали. Мы опустошили все кладовые. Мы и не думали, что они способны сделать такое в церкви, чтобы... чтобы получить свое удовольствие.

— Проклятые, проклятые люди! — поддержала ее другая, стоявшая на коленях и следившая за обворванным и покрытым синяками старым монахом, соборовавшим сестру, неподвижно лежавшую в дверях, ведших из церкви в аркаду.— Они были как звери! Да простит их Господь за содеянное, потому что я их не прощу, и пусть мне это стоит райской жизни!

Справившись с первым потрясением, Келсон принялся за методичный осмотр церкви. Они с Морганом, никем не узнанные, ходили между выжившими. В большинстве умов алая кольчуга Келсона с золотым львом смутно связывалась с Халдейнами — возможно, его принимали за оруженосца, или за молодого рыцаря из свиты короля... только и всего. А доспехи Моргана вообще едва ли кто мог признать в такой маленькой общине, далекой от южной Меары.

— О, тут были и знатные лорды, и простые солдаты,— в ответ на вопрос сказала плачущая монахиня.— На многих были красивые доспехи, вроде ваших.

Другие припомнили клетчатые пледы и кожаные доспехи пограничников, с подозрением поглядывая на косу Келсона.

— Можете вы описать, какие там были клетки, или что было на щитах, плащах? — спрашивал у всех Морган.— Цвет поможет нам определить, кто это был.

Но большинство оставшихся в живых были слишком испуганы и ошеломлены, чтобы припомнить какие-то полезные детали, а Моргану и Келсону не хотелось при таких обстоятельствах использовать методы Дерини. Но вот они добрались до разрушенного сада, и там обнаружили нечто неожиданное.

Сначала им показалось, что они услышат повторение все той же печальной истории: им предстала истерично всхлипывающая девушка с пышными светлыми волосами, съежившаяся от страха при их приближении; ее крепко обнимала другая молодая девица, на голове которой сохранилась монашеская шапочка.

Обе были в светло-голубых рясах послушниц. Выглядели они лет на шестнадцать или даже меньше того.

— Ох, да не все ли равно, кто это был? — неожиданно услышали Келсон и Морган в ответ на свой вопрос. Девушка в шапочке подняла на них заплаканные глаза.— Он сказал ей, что его тошнит от епископского сана, и что он намерен показать всем, что он мужчина... Мужчина... ха! — Яростный огонь полыхнул в ее темно-карих глазах.— Большой, важный человек насилиет невинную женщину! Она-то тут при чем? Какое она имеет отношение к тем епископам, которые вроде бы обидели его? Теперь ей никогда не видать своего суженого!

— Ее суженого? — переспросил Келсон, опускаясь на корточки рядом с девушками.— И... епископы? Подожди, разве она не монахиня?

— Принцесса Джаннивер? — изумленно посмотрела на него девушка.— Ох, я думала, вы уже знаете...

Рыдания принцессы усилились, когда прозвучали вслух ее имя и титул; темноволосая девушка сдернула с головы голубой чепчик и сунула в руки Джаннивер, вместо носового платка. Толстая иссиня-черная коса упала ей на спину; девушка, грязной рукой отведя с мокрых глаз выбившийся завиток, уже не так воинственно посмотрела на Келсона. Морган видел, что она до сих пор не догадывается, кто они такие.

— Видите ли, милорды... с чего же начать? — Заговорила она, пытаясь казаться вполне бесстрастной. В ее голосе звучала южная живость, вполне согласующаяся с черными волосами и оливковой кожей.— Она — единственная дочь коннантского принца,— продолжила смуглышка.— Она должна была выйти замуж за короля Лланнеда, и сюда приехала, чтобы провести здесь несколько дней в уединении. Ну, в таких случаях принято носить платье послушницы,— добавила девушка.— Потому на нее и напали, хотя она не одна из нас.

Келсон глянул на Моргана, и в ответ на его взгляд лорд Дериини опустился на колени рядом с девушками и королем.

— Детка, ей действительно причинили вред, или она просто очень испугана? — мягко спросил Морган.

Девушка затрясла головой и крепче обняла рыдающую Джаннивер в тщетной попытке утешить принцессу.—

— Думаю, она больше испугалась, чем... — прошептала она.— Она... она не хочет говорить об этом.

— А ты? — спросил Морган.

Девушка всхлипнула и прижалась лицом к золотым волосам Джаннивер.

— Меня не тронули,— пробормотала она.— Я была в келье с двумя другими сестрами, когда появились солдаты. Мы спрятались. Они нас не нашли, но они... они издевались над 429

сестрой Констанс. Четверо... Она была очень старой, и она... умерла.— Девушка вскинула голову и вызывающе посмотрела на мужчин.— Да вам-то какое дело? — резко спросила она.— Что ваши движет? Сострадание? Или вы просто тешите свод мужскую похоть?

— Я спрашиваю, потому что дома у меня остались жена и маленькая дочурка,— мягко сказал Морган, не принимая вызова.— Потому что я хотел бы помолиться о том, чтобы никому не выпало таких страданий, как тебе и принцессе. И я подумал, что мог бы помочь. Я немного умею исцелять.

— В самом деле, сэр? — Глаза девушки вспыхнули.— Ну, мы тут тоже немножко умеем лечить. Вам разве никто не сказал? Мы ведь орден госпитальеров. Наш орден как раз и был создан для того, чтобы помогать больным и раненым.— Она вдруг быстро осмотрелась по сторонам, и при виде растоптанного сада ее глаза снова наполнились слезами.— Мы существуем для того, чтобы приходить на помощь страдающим, мы никому не причиняем вреда...

Она разрыдалась и закрыла лицо ладонями.

Морган придвигнулся чуть ближе к ней и протянул к ней руку, в то же время мысленно говоря Келсону, чтобы тот присмотрел за Джаннивер, которая съежилась и задохнулась при его приближении.

— Нет! Пожалуйста...— забормотала Джаннивер.

Но Келсон уже крепко держал принцессу за запястье одной рукой, а другую мягко, но в то же время плотно прижал к ее лбу, погружая девушку в сон. Она не успела договорить, как уже провалилась в благословенное беспамятство; Келсон прильнул к ней, чтобы подхватить ее, прежде чем она упала на розовый куст,— и она повисла на его руках.

Но Морган, пытавшийся проделать то же самое с подругой принцессы, натолкнулся на совсем другую реакцию: он ощутил рефлекторно вздыбившуюся волну защитной силы, когда его ум коснулся ее ума,— правильное, профессиональное сопротивление; но тут же сила вернулась в нейтральное состояние, когда одна сила Дерини опознала другую и девушка поняла его добрые намерения.

— Кто ты? — негромко спросил Морган, когда девушка прижалась к его груди с тихим стоном радости и, забыв о сопротивлении, расслабилась и задрожала.

— Росана,— ответила она.— Мой отец — Хаким, эмир Нур-Халля... А ты... кто ты?

«Она — Дерини! — сообщил Морган Келсону.— И, если я не ошибаюсь, родственница Риченды».

— Я Морган,— сказал он вслух.— А это Келсон Гвиннедский. И похоже на то, что ты родня моей жене, по браку.

«Твоей... твоей жене?»

Он почувствовал, как девушка вдруг напряглась, но ничего не мог прочитать в ее разуме, закрытом теперь непроницаемым полем,— а она отодвинулась и посмотрела на него. Но не сделала попытки коснуться его сознания.

Келсон, державший на руках бесчувственную Джаннивер, уставился на обоих в изумлении.

— Она, действительно, родня Риченде?

— Риченда? — прошептала Росана.— Риченда — твоя жена? Та что была графиней Марли?

— Ну да, среди всего прочего,— безмятежно ответил Морган.— Но сейчас она — герцогиня Корвин.

— Ох, милостивый боже, ну конечно же! — пробормотала Росана, прижимая ладони к губам и недоверчиво качая головой.— Морган... герцог Корвин, Дерини... и Келсон Халдейн, король Гвиннеда. Мне бы следовало сообразить.

— Ну, я знаю, конечно, что слава бежит впереди нас,— проворчал Морган,— однако...

— Ох, нет, милорд, я не хотела сказать ничего обидного... Но я помню Риченду с детства, еще до того, как она вышла замуж за Брэна Кориса. Она всегда играла со мной, и...

Она вдруг замолчала и перевела взгляд с Моргана на Келсона.

— Она родила сына от Брэна Кориса, милорд. А Брэн предал вас...

— А, да,— ответил Келсон.— Но его сын меня не предавал. Ты ведь не думаешь, что я стал бы...

— Конечно, она не думает,— перебил его Морган.— А ты когда-нибудь встречала этого мальчика, миледи?

Росана покачала головой.

— Ну, похоже, теперь у тебя есть такая возможность,— продолжил Морган, стараясь добиться, чтобы настроение Росаны изменилось.— Пожинай с нами сегодня вечером, и познакомишься с ним. Мой пасынок, Брендан Корис,— мой паж в этой кампании. Ему семь лет. А у нас с Ричендо — дочка, ей уже больше года. Ее зовут Бриона. Ты и не слыхала, что мы поженились?

— Нет, не слыхала...

Справившись с удивлением, Росана проявила искренний интерес к новостям из жизни Риченды, и принялась расспрашивать о ней и о детях, хотя и отклонила приглашение Моргана на ужин.

— Благодарю вас, милорд, но я не должна этого делать,— мягко сказала она, всматриваясь в спящую Джаннивер.— Мне не подобает бывать там, куда нет хода моим сестрам и простым горожанам,— разве что я приду для помощи больному... Кроме того, я понадоблюсь принцессе, когда она проснется... и спасибо вам, сир, за то, что даровали ей покой, хотя это следовало сделать мне... и если бы я не была так потрясена всеми этими злодействами...

— Я пришло к вам полковых врачей,— пообещал Келсон.— И продукты... и вам, и горожанам. И мы поможем с очищением церкви и с похоронами.

Он ушел, чтобы отдать необходимые приказы, а Морган понес спящую Джаннивер к церкви; там он оставил обеих девушек на попечении аббатисы. Поздно вечером, пожинав и выслушав донесения разведчиков о возможном маршруте налетчиков, Морган и молчаливый Келсон вернулись в монастырь, чтобы узнать, как там идут дела и как чувствуют себя их высокородные пациентки.

— Люди отлично работают,— сказал им архиепископ Кардиель, вышедший из церкви вместе с отцом Лаэлом, юристом маленьким священником, служившим его личным военным врачом и капелланом.— В церкви почти все прибрано. Я успею заново освятить ее, прежде чем мы отправимся утром дальше.

— А сестры? — спросил Морган.

Кардиель пожал плечами и вздохнул.

— Ну, тут дело не так просто, как с уборкой, Аларик... хотя я полагаю, что все стараются как могут...

— Сколько убито? — спросил Келсон.

— К счастью, не так много, как мы поначалу думали,— ответил Кардиель.— И, конечно, погибло больше мужчин, чем женщин. Пятеро послушников и монах были убиты сразу, когда пытались защитить женщин, и еще несколько потом избиты до смерти... обычное дело. Но из монахинь умерли только три: одна во время насилия, и две позже, из-за полученных ран. И очень многие успели сбежать.

— Слава богу,— пробормотал Келсон, перенося свое внимание на Лаэла.— В городе тоже есть погибшие. А как принцесса?

Обычно весьма жизнерадостный отец Лаэл, с медицинской сумкой на плече, оглянулся на дверь, через которую только что вышли они с архиепископом, и тяжело вздохнул.

— Я дал ей успокоительное, сир. Физически, я уверен, она быстро поправится. Конечно, эти старые монастырские курицы вряд ли разрешат мне находиться рядом с ней, но она молода, сильная... ей и не нужно серьезного ухода, не так уж

она и пострадала... физически.— Он снова вздохнул.— Что касается другого, такое излечивается медленно. Это слишком страшно, чтобы она могла просто забыть. Или сможет? — добавил он, с надеждой глянув сначала на Моргана, потом на Келсона, поскольку видел уже достаточно, чтобы догадываться об их возможностях.— Вы ведь можете заставить ее забыть, правда?

Келсон вдруг уставился на собственные ноги, уйдя в себя,— Морган понятия не имел, в чем тут причина,— и Морган, осторожно откашлявшись, отвлек на себя внимание отца Лаела.

— Ну, в пределах возможного, мы постараемся помочь, отец,— осторожно сказал он. — Однако если аббатиса не позволяет дотронуться до своей подопечной даже личному военному хирургу-капеллану архиепископа, то вообразите, что она почивает, если к ней сунутся герцог Дерини и кровожадный молодой король.

— Что, если она не позволит нам увидеть Джаннивер? — пребормотал Келсон, все еще чем-то озабоченный, когда оба священника ушли, и они с Морганом отправились к молельне, в которой спала Джаннивер.— Боже, мне следовало сделать это, пока была возможность, когда мы только нашли ее...

— Сделать что?

— Заглянуть в ее память! Вспомни, Росана сказала, что напавший на Джаннивер человек говорил что-то о высокомерных епископах и священниках. А если это Лорис?

— Ну... да, описание подходит,— согласился Морган.

— Конечно, подходит. Но даже если он говорил не о Лорисе, он мог сказать что-то такое, что даст нам ключ, мы сумеем выяснить, что руководит бандами бунтовщиков в этих краях. Я достану этого ублюдка!

— Ох...— Морган внезапно понял настроение Келсона.— А вдруг Росана уже сделала то, что, как предположил добрый отец Лаел, должны сделать мы?

Келсон замер на месте и в ужасе уставился на Моргана.

— Боже милостивый, ты думаешь, она это сделала?

Но Росана этого не сделала; однако стоило Келсону объяснять ей, чего они с Морганом хотят, она взорвалась.

— Нет, нет, тысячу раз — нет! — зашипела она, через спящую Джаннивер бешено глядя на Келсона; Морган неловко топтался в дверях молельни. Аббатиса, отправившись на молитву, оставила спящую под присмотром Росаны, и послушница-Дерини оказалась весьма надежной защитницей принцессы.

— Ну почему я до сих пор не очистила ее память! Да конечно же, я бы сделала это, если бы знала, о чем вы попросите!

— Миледи, это же очень быстро...— начал Келсон.

— Нет! Неужели вы не понимаете? Вам вообще не следовало приходить сюда! Разве она мало вытерпела? Да и ради какой цели все это?

— Ради моего чувства чести,— ответил Келсон.— Я хочу свершить правосудие над преступниками, если смогу. Я прочту ее воспоминания, Росана. Отойди.

— А, так вы намерены применить физическую силу, чтобы отогнать меня? — прошипела она, отступая на шаг назад, когда он протянул к ней руки, умоляя.— Это тоже входит в ваше чувство чести?

— Что?

— Впрочем, если вы так решили, я ничего не могу поделать,— сказала Росана.— Вас двое, вы мужчины, вы вооружены, а я всего лишь женщина, и я так же бессильна остановить вас, как она.

— Миледи...

— Вперед, одолейте меня! — дерзко воскликнула девушка.— Клянусь, вам придется это сделать, если вы хотите прикоснуться к ней. Вот только я сомневаюсь, что вы осмелитесь на такое — во мне есть и другая сила! — Она вызывающе вскинула голову.— Не знаю, какова ваша подготовка, но что умею я сама, мне известно. Бряд ли вы рискнете тронуть то, что может обрушиться на вас же самих!

Возможно, это была лишь детская бравада, но Келсон не мог знать наверняка. Если бы он не испытывал перед ней почти благоговейного страха — ведь он до сих пор не встречал женщин Дерини примерно своего возраста,— он бы просто шагнул вперед и сделал то, что считал необходимым. Он сомневался, что Росана действительно может установить полноценную психическую защиту, которой угрожала ему,— прямо здесь, в церкви. Что же касается малых психических сил...

Но это не было выходом. И Росане, и Джаннивер уже более чем досталось сегодня. Он должен был постараться убедить ее.

— Миледи, прошу, постараитесь понять,— начал он терпеливо.— Если я выясню, кто именно в ответе за случившееся здесь, это даст мне знание о моем враге. И я найду его — поверьте мне. А найдя, накажу его так, как он того заслужил.

— В самом деле, милорд? — бросила она, сверкая глазами.— Вы отомстите ему? А это вернет Джаннивер или кому-то еще то, что они потеряли?

— Миледи...

— «Я отомщу», сказал Господь,— продолжила она, цитируя священный текст.— «Я отплачу». Покровитель госпитальеров

434 сделает это, а не вы, Келсон Халдейн, король Гвиннеда!

Подобная дерзость взбесила Келсона, и он уже готов был и вправду применить силу. Он почти онемел от гнева, его серые глаза сузились в сосредоточении, он прижал стиснутые кулаки к поясу и быстро глянул на Моргана, а потом снова на Росану.

— Я ищу не мести, миледи, но правосудия,— возразил король, и голос его прозвучал низко от обуревавших Келсона чувств.— «О Боже, по твоей милости я король, и твоей милостью я сын короля». Вы думаете, миледи, только вы можете цитировать Писание в споре?

Ее рот приоткрылся от изумления. Росана явно не ожидала подобного ответа. Она отвернулась было от короля, но он схватил ее за плечо и развернул к себе лицом.

— Вы можете повернуться спиной ко мне, миледи, но вы не сможете повернуться спиной к Священному Писанию — если вы хоть немного уважаете то, что говорится в нем,— гневно сказал он.— «Пусть наша сила станет законом»,— снова процитировал он.— «Потому что у слабых нет другой защиты». Я желаю наказать его по закону, Росана. Я не позволю ничего другого в своем королевстве.

— Отпустите меня, милорд! — холодно произнесла девушка.— Отпустите, если уважаете то платье, которое я ношу!

Он вздохнул и выпустил ее руку, чувствуя, что она взяла верх, но когда он чуть обернулся, чтобы посмотреть на безвольную Джаннивер и все еще стоявшего в дверях Моргана, он понял, что не может оставить это просто так. Не может.

— Я еще раз прошу вас, миледи... ради нее,— тихо сказал он.

— Нет, милорд. Она находится под моей защитой. Ее больше некому защитить.

— Тогда, если вы не хотите, чтобы я напрямую прочел ее память, сделайте это сами,— умоляюще произнес Келсон, хватаясь за самую слабую надежду.— А потом позвольте мне прочитать в вашем уме то, что вы сочтете допустимым. Я знаю, что прошу слишком много, но для меня очень важно найти того, кто сделал это — все это!

И он взмахнул рукой, одним жестом охватывая весь монастырь, стараясь всей силой мысли дотянуться до девушки,— и она вдруг отпрянула, словно он ударил ее. Сморщившись, она снова отвернулась, склонив голову и прижав сложенные руки к губам, словно молясь. Но когда она снова повернулась к Келсону, напряжение отчали оставило ее.

— Я... я на время забыла о полной картине событий, милорд,— мягко сказала она, стараясь не встречаться взглядом с королем.— Я... я забыла, как много других людей пострадало от рук тех, кто сделал это...— Она снова склонила голову.— Я

сделаю то, чего вы хотите, но я... я должна попросить об уединении. Герцог Аларик, я вовсе не хочу проявить неуважение к вам, но... для меня это очень трудно. Не сама по себе процедура, а...

— Я понимаю,— пробормотал Морган, коротко кланяясь девушке, а затем переводя взгляд на короля.— Мне подождать снаружи, мой принц?

— Нет, возвращайся в шатер,— ответил Келсон, не сводя глаз с Росаны.— Я скоро буду.

Когда Морган вышел, закрыв за собой дверь, Росана вздохнула и шагнула к Джаннивер, неожиданно став похожей на испуганного ребенка, хрупкого и ранимого. Она опустилась на каменный пол рядом с низкой постелью. Келсон хотел подойти к ней, но она поняла его намерение и покачала головой, а затем чуть шевельнула рукой, останавливая его.

— Прошу, милорда, я должна сделать это одна,— прошептала она; ее лицо в свете единственной свечи казалось вытянутым.— Не пытайтесь мне помочь, ни мне, ни ее высочеству. Она разгневается и испугается, и будет очень смущена, если хотя бы заподозрит, что я узнала о том, что ей пришлось перенести. Прикосновение к уму — это куда более интимно, чем любое насилие над телом. Когда я закончу, я покажу вам то, что вас касается.

Келсон лишь кивнул и осторожно сел на приступку у алтаря. Сдерживая дыхание, он наблюдал за тем, как Росана взяла обеими руками руку Джаннивер. Он почувствовал, как девушка входит в транс и был готов в любое мгновение вступить в контакт.

Потом глаза Росаны закрылись, она вздрогнула, покачала головой, наклонилась и прижалась лбом к мягкому краю постели... ее плечи тряслись, она молча переживала то, что видела.

Келсону хотелось прикоснуться к ней и самому увидеть все это, но данное обещание удерживало его на месте. Когда она наконец подняла голову и посмотрела на него, ее лицо было смертельно бледным, а глаза полны слез. Но вот она, казалось, овладела собой и осторожно положила руку Джаннивер на одеяло, нежно погладила спящую девушку по голове и снова посмотрела на короля.

— Я и не ожидала, конечно, что ей известно его имя,— тихо сказала она.— Так что тут нет ничего удивительного. Но я могу показать вам его лицо... и герб на его плаще. Этого будет достаточно?

Келсон кивнул, не решаясь заговорить.

— Хорошо. Дайте мне вашу руку,— сказала она, протягивая свою руку королю.

Он подошел к ней и опустился рядом с ней на корточки. Рука Росаны была холодной и неподвижной, кожа мягкой, не то что мозолистая королевская ладонь. Когда их глаза встретились, он снял свою внешнюю защиту и позволил своему уму беспрепятственно течь к Росане, зная, что малейший контроль может лишь помешать в эту минуту,— но готовый при необходимости в любое миг прервать связь.

Отдавшись потоку ее призыва, он почувствовал, как тает внешний мир, как его поле его зрения сузилось — и вот он уже видит только ее глаза. А потом и они исчезли — король опустил веки и провалился в пустоту, и в этой пустоте внезапно возникла некая точка, превратившаяся в человеческую фигуру...

...Этот мужчина был бы очень хорош собой, если бы его лицо не искажали ярость и похоть. Он был молод... пожалуй, лишь немного старше самой Джаннивер... но лишь одно впечатление просочилось сквозь ужас, охвативший девушку: каштановые волосы, подстриженные на солдатский манер, мокрые от пота, под откинутой бармицей на худых плечах... влажный рот, кривящийся в крике, проклинающий священников и необходимость повиноваться им...

Карие глаза горели безумием, когда мужчина смотрел на свою жертву. Келсон ощущил отзвук ужаса Джаннивер, переданный ему Росаной...

Лишь когда рука мужчины схватилась за пряжку поясного ремня, расстегивая его, и Келсона едва не лишило воли нахлынувшее вдруг головокружение,— он сумел прорваться сквозь воспоминания Джаннивер и собственным взглядом увидеть гербы на плаще мужчины: золотые и серебряные клетки, и танцующий медведь, и алые поля старой суворенной Меары... все отличия старшего сына.

Глава девятая

**Она вошла в душу слуги Господина, и вы-
стояла перед
ужасными королями¹**

Па часть сознания Келсона, которая оставалась беспристрастной и наблюдающей, сразу узнала того, кто напал на Джаннивер. Келсон никогда не встречался лицом к лицу с Ителом Меарским, но лишь Ител мог носить все эти гербы. Та часть Келсона, что оставалась королем и вершителем правосудия, с ледяным спокойствием запомнила лицо и прочие признаки отличия.

Но та часть Келсона, которая воспринимала чувства Джаннивер, в которой ожили воспоминания о нападении Итела, не знала, что одетый в доспехи молодой мужчина, швырнувший ее на землю, был принцем-бунтовщиком... в этой части сознания существовали только страх, боль, борьба...

Но ведь Келсон воспринимал только часть ощущений Джаннивер, то малое, что передала ему Росана... однако и эта малость была настолько сильна, что Келсона на мгновение парализовало, и он не в силах был прервать связь... и не смог бы этого сделать, даже если бы от этого зависела его жизнь.

К тому моменту, когда Росана закончила передачу, сердце Келсона колотилось, как сумасшедшее, переполненное отраженным ужасом Джаннивер. Он обливался потом, задыхался, его рука так вцепилась в руку Росаны, что какая-то часть его сознания изумилась тому, что девушка не кричит от боли.

Застонав, он заставил себя оторваться от Росаны, схватился руками за голову и почти упал на алтарную приступку,— и долго лежал так, дрожа, с бешено бьющимся сердцем, жадно хватая

¹Мудрость Соломона 10:6

воздух открытым ртом и пытаясь восстановить умственное равновесие.

Постепенно ему это удалось. Но когда его голова прояснилась, а сердце стало биться как обычно, он понял, что Росана не только передала ему те сведения, о которых он просил, хотя и куда более энергично, чем он мог вообразить,— но также и отзвук собственной реакции на насилие,— и вместе с тем, почти сама того не желая, прикоснулась к нему собственной душой. Когда он поднялся и посмотрел на нее, он почувствовал, что оба они потрясены этим мимолетным соприкосновением.

— Я не стану извиняться за то, что сделала,— прошептала Росана, слегка вздрогнув, когда их взгляды встретились.— Я должна была заставить вас понять, что она чувствовала. Вы мужчина. Вы не можете знать, что это значит для женщины, когда... когда с ней *вот так* обходятся. А Джаннивер всегда жила под защитой, ее так охраняли...

Когда она умолкла, Келсон отвел взгляд, и, нервно вздохнув, крепко потер ладонями лицо. Ему трудно было говорить.

— Вы правы,— сказал он наконец, с трудом произнося слова и осторожно взглядывая на спящую Джаннивер; он вдруг обрадовался тому, что она спит.— Я и представления не имел. Если вы... если вы думаете, что будет лучше стереть эти воспоминания, сделайте это обязательно.— Он тяжело сглотнул.— Я только не знаю, кто сотрет ваши воспоминания... или мои.

Росана пожала плечами и печально вздохнула.

— Тот, кто дает нам жизнь и излечивает, возможно, считает необходимым, чтобы мы несли эту ношу, милорд,— мягко сказала она.— Так же, как тот, кто носит корону, должен иногда ощущать ее тяжесть. Разве это не так?

Да, это было так. Но понимание этой общей истины не сделало легче тот груз, что лег на плечи Келсона. Это и многое другое проплывало в уме короля, когда он наконец вернулся в свой шатер, чтобы найти Моргана.

— Сир? — Морган и юный Брендан встали, когда Келсон откинул полог шатра и вошел внутрь.

Пока король отсутствовал, они начищали оружие Моргана. Брендан, как всегда, выглядел изящным и аккуратным в своей пажеской ливрее; Морган сидел в расшнурованной воинской тунике и в кожаных сандалиях на босую ногу. Высокие сапоги и доспехи лежали в стороне, чуть поблескивая в свете нескольких фонарей, зажженных в шатре, а пояс и ножны меча валялись на постели Моргана.

— Брендан, можешь идти спать,— сказал Морган, едва взглянув на лицо короля.— Мы закончим утром.

Морган налил Келсону чашу вина, хотя король и не просил об этом,— однако Морган видел, что это необходимо. Келсон с благодарностью во взгляде выпил сразу половину, и лишь после этого усился на походный табурет, который Морган придвинул к маленькому столу. Лишь после еще одного большого глотка Келсон почувствовал себя способным приступить к разговору о происшедшем.

— Мне пришлось немного прогуляться,— тихо сказал король, ставя чашу на стол и расстегивая пояс; меч упал на покрытый соломенными циновками пол.— Мне нужно было подумать.

Морган промолчал. Он сел на другой табурет и терпеливо ждал, а Келсон долго смотрел на огонь фонаря, стоявшего на столе между ними.

— Это был Ител,— пробормотал наконец Келсон, не поднимая глаз.— Несомненно он. Я отплачу ему и за это тоже.

Морган в ответ лишь оперся локтем о стол и опустил подбородок на ладонь. В другой руке он вертел кубок — к несчастью, пустой,— но он и не собирался наполнять его. Явно произошло нечто куда более важное, чем просто выяснение личности насильника, но Келсон еще не был готов говорить об этом. После долгого, очень долгого молчания Келсон развернулся вместе с табуретом и уставился на стену шатра, оказавшись в профиль к Моргану.

— Аларик, ты когда-нибудь насиловал женщин? — спросил наконец король очень тихо.

Морган вздернул одну бровь, но более ничем не позволил себе выразить удивление.

— Нет, не приходилось,— мягко ответил он.— Думаю, и тебе тоже не случалось.

Келсон усмехнулся, покачал головой, сжал ладони между коленями.

— Да уж,— прошептал он.— И даже мысли такой никогда не возникало. Хотя я испытывал... естественные желания,— добавил он.— Я... хотел Сидану... мне кажется.

Он тяжело сглотнул, повернув кольцо Сиданы на мизинце, и Морган понимающе кивнул.

— Уверен, так оно и было.

— Но это... это совсем другое дело, наверное,— продолжил Келсон.— Насилие — это...

— Это, к сожалению, жестокий факт войны, мой принц,— осторожно сказал Морган.— Ни один благородный человек не смирится с этим, но... такое случается.

— Я знаю.

440 Келсон снова сглотнул, еще раз вздохнул.

— Аларик, а ты... ты когда-нибудь думал о том, каково это должно быть для... для женщины? — запинаясь, спросил он.— Я-то точно не думал. Но теперь... теперь я знаю.

Он вздрогнул от подступившего к горлу рыдания и спрятал лицо в ладонях. Морган медленно кивнул, догадываясь, что произошло с королем.

— Росана показала тебе воспоминания Джаннивер?

Келсон повернулся навстречу испытующему взгляду Моргана.

— Как ты догадался?

— Я не в первый раз вижу насилие, Келсон. И сегодня жертва была не одна.

— Ох... — После нескольких секунд размышления Келсон сказал: — Там... там было кое-что еще.

— Да?

— Это... это Росана,— неуверенно пояснил Келсон.— Я уловил... я не знаю... какую-то вспышку, и я... — Он сердито встряхнул головой.— Этого не должно было быть, Аларик. Это было неправильно. Она посвятила себя Богу. Я не должен даже думать о чем-то подобном!

— Заглянуть в чью-то память — это очень сильное и очень интимное переживание,— ровным тоном сказал Морган, пытаясь понять, что именно так задело Келсона — то ли сила самого контакта, то ли отдаленная идея соединиться с такой сильной и тренированной женщиной Дерини, как Росана.

— Ты нормальный, здоровый мужчина, и ты Дерини... и ты столкнулся с чем-то таким, с чем до сих пор не сталкивался. Ничего удивительного, что в тебе вспыхнул острый интерес. Кроме того, она ведь не монахиня, а послушница? А это значит, что ее обеты всего лишь временны.

— Дело не в этом,— пробормотал Келсон, качая головой.— Ясно, что она дала искренние клятвы. Кто я такой, чтобы... чтобы...

— Келсон, если она *действительно* посвятила себя религии,— не думаю, чтобы тебе стоило о чем-то беспокоиться, ты этих обетов не нарушишь... если тебя именно тревожит,— сказал Морган.— А если она *не принимала* таких обетов — ну, она вполне может стать даже твоей невестой.

Келсон испуганно уставился на него,— потом на его лице отразилось раздумье, потом — отрицание.

— Невестой? Что за ерунда! Я бы не мог...

— Да, ты, пожалуй прав,— махнул рукой Морган.— Тут не о чем говорить. Забудь мои слова.

Но семя раздумий уже было брошено, признавался в том себе Келсон или нет, и, возможно, это повлияло на последовавшее решение взять пострадавших под свою защиту.

— Думаю, будет лучше, если мы отправим принцессу Джаннивер в Ремут,— через некоторое время сообщил он Моргану.— Да и других сестер тоже. Там они будут в безопасности, а мы тем временем займемся Ителом.

— Да, пожалуй, так будет лучше,— безразличным тоном согласился Морган, отмечая про себя, что заодно и Келсон будет избавлен от искушения в том, что касается Росаны.

— В конце концов, Джаннивер — *принцесса*,— вслух рассуждал Келсон, вставая и принимаясь шагать взад-вперед по соломенным циновкам.— И я не знаю, хорошо ли будет, если мы сейчас отправим ее к ее отцу,— ну, по крайней мере, пока она не отомщена. Да и неизвестно еще, как отнесется ко всему этому король Лланнеда. Он ведь ожидает прибытия невинной девицы.

— Хм... да, тут *может* возникнуть неловкость,— согласился Морган.

— Ну да, а в Ремуте они будут в безопасности, пока я не разберусь во всем,— продолжил Келсон.— К тому же Росана поможет тетушке Мерауд, когда родится малыш. Она, в конце концов, умеет лечить. Кроме того, неплохо будет иметь при дворе еще одного Дерини. Я уверен, Риченда не станет возражать.

Морган согласился с тем, что, пожалуй, возражать она не будет.

— Я это сделаю! Я дам им для охраны Конала,— снова заговорил Келсон, усмехнувшись при этой новой идее.— Ему понравится... это будет его первый опыт самостоятельного командования!

— Ну, если он не воспримет это поручение как ссылку... как попытку уберечь его от сражений! — весело сказал Морган.— Но полагаю, что он смягчится, когда узнает, что должен будет сопровождать двух столь прекрасных дам.

Келсон скривился и пренебрежительно махнул рукой.

— Ох, Аларик, ну о чем ты! У него дома возлюбленная. К тому же я просто не могу отправить с ними кого-нибудь более опытного. Нам тут скоро понадобятся все до единого.

— Ну, Конал и никогда не *наверется* опыта, если ты не дашь ему такой возможности, не станешь возлагать на него никакой ответственности,— уточнил Морган.

— Но это и *есть* ответственность; дело ведь не только в боевом опыте. Драться может любой. И, честно говоря, от

него будет куда больше пользы для Нигеля в Ремуте, чем для меня здесь. Он иной раз уж *так* утомителен!

К счастью, Конал проникся сознанием важности возложенной на него миссии. Когда немного спустя его призвали в шатер Келсона и объяснили, что от него требуется, он, похоже, даже обрадовался.

— Мой собственный отряд! — выдохнул он, позволив себе осторожную улыбку.— Ну, я, конечно, надеялся приобрести боевой опыт, но тут дело особое. Собственный отряд! И возможно, нам придется схватиться с бандой на пути к дому.

Узнав, что ему придется также доставить донесение Нигелю, и быть все оставшееся лето наготове на тот случай, если Нигелю потребуется доставить конфиденциальное сообщение королю, еще больше подсластило пилюлю.

— Пожалуй, в конце концов я не задержусь в Ремуте надолго! — сказал Конал.— Отцу может очень скоро понадобиться отослать меня обратно с новостями.

— А возможно, ты ему понадобишься, чтобы управляться с нашими заложниками из Торента,— напомнил Келсон.— Боюсь, я оставил ему слишком много проблем. Постарайся помочь ему, насколько сумеешь.

В общем, желаемый эффект был достигнут, и на рассвете следующего дня счастливый и довольный жизнью принц Конал уже занимался подготовкой отряда, которому предстояло вернуться в Ремут. Куда менее счастливыми выглядели настоятельница монастыря и другие монахини, хотя большинство из них смирились с необходимостью путешествия, когда Келсон объяснил им причины своего решения.

— Я не могу обеспечить вам защиту здесь, преподобная мать,— сказал он, регулируя длину стремян для аббатисы.— Возможно, для вас и ваших монахинь опасность и не так уж велика, но принцессе, я думаю, лучше уехать отсюда. А я не могу отправить ее в такой дальний путь без соответствующей женской компании. В Ремуте вам будет спокойно, уверяю вас. Если захотите, я даже выделяю вам землю, чтобы вы основали новый монастырь где-нибудь там, неподалеку.

Аббатиса коротко кивнула.

— Это очень великодушно, сир, но наше место здесь. Что касается нашей безопасности... что вы скажете о женщинах этого городка, лишенных преимуществ королевской защиты?

Келсон вздохнул и еще раз проверил подпругу. Он уже был в латах, и золотой лев Халдейнов сиял на алоей коже доспехов; черные волосы короля были заплетены в аккуратную 443

косу пограничника. Неподалеку Морган точно так же хлопотал возле принцессы, сидевшей на светло-гнедой кобыле; Джаннивер плакала, закрыв лицо ладонями. Росана подъехала поближе, пытаясь утешить принцессу, но Джаннивер продолжала рыдать, и ее отчаяние уже начало выводить из терпения кое-кого из монахинь.

— Мне бы хотелось иметь побольше времени, чтобы обсудить с вами этот вопрос, преподобная матушка,— сказал Келсон.— Мне очень жаль, что я не во всем согласен с вами. Конал?

Конал производил последний смотр своему отряду, отдавая необходимые приказы, а потом повернул своего коня и направился к Келсону,— Халдейн до кончиков ногтей. Когда он приблизился, отдал королю салют, подняв сжатую в кулак руку к груди, и поклонился женщинам. Келсон редко видел Конала таким уверенным в себе.

— Ну, кузен, ты, похоже, горишь желанием приступить к исполнению новых обязанностей,— с улыбкой сказал Келсон, жестом показывая Брендану, чтобы тот передал принцу толстый пакет с донесениями, который должен был доставить в Ремут Конал.— У тебя хорошие солдаты, и я уверен, они будут отлично служить тебе. Дай бог тебе удачно добраться до Ремута.

Конал спрятал пакет под кольчугу и слегка поклонился.

— Благодарю, мой сеньор.

— Этот пакет передашь лично Нигелю,— продолжил Келсон.— Там есть кое-что и для других, но он сам разберется. Пусть он пошлет ответ с регулярными курьерами. Риченда будет знать, где мы находимся.

Конал лишь кивнул в ответ, но Келсон видел по его глазам — принц отлично понял, что имел в виду Келсон, говоря о Риченде. Но потом король повернулся к монахиням и постарался выбросить из головы все лишнее. Заодно стараясь не думать о том, что Росана совсем недалеко и смотрит на него.

— Преподобная матушка, я передаю вас в руки одного из моих наиболее блестящих командиров — принца Конала Халдейна. Кузен, это мать Элоиза.

Польщенный рекомендацией Келсона, Конал отвесил настоящий вежливый поклон.

— Для меня высокая честь служить вам, преподобная матушка,— сказал он.

Когда же он выпрямился, Келсон ухмыльнулся и обнял Конала.

— Удачи, Конал,— сказал он на ухо юноше, чтобы никто

444 другой не мог услышать его.— Если бы мы могли вернуться

в Ремут вместе с тобой! Мне совсем не нравится то, чем нам придется заниматься в ближайшие месяцы!

Конал вспыхнул и улыбнулся, когда они разъехались в стороны,— он был доволен, но в то же время немного смущен тем, что оказался центром королевского внимания.

— Я буду стараться, Келсон,— негромко сказал он.

Затем он вполне официально поклонился королю и дал своему отряду команду отправляться в путь. Кони гарцевали и пританцовывали на утренней прохладе, закусывая удила. Яркие формы солдат казались почти ослепительными на фоне бледно-голубых монашеских ряс.

Когда последний всадник промчался мимо королевского шатра, Келсон повернулся к Моргану и облегченно вздохнул. Позади Моргана стояли офицеры, ожидая приказаний.

— Ну, с этим покончено. Господа, мы слишком задержались на одном месте. Сворачиваем лагерь и отправляемся дальше. Нам необходимо встретиться с Ителем Меарским.

Пока Морган отдавал необходимые распоряжения, а офицеры рассыпались в стороны, чтобы поспешить исполнить их, никто не заметил разведчика Р'Кассана, отделившегося от своей группы и исчезнувшего за линией пикетов.

* * *

В последующие две недели Келсон не видел и следа Итела, хотя его разведчики докладывали, что видели Брайса Трурила и других предателей-баронов. По мере того, как они проникали все глубже в гористую страну, лежавшую между ними и Ратаркином, даже те группы, на которые Келсон разделил свою армию, стали слишком громоздкими, так что он отправил генералов Реми и Глодрута с тяжелой кавалерией и пехотой дальше к западу, чтобы те двигались к столице Меары пусть более длинным маршрутом, но по равнине. Тем временем он сам, Морган и Эван разбили оставшуюся часть армии, легкую кавалерию и отряды копьеносцев, на небольшие отряды, и двинулись с ними через холмы и горы, охотясь за Ителем Меарским и Брайсом из Трурила.

Но хотя они шли все дальше на север, им так и не удалось вступить в желаемую схватку и поймать принца Меары. Опустошенные деревни и выжженные поля стояли на их пути, и добывать продовольствие для солдат и животных становилось все труднее,— так что Келсон поступил весьма мудро, отправив немалую часть армии другим путем.

Однако донесения, приходившие из северных частей армии, не слишком ободряли. Дункан все так же сталкивался лишь с отдельными отрядами, в основном епископальными и наемными, но Сикард по-прежнему ускользал от него. И где находилась основная часть армии Меара — оставалось неизвестным.

«Если действиями на севере руководит Сикард, он очень умен, — предостерег Келсона Дункан. — Такая неопределенность, пожалуй, хуже настоящей битвы. Неприятель уходит в тень — и исчезает. Я был бы просто счастлив, если бы мне удалось вступить в открытый, честный бой. Игра в прятки очень утомляет».

Боязнь того, что боевой дух армии в конце концов иссякнет, стала худшим из ночных кошмаров Келсона. В конце концов, Меара просто *обязана* была сражаться. Ведь через неделю он уже подойдет к воротам Ратаркина.

И, пожалуй, он слишком часто гадал, как идут дела дома, и тревожился о том, добрался ли уже Конал со своими подопечными до Ремута. И еще он старался не думать в особенности об одной из подопечных; но дни шли, и ему становилось легче.

Но Конал без каких-либо приключений довез до Ремута порученные ему сокровища, и принца встретили как героя, когда его отряд проехал через арку ворот замка во двор. Нигель уже подготовил жилье для монахинь, за несколько дней предупрежденный Ричендой, — и сестер быстро разместили в комнатах, выходящих окнами в сад.

Герцогиня Мерауд, за неделю до того произведшая на свет здоровенскую девочку, взяла под свою материнскую опеку бледную и апатичную принцессу Джаннивер. Риченда, в восторге от того, что снова встретилась с девушкой, которую не видела уже много лет, настояла, чтобы Росана поселилась в ее собственных апартаментах.

Джехана также заметила вновь прибывших и проявила к ним интерес, узнав, что это монахини. Но она мало что могла узнать о них, поскольку все, кто знал что-либо о причине появления сестер в замке, исчезли на весь день, чтобы разобраться с присланными Келсоном письмами, да к тому же Нигель на вечер приказал всем этим лицам явиться на совещание. Конала, к его великой досаде, не пригласили, и даже более того — Нигель отоспал своего оруженосца, чтобы без него прочитать полученное письмо.

Когда все собрались, Нигель сначала выслушал их доклады, а затем хмуро сказал:

— Ну, похоже, что сейчас мы знаем о стратегии Меары не намного больше, чем прежде. И меня не удивляет то, что случилось в монастыре святой Бригитты. Брайс Трурил все-

гда был безжалостным человеком,— хотя мне казалось, что Ител Меэрский слишком молод для такого бездущия. Мерауд, принцесса хоть немного успокоилась теперь?

Мерауд, без смущения кормившая грудью свою крохотную дочурку, вздохнула и покачала головой. На совещании присутствовали почти одни родственники. Здесь были Риченда, Арилан и брат Мерауд, Сэйр Трэгернский.

— Бедное дитя! Она убеждена, что ее жизнь кончена,— сказала Мерауд.— Она сразу после приезда казалась довольно спокойной, но я думаю, она устала от долгой верховой езды. А когда мои дамы помогли ей принять ванну и уложили в постель, она принялась плакать. Она даже не прикоснулась к ужину...

Риченда вздохнула и покачала головой.

— Да, бедняжка... Я не знаю, конечно, что уже сделано,— я поговорю с Росаной утром,— но пожалуй, нужно будет стереть хотя бы часть ее воспоминаний. Я попытаюсь сделать это сама, но лучше бы при этом поддерживать контакт с кем-то, кто ей ближе.— Она улыбнулась в ответ на вопросительный взгляд Сэйра.— Верно, Сэйр, Росана нам родня не только по браку. Я ее не видела с тех пор, как она была совсем малышкой, но теперь она, пожалуй, более искусна, чем я.

— А, еще одна Дерини! — пробормотал Сэйр, настолько ошеломленный знаниями, полученными за последние недели, что был уже неспособен удивляться чему-то. Теперь он и Мерауд знали о передаче Нигелю потенциала Дерини, и о том, кто та-ков Арилан.

Арилан только фыркнул, играя своим нагрудным крестом, передвигая его взад-вперед на цепочке,— металл мягко позыви-вал о металле.

— Что ж, давайте все это изучим,— сказал Нигель, беря несколько писем и перекладывая их из одной стопки в другую.— Нет смысла оставлять ее в таком состоянии, чтобы она только и де-лала, что думала о случившемся, если есть способ облегчить ее положение. Но если уж мы заговорили о Дерини — что ты ска-жешь о Мораг и юном Лайеме, Риченда?

Риченда чуть заметно улыбнулась и шутливым тоном сказала:

— Я думаю мы оказались правы в отношении леди Мораг. Ей понадобилось несколько дней, чтобы убедиться — все, кто имеет с ней дело, защищены; но зато теперь она прекратила по-пытки воздействия.

— Или собирает силы для какой-то новой затеи,— мрачно от-кликулся Арилан.— Нам не следует забывать, что она, в конце-то концов, сестра Венцита.

— О, да, она очень умна,— согласилась Риченда.— Но, возможно, это не тот ум. Она знает, кто я, но не догадывается о тебе.

— А Лайем? — спросил Сэйр.

— Отлично себя чувствует,— сказала Риченда.— Они с Пэйном и Рори теперь просто неразлучны.

Нигель нахмурился.

— Я это заметил. А ты не думаешь, что он попытается повлиять на них, а?

— Вряд ли это возможно,— возразила Риченда.— Я провела поверхностное исследование в первую же ночь, когда Лайем только очутился здесь,— когда он спал. У него очень большой потенциал, но он тренирован куда меньше, чем я могла ожидать,— может быть, потому, что никто не предполагал видеть его на троне.

Сэйр сдвинул брови.

— У него что же, нет защиты?

— Есть, конечно. И очень хорошая, как и положено племяннику Венцита Торентского. Но ведь можно очень много узнать о тренировке и ментальной практике по поверхностному рисунку защитных полей. Я думаю, если он попытается как-то воздействовать на Пэйна или Рори, это мгновенно обнаружится. В любом случае, я взяла на себя смелость ввести в сознание обоих мальчиков несколько блокировок,— ну, просто для безопасности. Если он попробует сделать что-нибудь кроме простого прочтения намерений, они тут же прибегут прямиком ко мне.

Арилан одобрительно кивнул. Мерауд переместила малышку от одной груди к другой и вздохнула.

— Что ж, это утешает,— сказала она.— Ты не думаешь, что такую же меру предосторожности следует предпринять и в отношении Конала?

— Это как раз следующая тема обсуждения,— сказал Нигель.— Если никто не возражает, я бы хотел, чтобы впредь Конал присутствовал на наших совещаниях, раз уж он будет здесь все лето. Ему полезно чувствовать ответственность.

— Но с определенными ограничениями,— сухо заметил Арилан.

— Разумеется. Риченда, ты с этим справишься?

Риченда задумчиво склонила голову набок.

— Да, конечно. Это, конечно, несколько более сложное дело, чем работать с мальчиками, но он, похоже, мне доверяет... и я знаю, как он очарован нашими силами. Перспектива участия в обсуждении наших намерений сделает его очень говорчиваым. Полагаю, это нужно наладить поскорее?

— Да, пожалуйста. Я раньше не подумал об этом, но его, пожалуй, рассердило то, что мы сегодня его не пригласили... хотя я уверен, что он должен был слишком устать после целого дня верховой езды. Он говорил, что намерен отправиться прямиком в постель.

— Я займусь этим завтра или чуть позже,— сказала Риченда.— Пусть сегодня отдохнет. Какие еще есть вопросы, милорд?

— На следующей недели прибудут делегации купцов,— ответил Нигель.— Я не думаю, что тут могут возникнуть какие-то проблемы, но мне бы хотелось обсудить, как нам вести себя с этими представителями, до того, как будут отправлены ответные письма Келсону. Думаю, можно сделать это завтра. А заодно мне бы хотелось написать ему, как дела у Джеканы. Вот только что я могу сказать? Я вижу свою дорогую родственницу только на мессе!

Риченда пожала плечами.

— Боюсь, в другое время ты ее и не увиديшь,— ну, разве что известие о прибытии монахинь заставит ее выйти из бездействия и отправиться на разведку. Если она не занята медитацией в уединении, она проводит время со своим капелланом и сестрой Сесиль. Но боюсь, леди из монастыря святой Бригитты едва ли проявит к ней симпатию. Мне бы не хотелось совать нос в чужие дела, но... но я подозреваю, что там есть и другие Дерини, кроме Росаны.

Сэйр присвистнул и перекрестился прежде, чем успел осознать, что он делает, а потом смущенно посмотрел на Риченду и Арилана.

— Извините... Просто мне странно слышать, что Дерини так много.

— Ни к чему извиняться, милорда,— рассмеялась Риченда.— Нужно время, чтобы избавиться от старых привычек. А ты держишься совсем неплохо для человека, который еще несколько месяцев назад вообще не сталкивался с этими проклятыми Дерини.

— Ну, ты уж прояви терпение, милая. Я над этим работаю.

— Я тоже, Сэйр,— сказал Нигель, и позволил себе хихикнуть в ответ на обиженный взгляд Арилана.— Ну, если мы закончили утешать друг друга, мне бы хотелось довести совещание до конца, пока еще не слишком поздно. Кстати, Риченда, я намерен подготовить наши письма к отправке послезавтра, так что тебе до тех пор нужно отыскать местоположение Моргана.

— Завтра вечером,— пообещала Риченда.— Можете присутствовать, если хотите. А потом, в течение одного-двух дней, я постараюсь поговорить наедине с твоим сыном.

Сын Нигеля тем временем вовсе не отдыхал, как предполагали его отец и остальные участники совещания. Выслушав утром похвалы за отлично выполненное задание, Конал собрался на давно назначенную встречу. Его преданный оруженосец мирно спал на своей постели в ногах кровати хозяина, приведенный в это состояние немалой дозой сильного успокоительного, всыпанного в вино, которое он пил, а его принц — нет.

Конал осторожно склонился над спящим парнишкой и двумя пальцами прикоснулся к его горлу — пульс был сильным, ровным и медленным; принц выпрямился с довольной улыбкой и надел темный плащ с капюшоном. Вскоре он уже спускался по лестнице башни, а потом миновал коридор и остановился возле одной из дверей.

Эта комната принадлежала Келсону, когда он был наследным принцем. Теперь в ней жил Дугал. Коналу очень хотелось, чтобы эта комната стала его. Дверь была заперта, но у Конала имелся ключ. Он плавно повернулся в замке, дверь бесшумно открылась, и Конал проскользнул внутрь, закрыв за собой дверь и заперев ее.

Внутри было темно, лишь узкая полоска света виднелась под дверью, пробиваясь из ярко освещенного коридора, но Коналу этого было вполне достаточно, чтобы отыскать кремень и огниво. Вскоре он уже держал в руке свечу, прикрывая ее огонек ладонью. Он осмотрел комнату, убедился, что он здесь один, и тихо направился к холодному камину, остановившись в нескольких шагах перед ним, слева. Здесь он поднял правую руку и вытянутым указательным пальцем дерзко провел по древнему символу на стене. Часть стены мягко отодвинулась, открыв темную лестницу.

Он шагнул на ступени, не размышляя о том, что делает, лишь стремясь добраться до цели. Спускаясь по узким неровным ступеням, касаясь знаков на стенах, чтобы открыть следующие проходы, он наконец добрался до той двери, которую искал: похожей на ставень, сколоченный из толстых грубых досок.

Он задул свечу и поставил ее в маленькую нишу в стене, на-двинул на лицо капюшон, а затем открыл дверь, держа руку на рукояти меча,— и очутился на узкой улочке за стеной замка Ремут. Конал быстро пересек маленькую площадь, свернув на другую улицу, и вот уже дошел до таверны «Шляпа Короля».

Там его ждали. Хозяин таверны подошел к нему в тот же миг, как только Конал переступил порог, и тут же проводил 450 в маленькую комнатку за общим залом.

В комнате было полутемно, ее освещал лишь огонь очага. Сначала Коналу показалось, что тут никого нет, но как только дверь за ним закрылась и он сбросил на плечи капюшон и взялся за застежку плаща,— из тени за очагом шагнула на освещенное пространство фигура.

Это был улыбающийся Тирцель Кларонский, чьи миндалевидные глаза щурились в довольной усмешке.

Глава десятая

И были у меня многочисленные видения¹

Дой драгоценный ученик раньше времени вернулся с войны, а? — весело сказал Тирцель, скрестив руки на груди.— Ну, в чем дело? — спросил он, когда Конал испустил долгий вздох облегчения.— Ты что, думал, я не приду?

Конал снял плащ и бросил его на скамью рядом с дверью, а потом с улыбкой пересек комнату и сел на стул перед очагом, на который указал ему Тирцель.

— Конечно, я знал, что ты придешь. Ты никогда не нарушаешь слова.

— Это относится только к тебе,— возразил Тирцель, посмеиваясь.— Ну, я постараюсь не давать тебе повода усомниться во мне.

Пока Конал сосредотачивался на том, чтобы избавиться от физического напряжения, Тирцель смотрел на огонь. Тепло июньского вечера заставило его снять большую часть привычной для него одежды; сейчас на нем была желтовато-зеленая туника с открытым горлом, богато отделанная по вороту, манжетам и нижнему краю пурпурным и красным кружевом с золотыми нитями, легкие льняные гетры цвета киновари, у колен перевязанные желтовато-коричневыми лентами, и низкие ботинки из мягкой кожи орехового цвета со светлыми шнурками. В переменчивом свете огня очага золотые нити у ворота его туники мягко засверкали, когда он приподнялся и взял с высокой полки над очагом два кубка. Один кубок Тирцель протянул Коналу.

¹Исаия 12:10

— Ну, расслабься, мой юный друг, и расскажи, что заставило тебя так неожиданно вернуться в Ремут,— небрежным тоном произнес Тирцель.— Что, война уже закончилась? Почему-то на Совете об этом ничего не говорили.

— Закончилась? Едва ли.— Конал заглянул в свой кубок, а Тирцель передвинул свой стул так, чтобы очутиться почти между Коналом и очагом.— Там только-только стало начинаться что-то интересное, когда Келсон послал меня обратно. Я до сих пор так и не понял, хотел он этим сделать мне комплимент, или наоборот, оскорбить. Если бы не то, что теперь мы с тобой сможем заниматься все лето, я бы, пожалуй, разозлился.

— Эй, погоди-ка... О чём это ты говоришь? — спросил Тирцель.

— Ну, я насчет того монастыря, и эти принцессы...

— Понятно. Похоже, тут что-то более сложное, чем мне казалось,— Тирцель поставил кубок на пол рядом с собой и потер ладони друг о друга, в то время как Конал вопросительно смотрел на него.— Думаю, будет лучше, если ты мне все это покажешь.

Он положил одну ладонь на руки Конала, сжимающие кубок, а другую — на плечо юноши; Конал слегка поежился и заставил себя расслабиться. Они с Тирцелем довольно часто проделывали это упражнение, но Конал до сих пор так и не избавился от возникавшего перед началом каждого сеанса жутковатого ощущения в области желудка,— оно вспыхивало на одно мгновение как раз перед тем, как Конал позволял другому человеку войти в свой ум.

— Смотри в свой кубок и сосредоточься на бликах света на поверхности вина,— тихо проговорил Тирцель, и его пальцы чуть крепче сжали руки принца, а другая рука слегка нажала на основание шеи, заставляя Конала немного наклонить голову.— Сбрось свою защиту и пусть воспоминания текут свободно. Так, хорошо...

Конал осознал начало процесса, но не его конец... всего лишь мгновение назад он начал вспоминать о том дне, когда они добрались до монастыря святой Бригитты, и о том гневе и ужасе, которые охватили его,— а в следующий момент он уже снова сидел в полутемной комнате таверны «Шляпа Короля», а Тирцель легко массировал его шею.

— Выпей-ка немножко вина,— рассеянно пробормотал Дериини, уставившись на огонь.

Конал сделал несколько маленьких глотков, как ему было приказано, и с новой для него отрешенностью посмотрел на своего наставника; подобное чувство не могло бы воз-

никнуть тогда, когда они только начали тренировки, предыдущей зимой. И сейчас Конал чувствовал себя куда легче, чем это бывало прежде после глубоких проникновений Тирцеля в его ум.

Да, понадобились долгие недели, и случались моменты, когда оба они уже отчаявались пробудить в Конале потенциал Халдейнов, но в конце концов их настойчивость принесла свои плоды. Конал тогда понятия не имел, в чем заключается сила Дерини, принадлежащая Халдайнам или кому угодно другому,— тогда не имел,— но он был уверен, что Тирцель доволен результатом. Разве это не замечательно — явиться в один прекрасный день в Совет Камбера и доказать, что не только *одному* Халдейну одновременно может принадлежать магическое наследие?

Теперь уже Конал овладел несколькими полезными умениями, вроде основ чтения мыслей, и установки защиты, и знал, как заставить работать те символы, что запирали тайные ходы,— те самые, которыми он проходил сегодня вечером. Он даже стал весьма искусен в том, чтобы заставить своего оруженосца забыть, куда они ездили,— когда Конал отправлялся на занятия с Тирцелем.

Молодой дурачок думал, что Конал назначает свидания dame, когда они вдвоем удирали из замка под разными предлогами. И если бы это не было слишком хлопотно, Конал мог сегодня вечером усыпить парнишку и без успокоительных препаратов; но поскольку нельзя было сказать заранее, сколько времени продлится урок, требовались более надежные меры.

Однако он мог сделать это, когда хотел.

Конал как раз поздравлял себя с увеличением силы, когда Тирцель снова повернулся и посмотрел на него; его красивое лицо над зеленью туники выглядело очень серьезным. Огонь золотил густые волосы Тирцеля, они показались похожими на некий дьявольский нимб. Внезапно Коналу стало немножко не по себе.

— Пожалуй, у нас проблема,— сказал Тирцель.

Конал нервно слглотнул и поставил кубок на пол возле своего стула, и вкус вина вдруг исчез с его языка.

— Какая... проблема? — Он сумел произнести это так, что голос не выдал его опасений.

— При дворе слишком много Дерини, да еще ты начинаешь входить в силу. Ты знаешь леди Росану, сестру, которая присматривала за принцессой Джаннивер?

Конал разинул рот, потому что за время долгого пути от монастыря святой Бригитты до замка он начал влюбляться в

454 эту девушку. И ему даже казалось, что она проявляет к нему

ответный интерес, несмотря на то, что решила посвятить свою жизнь религии. Ее милая учтивость с ним однажды вызвала прорицание настоятельницы, хотя между ними не произошло ничего достойного упрека. И он размышлял о том, чтобы начать осторожное ухаживание... Ведь она была лишь послушницей, в конце концов,— и принцессой, как сказал Морган.

— Она... Дерини? — выдохнул Конал, внезапно осознав, что следует из того, что Росана в родстве с Ричендой, пусть даже по браку.

— Не беспокойся. Она тебя ни в чем не подозревает. Я довольно глубоко забрался в твои мысли, чтобы выяснить, все ли в порядке. Она бы тебе хорошей парой...

— Черт побери! Ты что, забрался в мои личные желания? — взорвался Конал.

— Потиши! — прошептал Тирцель, очень мягко, но с такой силой, что не могло возникнуть и мысли о неповиновении.— Извини. Я должен был знать, не подозревает ли она тебя. Ты все равно не сказал бы мне об этом.

— Это не значит, что мне такое должно понравиться,— прошептал Конал, понизив голос, но все еще с оттенком раздражения.

Тирцель глубоко вздохнул и терпеливо продолжил:

— Я и не ожидал, что тебе это понравится. Но и мне не нравится то, что ты теперь в окружении такого количества Дерини — Росана, Риченда, Джехана... и Морган, Дункан и Дугал, само собой, когда они вернутся; о Келсоне уж и говорить нечего.

— Дугал?! — задохнулся Конал.— Он — Дерини? Но как...

— Я не знаю. Все, что я могу тебе сказать,— так это то, что он Дерини, хотя и явно не тренированный. Сомневаюсь, чтобы он мог засечь тебя, даже когда будет здесь. Куда более серьезная проблема — твой отец.

— Мой отец? — шепотом переспросил Конал.— Как это понимать?

— Келсон перед отъездом вложил в него потенциал Халдейнов,— тихо ответил Тирцель.— Конечно, я не думаю, что тебе кто-то говорил об этом. Разумеется, у него не полная сила. Они бы ни за что не передали ему всю силу, пока жив Келсон... да и не думаю, чтобы такое было возможно. По мнению... э-э... наших друзей, твой отец теперь начинает читать мысли, он может устанавливать крепкую связь с другими Дерини во время работы... и он способен уловить защиту. А это для тебя опасно.

Конал постарался как можно бесшумнее проглотить застрявший в горле ком. Да, вряд ли ему удастся избежать встречи с собственным отцом...

— И что... что мы будем делать? Нам пришлось так потрудиться, чтобы развить мою защиту, Тирцель. Защита — это же сердце всех тех вещей, которым ты меня научил!

— Я-то знаю... К счастью, защитный потенциал у Халдейнов зачастую проявляется сам собой, естественным образом, даже когда его не развивают. Ну, а поскольку твоя защита пока что в зачаточном состоянии, я не думаю, что даже опытный Дерини слишком обеспокоится из-за ее наличия... *если* ты не сделаешь чего-то такого, что заставит его заглянуть в тебя поглубже.

— Чего, например? — полюбопытствовал Конал. — Ты мог бы сказать более конкретно. И почему бы они вообще стали мной интересоваться?

— Потому что ты сын Нигеля, а он обладает частично активизированным потенциалом.

— Но...

— Не требуй от меня подробностей, — сказал Тирцель, вскидывая руку, чтобы пресечь дальнейшие расспросы. — Если с Келсоном что-нибудь случится, и Нигель займет королевский трон, — ты становишься следующим в линии наследования.

— Я знаю, — едва слышно произнес Конал.

— А это значит, что будет вполне естественным, если твой отец захочет, чтобы ты с этого времени участвовал в делах правления.

— Ну, сегодня он этого не захотел, — проворчал Конал. — Он как раз сейчас совещается с личными советниками. Меня не пригласили.

— Да, на этот раз — нет. Но могу поспорить, что они как раз и обсуждают еще и твою персону, уж поверь мне.

— И?..

— И... — Тирцель вздохнул. — Конал, при дворе есть такие Дерини, о которых ты и не догадываешься... и я не могу назвать их тебе. Возможно, Нигель решит, что тебе следует это знать... пожалуй, ему даже придется сделать это, если тебе придется всегда быть рядом с ним в качестве возможного наследника. А если он это сделает, то им потребуется защита от узнавания.

— Как это... какая защита?

Тирцель пожал плечами.

— Я не могу сказать тебе точно, я и сам не знаю. Но возможно, один из Дерини, которого он сам выберет, — скорее всего, это будет Риченда, — поставит тебе частичную блокировку. Потом тебе назовут остальных Дерини... но ты не сможешь использовать это знание в такой ситуации, когда о Дерини смогли бы узнать посторонние. Это довольно хитрый трюк, вообщ

Пытаясь разобраться во всем этом, Конал глубоко вздохнул и осторожно опустил руки на подлокотники стула.

— Эта... эта частичная блокировка... она для нас опасна?

— Только в момент установки, да и то, если мы к этому не готовы,— ответил Тирцель.— К счастью, я отлично знаю, кто больше всего нуждается в защите... так что, думаю, я смогу наладить маскировку поверх твоих защит, так что мы оставим доступ в эту область, и одновременно скроем то, что незачем видеть другим. Так что кто бы ни заглянул в тебя, он лишь сделает необходимую работу, и все. А кроме того, можешь быть уверен, он ничего не увидит.

— Насколько это сложно? Ну, установить маскировку поверх моей защиты... так ты сказал?

— Не слишком сложно для меня, хотя для тебя может оказаться трудновато... ну, прежде всего потому, что понадобится какое-то время. Кроме того, я хочу дать тебе кое-что для подавления рефлекторного сопротивления. Вообще-то нам следует заняться этим прямо сейчас, если ты готов. Уже довольно поздно, я понимаю, но кто знает, когда остальным вздумается включить тебя в важные дела и соответственно принять меры предосторожности!

Конал набрал побольше воздуха и держал его в легких в течение нескольких ударов сердца, а затем медленно-медленно выпустил. То, что предложил Тирцель, звучало пугающе, но это не было и вполовину так страшно, как возможность попасться до того, как он достигнет своей цели. Когда Конал поднял голову, Тирцель не шелохнулся, он лишь смотрел на принца. Внезапно Конал усомнился, действительно ли вот этот Дерини может читать его мысли.

— Сегодня, значит? — прошептал Конал.

Тирцель кивнул.

— Хорошо.

Тирцель тут же направился через комнату, к скамейке, стоявшей у противоположной стены. Небольшая сумка, которую он всегда брал с собой на занятия, лежала там под светло-коричневым плащом; Тирцель несколько секунд рылся в ней, и Конал подошел к нему.

— Налей полчашки воды,— сказал Тирцель, зажигая на ладони магический огонек, чтобы разобраться в нескольких пергаментных свертках, извлеченных из сумки.— Я даю тебе более сильную дозу, чем обычно, но потом, когда мы закончим, я тебе дам противоядие. Возможно, утром у тебя будет немногого болеть голова, но не слишком. Это все же лучше, чем вернуться в замок под воздействием наркотика... кто знает, с кем ты мо-

жешь встретиться по пути, может, и с кем-то из тех, кому незачем знать о наших делах. Я не хочу, чтобы ты оказался открыт перед ними.

Конал принес воду и смотрел, как Тирцель высыпает в нее содержимое одного из пакетиков; резкий аромат порошка распространился в воздухе, и Конал сморщил нос. Он помнил это средство, хотя и не мог сказать, как оно называется. Обычно и половины пакетика более чем хватало для того, чтобы он в течение нескольких часов чувствовал себя слишком слабым. Когда Тирцель начал размешивать порошок в чашке своим кинжалом, Конал отстегнул меч и снял пояс, обернув его вокруг ножен; когда он клал свое оружие на скамью, он вдруг подумал о том, не может ли человек умереть от слишком большой дозы такого наркотика. И он даже представить не мог, что сотворит с ним подобное количество зелья.

— Тебе лучше сесть, а уж потом выпить это,— сказал Тирцель, отвечая на невысказанный вопрос; он махнул рукой в сторону стула, стоявшего у очага.— Если не сядешь, можешь свалиться еще до того, как выпьешь все до дна. Такое количество ударит по тебе, как мул колытом. Но зато я обещаю, что ты не почувствуешь того, что я буду делать.

— Слабое утешение,— пробормотал Конал, усаживаясь на стул и осторожно принимая чашку из рук Тирцеля.— Будут какие-нибудь особые наставления?

— Нет, все как обычно. Глубоко вздохни и постарайся расслабиться. Максимально опусти защиту, насколько сможешь. А потом разом выпей это.

— Легко тебе говорить,— буркнул Конал.

Но он сделал все именно так, как велел ему его наставник,— он сознательно расслабил тело на вдохе, потом волевым усилием ослабил защиту, одновременно с медленным выдохом. Когда он сделал второй вдох, он одним глотком осушил чашку, умудрившись почти не обратить внимания на отвратительный вкус напитка.

Он успел только закрыть глаза и почувствовать, как Тирцель забирает чашку из его руки. А потом комната закружилась, и ему пришлось изо всех сил вцепиться в подлокотники стула, чтобы его не затянуло в... в ничто.

Он изо всех сил зажмурился, жадно хватая ртом воздух. Он почувствовал, как некие бесплотные руки легли на его голову, и от них пролилась тихая прохлада на его пылающий лоб, на дрожащие веки, на шею... утешающая, ободряющая прохлада,— но

одновременно он ощущил все нарастающее давление в глазах, изнутри,— такое, что его череп, казалось, вот-вот взор-

вется... Потом в ушах раздался бешеный грохот, а на языке и в глубине горла разлилась отвратительная обжигающая горечь.

А потом на него накатила черная волна и унесла его прочь — в ничто, и он кружился в этом ничто, и касался этого ничто, и это ничто охватило и поглотило его... и наконец он провалился в благословенное забвение.

* * *

Не на следующее утро, а через день Коналу выпал случай проверить результаты того, что совершили они с Тирцелем. В первые двадцать четыре часа Конал почти не мог вспомнить, что именно произошло между ним и Тирцелем после того, как он осушил чашку,— но ему казалось, что он теперь существует словно бы двух уровнях, и его наиболее личные мысли ушли куда-то в почти недосягаемую глубину, в то время как шум обычной повседневности продолжал трещать на поверхности.

Он направлялся во двор замка. Он нес пачку писем, которые Нигель попросил собрать этим утром, чтобы отправить с курьером, готовым умчаться в лагерь Келсона. Он шагал через сад, думая о том, что по пути может, пожалуй, увидеть Росану,— и тут из-за живой изгороди вышли Риченда и Росана. Когда они обменялись приветствиями, в глазах Риченды мелькнуло нечто... некое сосредоточенное размышление, которое заставило Конала предположить, что для него настал момент испытания,— в том случае, если Тирцель был прав в своих подозрениях.

— А, оставшиеся письма для курьера,— сказала Риченда, доставая из рукава конверт и протягивая его Коналу.— Могу я и свое туда же добавить?

— Разумеется, миледи.

Когда он засовывал письмо под кожаную ленту, которой была перевязана вся пачка, он заметил, что Риченда бросила быстрый взгляд на Росану.

— Кстати, ты не мог бы уделить мне минутку, Конал? — сказала она.— Или ты должен поспешить с этими письмами?

— Ну, курьер там уже ждет...

— Разумеется, он ждет. Может быть, ты позволишь леди Росане отнести их вместо тебя? Думаю, Нигель ничего не будет иметь против.

Конал уже хотел было отказаться,— он теперь не сомневался в том, что Тирцель был прав,— но Риченда положила руку на письма, ее пальцы скользнули по его пальцам,— и от этого прикосновения все мысли о каком-либо сопротивлении вылетели у него из головы.

— Да, конечно,— услышал он собственный голос, в то время как Риченда забирала у него письма и передавала их Росане.— Благодарю вас, миледи.

Он проводил ушедшую с письмами Росану ошеломленным взглядом, позволив Риченде отвести себя дальше по тропинке,— пока они не достигли небольшой ниши в пышной зеленоизгороди.

— О, пожалуйста, не тревожься,— нежно произнесла Риченда, разворачивая его лицом к себе и продолжая поддерживать контакт, касаясь рукой его руки.— Твой отец попросил меня поговорить с тобой. Он намерен начать понемногу знакомить тебя со своими наиболее близкими советниками, но прежде чем это произойдет, необходимо принять кое-какие меры предосторожности. Келсон частично пробудил в нем потенциал Халдейнов, чтобы Нигель мог более эффективно управлять государством в отсутствие короля, и представил ему нескольких советников Дерини, они находятся здесь, при дворе, но ты их не знаешь.

Впервые он сумел осознать, ощутить прикосновение чужого ума к своему уму... хотя и к самому поверхностному уровню, который Тирцель изолировал от глубинных слоев. И этот поверхностный слой, похоже, не вызвал у Риченды ни удивления, ни подозрения; а Конал обнаружил, что теперь он способен реагировать сразу на двух уровнях,— и лишь поверхность его ума отклинулась так, как этого можно было ожидать в данном случае: на ней возникли любопытство и легкое опасение.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите, миледи,— проговорил он, запинаясь, не в силах отвести взгляд от ее глаз.

Она мягко улыбнулась и провела свободной рукой по его лбу; кончики ее тонких пальцев задержались на его дрожащих веках.

— В свое время тебе все станет ясно,— прошептала она.— Расслабься на мгновение, Конал.

У него внезапно закружились голова, и он покачнулся, едва не упав,— но рука Риченды, сжимавшая его пальцы, помогла ему удержаться. Пальцы, касавшиеся его век, были мягкими и прохладными.

Через несколько мгновений Риченда опустила руки и Конал смог снова посмотреть на нее. Она улыбалась, ее голубые глаза светились удовлетворением, и Конал теперь знал: и Риченда, и Тирцель сделали именно то, что хотели сделать.

— Хорошо. Все в порядке. Нигель хочет, чтобы ты сегодня днем присоединился к нам. Как ты себя чувствуешь?

— Немножко... смущенным,— сказал он, встряхивая головой.— Что это вы такое со мной сделали?

— Я установила блокировку, чтобы обеспечить безопасность тому, что ты узнаешь сегодня, немного позже. Кстати, тебе известно, что у тебя развивается великолепная защита? Впрочем, меня это не удивляет. В конце концов, ты ведь сын Нигеля.

— Защита? О... — пробормотал Конал.— Но я...

— Не тревожься,— она снова коснулась его руки, успокаивая.— Как я уже сказала, все прояснится в должный момент. Не хочешь ли проводить курьера? Я уверена, он еще не отбыл.

За время недолгого пути до двора замка голова Конала прояснилась и он полностью восстановил внутреннее равновесие, и он порадовался тому, что Риченда не пошла с ним. Когда он вышел во двор, Росаны там уже не было. Он стоял рядом с отцом, пока Сэйр Трэгернский давал курьеру последние инструкции, и лишь коротко кивнул, когда Нигель спросил, говорили ли с ним Риченда. Он так же спокойно кивнул, когда Нигель пригласил его участвовать в дневном совещании с советниками, и это, похоже, успокоило Нигеля,— он решил, что все прошло благополучно.

Конал, глядя вслед верховому курьеру, промчавшемуся через двор и исчезнувшему за воротами замка, подумал о том, что надо бы известить обо всем Тирцеля, но все равно через несколько дней им предстояло встретиться для нового урока; а такие новости могли и подождать. Кроме того, он решил, что после дневного совещания у него будет больше тем для сообщения.

И он стал думать о Келсоне, гадая, что происходит там, в Меаре, и часть его души стремилась на поле боя,— ему хотелось покрыть себя сиянием славы. Должно быть, армия Хаддейна уже возле Ратаркина, а отряды Дункана подходят ему на помощь с севера.

Ну, если ему немножко повезет, скоро все это закончится. Нет смысла тянуть, если Конал не может быть там, чтобы участвовать в победе. Он надеялся, что мятежные меарцы быстро получат от Келсона все, чего они заслужили... и в особенности получит свое эта свинья принц Ител!

* * *

— Черт бы побрал этого Хаддейна! — как раз в эту минуту прорычал принц Ител, несколько часов назад укрывшийся за надежными стенами Ратаркина,— он слишком хорошо осознавал то, что армия Келсона находится на расстоянии меньше дневного перехода от столицы Меары, и только озеро и река задерживают ее продвижение.— Матушка, мы сделали все, что могли, мы сожгли собственную страну, мы не давали ему 461

ни минуты передышки,— но он *все равно* подходит! Говорю вам, нам следует отступить в Лаас!

Он стоял возле маленького, выходившего на юг окна самой высокой башни ратаркинского дворца; рядом с ним стоял встревоженный Брайс Трурил. Оба мужчины еще были в полном латном одеянии, лишь сняли шлемы и перчатки, да сдвинули на затылки насквозь пропитавшиеся потом шапки. Лица обоих были покрыты пылью. Потрясенная Кэйтрин стояла не-подалеку от двери скучно обставленной комнаты, Джедаил и архиепископ Креода — по обе стороны от нее. На Кэйтрин была корона, поскольку Кэйтрин явилась прямо с официальной встречи своего сына, вернувшегося в Ратаркин, однако и она, и оба священника выглядели сильно испуганными. Джедаил взял Кэйтрин за руку, явно пытаясь успокоить, но она отмахнулась и пошла через к комнату к своему теперь единственному сыну.

— Мы выстоим,— сказала она, осторожно касаясь закованного в латы плеча принца.— Сикард остановит Маклайна на севере и придет к нам на помощь. Мы пересидим Халдейна. Мы продержимся. Ты увидишь.

— Слишком это рискованно, ваше величество,— устало произнес Брайс, вежливо кланяясь Кэйтрин, когда она повернулась и внимательно посмотрела на него.— Нам лучше уйти в Лаас. Мы очутимся на побережье. Мы сможем там найти новых наемников. Да и припасы по воде доставлять легче. К тому же мы сможем ловить рыбу. Если нам придется выдерживать осаду, там мы будем в гораздо лучшем положении.

— Он прав, матушка,— сказал Ител, расстегивая пряжку у горла, чтобы кольчуга не мешала дышать.— Если мы останемся здесь, мы не сможем продержаться долго, разве что сам бог придет нам на выручку. Лаас позволит нам выиграть время. Брайс и я останемся в арьергарде и постараемся еще хоть немного задержать продвижение Халдейна. А вы с Джедаилом и епископами отправитесь на запад.

— И оставим тебя здесь?

Ител вздохнул и с терпеливым видом оперся обеими руками о раму узкого окна, оглядывая раскинувшуюся вдали равнину. Теперь он был мужчиной, к тому же взрослеющим с каждой минутой,— а не тем неуклюжим мальчишкой, который так самоуверенно выехал из столицы несколько недель назад.

— Ведь я твой наследник, матушка, не так ли?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только одно: позволь мне делать то, для чего я рожден! — резко произнес он, поворачиваясь к ней и взмахивая

сжатым кулаком.— Если есть хоть малейший шанс отбить врага и спасти наши земли от захвата их Халдейном,— я должен это сделать! Но *ты* должна бежать отсюда — ты и Джедаил! Мы с Брайсом последуем за вами, когда это будет возможно. Если понадобится, я сожгу и Ратаркин, я сравняю его с землей, лишь бы задержать тех, кто пытается захватить тебя! Но мы не можем просто сидеть здесь, зарывшись в нору, как лисицы, за которыми гонятся борзы! Мы *должны* выиграть время для северной армии, чтобы отец пришел нам на помощь!

— Ну, а если предположить, что Сикард *не сумеет* нам помочь? Что тогда? — резко спросила она.— Неужели мне придется потерять *вас обоих*? Иtel, я не могу! Мне этого не выдержать, я не желаю, чтобы ты погиб, как твой брат! Мы *должны* спастись! Должны, слышишь?

— Так оно и *будет*, ваше величество,— умиротворяющее произнес Креода, решившись наконец осторожно вмешаться в семейный спор.— Лорд Сикард *обязательно* дойдет до Ратаркина и спасет нас. Уже теперь милорды Лорис и Горони завлекают Маклайна и его армию все ближе к гибели. Как только кассанские отряды будут разбиты, Лорис и Сикард соединятся с нами. Но в том, что они делают, будет немного пользы, если мы останемся в Ратаркине и, возможно, падем перед захватчиками Халдэйна.

Кэйтрин выслушала его речь, нетерпеливо притопывая маленькой ножкой по каменному полу, потом, крепко сжав губы, посмотрела на Джедаила.

— Понятно, Креода против меня. А что скажешь ты, Джедаил? Если мы отступим, а Иtel погибнет, то после моей смерти *ты* станешь королем Меары. Ты именно этого хочешь?

Побледневший Джедаил отвел взгляд.

— Я хочу лишь служить тебе, моя королева, а после тебя — твоему сыну,— прошептал он.— У меня уже есть все, чего я мог когда-либо пожелать. Но архиепископ Креода прав. Ради твоей собственной безопасности ты *должна* отправиться в Лаас. *Нельзя допустить*, чтобы тебя захватил враг.

— Понимаю.— Плечи Кэйтрин опустились, она бессильно склонила голову.— Похоже, мне вас не переубедить.— Она глубоко вздохнула и, немного помолчав, обвела взглядом мужчин.— Хорошо. Я отдаю все в твои руки, мой сын. Скажи, что я должна делать, и я это сделаю.

Поскольку Иtel неуверенно посмотрел на Брайса, барон расправил плечи и зацепился большими пальцами за пояс.

— Вам и епископам следует немедленно отправиться в путь, ваше величество,— мягко сказал Брайс.— Мы дадим 463

вам надлежащий эскорт из дворцовой стражи, и еще с вами отправится часть городского гарнизона. Остальная часть гарнизона присоединится к боевым отрядам. Они полны сил, мы бросим их на Халдайна.

— А мы поедем в Лаас,— мрачным тоном произнесла Кэйтрин.

— Да. И там, кстати, есть резервный гарнизон. Если мы... если мы по какой-то причине не сможет присоединиться к вам, тот отряд сумеет защитить вас до подхода Сикарда и Лориса.

— Отлично,— пробормотала Кэйтрин, ни на кого не глядя.— Я... прежде чем мы отправимся, я желаю поговорить наедине с моим сыном. Это недолго.

Все сразу же поспешили выйти из комнаты, оставив Кэйтрин и Итela стоящими возле узкого южного окна. Вздохнув, Кэйтрин сняла корону и принялась бездумно вертеть ее в руках.

— Я... я не сожалею о том, что сделала,— заговорила она негромко и мягко.— Эта моя мечта *могла* осуществиться... и, пожалуй, может еще осуществиться, *даже теперь*...

Храбро улыбнувшись, Ител осторожно коснулся руками головы матери, провел пальцами по нежной розовой полоске, оставшейся на белой коже там, где на нее давила тяжесть металла, потом наклонился и поцеловал Кэйтрин в лоб.

— И она все равно *осуществится*, матушка,— тихо произнес он.— Ты *действительно* законная королева этой страны, и мы оба доживем до того дня, когда ты взойдешь на принадлежащий тебе трон.

Он чуть отступил и посмотрел на нее сверху, а она подняла корону вверх, поднесла к его голове.

— Я молюсь о том, чтобы все сбылось, мой сын... и чтобы ты никогда не потерял эту корону. Надень ее!

— Это твоя корона, матушка,— прошептал он.— Не надо!

— Только на минутку,— сказала она.— Ведь ты все равно будешь ее носить, если...

Она не договорила, но он понял то, что было почти сказано. И, исполняя просьбу матери, Ител опустился на колени, чтобы Кэйтрин могла надеть на его влажные от пота каштановые волосы драгоценный венец.

Он чуть заметно вздрогнул, когда его вес на своем лбу, но тут же схватил обе руки Кэйтрин и покрыл ее ладони поцелуями. С ее губ сорвалось рыдание, с его — тоже. Наконец она в последний раз прижала голову сына к своей груди, не обращая внимания на то, что ее щеку царапают украшенные драгоценными камнями зубцы короны.

Когда они спустя несколько минут выходили из башни, корона вновь красовалась на голове Кэйтрин, и оба они — Кэйтрин и ее сын — шли гордо и уверенно. Немного спустя королева Меары и маленький, но надежный эскорт уже выехали из ворот Ратаркина и повернули на север, а принц Ител и Брайс Трурил остались в столице Меары. К тому времени, когда наступила ночь, защитники Ратаркина растаяли между холмами в ожидании приближающегося неприятеля. Отряд Кэйтрин был уже далеко.

Ратаркин пытал.

* * *

Пламя, бушевавшее над столицей, было видно издалека. Увидели его и на юге, как только солнце начало опускаться к краю обширной равнины центральной Меары, и армия Келсона остановилась, чтобы разбить лагерь на ночь. Стоя на небольшом холмике и глядя на север и на восток, на лежащие там озера, отделяющие их от главного города Меары, Келсон чуть повернул голову, чтобы посмотреть туда, куда показывал один из разведчиков, приведший короля и Моргана на этот холм. Свечение было еще не слишком заметным, поскольку сумерки едва начали стущаться, но вокруг быстро темнело, но свет становился ярче с каждой минутой.

— Полагаю, это должен быть Ратаркин,— сказал Морган, опуская подзорную трубу и с растерянным видом передавая ее Келсону.— Джемет, там есть еще *хоть какос-нибудь* крупное поселение, в той стороне?

Разведчик Р'Кассана покачал головой.

— Ни одного, ваше сиятельство. Мы подбирались довольно близко, так что ошибиться тут невозможно. Город был сильно освещен, весь в факелах. Мы еще видели какой-то отряд, он ушел в середине дня на запад... но это мог быть и караван. Когда мы его заметили, он был уже далеко на равнине... слишком далеко, чтобы сказать наверняка, что это такое.

— Скорее всего это была Кэйтрин, ее наверняка отправили с сопровождением в Лаас,— пробормотал Келсон, глядя в подзорную трубу Моргана на все разгорающееся пламя.— Но вряд ли с ней ушла и вся ее армия. Вы бы обязательно заметили такое количество людей.

— Это верно, сир,— согласился Джемет.— Мы полагаем, они остались где-то тут, чтобы задержать нас. Или у них просто *не осталось* большого количества людей. Как ни крути, а главная часть армии вовсе и не была у Итела и Брайса.

Келсон опустил трубу и сложил ее.

— Так где же, черт побери, эта меарская армия?! Дункану так и не удалось ее увидеть. *Мы* тоже ее не видели!

— Может быть, ее и вовсе не существует,— пробормотал Морган, забирая у Келсона сложенную подзорную трубу и укладывая ее в футляр — Может быть, Кэйтрин только того и добивается, чтобы мы все лето гонялись за собственным хвостом. Я сам именно так бы и поступил, если бы меня обуревала навязчивая идея и у меня было бы очень мало солдат.

Фыркнув, Келсон сунул руки под пояс, продолжая всматриваться в какое-то пятнышко на севере, почти у горизонта.

— Ты бы мог так поступить, и я тоже... но вот Лорис — вряд ли. И мы знаем, что он ничего подобного не делает. Я думаю, он создает прикрытие для Сикарда и для подлинного хозяина Меары. Дункан мог и не видеть всю меарскую армию, но он наверняка видел ее следы там, где она проходила. Полагаю, она где-нибудь вон там,— он махнул рукой, показывая на север,— где-нибудь между ним и нами. И если мы позволим увлечь себя к Лаасу, бросимся преследовать Кэйтрин, Сикард сможет причинить нам немалые неприятности на севере.

— Полностью с этим согласен,— сказал Морган.

— Ну и отлично. Тогда мы выбросим из головы Кэйтрин, пусть себе мчится куда хочет... а мы повернем на север, на помощь Дункану,— заявил Келсон, взмахом руки отпуская разведчика.— Спасибо, Джемет. Можешь идти. Если вон там *действительно* меарская армия, нам, возможно, удастся захватить ее в клещи.

Морган одобрительно кивнул, провожая взглядом разведчика. Когда тот исчез в темноте между холмами, Морган сказал:

— Я думаю, это *действительно* серьезная угроза.

— А пока,— продолжил Келсон,— мне нужны Ител и Брайс. Я очень хочу изловить их обоих, Аларик.

— Знаю, что очень хочешь.

— И еще мне нужен Лорис, и Сикард тоже... и тот паршивый маленький листивый священник, Горони!

— Ну, ты уж слишком! — с коротким смешком сказал Морган.— Думаю, кое-кто из наших ближайших друзей мог бы возразить против этого твоего определения листивого священника. Кардиель, например, просто был бы потрясен. Я, кстати, пригласил его пообедать с нами сегодня.

— Ну, я вряд ли назвал бы это обедом, учитывая печальное состояние наших продуктовых запасов,— насмешливо ответил Келсон, поворачиваясь и направляясь вниз по склону холма.—

Но по крайней мере собирается приличная компания. Ты го-

466 тов принять ванну перед обедом? Я — да.

Хохот Моргана звучал долго, пока они не дошли до подножия холма,— и звуки смеха уносили вдаль легкий ветерок, поднявшийся к вечеру и принесший хотя бы небольшой отдых от дневного удушающего жара; и тот же ветер разносил вокруг шум устанавливаемого лагеря. Келсон и Морган прошли мимо линии пикетов к офицерским шатрам, по щиколотки утопая в грязи,— рядом с шатрами купали пару десятков лошадей; по пути они обменялись несколькими словами с оруженосцами и конюхами, занимавшимися животными, и наконец добрались до королевского шатра, чуть отстоявшего от других.

Юный Брендан уже держал наготове чистые полотенца и кувшины с теплой водой, ожидая их прихода, и высокие кружки с элем остужались в ручье, неподалеку от шатра. Король и его наставник хмыкали, фыркали и мычали от чисто животного наслаждения, когда Брендан и оруженосец Келсона, Джатам, помогали им снять латы и кольчуги.

После омовения они переоделись в чистую одежду, разнообразя это занятия немалыми глотками прохладного пенистого эля,— так что к тому моменту, когда в королевский шатер явился Кардиель, оба воина уже вполне восстановили бодрость духа и тела.

В это же время далеко на севере, в лагере другой части армии Гвиннеда, Дункан, Дугал и рейнджеры Дугала собирались на совещание, очень похожее на то, которое проводили Келсон и Морган,— хотя это северное совещание на вид было далеко не таким спокойным и представительным; северные отряды весь день отражали нападение коннантских банд на оба фланга, и основательно потрепали епископальные части, которыми командовал Лоуренс Горони. При этом северяне получили немало ранений, и несколько человек у них были убиты, но постоянная перестрелка и непривычная жара все же сделали свое дело, вконец измотав кассанцев. Теперь же Дункан разбил большой лагерь, окруженный сторожевыми кострами, с постами по всему периметру; и к тому же немалая часть воинов, заступивших на дежурство в первые часы остановки, не расставалась с оружием, готовая отразить ночную атаку, в то время как их товарищи заснули сном в наскоро установленных палатках.

Дункан и сам еще не снял латы; сбросив лишь шлем и рукавицы, он уселся на стул перед своим шатром и жадно выпил большую чашу холодной воды. В шатре было слишком жарко, и Дункану не хотелось туда входить. Рядом с ним Дугал устроился на другом стуле, держась за него изо всех сил,— потому что Къярд О'Руан, стоя перед Дугалом на корточках, орудовал кинжалом, пытаясь снять с него наголенник, сильно помя-

тый стрелой, угодившей в него во время одной из дневных перестрелок.

Наконец Къярд, крепко ругаясь вполголоса, еще раз ударил по прямой части лат рукояткой своего кинжала, и наконец перекошенная скрепа с резким металлическим визгом разошлась.

— Черт бы побрал этого маленького ублюдка!.. — пробормотал Къярд, а Дугал глубоко вздохнул от облегчения.

— Колено не задето? — спросил Дункан.

Дугал отрицательно качнул головой; они с Къярдом окончательно сняли с его ноги наголенник, и Дугал несколько раз согнулся и разогнулся ногу, чтобы убедиться в целости собственных сочленений. сапоги на нем были высокие, почти такой же высоты, как наголенники лат, и Дугал просунул палец под верхний край башмака, чтобы расправить его, поскольку кожа смялась во время предыдущей процедуры.

— Думаю, все в полном порядке. Вот только весь день не было возможности согнуть ноги... ну, немножко пройдусь, и все встанет на свои места. Къярд, ты сможешь починить это к утру?

Къярд утвердительно хмыкнул и удалился, забрав с собой искощенный наголенник; Дугал снял кольчугу, встал, и, устало улыбаясь, заковылял к отцу, оберегая ушибленное колено.

— Я себя чувствую полным дураком, когда вот так запакован в железо, — сказал он, когда Дункан отставил в сторону свою чашу и наклонился, чтобы положить обе ладони на негнущийся сустав. — Ты ничего такого не ощущаешь, когда надеваешь клетчатые штаны?

— Погоди-ка, дай мне минутку... — пробормотал Дункан, пуская в ход ощущения Дерини, чтобы через кожаные бриджи почувствовать, в каком состоянии пребывает колено Дугала. Он на несколько секунд окружил сустав лечебным теплом, чтобы усилить циркуляцию крови, и улавливая одновременно, как разум Дугала раскрывается в ответ на заботу и любовь и как в нем отчетливо проявляется привязанность к отцу... и наконец, выпрямляясь и поднимая взгляд на сына, позволил себе облегченный вздох.

— Ничего серьезного, — сказал он. — Но вряд ли это было бы так, если бы на тебе не было стальных доспехов. Полагаю, в дни вроде этого пригодились бы и более тяжелые латы, несмотря на жару.

Дугал снова согнулся и разогнулся ногу, улыбаясь от того, что подвижность полностью восстановилась, и придинул свой стул поближе к отцовскому. На шее у него висело довольно грязное

полотенце, и он то и дело промокал одним из его концов 468 снова и снова выступавший на лице пот. Дункан, заметив, в

каком состоянии находится полотенце, предложил сыну другое, более чистое, которое висело на его собственном плече.

— Как ты думаешь, что будет дальше? — осторожно спросил Дугал немножко спустя, когда он уже расстегнул пряжку, стягивающую кольчугу у самого горла, и ощутил легкую струйку прохладного воздуха, пробравшуюся под влажную от пота нижнюю рубашку.

Дункан покачал головой и потянулся к стоявшей без дела чаше; сделав глоток, он сказал:

— Я и сам очень хотел бы знать. Воды выпьешь?

Усмехнувшись, Дункан взял чашу и выпил ее содержимое себе на голову,— вода стекла с его волос под латы, и Дункан с наслаждением прислушался к тому, как бегут по его коже прохладные струйки. Дункан лишь усмехнулся, забирая чашу обратно, и пока Дугал энергично вытирал голову полотенцем, снова наполнил чашу водой из стоявшего у его ног большого оловянного кувшина.

— Тратишь понапрасну хорошую воду,— пробормотал он, а Дугал вздохнул и с довольным видом откинулся на спинку стула.— Ты что, еще недостаточно промок?

— Это совсем не то, что промокнуть от собственного пота,— весело возразил Дугал.— Да и ненамного я стал мокрее. Ты бы сам попробовал, убедился, как это приятно.

— Хм... нет, спасибо, пожалуй, я лучше не стану этого делать.

— Если нам и сегодня ночью не удастся снять латы — тогда это все же лучше, чем ничего,— Дугал позволил себе некоторую настойчивость.

Дункан что-то невнятно буркнул и встряхнул головой.

— Дугал, ты вообще хоть представляешь, до чего мне *противно* быть грязным? Днем это еще можно кое-как вытерпеть, но когда не можешь вымыться как следует вечером — ох...

— А еще называешь себя пограничником!

— Я *не* называю себя пограничником; так уж случилось, что я стал вождем пограничного клана, но я герцог, и я сын герцога, и я принц Церкви, так что — благодарю покорно! — с насмешливым негодованием сказал Дункан.— А ни один герцог, или сын герцога, или принц любого рода и сорта, где бы они ни находились, не станут радоваться тому, что им приходится оставаться немытыми после целого дня сражений за своего короля.— Он рассмеялся.— С другой стороны, после такого дня не худо и поплакаться немножко, а? Пожадуешься — легче становится, отвлечешься от других мыслей.— Но в следующую секунду он уже был абсолютно серьезен.— Милостивый Иисус, как я хотел бы знать, где эта армия Сикарда! Чего бы я то-

лько не отдал за то, чтобы встретиться наконец с врагом, встретиться и сразиться наконец, прямо и открыто!

— Да, понимаю,— мрачно откликнулся Дугал, упираясь локтями в колени и опуская подбородок на ладони.— Это уже не просто раздражает, а? Тут что-то... Тебе не кажется, что нам бы следовало попробовать связаться с Морганом? Может быть, они с Келсоном уже добрались до Сикарда и задерживают его где-то на юге?

— Ты и сам прекрасно знаешь, что это не так. Да и в любом случае, я слишком устал, чтобы нынче ночью пытаться устанавливать связь.— Он широко зевнул и крепко потянулся, поднимаясь на ноги.— Кроме того, они и не ожидают, что в ближайшие три дня мы станем их вызывать. Ты как, уже настроился на ужин? Может быть, пойдем, выясним, что там Джодрел умудрился наскрести для нас с тобой? Не знаю, как ты, а я просто умираю от голода.

— Да уж, не сомневаюсь. Вот только...

— Вот только — что? — спросил Дункан, упираясь скжатыми кулаками в бедра и внимательно всматриваясь в сына.— Что?

— Ну, я просто подумал... а как быть в том случае, если тебе вдруг будет совершенно *необходимо* связаться с Морганом, когда он вовсе не ждет этого?

— Н-ну-у... это намного сложнее, чем установить запланированную связь,— негромко произнес Дункан, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии случайных слушателей.— И тем не менее в случае настоятельной *необходимости* я должен дождаться очень позднего часа, чтобы наверняка быть уверенным — он уже заснул. Он во сне намного более восприимчив. И тогда, возможно, мне удастся... — Он вопросительно посмотрел на Дугала, слегка склонив голову набок.— Такой ответ тебя удовлетворяет?

— Пожалуй, да,— пробормотал Дугал.— Но сейчас, конечно, нет такой острой надобности, верно? Мы ведь *знаем*, кто играет с нами в прятки в последние две недели: Лорис и Горони.

— Да, это верно,— согласился Дункан.— И когда мы наконец сумеем с ними встретиться, я намерен заставить их заплатить за каждую ванну, которую я *не принял* за время всего этого похода. Ну, пойдем, попробуем отыскать наш ужин. Спать в латах и кольчуге — это уже достаточно неприятно. Но пусть меня *черт поберет*, если я стану делать это еще и на голодный желудок!

Глава одиннадцатая

**И вот, ко мне тайно принеслось слово, и
ухо мое приняло
нечто от него¹**

Аngelus consilii natus est de virgine, sol de stella,— цитировала на память Риченда, сидя на следующее утро в дамской гостиной, перед своим ткацким станком,— они с Росаной обсуждали при этом стихи.— Этот ангел совета рожден девственницей, это солнце среди звезд. Sol occasum nesciens, солнце, никогда не заходящее, звезда, которая всегда светит, вечно сияет, не угасая.

Росана, следившая за текстом по свитку, лежавшему на ее коленях, раскачивалась взад-вперед от восхищения.

— Да, да! Это мне знакомо. *Sicut sidus radium, profert virgo filium, pari forma.* Как звезда высыпает свои прекрасные лучи, так девственница прислала своего сына, подобным же образом...

Они были вдвоем в гостиной, другие дамы отсутствовали. Росана устроилась на кушетке возле окна, скрестив ноги на турецкий лад и тщательно закутав их подолом своего бледно-голубого монашеского одеяния. Здесь, в уединении дамской гостиной, она сняла чепчик и вуаль, и ее тяжелая иссиня-черная коса упала на плечо, касаясь концом манускрипта, лежавшего на коленях девушки. Пальцы Росаны трепетали, касаясь текста,— как крылья голубки, свившей себе гнездо на карнизе над окном,— а на лице отражался мечтательный восторг, вызванный древними словами.

— «*Neque sidus radio, neque mater filio fit corrupta*». Ни звезда не утрачивает девственности, посыпая лучи своего света, ни мать, рождая сына.

Когда-то давно и сама Риченда вот так же преисполнялась девническим восторгом. Теперь эти же самые слова приносили

¹Иов 6:12

куза более глубокое наслаждение, благодаря приобретенным мудрости и немалому опыту,— ведь она была теперь почти вдвое старше Росаны. В те годы, что она была замужем за Брэнном Корисом, ей не приходилось заниматься учебой, которой она с таким пылом предавалась в девические лета,— Брэн считал, что женщине вряд ли пристало быть излишне умной. Но радости учебы вернулись после смерти Брана,— и не только потому, что Аларик готов был это терпеть; нет, он всемерно поощрял ее, да еще и Дункан и Келсон проявляли самый живой интерес к тем вещам, которыми, как оказалось, она могла поделиться с ними.

И именно Дункан сумел отыскать тот свиток, который сейчас лежал на коленях Росаны,— хотя сумасшедшие деньги, которых стоил свиток, выложил Аларик,— впрочем, без малейших сожалений.

— Я помню соответствующий текст из «Экклезиаста»,— говорила тем временем Росана, пробегая кончиками пальцев по колонкам изящного рукописного шрифта.— Я есть мать чистой любви, и ожиданий, и знания, и святой надежды... Мои воспоминания слаще меда, и мой наследник как медовые соты...

Риченда ободряющие улыбнулась и что-то произнесла в знак согласия, однако ее гибкие пальцы продолжали безостановочно двигаться, и членок не сбился с ритма, когда Росана возобновила чтение.

В гостиной было довольно жарко, хотя только что миновал *Terce*, «Третий Час» по древнему календарю, когда Святой дух снизошел на апостолов. Но могло быть и еще жарче,— однако вечер все же принес некоторое облегчение. Риченда, тоскуя по благословенной прохладе озер своего родного Анделона, или хотя бы по живому морскому бризу, который освежал Корот, оставила ненадолго работу, чтобы вынуть шпильки из своих вьющихся огненно-золотых волос; как и Росана, она, вернувшись с ранней мессы, сняла головной убор. На ней в это утро было нежно-розовое платье, вместо голубого, которое она предпочитала обычно,— она сменила цвет из уважения к лазури монашеских одеяний Росаны и ее сестер. Розовое было ей к лицу, но оно, добавив краски на ее щеки, как бы пригасило пылающее золото ее волос.

Пожалуй, в Меаре еще жарче, подумала Риченда, когда ее пальцы возобновили ровное, терпеливое движение, пропуская резной костяной членок между нитями,— ее руки двигались словно бы сами собой, как в гипнотическом сне, но на узоре, который медленно вырисовывался на растущем куске ткани, не было ни единой ошибки.

Однако не было никакого смысла тревожиться об Аларице; это не принесло бы ровно никакой пользы ни ему, ни ей. К тому же стихи, которые читала вслух Росана, были чудесны, и их каденции лишь усиливали те небольшие чары, которые Риченда вплетала в нити. Росана вдруг заметила, что соскальзывает в легкий, приятный транс, под звук слов, ритмично падающих в утреннюю тишину, словно маленькие гладкие камешки в лесное озерцо... и она порадовалась тому, что они с Росаной пришли сюда в такой ранний час, до того, как кто-то из придворных дам мог присоединиться к ним.

— Хвала тебе, королева небес... Хвала тебе, повелительница ангелов,— продолжала читать Росана.— Приветствуем тебя, ты есть причина всего и источник, откуда исходит весь свет мира...

Запутавшаяся нить потребовала внимания Риченды, и она склонилась над холстом, чтобы распутать узелок, но часть ее сознания продолжала воспринимать чары, навеваемые чтением Росаны... и вдруг она ощутила, что в комнате появился кто-то еще, и сейчас этот кто-то стоит за резными ширмами у самого входа, прислушиваясь... и этот кто-то — Дерини, плотно укрывшийся внутренними щитами, непроницаемый...

Удивленно оглянувшись через плечо — поскольку вторгшаяся сюда могла быть лишь одной из двух дам королевской крови, никто другой не мог без стука войти на женскую половину,— она заметила сквозь не слишком плотную ткань ширмы белое, и это подтвердило ее подозрения: это была Джехана, явно не узнавшая издали Риченду, поскольку та была не в голубом, а в розовом. Если королева решится подойти поближе, это может оказаться довольно интересным...

«*Не останавливайся*»,— передала она Росане, поскольку молодая женщина тоже заметила присутствие третьего лица, хотя и не поняла еще, кто это.

Росана, лишь на долю секунды сбившись с ритма, продолжила чтение, и только передвинула немного свиток, поудобнее пристраивая его. Риченда сосредоточилась на тканье и не повернула лица, когда Джехана обогнула ширму и вошла в комнату.

— Прошу меня извинить,— мягко сказала Джехана, когда Росана подняла на нее взгляд и прекратила читать.— Меня привлекли прекрасные стихи, и я... вы одна из тех сестер, что недавно прибыли в замок? Вы очень молоды.

— И, боюсь, одета не по правилам, миледи,— весело улыбнувшись, ответила Росана, подхватывая лежащую рядом головную накидку и вставая, чтобы присесть перед королевой в вежливом реверансе.— Очень жарко, а поскольку я лишь послушница, сестры часто смотрят сквозь пальцы на мои ошибки. 473

— Ну да, нынче *действительно* жарко, и я ничуть вас не порицаю,— сказала Джехана, улыбаясь в ответ, и лишь после того перевода взгляд на Риченду и узнавая ее наконец; Риченда тоже встала при приближении королевы.

— *Вы!* — прошептала Джехана, слегка задохнувшись.

Риченда склонила голову и присела в глубоком придворном реверансе.

— Ваше величество...

— Ваше величество?! — испуганно повторила Росана, резко поворачиваясь к Риченде.

— Джехана Бремагнийская, мать нашего короля,— мягко пояснила Риченда, не отводя глаз от королевы.— Ваше величество, будет ли мне позволено представить вам мою родственницу Росану, дочь Хакима, эмира Нур-Халляя, послушницу монастыря святой Бригитты...

Когда на мгновение утратившая дар речи Джехана наконец перевела взгляд с Риченды на ошеломленную Росану, которая как раз пристраивала на место головной убор, спеша изо всех сил, Риченда вежливым жестом предложила королеве сесть на кушетку у окна, где только что сидела Росана. Королева предпочла бы отказаться, но Риченда ощущала почти извращенное наслаждение, приглашая Джехану присоединиться к ним.

— Прошу вас, побудьте с нами, ваше величество,— сказала она.— Возможно, вам захочется еще послушать стихи. Наряду с более традиционными текстами Росана декламировала отрывки из сочинения великого Орина. Он был Дерини, как и мы трое.

Джехана громко сглотнула, и ее кожа стала почти такой же белой, как ее платье, и выглядела она так, словно готова была броситься бежать со всех ног; ее зеленые глаза испуганно метнулись к молчащей Росане, потом снова к Риченде.

— Но... она же монахиня! — прошептала наконец королева, яростно встрыхнув головой.— Она *не может* быть Де... Она просто *не может* быть!.. Они не могут верить...

Риченда приложила все силы, чтобы не дать вспыхнувшему в ней гневу выплынуть наружу.

— Почему же нет? Потому что *вам* так хочется, не так ли? Что заставляет вас думать, что только вы способны на веру?

— Это совсем другое дело,— слабым голосом произнесла Джехана.— И вы это знаете. Я обратилась к Церкви для того, чтобы мне помогли *избавиться* от того зла, что живет во мне; вы же своим злом *гордитесь*!

— Нет, мадам! Мы гордимся тем, что находимся в более близком родстве с Творцом, чем другие,— ответила Росана.—

— Стихи *Дерини!* — огрызнулась Джехана.

— Стихи, которые казались вам безупречными и прекрасными, пока вы не узнали, кто их автор,— возразила Риченда.— Неужели вы боитесь, мадам, что будете прокляты только потому, что послушаете их? Уверяю вас, если бы было возможно обрести преимущества нашей расы благодаря простому чтению стихов *Дерини*,— на каждом квадратном метре этой страны сразу же зазвучали бы строки Орина! Но — увы! — для тех из нас, кто должен продолжать бесконечные попытки доказать самим себе, что они являются искренне верящими и честными слугами того же самого Бога, которому служит другие, все обстоит не так просто!

— Ваши слова — богохульство! Я не стану вас слушать! — нервно забормотала Джехана, крепко зажмурив глаза; она отвернулась от Риченды, дрожа с головы до ног.

— А, вы убегаете от правды, мадам! — продолжила Риченда, теперь уже не на шутку разгневанная.— Но вы не сможете убежать от Него, создавшего всех — и людей, и *Дерини*!

— Лучше бы Он этого не делал! — всхлипнула Джехана.

— А если бы Он этого не сделал,— гремела Риченда,— тогда бы и *vas* не было! Не было бы ни вас, ни меня, ни вашего сына... и не было бы Бриона Халдейна, за которого вы вышли замуж! Почему вы считаете себя обязанной преследовать нас, Джехана? Почему вы преследуете *самое себя*??

Последнее обвинение оказалось совершенно невыносимым для Джеханы. Слезы ручьем потекли по ее лицу, и она стремительно выбежала из комнаты, едва не сбив с ног Конала, который как раз собирался постучать в дверь. Изумленный Конал оглянулся через плечо ей вслед, потом осторожно постучал по краю ширмы; стремительные шаги Джеханы затихли за поворотом коридора. Конал, одетый в кожаный костюм для верховой езды, держал в руке письмо, запечатанное алым воском; изумленное выражение быстро сбежало с его лица, сменившись легким удивлением, а потом пониманием, когда он в ответ на приглашение войти сделал шаг в комнату и увидел Риченду, все еще стоявшую возле ткацкого станка у окна.

— Милостивый боже, что вы такое сказали моей тетушке, почему она бежала со всех ног? — весело спросил Конал, отвесив Риченде короткий поклон.— Можно подумать, за ней гнался демон, а то и не один!

— Нет, это всего лишь те демоны, которых она сама впустила в свое сердце,— усталым голосом ответила Риченда.— Иной раз я думаю, что мы сами создаем свой собственный ад, прямо здесь, на земле, и нам ни к чему те черти, что ждут 475

нас в загробной жизни. Ну, довольно об этом. У тебя какое-то сообщение для меня?

— О, да... и тот, кто его доставил. Извините, что я к вам ворвался, но там, во дворе, болтается какой-то человек, коробейник... он утверждает, что у него письма от Ройхайса. Он говорит, что его зовут Людольфус... вы можете поверить в *такое*? Честно говоря, он выглядит как самый настоящий бандит... что-то вроде мавра, что ли... но он уверен, что вы узнаете эту печать.— Он взмахнул письмом, которое держал в руке, и, усмехнувшись, протянул свернутый в трубку лист пергамента Риченде — и тут же снова поклонился, заметив в оконной нише Росану.

— Ну, в любом случае, он не дал мне другие письма,— продолжил Конал, теперь уже более сдержанно, поскольку присутствие Росаны его слегка смущило.— Он настаивает на том, чтобы самому передать их вам. Вы хотите его видеть?

Риченда провела кончиками пальцев по печати и улыбнулась, снова усаживаясь к ткацкому станку,— она заметила, что Росану весьма смущили восторженные взгляды Конала.

Печать и самом деле была Ройхаса, но... Людольфус, скажите на милость! Ломая печать, Риченда отчетливо представляла, какой именно посланник *действительно* был отправлен Ройхасом, и это был вовсе не коробейник Людольфус!

Но Росана, пожалуй, была бы так же рада видеть его, как и сама Риченда,— и к тому же, пригласив его, Риченда могла избавить Росану от ситуации, становившейся все более неловкой.

— Да, спасибо, Конал, я действительно этого хочу. Я его давно ожидаю. Не будешь ли ты так любезен присмотреть, чтобы нас не беспокоили?

— Разумеется, если вам так угодно. А... — Он с надеждой посмотрел на Росану.— Возможно, я мог бы проводить леди Росану, если она собирается куда-то... ну, то есть если вы хотите поговорить с этим человеком наедине, я имел в виду.

— Нет-нет, в этом нет необходимости,— Риченда подняла взгляд от печати как раз вовремя, чтобы заметить, как изменилось выражение лица Конала.— Ройхас точно так же в родстве с Росаной, как и со мной,— пояснила она, стряхивая с колен крошки алого воска, рассыпавшиеся, когда она развернула жесткий пергамент.— Кроме того, если этот парень и в самом деле так похож на бандита, как ты утверждаешь, мне, пожалуй, не помешает компаньонка во время разговора с ним.

Росана сверкнула улыбкой, и в ее глазах отразились и понимание, и облегчение,— и девушка устроилась на кушетке в оконной нише, стараясь под прикрытием вуали восстановить душевное равновесие.

— Хорошо, как скажете,— с сомнением в голосе откликнулся Конал.

Как только принц раскланялся и вышел за дверь, Риченда весело посмотрела на Росану и хихикнула, прикрыв лицо пергаментным листом, чтобы не очень бросалось в глаза ее веселье.

— Росана, ты что, успела заморочить голову принцу? — шепотом спросила она.— Он просто не мог глаз от тебя отвести! Должно быть, возвращение из армии обратно в Ремут оказалось для него очень приятным!

— Ох, Риченда, я была с ним только *вежлива*,— запротестовала Росана, крепко зажав ладони между коленями и отчаянно заливаясь краской.— Он *действительно* очень мил, не спорю, но я... я приняла *обеты*, не забывай, пожалуйста!

— Ну, я не думаю, что ты в состоянии изменить *его* отношение к тебе, ведь не можешь, да? — заметила Риченда, с улыбкой завершая тему и начиняя просматривать письмо.

— Нет, не могу,— очень тихо произнесла Росана.— Может быть, я вообще произвожу такое впечатление на Халдейнов...

Риченда приподняла брови, не уверенная в том, что она действительно слышала то, что слышала.

— Ты имеешь в виду каких-то конкретных Халдейнов?

Росана, от смущения залившись румянцем, едва заметно кивнула, сжимая в руках голубую ткань своей юбки, словно хотела оторвать от нее кусок.

— Да... Я не хотела говорить тебе об этом... — прошептала она.— Может, там и нет ничего... я *надеюсь*, что нет.

— Продолжай,— коротко сказала Риченда, опуская письмо.

— Ну, это был король,— призналась Росана.— Он... он хотел прочитать память Джаннивер, чтобы выяснить, кто напал на нее. Я ему не разрешила. Тогда он попросил *меня* заглянуть к ней в воспоминания, а потом показать ему то, что я увижу.

— И ты это сделала?

Росана снова нехотя кивнула.

— Да. Но я была очень разгневана, Риченда. Я знаю, мне следует научиться прощать тех, кто причиняет вред мне самой и тем людям, которых я люблю, но я была просто в ярости от того, что те солдаты сделали с Джаннивер и с моими сестрами... и... ну, может быть, я еще немножко чувствовала себя виноватой из-за того, что сама избежала их участия. И потому я... я выплеснула часть своего гнева на короля. После того, как я показала ему то, что он хотел знать, я... я заставила его немногого почувствовать, каково это было... для *нее*... что она ощущала, когда ее вот так... *использовали*.

— Понимаю,— мягко сказала Риченда.— А ты не думаешь, что это как раз очень полезно знать королю?

— О, да, я это предполагала,— ответила Росана с растерянным вздохом.— Я именно об этом и думала в тот момент. Вот только... что-то еще случилось, как раз перед тем, как я прервала контакт; это... это было прикосновение более глубокое, чем я рассчитывала... более сильное, интенсивное...

— С чьей стороны? С твоей или с его?

— Скорее всего, с обеих сторон,— прошептала Росана.— Но мне не следовало допускать ничего подобного. Ведь предполагалось, что это я поддерживаю связь. И я просто не знаю, почему я откликнулась подобным образом.

— Возможно, потому, что ты — женщина, а он — мужчина? — спросила Риченда.

— Риченда, не надо! — воскликнула Росана, резко вставая и отворачиваясь к окну; она прижала руки к груди и глубоко вздохнула.— Я ничего не делала такого, чтобы могло поощрить его или Конала!

— Никто и не утверждает, что ты что-то делала,— возразила Риченда.— Но с другой стороны... ну, если предположить, что ты в конце концов решишь не посвящать свою жизнь религии, ты можешь сделать и кое-что похуже с любым молодым человеком.

— Риченда!..

— Ладно, ладно! Забудь вообще мои слова,— ласково и весело сказала Риченда, отклоняясь назад и поднимая руки, поскольку Росана резко повернулась к ней и уставилась на нее с потрясенным видом.— Однако у тебя и тело так же прекрасно, как душа. И не думаю, что ты так уж погружена в стихи, пусть это даже стихи Орина, чтобы напрочь забыть об этом.

Даже если Росана и предполагала высказать какие-то возражения или соображения на этот счет, ей это не удалось, поскольку у входа снова послышался негромкий стук, а вслед за тем из-за ширмы, закрывающей дверь, высунулась голова Конала.

— Вы позволите войти, ваше сиятельство? Миледи?

Риченда коротко кивнула и встала, сделав шаг по направлению к двери,

Росана подошла чуть ближе к подруге. Конал чуть отступил в сторону, позволив войти в гостиную худощавому, жилистому человеку, одетому в пыльный черный костюм; ростом он был примерно такой же, как Конал.

Внутренние защитные экраны этого человека были настолько жесткими и непрозрачными, что даже Риченда, знаяшая, что и как искать, не смогла бы обнаружить и малейшего намека

Ей вряд ли удалось бы как следует рассмотреть его лицо. На нем был широкий плащ, именно такой, как его описывал Конал, и толстая черная сумка на широком кожаном ремне, висевшая на левом плече,— но на голове был намотан громадный тюрбан, и перед Риченой лишь на мгновение мелькнули темные глаза да усы, когда он склонился в низком изящном поклоне на восточный лад, приветственно коснувшись ладонью сердца, губ и лба. Когда он выпрямился, он сразу же отвел взгляд в сторону, и его правая рука вновь вернулась к сердцу, легла на грудь и замерла там. Он, похоже, не был вооружен... однако Риченда знала, что ему и не нужно оружие.

— Это коробейник Людольфус, ваше сиятельство,— с сомнением в голосе произнес Конал.— Если я вдруг вам понадоблюсь, я буду там, неподалеку.

— Да, спасибо, Конал,— пробормотала Риченда, кивком головы отпуская Конала и одновременно легким взмахом руки показывая посетителю, что он может подойти немного ближе.— Прошу, входите, мастер Людольфус, и расскажите, какие новости вы привезли от моей родни.

Лишь после того, как дверь в очередной раз закрылась за Коналом, Риченда позволила официальной холодной маске соскользнуть с ее лица,— она бросилась через комнату к гостю, радостно пискнув, и восторженно обняла его.

— Людольфус, Людольфус, что это за чушь, с какой стати вдруг *Людольфус*, милорд, что это значит, зачем?! — шептала она радостно, полностью открыв свой разум навстречу его психическому приветствию, в то время как он горячо отвечал на ее физические объятия.— Росана, ты что, не видишь, кто это?

Росана, внимательнее присмотревшись к пришедшему, вдруг задохнулась и вздрогнула,— но, поскольку он быстро приложил палец к губам, спеша предостеречь ее, она лишь почти неслышно произнесла:

— *Дядя Азим!*

Это было скорее мысленное восклицание, нежели слова, произнесенные вслух,— и Росана тут же бросилась к гостю вслед за Риченой и обняла его. А он, хотя и коснулся мыслью обеих женщин, не сказал вслух ни единого слова, пока не отвел из подальше от двери, к оконной нише, где их уж точно не мог никто подслушать.

— Ну-ну, малыши, не стоит так уж демонстрировать свою радость,— напомнил он им с улыбкой, когда опустился на один из узких диванчиков, стоявших у самого окна, и жестом предложил обеим женщинам сесть напротив него на такой же диван.— Боюсь, за стенами этой комнаты не слишком обраду-

ются, если узнают, кто я таков на самом деле. К счастью, мое второе «я», Людольфус, может пробудить подозрения лишь одного рода — как любой торговец-мавр, ищущий расположения христианских леди.

— Ну, нет, милорд, это все ерунда! — запротестовала Риченда.

— О, дитя, не пытайся лгать ради того, чтобы случайно не задеть мои чувства,— рассмеялся Азим, и тон, которым он произнес это, смягчил скрытый в его словах упрек.— Людольфус-разносчик пробуждает лишь простые человеческие опасения; однако Азим, брат эмира Хакима из Нур-Халлая, регент хора Рыцарей Анвила,— это другое дело. Каждый тут же подумает о том, что он и его орден — не просто прибежище Дерини, они еще и активно ищут новых проклятых, чтобы увеличить свои силы. Но даже при всем при этом я бы не колеблясь явился куда более открыто, если бы Келсон был сейчас здесь. Но поскольку король далеко, на войне... ну, думаю, тут все равно найдется достаточно Дерини и почти Дерини, чтобы мне было с кем пообщаться и до его возвращения.

— Мне кажется, я неплохо знакома со всеми Дерини,— резко отступив назад и скрестив руки на груди, суховато сказала Риченда. В ее взгляде, обращенном на Азима, светилось недоумение.— И ты наверняка слышал о наших заложниках из Торента, и о королеве Джехане, она нынче здесь, в Ремуте... Однако я хотела бы знать, что ты имеешь в виду, говоря «почти Дерини».

Азим неопределенно пожал плечами и открыл свою толстую сумку; в ней лежало довольно много кожаных футляров со свитками. Азим стал перебирать их.

— Ну, положим, это твои принцы Халдейны, оставшиеся здесь, чтобы справляться с делами в отсутствие Келсона — Нигель, и подозрительный молодой Конал, который сейчас топчеться где-то там в коридоре, надеясь еще разок хоть краем глаза увидеть мою очаровательную племянницу,— он улыбнулся, бросив взгляд на вспыхнувшую Росану.— Скажи-ка мне, сколько времени они проводят в обществе этих ваших заложников из Торента?

— Ну, вряд ли вообще хоть сколько-то,— ответила Риченда, изумленная и озадаченная оттенком раздражения, прозвучавшим в вопросе Азима.— Двое младших мальчиков играют с Лайемом, само собой... и мы прекрасно понимаем, что мать Лайема может представлять собой немалую угрозу, так что *в отношении нее* приняты все необходимые меры безопасности,— но я также настроила мальчиков так, чтобы они сразу подняли тревогу, если сам король Лайем попытается хоть что-то предпринять. Я не понимаю... ты тревожишься просто из-за

общего положения вещей? Или тут есть еще что-то такое, что мне следовало бы знать? Ты из-за этого сам взялся за роль посла, вместо того, чтобы отправить слугу? Ведь почти кто угодно мог бы привезти письма и свитки!

Азим наконец извлек из сумки один из самых маленьких футляров, и, держа его в руке, задумчиво посмотрел на Риченду.

— Не все сразу, детка, не все сразу. Прежде всего — действительно ли принц Нигель ожидает делегацию торговцев Торента на следующей неделе или около того?

— Я точно не знаю,— осторожно сказала Риченда, внезапно ощущив непонятную тяжесть под ложечкой.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Всему свое время. У него на сегодняшнее утро назначены какие-нибудь аудиенции?

— Нет.

— Отлично. Тогда у нас есть еще немножко времени. Прежде всего ты должна прочесть это письмо,— он протянул Риченде кожаный футляр.— Но тут я должен тебя предупредить, что это всего лишь тайком снятая копия того, что, как я знаю, должно было быть сообщено. Я не знаю, кому это было отправлено, и есть ли документы, подтверждающие это, и каковы они... Я только могу тебя заверить, что источник получения этого письма — безупречен. А уж решать, как тут необходимо действовать, предстоит тебе... и Нигелю.

Риченда, выслушав его, больше не стала тратить ни секунды, и, вскрыв кожаный футляр с одного конца, вытряхнула его содержимое. Когда же она пробежала глазами по неровным строчкам, она почувствовала, как к ее горлу подкатил огромный тяжелый ком.

«...все продолжается по плану... освобождение высокородных пленников... безопасность короля — вопрос первостепенной важности... отряд, отправленный на спасение, явится под видом торговцев... получат доступ к регенту Халдейну... внезапное нападение...»

Того, что она прочитала, было ей вполне достаточно. Ошеломленная, Риченда подняла взгляд на своего наставника, одновременно протягивая письмо Росане, чтобы и та его прочла.

— Они хотят попытаться убить Нигеля? — едва шевеля губами, прошептала Риченда.— Когда?

— Вот этого как раз я и не знаю. Ну, в любом случае, не сегодня утром. Я вижу, у тебя и мысли не было о том, что может затеваться подобное.

— Не было.

— Но ты позволила леди Мораг получать и отправлять письма?

— Келсон разрешил ей написать Махаэлю, сообщить ему о том, что она и король остаются у нас на все лето в качестве заложников. Я сама продиктовала ей это письмо.

— И она больше никому не отправляла никаких писем, и не могла спрятать записку под печать, например, или в футляр?

Риченда покачала головой.

— Нет... я бы знала об этом, даже если бы не смогла разобрать содержание самого послания. Кроме того, у нее и не было времени, чтобы обменяться с кем-то письмами.

— Ну, тогда, возможно, тут был пущен в ход другой способ связи,— предположил Азим.— Она ведь неплохо тренирована, она сестра Венцита. А Махаэль Аръенольский, пожалуй, еще хитрее и изворотливее, чем его братец Лайонел.

— Ты думаешь, это дело рук Махаэля? — спросила Росана, только что закончившая чтение письма.

— Или одного из его верных приспешников,— уверенно сказал Азим.— И если это Махаэль, то его планы могут быть куда обширнее, чем даже мы можем предположить. Тут уж и сам молодой Лайем может оказаться в немалой опасности.

— *Лайем?* — повторила Риченда.

— Настрой мысли так, как я тебя учил, Риченда,— сказал Азим, наклоняясь вперед и кладя обе руки ей на плечи; его глаза неотрывно смотрели в ее, пальцы переплелись позади ее шеи.— В положении Махаэля ничего не изменится, если, например, молодой король тяжело заболеет, находясь здесь, в Ремуте, в качестве заложника... ведь у Махаэля под рукой следующий наследник. Но потеря принцессы Мораг — это совсем другое дело. Предположим, нашелся некто, напомнивший Махаэлю, как он мог бы поймать за хвост фортуну... и почему бы ему не жениться на вдове своего брата, ведь она наследует Торент после своих сыновей, так? Если бы Махаэль обвенчался с Мораг, неважно, с ее согласия или нет, то все, что ему было нужно еще сделать,— это укрыться в своих землях, в Аръеноле, лет на пятнадцать, и производить на свет наследников, точно так же, как это сделали претенденты на трон Меары; и твой Келсон ничего не сможет поделать, чтобы остановить его. А если, представь, некий удачный «несчастный случай» настигнет его пасынков...

— Как это произошло с королем Элроем... — продолжила Риченда, видя все эти события в зеркале сознания Азима,— тогда Махаэль сможет управлять Торентом вместе с Мораг, а после него на трон взойдут его сыновья... Милостивый Иисус, ты думаешь, именно на это направлены его подлинные замыслы?

— На самом деле я не знаю,— ответил он, отпуская ее и усаживаясь на диване поудобнее.— Тебе придется разобрать-

ся во всем этом самостоятельно. Я лишь предупредил тебя, только и всего, и показал тебе, что Махаэль способен на подобные замыслы,— вне зависимости от того, что именно он задумал прямо сейчас. Но как бы то ни было — существует некий план, будет предпринята какая-то попытка освобождения заложников из Торента, и при этом еще должен быть убит Нигель. *Именно этим* ты должна заняться в первую очередь. А с остальным можно разобраться и после.

— Я должна найти его и поговорить с ним прямо сейчас,— воскликнула Риченда, стремительно вставая.

Азим усмехнулся и скватил ее за запястье, отрицательно качая головой.

— Нет, не сейчас, малышка. Пока что ему ничего не угрожает. Ты ведь говорила мне, что на сегодняшнее утро у него не назначено никаких аудиенций, а я не осмелюсь слишком задерживаться здесь. Давай уж сначала закончим дело, по которому я официально сюда явился. Я уверен, ты *действительно* хочешь купить те свитки, которые я принес, не так ли?

— Да, да... конечно.

Освободившись от внутреннего напряжения тем способом, которому когда-то научил ее Азим, Риченда снова села и придерживала черную сумку Азима, пока тот доставал из нее с полдюжины футляров со свитками; некоторые из них были настолько длинными, что Азим с трудом извлек их наружу.

— Прежде всего, мне не удалось раздобыть те копии, о которых ты меня просила,— сказал Азим.— Но я пока что не теряю надежды. Во всех известных мне архивах удивительно мало документов о святом Камбере, даже в нашем собственном архиве, а отыскать записи о его канонизации, пожалуй, вообще невозможно.

— Но что же тогда ты нашел?

— Ну, вот это, пожалуй, наиболее интересное,— сказал он, протягивая ей футляр, который на вид был самым потрепанным и вытершимся из всех.— Это отчет о заседаниях Совета в Рамосе — он очень сильно поврежден и запачкан, и скорее всего был неполным, но, возможно, окажется полезным. Одному господу известно, как он попал в архив в Джелларе, особенно если учесть отношение наших предшественников михайлинцев к церковной иерархии, в те времена.

Риченда изучила пометки на внешней стороне свитка.

— Ну, мне от этого, пожалуй, радости немногого, но Арилан будет в восторге,— сказала она.— И Дункан тоже.— Она передала свиток Росане.— И ничего такого, что непосредственно касалось бы Камбера?

Азим подал ей следующий футляр.

— О нем — нет, но есть кое-что о его детях,— ответил он.— Вот это — счет, по которому уплачено каменщикам за работу, произведенную в некоей церкви... подписан сыном Камбера Джоремом, он был рыцарем-михайлинцем и священником. Однако дата, как видишь, относится к дням правления короля Райса Майкла Халдейна, то есть это уже минимум пятнадцать лет после предполагаемой смерти Камбера. Но что делает этот документ интересным, так это то, что здесь сохранились остатки воска печати... похоже, кроме собственно счета тут было еще какое-то сообщение, тайное. Возможно, то, что строили эти каменщики, было чем-то особыенным.

— Вроде усыпальницы для захоронения останков Камбера? — предположила Риченда, задумчиво приподняв брови.

— Да, мне тоже пришла в голову эта мысль,— сухо ответил Азим.— Но я не сумел прочесть что-либо в этой печати. Может быть, тебе повезет больше.

— А еще что тут есть? — спросила Риченда, когда Азим передал ей оставшиеся свитки.

— Кое-какие стихи... я думаю, они могут тебе понравиться, и еще текст, который может быть частью древнего учения Целителей. Зная, что у твоего Аларика есть лекарский дар, я подумал, что тебя это в особенности заинтересует. Это может быть даже текст гавриилитов — хотя предупреждаю тебя, они обожали упрытывать смысл в своих текстах, так что там бывает как минимум два уровня двойных значений. Ну, вы вдвоем можете поразвлечься летом, разгадывая их загадки. И наконец,— он протянул Риченде тонкую стопку обычных писем,— это тебе официальные послания от Ройхаса и от управляющих твоих имений в Анделоне. Весенние посадки прошли отлично, так мне говорили, но они хотят получить инструкции относительно необходимого ремонта крыши в Эль-Хайте.

— Эль-Хайт... — Риченда улыбнулась и положила письма на диван рядом с собой, чтобы прочитать их позже.— Ах, если бы я могла перенести озеро оттуда к нам, в Ремут, хотя бы на лето... В такую жару, как нынче, искушение изменить погоду становиться таким сильным, что ему почти невозможно сопротивляться!

Азим закрыл свою сумку и встал, усмехаясь.

— Если бы я мог подумать, что это настоящее искушение, я бы, пожалуй, выбранил тебя как следует, как это делала твоя мачтушка, когда ты была ребенком,— сказал он мягко.— Но я знаю, что ты настоящая моя ученица... и ты, Росана, тоже,— добавил он, нежно гладя девушку по щеке кончиками пальцев; его взгляд смягчился, в нем засветилась искренняя любовь к

обеим этим женщинам.— Но теперь мне пора уходить. Подумай хорошенько, как ты можешь пустить в дело то, что я сказал тебе, Риченда. Расстроить планы Торента, наверное, не так уж и сложно, но мы пока что не знаем, насколько вовлечена в них Мораг, а она очень сильна. Так что будь поосторожней.

— Всепременно, наставник,— пообещала Риченда, склоняясь к руке Азима и целуя ее; вслед за Ричендой руку учителя поцеловала и другая его ученица, Рофана.

После этого он вышел из дамской гостины, снова превратившись в робкого и неуверенного в себе разносчика Людольфуса; Конал, ожидавший неподалеку от двери, повел Людольфуса обратно во двор замка, и по пути замечал легкое недоумение в глазах тех, кто встречался им в длинном коридоре,— им казалось странным присутствие в Ремуте разносчика-мавра, хотя то, что рядом шел Конал, успокаивало придворных, полагавших, что принц, надо думать, знает, в чем тут дело, а значит, все в порядке.

Когда они уже дошли почти до самого выхода во двор, они столкнулись с молодым священником, спешившим в том же направлении,— священник был слишком сосредоточен на своем требнике, который он перелистывал на ходу, и не замечал Людольфуса и Конала, пока не налетел на них. Стремясь поймать книгу и не дать ей упасть на пол, Азим, задев руку священника, инстинктивно коснулся и его ума,— и с изумлением обнаружил, что перед ним — капеллан королевы Джеханы!

Он не смог устоять перед искущением. Удержав связь еще на мгновение, хотя мимолетный физический контакт уже прервался, Азим он быстро заглянул в глубины сознания священника, обшарив все, до самого дна,— и кое-что вложив туда. Священник пошатнулся, и, прижав книгу к груди, торопливо пробормотал слова благодарности, и тут же поспешил дальше, через двор,— он уже опаздывал в церковь.

Мастер Дерини тут же выбросил его из головы, поскольку они с Коналом тоже вышли уже во двор.

Конал не отходил от Азима не на шаг, держась вполне вежливо, но не стремясь к разговорам,— он следил за разносчиком, пока тот не взгромоздился на свою тусклогнедую кобылу и не пустил ее неторопливой рысью к арке центральных ворот, ведя за собой в поводу мула с грузом. Но даже тогда принц не отвел от него глаз; он и его оруженосец смотрели вслед лошади до тех пор, пока она не скрылась за поворотом дороги, желая убедиться, что мавр и в самом деле уехал наконец; оруженосец терпеливо ждал, держа в поводу уже оседланных лошадей для Конала и для себя.

Азим, захоти только он, с легкостью мог бы отвести им гла-за и они бы увидели, что он едет совсем в другую сторону,— но он все равно был уже готов покинуть Ремут, так что не стал беспокоиться из-за этого. Пусть себе молодой Хадейн играет в ревностного стражи женщин, оставленных ему на попечение отцом; ему вскоре могут предстоять куда более серьезные испытания, если подозрения Азима в отношении Махазеля окажутся достаточно справедливыми.

Азим направился вдоль реки на юг, к месту встречи, назначенному на поздний вечер этого же дня,— его должно было ожидать транспортное средство, более соответствующее его общественному положению; одна из галер его ордена, шедшая из Кхартата, хотя и под флагом Фианны, поднятым на время плавания в водах Гвиннеда. По пути Азим думал о той задаче, которую он возложил на Риченду, сожалея, что Риченде придется справляться практически в одиночку, но ничуть не сомневаясь, что его ученица способна разобраться с этой ситуацией.

Но он намеревался внимательно следить за ходом событий. Тут дело было не только в том, что на карту была поставлена фамильная честь; немаловажным являлся тот факт, что в Гвиннеде постепенно восстанавливалось доброе имя Дерини. Не в первый раз Азим задумался о том, как странно подобрались силы в Ремуте именно сейчас, когда Келсон, Морган, Дункан и молодой Макарди находились в отъезде.

Риченда, само собой, будет стоять твердо, как скала,— именно так, как он учил и тренировал ее; это безупречное растение в саду простых трав, обычных человеческих существ. Такова же и Росана. Арилан, пожалуй, становится по-настоящему зрелым и глубоким мастером, хотя иной раз и несерьезен и слишком суеверлив. И Нигель... да, конечно, он пока что непонятен в том, что касается вложенного в него потенциала Хадейнов, однако он по крайней мере человек очень умный, осторожный и уравновешенный. Вместе они должны без труда уравновесить силу Мораг, если она будет единственной Дерини, с которой им придется иметь дело.

Конечно, он не должен полностью сбрасывать со счетов Джехану — хотя ее сила Дерини была под еще большим вопросом, нежели сила Хадейнов в Нигеле, по правде говоря,— но Азим, несмотря на то, что только что позволил себе удовольствие заглянуть в ум ее молодого личного капеллана, сомневался, что Джехана могла сильно измениться за последние годы, проведенные в уединении. Однако теперь, направляя кобылу на тропинку, тянущуюся вдоль берега реки, Азим обнаружил, что

проводил тогда, в молодости, побольше времени в Бремагне. Ведь если бы в те времена он почаше встречался с Джеханой и заставил бы ее увидеть, кто она есть на самом деле, и научил бы ее управлять собственной силой,— сейчас это избавило бы их от многих проблем.

Однако он вовсе не намеревался предаваться игре в «а что было бы, если...» Такая игра для представителей его расы была одновременно и соблазнительной, и бессмысленной, ведь она не могла принести плодов. Поэтому он стал думать о новой головоломке, которой его главный наставник раздразнил умы во время их последней встречи в Джелларе. Рокайль *сказал*, что это любимая задачка Сулиена, адепта Р'Кассана, однако Азим был совершенно убежден в том, что Рокайль сам ее придумал... такая головоломка отнюдь не превышала способности и возможности Рокайля. Однако головоломка и в самом деле была блестящей...

И Азим с удовольствием предался лингвистическим упражнениям, негромко настынивая при этом, к немалому удовольствию его кобылы и топочущего следом мула.

В это самое время один из объектов его недавних размышлений — но только один,— стоял, преклонив колена и спрятав лицо в ладонях, в боковой часовне базилики крепости Ремут.

Джехана после потрясшей ее встречи с Ричендой не в состоянии была встретиться с сестрой Сесиль, а потому и не стала ее искать. Сейчас вокруг королевы несколько из недавно прибывших в Ремут сестер монастыря святой Бригитты также опустились на колени на низенькие скамейки, установленные ровными рядами в маленькой часовне; но для сестер это была первая сегодняшняя месса, а для королевы Джеханы — вторая. Отец Амброз, в алых ризах в честь дня великомученицы, стоя перед алтарем, читал входную.

— *Scio cui credidi, et certus sum, quia potens est depositum meam servare in illum diem, justus iudez...* Я знаю, в кого я верую, и я уверен, что Он способен укрепить то, что возложено на меня в этот день, и будет справедливым судьей...

Входная была из поминовения святого апостола Павла — не из самых любимых Джеханой; и, поскольку сегодня королева ее уже слышала, она не стала сопротивляться ходу своих мыслей и позволила себе подумать о недавней стычке с Ричендой.

Как вообще она могла не заметить, что эта рыжеволосая Дерини сидела там, в гостиной? И как вообще может быть такое, что явно религиозная Росана тоже оказалась Дерини,— как она могла посвятить себя служению богу, ведь тем самым она налагала на себя проклятие, потому что отлично знала — ее род несет в себе зло, и зло живет в ней самой...

Дочитав *Славу и Господи помилуй*, отец Амброд уже открывал свой апостол, чтобы начать читать первый текст; он немного замешкался, переворачивая жесткие негнувшиеся страницы.

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo*,— машинально откликнулась Джехана вместе со всеми остальными.

— *Sequentia sancti Evangelii. In dies illis: Saulus ad huc spirans minarum, et caedis in discipulos Domini...* Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику; и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих этому учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим...

Джехана, совершенно машинально переводя латынь, на которой звучал текст, внезапно осознала, что это не тот отрывок, который читался утром; это вообще было не «Послание к Галатам», а глава из «Деяний апостолов».

— *Et cum iter saceret, contiget, ut appropinquaret damasco: et subito circumfulsit eum lux de caelo...* Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осыпал его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

Джехана в ужасе зажала уши ладонями. Что такое говорит отец Амброд?! То, что он читал, относилось к обращению святого Павла, а вовсе не к сегодняшнему поминовению! Как он мог совершить такую чудовищную ошибку?!

Но часть ее ума уже рассматривала возможность высшего вмешательства в то, что делал священник, и, возможно, почему это произошло... пусть даже остается непонятным, как это могло быть. И пока королева тщетно пыталась избавиться от невыносимых слов, пока она, не желая ни слышать отца Амброва, ни видеть его, встряхивала головой, крепко зажмурив глаза, ее память вместо отца Амброва в алых ризах рисовала другую фигуру, в серой сутане с капюшоном... эта сутана скрывала под собой красную одежду мученика Иного рода...

«Нет! Этого не может быть!»

Она приложила все силы, она вообще не желала слышать о давно опозоренном святом, который поставил своей целью поддерживать благосостояние проклятой расы Дерини,— *его* расы... но откуда-то Джехана знала, что это именно он... он, казалось, протягивал к ней руки, он взвывал к ней в видении, возникшем против воли королевы в ее измученном уме.

— *Савл, Савл, что ты гонишь Меня?*

Запертая в клетке своего ума, Джехана ощущала, что не 488 к Савлу обращено обвинение, а к ней самой... и не Христос

взывает с небес, а ужасный, пугающий еретик Дерини, святой Камбер! И она не в силах была ни отвернуться, ни отогнать *его*, она могла только слушать, а он, казалось, протянул руку и коснулся ее лба...

— Джехана... почему ты гонишь меня?..

И голос отца Амброза, продолжавшего невозмутимо читать то, что относилось к ней и только к ней, плыл в воздухе над Джеханой, все усиливая и усиливая ее страх...

— *Et tremens, ac stupens, dixit: Domine, quid me vis facere?..* И он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать?

И Господь сказал ему: Встань иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать...

Глава двенадцатая

Ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня¹

извини, я немного опоздал,— сказал Конал, когда он и его оруженосец выехали на небольшую лесную поляну, не слишком далеко от городской стены.— Ты получил ту записку, что я послал вчера?

— А, конечно, получил. Похоже, мы весьма своевременно предугадали намерения твоего отца.

Тирцель Кларонский с беспечным видом подошел поближе и небрежно погладил по гриве коня оруженосца, глядя при этом прямо в глаза юноши.

— Давай-ка, сходи с лошадки, юный Джован, да отдохни немного,— приказал он, и тут же опытной рукой подхватил юношу под локоть, поскольку тот едва не вывалился из седла, уже почти заснув.

Конал тоже спешился и занялся обеими лошадьми, пустьв их пастись в поросли молодого орешника, уже вставшие на другой стороне недавно расчищенной поляны. Тирцель отвел едва перебирающего ногами Джована в тень, к огромной старой березе, и уложил его там на траву,— впрочем, не столько уложил, сколько не дал свалиться со всего маху. К тому моменту, когда Конал вернулся с другой стороны поляны, молодой оруженосец уже безмятежно посапывал. Тирцель с довольным видом потер руки и удовлетворенно вздохнул, поднимаясь навстречу Коналу и внимательно глядя на него.

— Так значит, Риченда поставила тебе блокировку, как мы и ожидали, да? И не заметила ничего, не уловила и намека на то, что мы сделали, чтобы подготовиться к этому действию?

— Абсолютно ничего! Я чувствовал, как она что-то делает,— хотя и не могу сказать, что именно, и я, уж конечно, не в силах

¹Иов 7:14

был остановить ее. Но я также знал в тот момент, что есть еще одна часть моего сознания, которую Риченда даже не замечает!

— В самом деле? — сказал Тирцель, всем своим видом и тоном давая понять, что ожидает более детального рассказа.

— А немного позже, в тот же день,— с энтузиазмом продолжил Конал,— отец в первый раз позволил мне присутствовать на действительно тайной встрече советников. Я не имею в виду официальное совещание, нет, это было совершенно *конфиденциальное* совещание тайных консультантов! Они рассказали мне об очень многом, обо всем, только... я не далеко не все могу обсуждать. Я хочу сказать, я в буквальном смысле *не могу*. Я думаю, все это должно быть на каком-то другом вторичном уровне, только она его сумела перекрыть.

— Да, это спрятано за ее блокировкой, я бы так сказал... тут надо подумать,— сказал Тирцель, жестом приглашая Конала устроиться в тени другого большого дерева, где уже был расстелен на траве плащ и стояли небольшой мех для вина и неизменная сумка Тирцеля.— Я должен в этом разобраться. А почему ты так задержался? Уже почти поддень.

— Мне пришлось доставить письмо Риченде,— ответил Конал, в ответ на приглашение Тирцеля плюхаясь на плащ.— Оно было от кого-то из ее родственников... от какой-то леди из Форсинна. Хотелось бы мне прочитать его!

Тирцель, прищелкнув языком и укоряюще глянув на Конала, сел рядом с ним на плащ.

— Вот как, прочитать? Из простого любопытства? Или у тебя были какие-то особые причины? Вообще-то лучше всего держаться подальше от дамских дел, Конал. Они живут в собственном мире, и нам в нем делать нечего. Кроме того, мне бы не хотелось, чтобы ты вызвал у Риченды желание попытаться поглубже заглянуть в твой ум.

— Да уж, не сомневаюсь. Вот только,— Конал сморщился, преследуемый сомнениями.— Если бы ты видел того человека, который привез это письмо... То есть на самом-то деле там было несколько писем. Но он отдал мне только одно и настаивал на том, чтобы непременно вручить все остальные письма лично. Он *сказал*, что он разносчик-мавр, и он и выглядел таким, и одет был соответственно, но я совсем не уверен, что больше в нем ничего не скрывалось.

— Вот как? Что заставило тебя так думать?

Тирцель прилег, опершись на локоть, откупорил мех, закинул голову и направил струю вина в рот.

— Ну-ну... что-то в нем чувствовалось такое... — медленно заговорил Конал. Он прислонился к толстому стволу дерева 491

и зажал ладони между согнутыми коленями, напряженно размышляя.— Честно говоря, я даже не был уверен, что Риченда вообще пожелает видеть его... ну, учитывая то, что он мавр и так далее... тем более что они с Росаной были одни там, в гостиной. Но она сказала, что ожидает его, и она сказала это даже до того, как распечатала письмо, которое я принес... и что они с Росаной будут разговаривать с ним наедине. Ну, потом, когда я привел его, он раскланялся с дамами скорее как придворный, чем как разносчик. Ты бы видел, какой он отвесил поклон! Ты не думаешь, что он может быть чьим-то тайным возлюбленным или еще кем-то в этом роде?

Тирцель, проглотив вино, улыбнулся, а потом и расхохотался.

— Ну, в этом я очень сильно сомневаюсь. В том, что разносчики заодно действуют как посланники разных знатных леди, нет ничего необычного. Их занятие таково, что они постоянно странствуют, бывают в разных местах. И если они заодно становятся еще и почтальонами, а не только торговцами, и рассчитывают, что их будут нанимать для этого высокородные дамы,— ну, они обычно очень быстро приобретают отличные манеры, совсем как у придворных кавалеров. А как выглядел этот парень?

— Ну... темнокожий, черноволосый... да мавр и не может быть другим. Ростом примерно с меня, но очень жилистый, подтянутый. Позже, когда я уже провожал его обратно во двор, он меня поразил... я подумал, что этот человек имеет солидный боевой опыт. У него невероятно быстрая реакция.

— Как, ты сказал, он называл себя?

— Я не говорил... но он сказал, что его имя — Людольфус.

Тирцель, как раз вознамерившийся глотнуть еще винца, едва не подавился.

— Ох, святые угодники и матерь божья... похоже, я знаю, кто это был,— прошептал он, когда наконец прокашлялся и отышался.— Но что ему делать в Ремуте? Он прикасался к тебе? Покажи-ка мне, как он выглядел...

Удивленный странной реакцией Тирцеля, Конал лишь молча склонил голову набок и смотрел на своего наставника; а тот быстро сел и потянулся рукой к Коналу, чтобы коснуться его лба.

Он совсем не дал принцу времени на подготовку. Конал, само собой, и не думал сопротивляться, просто вдруг ему пришло на ум испытать нечто новое. И он решил не просто пассивно поддаться исследованию Тирцеля, как это всегда бывало в прошлом, а попробовать самому, сознательно, передать

своему учителю то, что тот хотел узнать. Сначала он мысленно запнулся, потому что слишком внезапным было ощущение *присутствия* Тирцеля в его уме, но сумел все же не утратить мысленной настройки и даже не закрыл глаза, когда выставил на передний план, прямо перед Тирцелем, образ того человека, что недавно побывал в Ремуте. Удивленный Тирцель несколько рассейенно хлопнул Конала по колену, поздравляя с новым умением, и удалился из сознания принца. На его губах играла странная напряженная улыбка.

— Итак,— пробормотал Дерини, скорее говоря сам с собой, чем обращаясь к принцу,— к нам прислали кое-кого из борцов-тяжеловесов. А ты пока что можешь выступать разве что в весе пера, мой юный друг, не так ли? — добавил он, посмотрев на Конала.— Кстати, ты до сих пор ни разу не мог установить со мной такую связь, как сейчас.

Конал усмехнулся и склонил голову, неожиданно почувствовав легкое смущение.

— Мне показалось, для тебя очень важно его увидеть,— пояснил он, снова глядя на Тирцеля.— Мне в первый раз показалось, что, может быть, на этот раз *ты* нуждаешься во *мене*,— для разнообразия. Кто это был? Ну, само собой, по твоей реакции нетрудно понять, что это был Дерини... и, возможно, даже более тренированный и опытный, чем ты.

— Он... э-э... это один старый знакомый,— уклончиво ответил Тирцель.— Нет, он не враг, уверяю тебя,— поспешил добавить он, видя, как в глазах Конала вспыхнуло опасение.— Но больше я пока ничего не могу сказать. В общем, это старый друг и учитель Риченды,— и давай пока оставим эту тему, ладно?

— Я не против.

— Ну и отлично. Нам и без того есть о чем поговорить,— продолжил Тирцель, постучав концом своего ботинка по сапогу Конала, чтобы переключить внимание принца.— Меня в данный момент очень интересует то, что *ты* только что проделал. Я думаю, ты очень сильно продвинулся вперед, это настоящий прорыв. Из пассивного субъекта восприятия ты вдруг превратился в активного участника контакта. Это вселяет большие надежды, должен сказать.

Конал улыбнулся, польщенный.

— У меня хорошо получилось? Я думаю, это началось после нашего последнего сеанса, когда ты наладил во мне защиту от блокировки Риченды. Я знал, что *что-то* произошло.

— Безусловно, так оно и было.

Тирцель подумал немного, потом, придя к какому-то решению, хлопнул Конэла по ноге.

— Думаю, мы займемся именно тем, о чем ты говорил чуть раньше, а? Как насчет того, чтобы поучиться читать без помощи глаз, хочешь? Ну, что-нибудь вроде того письма Риченде, в которое тебе так хотелось заглянуть утром. Ты сумеешь в следующий раз.

Глаза Конала расширились, он нервно сглотнул.

— Ты можешь научить меня такому?..

— Ну, думаю, что смогу. Один мой слепой друг постоянно этим занимается. Это, конечно, будет не такое быстрое чтение, как глазами, но подобное умение даст тебе определенные преимущества и выгоды... и базу для дальнейшего роста, если ты сумеешь развить этот опыт. Это очень полезный для принца талант.— Тирцель вытащил из-за отворота высокого сапога кинжал и, приподняв брови, глянул на Конала: — Я так понимаю, что ты *хотел бы* попробовать?

Конал посмотрел на обнаженное оружие с некоторым недоверием, но тут же усмехнулся и твердо кивнул, а Тирцель показал рукой на пятно голой земли у края плаща, на котором они сидели. Когда Конал придвинул поближе к сидевшему со скрещенными ногами наставнику, Дерини начал концом кинжала чертить на земле что-то вроде лабиринта.

— Вот, смотри. То, что я рисую, называют иногда «узором внимания»,— объяснял Тирцель, продолжая чертить.— Немного позже ты, пожалуй, сможешь обойтись и без подобной физической опоры для внимания... ну, по крайней мере, хотя бы в этой процедуре... но когда учишься визуализации, она помогает. Думаю, тебе лучше всего начать с помощью маятника. Твой медальон Камбера при тебе сегодня?

— Да.

Пока Тирцель набрасывал последние линии своего рисунка и тщательно очищал лезвие кинжала, прежде чем вернуть его в ножны, Конал извлек из-под воротника рубахи серебряную цепочку и снял ее через голову. Тонкие лучики солнечного света, просачивавшиеся сквозь густую листву над их головами, упали на медальон, заиграв, как драгоценные камни.

— Вот это чудесно,— сказал Тирцель, зажав цепочку между большим и указательным пальцами так, чтобы медальон повис в нескольких дюймах над рисунком, и придержав его другой рукой, чтобы остановить вращение и раскачивание.

— Теперь слушай. Мы с тобой уже использовали маятник как точку сосредоточения. На этот раз вместо того, чтобы движение маятника увлекало *тебя*, я хочу, чтобы *ты* руководил движением маятника. Но только умом, только умом — не 494 рукой.

— Мммм?..

— Смотри сюда. Обрати внимание, что весь этот орнамент состоит из одной-единственной линии, это непрерывная линия, и она постепенно превращается в спираль, в центре. Мы начинаем с того, что маятник абсолютно неподвижен, и он располагается над наружным краем рисунка. Затем мы сосредотачиваемся на медальоне — на том, чтобы заставить его начать раскачиваться, и к тому же таким образом, чтобы он следовал рисунку и шел к центру. Видишь? Он начинает двигаться, но я не сделал никакого движения рукой...

— Да, я вижу... — пробормотал Конал, уже протягивая руку к медальону.— Дай мне попробовать.

Кивнув, Тирцель передал ему цепочку и помог привести медальон в неподвижное состояние.

— Вот так будет отлично,— сказал он, убирая руку.— Теперь сосредоточься скорее на том пути, которым должен следовать маятник, чем на самом маятнике. Впечатай этот путь в свой ум и сам свободно устремись к центру. Конечный результат называется «центрированием», это вполне подходящее словечко,— оно не уточняет, каким именно способом ты прибываешь в данную точку.

Как только Конал, выполняя все инструкции, взялся за дело, и маятник мгновенно начал движение, Тирцель осторожно положил руку на плечо юноши. Еще до того, как он установил полный ментальный контакт, Тирцель почувствовал, что Конал в своем сосредоточении слился с предполагаемым путем движения маятника,— и осторожно навел самые тонкие из всех возможных нити внутреннего контроля сознания, чтобы усилить и углубить расслабление; руку он продолжал держать у основания шеи Конала. Принц слегка наклонил голову и едва заметно покачивался

— Отлично, отлично,— тихо проговорил Тирцель.— Просто расслабься и двигайся по линии рисунка...

Но Конал больше не нуждался в его помощи. Он уже вошел в транс, и это состояние все углублялось и углублялось с каждым ударом его сердца, и при этом принц сохранял осознание,— на некоем совершенно особом уровне, не совсем понятном Тирцелю,— что в его уме присутствует посторонний наблюдатель.

Это осознавание поразило и даже испугало Тирцеля, хотя Конал не проявлял и намека на сопротивление его наблюдению. И таким же ошеломляющим, как эта новая способность Конала к осознанию чужого контроля было то, откуда приходило это осознание,— это была совершенно особая часть ума 495

принца. Научиться осознавать чужое психическое присутствие и проникновение в ум — это совсем другое дело; люди, которые регулярно работали с Дерини, часто выучивались ощущать подобные прикосновения к их уму и сознательно объединять усилия для получения отчетливого результата. И то, что сделал Конал, когда Тирцель читал его воспоминания об Азиме, подпадало как раз под эту категорию,— это была достойная похвалы работа, но тут не было ничего совсем уж неожиданного, учитывая продолжительность и интенсивность их взаимодействия.

Но осознавать *нити контроля*, протянутые другим умом,— это уже было нечто совершенно другое, несмотря на то, что Конал не способен был сопротивляться этому воздействию... хотя, возможно, в конце концов и это не было таким уж невероятным, в свете того, что Конал рассказал о своей встрече с Риченой...

Тирцель тщательно проверил те барьеры, которые он сам поставил, чтобы выяснить, действительно ли Риченда не заметила их,— но все выглядело как прежде, никаких следов повреждений. Изолировать и увести на большую глубину воспоминания Конала о Тирцеле и об их постоянных встречах и тренировках — да, такая задачка была фокусом не из простых, ведь Тирцель знал, что его работа должна выдержать особую проверку, что поставленные им барьеры должны устоять перед исследованием Риченды; но ему явно удалось добиться своей цели. И хотя он не мог разрушить или даже частично ослабить блокировку, поставленную Риченой (да он и не предполагал, что окажется способен на такое), тем не менее он теперь не сомневался в том, что Риченда даже не пыталась заглядывать куда-то еще, она просто установила ограничители, и не более того. И слава богу!

Но после того, как Тирцель отвлекся на мгновение, чтобы поддержать слегка пошатнувшееся равновесие ума Конала, он продолжил сканирование сознания принца,— и тут он обнаружил, что некоторые из вторичных уровней,— из тех, что он сам разделил на сегменты, готовя Конала к контактам с другими Дерини,— теперь затмлены, почти так же, как если бы они были прикрыты вторичными защитными полями... почти так же, как у какого-нибудь Дерини! И, похоже, именно там скрывался источник новой способности Конала — осознавать присутствие в своем уме чужих контролирующих сил.

Да, это было чрезвычайно интересным... однако Тирцель решил не тратить прямо сейчас время на более подробное изучение данного феномена, чтобы не помешать завершению уже начатого процесса. Конал находился в достаточно глубоком 496 трансе для того, чтобы перейти к следующей фазе; его рука

твёрдо и уверенно вытянулась над начертанным на земле лабиринтом, в то время как медальон на конце цепочки со все нарастающей точностью двигался вдоль линии рисунка, неуклонно приближаясь к центру.

Весьма довольный Тирцель откинулся назад и некоторое время просто наблюдал, как действует Конал, а потом, когда глубина сосредоточения его ученика дошла до определенной точки, сам вошел в поддерживающий транс, чтобы провести принца через следующий этап работы.

— Хорошо,—тихо сказал он, легко дотронувшись до точки между бровями Конала; глаза принца были закрыты. Затем Тирцель вынул из пальцев Конала цепочку и, мягко опустив руку ученика, прижал ее к земле, чтобы та отдохнула.—Теперь расслабься и следи за теми образами, которые я буду тебе показывать. Оставайся пассивным, плыви по течению и наблюдай...

Часом позже ликующий Конал уже не только обрел новое для него умение читать, не используя глаза, но и начал придумывать, как бы он мог применить столь полезное искусство в целях собственной выгоды.

— Эй, так ведь можно открывать запертые двери! — радостно говорил принц, и его глаза сверкали от возбуждения.—А может быть, я даже и рассмотрю кое-что за закрытой дверью...

— Ну, это пока что немножко выше твоих возможностей, мне так кажется,—сказал Тирцель, добродушно посмеиваясь.—Хотя кто знает, как далеко ты сможешь зайти, раз уж начал эту скачку с препятствиями!

Конал лишь ухмыльнулся в ответ и сосредоточился на травинках, торчавших между пальцами его руки, лежавшей на земле. Он внимательно уставился на узкий тонкий листок — и тот медленно шевельнулся, обернулся вокруг себя — и завязался узлом.

А Тирцель, развалившийся на расстеленном рядом плаще и следивший за Коналом добродушным взглядом, закинул руки за голову и с удовольствием представил, как он приведет своего ученика на Совет Камбера, и какой это будет триумф.

* * *

Тем временем вторжение армии Халдейна в Меару шло своим чередом.

На рассвете следующего дня, находясь у подножия гор к юго-западу от Ратаркина, Келсон и Морган, весьма условно укрывшись от остальных за своими огромными оседланными конями, стоявшими по обе стороны от них, слушали донесение взводнованного и запыленного разведчика Г'Кассана. 497

— Я точно знаю, они нас не видели, сир,— говорил разведчик.— Думаю, это один из небольших отрядов, тех, что отделились от авангардной части самой меарской армии. Если мы в течение часа вышлем такую же группу, мы сможем отрезать из и захватить, они и понять не успеют, что случилось.

— Сколько их там? — спросил Морган.

— Джемет насчитал около шестидесяти лошадей, ваша светлость. И еще штук двадцать могли спрятаться в ущелье, там, поблизости, нам туда было не добраться,— но уж точно не больше двадцати. И мы совершенно уверены, это все кавалеристы. Ни один командир, будь он в своем уме, не позволит, чтобы пехота так сильно оторвалась от основной части армии.

— То есть ты убежден, что Ител Меарский пребывает в здравом рассудке,— сухо сказал Келсон, вертя в руках хлыст.— Ну, возможно, ты и прав. Так где они, как ты сказал? Как далеко?

— Часах в двух ходу для верховых, сир. И я... я *думаю*, сир, хотя, конечно, и не мог бы поклясться в этом... но все-таки *мне кажется*, что этим отрядом командаeт сам принц Ител!

С лица короля в одно мгновение исчезли все краски, и лишь глаза вспыхнули яростной жизнью, когда король бросил мгновенный взгляд на Моргана.

— Я слышал, мой принц,— мягко произнес Морган.

Он вопросительно поднял брови, король в ответ едва заметно кивнул,— и Морган жестом приказал разведчику подойти ближе и встать так, чтобы лошади более надежно укрыли его от посторонних взглядов; сам Морган тем временем снимал одну из перчаток.

— Полагаю, нам нужно получше разобраться в том, что ты сказал,— небрежно произнес Морган.— Я, конечно, не сомневаюсь в твоем докладе, но если это *действительно* Ител, нам бы не хотелось упустить ни одной детали, тут все может иметь значение.

Но прежде чем Морган успел приступить к выполнению своего замысла, в его уме возник новый приказ Келсона, хрустнувший, как тонкая веточка под ногой ранней осенью.

«Подожди-ка, я сам прочитаю это»

— Становись между нами, Киркон,— тут же сказал Морган, ловко разворачивая парня так, чтобы он очутился лицом к Келсону; король уже расстегнул пряжку кольчужной рукавицы, снял ее и засунул за пояс.

Киркон не выказал ни малейшего желания сопротивляться, когда Морган придинулся к нему сзади и положил обе ладони ему на плечи, а Келсон подошел спереди почти вплотную.

498 Все разведчики отлично знали, что когда докладываешь о

чем-то непосредственно королю и его наставнику, они вполне могут захотеть прочитать нужные им воспоминания, чтобы уточнить разные детали,— и большинство разведчиков давно научились не беспокоиться по этому поводу, и уж конечно, не боялись этой процедуры.

Разведчики также были убеждены (и это убеждение сознательно поддерживалось самими Келсоном и Морганом), что если Дерини нужно прочитать чьи-то мысли, они должны коснуться этого человека, приложив обнаженную руку к его лбу или к основанию шеи.

На самом деле для прочтения воспоминаний вполне годились и ладонь, или запястье, или любая другая часть тела, и к тому же Дерини могли читать и *сквозь* перчатки или любую иную одежду, если это было нужно; но Келсон полагал, что если люди уверятся, будто способность Дерини к чтению их *мыслей* ограничена, это успокоит их страхи и опасения, они не будут чувствовать себя такими уж беззащитными перед Дерини, с которыми им приходилось постоянно иметь дело.

Поэтому и сейчас, хотя разведчик все же немного занервничал, когда его взгляд встретился со взглядом короля, он тем не менее не дрогнул, когда Келсон кончиками пальцев коснулся его висков.

— Вдохни поглубже, Киркон,— пробормотал король.

Все было сделано еще до того, как разведчику потребовалось сделать второй вдох. Он чуть покачнулся, ощущив слабость в ногах, но тем не менее почувствовал немалое облегчение, когда Келсон убрал руки и убрался из его ума.

— Какие будут приказания, сир? — вежливо спросил Морган, потратив несколько секунд на восстановление душевного равновесия разведчика.

Келсон внезапно развернулся в другую сторону, оперся за закрытым кольчугой локтем о седло своей лошади, прижал крепко стиснутый кулак к зубам... Пожалуй, в этот момент лицо Халдейна еще более походило на безжизненную маску, чем до того.

— Ты можешь идти, Киркон. Спасибо,— негромко произнес он. Король не поднимал взгляда и не открывал рта до тех пор, пока разведчик не исчез.

— Мне понадобятся все эти новые копьеносцы Нигеля для нашей маленькой эскадры, Аларик,— сказал он наконец неожиданно мягким тоном.— И тяжелая кавалерия твоего Корвина тоже. Думаю, на этот раз мы его достанем.

— Итела? — уточнил Морган.

— Да! — резким шепотом откликнулся король. С каждым произнесенным им словом его глаза становились все 499

холоднее и холоднее.— Да. Это Ител... и возможно, сам святой Камбер станет нынче орудием возмездия!

— Должна быть какая-то причина к тому, что он отделился от других отрядов,— предостерег Морган.— Это может оказаться ловушкой...

Келсон энергично качнул головой.

— Нет, это не ловушка. Мы *знаем*, где находится остальная часть меарской армии. И мы знаем, что Сикард, где бы он ни находился, все же находится не настолько близко, чтобы ударить по нашему отряду. Нет, Ител наконец-то совершил свою последнюю ошибку. И теперь он *мой*!

— Отлично, отлично, мой принц,— проворчал Морган, сожтя за лучшее не противоречить королю, раз уж тот пребывает в подобном настроении.— Что, мне созвать капитанов, чтобы ты мог отдать приказы?

Келсон кивнул коротко и отрывисто; и когда он всматривался в холмы, что возвышались вдали, за равниной, к югу от Раткина, его глаза вдруг стали похожи на волчьи, и в них загорелась жажда кровавой мести.

* * *

Мысль о кровавой мести преследовала и королеву, точно так же, как короля,— и именно в это же самое ясное июльское утро,— хотя Джехана, в отличие от своего сына, чувствовала себя скорее тем, на кого направлена эта месть, а не тем, кто намерен ее осуществить. Она поднялась очень рано — или, точнее, очень рано вышла из своих апартаментов, поскольку вообще не спала в эту ночь, не в силах отогнать от себя то видение, которое преследовало ее с полудня, полностью захватив ее ум. Стоило ей прикрыть глаза — и перед ней вставал Камбер Кулдский, он обвинял королеву, его слова мучили, жгли, терзали Джехану...

«Джехана, Джехана... почему ты гонишь меня?»

Она не в состоянии была объяснить случившееся,— тем более что немного погодя после мессы она потребовала у отца Амброза объяснений относительно выбранного им текста.

— Но, ваше величество, разве я читал не тот отрывок? Я не помню ничего подобного. Разве это был не тот же самый текст, что и на ранней мессе?

— Прекратите насмехаться надо мной, отец!

— Насмехаться над вами, миледи?! Но я действительно не понимаю!

Их разговор происходил в базилике, прямо перед Святым Крестом. Едва ли отец Амброз решился согнать Джехану

не в таком месте. Но королеве легче было бы принять ложь, чем осознать то, что случилось на самом деле. Но, хотя священник был явно потрясен ее обвинением, Джехана, к собственному ужасу, вдруг обнаружила, что в ней просыпается сила проверки правдивости, сила видения чужих мыслей...

— Вы что же, будете меня убеждать в том, что сами не понимали, что делаете? — резко спросила она.— Не лгите мне, отец! Вы думаете, я не разберусь, когда вы лжете? Вас кто-то заставил это сделать?

— Миледи, я вообще не понимаю, что вы хотите от меня услышать...

— *Почему вы это сделали?* — продолжала настаивать она.

В его глазах вспыхнул страх, и он умоляюще вскинул обе руки,— и Джехана в то же самое мгновение поняла, что он абсолютно невинен... но она уже зашла слишком далеко, чтобы останавливаться. Ей уже недостаточно было знать, что он действительно говорил правду, как и пытался ее убедить,— она схватила его за запястья и впилась взглядом в его глаза, врываясь в его сознание с такой силой, что отец Амброд негромко застонал от потрясения. Он упал перед ней на колени, ошеломленный нападением, испуганный — но неспособный сопротивляться, ставший безвольным пленником ее разбушевавшейся воли.

Она удерживала его в таком положении несколько секунд, изучая то, что хранилось в его памяти,— ее интересовало то, что происходило непосредственно перед началом чтения того текста. Но в его сердце, так же, как и в его памяти, она увидела лишь полную невиновность. Он открыл свою книгу на той странице, где лежала закладка, и начал читать, совершенно не осознавая того, что это не те слова, что звучали на утренней мессе.

Милостивый Иисус, он *не осознавал*! Но если его действия не были обдуманными и намеренными, как вообще это могло случиться? Что за посланец Судьбы вмешался в ее жизнь?

Она отпустила пошатнувшегося отца Амброва, и ее горло сжалось от подступивших рыданий. Вывод тут мог быть только один, и он наполнил ее душу ужасом. Не обращая внимания на молодого священника, дрожащего от пережитого, она, спрятав лицо в ладонях, опустилась на колени рядом с ним, ничего не видя от слез.

Не кто-нибудь, а сам еретик Дерини Камбер втянул ее во все это. Но почему он преследует ее? Неужели ему недостаточно того, что он постоянно тревожит ее во время медитаций и преследует во снах? Неужели ему так уж необходимо было заставить ее использовать проклятую богом силу прямо здесь, 501

перед лицом самого Господа,— и именно тогда, когда она так старалась избавиться от дьявольского наследия?

И ведь она поддалась искущению! Боже, как она теперь презирала себя! И не только за то, что она вообще осмелилась использовать ту силу, в обладании которой так долго не желала признаваться самой себе, но и за то, что она применила эту силу для насильственного вторжения в чужой ум, и причинила человеческому борьбу боль своим вторжением.

К тому же ее невинной жертвой был священник! О, мать божья и все святые, даже если отец Амбroz когда-нибудь простит ее, ей не дождаться божьего прощения!

— Милостивый боже, что же вы со мной сделали? — с трудом пробормотал Амброз, когда Джехана решилась подняться на него виноватый взгляд.

Он так и не сдвинулся с места, и стоял там же, где она оставила его.

И лишь теперь, не столько даже испуганный, сколько ошеломленный и не верящий в происшедшее, он передвинулся ближе к ступеням, ведущим к алтарю, и оперся спиной о резную боковую стойку; в его синих глазах все еще светились боль и покаяние.

— Что вы такое сделали? — повторил он.— Я так себя чувствовал, словно вы заглянули прямиком в мою душу...

— Я... я не хотела причинить вам боль, о-отец... — запинаясь, произнесла Джехана сквозь слезы.— Я была так испугана...

— Но, дочь моя...

Он пытался понять, но в его глазах все еще отражался страх, и это вновь повергло Джехану в отчаяние.

— Забудьте все, что тут было! — приказала она, прикасаясь мокрыми от слез руками к его щекам и еще раз навязывая ему свою волю, несмотря на то, что в этот раз он попытался уклониться от ее прикосновения.— Простите меня, если сможете, отец, но вы должны все забыть. Забудьте и усните.

Сопротивление было просто невозможно. Даже если он хотел бы разделить ее страдание, все равно ему не оставалось ничего, кроме повиновения. Когда его глаза закрылись и он беспомощно обмяк под ее руками, Джехана еще раз коснулась его ума, безжалостно переделывая его воспоминания, чтобы скрыть свою ошибку и свою вину.

Потом она оставила его там, спящим,— он должен был помнить впоследствии лишь то, что он задремал, медитируя в базилике,— а сама поспешила укрыться в уединении своих апартаментов. Больше в тот день она никого не видела, и не стала

Но ни пост, ни молитвы, ни даже умерщвление плоти не смогло отвлечь ее мысли от того, чем она являлась, что всплыло в ее уме, и не дало ей покоя и отдохновения, к которым она так отчаянно стремилась. Раздавленная чувством вины, она сомневалась даже в том, можно ли ей присутствовать на мессе на следующее утро... ведь она наверняка была проклята за свой грех... Но и *не пойти* она не осмелилась. Она ведь всегда присутствовала на ранней мессе, которую отец Амброд отправлял для нее и сестры Сесиль, и они были бы очень удивлены, если бы Джехана не пришла... Кроме того, какой-то крошечный уголок ее ума, хранивший невинность, все еще надеялся, что само по себе присутствие на мессе и приобщение к святым дарам может каким-то образом принести ей то исцеление, которого она жаждала. Уж наверное Господь не покарает ее за то, что она стремится к Нему, пусть даже она греховна и не слишком тверда в вере...

Но когда она наконец заставила себя вернуться в мыслях к действиям, и действительно вместе с отцом Амбродом и сестрой Сесиль пересекла почему-то ставшее бесконечно широким пространство двора между ее апартаментами и базиликой,— это оказалось настолько тяжелым испытанием, что она и предположить не могла ничего подобного. Хотя отец Амброд не выказывал никаких признаков того, что он хоть что-то помнит об их предыдущем столкновении, ей постоянно чудился укор — в каждом его взгляде; и сестра Сесиль казалась королеве куда более серьезной, унылой и молчаливой, чем обычно.

Джехана дошла с ними уже до середины двора, прежде чем начала осознавать, насколько ее ночное покаянное бдение, лишившее ее сна, понизило те жесткие барьеры и ограничения, которые она обычно устанавливала на свои проклятые силы, насколько отсутствие отдыха ослабило ее способность сопротивляться искушению. Двор был заполнен купцами и ремесленниками, прибывшими для того, чтобы днем получить аудиенцию у принца Нигеля; но когда Джехана проходила мимо них, она вдруг поняла, что не только слышит обрывки их разговоров, но и улавливает многие их мысли...

— ...говорил Ахмеду, что в этом зерне слишком много мякоти, но он тут же начал ныть, что урожай был слишком плох, и...

— ...ну, в любом случае принц Нигель скажет, что лучше. Он такой же честный человек, как его покойный брат...

— ...ох, господи, похоже, сегодня опять будет ужасно жаркий день. Пусть бы хозяева шли на эту аудиенцию, а мне бы как-нибудь удрать на это время...

— ... нам только и нужно, что получить этот торговый договор, а там уж...

Джехана поплотнее натянула на голову капюшон своего светлого плаща — скорее для того, чтобы ее не узнали, чем потому, что ей вдруг стало холодно,— нет, ей и без того уже было слишком жарко в ее вдовьем трауре,— и зашагала дальше, к церкви, изо всех сил стараясь не пропускать в свое сознание психические волны чужих умов.

— ...Нед, эту кобылу поставь туда, а тюки снимай, снимай! Там шелка, если мы их попортишь...

— ...а потом посмотрим, что будет с этим Халдейном...

Вдруг вспыхнуло перед глазами: огромные лужи крови...

— ...и три большие бочки фианнского вина...

Джехана споткнулась и едва не упала, до глубины души потрясенная тем, что она вроде бы услышала... или ей это только показалось?

Она не была уверена. Амброз поспешил ей на помощь и крепко взял королеву за локоть,— но она смотрела в ту сторону, откуда донеслось упоминание о Халдайне... она уже искала источник этих слов и этого образа, и не только глазами, но и всем своим умом.

— ...ну, я и сказал старому Речолу, что его мечи не стоят и половины того, что он запрашивает, а он, представляешь, мне в ответ...

Нет, это дальше, правее...

Торговец серебром и его слуга осторожно снимали корзины со спины тяжело нагруженного мула, двое клерков в тени навеса просматривали свитки счетов, трое помощников конюхов хихикали от души над какой-то шуткой... Джехана инстинктивно распахнула свои чувства как можно шире, чтобы раздобыть как можно больше сведений,— и узнала, что ни конюхи с их помощниками, ни многие из тех, кто толпался во дворе и выдавал себя за купцов, не были тем, кем они казались на первый взгляд. Все это были люди из Торента, они явились сюда, чтобы убить Нигеля и захватить замок Ремут, чтобы освободить плененного короля Торента...

— «...Ну, еще немножко...»

Судорожно всхлипнув, Джехана перекрыла восприятие, внутренне съежившись, и вцепилась в руку отца Амброза,— ее охватил ужас от того, как она все это узнала, и от того, что именно ей довелось случайно узнать.

— Ох прошу вас, поскорее уведите меня отсюда, отец Амброз! — лихорадочно зашептала она, прижимаясь лицом к

— Но... миледи,— удивленно выдохнул он,— что случилось?

Однако она и не собиралась отвечать ему. Нет, пока они не окажутся в безопасности, под укрытием сводов базилики... Но вот они вошли туда, и отец Амброз настойчиво повлек Джехану к маленькой боковой часовне, и захлопнул дверь, не позволив сестре Сесиль войти внутрь вместе с ними. Вот только и здесь Джехана не смогла заговорить, она лишь разрыдалась, она была близка к истерике.

— Что все это значит, Джехана? — шепотом спросил отец Амброз, поглаживая руку королевы дрожащими пальцами,— а она упала к его ногам и продолжала всхлипывать.— Скажи мне, дочь моя. Может быть, все не так плохо, как тебе показалось?

— Ох, боже, боже... я проклята! Мы все прокляты! — с трудом выговорила она.

— Ты проклята? Ерунда!

— Не насмехайтесь хоть вы-то надо мной, отец! — сквозь рыдания проговорила она, отнимая свою руку.— Он уже достаточно посмеялся надо мной. Сначала он заставил вас читать не тот текст, вчера... а сейчас он показывает мне то, чего я не должна знать... вот только... только...

— Дочь моя, о чем ты говоришь, объясни! — попросил отец Амброз, беря ее за плечи, чтобы заставить поднять голову и заглянуть ей в глаза.— Кто заставил меня читать...

Джехана резко затрясла головой и громко засопела, доставая из рукава платья носовой платок, чтобы вытереть глаза,— но они тут же снова наполнились слезами.

— Я... я не могу вам сказать...

— Глупости. Разумеется, ты можешь мне сказать. Я твой исповедник.

— Нет, я не могу! Я и так уже причинила вам слишком много вреда.

— Ты причинила вред мне? Джехана, о чем ты говоришь?! — отец Амброз энергично встряхнул королеву.— Что произошло там, во дворе? Я не смогу помочь тебе, если не буду знать, что именно не так.

Продолжая жалобно всхлипывать, Джехана села на пятки, вертя в дрожащих пальцах носовой платок и стараясь не встречаться взглядом со священником.

— Вы меня возненавидите,— пробормотала она.

— Возненавижу тебя? Ох, ну конечно же, нет!

— Но я совершила ужасный, страшный проступок! Это огромный грех!

— Нет ничего настолько ужасного, чего не мог бы прощить нам Господь.

— Если бы вы знали, что я сделала, вы бы не говорили об этом с такой легкостью.

— Дочь моя, дочь моя, наверняка все обстоит далеко не так серьезно, как тебе кажется. Расскажи наконец, что же произошло? Я уверен, я сумею найти способ, чтобы помочь тебе.

Шумно откашлявшись и слготнув, Джехана наконец решилась сквозь слезы посмотреть на священника.

— Вы ведь никому не расскажете того, в чем я признаюсь вам на исповеди, отец? Это останется тайной?

— Разумеется.

— Вы клянетесь в этом, клянетесь как служитель Церкви?

— Разумеется, да.

— Тогда... где ваша епитрахиль? — требовательным тоном спросила она.

Со вздохом едва прикрытого раздражения отец Амброд взял епитрахиль, висевшую на ограждении алтаря, и поднес фиолетовый шелк к губам, прежде чем набросить его вокруг шеи.

— Ну вот. Теперь расскажи мне,— потребовал он.

И она рассказала ему все — хотя и не позволила священнику коснуться себя, чтобы не вызвать вновь демонов искушения и не применить еще раз свою проклятую, не дозволяемую законом силу. Когда она, спеша и запинаясь, договорила наконец до конца, изложив всю историю, начав с явления Камбера накануне днем и закончив теми чудовищными обрывками мыслей о покушении на Нигеля, которые она уловила во дворе, не скрыв даже и того, что она совершила грубое нападение на ум своего собственного духовника,— отец Амброд был потрясен, но полон решимости.

— Милостивый Иисус... тебе совершенно незачем беспокоиться обо мне, Джехана... да даже и о явлении святого Камбера, тут еще вопрос, видела ты его действительно или нет,— шепотом заговорил он. Его красивое лицо было таким же бледным, как лицо королевы, и таким же вытянувшимся,— священника тоже придавил груз чудовищного знания.— Ты должна была поскорее предупредить принца! Ведь даже сейчас может быть уже слишком поздно!

— Нет. Я не должна. Подумайте, каким способом я узнала об этом, отец Амброд! Это запрещенное знание! Разве мы с вами не потратили целых два года, пытаясь изгнать из меня эту силу? Ведь даже вы не ограждены от моего проклятия!

Отец Амброд нервно дернулся, но не отвел взгляда от Джеханы, продолжая упорно смотреть ей в глаза.

— Со мной, ничего страшного не случилось. Возможно, 506 эта болезнь не так уж заразна, как вам всегда казалось .

— Нет?..

Одним коротким ударом мысли Джехана освободила память священника, чтобы он мог вспомнить то, что она сделала с ним накануне,— и сквозь слезы увидела, что он стал еще бледнее, чем был... хотя, задохнувшись сначала, он больше не проявил никаких признаков страха.

— Я даже не осмеливаюсь просить прощения за то, что сделала, отец... но, возможно, теперь вы понимаете всю безмерность этой ужасной силы.

Отец Амброд сложил ладони и на несколько секунд склонил голову,— а потом снова посмотрел на королеву.

— Миледи, я думаю, я все же понимаю — хотя бы отчасти,— почему вы чувствовали, что были вынуждены сделать то, что сделали,— пробормотал он.— Но вы не должны слишком сильно укорять себя за это.

— Но я причинила вам вред, отец! Подумайте хорошенько! Вспомните все. Вы не можете отрицать, что я сделала это.

— Я... я не могу отрицать, что я ощущал... ну, некоторое неудобство,— осторожно признал отец Амброд, но при этом воспоминание о пережитой боли невольно отразилось на его лице.— Но я... я думаю, тут моей вины ровно столько же, сколько и вашей.

— Что?!

— Я... я думаю, что если бы я оказался в состоянии преодолеть собственный страх, в то мгновение, когда осознал, что именно вы делаете...

— Вы что же, хотите сказать, что я поступила правильно? — изумленно выдохнула Джехана.

— Видите ли, миледи... тут невозможно поставить вопрос именно так — правильно это или неправильно... однако... Джехана, ведь и ты тоже боялась! Ты восприняла возникший перед тобой образ как смертельную угрозу, и ты бросила в дело самые могучие средства из тех, что были у тебя под рукой... ты желала распознать подлинную природу этой угрозы!

— Но я причинила вам вред,— уныло повторила королева.

— Не намеренно,— возразил священник.— Ведь это было сделано без умысла, не так ли?

Она всхлипнула и покачала головой, и отец Амброд продолжил:

— Так вот, выслушай меня, Джехана. Я теперь не знаю, является ли злом та сила, что таится в тебе. Ты не слишком уверенно владеешь ею, и, возможно, применяешь ее несколько более энергично, чем это требуется... если бы тебя не терзал страх, ты, наверное, обращалась бы с ней более сдержанно. Скорее 507

всего, именно из-за собственного испуга ты причинила мне боль. А теперь благодаря своей силе ты узнала о заговоре против Нигеля. Но именно благодаря твоей силе мы узнали о замыслах преступников вовремя и можем их предупредить. В этом уж точно нет ничего дурного, Джехана!

— Но я не должна была узнавать об этом,— тупо произнесла Джехана.— Скромные и благопристойные люди, преданные Господу, не должны ничего узнавать таким образом.

— Джехана, они собираются убить Нигеля! — рявкнул отец Амброз.— Ты не можешь остаться в стороне и допустить подобное!

— Господи, помоги мне, я не знаю, что мне следует делать! — Королева снова разрыдалась, прижав руки к груди.— Такое знание — зло, зло!..

— Твое знание может спасти невинную жизнь, такие поступки угодны Богу! Откуда тут взяться злу? Если ты сама не предупредишь его, я...

— Вы — что сделаете? — резко вскинула голову Джехана, гневно глядя на священника.— Вы скажете ему сами?

— Ну, я...

— Разумеется, вы этого не сделаете,— продолжила королева, и ее голос слегка смягчился, когда она отвела глаза от отца Амброва и с несчастным видом уставилась на алтарь.— Вы связаны своими клятвами и обетами. Вы никому не можете рассказать того, что услышали на исповеди. Вы никогда не предадите свою веру и мою веру, не сможете сбросить ношу, возложенную на ваши плечи...

Отец Амброз отшатнулся, словно его ударили, и одна его рука машинально коснулась пурпурной епитрахили, все еще бывшей на нем,— и королева поняла, какое искушение терзает его ум. Но она не желала этого знать, и потому закрыла глаза, думая, что и это пришло из проклятого источника Дерини... Она снова всхлипнула и покачала головой.

— Прошу вас, отец... Оставьте меня одну. Вы свой долг выполнили, вы дали мне совет и наставление. Но решение я могу принять только сама.

— Но, миледи,— умоляюще произнес он,— я могу вам помочь. Прошу, позвольте мне остаться.

Но когда он, с полными сострадания глазами, протянул руку, чтобы коснуться ее плеча, Джехана шарахнулась в сторону и закричала:

— Нет! Не прикасайтесь ко мне! Если вы до меня дотронетесь, я могу запачкать и осквернить вас!

— Может, вы и не боитесь,— перебила его королева,— но я боюсь! Уходите, немедленно уходите, прошу вас! Не увеличивайте мои искушения! Вы не предадите ваш сан, ни ради меня, ни ради кого-либо другого. Вы это понимаете? Я должна разобраться, зачем, из каких соображений мне было дано это знание, и только я одна могу решить, как можно его использовать, и можно ли это вообще!

Глава тринадцатая

Сила короля также в правосудии; хотя и беспристрасен, наказывает по праву¹

Сохраняя вид дерзкого упрямства, принц Ител Меарский ехал, развернув плечи, высоко вздернув подбородок; лицо его было мрачным и надутым, когда они с Брайсом Турилским вместе с отрядом охраны пробирались по узким притихшим улицам Талакары.

Этим глупым простолюдинам лучше было бы оставаться в своих домах, если бы они соображали, в чем их польза. Как они вообще осмелились спрашивать его, по какому праву он сделал то, что сделал? Он рискует собственной жизнью, чтобы остановить вторжение в Меару армии Халдейна, он старается выиграть время для своего отца, прикрывая стратегическое отступление храбрых и преданных воинов, увозящих его мать в Лаас ради ее безопасности, и что он видит вместо благодарности? После того, как три дня назад он сжег Ратаркин, его собственный народ, меарцы, начали отворачиваться от него! И Талакара показала себя самым воинственным из всех прочих городом.

Талакара... Острый, раздражающий запах дыма, поднимавшегося от тлеющего дерева, висел в воздухе, смешиваясь с более сладким, более отчетливым запахом горящего зерна; Ител почувствовал все это, когда раздраженно расстегнул ремень под подбородком и снял шлем. Он вспотел, как свинья, в своих латах и кольчуге. Он увидел двух мужчин, выскочивших из дома неподалеку, с охапками награбленного добра в руках,— но у него не было ни малейшего желания останавливать их.

Этот город ничего другого и не заслужил. Толстолобые горожане Талакары не просто отказались снабдить принца прови-

¹Псалмы 99:4

зией; городские бейлифы вообще-то просто закрыли перед ним ворота, и их градоправитель дошел до такой наглости, что, укрывшись за стенами, кричал принцу, что в этом городе ему делать нечего! Эти болваны делают вид, что не понимают самой простой вещи: воины должны иметь пищу, чтобы сражаться, и даже для того, чтобы отступать, и все, что оставил бы за своей спиной принц Ител, могло быть захвачено врагом!

Конечно, тут не могло и речи идти о каком-либо серьезном и длительном сопротивлении; «стены» Талакары представляли собой просто примитивный частокол из высоких заостренных кольев, кое-как обмазанных глиной; ворота этого могли бы задержать разве что невооруженных пеших крестьян,— но уж никак не настоящий военный отряд. По приказу Брайса его солдаты свалили возле ворот и частокола собранный неподалеку сухой по-летнему кустарник, и подожгли его. Как только все хорошоенько разгорелось, проломить стены уже не составило труда; вся операция не заняла и часа. Когда фуражиры собрали все, что им было нужно, в городских амбарах и прочих хранилищах, Ител пустил своих солдат в город, прежде чем сжечь то, что осталось. Война так война, и ни к чему проявлять снисходительность. Он должен был проучить этих нахальных простолюдинов за то, что они осмелились сопротивляться *ему*.

Будучи слишком занят размышлениями о нахальных людышках и о том уроке, который он им преподал, Ител как-то совсем упустил из виду, что другой военачальник, возможно, куда более хитроумный, чем он сам, может в это время готовиться преподать урок *ему*, принцу Ителу...

— Я хочу, чтобы отыскали этого градоправителя,— сказал Ител Брайсу, когда, выехав на городскую площадь, они увидели нескольких своих солдат, развлекавшихся на свой лад. Солдаты поймали двух городских бейлифов, содрали с них всю одежду, и, накинув им на шеи веревочные петли, заставляли дерзких стражников бегать по кругу.— Даже если мы отступаем, но мы все равно лучше, чем Халдейн!

— Да, думаю, надо было бы придумать подходящее дисциплинарное взыскание, чтобы поставить на место этого парня, ваше высочество,— вежливо откликнулся Брайс.— Однако нам бы лучше не задерживаться здесь слишком долго. Возмездие, конечно, доставляет наслаждение, но для нас сейчас самое мудрое — отступать и отступать. Мне бы не хотелось оказаться зажатым в угол здесь, в Талакаре.

Он едва успел договорить последнее слово, как вдали, мимо давно рухнувших и уже догоравших городских ворот промчался бешеным галопом всадник,— это был один из развед-

чиков личного отряда Турила. Он яростно вонзил шпоры в бока своей лошади, так, что на ее шкуре выступила кровь,— и изо всех сил махал рукой.

— Тревога! Тревога! По коням! Все по коням! Приближаются отряды противника!

Солдаты, роняя награбленное баражло, шарахались в стороны, чтобы не угодить под копыта мчащейся во весь опор лошади разведчика. Ителу вдруг стало очень холодно, несмотря на дневную жару,— он испуганно подал коня назад, пытаясь от приближавшегося вестника,— но Брайс уже выкрикивал приказы, пытаясь собрать солдат, рассыпавшихся по городку и слишком занятых грабежом.

— С юга приближается тяжелая кавалерия, ваше высочество! — крикнул тяжело дышавший разведчик, осаживая скакуна в полуметре от принца.— Десятки солдат, и очень быстро продвигаются! Ох, боже, я думаю, это Халдейн!

— Халдейн!

— Сержант, заставь этих чертовых солдат пошевеливаться! — завопил Брайс, направляя своего коня прямо на группу солдат, нагруженных чужим добром; те бесполково метались из стороны в сторону, охваченные паникой.— Бросьте эту дрянь, если вам жизнь дорога! Может быть, уже слишком поздно!

Он выхватил меч и начал плашмя колотить им по головам солдат, поясняя действием смысл своего приказа, когда другой всадник пронесся галопом с противоположной стороны, еще более возбужденный и злой, чем первый.

— Там еще отряды, милорд! Они нас окружают! Мы в ловушке!

* * *

Келсон Халдейн, затянувший петлю вокруг Талакары, уверенно надел свой увенчанный короной шлем и выхватил из ножен отцовский меч; серые глаза короля в лучах полуденного солнца сверкали, как крупинки льда.

— Солдаты Гвиннеда! — закричал он, взмахивая мечом над головой.— Мне нужен Ител Меарский! Лучше, если вы достанете его живым, но в общем все равно. Он мне нужен! И Брайс из Турила! А теперь — вперед, за Гвиннед!

* * *

А в столице Гвиннеда мать Келсона решилась на поступок, в равной мере важный для государства.

— Отец Амброз! — прошептала Джехана, у которой даже

512 колени подогнулись от радостного облегчения, когда она,

выйдя из базилики, увидела священника, ожидавшего ее вопреки приказу королевы.— Слава богу, вы все еще здесь! Идемте со мной, быстрее! Я и теперь не знаю, правильно или нет то, что я делаю, но я не могу допустить, чтобы Нигеля убили!

Шепотом вознеся к небесам пылкую благодарственную молитву, отец Амброз схватил руку королевы и горячо поцеловал ее.

— Вы истинная королева, миледи! — прошептал он.— Я просто счастлив, что вы все-таки передумали!

— Я вовсе не передумала,— возразила королева, увлекая священника к выходу во внутренний коридор, которым они могли пройти к главному холлу, не пересекая снова переполненный людьми двор.— Я по-прежнему уверена, что должна искупать свои грехи, но Нигель — брат моего мужа. У меня только и остались после Бриона, что он да Келсон. Я в долгу перед ним. Я в долгу перед Брионом, я должна сделать это ради него. А если сегодня мне удастся спасти жизнь Нигеля, то как знать, может быть, когда-нибудь потом удастся спасти и его душу.

— Душу Нигеля? — переспросил Амброз.— Но ведь он не Дерини!

— Нет, но они хотят *превратить* его в Дерини, отец... и смогут, или почти смогут, если передадут ему магию Бриона,— ответила королева.

— *Они?* О ком вы говорите, миледи?

— О Моргане. И о Келсоне тоже, к несчастью. Но, возможно, я помогу ему увидеть опасность. Возможно, пока еще не слишком поздно.

— Я только надеюсь, что мы сегодня не опоздаем,— тихо проговорил отец Амброз, прибавляя шагу, чтобы догнать едва ли не бежавшую бегом королеву.— И неважно, что случится в другие дни.

* * *

Но кое для кого было уже поздно предпринимать попытки спасения, и это был Ител, наследный принц Меары. Ему было шестнадцать лет, и он знал, что должен умереть. Хотя они с Брайсом и сумели собрать своих людей до того, как атаковавшие их отряды Халдейна появились в поле их зрения, и выстроили их на опустевшей рыночной площади, чтобы дать последний бой,— все равно Ител ничуть не заблуждался относительно своих шансов.

У него было едва ли две сотни солдат, и большинство из них — пешие. И к тому же его оборванцы были вынуждены занять чрезвычайно невыгодную позицию, и им без всяких

сомнений предстояло быть уничтоженными во много раз превосходящими их силами Халдейна.

Рядом с принцем, в самом центре выстроившегося квадратом отряда, стоял Брайс, барон Трурила; Ител, с обнаженным мечом в руке, смотрел, как приближается его роковой конец — молчаливые копьеносцы со стальными глазами... алый цвет их доспехов — цвет Халдейна... они одновременно приближались со всех сторон, смыкая кольцо. По всем улицам, выходившим на площадь, цокали копыта их коней; стремя к стремени двигались всадники, и остряя их направленных вперед копий сверкали, сливаясь в единую линию... их было много десятков. А вслед за ними, почти вплотную, двигались, с мечами наизготовку, более тяжело вооруженные рыцари, и их было не меньше сотни.

А за вторым кольцом, под геральдическим алым с золотом знаменем, ехал сам король Келсон, окруженный полудюжиной офицеров и оруженосцев, и его увенчанный короной шлем сверкал на солнце, а его боевой меч лежал на его закованном в латы плече. Рядом с королем ехал человек, одетый в черные доспехи,— на его панцире и на щите красовался зеленый грифон, а на его шлеме сверкала герцогская корона; можно было не сомневаться в том, что это — прославленный Аларик Морган, королевский Дерини.

Ител боялся даже вздохнуть. В течение нескольких бесконечно тянувшихся секунд на площади слышалось только позвякивание конской сбруи да негромкое фырканье боевых коней, рвущихся вперед, да глухой топот копыт с железными подковами по утрамбованной земле,— да еще принц Ител слышал биение собственного сердца, и кровь прилила к его голове, а в шлеме словно загудело эхо.

Всё на городской площади замерло в неподвижности. Смертельное и неколебимое кольцо копьеносцев Халдейна в мерцающем от жары воздухе казалось принцу Ителу картиной, на мгновение перенесшейся на землю прямо из ада. Легкий ветерок шевелил вымпели, свисавшие с копий, и колыхал знамя Халдейна, и ерошил гривы и хвосты боевых коней,— но он не достигал Итела, задыхавшегося в своих латах и шлеме.

Потом от группы людей, окружавших короля, отделился один — в тяжелых латах, с клетчатым пледом, лежавшим складками поперек его нагрудных лат, как перевязь для меча,— и осторожно направил своего коня вперед, между рядами рыцарей; вот он уже оказался в передней шеренге, держа в руке обнаженный меч. Корона на его шлеме сообщала, что человек этот — герцог; и когда он поднял забрало своего шлема, чтобы за- 514 говорить, стали видны пышные рыжие усы и борода.

— А, ну да,— прощедил Брайс сквозь стиснутые зубы, придвигаясь чуть ближе к Ителу.— Еще один гвоздь в наши гробы.

— Кто это? — спросил Ител.

— Эван Клейборн.

— Это плохо?

— Это не слишком хорошо,— ответил Брайс.

— Ну, он не может быть хуже Моргана,— пробормотал принц Ител, собирая воедино те жалкие остатки храбрости, что еще сохранились в нем,— а Эван тем временем выехал вперед и остановился перед копьеносцами.

— Солдаты Меары, бросайте свое оружие! — приказал Эван, и в его голосе прозвучал явно слышимый акцент пограничника. Он показал своим мечом на землю и обвел взглядом замерших в неподвижности солдат противника.— Вы восстали с оружием в руках против вашего законного короля, Келсона Гвиннедского, и он пришел, чтобы забрать то, что принадлежит ему по праву. Вам не избежать его суда, но если вы сейчас сдадитесь, вы можете надеяться на его милосердие. Вам незачем жертвовать своими жизнями ради того, кто повел вас неправедным путем.

Прежде чем Ител успел остановить его, Брайс Трурил взмахнул мечом, возмущенный словами герцога Эvana.

— Мы не шли неправедным путем, и никого не вели им! — закричал Брайс.— Пограничные государства всегда были с Меарой! Захватчик Халдейн...

При первом же слове Брайса Келсон поднял меч, предупреждая свое войско. И теперь конец меча склонился в сторону перепуганного отряда Меары, отдавая короткий и ясный приказ,— и голос короля прервал обличительную речь Брайса:

— Герцог Эван и первая шеренга — продвинуться вперед!

Первая шеренга повиновалась мгновенно. Расстояние между копьеносцами Келсона и окружеными меарцами заметно сократилось, к крайнему ужасу тех, кто толпился вокруг Итела и Брайса,— тем более, что большинство солдат принца были пешими и плохо вооруженными. Испуганный Ител дернул Брайса за руку, чтобы тот замолчал.

— Я говорю от имени этих людей Меары,— я, а не Брайс Трурил! — заговорил он, понемногу направляя своего коня из толпы солдат, поближе к Келсону.— Уверен, ты не станешь безжалостно убивать их прямо тут, на месте!

— Это тебе решать, и только тебе,— ответил Келсон, впервые обратив свой взгляд прямо на наследного принца Меары.— Я считаю именно тебя и твоих старших командиров в ответе за все, что произошло здесь... и во многих других местах. Именно тебе придется за все рассчитаться, Ител Меарский. 515

— Если я и должен ответить, то никак не перед *тобой*! — возразил Ител, хотя в его голосе не прозвучало и доли той уверенности, которую ему хотелось бы в них вложить.— Ты узурпатор, а в Меаре есть свои правители, их право наследуется по закону. Я могу отвечать только перед моей суверенной госпожой, Кэтрин Меарской,— только она является законной преемницей принца Джолиона, последнего меарского властителя, независимо правившего этой страной!

— О, да, то же самое твердил и твой брат, до самого дня своей смерти,— ответил Келсон.— Однако это его не спасло. Не спасет и тебя.

— Ты убил его, потому что он был законным наследником престола Меары после меня! — закричал Ител.— И ты убил мою сестру!

Меч в руке Келсона уже начал снова подниматься, готовясь отдать следующий приказ, но при этих словах король снова опустил лезвие меча на плечо.

— Я *казнил* твоего брата за то, что *он* убил твою сестру... и это было именно так, даже если ты предпочитаешь верить во что-то другое,— ровным голосом произнес король.— И я сделаю то же самое с тобой — не из-за того, что ты собой представляешь, а за то, что ты сделал.

— У тебя нет права судить меня,— храбро откликнулся Ител.— Меня может судить лишь суд моих собственных пэрдов.

Но его кровь словно застыла в жилах, когда он увидел, как коронованный шлем Келсона медленно качнулся в отрицательном жесте.

— Мне почти что жаль тебя,— последовал королевский ответ.— Но я король Гвиннеда и владетель Меары, и я не могу позволить себе жалости, когда необходимо свершиться правосудию. Мои приказы должны выполняться во всех моих землях. И у меня есть вся та власть, что необходима мне для совершения моего суда.

Он взмахнул мечом, указывая на свои отряды, окружившие жалкие силы Итела,— и принц Ител почувствовал, как он вспыхнул от стыда и страха.

— Однако я не деспот,— продолжил Келсон.— Я не считаю твоих солдат виновными, они лишь выполняли приказы своих командиров. Солдаты Меары, если вы сейчас бросите свое оружие — я даю вам слово, что лишь те, кто действительно виновен, понесут наказание. Но если вы заставите меня отдать приказ об атаке,— я клянусь, что за каждого из моих погибших воинов ответят своими жизнями десятеро. Так что же, вы хотите это-

Ответом солдат стали отнюдь не слова; ответом стал грохот мечей и копий, полетевших на землю,— и вот наконец только Ител и Брайс остались вооруженными. Они, лишившись дара слова, тупо следили за тем, как воины Келсона принялись разделять его бывших солдат на группы по шесть-восемь человек, и уводить их с площади.

И вот наконец в кольце копьеносцев Келсона остались только Ител и Брайс. Келсон и Морган подъехали к ним; их мечи были вложены в ножны. Брайс схватился было за свой меч, но один-единственный взгляд Моргана остановил его руку на полу пути,— и Брайс словно примерз к седлу, и мог только смотреть, как Морган подъезжает к нему вплотную и забирает у него все оружие. И принц Ител обнаружил, что не в состоянии даже шевельнуться; он просто сидел в седле, отступивший и безгласный, пока Келсон не очутился рядом с ним. Он просто наблюдал, как король небрежно забрал его меч и кинжал, он был совершенно беспомощен под взглядом Халдейна...

— Свяжите их. Когда лагерь будет установлен — отведите их к моему шатру,— приказал Келсон, не потрудившись бросить на Итела хотя бы еще один взгляд. Они с Морганом развернули коней и покинули стальное кольцо копьеносцев.

* * *

Тем временем еще два стальные кольца готовы были скнуться вокруг ничего не подозревающих жертв. Первое из них затаилось в переполненном людьми в большом зале замка Ремут, где Нигель Халдейн сидел на похожем на трон кресле, стоявшем на возвышении, окруженный столами, за которыми сидело множество торопливо строчащих по пергаменту писцов,— и делал вид, что внимательно слушает петиции разных купцов и ремесленников.

— Когда лорд Герни привез свою шерсть на рынок в Аббейфорд, он не заплатил ни десятину монахам, ни дань городу, ни пошлины кому-либо из местных землевладельцев,— бубнил камергер.— Если лорд Герни полагает, что он стоит выше закона...

Конечно, Нигель прекрасно знал, что стальное кольцо подготовлено для него,— и после того, как Риченда накануне вечером предупредила его, подготовил все для контрудара. И когда пружина капкана сработает — в него попадутся агенты Торента, а вовсе не Нигель.

Нигель решил даже добавить сладости к заключительной картине, позволив молодому королю Лайему присутствовать на приеме, якобы для того, чтобы он мог выслушать при-

ветствия от посланников Торента и приобрести новый опыт королевской власти. И сейчас мальчик беспокойно ерзal в кресле справа от Нигеля, чувствуя себя слишком неудобно в жестком официальном одеянии, предписанном королю придворным протоколом,— он уже начинал скучать от казавшихся бесконечными петиций. Однако Лайем становился все более послушным с тем пор, как его вывели из-под ежедневного влияния матери; а сама Мораг сидела под надежной охраной в другой части замка,— чтобы она не попыталась оказать заговорщикам помощь, пустив в ход силы Дерини. Конечно, она не знала, что заговор уже раскрыт.

А если бы вдруг в числе пестрой толпы, заполнившей большой зал, оказались другие Дерини,— что ж, Нигель ожидал этого и был готов к встрече с ними. Риченда и Росана, никем не замечаемые, скромно сидели на галерее для музыкантов в дальнем конце зала, а епископ Арилан следил за событиями, укрывшись за висевшими вдоль стены gobеленами слева от Нигеля. К тому же у Нигеля доставало и собственных сил, хотя он надеялся, что ему не придется сегодня испытывать свои не слишком пока развитые умения.

Что же касалось физической, материальной стороны приготовлений Нигеля,— так на этот случай слева от него сидел в невысоком кресле Конал, готовый отдать команду двум десяткам отборных гвардейцев, размещенный в стратегических точках зала.

Сэйр Трэгернский сидел в засаде в потайной комнате прямо позади помоста с троном, и с ним рядом — еще двенадцать человек. На боковых галереях затаились лучники, одетые слугами, и агенты Хаддэйна не спускали глаз с той торговой делегации, что еще ожидала снаружи, во дворе.

Организовав все эти меры предосторожности, Нигель чувствовал себя вполне готовым столкнуться с тем, что должно было произойти. Но чего он никак не ожидал, так это появления явно робевшей Джеханы и ее исповедника, которые вдруг возникли в дверях справа, выйдя из коридора, ведущего в холл. Что она здесь делает?

Джехана стала подавать ему знаки, настойчиво требуя, чтобы он подошел к ней. Нигель послал пажа, чтобы выяснить, что случилось,— юного Пэйна, прислуживавшего Лайему. Через несколько секунд Пэйн вернулся.

— Она говорит, это чрезвычайно важно, сир,— прошептал мальчик, придинувшись вплотную к уху отца.— Ты должен прямо сейчас поговорить с ней. Она говорит, что не может ждать до конца приема.

Нигель бросил взгляд на Джехану — да, на лице королевы действительно были написаны беспокойство и настойчивость, да и священник тоже выглядел очень встревоженным. Камергер как раз заканчивал чтение очередной петиции, и Нигель наклонился поближе к Коналу.

— Давай-ка, заяви, что по этой петиции необходимо предварительное совещание для вынесения окончательного решения,— шепнул он.— Я скоро вернусь.

Конал с важным видом выпрямился, довольный тем, что на него возложена дополнительная ответственность, а Нигель, проговорив слова извинения, поспешил подняться и пошел к боковому коридору. Как только он вышел за дверь, отец Амброз поспешил прикрыть ее за спиной принца.

— Вы действительно уверены, что ваше дело никак не может подождать? — спросил Нигель, нетерпеливо глядя то на королеву, то на священника.

Джехана весьма выразительно качнула головой, и ее вдовья вуаль взметнулась в воздух.

— Прошу вас... не создавайте мне дополнительных трудностей,— негромко сказала она, стараясь избегать его прямого взгляда.— Вы в чудовищной опасности. Не спрашивайте меня, как я об этом узнала. Те люди, что сейчас находятся в зале, намерены убить вас... или, может быть, это кто-то из тех, что придет позже. Я не знаю, кто именно. Но я думаю, что они хотят убить вас и похитить маленького короля Лайема.

— Вот как? — Нигель тут же сосредоточил все свое внимание на королеве, гадая, как именно Джехана узнала обо всем.— Кто они? Вы знаете?

Джехана покачала головой.

— Нет, конкретно — не знаю. Полагаю, это посланцы Торента. Они просочились в одну из купеческих делегаций.

— Понимаю... — Изумленный Нигель переключился на отца Амброза, напряженно и неподвижно стоявшего у самой двери.— А вам что-нибудь известно обо всем этом, отец?

— Только то, что рассказала мне ее величество, ваше высочество,— тихо ответил отец Амброз.— Но я уверен, что вам стоит обратить самое серьезное внимание на ее предостережение.

Слегка нахмурившись, Нигель задействовал свою способность чтения мыслей, чтобы заглянуть в сознание священника, одновременно пытаясь понять, использовала ли Джехана свою силу Дерини для получения столь интересных сведений.

— Что ж, я, конечно, разберусь в этом,— проговорил принц.— Но вы, похоже, не знаете, которая из делегаций в точности замешана в этом деле.

Оба в ответ покачали головами; и по крайней мере отец Амброз говорил всю известную ему правду, ничего не скрывая. Защитные поля Джеханы были слишком сильны и напряжены, чтобы Нигель мог проникнуть сквозь них, но такая защита, пожалуй, лишь подтверждала источник знаний; а упорное нежелание королевы открывать этот источник могло иметь определенный смысл — например, Джехана *действительно* наткнулась на чьи-то мысли о заговоре, что могло произойти только благодаря ее силе Дерини.

Однако Нигель должен был возвращаться обратно в главный зал. Он сомневался в том, чтобы нападение могло произойти в его отсутствие — та делегация, на которую падало наибольшее подозрение, еще ожидала своей очереди на представление регенту, — но ему не хотелось, чтобы Конал оказался в одиночестве, если вдруг что-то пойдет не так и случится нечто уж совсем непредвиденное.

— Мы поговорим об этом немного позже, — пообещал он Джехане, с мрачным видом направляясь к двери. — Я предприму все необходимые меры, не тревожьтесь. И я благодарю вас за предостережение. Я догадываюсь, чего это вам стоило.

Джехана побледнела как полотно при этих его словах, и Нигель понял, что его догадки были абсолютно верны. Возвращаясь в зал, он шел с таким видом, будто ровно ничего не случилось, — однако к тому моменту, когда он снова занял свое место, он уже обменялся мимолетным контактом со всеми тремя своими советниками Дерини. Сейчас с приветственной речью к регенту и королю обращался купец из Келдиша, и Нигель позволил части своего сознания прислушаться к звучавшим словам, и, изобразив на лице одобрение, несколько раз кивнул, — а через несколько секунд снова наклонился к Коналу.

— Похоже, твоя тетушка Джехана тоже уловила кое-что о заговоре, — прошептал он, позволив себе улыбнуться в ответ на пышный комплимент купца из Келдиша. — Сам догадайся, как ей это удалось. Но мы якобы ничего не знали и теперь должны принять меры к самозащите. Теперь улыбайся. Я тебе сказал что-то веселое.

Конал ухмыльнулся и взял чашу с вином, приподняв ее в приветственном жесте, прежде чем отпить глоток; он держался непринужденно, и явно чувствовал себя отлично. Нигель, усевшись поудобнее, спокойно ожидал развития событий. Вот он ощутил легкое мысленное прикосновение — и понял, что это была Риченда, затаившаяся на наблюдательном пункте на галерее. Что ж, очень скоро охотники превратятся в дичь, и Нигель захлопнет ловушку.

* * *

Второй капкан, готовый вот-вот захлопнуться, был наложен вовсе не ради какой-то выгоды Халдейнов. Далеко-далеко от Ремута, и более чем в полном дне верховой езды к северу от того места, где Келсон собирался судить бунтовщиков, захваченных им в плен в Талакаре, Дункан и Дугал вели отборный отряд ударных сил Кассана, преследуя епископальные войска Лоуренса Горони, постепенно отрывались от основных сил Кассана. Военные отряды Кассана то и дело вступали в схватки с небольшими подразделениями Горони, и епископальное войско мало-помалу уступало территории, будучи вынуждено уходить со спорных земель.

И вот сейчас предатель священник, похоже, намеревался вести своих людей на окруженнную горами равнину, уйти с которой у него было очень мало шансов.

И вдруг до сих пор казавшиеся напуганными солдаты Горони остановились и начали разворачиваться, выстраиваясь для сражения,— и одновременно сотни солдат, неведомо откуда взявшихся, начали выливаться из тени множества узких долинок и ущелий, выходивших в долину Дорна,— это были коннантские наемники, отлично вооруженные, на свежих конях; а за ними следовали новые чести епископальной армии. Одновременно на западе, едва видные сквозь клубы пыли, поднятые конницей Дункана, засверкали копья тяжелой кавалерии,— и она явно забирала точно в тыл передовому отряду Дункана, грозя отрезать его от основной части армии.

▲ Черт! — прорычал Дункан, натягивая поводья и поднимаясь на стременах, чтобы получше рассмотреть надвигавшуюся на них опасность.— Дугал, я думаю, мы наконец-то отыскали главную часть армии Сикарда.

* * *

И как раз в этот момент сын Сикарда, ставший жалким пленником, стоял перед королем Дункана, а рядом с ним — Брайс Трурил; за их спиной сбились в кучу около сорока офицеров разных рангов, ожидающих приговора королевского трибунала. Перед шатром Келсона стоял походный стол; за ним восседал сам король, а по обе стороны от него — два герцога: Корвин и Клейборн. Каждый из них уже подписал документы, которые теперь подписывал сам король, прилагая к ним также королевскую печать.

— Брайс, барон Трурила, выйди вперед,— сказал Келсон, отложив перо и печать и холодно глядя на подсудимых. 521

С пленных сняли все их военные доспехи и верхнюю кожаную одежду, оставив их в одних рубахах; руки их были связаны впереди, даже у Итела и Брайса. Брайсу, кроме того, еще и заткнули рот кляпом, поскольку он уж слишком испытывал терпение и без того уже изрядно обозленного Келсона, то и дело разражаясь громкими вызывающими речами.

Поскольку мятежный барон и не подумал двинуться с места, и лишь обливал короля наглыми взглядами поверх повязки, закрывающей его рот, двое стражей не слишком вежливо подтолкнули его и заставили опуститься на колени. На виду импровизированного суда находились и простые солдаты Меары,— тщательно охраняемые бдительными воинами Халдейна; они стояли на небольшой огороженной веревками площадке, встревоженно прислушиваясь, не желая упустить ни слова из королевского приговора,— поскольку этот приговор мог в немалой степени повлиять и на их собственную судьбу.

— Брайс, барон Трурила, ты признан виновным в худшем из преступлений — в государственной измене,— произнес Келсон, твердо положив ладони на подлокотники своего походного кресла.— Ты не только нарушил клятвы, которые давал своему сеньору и королю, забыв о вассальной преданности сюзерену, ты отдал свой меч самозванке и поднял мятеж против ее законного повелителя, и ты также помогал врагам этой страны и без всякого сострадания мучил ее невинный народ. И потому приговор нашего трибунала гласит, что ты должен быть повешен за шею до тех пор, пока не умрешь,— и будь благодарен за то, что я не приказал просто-напросто колесовать и четвертовать тебя, как твоя так называемая «суверенная леди» поступила с моим епископом. Сержант, отведите его вон к тому дереву за поляной и приведите приговор в исполнение.

Ител задохнулся, а Брайс, выпучив сверкающие от ярости глаза, попытался разорвать веревки, стягивавшие его запястья,— но его стражи грубо подняли его на ноги; но вообще повесить человека такого высокого ранга с таким минимумом церемоний — это, конечно, было чем-то из ряда вон выходящим.

— Вы не позволите этому человеку поговорить со священником, сир? — вежливо спросил Эван, сидевший слева от короля.— При столь многих грехах, лежащих на его душе...

— Он получит ровно столько же утешения и отпущения грехов, сколько он позволял получить своим жертвам,— ледяным тоном произнес Келсон.

— Но, все же... око за око...

— Это правильно, Эван. Это правосудие Ветхого Завета.
522 Я не намерен обсуждать это далее. Сержант, повесить его!

Когда стражи, сержант и двое солдат со свернутыми в кольца веревками на плечах, потащили осужденного на смерть барона к указанному королем дереву, Келсон сосредоточил свое внимание на ошеломленном Ителе, не обращая внимания на продолжавшееся (хотя и едва слышно) недовольное ворчание Эвана и явное ощущение прохлады, исходившее от сидевшего справа молчаливого Моргана,— хотя герцог и не собирался высказывать свое мнение вслух. Меарские офицеры, стоявшие позади принца Итела, негромко переговаривались между собой с испуганным видом, и их подчиненные на другой стороне поляны выглядели в равной мере потрясенными,— но все разговоры мгновенно смолкли, когда Келсон призвал принца Итела выслушать вынесенный ему приговор.

— Ител Меарский, выйди вперед!

Ител, полностью лишившийся присутствия духа при виде такой грубой бесцеремонности и жестокости вынесенного Брайсу приговора, лишь молился о том, чтобы его королевская кровь заставила Келсона хотя бы немного смягчить свою ярость; он беспрекословно повиновался приказу, не осмеливаясь и думать о той суете, что поднялась вокруг некоего дерева на другой стороне поляны, у него за спиной.

— Ител Меарский,— Келсон сделал неторопливый глубокий вдох, потом так же медленно выдохнул.— Я нашел, что ты в равной мере виновен в том же самом преступлении — государственной измене, и заслуживаешь такого же наказания: смерти через повешения.

— Но... но я принц! — задохнулся ошеломленный Ител, и слезы вскипели на его глазах, когда окончательность приговора дошла до его сознания, и двое стражей положили крепкие руки на его окаменевшие плечи.— Ты... ты не можешь просто взять и повесить меня, как обычного уголовника!

— Ты *и есть* обычный уголовник,— ровным голосом ответил Келсон.— Только уголовник может так бессердечно сжигать города, вроде вот этой Талакары и других, слишком многочисленных, чтобы упоминать их здесь, только уголовник может насиливать беззащитных и беспомощных женщин...

— Насиловать? — взмыл Ител.— Я никого не насиловал! Спросите моих людей! Я вообще не сходил со своего коня!

— Я уверен,— мягко заговорил Морган,— что его высочество припоминает сейчас некое отдаленное аббатство, к югу отсюда, где он лично разрушил религиозное святилище и изнасиловал по крайней мере одну из женщин, укрывавшихся в монастыре.

Краска отлила от лица принца Итела так внезапно, что казалось — принц вот-вот потеряет сознание.

— Кто сказал вам такую ложь? — прошептал он.

— Разве это ложь? — спросил Келсон, вставая.— Должен ли я попросить герцога Аларика установить истину?

Морган не тронулся с места, он лишь бесстрастно уставился на застывшее тело Итела,— но принц Меары побледнел еще сильнее, хотя это казалось уже невозможным, и покачнулся. Среди присутствующих не было ни одного, кто не знал бы о репутации королевского наставника; и меарцы, чей страх перед Дерини, без сомнения, в немалой степени раздувал Лорис, были совершенно уверены, что Дерини может сотворить с ними все, что угодно, одним лишь взглядом.

— По крайней мере позволь мне умереть от меча,— взмолился Ител, с усилием оторвав взгляд от герцога Дерини, на которого он до того смотрел, как зачарованный.— Прошу, не вешай меня! Ты же не стал поступать так с моим братом...

— Нет,— произнес Келсон с жестокостью, удивившей даже Моргана.— Умереть от меча — почетная смерть. Твой брат, несмотря на то, что он совершил преступление, стал убийцей, искренне верил, что действует ради защиты чести, чести своей семьи, своего имени. Именно поэтому я удостоил его почетной смерти. Твои поступки бесчестны, они опозорили и тебя самого, и имя твоего рода.

— Но...

— Приговор уже вынесен. И он будет немедленно приведен в исполнение. Стража, уведите его!

Брайс Трурил уже дергался на конце одной из веревок, когда стражи, повинувшись приказу короля, поволокли спотыкающегося и окаменевшего от страха Итела через поляну, чтобы он мог составить компанию своему барону.

Кое-кто из солдат Меары отсалютовал своему принцу, когда его проводили мимо них, но большинство уже сосредоточилось на тех офицерах, что остались стоять перед королем Келсоном. Повинуясь подталкивавшим их стражам, офицеры боязливо подошли поближе к королевскому шатру и опустились на колени, прямо в пыль.

— Теперь,— сказал Келсон, снова садясь,— что делать с вами?

— Его серые глаза Халдейнов внимательно осмотрели меарских военачальников.— Все знают, что нельзя наказать подчиненного за то, что он выполнял приказы того, кто старше его по званию. Но, с другой стороны, я не могу оставить без внимания те крайности в поведении солдат, которые поощрялись некоторыми из вас, а вы действительно допускали многое, что выходило далеко за рамки приказов. Вы уничтожали народ своей собственной страны — совсем не захватчиков. Убийства и насилие,

совершенные по вашему ведому и с вашего одобрения, а иной раз и при вашем участии, непростительны.

— Умоляю вас, милорд короля! — воскликнул один из коленопреклоненных людей.— Ведь не все же мы поступали так! Ради любви Господней, проявите милосердие!

— Милосердие? Хорошо. Я проявилю по отношению к вам куда больше милосердия, чем вы проявляли по отношению к своим жертвам,— ответил Келсон, и лицо его было при этом суровым и неподвижным.— Однако я должен также справедливо отмерить наказание, чтобы свершилось подлинное правосудие. К несчастью, у меня нет ни времени, ни склонности к тому, чтобы в точности определять меру виновности каждого из вас. Да даже если бы я и занялся этим, сомневаюсь, чтобы среди вас нашелся хоть один, кто мог бы заявить о своей невинности.

Офицеры слушали короля молча, и ни один из них не издал ни звука, когда король после небольшой паузы продолжил свою речь.

— Поэтому я намерен применить сейчас применить древнюю форму правосудия: мы просто казним каждого десятого. Один из десяти будет повешен. Значит, таковых будет четыре, и они будут избраны по жребию. Остальные получат по двадцать ударов кнутом и будут оставлены на милость городских жителей, оставшихся здесь, в Талакаре... со следующим исключением...

Он позволил своим глазам пройтись по замершим, ошеломленным лицам, осознавая, что Морган не слишком довolen приговором, который он только что произнес, но не особо беспокоясь из-за этого.

— ...Кроме тех четырех, что осуждены на повешение,— продолжил Келсон,— я дарую полное помилование любому из вас, если он поклянется мне в абсолютной и неколебимой верности отныне и навсегда... и уж поверьте, я узнаю, если клятва окажется ложной.

Волна ужаса прокатилась по пленникам, поскольку в некоторых из них последнее заявление короля пробудило страхи куда более глубокие, нежели простой страх смерти. Человек в черной одежде, сидевший рядом с королем, был Дерини, и он умел читать в умах людей, все это знали... да и сам король, по слухам, также не был лишен подобной силы.

Даже Морган вынужден был признать, что последняя часть приговора Келсона была просто великолепна. Он и сам не сумел бы изобрести более утонченного решения. Это было блестящее: подвергнуть помилованных моральному суду, и при этом так отчетливо подчеркнуть могущество короля.

Однако способ, которым предполагалось выбрать четверых для казни, его все же беспокоил. И поскольку он не смог пробиться сквозь защиту Келсона, чтобы установить причины выбора именно такого порядка, он просто физически придинулся поближе к креслу Келсона, и как бы случайно прикрыл лицо рукой, чтобы не сводившие с них глаз пленники не видели его губ.

— Мой принц,— едва слышно заговорил он,— я не сомневаюсь в твоем праве вынести подобный приговор, но не случится ли так, что в паутине твоего правосудия запутаются невинные люди, если ты станешь выбирать тех, кто будет казнен, по жребию?

Келсон опустил глаза, и Морган почувствовал, как по поверхности его твердых, как алмаз, внутренних защит пробежали волны упрямого сопротивления.

— Что, и ты тоже собираешься спорить со мной? — тихо, но резко откликнулся король. — Ты слышал, что я сказал Ты что, собираешься читать мысли всех сорока? Или ты считаешь, что это я должен просмотреть их память, чтобы определить степень вины каждого? Ты действительно хочешь заставить меня вот так, в открытую, применять мои силы,— ради вот этих сорока болванов?

Он гневно вздернул подбородок, указывая на пленников. Морган покачал головой.

— Разумеется, нет, сир,— умиротворяющим тоном произнес он.— Но ты мог бы позволить *мене* выбрать четверых наихудших. Уверяю тебя, это будет куда более точный отбор, нежели отбор по жребию. А что касается открытого использования силы, так они и все равно уже знают, все без исключения, что я — проклятый чародей Дерини. Так что о тебе в этом смысле им раздумывать просто незачем.

Келсон нахмурился, но потом наконец кивнул, хотя и неохотно.

— Ладно, пусть будет так,— проворчал он.— Только ты уж посторопись.

— Благодарю, сир. И уж поверь, мне все это нравится даже меньше, чем тебе. Могу я воспользоваться твоим шатром?

— Делай что хочешь,— бросил Келсон, вставая и глядя на противоположную сторону поляны, где на ветвях дерева, превращенного в виселицу, покачивались на веревках теперь уже два тела. Морган и Эван тоже поднялись.— Я намерен немного прогуляться. Когда я вернусь, я хочу видеть на том дереве еще четырех.

Морган никогда еще не видел Келсона в таком кровожадном настроении, но он лучше всех прочих знал, можно

ли в данный момент нажимать на короля, или нет. И когда Келсон ушел, широко шагая, а Эван отправился в свою палатку, герцог Дерини вздохнул и устало осмотрел все еще коленопреклоненных пленников.

Конечно, они его боялись. Моргану незачем было применять свои особые силы, чтобы увидеть в человеке страх. Они представления не имели, что произошло между герцогом и Келсоном; им ясно было только одно — король предоставил Дерини выбирать из них тех четверых, которые должны умереть. Да уж, Морган представлял, что мог наговорить о нем этим людям Лорис.

И к тому же некоторые из солдат, охранявших пленников, выглядели ничуть не более счастливыми от того, что им придется иметь дело со скрытыми силами Дерини; поэтому Морган выбрал себе в помощь двух разведчиков, которые гораздо легче приспосабливались к тем методам, которые использовали в своей работе Дерини.

— Джемет, Киркон, вам придется немножко мне помочь. Зайдите-ка в шатер, прошу вас.

Двое названных повиновались, удивившись тому, что герцог призвал их, но не испугавшись; а Морган, засунув большие пальцы за поясной ремень, обернулся, чтобы еще раз осмотреть пленных. Он собирался до начала исследования сказать им несколько слов, чтобы в немалой степени пригасить их страхи и направить мысли пленников в более положительном направлении.

— Итак, вы все отлично знаете, кто я,— сказал он, и голос его звучал строго, но в нем не слышалось никакой угрозы.— Я намерен поговорить наедине с каждым из вас. Пока вы ждете своей очереди, я предлагаю вам как следует подумать о том, кто именно из вас, какие четверо, наиболее заслуживают смерти за свои дела,— и я намерен спросить вас об этом, и можете не сомневаться — я узнаю, кто из вас лжет. Это самый честный из известных мне способов осуществить правосудие — хотя я уверен, что его величество абсолютно прав в том, что куда больше, чем четверо из вас, заслуживают того, чтобы их повесили. Ну, пожалуй, вот ты пойдешь первым,— закончил он, указывая на крупного, дородного седеющего человека из второго ряда, который даже с такого расстояния выглядел правдивым и простым мужиком, и поманил его пальцем.— Стражи, поставьте его на ноги.

Офицер, избранный Морганом, побелел, как полотно, когда двое копьеносцев Халдейна подошли к нему; он дрожал от страха и даже не пытался сопротивляться, когда копьеносцы подхватили его под руки.

— Боже милостивый! — задыхаясь, прошептал он.— Только не я! Я уж точно не хуже всех... прошу вас, милорд...

— Отлично. Идем, расскажешь мне, кто творил зло больше других. Стража, я думаю, он и сам дойдет до шатра. А когда он выйдет, следующий должен быть уже наготове.

Морган даже не потрудился оглянуться, чтобы проверить, идет ли следом за ним несчастный; он знал, что выбрал человека правильно. Хотя он не задействовал ни крохи своей силы, чтобы заставить офицера повиноваться, он слышал позади его тихие шаги,— босые ноги неуверенно ступали по песку, офицер весьма неохотно тащился к шатру. Морган не думал, что вообще кто-либо из толпы пленников вздумает теперь сопротивляться.

— Киркон, ты умеешь писать? — спросил он разведчика Р'Кассана, когда они вошли в шатер и оба ожидающих его воина вопросительно посмотрели на него.

— Да, милорд, но только на своем родном языке.

— Ну, этого будет достаточно, я думаю,— тебе придется записывать только имена,— сказал Морган, ставя посередине шатра табурет и жестом приказывая пленнику сесть на него.— Все, что нужно для письма,— вон в том ящике, у тебя за спиной. Джемет!

— Да, сир?

— Я попрошу тебя просто встать позади пленного и последить, чтобы он не свалился с табуретки. Ну, а теперь ты, солдат,— продолжил он, привлекая к себе внимание офицера, который как раз пытался оглянуться и посмотреть на разведчика, вставшего у него за спиной.— Пожалуй, ты можешь начать с того, что назовешь мне свое имя.

— Рандольф, милорд,— с трудом выдавил из себя офицер, вздрогнув, когда крепкие руки Джемета тяжело легли на его плечи.— Рандольф Файрхэвен.

— Рандольф Файрхэвен,— медленно повторил Морган.

Взяв еще один табурет и поставив его почти вплотную к пленному, Морган тоже сел, к вящему ужасу Рандольфа.

— Очень хорошо, Рандольф Файрхэвен. А теперь расскажи мне подробно о своих товарищах, офицерах.

Глава четырнадцатая

Скрыто разложены по земле силки для него и западни на дороге¹

15 главном зале Ремута другой преданный Халдейну человек также трудился на благо своего короля — Нигель, продолжавший изображать из себя ничего не подозревающую возможную жертву. После того, как прошли почти три часа процедуры приема делегаций, он уже начал думать, а не ошиблись ли оба источника Дерини относительно заговора Торента, в самом ли деле его собираются убить,— потому что те две делегации из Торента, которые уже были представлены двору, просто подали свои грамоты и петиции и отправились восвояси, даже не попытавшись что-либо предпринять.

Сейчас представляло свои верительные грамоты посольство Бремагны, и посол передавал камергеру, казалось, совершенно бесконечное количество документов,— и каждый из них выглядел весьма солидным, и на каждом в нижней части листа красовались яркие разноцветные восковые печати. Следующей должна была представиться группа монахов, а затем — делегация из Фатана, расположенного на границе Торента и владений Корвина. Возможно, именно в этой компании затаились те, кто намеревался напасть на регента.

В зале было жарко и душно. Нигель расслабил шнурки у горла своей туники и утвердительно кивнул придворному, передавшему последний из свитков посла Бремагны писцам, расположившимся сбоку, вдоль стены зала. Конал все больше беспокоился из-за затянувшегося ожидания. Маленький Лайем зевал, утонув в своем кресле. Сэйр дважды появлялся в зале, якобы для

¹Иов 18:10

того, чтобы передать записку Нигелю, но на деле просто удостоиваясь лишний раз, что все находятся в полной готовности.

Нигель как раз размышлял о том, что вот такой момент, пожалуй, был бы идеальным для нападающих,— все присутствующие просто одурели от жары и скуки,— когда и в самом деле все началось, без какой-либо преамбулы,— и действовать начали все не подозрительные купцы из Фатана, а монахи, шедшие через зал, чтобы подать свою петицию.

Первый из них уже подошел к самому возвышению, на котором стояли кресла регента и короля, когда монахи бросились в атаку. «Настоятель» и его «капеллан» успели преодолеть половину ступеней, прежде чем даже сам Нигель, ожидавший нападения, осознал, что оно уже началось. Когда из-под коричневых сутан вместо бумаг появилось оружие и целое море фигур в монашеских одеждах хлынуло вперед, и двое первых уже потянулись к Лайему,— законопослушные купцы завизжали и заметались, как стая мышей, стремясь поскорее убраться из зала.

Конал осознал начало событий одновременно с Нигелем, и тут же закричал, призывая Сэйра, одновременно отбросив назад, в более безопасное место, юного Пэйна, и его меч вырвался из ножен как раз вовремя для того, чтобы отбить выпад вражеского оружия, направленного на его отца. В ту же секунду Нигель одним прыжком вылетел из своего кресла и выдернул из соседнего сооружения разинувшего рот в зевке и ошеломленного Лайема,— а в следующее мгновение оба они уже упали на пол позади возвышения, и Нигель крепко сжал одной рукой шею мальчика, стремительно погружая его в бессознательное состояние,— на тот случай, если вдруг Лайем захотел бы использовать свои силы Дерини для помощи предполагаемым спасателям.

* * *

Однако силы Дерини вряд ли могли помочь в той битве, которая началась одновременно с событиями в Ремуте,— битве между Дунканом Маклейном и меарскими отрядами, напавшими на него в долине Дорна. Магия Дерини не могла разбить тот клин тяжелой кавалерии, который Сикард Меарский отвел от основной части армии Кассана, чтобы отрезать слишком далеко оторвавшийся от своих главных сил ударный отряд Дунканна.

Не похоже было и на то, что у командиров Дункана так уж много шансов на прорыв сквозь меарскую конницу для спасения своего главы. Пожалуй, генералы Буркхард и Джодрел сейчас яростно скрежетали зубами и предпринимали самые отчаянные попытки, о которых Дункан и думать не хотел,—

однако армия Сикарда оказалась куда больше, чем они вообще могли себе представить. Можно было не сомневаться, что Келсон на юге встретился лишь с чисто символическим сопротивлением. А здесь... армии уже выглядели равными по силам, однако с запада подтягивались все новые и новые войска Меары.

Положение самого Дункана вряд ли можно было назвать многообещающим,— он оказался зажатым между Сикардом и Горони со всего лишь несколькими сотнями человек, и отчаянно пытался прорваться вперед, обогнать меарскую кавалерию и тем самым хотя бы отчасти сорвать планы Меары. Ничего лучшего он не мог сделать, и у него была хотя бы надежда выстоять против одного лишь Горони,— но нечего было и думать о том, чтобы уцелеть при схватке с огромными свежими отрядами, ныне мчащимися с северо-востока на помощь Сикарду,— к наемникам Коннита готовились присоединиться рыцари епископа, лавиной катившиеся вниз по склонам, все на огромных серых боевых конях. А вел их человек, на белом плаще которого сверкал синий крест; и на его гордой седой голове вместо шлема была митра.

— Боже милостивый, да это же Лорис! — пробормотал потрясенный Дугал, когда он и его отец выехали на небольшое возвышение, чтобы поспешно оглядеться по сторонам в поисках возможного пути дальнейшего отступления.

— Да, он. И, похоже, он привел свой собственный маленький эскадрон смерти,— заметил Дункан.— Как я мог проявить такую глупость, как мог позволить заманить нас в такое? Боже, да он наверняка страстно желает добраться до меня!

— Ну, думаю, он ничуть не меньше хотел бы наложить свою лапу и на меня,— сказал Дугал, явно напуганный сверх меры, поскольку ему не приходилось до сих пор видеть такого количества вооруженных людей одновременно.— И что мы теперь будем делать?

— А что, собственно, мы можем сделать? Попытаемся удрать, я полагаю, не будем терять надежды и приложим к этому все свои силы,— хотя я совершенно не представляю, как бы мы могли прорваться сквозь это,— он взмахнул рукой, указывая на главную часть сил Меары, уже вступившую в яростную схватку с его собственной армией, а потом перенес свое внимание на нечто вроде разрыва между отрядом Горони и левым флангом меарцев, достаточно далеко от Лориса.— Давай-ка попытаемся рвануть вон туда. Они, конечно, все равно могут нас поймать, но мы им не сдадимся без чертовски хорошей драки!

Однако и их противник, явно тоже был готов к такой драке, и высыпал вперед отряд за отрядом, стремясь добить-

ся того, чтобы Дункан и его небольшая команда не смогли ускользнуть через какую-нибудь случайную щель. Снова и снова их отчаянные попытки прорваться на свободу оканчивались неудачей, пока наконец им не осталось только одно — встретиться с противником лицом к лицу и сражаться. Герцогские гвардейцы окружили Дункана и дрались отчаянно; Дугал и с ним новобранцы Макардри не жалели сил, держа оборону за спиной герцога, и какое-то время им удавалось удерживать неизмеримо превосходящего их численно врага,— но постепенно становилось ясно, что даже храбрости пограничников недостаточно, чтобы спасти их всех. Когда очередная группа свежих сил Меары врезалась прямо в середину герцогского отряда, отрезав Дункана от Дугала и его пограничников Макардри,— Дункан начал понимать, что поражение неизбежно.

Его личные гвардейцы все еще были вокруг него, и он знал, что эти люди готовы защищать его до последнего дыхания,— но все это было уже лишь вопросом времени. Рыцари Лориса пробивались все ближе и ближе. И они устремлялись именно к нему. Дункан, мельком пытаясь прикинуть, как бы ему подороже продать свою жизнь, и механически нанося удар за ударом по нападавшим на него врагам, краем глаза случайно заметил на соседней вершине Лориса,— епископ неподвижно сидел на снежно-белом коне, и его епископское знамя развевалось над его головой, призываю к мести схватки все новых и новых солдат.

В ходе битвы Дугал и его преданные оруженосцы Макардри все отдалялись и отдалялись от Дункана. Маленькая группа пограничников теперь уже держала собственную оборону, в стороне от наседавших на Дункана рыцарей, и Дункан представления не имел, как долго все это может тянуться. И, словно всего этого ему было мало, он увидел новых всадников, возникших возле Лориса: на легких конях, в легких латах, но державших в руках небольшие, изящно изогнутые и смертельно опасные предметы...

Лучники!

* * *

— Лучники, прицелиться! — закричал Конал, уворачиваясь от удара первого из нападающих и лягая второго в пах, и тут же ныряя вбок, чтобы ускользнуть от прямого выпада и парировать следующую атаку кривого сарацинского меча, который находился в руке третьего бандита.

Мгновенное появление на галерее тридцати лучников, прицелившихся в каждого из чужаков, находившихся в большом зале, произвело желаемый эффект, по крайней мере на

несколько секунд. Люди Саэра стремительно выбегали из двери позади возвышения с тронами, и только они да люди Конала, уже скрутившие первого из нападавших, не обращали внимания на то, что происходит на галерее, хотя борьба пока что не ослабевала. Зато бедные купцы, ни за что ни про что очутившиеся прямо в центре битвы, ударились в еще большую панику, поняв, чем грозит им появление лучников,— и еще более настойчиво и усердно стали пробираться к выходу, изо всех сил стремясь поскорее очутиться снаружи.

— Взять вон того! — проревел Нигель, увидев, что один из нападавших на него тайком содрал с себя монашескую рясу и пристроился в хвост группы законопослушных купцов, удиравших из зала, рассчитывая в общей суматохе сойти за одного из них.

Но даже если среди отряда убийц и были Дерини, как того опасался Нигель, они не решились выдать себя и не стали нападать или защищаться при помощи своих особых сил. Возможно, увидев, что намеченная ими жертва оказалась не так уж не готова к атаке, как они рассчитывали, они решили придержать свою энергию в запасе, на тот случай, если придется использовать ее при отступлении,— поскольку первая атака уже явно провалилась.

— Всем бросить оружие и стоять на месте! — во все горло закричал Нигель, прижимая к груди Лайема.— Лучники, я считаю до трех! Если на счет «три» вы увидите кого-то с оружием в руках и не замершего, и если вы не знаете *точно*, что это наш человек,— стреляйте! Один... два...

Мечи и кинжалы загрохотали по полу задолго до того, как Нигель выкрикнул «три», но далеко не все нападавшие оказались готовы признать поражение. И тогда прорвался дождь стрел, и несколько секунд в зале только и было слышно, как звенил спускаемая тетива одного, другого, третьего лука... и как глухо ударяются в плоть наконечники стрел, да еще затихающий шум борьбы, перемежаемый криками боли,— лучники методически отстреливали тех, кто не желал сдаваться. Пятеро из отряда «монахов» свалились на пол, обливаясь кровью. Еще двоих врачей лучники не могли достать своими стрелами, так как на них насыли целые толпы защитников замка,— но этих уже прижали к полу и связали. Заодно был ранен (но не слишком серьезно) один ни в чем не повинный свидетель схватки, который в панике не придумал ничего лучшего, как броситься бежать в тот момент, когда лучники открыли стрельбу.

Очнувшийся Лайем вопил во все горло, истерически плакал, рыдал и икал, пока Риченда, по сигналу Нигеля, не 533

подошла и не взяла его на руки, развеивая его страх,— и наконец уговорила его выпить легкое успокоительное лекарство, приготовленное ею заранее как раз на такой случай. Росана взяла на себя задачу уложить мальчика в постель и оставаться с ним, пока он не успокоится окончательно и не уснет.

Вскоре Конал и Сэйр уже взяли под охрану всех, кого не знали в лицо они сами или Нигель; таких оказалось семнадцать человек, по первому подсчету Конала. Из них девять определенно были замешаны в попытку убийства регента, и пять из этих девятых были ранены. Из оставшихся восьми Сэйр указал еще двоих, не бросивших оружие во время схватки; и относительно шести остальных пока никто не мог сказать, то ли они виновны, то ли невинны, и с ними предстояло разобраться более тонкими средствами.

Когда люди Нигеля разоружили и связали пленников, и выставили из зала всех, кто там не был нужен в данный момент, и когда поспешили явиться врачи, чтобы обработать и перевязать все имевшиеся в наличии раны,— епископ Арилан тоже проскользнул в зал, не узнанный посторонними, поскольку он был одет в простую черную сутану, как рядовой священник. Чтобы предупредить любой фокус, который могли бы выкинуть какие-либо неопознанные Дерини, окажись они в числе пленных, Арилан принес кувшинчик мази, подобной той, которую он использовал в ритуале с Нигелем не так уж много дней назад,— хотя не он сам, а простой человек Сэйр Трэгернский, которому Арилан наскоро объяснил, что нужно делать, подошел к пленным и нанес по капле мази на основание горла каждого из них.

— Она содержит в себе *мерашу*,— пояснил епископ Дерини Нигелю, в то время как Риченда шла следом за Сэйром, чтобы видеть реакцию каждого из получивших свою порцию мази.— Не слишком большую дозу, но достаточную, чтобы нарушить функционирование сил Дерини, и настолько, что даже тренированный маг не сможет по-настоящему сопротивляться прочтению его мыслей. А для обычных людей это просто что-то вроде сnotворного.

— Это *мне* следовало позаботиться об этом,— проворчал Нигель, понимающе кивая.— Ну, а что будет дальше? Полагаю, мы всех их допросим?

— Не слишком приятная перспектива, но это, конечно же, придется сделать,— согласился Арилан.— Но вам незачем принимать в этом участие, если вы сами не хотите. Риченда предложила объединить усилия, на тот случай, если на чай-то ум наложен запрет говорить с Дерини, чтобы... э-э... не могли быть использованы особые методы Дерини. Тут-то я и приду на по-

мощь. Они не знают, кто я. С невиновными, конечно, мы разберемся быстро, их нетрудно будет отделить. Да и выявить преступных обычных людей несложно. Вы предпочтете просто наблюдать?

— Нет, это как раз то самое, что не раз делал при мне Келсон,— негромко произнес Нигель, и по его голосу было ясно, что принц слегка нервничает.— Мне необходимо получить как можно больше сведений прямо из первых рук, если, конечно, я сумею справиться с этим должным образом. Нет смысла нести на себе ту ответственность, какую на меня возложили, если не попользоваться иной раз и выгодами своего положения, не так ли? А вам не кажется, что и Джекана может изъявить желание присутствовать?

Но как раз в то мгновение, когда он бросил мимолетный взгляд на дверь, из-за которой в течение последних нескольких минут осторожно присматривалась к событиям Джекана, королева исчезла из поля зрения. Риченда, как раз вместе с Сэйром вернувшаяся от пленников, слышала его последние слова и едва заметно улыбнулась.

— Стыдись, Нигель! Ты же знаешь, она еще не готова к этому. Однако дело может оказаться довольно интересным. Некоторые из наших пленников проявляют отчетливые признаки дезориентации.

— Это как раз то, чего нам не хватало тут, в Ремуте,— фыркнув, сказал Нигель.— Еще несколько штук Дерини. А, Конал, вот что... я попрошу тебя поставить охрану на всех дверях зала. Чтобы никто не вошел и не вышел без моего ведома.

— Да, сир.

— И еще, Сэйр... пленников нужно будет подводить к нам по одному.

— Слушаюсь.

Когда его сын и Сэйр отправились выполнять полученные приказания, Нигель добавил:

— Мне бы очень хотелось, чтобы Келсон был сейчас здесь. И Морган, и Дункан.

* * *

А Дункан в этот момент был бы рад очутиться где угодно, только не там, где он находился на самом деле. Вокруг него бушевало сражение, и его воины падали один за другим, сраженные мечами меарцев, и одетый в белые латы эскадрон смерти Лориса неумолимо пробивался все ближе и ближе к Дункану, и вся чудовищность его ошибки становилась все более и 535

более очевидной. При небольшой удаче его армия Кассана могла избежать немедленной стычки и сразиться более успешно в другой день, но он сам этого уже не мог. И его смерть даже не принесет никакой пользы королю. Армия Сикарда оказалась намного, намного больше, чем они могли осмелиться вообразить,— и Келсон может так и не узнать об этом, пока не будет уже слишком поздно.

Боевой топор со свистом понесся к его голове, и он сумел отбить его мечом,— однако удар был настолько силен, что его рука на мгновение онемела, а он сам покачнулся в седле, давно уже скользком от крови его раненой лошади, медленно умиравшей под ним. Один из его солдат прикончил человека с топором, пока Дункан приходил в себя,— но его лошадь прийти в себя уже не могла. Солдат Маклайна держался рядом, чтобы Дункан мог перебраться на его коня и сесть позади него, но ситуация становилась все хуже с каждой минутой. Он почувствовал тревогу Дугала, она прорвалась к нему сквозь море чувств сражающихся, и на мгновение ударился в панику, не видя нигде Дункана верхом на его таком заметном сером коне,— но все равно Дункан ничего не мог сделать для сына... и в это время Дугал взмахнул мечом, стараясь, чтобы отец увидел, что он еще жив.

Но хотя для самого Дункана было слишком поздно пытаться что-либо предпринять, все же, возможно, у Дугала еще оставался шанс, и его следовало использовать. Если бы Дугалу каким-то образом удалось уйти из схватки, может быть, он смог бы предупредить Келсона. Конечно, тут приходилось отчаянно рисковать, и безусловно Дункан только ухудшил свое положение, если отвлечется от непосредственного момента битвы... но по крайней мере Дугалу, пожалуй, не придется понапрасну терять свою жизнь.

Дункан никогда не использовал свою особую силу для убийства, и он не собирался делать этого сейчас, однако у него не было сомнений в том, что он вправе использовать ее для необходимого ему отвлекающего маневра,— ведь Дугал не станет виноваться ему, если не поймет в точности, что именно задумал Дункан.

Человек, сидевший перед Дунканом, принял на себя смертельный удар, предназначенный для герцога, и, падая с коня, увлек Дункана за собой,— но Дункан совершенно не думал о нем, когда вскочил на ноги, по-прежнему держа в руке меч, и полностью собрал все силы, сосредоточившись на одном, на последнем рискованном деле. То, что он задумал, должно бы-

ся из долины Дорна, так что это едва ли имело значение,— лишь бы Дугал сумел уйти и предупредить Келсона.

Он вскрикнул, когда чья-то лошадь сильно толкнула его плечом, едва не сбив с ног,— но это оказался один из его собственных воинов. Схватившись за стремя, он поставил коня так, чтобы тот прикрыл его, как щит,— а всадник в то же мгновение взмахнул мечом, защищая Дункана от очередного атакующего. Дугал, глубоко вздохнув, сосредоточился и бросил в пространство свой призыв.

«*Дугал, немедленно уходи, беги, скачи к Келсону!* — слал он приказ через оглушающий грохот битвы, безжалостно впечатывая слова в сознание своего сына. — *Сделай что угодно, только уходи! Ты не можешь спасти меня.*»

В то же самое время он пустил в ход еще одну магическую силу, создав видение стены огня, бушующего прямо среди сражающихся людей, между ним и Дугалом,— и якобы движущегося к ошеломленному и ужаснувшемуся Лорису и его эскадрону смерти, но также и отрезавшего дорогу Дугалу, чтобы тот и не пытался пробиться к отцу... а люди Лориса не смогли бы помешать бегству Дугала.

Он не мог удерживать это видение долго, но надеялся, что будет достаточно и нескольких минут. Видение растяяло, когда ближайшие к Дункану рыцари справились со страхом и вернули себе присутствие духа, бросившись в атаку с удвоенной яростью, а Лорис с пеной у рта начал выкрикивать проклятия.

— Это всего лишь один из фокусов Дерини! — услышал Дункан рев Горони. — Хватайте его! Он не сможет удерживать это, если вы его прижмете!

И они его прижали. Он не мог видеть, повиновался его приказу Дугал или нет, но, закончив передачу, он снова мог вернуться к физическому сражению, и вложил в него все силы, сколько ни было их у него, и его меч носился в воздухе, как бешеный, раня и убивая всех, кого только мог достать. Конечно, они могли его достать, но он намеревался заставить их заплатить за это как можно дороже. А возможно, они вообще не собирались убивать его. Скорее всего Горони и Лорис хотели бы заполучить его живым,— впрочем, и он не намеревался сознательно искать смерти.

Но они вроде бы и не стремились убивать его. Теперь они наседали на Дункана со всех сторон. Он уже потерял того всадника, который прикрывал его, однако на место этого воина тут же встали двое пехотинцев Маклейна, и они втроем пытались сражаться как боевая единица. Несколько раз, когда кто-то из атакующих оказывался достаточно близко, чтобы убить 537

Дункана, Дункан убивал *его*, не раздумывая ни секунды... и они стали держаться подальше от его смертельных ударов, хотя и убили одного из его пехотинцев. Да, можно было не сомневаться в том, что у них был приказ взять его живым; Дункан читал это в их глазах.

И наконец кто-то из них сумел нанести ему оглушительный удар сзади по шлему, и тут же чей-то щит с огромной силой двинул его по спине... Дункан пошатнулся, и его мгновенно сбили с ног, и навалились на него целой толпой, и принялись колотить по шлему, так что в ушах у него отчаянно зазвенело. Ремень, который удерживал шлем на его голове, лопнул, и как только шлем свалился, рукоятка чьего-то меча ударила его над ухом.

В глазах у него начало медленно темнеть, и он почувствовал, как из его онемевших пальцев вырываются оружие, и снова кто-то ударил его сзади, по затылку, очень точно рассчитав удар. Ему показалось, что его глаза сейчас лопнут от боли, и что каждый нерв в его теле натянулся до предела, обжигая его невыносимым страданием,— а потом на него навалилась непроглядная тьма. А потом уже ничего не было.

* * *

Дугал как раз стремился максимально использовать ту возможность, которую Дункан предоставил ему, заплатив за нее так дорого, когда вдруг почувствовал, как последнее звено внутренней цепи, соединявшей его с отцом, лопнуло. Дугал рванулся вперед, повинуясь силе приказа, посланного ему Дунканом,— и потому, что приказ сам по себе был таков, что не выполнить его было невозможно, и потому, что необходимо было действовать... тут не могло быть и речи о неповиновении. Ближайшие к нему меарцы дрогнули, на мгновение ударившись в панику при виде внезапно вспыхнувшего прямо среди них пламени, и Дугал дал шпоры своему коню, бросив его в брешь, образовавшуюся благодаря испугу врага и его временной неспособности действовать решительно; полдюжины человек из его клана устремились следом за ним. Он не мог сейчас позволить себе думать о том, что означает внезапное молчание его отца, но он в то же время отказывался верить в то, что Дункан мертв.

А еще у него не было времени объяснять, почему он должен поступить именно так,— тем немногим его воинам, которые сумели удержаться рядом с ним, когда он бросился бежать. Когда они бешено сказали прочь от знамени Кассана, Къядр смотрел на Дугала, как на сумасшедшего, а трое остальных на-

верняка принять его за труса, решившего спасти свою собственную шкуру, оставив своих солдат обречеными на смерть или плен.

Дугал мимоходом подумал, что, пожалуй, до самого дня своей смерти (который мог наступить очень скоро, если бы он не сумел сейчас уйти от погони) он, наверное, будет помнить полный отвращения взгляд старого Ламберта, брошенный им на Дугала, когда, на полном скаку, тот содрал с себя шлем, увенчанный графской короной, и отшвырнул его прочь, крикнув остальным, чтобы они не отставали.

И они последовали за ним, старательно прикрывая его с флангов и с тыла,— но их осталось всего четверо, кроме самого Дугала,— четверо, избежавших взмахов страшной косы смерти, несшихся на юго-запад, подальше от кипения битвы. Они последовали за ним, но Дугал знал, что ему понадобится очень много времени на то, чтобы вернуть их уважение,— если это *вообще* было возможно.

Почти час они скакали без передышки, как одержимые, играя с противником в смертельные «пятнашки», не замедляя хода, пока их кони не выдохлись окончательно, и пока Дугал не понял *в точности*, что они наверняка оторвались уже и от последнего из преследовавших их небольших отрядов меарской конницы.

Но когда они спустились в небольшой распадок, чтобы дать лошадям передохнуть, и Дугал отбросил в сторону не только свой щит, но даже и клетчатый плед Макарди, и приказал остальным сделать то же самое,— он увидел, что его маленький отряд готов поднять самый настоящий мятеж.

— *Делайте что сказано!* — рявкнул он, расстегивая свою графскую перевязь и снимая с одежды значки с символами вождя клана.— Мы пока что ушли не слишком далеко. Если нас увидит меарский патруль, и решит, что мы достаточно важные персоны,— все, что мы уже сделали, окажется напрасным. Дальше мы отправимся как простые солдаты.

— Ты оскорбляешь простых солдат, парень,— пробормотал Къядр, хотя и повинуясь приказу; он, как и все остальные, снял свой плед и энергичным жестом забросил его в кусты.— Даже самый простой из солдат не оставит своего командира погибать, если у него есть хоть капля чести!

Эти слова сильно задели Дугала, который и без того уже чувствовал себя ниже пыли под копытами их коней.— но он заставил себя сдержаться и никак не отреагировать на сказанное. Он лишь внимательно осмотрелся по сторонам, выясняя, есть ли у них возможность двинуться дальше.

— Я не могу обсуждать это сейчас, Къярд,— негромко произнес он.— Я постараюсь объяснить все после. Так мы едем или нет?

— Мы, простые солдаты, останемся со своим вождем,— ответил Къярд.— Даже если он того не заслуживает.

— Я сказал — *после!* — резко бросил Дугал, и его глаза опасно блеснули, предостерегая спутников.

Они снова двинулись вслед за ним, и он осторожно вывел их из распадка, направляясь на юг,— но он чувствовал спиной их отвращение к себе, оно давило его буквально физически, давило, колотило, толкало вперед, несмотря на то, что он все сильнее цепенел внутренне от неизвестности, он так и не знал, что произошло с Дунканом... Если бы они уже добрались до более безопасных районов, он, пожалуй, попытался бы объяснить им, в чем дело,— если бы они захотели его слушать. Но ему куда важнее было сейчас разобраться с другим: как именно, каким способом он может бросить свою нетренированную мысль достаточно далеко, чтобы повиноваться своему отцу и предупредить Келсона... ведь пока что король был вне пределов досягаемости для него, и лишь когда наступит ночь, уснувший король станет более восприимчивым к его неумелым попыткам наладить мысленную связь. А он даже не знал, сумеет ли он вообще прожить так долго.

И потому сейчас его первейшим долгом было оставаться на свободе до тех пор, пока не настанет подходящий час для попытки. А пока этот час не пришел, он должен скакать, скакать, все вперед и вперед, сокращая физическое расстояние между собой и королем... и оставляя все больше и больше миль между собой и тем человеком, который, хотя об этом и не знали мчавшиеся следом за ним воины, был не только его командиром, но и его отцом.

* * *

Его отец тем временем находился в положении куда более худшем, чем Дугал мог бы себе вообразить. Дункан не был мертв, но он почти желал умереть. Когда он начал понемногу выбираться из беспамятства, плывя сквозь красный туман боли, заполнивший его голову, то первым, что он сумел осознать, оказались чьи-то руки, шарившие по его телу, обдирающие с него оружие и доспехи... а еще одна пара рук пытаясь разжать его челюсти.

— Заставьте его проглотить, обязательно проглотить,— 540 услышал он знакомый голос прямо над собой, рядом, со-

всем близко, и тут же ощутил на языке горечь вливающейся в его рот жидкости.

Горони! А в напитке была *мераша*!

Мгновенно пробудившийся мощный инстинкт самосохранения в одну секунду вернул Дункану полное сознание. И, несмотря на безумную боль в голове, он яростно дернулся, отворачиваясь и выплевывая то, что уже попало ему в рот, и в то же время выгибаясь дугой в отчаянной попытке высвободить тело.

Но грубые и сильные руки тут же снова прижали его плечи и голову к земле, так, что он уже не мог даже шевельнуться. За краткое мгновение борьбы в попытке вырваться на свободу он успел лишь заметить, что его окружают люди в кольчугах и латах, в белых плащах с синими крестами на них,— люди с неподвижными холодными глазами... и тут же чьи-то руки снова поднесли к его лицу чашу.

— Нет!..

Он сумел снова выплюнуть напиток, забрызгав державших его врагов, но они просто влили в его рот еще одну порцию. Он пытался сжать мышцы горла, чтобы жидкость не проникла внутрь, но кто-то опытной рукой коротко ударил его в солнечное сплетение. Он невольно глотнул воздух, и напиток попал в его дыхательное горло, заставив его закашляться,— и сам того не желая проглотил какую-то часть жидкости. Он мог бы вызывать рвотный позыв, чтобы извергнуть проглощенное,— но рука в кожаной перчатке легла на его рот и нос, зажав их, и он какое-то время не мог даже дышать,— и тут кто-то нажал на его сонную артерию.

Он все еще продолжал бороться, когда в глазах у него начало постепенно темнеть, а руки и ноги свело судорогой. Но что было хуже всего, так это то, как он чувствовал: *мераша* протягивает свои невидимые усики, лишая его способности к самоконтролю.

— Ну, я думаю, еще глоточек не помешает, святой отец,— произнес насмешливым тоном ненавистный голос, и снова чьи-то руки вцепились в его челюсти, разжимая их, и горькая жидкость еще раз наполнила его рот.— Вам придется это проглотить.

Его чувства и ощущения уже исказились и ослабли под воздействием наркотика, его нос был зажат, в рот все лился и лился горький напиток... и он обнаружил, что совершенно не в состоянии сопротивляться. Его тело было убеждено в том, что он вот-вот задохнется. И, к его собственному ужасу, его горло как бы само собой несколько раз конвульсивно сократилось, и ему стало больно от того, что он проглотил. Наркотическое 541

зелье проскользнуло в его желудок, как ледяной змей, рассыпая сигналы гибели во все уголки его нервной системы.

А те, кто стоял вокруг, теперь просто наблюдали за ним,— они переговаривались между собой и смеялись, пока он извивался и корчился на земле, кашляя и задыхаясь... он повернулся на бок и, обхватив голову руками, качал ею, мыча и ничего не соображая. И его ощущения и мысли все расплывались и расплывались, покидая его с каждым ударом сердца,— но в его затуманившейся памяти вдруг всплыла другая сцена, в которой участвовали Горони и *мераша*.

...Горони — посреди пылающей подвалной комнаты в монастыре святого Торина. А перед ним — столб, приготовленный для того, чтобы привязать к нему и сжечь еретика Дерини, оказавшегося настолько беспомощным, чтобы попасть в ловушку.

Только в тот раз беспомощным пленником Горони был Аларик, а Дункан тогда сумел прорваться сквозь пламя и спасти его. Но сейчас, даже будучи одурманенным наркотиком, Дункан понимал, что ролям не суждено перемениться, и Аларик не спасет *его*. Если Дугал не сумеет каким-то образом совершить чудо, Аларик может даже и не узнать о том, в какое невероятное положение попал Дункан,— до тех пор, пока Дункан не умрет.

Грубые руки перевернули его на спину, ловко содрав с него бриджи, а кто-то сильно потянул его за палец, снимая епископское кольцо. Он не в силах был остановить их; он даже не мог просто повернуть голову, не вызвав этим приступа одуряющей тошноты и слабости. Они не стали ни связывать его руки, ни даже просто удерживать их, когда новая фигура, в белой одежде, появилась в поле его зрения, встала у его ног и пристально уставилась на него. Жиденькие седые волосы стояли над головой этого человека, словно нимб, на его груди красовался синий крест, а его голубые глаза светились торжеством. Он улыбнулся, когда Горони подал ему епископское кольцо, и несколько секунд вертел его в пальцах, прежде чем надеть на свою руку, рядом с таким же перстнем.

— Итак, мой неуловимый священник Дерини,— тихо заговорил Эдмунд Лорис,— я уверен, что для нас настало наконец время поговорить о многом. Ты и твои сотоварищи Дерини причинили мне довольно хлопот и неприятностей. И я намерен отплатить вам тем же.

* * *

— Мне не слишком нравится то, что мне пришлось деться сегодня,— сказал один из таких сотоварищей Дерини.

Морган стоял у входа в шатер, в котором обосновались они с Келсоном, и в котором он совсем недавно закончил допрос последнего из сорока меарских офицеров. Он смотрел наружу. На другой стороне поляны плоды его трудов еще дергались, повешенные на ветвях дерева,— рядом с давно уже бездвижными телами Итела и Брайса.

Келсон, с унылым видом сидевший за столом за спиной у Моргана, отодвинул тарелку с более чем скромным походным обедом и фыркнул, скривившись от отвращения.

— Думаешь, *мне* это нравится?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? — повторил пораженный Келсон.

Морган через плечо оглянулся на короля, потом снова с хладнокровным видом уставился на дерево-виселицу на другой стороне поляны,— рядом с деревом уже стоял похоронный наряд, ожидающий, когда можно будет снять четырех казненных офицеров. Никто лучше Моргана не знал, что эти четверо действительно заслужили то, что получили,— своими издевательствами над горожанами и крестьянами Меары... но все равно Морган был возмущен тем, что Келсон заставил именно *его* вынести окончательный приговор.

Келсон уловил отзвук этого негодования, резко встал, пересек шатер и гневным жестом опустил полотнище входа, закрыв неприятное зрелище.

— Думаешь, это поможет? — спросил Морган.

Келсон на глазах сник; он крепко стиснул в руке край полотна и опустил голову.

— Мне бы следовало позволить Ителу и Брайсу поговорить со священником, ведь так? — прошептал он.

— Это был бы вполне благородный жест,— ответил Морган.

Келсон горестно вздохнул, покачав головой, и Морган увидел, что на глазах короля выступили слезы, которые он даже не стал вытираять.

— Генри Истелину не было оказано подобной милости,— сказал Келсон, не глядя на Моргана.— А ты... как ты думаешь, он отправится прямо в ад из-за того, что умер без отпущения грехов?

— А как *ты* думаешь? Неужели ты считаешь, что всемилостивый Господь проклянет своего верного слугу просто потому, что ему не позволили выполнить формальный, чисто внешний обряд, якобы необходимый для спасения души? — ответил вопросом Морган.

Так как Келсон в ответ отрицательно качнул головой, Морган продолжил:

— Ну, и по той же самой причине я полагаю, мы вполне можем предположить, что если Ител и Брайс искренне раскаялись во всех тех преступлениях, за которые их подвергли казни, Господь вряд ли проклянет их и откажется от них.— Морган умолк на мгновение-другое, чтобы перевести дыхание.— Однако на будущее... и на тот случай, если я все-таки ошибаюсь, я мог бы предположить, что милосердие так же к лицу королю, как и нашему Господу... и что милосердие ничуть не мешает отправлению правосудия. Тем более, что тебе это ничего не будет стоить,— если ты дашь им немножко времени, чтобы подготовиться к смерти... хотя, конечно, мне понятно, почему ты отказал им, я имею в виду Итела и Брайса.

— Ты бы поступил иначе? — спросил Келсон.

— Я не знаю,— честно ответил Морган.— Ну, а поскольку решал не я, то мы и никогда этого не узнаем.

— А как насчет остальных четверых? — спросил Келсон, стиснув руки за спиной и неловко становясь вполоборота между Морганом и занавешенным входом.— Мне нужно было позволить им этот последний ритуал. *Тебе* следовало позволить.

— Да. И на самом-то деле я и *позволил*, поскольку решение было оставлено на *меня*,— я использовал все разрешение, не деля его на части,— хотя и не участвовал в том, что было разрешено.

— Что-что?

Келсон выглядел пораженным.

— Ты приказал мне выбрать четверых наиболее виновных и казнить их, мой принц,— тихо сказал Морган.— Я так и сделал. Но раз уж ты вручил мне власть над их смертью, ты тем самым дал мне власть определить и обстоятельства их смерти, и не наложил при этом никаких ограничений. Поэтому я позволил им пять минут поговорить с отцом Логлином. И *после этого* повесил их.

— Это *мне* следовало отдать такой приказ,— сказал Келсон, кусая губы.— Ты не обязан был рассказывать мне об этом.

— Думаешь, мне лучше было промолчать, мой принц?

Келсон тяжело вздохнул и снова повесил голову.

— Ты прав, упрекая меня,— прошептал он.— Я позволил чувству мстительности подавить чувство чести. Я был слишком возбужден из-за того, что поймал Итела, и... ох, боже, как бы мне хотелось, чтобы отец Дункан был сейчас здесь!

— Разве Дункан — твой ум и твоя совесть? — спросил Морган.

— Нет, конечно же, нет, но он помогает мне прислушаться и к моему уму, и к моей совести,— ответил Келсон.— Я *должен*

544 был проявить больше милосердия! Я поступил с Ителем и

Брайсом точно так же, как они поступили с Истелином, и тем самым опустился до их уровня!

— Это вполне понятная и допустимая ошибка в твоем возрасте, мой принц,— мягко сказал Морган.

— Короли не могут позволить себе роскошь оправдываться подобным образом!

— Но молодые люди могут,— заметил Морган.— По крайней мере до тех пор, пока сами не научатся кое-чему на собственных ошибках. Нет тех, кто не ошибался бы в молодости... это неважно, лишь бы он не повторял своих ошибок в зрелом возрасте.

— Мои солдаты будут ненавидеть меня,— с горечью в голосе сказал Келсон, падая в свое походное кресло.

— Нет, солдаты тебя понимают,— возразил Морган.— Это была очень тяжелая ситуация. А Генри Истелина высоко ценили и уважали во всем Гвиннеде. Он уж точно не заслужил такой смерти, какой его подвергли меарцы. Более того, все твои офицеры отлично знают, что именно мы обнаружили в монастыре святой Бригитты и в других местах, и что все те жестокости совершились самими Брайсом и Ителом и с их позволения. Нет, они совсем не винят тебя за то, что ты действовал по велению сердца. У всех них есть жены, или сестры, или матери, Келсон. Ты не найдешь в своих воинах сочувствия ни Итэлу, ни Брайсу.

— Но я собирался поступить точно так же и с четырьмя меарскими офицерами,— сказал Келсон, делая наконец не до конца искреннюю попытку прекратить укорять себя.

— Может, и собирался. Но не поступил.

— Нет. Я заставил тебя выполнять мои обязанности. Я даже этого не сделал сам.

Морган вздохнул. Наконец-то они добрались в разговоре до той точки, к которой стремился сам Морган, надеясь что Келсон все поймет и извлечет урок из происшедшего.

— Это верно, мой принц,— сказал он негромко, кладя руку на плечо Келсона и легонько массируя тугой узел мышц, скавшихся под его пальцами.— Но я принял на себя эту ношу, зная, что ты сможешь кое-чему научиться благодаря моему труду. В следующий раз ты справишься лучше. А пока... пока что ничего страшного не случилось. Поверь мне.

— Наверное, ты и в самом деле прав,— вынужден был признать Келсон.

На него вдруг навалилась бесконечная усталость, и он с благодарностью позволил Моргану перейти от простого физического массажа к более глубокому эзотерическому воздействию, и вскоре погрузился в сладкое забытье мирного сна, навеянного на него Морганом.

Глава пятнадцатая

**Знаю я ваши мысли и ухищрения, какие
вы против меня сплетаете¹**

И тому времени, когда Дугал и его угрюмый эскорт добрались до большой рощи, в которой можно было укрыться, уже почти окончательно стемнело, и Дугал буквально качался в седле, и из-за физической усталости, и из-за куда более изматывающего эмоционального страдания, которое он испытывал с того момента, как покинул поле сражения в долине Дорна.

Лишь Кьярд и еще трое оставались с ним, несмотря ни на что. Но их неодобрение окружало его как некое плотное покрывало, жесткое и давящее,— но едва ли Дугал мог укорять их за это. Они ведь не знали, что Дункан приспал приказ оставить его и скакать за помощью к Келсону; они просто видели, что их молодой лорд дезертировал, бросив своего командира посреди битвы, и приказал им сделать то же самое. Не могли они знать и того, какой ценой далось Дугалу послушание, или насколько возрастила эта цена каждый раз, когда Дугал пытался мысленно прорваться к Дункану, но в ответ так ничего и не услышал...

Изо всех сил стараясь справиться с отчаянием, которое порождала в нем его личная тяжелая утрата, Дугал соскользнул на землю и ослабил подпругу своего коня; нагнувшись, он из-под лошадиного брюха посмотрел на Кьярда, в то время как его опытные руки кавалериста машинально скользнули вниз по влажным от пота ногам коня в поисках ран или каких-то повреждений. То, что в течение последний четырех часов его верный слуга и помощник молчал, ранило Дугала почти так же сильно, как молчание отца. Кьярд и трое остальных отвели своих лошадей на другую сторону поляны, и там принялись расседлы-

¹Иов 21:27

вать; в лесной тьме они казались не людьми, а лишь смутными тенями, но Дугалу и не нужно было видеть их чтобы прочесть в их умах презрение к нему. И ему никогда не случалось ощущать, чтобы Къярд до такой степени гневался на него.

Слегка содрогнувшись, он отключил свое восприятие Дерини, не в состоянии больше выносить психологическую изоляцию, психологическое отъединение от него сопровождавших его людей. Сняв седло с потной спины своего жеребца, он слегка покачнулся от усталости, опуская седло на землю; потом он начал обтирать животное пучками травы, счищая пот и грязь с некогда шелковистой шкуры, и позволив себе, хотя бы на несколько минут, совсем другие психологические переживания, далекие от тех, что заставляли болеть все его тело. Наслаждение жеребца простой процедурой и нежная привязанность животного, выражавшаяся в том, что конь старался прижаться вспотевшей головой к рукам Дугала, отскребавшим с него грязь, пролились в сознание Дугала как некий утешающий бальзам, помогая ему отвлечься от неприязни людей, занимавшихся тем же, чем и он, только на другой стороне поляны.

Он представления не имел, чем он займется, когда закончит обиживать коня. Он знал, что должен попытаться установить связь с Келсоном, как приказал ему отец, но он не должен был позволять себе слишком много думать о человеке, отдавшем этот приказ. Ведь если уж он не сумел дотянуться мысленно до Дункана, который физически находился гораздо ближе к нему, по крайней мере сначала, то у него наверняка почти нет шансов пробиться к Келсону. И все же он должен попробовать. Но ему придется делать это в одиночку, да к тому же ощущая присутствие совсем рядом людей, излучающих отвращение и гнев, и эти чувства направлены на него...

Он не спешил закончить работу, и хлопотал возле коня до тех пор, пока все остальные уже не справились со своим делом. Потом, отведя жеребца к небольшому ручейку, чтобы тот мог как следует напиться, Дугал как следует вымыл лицо и руки, и даже окунул голову в воду, чтобы восстановить силы. Ему нужно было собрать воедино все силы своего ума, если он надеялся снова вернуть себе доверие своих людей и заручиться их поддержкой.

Он вытряхнул воду из ушей, как щенок после купания, и повел своего коня обратно, чтобы пустить его пастьсь вместе с другими животными. Он вообще-то по-прежнему чувствовал себя грязным и изможденным, но вода, сбегавшая по его косе и по шее под кольчугу и панцирь, несла с собой благословенную прохладу. Набравшись храбрости, он взвалил свое сед-

ло на плечо и понес, чуть пошатываясь, к крошечному костру, который старый Ламберт развел с подветренной стороны большого валуна.

Все остальные уже собирались там; они сидели, опервшись спинами на седла, и делили скучные остатки еды — Ламберт, Матиас, Джасс... и Къярд. И ни один из них даже не посмотрел на Дугала, когда тот опустил седло на траву и сел среди них,— хотя Ламберт и передал ему тут же чашу эля и кусок черствого походного хлеба. Къярд — тот даже повернулся спиной к Дугалу. Дугал ощущал, как другие стараются *не смотреть* на него, пока он ест и пьет, и пища легла в его желудок свинцовым комом. И огонь ничуть не уменьшал холод, сочавшийся от всех четырех его спутников.

Ни один из них не заговоривал с ним с того момента, как начали спускаться сумерки,— они только коротко отвечали на его приказы. Къярд являл собой глыбу льда, освещенного светом костра; Джасс Макарди, всегда такой энергичный и полный энтузиазма, совсем молодой, как и Дугал, выглядел так, словно готов расплакаться в любую минуту. Матиас и старый Ламберт просто не обращали на Дугала никакого внимания, а если он велел что-то сделать — сначала смотрели на Къярда, ожидая от него подтверждения.

Да, именно Къярд был здесь ключевой фигурой — и единственным среди всех, кто был в состоянии понять и принять полную правду. И если Къярда удастся завоевать и склонить на свою сторону — остальные последуют за ним без вопросов и размышлений.

Дугал поставил свою чашу на землю и обтер пальцы, стряхивая с них прилипшие крошки; есть ему совершенно расхотелось.

— Пожалуйста, не надо так со мной обращаться,— мягко сказал он.— Я нуждаюсь в вашей помощи.

Къярд с видом вынужденного послушания повернул к Дугалу свою седеющую голову, но в его глазах светились только боль и горькое разочарование.

— Тебе нужна наша помощь. Ну да, парень, конечно, это так. А епископу Дункану нужна была *твоя* помощь. Но он ведь ее не дождался, так или иначе?

— Если ты позволишь мне объяснить...

— Объяснить что, парень? Что Макарди поджал хвост и бросился удирать? Что он бросил своего командира в бою, и того то ли убили, то ли захватили в плен враги? Слава Богу, твой

отец не дожил до этого дня и не видит твоего позора, Ду-

548 гал! Он бы просто умер от стыда!

Дугал уже открыл было рот, чтобы сказать, что его настоящий отец как раз Дункан, и что он бежал с поля битвы именно по приказу Дункана,— но вовремя удержался и не произнес этих слов. Пока что не время было рассказывать им о своем подлинном происхождении,— не сейчас, когда они были убеждены, что он опозорил имя Макарди.

Но он отчаянно нуждался в том, чтобы они поддержали его, встали с ним рядом. Он вовсе *не был* трусом! Может быть, их удовлетворит часть правды...

— Мой отец сначала обязательно выслушал бы мое объяснение происшедшего, прежде чем проклинать и порицать меня,— холодно произнес Дугал.— Не всегда вещи бывают такими, какими кажутся.

— Может, это и так,— сказал старый Ламберт, заговорив впервые за все время, прошедшее с момента бегства с поля боя.— Но мне что-то *кажется*, что ты просто испугался и удрал, молодой Макарди. Я ничего другого тут не вижу.

Дугал вспыхнул, но не отвел взгляда, продолжая смотреть прямо в укоряющие глаза старого Ламбера.

— Это верно, что я сбежал,— неуверенно произнес он,— но я сделал это не по собственной воле.— Он перевел дыхание, чтобы собрать силы... ему предстояло выдержать их отклик на его слова.— Епископ Дункан приказал мне уйти.

— Приказал тебе. Ага. Надо полагать, при помощи своей магии, так? — пренебрежительно бросил Къядр.— Не стоит оправдывать трусость ложью, парнишка.

— Я *не лгу*,— ровным голосом сказал Дугал — И не зови меня *парнишкой*. Да, епископ Дункан *действительно* использовал свою магию — хотя вам, конечно, приятнее было бы думать, что я просто трус.

Къядр сжал губы и отвернулся в сторону, не сказав ни слова, и Дугал видел, что Къядр куда тверже убежден в своем, чем даже предполагал Дугал.

Остальные смотрели куда угодно, только не на молодого Макарди, и он видел, что они гневаются на него, смущены его поведением, стыдятся его, и в их умах нет места для других мыслей.

А он не мог позволить себе тратить слишком много времени на объяснения. Он *должен был* постараться дотянуться до Келсона, и он отчаянно тревожился за своего отца. Но он не знал, сумеет ли он вообще *заставить* их слушать его.

Нет, со всеми это определенно не удастся, решил он. Но, возможно, это удастся с Къядром. Уж наверняка старому воину на самом деле вовсе *не хочется* верить в то, что Дугал

оказался трусом,— ведь это же был Къярд, который служил его с самого дня его рождения...

— Къярд, могу я поговорить с тобой один на один? — тихо спросил Дугал, выждав несколько секунд.— Прошу тебя.

— Мне нечего сказать тебе такого, чего я не мог бы сказать при людях моего клана,— холодно ответил Къярд.

Дугал, проглотив свою гордость, попытался еще раз.

— Ты им все расскажешь потом,— мягко сказал он.— Прошу тебя, Къярд. Ради той любви, которую ты когда-то ко мне испытывал.

Къярд медленно повернул голову, и его глаза источали ледяной холод и презрение,— однако он все же поднялся на ноги и пошел следом за Дугалом на ту сторону поляны, где лошади мирно щипали траву. Он остановился возле серого коня Дугала, запустил пальцы одной руки в лошадиную гриву и легко прислонился к плечу коня, в полутьме искоса глядя на Дугала.

— Ну?

Дугал подошел поближе и погладил коня по шее, тщательно обдумывая то, что ему предстояло сказать. Обладая теми умениями, которым уже обучили его Дункан и Морган, он чувствовал себя вполне уверенно в том смысле, что знал: он сумеет установить необходимых психический контакт, что заставит Къярда увидеть правду; однако он точно так же знал, что пока что недостаточно искусен для того, чтобы сделать это без физического взаимодействия... и что физического контакта Къярд не допустит, поскольку чувствует себя преданным своим молодым хозяином.

И ему, само собой, не удастся заставить куда более сильного и опытного Къярда допустить соприкосновение... ведь почти всему, что было известно молодому вождю по части физических сражений, он научился именно у Къярда.

Но он должен был попытаться наладить психическую связь, потому что даже его не слишком развитые умения могли помочь им объясниться. У Дугала просто не было времени излагать все на словах, ведь каждый его ответ повлечет за собой новые вопросы. Все еще поглаживая шелковистую шею жеребца, Дугал вдруг заметил, что прикидывает — а не может ли живая масса лошади, стоящей между ними, сыграть роль того физического звена, в котором он нуждался... ну, по крайней мере для того, чтобы преодолеть простое телесное сопротивление.

— Къярд, мне очень жаль, что я причинил тебе боль,— мягко заговорил Дугал.

— Я и не сомневаюсь, что тебе жаль, Дугал, но сейчас, 550 пожалуй, поздновато рассуждать об этом, а?

— Возможно.— Он начал осторожно сливать свое сознание с сознанием коня, протягивая тонкие нити контроля вдоль лошадиных синапсов к человеку, прислонившемуся к жеребцу с другой стороны. Большой боевой конь лишь мягко фыркнул и продолжал щипать траву, ничуть не заинтересовавшись новой формой партнерства, которую налаживал его хозяин. Часть сознания Дугала вдруг заинтересовалась посторонним вопросом: а не потому ли ему всегда так легко удавалось обращаться с лошадьми, что он инстинктивно делал то, что позже его научили делать сознательно и намеренно?

— Кьярд, я... сейчас не время рассказывать обо всем так подробно, как мне самому хотелось бы,— продолжил он.— Но я... есть некий особый тип магической связи, которую Дерини иногда используют. Когда король прошлой осенью был в Транше, он немножко научил меня этому. И именно таким образом епископ Дункан отдал мне приказ.

Он видел, несмотря на темноту, скептическую гримасу, скривившую лицо Кьярда, и как старый помощник вождя пропустил между пальцами прядь лошадиной гривы, совсем не ощущая и не осознавая тонких нитей силы, просочившихся через лошадиный круп и начинавших уже проникать в него самого.

— Удобное объяснение, сынок, очень удобное,— пробормотал Кьярд.— Они-то ведь Дерини — и наш король, и епископ Дункан. А в тебе только и есть, что кровь пограничника.

— Кровь пограничника... ну да,— выдохнул Дугал, и его свободная рука через лошадиную шею стремительно метнулась к руке Кьярда,— так же стремительно, как его ум бросился вдоль цепочки, уже протянутой сквозь нервную систему животного.— Но только по материнской линии. Я тоже Дерини!

Кьярд судорожно вздохнул от изумления, а Дугал уже был в его сознании, внедрившись в самые глубины еще до того, как Кьярд успел сделать еще вдох. И тут же Кьярд обмяк и стал медленно валиться на землю, скользя вдоль лошадиного бока, несмотря на то, что Дугал пытался замедлить его падение. Дугал отпустил его руку лишь ровно настолько, чтобы проскочить, согнувшись, под брюхом коня и подхватить бесчувственного слугу; и тут же он сам опустился на траву под тяжестью безжизненного тела Кьярда.

Он надеялся, что жеребец будет смирно стоять на месте и не начнет метаться. Дугалу приходилось проделывать подобное лишь несколько раз, и всегда под руководством либо Моргана, либо его отца, и ему не слишком нравилась мысль о

том, что он может отступиться, пытаясь работать с сознанием Къярда.

Но его верный четвероногий друг спокойно стоял в траве, утвердив свои копыта на мягкой почве, и лишь однажды мягко фыркнул в ухо Дугала,— а потом снова принялся щипать траву. А задача Дугала оказалась почему-то на удивление несложной,— стоило ему начать, как дальше процесс пошел сам собой с присущей ему естественной скоростью.

— Слушай меня, Къярд,— взяв голову Къярда в свои ладони, прошептал Дугал, сопровождая свои слова полной картиной событий, хранившейся в его собственной памяти.— Отец Дункан — мой настоящий отец, по крови, а не только отец духовный. Старый Каулай был моим *дедушкой*.

Мягко поплыли в ум Къярда образы: молодой Дункан, не старше, чем Дугал сейчас, сватается к дочери Каулая Маризе. Къярд хорошо знал и любил эту девушки.

Но он знал и молодого Арди Макардри, убитого человеком из клана Маклайнов в пьяной драке,— и любил и его тоже; и он отлично помнил, что тогда между кланами грозила возникнуть кровная вражда, несмотря даже на то, что убийца Арди был казнен своим же кланом... и то напряжение в отношениях кланов, когда вождь Макардри и герцог Джаред Маклейн, вернувшись из военной кампании, порешили, что лучше им идти разными путями, чтобы кровопролитие не разразилось вновь.

И Дункан и Мариза оказались точно такими же жертвами той фатальной драки, как Арди и человек из клана Маклайнов (его имени Дугал никогда не знал),— ведь они отлично понимали, что после всего случившегося бесполезно просить у их отцов разрешения на брак.

И потому эта пара в тот же день обменялась тайными клятвами в пустой часовне, поздно вечером, и лишь бог был их свидетелем. Когда же на следующее утро Мариза ускакала из Кулди вместе с отцом и членами своего клана, полагая, что через день-другой они с Дунканом обвенчаются уже официально, ни она сама, ни Дункан и не думали, что их краткий союз принесет плод. В конце следующей зимы Мариза родила сына, через несколько недель после того, как ее мать также родила, но дочь. Ребенка Маризы объявили рожденным ее матерью, и когда после зимнего пребывания при дворе и весенней военной кампании Каулай вернулся домой, малыш был представлен ему как его собственный сын,— а Мариза к этому времени уже умерла от лихорадки.

И никто в целом свете не знал, что младший сын Каулая на самом деле Маклейн,— он как бы заменил собой уби-

того Ардри Макардри. Даже сам Дугал узнал всю историю целиком только предыдущей зимой, когда застежка плаща, оставленная Дугалу его «матерью», высвободила поток давно дремлющих воспоминаний Дункана,— он узнал эту пряжку, некогда принадлежавшую ему самому, и сложил вместе все кусочки головоломки.

Дугал не стал делиться с Къярдом воспоминаниями о тем, чему он с тех пор научился,— это должно было остаться между отцом и сыном.

Вскоре веки Къярда затрепетали, глаза открылись... он устался на Дугала с неким совершенно новым выражением особого понимания и благоговейного страха.

— А... ты... ты все еще в моем уме? — спросил он.

Дугал покачал головой.

— Я бы и вообще не стал заглядывать в твою голову, если бы знал, как можно по-другому объяснить тебе все. И я не стану больше этого делать без твоего разрешения. Так ты поможешь мне? Я должен попытаться связаться с Келсоном.

— Конечно, парнишка,— Къярд сел и стряхнул прилипшие к его плечам и локтям сухие листья. Потом Дугал помог ему встать на ноги.— Вот только не знаю, стоит ли рассказывать об этом остальным... думаю, что не надо. Уж особенно ни к чему говорить, что ты вообще не сын Каулая. Это... это вроде бы тебе не на пользу.

Дугал пожал плечами и усмехнулся.

— Я все равно его внук, Къярд.

— Да-да... И потому ты все равно его наследник и законный вождь клана, конечно... хотя тут вопрос, наследник ли ты герцогского титула... Ай-ай, ну и ну... тут может получиться такое... вроде как запустить кота в голубятню! Ты — наследник епископа, вот дела!

— Я только надеюсь, что я пока еще не унаследовал *его* герцогский титул,— пробормотал Дугал.— Къярд, я вообще не ощущаю *его*!

— Ну, может, это трудно из-за слишком большого расстояния?

— Нет, я боюсь, тут уже приходится предположить, что он мертв,— едва слышно сказал Дугал, совершенно не принимая внутренне подобного предположения, и зная при этом, что никакой страх не должен помешать ему сделать то, что он *может* сделать, раз уж он не может прямо в эту секунду *ничего* сделать для Дункана.

— А если он *не* погиб,— продолжил Дугал уже твердым тоном,— он почти наверняка в плена... что, в определенном 553

смысле, может оказаться даже хуже. Прежде всего тут дело в том, что я знаю, на что способен Лорис, как он может обращаться с пленными людьми... с теми, кого он считает простыми людьми. А уж с Дерини, вроде моего отца...

Он вздрогнул и поспешил отогнать эту мысль, не желая даже думать о том, что все это может означать.

— Ну, в любом случае, я должен постараться дотянуться до Келсона,— храбро продолжил он.— Именно этого хотел мой отец. И если он *все еще* жив, и... и оказался во власти Лориса, тогда один только Келсон с главной частью армии имеют хоть какой-то шанс спасти его вовремя.

— Ну, тогда лучше взяться за дело, парень,— сказал Кьярд, беря Дугала за руку и стремительно шагая назад, к костру, где ждали их остальные.

— Я уверен, что епископ Дункан действительно приказал ему уходить,— заявил Кьярд своим соратникам, подводя Дугала к своему собственному седлу и опускаясь на корточки рядом, когда Дугал уселся.— То, что мы видели,— огонь и все такое,— было прикрытием, для нас, чтобы мы могли уйти и предупредить короля. И Дункан использовал ту же самую магическую силу, чтобы приказать Дугалу — уходи!

Похоже, сидевшие у костра воины были захвачены врасплох этой новостью,— однако у них не было ни малейшей склонности сомневаться в Кьярде, даже если они и испытывали некоторое недоверие к молодому хозяину. Все они видели внешнее проявление магии Дункана. Так почему бы там не быть еще и невидимой части? Уж видимое-то определенно послужило им на пользу.

— Похоже на правду,— сказал старый Ламберт.— Видно, мы должны принести тебе свои извинения, молодой Дугал.

— Принято,— буркнул Дугал, согласно кивнув головой.— Я и не виню вас за то, что вы подумали. Я знаю, мои объяснения выглядели уж очень странными.

— Ну, это ничуть не более странно, чем другая задача, которую возложил на тебя наш добрый епископ, а, парень? — сказал Кьярд, вытягиваясь на траве и опираясь локтем о седло.— Собирайтесь-ка поближе, парни. Нашему молодому лорду нужна наша помощь.

Кьярд объяснил им, что хочет сделать Дугал, в чем должна состоять его попытка,— и они выслушали его с недоверчивым видом, но, к немалому изумлению Дугала, явно не увидели тут ничего дурного или неправильного.

— Ты говоришь, король его научил, как это делается? — 554 спросил Матиас, слушавший жадно и внимательно.

Къярд кивнул.

— Да, так. И это именно магия, уж можете не сомневаться. Но это летняя магия, белая, я знаю. Хотя и трудное это дело, мы же не знаем, как далеко может быть от нас король, так что мы должны ссудить Дугалу свои силы.

— Это как же мы такое сделаем? — спросил Ламберт, не моргнув глазом.

Дугал постарался улыбнуться, когда передвинулся так, чтобы прислониться спиной к груди Къярда; тот обхватил его руками.

— Честные и сильные воины Макардри! Ваша сила даст мне крылья, чтобы доставить мои мысли до нашего короля. Просто будьте со мной,— сказал Дугал, протягивая руки к Ламберту и Джассу, которые были ближе к нему; он сразу ощутил поддержку в их крепких рукопожатиях.— Расслабьтесь. Ложитесь поближе, чтобы я мог дотронуться до вас. Тут нет ничего опасного. Вы можете даже заснуть.

— А если кто-нибудь придет? — спросил Матиас, придвигаясь к Дугалу, чтобы тоже включиться в цепь.

Дугал выбросил нить мысли наружу, чтобы проверить окрестности,— но вокруг на многие мили не было ничего живого, кроме тех, кто сидел рядом с ним у костра, да их лошадей.

— Мы можем оставить стражу, если хотите, но поблизости никого нет.

Матиас лишь покачал головой и еще подвинулся, поворачиваясь на бок, чтобы доверчиво положить голову на колени Дугала. И, к полному изумлению Дугала, больше ни один из них ничего не сказал.

— И что дальше будет? — прошептал Къярд прямо в ухо Дугала, с благоговением следя за тем, как дыхание Дугала становится все медленнее, и как он входит в первую стадию транса, и напряжение исчезает с его лица.

— Просто засните,— пробормотал Дугал, зевая.

И через секунду-другую все они уже зевали, сонно укладываясь поудобнее вокруг него.

Дугал глубже погрузился в транс; его сознание оставалось пока еще на поляне, видя огонь костра, воинов рядом с ним... однако все это становилось все туманнее и расплывчатее с каждым вздохом.

Конечно, заниматься этим в одиночку ему было внове, и странно было не ощущать руководства Дункана, или Моргана, или Келсона... но он обнаружил, что собирает потоки энергии окружавших его мужчин почти без усилий... и чувствовал, что их психические силы наготове, и он может воспользоваться ими, как только ему это понадобится.

Мимоходом проплыла через его сознание мысль, что ему обязательно нужно узнать о вторичном зрении побольше, чем можно услышать от приграничного народа... возможно, это нечто такое, что осталось в некоторых людях от дара Дерини, давно забытого в их краях... но, заметив, что отвлекся, он заставил эту мысль уйти в сторонку. Сейчас куда важнее было совсем другое.

Когда он вошел в транс настолько глубоко, насколько мог решиться без руководителя, он лишь почувствовал, что его тело стало мягким и беззащитным в руках Къярда,— и тогда он попытался одним броском мысли отыскать своего отца. Но, как он и ожидал, никакого слышимого отклика не последовало, и тогда он собрался с силами для более сложной задачи: не только отыскать Келсона, но и постараться пробиться в его сознание.

Очень, очень долго ничего не происходило. Но потом ему показалось, что он нашупал какое-то движение мысли... и эта мысль шевелилась не в спящих рядом с ним людях, и не в нем самом.

* * *

Его мысленный щуп не мог проникнуть в чье бы то ни было бодрствующее сознание, и он нашел именно спящий ум. Келсон, глубоко уснувший с помощью Моргана, несколько часов спал без сновидений,— как и сам Морган, который в конце концов тоже улегся на свою походную кровать. Ему не сразу удалось заснуть, но в конце концов и он погрузился в сон. Однако Моргану снились Дункан и Дугал, и оба они отчаянно сражались, пытаясь прорваться сквозь отряды рыцарей, наплывавших один за другим... и этим отрядам, казалось, не было конца, а эти рыцари, казалось, не знали усталости...

Крик Келсона вырвал Моргана из его ночного кошмара.

— Келсон, что случилось? — шепотом спросил Морган, мгновенно выскочив из постели и очутившись рядом с королем. Он схватил Келсона за запястья, потому что король во сне бешено молотил кулаками.

Келсон проснулся почти мгновенно, и почти мгновенно успокоился, но его глаза, казалось, слегка остекленели, когда он припомнил то, что напугало его,— хотя он и осознавал уже, что Морган тут, рядом с ним.

— Мне приснился... Дункан,— выдохнул Келсон, глядя мимо Моргана в пустоту.— Они до него добрались.

— Кто до него добрался, мой принц? — настойчиво спросил

Морган. Ведь ему тоже снилась грозившая Дункану опасность.

— Рыцари с синими крестами на белых плащах. Лорис, я думаю. И Горони тоже был там. Они его пытали... что за ужасный сон!

Глубоко вздохнув, Морган осторожно сел на край королевской кровати и, убрав руки с запястий Келсона, взял его за кисти.

— Вернись обратно,— прошептал он, глядя прямо в глаза Келсона и устанавливая с ним привычную мысленную связь.— Позволь мне погрузить тебя в самое глубокое забытье, какое только возможно, и постарайся уловить это снова. Не думаю, что это был просто сон. Мне снилось то же самое.

— Ох, боже мой, а ведь ты, пожалуй, прав,— выдохнул Келсон, уже так стремительно настраиваясь на наиболее удобный для работы уровень, что ему пришлоось закрыть глаза.— Я... я думаю, это может быть Дугал. Неужели с Дунканом что-то случилось?

«Пока что не думай о Дункане,— ответил ему Морган, по мере погружения их обоих в сосредоточение переходя уже на мысленный уровень общения.— Прежде всего постарайся восстановить связь с Дугалом. Он пока что не способен поддерживать контакт слишком долго. Пусти в ход все, что у тебя есть в запасе, но дотянись до него. Я все это время буду с тобой».

И Дугал, находившийся от них почти в сутках верховой езды, почувствовал ответное прикосновение двух ответных умов — не только одного Келсона.

Он вздрогнул в руках Кьярда, втягивая в себя силу мужчин, окружавших его, и снова бросая свою мысль вдали, через многие мили. На этот раз они были готовы принять и зафиксировать его сообщение; и теперь все трое знали, что ничего им не почудилось.

Картина битвы: Дугал и его всадники сражаются вместе с воинами Дунканом... рыцари в белых плащах все ближе, ближе, и во главе их — Лорис... ударные части Горони, они захлопывают ловушку...

Завеса бушующего пламени, воздвигнутая Дунканом, посевшая ужас в рядах противника... по крайней мере на время, достаточное для того, чтобы Дугал и его люди успели проскользнуть сквозь их ряды и бежать... и приказ, стремительно и уверенно внедренный в ум Дунканом, приказ, которому невозможно не повиноваться... Дугал должен оставить Дунканом на произвол судьбы и мчаться к Келсону, чтобы предупредить его...

...что Лорис наконец обнаружен, и с ним Сикард Меарский, и главная часть армии Меары, и они могут к следующему полудню мощным броском преодолеть расстояние между

ними и Келсоном... и если Келсон сможет узнать об этом в ближайшие часы...

Все подробности были переданы с той скоростью, которая возможна только для мысли,— рассказ о таких событиях занял бы часы, если бы пришлось излагать все это на словах; но Дугал уже был способен уложить все, что он знал, в почти мгновенную передачу,— в десяток-другой секунд...

Когда Дугал закончил, он уже задыхался; он попытался сесть и утихомирить бешено колотившееся сердце... но теперь он знал точно, что король предупрежден, и внезапное нападение ему не грозит. Его соратники заворочались и начали неуверенно подниматься, глядя на Дугала с благоговейным страхом, ощущая, что сквозь них вроде бы просочилась какая-то сила, неведомо откуда взявшаяся, и ушла к их молодому хозяину... но больше они ни в чем не могли быть уверены.

— Король придет нам на помощь,— прошептал Дугал, хотя глаза его все еще смотрели в никуда и он почти не видел сидевших рядом с ним воинов.— Мы встретим его на рассвете. Отдохните пока немножко,— добавил он, протягивая руку и мимолетно касаясь каждого,— но при этом он посыпал настойчивые мысленные приказы.

И они все безропотно повиновались, потому что он вложил в их умы то, чему они просто не в силах были сопротивляться: *Засни и забудь все то, что может тебя встревожить.*

Тем временем у Моргана появились куда более серьезные основания для тревоги, поскольку Келсон умчался отдавать приказы, чтобы немедленно выступить в поход, а Морган сам погрузился в транс. Он посыпал свою мысль к Дункану до тех пор, пока Брендан и оруженосец не явились, чтобы надеть на него латы, он истощил свои силы, выйдя далеко за пределы благородства, сидя в одиночестве, неподвижно... однако он не обнаружил ни малейшего следа своего кузена. Священник Дерини был то ли мертв, то ли одурманен наркотиками до полной бессознательности.

* * *

— Ты думаешь, он действительно не знает, где сейчас Келсон? — спросил Сикард откуда-то из неведомой дали, и его голос колебался и гудел, как эхо, просачиваясь сквозь искаженное восприятие Дунканна.

— Разумеется, он знает. Он Дерини, не так ли?

Чья-то рука грубо повернула голову Дунканна вбок, и перед его глазами появилось расплывающееся лицо Лоуренса

Горони, оно казалось перекошенным до непристойности... Горони сидел на табурете у изголовья того ложа, на которое бросили Дункана. Резкое движение вызвало у Дункана сильный приступ головокружения, до тошноты... но это казалось едва ли не приятным по сравнению с болью, терзавшей его ноги.

Дункан был совершенно убежден в том, что Горони уже выдрал все десять ногтей на его ногах, хотя он и сумел насчитать всего семь. Они лежали маленькой кучкой на его обнаженной груди, окровавленные и жалкие. Он их видел в тот момент, когда его пронзила судорога, и голова невольно приподнялась на дернувшейся и сократившейся шее. Ну, насколько он знал Горони, теперь очередь была за ногтями на руках.

Дункан закрыл глаза при этой мысли, и одна его рука непроизвольно шевельнулась, как бы стремясь избежать угрозы,— но далеко ей сдвинуться не удалось, поскольку ее удержали кандалы — их кольца охватывали запястья Дункана. Лодыжки тоже были скованы, и все цепи тянулись от конечностей епископа к вбитым в грязный пол шатра надежным металлическим клиньям,— так что Дункан лежал на спине, распластавшись, как лягушка, и совершенно беспомощный.

«Как святой Андрей,— уныло подумал Дункан, пытаясь помочь мыслей о чем-нибудь другом отстраниться от боли в собственном теле.— Он страдал, как страдал наш Господь, только он был прибит к соленому кресту».

Дункан, по крайней мере, лежал на какой-то тряпке на земле, а не висел на кресте. Да он и не думал, что его собираются распять. Если не случится никакого чуда, Лорис почти наверняка будет убивать его не спеша,— и уж конечно, ненавидящий всех Дерини архиепископ ни за что не допустит, чтобы еретический священник Дерини удостоился чести умереть такой же смертью, какой умер сам Христос, или хотя бы кто-то из его святых апостолов.

Нет, Лорис изобретет что-нибудь другое, куда более страшное, унижающее умирающего Дерини Дункана Маклейна и медленно уничтожающее его сознание,— ведь еретик Маклейн осмелился принять сан священника и даже епископа, сознательно выказав неповинование тем законам, которым служил Лорис. Он и Горони уже всячески пытались добиться от Дункана признания в совершении каких-нибудь практик и обрядов, святотатственных и извращенных с точки зрения священного сана, возложенного на него, разнообразя эти вопросы более практическими — о том, где сейчас может находиться Келсон.

Сейчас Лорис просматривал протоколы допросов по обеим темам; он вместе с писцом, тщательно фиксировав-

шим каждое произнесенное во время допросов слово, изучал ответы Дункана. Когда Лорис появился здесь, чтобы составить компанию Горони и Сикарду,— как всегда, с выражением страдательного терпения и заботливости на длинном лице,— Дункан слегка пошевелился в своих кандалах и страстно пожелал обрести хотя бы один-единственный шанс — и взорвать всех этих трех с помощью той самой магии, которой они так боялись.

Но это совсем не значило, что он действительно может хоть как-то облегчить свое положение,— он не мог даже ослабить железные оковы. *Мераша* полностью блокировала его возможности,— и сделала их совершенно недосягаемыми для него, точно так же, как цепи на руках и ногах лишили его тело физической свободы.

Троица, захватившая его в плен, тоже отлично знала, как долго действует *мераша*. И как только эффект первой дозы начал понемногу ослабевать, снизившись до почти терпимого для Дункана уровня, Горони влил в него новую порцию,— причем на этот раз Дункан был не в состоянии оказать даже самого слабого сопротивления.

Однако доза была совсем невелика, поскольку враги явно отлично знали, что порция побольше либо погрузит Дункана в долгий глубокий сон, либо просто убьет его,— то есть в любом случае он станет недосягаем для пытки; но этой дозы было вполне достаточно, чтобы держать Дункана в состоянии полного подчинения разрушающей силе наркотика. Пустой желудок Дункана ожился при этом новом вторжении, и чувство самосохранения заставило его не выбросить питье, а наоборот, принять и усвоить,— и тут Дункан поймал себя на том, что гадает: а откуда, собственно, Горони набрался таких точных и обширных знаний о действии *мерации*? Но, впрочем, у подобных истязателей, из века в век занимавшихся своим делом, конечно же, были свои особые источники сведений...

Сейчас его главный мучитель поигрывал одним из своих инструментов, предназначенных для пытки,— он вертел в руках окровавленные клещи, которыми уже обработал ноги Дункана, рассматривая в скучном свете фонаря, стоявшего в шатре, красные пятна на металле. Лорис увидел, что Дункан наблюдает за Горони и его игрушкой, и склонился над пленным священником с видом полного дружелюбия.

— Ты, знаешь ли, уж слишком неразумно себя ведешь,— промурлыкал он, и облачко его тонких седых волос, освещенное мерцающим светом, сделало его похожим на мрачного мстите-

льного ангела, когда он осторожно и почти нежно отвел со 560 лба Дункана мокрые от пота волосы.— Тебе стоит только

признаться в своей ереси, и я тут же дарую тебе ту самую быструю и безболезненную смерть, которой ты так желаешь.

— Я совсем не желаю смерти,— прохрипел Дункан, отводя глаза от Лориса.— Это вовсе не то, к чему я стремлюсь, и ты отлично это знаешь. Я ни за что не рискну навлечь проклятие на свою душу тем, что начну сам искать смерти,— от каких бы страданий ни избавилось при этом мое тело.

Лорис задумчиво кивнул и повернул одно из колец на своих пальцах. Это был перстень Истелина, как с легким изумлением заметил Дункан, и тут же понял, что страстно молится о том, чтобы сила святого Камбера проявила себя через этот перстень, как это случалось в прошлом, и поразила непристойно самоуваженного Лориса — и это вовсе не запяtnало бы святого Камбера!

— Ну что ж, в твоих словах есть определенная логика, хотя и вывернутая наизнанку,— снова заговорил Лорис.— Зачем спешить открывать двери в край вечного пламени ада, на который ты все равно уже обречен благодаря своей ереси? Разве любая земная боль может вообще сравниться с бесконечным мучением, на которое Господь наверняка уже обрек тебя?

— Я всегда любил Господа и всем моим сердцем, и всей своей душой, и всем своим умом,— упрямо прошептал Дункан, хватаясь за знакомые, утешающие слова, и закрывая глаза, чтобы не видеть насмехающегося над ним архиепископа.— Я всегда служил ему так хорошо, как только мог. И если ему понадобится моя жизнь, я предложу ее сам, не сомневаясь в его бесконечном милосердии.

— Не может быть никакого милосердия для Дерини! — возразил Лорис.— Если ты умрешь без раскаяния, ты уж точно будешь проклят. Только если ты признаешься в своей ереси и будешь просить об отпущении грехов, у тебя может появиться хоть какая-то надежда на прощение.

Дункан очень медленно повернул голову с боку на бок, и навалившееся на него при этом головокружение заглушило голос Лориса и боль, пульсирующую в ногах.

— Господь знает, что я раскаиваюсь во всех грехах, которые совершил против Него и против кого бы то ни было. Я признаю над собой лишь Его суд, и ничей больше.

— Ты богохульствуешь каждым своим словом, Маклайн! — возразил Лорис.— Покайся в ереси!

— Нет.

— Признай хотя бы, что ты каждым своим дыханием осквернял священный сан, возложенный на тебя в нарушение закона...

— Нет,— повторил Дункан.

— Ты отрицаешь, что ты часто служил Черную мессу, поклоняясь Властителю Тьмы?

— Я отрицаю это.

— Я сожгу тебя, Маклайн! — яростно закричал Лорис, и капли слюны, разлетевшиеся из его перекошенного рта, упали на лицо Дункана.— Я посажу тебя на тот самый кол, которого ты помог избежать еретику Моргану, и я выброшу твой пепел на навозную кучу! Но сначала ты испытаешь такую боль, что будешь выть, умоляя о смерти, и ты признаешь все, что угодно, и отринешь все, что для тебя свято,— да, ты сделаешь это лишь для того, чтобы на одно мгновение получить передышку, когда я обрушу на тебя всю мою ярость!

Это было уж слишком,— но Дункан только закусил губы и сознательно поджал изувеченные пальцы ног, чтобы коснуться ими земли, чтобы взрыв боли, пронзившей его тело, заглушил звук неистовых слов Лориса. Пожалуй, угроза сжечь его была наихудшей из возможных перспектив, но этого Дункан надеялся избежать. Если ему повезет, то, возможно, в какой-то момент Лорис впадет в окончательное безумие от ярости, а тогда он просто вонзит кинжал в сердце Дункана, и тем самым освободит его прежде, чем тело пленного окажется насаженным на кол для сожжения. Если уж ему суждено умереть, то едва ли Господь станет возражать против его надежды на быструю смерть от кинжала.

— Ты будешь корчиться в пламени! — тем временем торжествующе кричал Лорис.— А уж я позабочусь о том, чтобы огонь был медленным, чтобы твои муки тянулись как можно дольше. Да-да! Куски твоего поджарившегося мяса будут отваливаться с твоих костей, а ты все еще будешь жив! И твои глаза лопнут и вытекут на щеки!

Ужас ожидавшего Дункана будущего просачивался даже сквозь ту боль, которую Дункан сумел нарочно причинить себе, и слова безумного Лориса просачивались в его ум, будя воображение, подрывая его решимость, заставляя тело трепетать от страха, который невозможно было утихомирить.

И он искренне обрадовался, когда острый пыточный инструмент Горони впился в его правую руку, разрывая и выкручивая плоть. Дункану даже показалось, что есть некое особое значение в том, что первым начал страдать тот самый палец, на котором он до последнего времени носил кольцо, символизирующее его епископский ранг. Дункану теперь оставалось лишь надеяться, что он сохранит такую же стойкость духа, как Генри Истелин.

Глава шестнадцатая

**Он также приготовил для него
орудия смерти; он обратил свои стрелы
на преследователей¹**

Пак ты собираешься его казнить, или нет? — спросил Сикард Меарский, застегивая у горла латный воротник, пока его оруженосец пристегивал и прилаживал на его ногах стальные набедренники и наголенники.

Лорис, в белом плаще поверх боевых доспехов, раздраженно ударил хлыстом по своему одетому в броню бедру и посмотрел вниз, на пленника, по-прежнему лежавшего на полу, как лягушка. Дункан был в обмороке, его дыхание было затрудненным и поверхностным, окровавленные руки и ноги время от времени судорожно подергивались, натягивая цепи кандалов, на обнаженной груди краснели рубцы от ударов хлыста Лориса. Горони сидел на низком табурете возле головы пленника и наблюдал за ним, ожидая, когда начнет возвращаться сознание. Ни кровь, ни пот, ни даже пыль, поднятая во время их ночной «работы», не оставили ни пятнышка на снежной белизне плаща, накинутого на его доспехи.

— А в чем дело, Сикард? — спросил Лорис.— Тебе что, трудно такое вынести? Но этот человек — еретик!

— Ну, так сожги его, и дело с концом!

— Сначала я должен добиться от него признания.

Фыркнув, Сикард взял вложенный в ножны меч, который подал ему оруженосец, и прикрепил его к крючку на своем поясе, а затем коротким кивком отпустил оруженосца.

¹Псалмы 7:13

— Послушай меня, архиепископ,— сказал он, когда юноша вышел из шатра.— Ты можешь знать все о спасении душ, но я знаю кое-что о спасении жизней.

— Я сейчас вижу только одну жизнь, готовую прерваться,— возразил Лорис.— И какое имеет значение, сгорит это тело прямо сейчас или попозже вечером?

— Это имеет значение, потому что вокруг этого шатра стоит вся меарская армия,— сказал Сикард.— Моя супруга — моя королева — доверила ее мне, чтобы я добился победы для Меары. Люди Маклайна могли убежать, могли растеряться ненадолго, но они вовсе не глупцы. Они знают, где мы, и они знают, что их герцог — у нас. Дай им время, и они попытаются спасти его, даже если у них не будет ни малейшей надежды на успех.

— Если у них нет ни малейшей надежды на успех, то из-за чего ты так волнуешься? — поинтересовался Лорис.— тебе не хватает веры!

— У меня ее прибавится, когда я узнаю, где находится Келсон со своей армией.

— Мы отыщем их.

— Да, но *когда*? — Сикард стукнул затянутым в латную рукавицу кулаком по своему боку, и металл громко звякнул; при этом он всмотрелся в лежавшего неподвижно Дункана.— Почему он не уступает? Это зелье Дерини вроде бы должно было заставить его говорить, а?

— Его воля чрезвычайно сильна, милорд,— пробормотал Горони.— Иногда одного наркотика бывает и недостаточно. Но он скажет нам все, что мы хотим узнать.

— Легко утверждать, монсеньор. Но кос-какие его ответы нужны мне *прямо сейчас*.

— Тогда я *применю* более убедительные методы,— предложил Горони.

— Ну да, с точно такими же результатами.

— Вы сомневаетесь в возможностях моих методов, милорд?

Сикард уперся кулаками в бедра, выражая этим жестом отвращение, и отвернулся от Горони.

— Мне не нравится, когда мучают священника,— пробормотал он.

— О, ну да, казнить священников — это совсем другое дело, не так ли? — вмешался Лорис, заговорив слегка тоном.— Скажите-ка мне, вы не припомните, подвергался ли пытке и мучениям некий Генри Истелин, прежде чем его казнили?

Мгновенно рассвирепевший Сикард обернулся к нему

— Генри Истелин был повешен, четвертован и колесован за то, что он, в своей бесконечной гордыне, предал Меару! Но он был казнен как светский человек, и его приговор не коснулся его священного сана как служителя божьего и как епископа.

Лорис позволил себе язвительную усмешку.

— Тогда, учитывая светское положение Маклайна как герцога Кассана и графа Кирнийского, он, будучи военнопленным, обладающим цennыми сведениями, должен быть подвергнут пытке, так как нам эти сведения необходимы,— пояснил он.— К тому же, насколько я в этом разбираюсь, он теперь даже не рядовой священник, и уж тем более не епископ.

— Ты знаешь, что я не могу спорить с тобой о священных канонах и уложениях,— проворчал Сикард.— Я не знаю, почему епископ становится епископом, в церковном смысле. Но вот это я знаю точно: священник всегда остается священником! Когда на него возлагают духовный сан, его руки освящают для того, чтобы он вправе был держать тело нашего покровителя, Господа. А ты что сделал с его руками, посмотри!

— Это руки *Дерини*! — прошипел Лорис.— Это руки, которые оскорбляют благословенные Святые дары каждый раз, когда он осмеливается служить мессу! И не смей читать нотации *мне* — о том, как следует обращаться с *Дерини*, Сикард!

Дункан, плававший в лихорадке на грани сознания и беспамятства, застонал довольно громко, когда Лорис, ставя точку своим словам, резко ударила хлыстом по и без того уже иссеченной груди пленника. Боль заставила тело епископа выгнуться дугой, он смутно ощущал прокатившиеся по нему волны жара, потом чудовищного холода...

Он пытался снова столкнуть себя в блаженную черноту, где никто не мог причинить ему никакого вреда, но сознание вернулось к нему целиком и полностью вместе с прежней болью, раздиравшей его руки и ноги. Чрезвычайное искажение всех психических функций, обусловленное последней дозой *мераши*, уменьшилось, но не намного,— и безусловно недостаточно для того, чтобы он мог по-настоящему взяться за дело.

Он не открыл глаза. Но и с закрытыми глазами он ощутил, как Лорис наклонился и всмотрелся в него, и что кто-то еще ожидает, расположившись возле его головы,— и малейший шанс сделать вид, что он все еще в обмороке, исчез, когда чей-то тяжелый сапог вжал его израненную руку в грязь, покрывавшую пол шатра,— не слишком сильно, да,— но в силе тут и не было нужды. Стон, вырвавшийся у Дунканна, когда он съежился и натянул цепь, пытаясь избежать новой пытки, был похож на рыдание.

— Он приходит в себя, ваше сиятельство,— негромко сказал Горони где-то возле левого уха Дункана.

Лорис фыркнул и убрал ногу, и острые боли в руке Дункана почти мгновенно превратились в тупое биение.

— Просто удивительно, какую сильную боль можно причинить, работая с кончиками пальцев... даже такому своеобразному и ожесточенному священнику, как наш Дункан. Слушай внимательно, Маклайн!

Лорис подчеркнул свой приказ очередным ударом хлыста по груди Дункана, и Дункан задохнулся и открыл глаза. Он умирал от жажды, его горло так пересохло, что он бы, пожалуй, обрадовался даже глотку *мераши*, — потому что с того момента, как он попал в плен, ему не дали ни глотка воды.

— Итак, ты *вернулся* к нам, — сказал Лорис с довольной улыбкой. — Ну, теперь тебе бы следовало постараться проявить большую осмотрительность и вежливость. А может быть, тебе не нравится обхождение монсеньора Горони?

Дункан лишь с трудом провел распухшим языком по пересохшим гулам и повернул голову вбок, ожидая следующего удара Лориса.

— Но почему же, отец? — промурлыкал Лорис. — С совершенно очевидно: ты до сих пор ничего не понял! Какое значение может иметь тело человека, если душа его проклята?

Кончик хлыста лишь слегка коснулся одного из окровавленных пальцев — но если бы вместо кожаной полоски Лорис ткнул в его палец раскаленным железным прутом, Дункан едва ли испытал бы сильнейшую боль. Стиснув зубы от невыразимой муки, Дункан изо всех сил старался не закричать. Внезапно хлыст снова сильно ударили его по израненной груди, проложив новый рубец среди нескольких дюжин уже оставленных им же, и Дункан судорожно втянулся в себя воздух.

— Отвечай мне, — резко прикрикнул Лорис. — Я стараюсь ради спасения *твоей* души, а не своей собственной.

— Благородное намерение, — прошептал Дункан, почти сумев растянуть губы в улыбке. — Намерение весьма благородного и благочестивого человека.

На этот раз хлыст опустился на его лицо, рассекая в кровь нижнюю губу, но Дункан был уже готов к удару, и лишь почти неслышно охнулся.

— Что-то мне кажется, я скоро потеряю терпение из-за тебя, Дерини! — процедил Лорис сквозь стиснутые зубы. — Хотелось бы мне знать, какую ты песенку запоешь, когда испробуешь настоящих плетей. Да, твой язык нуждается в настоящей дрес-

Горони мгновенно поднялся и исчез в другой части шатра, где Дункан не мог его видеть, и на одно краткое мгновение испугался, что Лорис вложил в свою угрозу буквальный смысл и намеревается вырвать ему язык. А для Горони не составит труда сделать это, если Лорис прикажет.

Но Горони принес чашу, не нож. Вот оно что, снова *мераша...* Черт бы их побрал, они, похоже, здорово его боятся, если так скоро вливают в него новую дозу.

Он даже и не пытался сопротивляться, когда Горони приподнял его голову и поднес чашу к его губам. Хоть борись он, хоть нет, они все равно вольют в него это зелье; борьба лишь ухудшит его состояние. К тому же не исключено, что они *наконец-то* ошибутся в расчетах и дадут ему слишком большую дозу. В худшем же случае разрушительная сила наркотика просто поможет ему на некоторое время избавиться от боли.

Он выпил жидкость с жадностью, почти радуясь тошноте и головокружению, порожденным *мерашей*. Даже это мучительное, болезненное забвение, губящее ум, было предпочтительнее того, что они делали с его телом. А уж если они решат сжечь его...

— Выводите его,— приказал Лорис.

Кто-то выдернул из земли колья цепей, прижимавших Дункана к грязному полу, но кандалы с его рук и ног не сняли. Дункан не удержался от стона, когда его резко поставили на изувеченные ноги и поволокли из шатра, наружу. Лорис и Горонишли следом, и с ними — недовольно поджавший губы Сикард.

Он сразу увидел столб для сожжения. Они установили его на вершине маленького холмика в самом центре лагеря, совсем недалеко от шатра Лориса. Отчетливо вырисовываясь на фоне светлеющего утреннего неба, столб выглядел вполне невинно, и едва ли можно было подумать, что он обещает кому-то такую страшную смерть, как та, что ожидала Дункана, насколько он понимал,— это был ствол дерева, с которого небрежно обрубили ветви,— несколько веток даже остались торчать на самой верхушке.

Он во все глаза, как зачарованный, смотрел на него, пока его тащили к холмику, не обращая внимания на насмешки и оскорблении, сыпавшиеся со стороны солдат, нарочно созванных в центр лагеря, чтобы они стали свидетелями унижения Дерини. Он молча тащился сквозь строй шипящих, таращащихся на него фигур, на безупречно белых плащах которых красовались синие кресты. Они не стремились ударить или как-то физически унизить его, но он ощущал ненависть, истекавшую из их тел, и радостное предвкушение предстоящего зрелища — 567

огонь пожрет мерзкого Дерини... Позади рыцарей епископа выстроилась вся гигантская армия Меары, и насколько мог видеть глаз, все заполняли отряды солдат; почти весь стоявший здесь ночью лагерь был уже свернут. Весьма встревоженный ситуацией Сикард явно намеревался выступить в поход сразу же после завершения казни Дунканна.

Цепи кандалов, стягивавших лодыжки Дунканна, волочились за ним, звеня при каждом безумно трудном шаге; лишенные кожи, кровоточащие ноги Дунканна пульсировали, и он, преодолевая недолгий путь на свою собственную, для него одного предназначенную Голгофу, словно уже шел по пылающим угольям. Он вдруг понял, что думает о Христе — казался ли и ему его последний путь таким же трудным? Но вообще все это казалось немного нереальным.

Впрочем, цепи, свисавшие со столба, были вполне реальными,— так же как вязанки хвороста, аккуратно сложенные вокруг его основания; между ними был оставлен лишь один узкий проход, для него и его стражей, чтобы они могли подтащить его к столбу.

По обе стороны столба ожидали два солдата, обнаженные до пояса, с кожаными бичами в руках; ремни со множеством узлов танцевали в руках солдат, как живые; на загорелых плечах и спинах палачей перекатывались мощные мускулы.

Дункан не ожидал милосердия, зная, что ожидать тут просто нечего; и стражи грубым рывком протащили его через оставшиеся ярды пространства, и, ничуть не церемонясь, завели его руки за столб и привязали их чуть повыше его головы,— Дункан словно обнял столб в последнем объятии. Оставшиеся на стволе куски коры и нижние части ветвей грубо и болезненно впились в его грудь; а когда он попытался чуть-чуть изменить положение ног, чуть-чуть раздвинуть их, чтобы легче было выдержать удары бичей,— он задел пальцем, с которого был содран ноготь, за одну из щепок растопки, в изобилии лежавших вокруг него, и от пронзившей его боли глаза Дунканна наполнились влагой, и он едва не лишился сознания.

Когда же он наконец снова овладел собой, он открыл глаза — и увидел лицо Горони в нескольких дюймах от своего; руки священника медленно, с наслаждением вергели рукоятку бича.

— Смотри, вот инструмент, благодаря которому мы постараемся спасти твою душу,— сквозь боль, пульсирующую в ногах и руках, услышал Дункан негромкий голос Горони.

Он вздрогнул и слегка отклонился, когда священник легонько хлестнул по его обнаженным плечам узловатым ремнем, 568 чувствуя, как в его сознание закрадывается страх,— несмотря

на то, что он твердо решил не доставить удовольствия проклятому Горони.

— Ну же, не шарагайся так от собственного спасения,— продолжил Горони, и в его голосе послышалось непристойное наслаждение чужим страданием, которое он сам же и причинял.— Ты должен радоваться тому, что каждый удар будет изгонять из тебя зло, что твоя смерть может оказаться искуплением многих твоих грехов.

Дункан в ответ лишь отвернул лицо в другую сторону, предпочитая ободрать щеку о жесткую кору,— и почувствовал, как в Горони вспыхнуло разочарование. Изо всех сил сопротивляясь рождаемому *мерашей* отчаянию, которое уже овладевало его сознанием, Дункан попытался мысленно отстраниться от того, что вот-вот должно было произойти. Ему казалось, что время тянется невероятно, неестественно медленно, и что уже несколько часов подряд его мучитель хлещет плетью по воздуху рядом с ним, наслаждаясь свистом ремня, и что уже несколько часов подряд то и дело раздаются глухие удары, когда узел на конце хлыста случайно врезается в землю... и что эта игра кончилась все же слишком быстро.

Тот единственный удар, нанесенный ему священником, отчасти подготовил Дункана к тому, что последовало вскоре. Но хотя он и ожидал этого, первый настоящий удар бича застал его врасплох,— он не ожидал того безумия боли, которое захватило его.

Подавив крик, едва ис вырвавшийся у него от боли и шока, он изо всех сил сжал кулаки, стараясь покрепче прижать изуродованные концы пальцев к коре, местами покрывавшей столб,— надеясь, что одна боль поможет преодолеть другую, куда худшую. Но это не помогло.

Каждый новый удар оставлял горящий огнем рубец на его спине, потрясая все его чувства о самого основания,— а его хлестали две узловатые плети... Его мучители, похоже, не знали усталости. После первой дюжины ударов по его спине побежала кровь, смешиваясь с потом, заливавшим его пронизанное болью тело; а после еще нескольких ударов он перестал воспринимать время и пространство.

Бичевание продолжалось, и Дункан все тяжелее и тяжелее обвисал на своих цепях, уже не ощущая боли. Его запястья онемели и стали мокрыми и скользкими от крови, но это было ничто по сравнению с тем, что они делали с его спиной. Он слышал когда-то о людях, которых стегали до тех пор, пока их ребра не обнажались. Возможно, ему *удастся* умереть под бичами. Лорису ни за что не сломать его дух плетьями, но 569

ведь дальше ему предстоит очутиться в огне... это уже другое дело...

— Ему больше не выдержать,— донесся до Дункана голос Сикарда, обращавшегося к Лорису,— слова с трудом просачивались сквозь ослепляющую и оглушающую боль.— Впрочем, ты, возможно, предпочитаешь просто забить его до смерти, а уж потом сжечь.

— Он куда сильнее, чем тебе кажется,— последовал холодный ответ Лориса, когда очередной удар бича едва не погрузил Дункана в благословенное забвение.— Но мне все же не хотелось бы лишить огня его живой жертвы. Горони!

Удары бичей прекратились. Когда Дункан, почти не осознавая, что делает, попытался подтянуть ноги и выпрямиться, жестокие руки схватили его под мышки и поддерживали, пока кто-то еще снимал железные кольца с его запястий. Циркуляция крови возобновилась, и руки Дункана заболели сильнее прежнего,— но когда его развернули и бросили спиной на столб, связав руки позади дерева, и в его разодранную бичами плоть вонзились копра и обломки сучьев,— он понял, что вся предыдущая боль была лишь скромным вступлением к настоящей муке.

Металлическое звяканье колец, вновь сомкнувшихся на его запястьях, сопровождалось звоном цепей, которые Горони начал наматывать поперек его груди, привязывая Дункана к столбу так крепко, чтобы даже огонь не дал ему избежать судьбы, предписанной Дункану Лорисом. Дункан пытался подняться над болью, пытался слиться с ней, пытался выключить сознание и провалиться в ничто... но его самоконтроль был слишком ослаблен *мерашей*.

Когда солдаты придвинули связки хвороста поближе к его ногам, заполнив вязанками все то пространство, которое до того оставалось свободным, чтобы можно было подойти к столбу, зрение Дункана вдруг обрело сверхъестественную силу. Его пока что не терзала особо сильная боль, и ее не следовало ожидать до тех пор, пока не вспыхнет пламя... и Дункан внезапно увидел за спинами Лориса и Горони многих из тех, кто в последние шесть месяцев выступал против него и Халдейна... среди них были Григор Дални, могущественный сосед и предатель Брайс Трурил, и почему-то — старый Каулай Макарди...

Старый Макарди, конечно, был уже мертв... и он никогда не отступался от своей присяги королям Халдейнам. Преданный и стойкий Каулай, вырастивший Дугала как своего собственного сына. Дункан тяжело сглотнул, осознав, что он больше никогда

не увидит Дугала, и мысленно произнес горячую молитву о 570 том, чтобы мальчик сумел выжить в этой войне.

И еще Дункан увидел Тибальда Мак-Эрскина и Кормака Хамберлина, двух вождей приграничных кланов и бывших своих вассалов, которые здорово выигрывали от его смерти... и изгнанного из пределов его страны О'Дайра.

И еще там был Сикард Макардри, родственник его сына и муж его противницы и врага Келсона,— он стоял, скрестив на груди закованные в латы руки, и на его бородатом лице застыло выражение отвращения.

А потом внимание Дункана привлек огонь, вспыхнувший вдали от него, на самой периферии его видения — это был факел в руке человека, одетого в сутану с капюшоном; он медленно приближался к Дункану со стороны шатра Лориса. Дункан обнаружил, что вопреки его собственной воле его глаза сосредоточились на огне, что он полон ужаса и зачарован, и не в состоянии отвести взгляда от факела, который уже очутился в затянутой в латную перчатку руке Лориса.

Исполненная благовения тишина воцарилась вокруг,— ведь не так уж часто Церковь сжигала священника и епископа, хотя другие Дерини горели в прошлом без счета. Молчание было настолько глубоким, что Дункан мог слышать шипение и потрескивание ярко пылавшей просмоленной пакли факела, когда Лорис подошел поближе, держа факел, как держал бы епископский посох, привычный его руке. Крест прелата на его груди отражал и жар, и свет, когда Лорис остановился на расстоянии вытянутой руки от своего пленника и осмотрел его сверху донизу.

— Ну-ну, дорогой Дункан, наконец-то мы подошли к завершению дела, не так ли? — сказал он так тихо, что слышать его мог один только Дункан.— Но ты знаешь, что еще не поздно покаяться в своих грехах. Я все еще могу спасти тебя.

Дункан осторожно покачал головой.

— Мне нечего тебе сказать.

— Ага, так значит, ты предпочитаешь встретить смерть нераскаянным и отлученным от церкви,— сказал Лорис, вздергивая брови в насмешливом удивлении.— А я-то надеялся, что умерщвление плоти может помочь тебе усмирить гордыню и раскаяться.— Выражение его лица резко изменилось, став мрачным и жестоким.— Скажи-ка мне, Дерини, ты когда-нибудь видел, как горят живые люди?

Дункан содрогнулся, несмотря на жаркий день и жар от зловещего пламени в руке Лориса, но он был тверд в своем решении не дать мучителю удовлетворения, и потому промолчал. Слегка повернув голову в сторону, он устремил взгляд к линии ярко освещенных солнцем холмов, протянувшихся вдоль горизонта на востоке. Сверкающий край поднявшегося над

ними солнечного диска ослепил его, но Дункан не отводил от него глаз, сосредоточив на нем все свое внимание,— солнце помогало ему справиться с ужасными воспоминаниями и с мыслями о том, что ждало его впереди.

«*И поднял я взгляд свой на холмы, с которых шла ко мне помощь*»,— упорно повторял он мысленно.

— Ну, я могу тебе сообщить, что сгореть заживо — это не самый приятный вид смерти,— продолжал Лорис.— А я могу сделать ее еще менее приятным, знаешь ли. Ты мог бы заметить... да ты и наверняка заметил, что хвост сложен так, чтобы он горел как можно медленнее, чтобы твоему телу с избытком хватило времени на то, чтобы полностью вкусить муки, приносимые простым земным огнем,— прежде чем твоя душа очутится в пламени ада. Там будет куда хуже, чем ты мог бы себе вообразить. Но я могу и проявить милосердие...

Дункан сделал глотательное движение распухшим от сухости горлом и на мгновение прикрыл глаза, но солнечный диск отпечатался на сетчатке, и он продолжал видеть его — теперь солнце выглядело как предзнаменование грядущего пламени... и Дункан поспешил вернуться к тому, что он видел мысленным взором.

«*Помощь мне идет от Господа, владеющего небесами и землей...*»

— Да, я могу проявить милосердие,— повторил Лорис.— Если ты отречешься от своей ереси, если ты откажешься от дьявольских сил Дерини, я могу приказать, чтобы огонь стал горячим, сильным... быстрым. А если ты скажешь мне, где сейчас находится Келсон, то я могу оказать тебе и дополнительную милость, и ты умрешь еще быстрее.

Он оглянулся назад, на людей, собравшихся вокруг Сикарда, и кивнул. Тибальд Мак-Эрскин тут же извлек из ножен свой кинжал. Резкий звук металла, скользнувшего по металлу, прозвучал словно призыв к Дункану, словно обещание освобождения,— но Дункан знал, что он никогда не позволит себе купить облегчение для тела ценой предательства, ни предательства своего собственного разума, ни веры в своего короля и данных ему клятв.

— Смотри, смотри! Его лезвие так остро! — прошептал Лорис, когда Тибальд подошел к ним.— Смотри, как он сверкает на солнце, как он ловит отблески огня...

И когда Тибальд поднес кинжал к самым глазам Дункана и повернул его так и эдак, грязно улыбаясь, Дункан обнаружил, что смотрит на лезвие, как кролик на удава, следит за его движениями... и лишь моргает, когда отражение огня факела падает прямо на его глаза.

— Да, огонь горяч, но сталь может принести сладкое освобождение,— все шептал и шептал Лорис, свободной рукой забирая кинжал у Тибальда.

Он повернул лезвие и плашмя мягко приложил его к горлу Дункана, прямо к тому месту, где тяжело колотился пульс, и Дункан ощутил прохладу, такую утешительную прохладу... и закрыл глаза, дрожа.

«Так легко уступить... так легко...»

— Это может быть очень легко, Дункан,— мурлыкал над его ухом голос Лориса.— Это почти не больно. Ты вынес уже куда больше страданий. Говорят, есть крошечная точка, вот тут, сразу за ухом...

Дункан почувствовал, как острие кинжала на мгновение прижалось к его коже, нежным, ласкающим движением,— но он не успел прижаться к нему, оно уже отодвинулось. Жар от пламени факела колотился в его закрытые глаза, делая воспоминание о прохладе металла еще слаще и приятнее...

«*O, милостивый Иисус, пожалей своего слугу!*» — в отчаянии взмолился он.

— Ну что, ведь хочется, а? — шептал Лорис, снова поглаживая горло Дункана плоской стороной лезвия.— Ах, но ведь это был бы такой желанный обмен, разве не так, Дункан? Мгновенное милосердие кинжала — против безжалостного жара костра. Ну же, ведь ты можешь это сделать, хотя ты и ослабел, ты можешь... а иначе тебя настигнет пламя. Если ты скажешь мне то, что я хочу знать, я окажу тебе милосердие... *Ты сможешь сам...*

«*Ты сможешь сам...*»

Дункан с трудом разлепил веки,— ловушка внезапно стала слишком очевидной, даже для его притупленных чувств. Лорис пытался вовлечь его в страдание куда более длительное, нежели страдание на простом костре. Лорис предлагал ему вовсе не *coup de grace* — смертельный удар, прекращающий страдания и нанесенный из милосердия, нет. Лорис предлагал обменять смерть от огня на смерть Дункана от его же собственной руки — а это повлекло бы за собой куда более тяжкие последствия, чем простая смерть тела,— ведь Дункану предстояло предстать перед судом Господа...

А кроме того, даже если бы Дункан оказался настолько глуп, что согласился бы на условия Лориса,— где гарантия, что Лорис выполнит свою часть сделки? Неужели Лорис действительно думает, что он может предать свою совесть и своего короля, что он может взять на себя смертельный грех самоубийства?

— А, ты не интересуешься моим скромным предложением,— сказал Лорис, покачав головой с насмешливым сожале-

нием и возвращая кинжал Тибальду.— Ну, наверное, я никогда и не предполагал, что ты заинтересуешься. Но я все равно забочусь о твоей душе — если, конечно, Дерини вообще имеют душу. И даже если среди твоих проступков не будет самоубийства, я уверен — ты с радостью примешь возможность подумать о других твоих грехах. Огню этого костра понадобится много, очень много времени, чтобы убить тебя. А это будет весьма полезно для твоей бессмертной души,— продолжал он, начиная по немногу отступать назад.— Ну, конечно, твое тело при этом...

Он взмахнул факелом, и огонь пронесся так близко к вязанке хвороста, что Дункан задохнулся в ужасе.

— Но ты наверняка видел, как другие очищаются в пламени,— снова заговорил Лорис.— как чернеют и извиваются их тела... как руки дергаются в судорогах, когда из-за жары начинают сокращаться мышцы. Конечно, ты можешь быть и мертв к тому времени, когда это произойдет...

Воображение Дункана переполнилось множеством отвратительных деталей гибели в огне задолго до того, как Лорис добрался до края дровяного кольца и его голос стал не слышен. Когда же пылающий факел в руке Лориса стал опускаться все ниже и ниже, и наконец коснулся вязанки, и хворост вспыхнул,— со стороны наблюдающих за казнью воинов раздался рев.

Солдаты колотили мечами и кинжалами по щитам, одобряя и поддерживая Лориса, а Лорис медленно пошел вдоль вязанок, касаясь факелом то одной, то другой, и по всему окружавшему Дункана дровяному кругу начало разгораться пламя.

Отчаявшись, Дункан отвел взгляд от все увеличивавшихся языков огня и сосредоточился на холмах вдали, молясь о том, чтобы ему была дарована милость умереть так, как умер Генри Истелин — твердым в своей вере, до самой смерти преданным своим клятвам, своему королю и своему Господу.

«Помилуй меня, о Боже, потому что я всегда был честен... я уверял себя Тебе... и потому я не отступался. Испытай меня, о Боже, и исследуй меня... загляни в мое сердце...»

Но его испытанию предстояло быть жестоким, Дункан знал это — и смертельным, по крайней мере, для его тела. Языки пламени вздымались все выше и выше, и они уже начали продвигаться к нему,— но нестерпимый жар, заставивший Лориса и его приспешников отойти подальше, еще не настиг его в полной мере... возможно, до настоящего пекла ему оставалось еще с полчаса.

Но в любом случае этого жара не хватит, чтобы сразу убить его. Он уже чувствовал укусы жара своей изодранной кнута-ми спиной, и жар стекал по его рукам и ногам... но это был

жар не только окружившего его огня, но и припекающего солнца, и его собственных нервов.

«Тебе, Господи, вверяю себя... дай мне силы никогда не совершиТЬ постыдного... поддержи меня своей правотой... Склони ко мне ухо Твое — освободи меня... В Твои руки я отдаю свою душу — Ты один можешь помочь мне, о праведный Боже, вершитель суда...»

Вдали, за стеноЙ пламени, Сикард и его офицеры стали по-немногу расходиться к своим отрядам и готовиться к выступлению. Кавалерия и пехота щетинились копьями и пиками, гремели щитами и вскидывали на плечи луки, становясь в ряды. Конные разведчики уже умчались на запад, на рекогносцировку.

Почти весь лагерь был уже свернут, даже шатер Лориса уже разобрали, и солдаты укладывали свернутую холстину на выночных мулов. Вдали рыцари епископа, в белых плащах с синими крестами, уже садились в седла. А самые бесстрашные из солдат суетились возле костра, окружавшего проклятого герцога Кассанского, следя, чтобы пламя разгоралось ровно со всех сторон.

«Я подниму глаза свои к холмам, с которых придет ко мне помощь и спасение... Господь мой паstryль... я не захочу иного...»

Дункан настолько углубился в свою молитву, что сначала и не заметил, что свет солнца, заливающий землю на востоке, начал отражаться от наконечников сотен пик... и что сияние солнца скрывает ровное и уверенное приближение знамен Халдейна.

Но Сикард заметил их... и Лорис тоже. И их офицеры мгновенно начали выкрикивать яростные приказы — вооружаться и садиться на коней... а пыль, поднятая неудержимо мчавшейся армией Халдейна, уже поднялась над равниной огромным клубом, как будто несся навстречу Сикарду некий гневный ангел, пылающий жаждой мести...

Глава семнадцатая

**Я взглянул, и вот конь белый,
и на нем всадник, имеющий лук,
и дан был ему венец;
и вышел он как победоносный,
и чтобы победить¹**

алдейн!

Внезапно все холмы на юге и на востоке ощетинились копьями и поднятыми вверх мечами, и конница Халдейна понеслась вниз по долине Дорна, сметая со своего пути армию Меары, и алые знамена Халдейна полыхали на солнце. Сквозь стену пламени, все выше вздымающуюся вокруг него, Дункан смутно осознавал, что меарская армия впала в панику, и с трудом разобрался, в чем тут причина... но это знание было чем-то словно отстраненным от него, и теоретически подобное изменение окружающей обстановки едва ли могло коснуться его лично; он слишком хорошо понимал, что пламя доберется до него раньше, чем те, кто может его спасти.

Вокруг его погребального костра отряды воинов Меары, совсем недавно собравшиеся вокруг, чтобы посмотреть, как сгорит Дункан, метались теперь в смущении и испуге, и им ничуть не помогал вернуть самообладание Лорис, потрясавший епископским посохом и во все горло требовавший коня. Рыцари Церкви, в белых плащах, беспорядочно метались вокруг епископа-отступника, и кто-то наконец привел лошадь, но рядом метались огромные взволнованные боевые кони рыцарей, и конь епископа тоже заразился всеобщей горячкой, и потому Лорису весьма трудно было забраться в седло, и Лорис яростно орал на

¹Иоанн 6:2

всех подряд, пока Горони пытался собрать вместе наемников Коннанта.

Воины-мирияне пришли в себя быстрее,— может быть, потому, что Сикард отдавал приказы четко и спокойно, не поддаваясь пылким страстиам, которые явно обуревали Лориса,— но даже при его уверенном и разумном руководстве часть меарских солдат никак не могла сообразить, что им делать,— хотя их офицеры пытались выстроить отряды для контрнаступления. Наконец кое-как выстроенные отряды меарских солдат начали движение через равнину, на перехват атакующего Халдейна,— но множество небольших групп меарцев не замедлили в полном беспорядке устремиться на запад,— в единственном направлении, пока еще возможном для побега, где им не грозили атакующие силы Халдейна.

Уж конечно, все это совсем не радовало Эдмунда Лориса,— и сице меньше нравилась ему та вероятность, что его жертва может, пожалуй, избежать его мести. Ругаясь на все корки и бормоча в шлем самые черные проклятия, он резко развернулся своего коня и, дав ему шпоры, заставил приблизиться к кольцу пламени; он направил свой епископский посох на Дункана, словно желал, чтобы из посоха вырвалась молния и поразила его личного врага.

— Черт бы тебя побрал, Дункан Маклейн! — заорал он, перекрывая шум и треск огня и звон уже начавшейся битвы.— Черт бы тебя побрал, чтоб тебе вечно гореть в ад!

Звук собственного имени заставил Дункана отчасти выйти из болезненного отупения, но когда он поднял голову, чтобы взглянуть на Лориса, ужас собственного положения стал для него лишь еще более очевиден. Языки огня взметались куда выше, чем раньше, пламя уже сожрало весь хворост на дальних краях дровяного круга, и жар и дым вокруг были таковы, что, пожалуй, Дункан должен был задохнуться задолго до того, как огонь добрался бы до его плоти. А позади костра и епископа-отступника он увидел радостную и прекрасную картину: знамена Халдейна и Кассана раззвевались в воздухе, приближаясь к нему... но это лишь усилило душевную муку, потому что Дункан понимал: им не добраться до него вовремя. Ему очень хотелось верить в то, что им это удастся, он пытался отогнать страх,— как он делал это много-много раз за последнюю половину дня,— но *мераша*, плававшая в его крови, все еще слишком сильно мешала концентрации внимания. Дункан бездумно наблюдал за тем, как к Лорису подскакал Горони в сопровождении двух явно возбужденных и испуганных епископских рыцарей в белых плащах.

— Ваша светлость, мы должны спешить! — смутно рассыпал Дункан крик Горони, когда священник осадил коня рядом с Лорисом.— Бросьте вы этого Маклайна! Огонь сделает свое дело без вас!

Лорис упрямо покачал головой, и в его голубых глазах сверкнул злобный и несгибаемый фанатизм,— тот самый, что вверг всю Меару в пучину безумных событий.

— Нет! Костер горит слишком медленно. Они спасут его. А он должен умереть!

— Ну, так прикончите его как-нибудь иначе,— умоляющим тоном воскликнул Горони, жестом показывая епископским рыцарям, чтобы они заняли позицию между Лорисом и авангардом Халдейна, уже начинавшим просачиваться на ту территорию, где совсем недавно еще стоял военный лагерь Меары.— Мы должны бежать, или мы просто попадем к ним в руки!

Дрожа от разрывавших его сомнений, Лорис упорно смотрел сквозь пламя на Дункана, и ненависть мутила его ум, точно так же, как дым замутнял его зрение. Шум сражения все приближался, но Лорис словно бы и не слышал его.

— Пробивайтесь к герцогу! — донесся до Дункана чей-то отчаянный крик, откуда-то издали, с другой стороны его погребального костра.

— Спасайте епископа! — хрипло закричал кто-то другой.

Лорис, с искаженным яростью лицом, взмахнул посохом в сторону ближайшего из коннантских наемников, еще остававшихся вокруг него.

— Лучник, я хочу, чтобы он умер! — завизжал Лорис, не обращая внимания на мольбы Горони и белых рыцарей, просивших его поспешить, все еще желавших спасти его.— Убей его *немедленно!* Я не сдвинусь с места, пока он жив!

Сразу же трое воинов отделились от группы остальных и направили коней вперед, подбираясь поближе к Лорису и одновременно доставая из седельных сумок маленькие луки со смертельным легким изгибом...

— Убить его! — приказал Лорис, вытягивая руку и показывая на пытавшегося пошевелиться Дункана, когда лучники натянули поводья и остановились рядом с ним.— Убейте его прямо там! Мы не можем ждать, когда его прикончит огонь!

— Ваша светлость, мы *должны* поспешить! — продолжал настаивать Горони, снова подводя свою лошадь к фыркающему жеребцу Лориса, на этот раз настолько близко, чтобы ухватиться за повод епископского коня.— Оставьте их, они справятся со своим делом. Вы не должны попасть в руки Келсона!

— Нет! Я должен увидеть его мертвым!

Но конец был уже близок. Дункан знал это так же точно, как и то, что Лорис обязательно заплатит за содеянное,— хотя Дункан уже и не сможет этого увидеть. По мере того, как пламя разгоралось и вздыпалось все выше и выше, дым разъедал его глаза, и его голые и израненные ноги уже ощущали обжигающий жар,— а Дункан следил за лучниками, налагавшими оперенную смерть на тетиву и пытавшимися при помощи одних только ног удержать на месте шатающихся от огня лошадей и даже заставить их подойти как можно ближе к цели.

И Дугал, и Морган видели, что затеяли меарцы, хотя и находились еще слишком далеко, чтобы как-то вмешаться в происходящее. Дугал, вступивших в яростную схватку с копьеносцами армии Меары, Къяд и другие члены клана Макарди, сражавшиеся бок о бок с ним, могли лишь внутренне свирепствовать, не в силах ничему помешать,— но Дугал удвоил свои усилия, стремясь поскорее добраться до отца. На Моргана насыдали ничуть не меньше, однако его несравненно больший боевой опыт позволил ему придумать некий план, который дал бы Дункану небольшой выигрыш во времени,— но осуществить это можно было, лишь отыскав Келсона.

— Джодрел, ко мне! — заорал во все горло Морган, поднимаясь на стременах и оглядываясь по сторонам в поисках короля.— Прикрой меня сзади!

Он почти сразу увидел Келсона, с мечом в руке,— король был относительно свободен в своих действиях, поскольку находился между фалангами гвардейцев Халдейна, и еще рядом с ним была большая группа офицеров. Нападающие проносились по обе стороны окружения короля, следя за знаменем Халдейна, которое нес Эван,— но сам Келсон мог бы сейчас действовать по своему усмотрению, в то время как Морган — нет.

Отбив меарское копье, которое вознамерилось вонзиться в него, Морган повернулся спиной к Джодрелу и, мгновенно со средоточившись, бросил все силы своего сознания к королю, чтобы хоть на мгновение коснуться ума Келсона.

«Позаботься о Дункане! — передал он, на мгновение запнувшись, поскольку ему пришлось отвлечься, чтобы погрузить свой меч в горло напавшего на него меарского пехотинца.— Келсон, Келсон! Там лучники, и очень близко к нему!»

Но Келсон уже заметил грозившую Дункану опасность — и мгновенно пришел к тому же самому решению, что и Морган, поняв, что он должен сделать. Келсон очень не любил публично демонстрировать свою силу, но ни один из его собственных лучников не находился на достаточно близком расстоянии 579

от костра, чтобы можно было изменить ситуацию более традиционными методами. И Морган не мог помочь ему, поскольку установление необходимого в таких случаях точного магического равновесия сил также было сейчас невозможно, так как Морган был занят примитивной физической борьбой ради сохранения собственной жизни. Даже то, что Морган сумел при таких обстоятельствах послать предупреждение, уже было почти чудом.

Быстро огляделась вокруг, чтобы убедиться в том, что в физическом плане он надежно защищен, Келсон опустил меч на переднюю луку седла и глубоко вздохнул, чтобы сконцентрировать энергию,— и протянул пробную мысленную нить к столбу, возле которого стоял беспомощный пленник.

Он почувствовал некоторое стеснение, потому что расстояние было почти вдвое больше того, на каком он обычно действовал, да и работать с заклинаниями в шуме бушующей вокруг битвы было не то же самое, что заниматься легкими упражнениями в тихом дворе замка. Одно дело — направлять стрелу, которую сам же и выпустил из лука, к тому же в спортивную деревянную мишень, и совсем другое — отклонить боевые оперенные стрелы, несущиеся к сердцу живого человека... несколько стрел одновременно...

Но должная связь места и времени была установлена в нужный момент... и Келсон увел в сторону первую из выпущенных в Дункана стрел. Он увидел, как открылся рот сыплющего проклятиями лучника, когда его стрела ушла далеко в сторону от цели, и тут же перенес свое внимание на следующего, как раз в тот момент, когда то натянули тетиву.

Ему показалось, что даже сквозь шум биты до него донесся звон спущенной тетивы; но оперенная смерть снова вильнула в сторону и промчалась мимо головы Дункана. Он рассмотрел сквозь дым выражение ужаса, перекосившее лицо лучника, и твердую решимость в позе первого стрелка, когда он и третий лучник одновременно натянули свои луки и спустили стрелы. Но Дункан лишь прикрыл глаза и еда заметно вздрогнул, когда третья и четвертая стрелы глухо ударились в столб, и их оперения зашелеяли, соприкоснувшись, в нескольких дюймах над его головой.

— Этот проклятый священник защищается своей магией! — закричал один из рыцарей Лориса, указывая на столб, когда и пятая стрела просвистела мимо плеча Дункана, не причинив ему никакого вреда.

— Это невозможно! — рявкнул Лорис, бешено вертя головой и оглядываясь по сторонам.— Он не может использо-

вать магию — в него влили наркотик! Он просто *не в состоянии* это сделать!

— Ну, тогда это Морган,— пробормотал Горони.— Но он вообще-то тоже не может, он же сражается...

И, изрыгая яростные проклятия, он повернулся своего коня и помчался по направлению к Моргану; двое из рыцарей епископа бросились следом за ним.

Лишь маленькая горстка людей оставалась теперь рядом с Лорисом, и большая часть из них была совершенно потрясена простым предположением, что магия Дерини может действовать прямо здесь, на поле сражения, рядом с ними,— и их совершенно не интересовало, пустил ее в ход сам Дункан или какой-то другой Дерини. И все они, кроме троих, мгновенно поджали хвосты и бросились бежать, и среди них — один из лучников. Однако после резкого окрика Лориса оставшиеся двое лучников лишь удвоили свои усилия — впрочем, результат оказался ровно таким же.

В это время Сикард, прилагавший все усилия, чтобы пробиться как можно ближе к знамени Халдейна, связал наконец мысленно неподвижную позу Келсона, его взгляд, сосредоточенный на закованном в цепи Дункане, и невероятные неудачи знаменитых лучников Коннита.

— Убейте короля! — во все горло закричал Сикард, взмахом меча указывая в сторону королевской позиции.— Нарушьте его сосредоточение! Это *он* колдует, это *его* проклятая магия спасает священника Дерини!

Отвлекающий маневр сыграл свою роль. Когда Сикард и его потрясенные воины бросились вверх по склону холма, и отряду Келсона пришлось броситься в отчаянную схватку с ними, внимание Келсона нарушилось — и меарская стрела скользнула вдоль бока Дунканна, угодив в ребро, но тем не менее оставив болезненную длинную царапину. Дункан вскрикнул от боли, и это еще более сбило короля, и прежде чем он сумел восстановить сосредоточение, вторая стрела вонзилась в правое плечо Дунканна.

— *Отец!* — в отчаянии закричал Дугал, совершенно не беспокоясь о том, кто может его услышать; он и его пограничники продолжали пробивать себе путь к столбу,— впрочем, большинство все равно решило бы, что Дугал имеет в виду священный сан Дунканна.

Келсон понял, что больше ему не удастся сосредоточиться, когда следующая стрела впилась в правое бедро Дунканна,— но в любом случае атака отряда Сикарда лишила бы его возможностей продолжить работу. Внезапно вовлеченный в отчаян-

ное сражение с Сикардом и его людьми, Келсон сумел лишь послать последнюю отчаянную мольбу к Моргану,— а потом вопрос физического выживания занял первое место в его мыслях, несмотря на то, что он был королем Дерини.

Но Морган за это время продвинулсѧ вперед, и был уже вполовину ближе к костру, чем прежде. Хотя его самого и осаждали со всех сторон, к тому же к нему подоспели всадники Горони, он все же исхитрился как-то включиться в защитную цепочку, как раз тогда, когда Келсон уже окончательно вышел из игры. Поскольку Морган отвлекся от самозащиты, это стоило ему хорошего удара в бок, однако его латы выдержали, а следующая стрела, пущенная в Дункана, лишь слегка задела его ухо, вместо того, чтобы вонзиться в незащищенное горло.

Морган оказался в состоянии достаточно долго держать свою защиту, чтобы в корне изменить положение дел. После того, как еще несколько стрел ушли в сторону, стало ясно, что пленника охраняет кто-то другой, кроме Келсона; и тут один из остававшихся с Лорисом лучников заметил, что Морган приподнялся на стременах, а его окружают воины, изо всех сил стремящиеся дать ему хоть небольшую передышку от участия в общем сражении,— и перепуганный лучник тут же дал коню шпоры и умчался прочь, прихватив с собой и товарища-стрелка, и того последнего конного гвардейца, что еще не сбежал от Лориса.

Лорис окончательно впал в ярость от их бегства. И в то время как Сикард старался оттеснить короля подальше от жуткого костра, а Горони повел своих людей в новую, еще более энергичную атаку на Моргана и его отряд,— мятежный епископ внезапно погнал коня прямо на костер, и у самой границы огня спрыгнул на землю.

Ругаясь и проклиная все на свете, он сунул свой епископский посох в горящие кучи хвороста и поленьев и начал расшвыривать их в стороны.

— Следи за Лорисом! — проревел Морган, отбивая направленный в его голову удар и в качестве ответа рассекая плечо мечарского рыцаря; будучи не в состоянии сам предпринять хоть что-то, он лишь следил за тем, как Лорис отшвырнулся в сторону посоха и начал отпихивать затянутыми в перчатки руками и пинать ногами кучи горящих поленьев и угольев,— он расчищал себе дорогу, стремясь во что бы то ни стало добраться до своей жертвы.

Дугал тоже заметил новую опасность, и стремительно бросил своего коня вперед, к костру, рассчитывая на то, что внезапность его маневра даст ему небольшое преимущество. За 582 ним помчались Кьярд и еще несколько Макардри, а также

небольшая группа рыцарей Халдейна,— и он сумел прорваться весьма глубоко сквозь редеющие ряды меарских воинов, прежде чем эффект неожиданности иссяк. Дугал сражался, как безумный, а Къядр и остальные взяли его в кольцо, чтобы помочь прорваться сквозь отчаянно защищающееся епископское войско,— и он мог видеть искаженное болью лицо отца, и кровь, стекающую по его телу из нескольких глубоких ран,— и он видел Лориса, рвущегося сквозь огонь и все приближавшегося к своей беспомощной жертве... глаза епископа горели безумием, в правой руке он держал длинный кинжал, предвкушая триумф, предвкушая, что наконец-то он вот-вот получит свою награду...

— Лори-и-ис! — протяжно закричал Дугал.

Когда Дугал добрался наконец до внешнего края погребального костра, брошенный жеребец Лориса промчался мимо него, и его грива и хвост были охвачены пламенем. Конь Дугала встал на дыбы и заржал, испугавшись огня.

Еще недавно снежно-белый плащ Лориса был весь перепачкан пеплом и сажей и тлел с одного края, шлем-митра свалился с головы,— но зато лишь несколько футов отделяли обезумевшего епископа от его жертвы, едва ли способной сопротивляться.

— Лори-и-ис!

Дугал безжалостно вонзил шпоры в бока своего коня, пытаясь заставить его прыгнуть в огонь,— но животное попятилось и присело на задние ноги, не желая повиноваться и готовое вот-вот броситься наземь, чтобы стряхнуть с себя седока. Но Лорис, карабкающийся через груды хвороста, даже не оглянулся на него, хотя уже и воины Дугала догоняли своего молодого вождя, и несколько рыцарей Халдейна уже спешились у костра, обратив в бегство последних защитников Лориса.

— Лорис, черт тебя побери, не смей! — кричал Дугал, задыхаясь; он крепко натянул поводья и вновь попытался заставить коня прыгнуть, на этот раз колотя животное плоской стороной меча по крупу, чтобы конь почувствовал решимость своего хозяина.

Но животное снова отказалось повиноваться, на этот раз встав на дыбы, а потом несколько раз вскинув задом,— так, что Дугал выронил меч и едва не выпал из седла; при этом егосыпало дождем искр и пылающих щепок. Вся эта суматоха отвлекла Лориса от целенаправленного движения к жертве, но лишь на несколько мгновений. Потом его плащ зацепился за тлеющую корягу, и ему пришлось приостановиться, чтобы освободить его, и он бросил в сторону Дугала один-единственный взгляд, прежде чем снова бросился вперед, держа в поднятой руке сверкающий кинжал.

В запасе оставалось лишь несколько мгновений. Солдаты Дугала не могли вовремя догнать Лориса и остановить его, и он это знал.

Дугал с неестественной отчетливостью видел лезвие кинжала, взлетевшее в воздух, готовое ударить... застывшее на лице его отца выражение недоумения... ведь спасение было так близко... В отчаянии Дугал вцепился в гриву коня и бросил в смятенный ум животного мысленный приказ — приказ повиноваться, несмотря ни на что... и это был приказ воистину убийственной силы.

— Лори-и-ис! — снова закричал Дугал, когда конь взвился в воздух чудовищном, ошеломляющем прыжке, и перенесся через стену огня, окружавшую Дунканна... и умер в воздухе, не долетев до земли, поскольку его могучее сердце не выдержало такого страшного напряжения.

Конь под Дугалом был уже мертв, когда он упал на землю, и его ноги безвольно подломились,— но Дугал каким-то чудом исхитрился вскочить из седла до того, как рухнул его конь, и успел вцепиться в плащ Лориса.

— Черт бы тебя побрал, Лорис!

Он отчаянно рванул на себя край льняного плаща — и этого оказалось достаточно, чтобы смертельный удар не угодил в цель. Вместо того, чтобы вонзиться в обнаженную грудь Дунканна, его острье скользнуло по стволу, срезав с него кусок коры, и остановилось, уткнувшись в железную цепь.

Архиепископ взвыл от бешенства, когда молодой, худощавый Дугал бросился на него, стараясь отобрать кинжал,— и они оба, упав, покатились прямо на горящие поленья, вскрикивая, когда пылающие ветки соприкасались с обнаженными участками кожи. Роджер, граф Дженас, был одним из двоих рыцарей Халдейна, которые подоспели к месту схватки первыми, и именно Роджер навалился на Лориса и подмял его под себя, выкручивая руку, державшую кинжал,— и Лорис бешено завопил от боли и унижения.

— Брось его сейчас же, или я сломаю тебе руку! — потребовал Роджер, выворачивая кинжал из судорожно сжатых пальцев Лориса.

Къяд поспешил к молодому хозяину и помог ему подняться на ноги, смахивая с кожаных доспехов янтарно тлеющие угли,— а его товарищи в это время перебирались через тушу мертвого коня, чтобы помочь вывести из огня пленника. Но разбросанный костер уже начинал угасать.

— Отец? — выдохнул Дугал, оттолкнув Къярда и бросившись к столбу.

Дункан при звуке голоса Дугала с трудом поднял голову, из-за терзавшей его боли не до конца осознавая, что он почтому-то все еще жив.

— Дугал... — Он вздрогнул и задохнулся, когда Дугал споткнулся, подняв целый фонтан огненных брызг, осыпавших обнаженные, лишенные кожи и кровоточащие ноги пленника.— Милостивый Боже, я уж думал, что никогда больше тебя не увижу...

— Неужели ты думал, что я позволю тебе умереть? — ответил вопросом Дугал.

Дункан содрогнулся и покачал головой, когда Дугал начал энергично сдвигать в стороны горячие щепки и поленья, чтобы расчистить путь к столбу; Кьярд помогал ему. Яркая алая кровь сочилась из-под стрелы, торчавшей в плече Дункана, текла из других его ран, и он застонал, когда Дугал наконец подошел к нему вплотную, и закрыл глаза... и он отшатнулся от одетой в перчатку руки Дугала, когда тот коснулся стрел, торчавших из его плеча и бедра.

Дугал осмотрел все раны, быстро исследовал все прочие повреждения, со свистом втянул воздух, увидев лишенные ногтей пальцы на руках и ногах отца... Он быстро снял перчатки, в то время как Кьярд атаковал кандалы, стягивавшие руки Дункана позади столба,— но Дункан покачал головой, когда Дугал хотел заняться его ранами.

— Нет! *Мераша!* — слабым голосом предостерег он, почти не осознавая того, что Роджер уже поддерживает его под руку слева, а Кьярд взламывает замки кандалов острием пограничного кинжала.— Скажи Аларику... это важно...

Но напряжение оказалось слишком велико для него, после всего, через что ему пришлось пройти, и он наконец провалился в благословенное беспамятство. Когда же оказалось, что кандалы не желают достаточно быстро сдаваться под напором Кьярда, Дугал положил руку на одно из колец и бросил все силы своего ума на упорный механизм, забитый золой и пылью,— и в этот момент его совершенно не заботило, кто может увидеть результат его действий и понять, кто он таков на самом деле.

— Лорд Дугал? *Вай?* — задохнулся от изумления Роджер, когда железное кольцо распалось... но Кьярд и глазом не моргнул.

Когда второе кольцо кандалов раскрылось, освободив оба запястья Дункана, и Кьярд с Роджером подхватили на руки бесчувственное тело Дункана, связанный Лорис изо всех сил вытянул шею,— и как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дугал одним лишь прикосновением сбрасывает с Дункана ножные кандалы.

— Дерини! О, Боже, так ты тоже Дерини!

Дугал, уже помогавший Къярду и Роджеру уложить Дункана на наспех сооруженные носилки, не удостоил Лориса даже взглядом; для него в этот момент куда важнее было устроить отца поудобнее, не задев по-прежнему торчавшие из его тела стрелы.

— Верно, Лорис, верно. Я Дерини,— небрежно ответил он.— И епископ Дункан мой отец. Так что помолись-ка лучше о том, чтобы он остался жив,— добавил молодой вождь.

— А, так значит, у еретика Дерини есть ублюдок Дерини! — успел прошипеть Лорис, прежде чем один из пограничников Дугала заткнул ему рот кляпом. Но его слова были почти заглушены изумленным шепотом тех, кто так же, как Лорис, даже не подозревал ничего подобного.

Но Дугала сейчас ничто не интересовало, кроме его отца; он помог Къярду и Роджеру унести по-прежнему не приходившего в сознание Дункана подальше от столба, за пределы круга тлеющих и догорающих дров, и его нисколько не беспокоило то, что еще до наступления ночи вся их армия узнает его тайну.

А битва вокруг них тем временем не утихала, только она теперь шла сразу в нескольких местах, поскольку армия Келсона разбросала отряды Меары и наголову разбила ошеломленных наемников. Когда враг начал отступать Келсон применил ту же тактику, которую он использовал в Талакаре, хотя и в куда больших масштабах,— и его чрезвычайно подвижные копьеносцы и тяжелая кавалерия постепенно отделяли отряды меарцев один от другого и забирали их в кольца окружения, предлагая либо погибнуть, либо сдаться в плен,— а появление верховых лучников быстро давало понять врагу, что с выбором следует поспешить.

Морган, видевший, как Дугал своим изумительным рывком разбил все планы Лориса, тут же взялся всерьез за Горони, стремясь окончательно повергнуть его,— и даже сумел удержаться сам и удержать своих людей от того, чтобы нанести преступному священнику серьезные повреждения, когда им наконец удалось захватить его. И наконец сам Келсон, во главе отряда рыцарей, сумел припереть к стенке Сикарда.

— Лучше сдайся, Сикард,— закричал Келсон, когда увидел, что Сикард упорно гонит своего усталого коня, пытаясь найти выход из круга королевских солдат, и те люди, что еще оставались с ним, также лихорадочно ищут возможность бегства.

Возле Сикарда оставалось около двух десятков рыцарей, а отряд Келсона превышал их число как минимум в три раза; 586 среди воинов Сикарда было немало мелкопоместных лор-

дов и даже рыцарей более высокого положения. Усталые и отчаявшиеся, они плотным кольцом стояли вокруг принца, обернувшись лицом к врагам. Но хотя они держали наготове все свое оружие и явно были готовы принять последний бой и полечь на поле сражения, Келсон решил, что на сегодня довольно крови и убийств, и что нужно по крайней мере попытаться найти более мирное решение.

— Говорю тебе, сдавайся! — повторил король. — Тебе просто незачем больше сражаться. И у тебя нет надежды сбежать, Сикард. Если не хочешь сдаваться ради самого себя, сдайся ради блага твоих солдат, они ведь только в том и виноваты, что последовали за плохим вождем!

Сикард, раненный в нескольких местах, обливался кровью; когда он снял шлем и отбросил его в сторону, стало видно, что его лицо болезненно побледнело, — однако он вызывающе посмотрел на Келсона и приподнял окровавленный меч.

— Я не сделаю этого, Халдейн, — мягко произнес он, слегка покачнувшись в седле. — Я дал клятву моей госпоже — что я буду защищать ее права до самой смерти.

— Так ты просто ишь смерти для себя и для всех этих людей? — спросил Келсон. — Что ж, если ты настаиваешь на вооруженной схватке, ты ее получишь.

— Так схватись со мной один на один! — рявкнул Сикард. — Я не боюсь умереть. Если победа останется за мной, я получу свободу. Если нет...

Келсон спокойно оглядел своего врага. Хотя ему было почти жаль этого человека, все же из-за Сикарда Макардри погибло уже слишком много людей.

Пока король со своим отрядом гонялся за Сикардом, битва уже почти закончилась, и лишь кое-где еще сражались между собой небольшие группы солдат, — однако раненых и убитых с обеих сторон было так много, что тела сплошь покрывали долину Дорна. И если вдруг, по какому-то капризу физической природы, Сикард, который был и старше, и опытнее короля, сумеет ранить или убить его...

— Нет, Сикард, — наконец тихо ответил Келсон.

Похоже, Сикард просто не способен был понять услышанное. Его взгляд бессмысленно скользнул по окружавшим его рыцарям, потом по Эвану и другим знатным лордам, окружавшим короля Халдейна, потом Сикард посмотрел на сверкавшее на солнце знамя Халдейна, древко которого держала крепкая рука Эvana, потом на блестящий меч, лежавший на одетом в латы плече Келсона.

— Что ты хочешь сказать... своим «нет»?

— Я имею в виду — *нет*, я не стану сражаться с тобой один на один,— негромко произнес Келсон.

— Не хочешь... но...

Отчаяние вспыхнуло в темных глазах Сикарда, когда он наконец осознал весь смысл ответа Келсона. Его дыхание участилось, он внимательно всмотрелся в офицеров, окружавших Келсона, словно надеясь увидеть поддержку и одобрение на их лицах... Но мечи и копья, направленные на него и на его людей, не колыхнулись, и в ответных взглядах рыцарей Келсона он увидел только холодную неколебимую решимость.

— Я... я не сдамся,— сказал наконец Сикард.— Тебе придется взять меня силой.

— Нет,— снова произнес Келсон, еще тише, чем в первый раз. И, аккуратно опуская меч в ножны, добавил, чуть обернувшись через плечо: — Лучники, приготовиться. И кто-нибудь, принесите лук для меня.

Лицо Сикарда посерело, а окружавшие его рыцари начали негромко и нервно переговариваться между собой, когда Келсон тоже снял шлем, затем латные рукавицы, и передал их своему оруженосцу.

— Ты... ты *не можешь* так поступить! — с надрывом в голосе выкрикнул Сикард.

— Не могу? — повторил Келсон, даже не оглянувшись на разведчика, пробирающегося к нему с луком и полным колчаном стрел. Не посмотрел король и на отряд конных лучников, которые, осторожно ведя своих лошадей между стоявшими вокруг Сикарда и его людьми рыцарями короля, неторопливо окружали попавшегося в западню принца.

— Но... но есть законы ведения войны...

— Вот как? Я что-то не замечал, чтобы меарская армия очень стремилась к их соблюдению,— сказал Келсон.— Или, может быть, тебе неизвестно, что герцога Кассанского пытали, в то время как он был пленником и должен был находиться под твоей защитой?

— Он был пленником *Лориса!* — возразил Сикард.

Не потрудившись ответить, Келсон взял принесенный разведчиком лук заставил своего коня чуть сдвинуться вправо, чтобы он встал боком к командующему армией Меары,— после чего проверил тетиву.

— Но ты... ты не можешь просто пристрелить меня, как собаку! — внезапно севшим голосом произнес Сикард.

— В самом деле? — небрежно бросил Келсон, спокойно налагая на тетиву стрелу.— Сикард, я могу и я пристрелю тебя **588** именно как собаку, раз уж мне приходится. Потому что ты,

как бешеный пес, опустошил мои земли и убил моих людей. А теперь — ты и твои люди сдадитесь? Или мне придется сделать то, чего я предпочел бы не делать?

— Ты блефуешь, — прошептал Сикард. — Что скажет весь мир, если великий Келсон Халдейн хладнокровно прикончит своего врага?

— Мир скажет, что предатель был казнен за свое предательство, дабы он не угрожал больше спокойствию честных людей, — ответил Келсон. — Я говорю, что довольно уже губить чужие жизни ради тебя и твоих нелепых и ложных целей. Разве тебе недостаточно того, что ты уже заплатил жизнями троих своих собственных детей?

— Троих? — задохнулся Сикард. — Итебя..

— Он мертв, — сказал Келсон, поднимая лук и прицеливаясь прямо в сердце Сикарду. — Я повесил его и Брайса Турила, вчера. А теперь опусти меч. У меня рука начинает уставать. Лучники, если я выстрелю в него, а его люди не сдадутся в ту же самую секунду, — перебить их точно так же! Ну, так что ты решил, Сикард? Если ты снова говоришь «нет», я спускаю тетиву.

Наконечник боевой стрелы, направленный в его сердце, отсвечивал в лучах жаркого полуденного солнца смертельной чернотой, но Сикард больше не страшился его, как это было совсем недавно. Он бездумно смотрел на человека, который убил обоих его сыновей, и который послужил причиной смерти его единственной дочери. Все оказалось бессмысленным...

И когда лучники Халдейна подняли луки, подводя своих коней на расстояние выстрела к его рыцарям, Сикард Макардри медленно перевел взгляд с Келсона к далеким горам на западе, к своей утраченной королеве... он, мечтавший сидеть рядом с ней на троне Меары... и прошептал одно-единственное слово:

— Нет.

Прежде чем кто-либо из его окружения успел произнести хоть звук, стрела Келсона вонзилась точно в его левый глаз — в последнюю секунду король изменил цель, поскольку латы Сикарда могли отразить отравленный наконечник стрелы, и тем самым агония Сикарда только затянулась бы. Принц-конsort Меары умер молча; и меч, выскользнувший из безжизненных пальцев, бесшумно соскользнул вниз и вонзился в песок, и Сикард следом за ним тяжело свалился на землю, загрохотав доспехами.

Этот звук, казалось, пробудил свиту принца, в ужасе и ошеломлении наблюдавшую за происходящим; и поскольку Келсон уже взял следующую стрелу, а его лучники начали выбирать каждый свою цель, ропот протesta пробежал по толпе ры-

царей Меары... но тут же утих, когда глаза всех воинов остановились на короле.

— Теперь я требую *вашего* решения, господа,— сказал Келсон, налагая на тетиву вторую стрелу.— Ваш командующий был храбрым человеком, пусть даже и глупым, но в силу того, что он был стойким до конца в преданности своей леди, я полагаю, он заслужил того, чтобы быть похороненным со всеми полагающимися ему почестями... и точно так же я решил поступить с принцем Итэлом. Вы окружены, и подумайте о том, какую расплату повлекут за собой ваши личные поступки, и только они... или же разделите судьбу *вашего* уже погибшего командира.

Меарские рыцари вовсе не намеревались проявлять такую же стойкость, как принц Сикард. Кое-кто из них пытался что-то сказать, но тем не менее почти мгновенно после слов Келсона мечи и кинжалы полетели на землю, а пустые руки поднялись над закованными в латы плечами.

— Эван, возьми их под стражу,— буркнул Келсон, опуская лук и приподнимаясь на стременах, чтобы оглянуться назад, туда, где все еще высился среди тлеющих углей столб, и где он в последний раз видел Дункана, закованного в кандалы.— Мы одержали победу, но молитесь все о том, чтобы частью цены, заплаченной за нее, не стала жизнь епископа Дункана.

Генерал Глодрут принял у Эvana знамя Халдейна и поехал рядом с королем,— а Келсон направил своего коня к центру бывшего лагеря меарской армии, чтобы выяснить, как там обстоят дела. Военные хирурги уже занимались теми ранеными, которым была нужна врачебная помощь, священники — теми, кто во врачах уже не нуждался, и стоны и крики раненных и умирающих раздавались в жарком воздухе вокруг короля, пока он ехал через поле недавнего сражения.

Неподалеку от столба казни несколько разведчиков Халдейна стояли возле тел мертвых коннантских наемников и епископских рыцарей. Чуть подальше Келсон увидел барона Джодрела; тот встал при приближении короля и отсалютовал, и его глаза вспыхнули мрачным торжеством, когда он показал на мужчину средних лет,— тот лежал на земле, задыхаясь от боли, в то время как один из оруженосцев и врач-монах перевязывали его раны. Рядом валялись латы и запятнанный кровью белый плащ.

— Узнаете его, сир? К несчастью для него, он выживет, чтобы предстать перед трибуналом.

Келсон нахмурился.

— Один из помощников Лориса?

— Его *главный* приспешник! — пробормотал хирург, одетый в рясу, мощным ударом в челюсть заставляя своего па-

циента замолчать, поскольку тот при звуке голоса Келсона мгновенно открыл глаза и начал сипать проклятиями и извиваться.

— Лоуренс Горони,— пояснил Джодрел, когда Горони откинулся на спину, лишившись сознания.— Плохо, конечно, что герцог Аларик не прикончил его, но раз уж так получилось...

— Аларик? Ох, боже, где он? — перебил Джодрела король, перекидывая закованную в латы ногу через седло и тяжело спрыгивая на землю.— И епископ Дункан... он жив?

— Он вон там, сир.

Глава восемнадцатая

Искусство лекаря заставит подняться его голову¹

Келсон, как одержимый, бросился по направлению к огромному колышущемуся тенту, на который показал ему Джодрел, страшась того, что он может там найти. Жара и усталость сковывали его движения, вес лат и кольчуги, казалось, готов был придавить к земле, и дыхание с хрипом вырывалось из его легких,— но он бежал, не позволяя себе замедлить шага, пока не достиг цели; сердце его от страха и напряжения готово было выпрыгнуть из груди, когда он наконец остановился.

В тени навеса, наскоро сооруженного солдатами, знакомые фигуры склонились над лежащей навзничь почти обнаженной фигурой... и это наверняка должен был быть Дункан; но прежде чем Келсон убедился в этом, он вынужден был остановиться, поскольку внезапно ощутил сильное головокружение и ужасающую тошноту; он нагнулся и обхватил голову руками, ожидая, пока прекратится биение в висках и спазмы в желудке.

Наконец он выпрямился и расстегнул пряжку своего латного воротника, все еще тяжело дыша,— но на него никто не обратил внимания. Келсон попытался внушить себе, что дела обстоят вовсе не так плохо, как это могло показаться на первый взгляд, и медленно, со страхом, подошел поближе к группе хлопочущих вокруг неподвижно лежавшего тела людей.

Да, это действительно был Дункан, и никто иной. Желудок Келсона сжался, стремясь вывернуться наизнанку, когда король увидел, что сделали с епископом.

Из его бедра все еще торчал обломок стрелы; голые ноги были сплошь покрыты даже на вид чрезвычайно болезненными

¹Экклезиаст 38:3

ожогами; а с грязных, покрытых запекшейся кровью пальцев ног были содраны кожа и ногти. Келсон вытянул шею, чтобы посмотреть на грудь Дункана, над которой мелькали руки окружавших епископа людей,— и увидел, что она также окровавлена и сплошь покрыта рубцами... и королю показалось, что эта грудь не дышит.

Однако одним из тех, кто стоял на коленях в изголовье, был Морган, и он положил одну руку на закрытые глаза Дункана, а другая его рука лежала на груди епископа, едва заметно поднимаясь и опускаясь при каждом вздохе. Тут же стоял Дугал, спиной к Келсону, а кроме него — еще и отец Лаэл, капеллан Кардиеля; и сам герцог Кардиель был здесь и заглядывал через плечо Лаэла.

Когда Келсон увидел двух священников, его и без того уже оцепеневший от страха мозг охватил леденящий холод, и новый приступ тошноты заставил его споткнуться, когда он сделал следующий шаг.

— Боже милостивый, но ведь он не умирает, нет? — прошептал король.

Кардиель повернулся и обхватил Келсона за плечи, потому что тот готов был упасть на землю.

— Полегче, сынок! Он не такой уж слабак.

— Но отец Лаэл...

— Он здесь в качестве врача, а не священника... по крайней мере пока. А я стараюсь оказать ему моральную поддержку.

Покачнувшись от волны облегчения, пронесшейся по его телу, Келсон на секунду прислонился к Кардиелю, борясь с головокружением.

— Ох, слава богу... Но как он вообще, очень плох?

— Да, довольно плохо... но я думаю, он с этим справится. Ожоги у него только поверхностные, а ногти отрастут... вот спина, пожалуй, выглядит хуже всего. Да, и еще в него угодило несколько стрел, и он, пожалуй, потерял несколько больше крови, чем хотелось бы... Вот эта рана, над которой они сейчас трудятся, наверное, опаснее других.

— Полегче,— донеслось до Келсона бормотание Дугала, когда Лаэл ловко срезал обрывки кожи, висевшие вокруг древка стрелы, вонзившейся в плечо Дункана, и Дугал начал предпринимать осторожные попытки извлечь ее.— Ты уверен, что она не задела легкое?

Келсон осторожно обошел Лаэла, в то время как маленький священник, сморщившись от усердия, осторожно провел кончиком пальца вдоль стрелы и даже частично погрузил палец в рану, пытаясь высвободить колючий наконечник.

— Угол наклона выглядит неплохо. Я не думаю, что легкое может быть задето. Однако кровотечение продолжается. Будь наготове, когда эта штука наконец выскочит.

— Я слежу,— выдохнул Дугал.— Давай, полегоньку...

Внезапно стрела высокользнула из его руки, а из раны фонтаном хлынула ярко-красная кровь.

— Черт!..

Лаэл мгновенно хлопнул на рану большой тампон, прижав его не только ладонями, но и всем своим весом, и закричал, призывая Къярда,— а Дункан застонал, и лицо его посерело, а дыхание стало поверхностным и прерывистым. Выругавшись шепотом, Морган отшвырнул отца Лаэла и сбросил тампон; когда он вложил два пальца в открывшуюся рану, он содрогнулся,— но тут же закрыл глаза, дыша тяжело и неровно.

— Аларик, нет! — закричал Дугал.

Он попытался оттащить Моргана, а отец Лаэл положил руку на обнаженное запястье Моргана, желая остановить его,— но Морган только покачал головой. Келсон упал рядом с ним на колени и смотрел во все глаза, от потрясения не в состоянии ни двигаться, ни говорить,— а Кардиель суетился рядом, пытаясь дотянуться до Моргана.

— Морган, ты что, с ума сошел?! — задыхаясь, твердил отец Лаэл, все еще пытаясь бороться с герцогом.

— Он истекает кровью! — ответил Морган, хотя уже начал дрожать от напряжения.— Я попробую остановить его.

— У него *мераша* в крови, чтоб тебя... Прекрати немедленно!

— Я не дам ему умереть от потери крови.

— Он не истечет кровью, если ты позволишь мне этим заняться,— возразил отец Лаэл, по-прежнему пытавшийся оттолкнуть Моргана, и в то же время лихорадочно промокавший кровь, сочившуюся между пальцами Моргана.— Но он умрет от шока, если тебе не удастся справиться с этим. А ты и не справишься, если *мераша* начнет действовать на тебя. *Къярд!* Где это чертово железо?!

Только теперь Келсон осознал, что помощник Дугала спешит к ним с раскаленной докрасна кочергой, ручку которой он обмотал толстой тряпкой,— и что рука отца Лаэла уже тянется к этой кочерге.

— Морган, убери свои руки, *сейчас же!* — приказал отец Лаэл.— Сир, ему нужна ваша помощь.

Каким-то образом Келсон сумел сообразить, что отец Лаэл имеет в виду Дункана, а не Моргана. Когда Морган со вздохом,

слишком похожим на рыдание, опустил окровавленные руки в таз с водой, который поднес ему бледный, как мел,

оруженосец, Келсон взял в ладони мокрое от пота лицо Дункана и попытался установить мысленный контакт — но мгновенно отпрянул, потому что едва не попался в разрушительную сеть *мераши*, с которой только что пытался сразиться Морган.

Боже, как он мог все это выдержать?!

Келсон заставил свою мысль вернуться к Дункану, и его тело выгнулось дугой от разделенных с Дунканом ощущений, в то время как Дугал навалился на тело отца, чтобы удержать его в нужный момент,— а отец Лаел сунул конец светящейся очереди прямо в рану.

Вопль Келсона смешался с едва слышным криком Дункана, когда яростная боль молнией ворвалась в его сосредоточение. Келсон попытался смягчить их общую боль, чувствуя, как его собственный пульс ускоряется вслед за пульсом Дункана,— однако *мераши*, одурманившая Дункана и полностью нарушившая его самоконтроль, мешала и работе его ума. Вонь горящей плоти мгновенно ввергла его в воспоминания Дункана о столбе, и о пламени, тянувшем жадные пальцы к его телу, обжигающем...

Лишь когда мокрые руки Моргана отодвинули его в сторону, Келсон сумел наконец разорвать связь. Куда более искушенная сила Моргана прорвалась сквозь туман *мераши* и дала ему возможность овладеть собственным сознанием, и поддерживала его, пока он облегчал страдания Дункана. Потом Къяд обхватил за плечи пошатнувшегося короля, чуть не сбитого с ног головокружением, и быстро увел его в сторону, подальше от тех троих, что продолжали трудиться над Дунканом,— и Келсон начал понимать, что был на грани тяжелого расстройства.

Он опустился на четвереньки и его желудок судорожно дернулся, выбрасывая свое содержимое. Он содрогался снова и снова, хотя теперь и безрезультатно, и Келсон в конце концов подумал, что, пожалуй, вместе с желчью вот-вот вылетят и его кишki,— но наконец реакция тела начала понемногу затихать. Но тут перед глазами Келсона поплыл серый туман, потом навалилась чернота...

Когда король наконец пришел в себя, он лежал на боку, ла ты с его груди были сняты, а архиепископ Кардиель обтирал сзади его шею влажным прохладным полотенцем. Но вместе с сознанием вернулся и весь ужас нескольких последних часов, мгновенно нахлынув на Келсона,— а когда он попытался сесть, то попытка его не удалась, и перед глазами снова все поплыло, а к горлу подступила горечь.

— Ну-ка, ложись и выпей это,— негромко сказал Кардиель, поддерживая короля под спину и укладывая его голову к себе на колени. И тут же в руке Келсона очутилась чаша.

— Что это?

— Вода. Ты пересох насовсем от жары. Выпей поскорей, я налью тебе еще. Ничего, скоро ты будешь в полном порядке.

Но Келсон сначала прополоскал рот, чтобы избавиться от привкуса желчи, и осторожно выплюнул горькую воду. Потом, уже допивая чашу, и молясь о том, чтобы грохот в его голове наконец утих, он наконец заметил, что он находится не там, где застало его беспамятство. Между тем местом, где он лежал, и остальной частью тента был протянут занавес, из-за которого доносились негромкие голоса; Келсон прислушался — Морган, Дугал, отец Лael, и...

— Ох, милостивый Иисус... Дункан... он...

— Он жив,— ответил Кардиель, забирая из руки Келсона чашу и вновь наполняя ее водой.— И он в надежных руках. Ну, выпей еще. Ты все равно ничем не сможешь помочь ему, пока не приведешь себя в порядок.

— Но Аларик... Дугал...

— Они остановили кровотечение. Его накачали наркотиком, чтобы помешать действию силы Дерини, так что им придется подождать, прежде чем можно будет действовать дальше.

— *Мераша*.

— Да, думаю, они так его называют. Ну, выпей еще вот это, или я не стану тебе ничего рассказывать. Им там *ни к чему* еще один пациент, на которого нужно тратить силы. Все врачи слишком заняты.

Келсон слегка вздрогнул и осушил чашу. С подобной логикой спорить не приходилось. Когда Кардиель вновь наполнил чашу, Келсон снова послушно выпил ее до дна.

Когда архиепископ наполнил чашу в третий раз, Келсон начал чувствовать себя промокшим насовсем, но он с видом человека, который исполняет долг, и эту чашу поднес к губам и пил понемногу, оперевшись на локоть, а Кардиель снял свой плащ, свернулся и подсунул ему под ноги. Через несколько минут, когда архиепископ предпринял еще кое-какие меры, головная боль у Келсона стала наконец понемногу затихать. К несчастью, ее место тут же заняли мысли о многообразных делах, за которые королю надлежало приняться как можно скорее.

— Я уже вполне отдохнул,— сказал Келсон, отставляя чашу в сторону.— Я хочу узнать, каковы наши потери, сколько убито, сколько ранено. Где Эван и Реми? И Глодрут?

— Полежи-ка еще немножко, мой господин,— откликнулся архиепископ Кардиель, беря короля за плечи и снова укладывая его, когда тот попытался сесть.— Реальные потери относительно невелики, по крайней мере с нашей стороны, хотя хи-

рурги, пожалуй, всю ночь будут заниматься ранеными. Похоже, борьба закончилась уже во всей Меаре. И большинство из тех, кого мы взяли в плен, готовы подтвердить свою вассальную преданность тебе.

— Пленники?..

Келсон на несколько секунд закрыл глаза, вспоминая, как Сикард падал со своего коня, и стрела торчала из его глазницы... потом уныло вздохнул и приложил ладонь ко лбу.

— Они тебе рассказали, как мне пришлось поступить с Сикардом?

— Да,— голос Кардиля прозвучал низко, невыразительно.— Но ведь он восстал против тебя и отказался сдаться.

— Поэтому я пристрелил его,— пробормотал Келсон.

— Да, он его пристрелил,— сурово произнес Эван, просунувший голову между полотнищами шатра, и Келсон поднял руку, чтобы посмотреть на него.— И не вздумай позволять ему погрязнуть в сожалениях из-за этого маленького промаха, архиепископ! Парнишка проявил характер. Он казнил одного предателя, чтобы заставить многих других сдаться без боя.

Келсон, не чувствуя себя убежденным в собственной правоте и пытаясь справиться со смертельной усталостью, Келсон с трудом сел, не обращая внимания на то, что из-за резкого движения в голове на несколько секунд все словно перевернулось от боли.

— Все равно мне следовало постараться представить его перед трибуналом.

— Он *сам* это выбрал, сир.

— Но...

— Келсон, он давно уже был мертв, и сам отлично понимал это! — воскликнул герцог Эван, заставляя Келсона отвести руку от лица и заглядывая ему в глаза.— Подумай об этом. Его душа была искалечена. Он поднял мятеж, и в результате его последний сын был убит. Ты думаешь, он не понимал, что его ждет? Или ты думаешь, он предпочел бы умереть по приговору суда, как предатель? Нет, для него самого было лучше умереть вот так, с мечом в руке. Лучше стрела из королевского лука, чем веревка или топор плача... или многие годы в темнице...

Келсон откашлялся и уставился в пол между своими коленями.

— Я... я об этом не подумал,— признался он.

— Это уж точно, я так и понял,— пробормотал Эван.— Не так-то легко стать королем, не успев толком повзросльть, а, парнишка? Но, если это тебя хоть немножко утешит, твоему отцу было ничуть не легче, благослови Господь его душу.

Келсон слабо улыбнулся.

— Да уж, наверное...

— Ну, значит, и довольно об этом.

Келсон кивнул и глубоко вздохнул, несколько ободренный словами старого герцога,— рассудочная часть его ума понимала, что Эван прав, но королю все равно хотелось, чтобы все это произошло как-то иначе...

Но потом его мысли обратились к Лорису,— к тому, кто был подлинным виновником столь печального положения дел,— и в глазах Келсона вспыхнула решимость, когда он снова поднял голову.

— Да,— сказал он.— Ты прав, Эван. И я знаю кое-кого, кто куда более Сикарда достоин наказания за все, что случилось сегодня. Где Лорис?

— В надежном месте, сир, под надежной охраной,— без промедления откликнулся Кардиель, кладя руки на плечи короля, поскольку тот попытался встать.— И Горони тоже. Но я думаю, тебе лучше отложить встречу с ними до утра.

Серые глаза Келсона Халдейна потемнели и стали холодными, как лед, и он ощутил, что вся сила архиепископа Кардиеля — ничто перед ним, хотя он ни на йоту не задействовал свое могущество Дерини.

— Я видел Горони и сумел удержаться от того, чтобы тут же убить его,— ровным голосом произнес он.— Так в чем же дело? Неужели ты думаешь, что Лорис будет для меня более сильным искушением?

— Эдмунд Лорис может и святого довести до того, чтобы тот нанес емуувечье,— возразил архиепископ Кардиель.— Я знаю, что я, например, не решился бы встретиться с ним прямо сейчас, потому что слишком хорошо знаю, что он сделал с Дунканом и что он сделал с Генри Истелином.

— Я не собираюсь убивать его без суда, Томас! И я не намерен мучить пленников, даже если мне очень этого захочется.

— Никто и не говорит об этом, сир.

— Тогда почему бы мне не увидеть его прямо сейчас?

Архиепископ Кардиель выпрямился под гневным взглядом Келсона, не желая сдаваться,— и наконец король опустил глаза, сожалея о своей вспышке.

— Ты не боишься меня, правда? — прошептал он.

— Нет, сир. По крайней мере, я не боюсь за себя самого.

— Архиепископ прав, сир,— вмешался герцог Эван, опускаясь на корточки, чтобы удобнее было говорить с лежавшим королем.— Почему бы тебе не подождать до утра? Для таких,

598 как Лорис и Горони, пытка уже то, что они угодили в плен

к Дерини. Так пусть поволнуются как следует! Чем дольше ты заставишь их ждать и размышлять о том, что их ждет, тем слабее они будут к моменту вашей встречи.

Келсон какое-то время размышлял над с виду совершенно неоспоримыми аргументами герцога Эвана, потом посмотрел на щель между полотнищами тента, сквозь которую Эван проник внутрь.

— Мне бы и самому хотелось выбрать то, что предлагаешь ты, Эван,— сказал он наконец.

— Так что тебе мешает?

— Мне необходимо узнать, куда собиралась бежать Кэйтрин. Ты прекрасно понимаешь, что война не закончится, пока она на свободе.

— Ну, если это все,— сказал Эван, хитро улыбаясь из-под встопорщенной рыжей бороды,— тогда отправь людей в Лаас, пусть там поищут. *Она* наверняка там.

Келсон удивленно уставился на него.

— Кэйтрин там?

— Да. И остатки мятежных войск, и Джедаил тоже... и этот ее епископ Кардиель.

— Но как ты узнал?

Эдвард как-то по особенному фыркнул носом.

— Ты думаешь, только Дерини умеют заставлять пленных говорить, или ты думаешь, к нам в руки попались только Лорис и Горони, и больше никого?

— Нет, но...

— Уж поверь мне, Кэйтрин и все остальные — в Лаасе. Я бы не стал тебе говорить, если бы не был уверен.

— Ну, тогда мы должны выйти прямо утром,— заявил Келсон, снова пытаясь сесть.

— Нет, сир, мы дадим армии завтра хорошенько отдохнуть, а в Лаас отправимся послезавтра.

— Но она может сбежать...

Герцог Эван покачал головой.

— Она не захочет бежать,— сказал он.— Она не захочет даже сражаться, если ты обойдешься с ней так же, как обошелся с Сикардом.

— Ты что, хочешь сказать — если он ее пристрелит? — спросил потрясенный архиепископ.

— Нет. За что ей сражаться, если все ее отпрыски погибли, и муж тоже убит? Подумай об этом. Она не станет больше воевать. А наша армия нуждается в отдыхе. И королю тоже отдых необходим, да.

Келсон отрицательно покачал головой.

— Все равно это то дело, которое необходимо довести до конца,— упрямо сказал он, оглядываясь в поисках своих лат.— Мне необходимо передать сообщение в Ремут, а...

— А по ту сторону вот этого тента,— твердо сказал Кардиель,— находятся люди, которым ты просто не сумеешь помочь, если доведешь себя до полного изнеможения, делая то, что прекрасно могут сделать другие. Вот так, сир.

Глаза Келсона уставились на чуть колышущийся холст тента, словно король желал одним взглядом разорвать его в клочья. Но он кивнул.

— Дункан.

— И Аларик, и Дугал,— добавил Кардиель.

— Но... они не ранены.

— Нет. Однако я уверен, что через несколько часов, когда самый опасный для Дерини наркотик выйдет из крови Дункана, Аларик сможет взяться за... более эффективное лечение. Он... похоже, он рассчитывает и на то, что его поддержите ты и Дугал. Но на тебя ему не придется надеяться, если ты не восстановишь свои силы. Ты уже однажды свалился от жары и перенапряжения.

Вздохнув, Келсон опустил руки и повесил голову, внезапно почувствовав, что он очень, очень устал.

— Да, ты прав. Вы оба правы. Я слишком долго не давал себе отдохнуть, слишком долго,— но ведь иной раз слишком трудно понять, что это необходимо.

— Вот так-то лучше, храбрый малыш,— одобрительно проговорил Эван, снимая со своих плеч плед и укрывая им Келсона.— Не беспокойся ни о чем. Все будет отлично.

— Но все равно нужно послать сообщение Нигелю,— проговорил Келсон, отчаянно зевая.

Эван лишь терпеливо кивнул, старательно укутывая короля пледом, а Кардиель осторожно подложил под голову королю свернутый плащ вместо подушки.

— У меня еще один вопрос, сир, последний,— тихо сказал архиепископ Кардиель, многозначительно переглянувшись с герцогом, когда Келсон закрыл глаза; старый пограничник наклонился поближе.— Это правда, что Дугал на самом деле — сын Дункана?

Келсон с трудом разлепил веки и посмотрел на архиепископа.

— Кто это тебе сказал?

— Сам Дугал, сир,— ответил за Кардисля Эван.— Теперь все только об этом и говорят. Он сказал, что он — Дерини, и что 600 Дункан — его отец.

Улыбнувшись, Келсон снова закрыл глаза и вздохнул.

— Да, Эван, это правда,— пробормотал он.— И ничто не может меня обрадовать больше, чем то, что все это наконец открылось.

— Тебя *радует*, что твой родственник оказался незаконнорожденным ублюдком? — изумился Кардиель.

— Он не ублюдок,— возразил Келсон, снова зевая,— хотя, черт меня побери, я и представления не имею, как это доказать, чтобы любому стало ясно... Там был заключен тайный брак. Его мать умерла вскоре после рождения Дугала, и Дункан даже не подозревал, что у него родился ребенок... он только недавно об этом узнал, несколько месяцев назад. Ну, конечно, все это произошло задолго до его рукоположения.

— Ну, об *этом-то* я догадался, просто учитывая возраст Дугала и время посвящения в сан Дункана,— с негодованием в голосе сказал Кардиель.— Меня не тревожит статус Дункана как священника. Но вот у Дугала может возникнуть масса проблем...

— Давай поговорим об этом завтра, Томас,— неразборчиво выговорил Келсон.— Эван, не забудь про сообщение Нигелю...

Король уснул, не успев расслышать ответ Эvana, но еще какое-то время смутно улавливал тихое гудение голосов рядом с собой, да ощущал, как чьи-то руки снимают с него высокие сапоги... а потом окончательно погрузился в глубокий спокойный сон.

Глава девятнадцатая

Что холодная вода для истомленной жаждою души, то добрая весть из дальней страны¹

дним из тех Дерини, которые не могли позволить себе роскоши сна, был епископ Денис Арилан, находившийся в Ремуте. И в прошлую ночь ему тоже не удалось выснуться по-настоящему. Когда Риченда и Нигель вышли из комнаты, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, негромко начитывая магическую формулу, отгоняющую усталость, в то время как его пальцы машинально поглаживали висевший на груди крест.

Вот уж чему он не мог бы позавидовать, так это тому делу, которым предстояло заняться Риченде и Нигелю. После того, как накануне днем они отразили нападение заговорщиков Торента, все трое без передышки допрашивали и допрашивали пленных — но тех троих Дерини, которых им удалось обнаружить среди мнимых купцов и монахов, поместили в отдельные камеры под хорошей охраной, до тех пор, пока Нигель решит, что с ними делать. Всех остальных даже Арилан мог допрашивать, ничего не опасаясь, поскольку их воспоминания нетрудно было стереть, дабы они не выдали Дерини, принадлежавших ко двору Келсона.

Из ответов пленников нетрудно было составить цельную картину, хотя ни один из этих людей не знал всех подробностей заговора. Но из тщательного сопоставления сведений, полученных от них, постепенно были извлечены все детали разветвленной схемы... да, Торент действительно замыслил убить Нигеля (и по возможности его сыновей, лучше бы всех троих), похитить плененного короля Лайема, а затем залечь в засаде до возвраще-

¹Причи 25:25

ния Келсона, чтобы убить и его тоже. Или, возможно, убить Нигеля и молодого Лайема, и вместо Лайема возвести на трон обоих королевств его брата Ронала, регентом которого стал бы его дядя Махаэль. Были обнаружены намеки и на то, что Мораг знала о заговоре и одобряла его полностью, включая перестановки фигур на тронах обоих королевств.

Конечно, она стала бы отрицать все. И теперь Риченда и Нигель готовились схватиться с ней не на шутку, чтобы узнать правду. Но, поскольку она была Дерини, они бы не решились просто вызывать ее на допрос. К тому же сама мысль о том, что Мораг могла посмотреть сквозь пальцы на убийство ее собственного сына, казалась Арилану настолько чудовищной, что он просто не мог воспринять ее всерьез; однако он вполне допускал несколько меньшую степень участия Мораг в заговоре. Уговарившие в плен королевы всегда, во все времена имели обыкновение плести различные интриги ради побега, а королева Дерини в этом деле уж конечно была искуснее прочих.

Ох, ну почему нельзя отложить проблему Торента еще на несколько лет? Венцит умер, молодой король Элрой погиб, и на троне Торента снова юное существо, король-дитя, и в запасе имеется еще более юный наследник престола,— и пусть бы все шло как идет, и почему бы для разнообразия Совету не заняться делами одного только Гвиннеда?

Вздохнув, Арилан крепко прижал ладони к глазам и в последний раз сделал глубокий вздох, чтобы закрепить действие чар,— чувствуя при этом, как усталость вымывает из его мозга, как смываются излишки краски индиго с только что выкрашенной одежды струи горного ручья... и наконец его ум полностью очистился. Он снова вздохнул и медленно поднялся на ноги. Члены Совета, наверное, уже собирались и ждут его.

Но когда он шел к кабинету Дункану через слабо освещенную домашнюю часовню, он увидел другую королеву Дерини, не ту, что совсем недавно так занимала его мысли: перед самым алтарем склонила в молитве укрытую вуалью голову Джехана, и ее белое платье отсвечивало легкой нежной голубизной в лучах маленьких свечей, поставленных перед статуей Святой Девы.

Арилан удивился, поскольку обычно Джехана, когда она вообще покидала свои апартаменты, предпочитала молиться в базилике; Арилан остановился в дверях и очень осторожно направил свою мысль к Джехане — и тут же стремительно отпрянул, поскольку увидел окружающие королеву чувство вины и сильное душевное страдание.

Усилие, потраченное на то, чтобы защититься, закрыться от подобной дисгармонии чувств, тут же снова вызвало у

него сильную пульсирующую боль в глазницах,— ведь он так мало спал... и большая часть того, чего он добился при помощи отгоняющих усталость чар, тут же было потеряно. Арилан предпочел бы просто пройти своим путем, сделав вид, что не заметил Джехану, тем более что любая задержка была некстати, он и так уже опаздывал на заседание Совета,— но он знал, что саможалеет об этом, если не воспользуется такой возможностью — узнать хоть чуть-чуть побольше о причинах поступка Джеханы днем раньше. Из того, что рассказал ему Нигель, он уже сделал вывод, что Джехана должна была узнать о заговоре благодаря тому, что каким-то образом пустила в ход свои силы Дерини,— но решение рассказать обо всем Нигелю едва ли могло привести к подобному ощущению виновности и страдания. Ему хотелось понять, как она сама расценивает свой поступок, пусть только в настоящий момент,— потому что сейчас королева Джехана явно сожалела о содеянном.

Поэтому Арилан, бесшумно войдя в часовню, привел свои защитные поля в состояние почти полной прозрачности,— это была мера предосторожности на тот случай, чтобы Джехана не смогла опознать в нем Дерини, если вдруг она снова пустит в ход свои силы. Он видел, как напряглась королева, когда шорох его сутаны нарушил ее сосредоточение,— но он не поднимал взгляда, пока шел к алтарю и опускался на колени в нескольких футах от Джеханы.

Склонив голову, Арилан вознес короткую молитву о даровании ему мудрости понимания и терпения. Когда он наконец посмотрел на королеву, она как раз повернулась, чтобы украдкой глянуть на него. Она едва заметно вздрогнула, когда из взгляды встретились; но теперь она уже не могла сделать вид, что углублена в молитву и не замечает епископа.

— Добрый вечер, дочь моя,— негромко сказал Арилан, легко вставая и мягким жестом складывая руки на талии.— Я-то думал, что к этому часу все в замке уже лежат в постелях... да к тому же вы обычно молитесь в базилике. Надеюсь, я не слишком помешал вашим молитвам.

Ум королевы Джеханы был закрыт так же плотно, как ум какого-нибудь члена Совета; но если ее защита и не давала ему ни малейшей возможности заглянуть в сознание королевы, то она точно также не давала и королеве возможности более тщательно исследовать ум епископа.

— Это неважно,— прошептала Джехана, так тихо, что Арилан едва слышал ее слова.— Я все равно не могу молиться в базилике. Да и вообще все это сплошная фальшивка и притворство. Бог не станет меня слушать. Я — воплощенное зло.

— Вот как? — Он слегка склонил голову набок и внимательнее всмотрелся в Джехану, теперь уже уверенный в том, что именно из-за участия в событиях предыдущего дня она впала в столь сильную депрессию.— Но почему вы так говорите?

Подавив короткое рыданье, королева села на пятки, прижав к лицу бледные, бескровные пальцы.

— Ох, Боже, хоть вы-то не насмехайтесь надо мной, ваше святейшество,— воскликнула она.— Вы же не могли забыть, что я собой представляю. И вчера я... я...

— Вчера вы спасли принца-регента от самой ужасной из угроз,— ровным, спокойным тоном произнес епископ Арилан.— Я только что разговаривал с ним. Он очень вам благодарен.

— Благодарен, потому что я раскрыла заговор, используя свои проклятые силы? — возразила Джехана.— О, да, это весьма похоже на того Нигеля, каким он стал в последнее время. Он слишком много времени проводит среди Дерини, и он не способен видеть опасность. Разве может его тревожить то, что я погубила свою бессмертную душу, спасая его смертную плоть? Он брат моего супруга, и я не могла не предупредить его, раз уж мне это стало известно, но... но...

— Но вы боитесь, что в использовании тех сил, которые даровал вам Господь, даже по такому благому поводу, есть что-то подозрительное? — предположил Арилан.

Она посмотрела на него куда более внимательно, и в ее заплаканных глазах светились неуверенность и изумление.

— Как можете вы, епископ, вообще предполагать, что Господь может иметь к этому хоть какое-то отношение?!

Он мягко улыбнулся и не спеша уселся на одну из стоявших перед алтарем скамеечек, рядом с Джеханой, и аккуратно сложил руки на коленях.

— Позвольте мне вместо ответа задать вам вопрос, дочь моя,— сказал он.— Если некоему человеку дарована необычайно большая физическая сила, и этот человек однажды увидел, что его друг заснул на самом краю пропасти, и спас его благодаря своей силе, просто унеся его подальше, в безопасное место,— что вы на это скажете? Что ему не следовало этого делать?

— Нет, но это же...

— Разве вы не обвинили бы его в жестокости и нерадивости, если бы он *не* поступил так?

— Конечно, но только...

— А вот еще пример,— продолжил Арилан.— Некоего невинного человека судят, и приговор может оказаться смертельным,— однако этот человек обвинен другим, желающим причинить ему зло. Королевскому судье доложено о некоем

очевидце, могущем доказать полную невиновность обвиняемого. Но этот очевиц — некий сборщик налогов,— будучи честным и старательным работником, тем не менее презираем людьми. Однако разве судья должен из-за этого отказаться выслушать его свидетельские показания, отказаться узнать правду и отказаться от оправдания невиновного?

— Вы хотите сказать, что Дерини — честные и усердные труженики?

— Некоторые из них — безусловно, да. Но ведь это лишь притча, миледи, иносказание,— с улыбкой ответил Арилан.— Более того. Если некая женщина узнает о существовании заговора против совершенно ни в чем не повинного человека, но при этом она всегда верила, что источник ее знаний — дурной, хотя и весьма надежный,— разве не должна она, несмотря на свою уверенность, все же предостеречь того, кому угрожают заговорщики, и таким образом спасти невинную жизнь?

— В ваших устах все звучит так понятно и просто, так логично! Но ведь это не одно и то же! — возразила королева, и ее глаза наполнились слезами.— Епископ Арилан, вы просто не знаете, как я страдаю из-за этого знания... как страстно я желаю стать такой же, как все простые смертные... Как мне объяснить вам?!

Все так же улыбаясь и сочувственно кивая головой, Арилан стремительно бросил нить своего сознания за дверь, чтобы на верняка убедиться в том, что они с королевой одни и никто не подслушает их и не ворвется в неподходящий момент.

— Ох, поверьте, я понимаю, дитя мое,— очень мягко сказал он, полностью опуская все свои защитные поля,— и тут же вокруг него заклубился серебристый свет его ауры.

Королева Джехана, задохнувшись, уставилась на него, ошелмев от потрясения, а он не спеша поднял руки к груди, сложил ладони чащей... и создал маленький ручной огонек — холодный, серебристый шарик света, уютно устроившийся в его ладонях и бросавший яркий блестящий свет на лицо епископа,— свет падал на черты Арилана снизу, делая их как-то по особому отчетливыми и немного непривычными...

— Детский фокус,— признался Арилан, уменьшая огонек и сжимая его в одной руке, чтобы погасить,— однако nimб над головой епископа продолжал светиться.— Но он приносит пользу. Что ж, вам пора уже узнать, кто я таков... и что я принимаю то, чем обладаю, как благословение, усиливающее и углубляющее мою связь с Творцом... а вовсе не как порок.

Джехана бессильно поникла, опершись обеими руками в каменный пол,— словно она надеялась так соприкоснуться с землей и обрести силы для того, чтобы справиться с потрясением.

сением и замешательством. Когда же ошеломленная королева наконец подняла голову и посмотрела на епископа Арилана, ее лицо выглядело как алебастровая маска.

— Так вы тоже Дерини.

— Да. И мне совсем не кажется, что это ужасно.

Джехана покачала головой, из ее глаз неудержимо покатились слезы, и королева оглянулась через плечо на Святую Деву, с состраданием смотревшую на них сверху, со своего пьедестала, и протянувшую к ним благословляющую руку.

— Меня учили другому,— глухо произнесла королева.— И я всю свою жизнь верила в это.

— Но разве верой можно изменить истину? — спросил Арилан.— Истина постоянна, вне зависимости от того, верим мы в нее или нет?

— Вы смущаете меня! Вы играете словами!

— Я совсем не намеревался вас смущать...

— Нет, намеревались! Вы вертите слова, выворачиваете их, чтобы вложить в них то значение, которое вам нужно! Вы даже используете Святое писание, чтобы... милостивый Иисус, так это *вы* вчера заставили отца Амбруса прочитать не тот текст?!

— Какой текст? — недоумевающе спросил Арилан.

— Текст во время мессы,— пробормотала Джехана, и ее глаза при воспоминании о пережитом застыли и словно бы остекленели.— Амброз читал не те страницы. Нужно было читать поминовение святых Петра и Павла, но он стал читать об обращении святого Павла... и святого Камбера...

* * *

— В общем, случилось ли то на самом деле или нет,— спустя немного времени рассказывал Арилан Совету Камбера,— Джехана *верит*, что ей было видение святого Камбера, и что святой упрекал ее за преследование Дерини.

— Разве такое возможно? — спросил Ларан.

— Что святой Камбер упрекнул ее?

— Да.

— Я не знаю. Святой Камбер говорил с Дунканом Маклейном, с Морганом... и теперь, очевидно, с Джеханой. Со мной он не разговаривал.

— В самом деле, Денис? — пробормотала Вивьен.

— Именно так. До сих пор, по крайней мере, не говорил. Но Джехана также настаивает на том, что *некто* — и она, узнав, кем я являюсь, убеждена, что это был никто иной как я,— что *некто* заставил ее капеллана прочитать историю обращения Павла на его пути в Дамаск.

— Ах, как умеют все извращать и приукрашивать виновные сердца! — пробормотала Софиана.— Уж конечно, «Сава, Сава, почему ты преследуешь меня» превратилось в «Джекана, Джекана...»

— Именно так,— согласился епископ Арилан, как раз в тот момент, когда Тирцель тихонько проскользнул в дверь палаты Камбера и сел справа от Софианы.— Я не в состоянии все это объяснить. Возможно, она *действительно* видела святого Камбера.

Кайри, холодная и безмятежная, сидевшая слева от Арилана и лениво поглаживавшая зеленый стеклянный браслет на своем запястье, равнодушно посмотрела на опоздавшего Тирцеля.

— Денис только что открыл свою истинную сущность Джекане,— сказала она, и в ее тоне проскользнуло неодобрение.— А теперь он пытается убедить нас в том, что ненавидящая всех Дерини королева удостоилась видения святого Камбера.— Кайри соизволила состроить милую гримаску.— Так что ты не слишком много пропустил, Тирцель.

— Кайри! — сердито буркнула старая Вивьен, в то время как Арилан вспыхнул, Ларан нахмурился, а Баррет де Лэйни явно почувствовал себя весьма неловко.

Кайри в ответ лишь деликатно зевнула и со скучающим видом откинулась на высокую спинку своего кресла.

— Но разве я говорю неправду? — спросила она, рассеянно глядя на хрустальный шар, висевший над столом и разбрасывавший холодные искры, когда на него падали пурпурные лунные лучи, просачивавшиеся сквозь цветной граненый купол над их головами.— С какой стати мы должны тратить свое время и силы на Джекану?

Это ее замечание вызвало всеобщую реакцию — кто-то высказывался за, кто-то — против продолжения обсуждения, и гул голосов прервался только тогда, когда Баррет хлопнул ладонью по столу, призывая к молчанию.

— Довольно! — сказал он.— Мы можем обсудить все, что касается королевы Джеканы, в другой раз, отдельно. И то, что касается святого Камбера, тоже. А сейчас нашего внимания требуют куда более неотложные вопросы. Денис, как обстоят дела с заговорщиками Торента?

Повернув на своем пальце перстень с аметистом, епископ Арилан пожал плечами.

— Все пленные допрошены,— сказал он.

— Кем? — спросила Вивьен.

— Принцем Нигелем, с помощью Риченды и моей собственной.

— Тогда, значит, принц Нигель *использовал* способность чтения мыслей? — спросил Тирцель.

Арилан кивнул.

— Да, использовал. Возможно, он это умеет делать не так хорошо, как кто-либо из Дерини, однако тут, может быть, дело не столько в недостатке способностей, сколько в недостатке практики. Ну, и потом, в нем ведь совсем недавно пробудили силу. Со временем все уладится.

— Так в чем, собственно, состоял заговор? — поинтересовался Ларан. — И была ли в него вовлечена леди Мораг, как мы то подозревали?

Арилан снова пожал плечами.

— Трудно сказать. Кажется уж слишком неправдоподобным, чтобы она *не знала* о замыслах своего родственника. Но, поскольку она продолжает все отрицать, — как и я стал бы отрицать все на ее месте, — будет просто невозможно подвергнуть ее слова сомнению, не вызвав тем самым слишком опасной конфронтации. Думаю, ни Мораг, ни Нигель не готовы к подобному риску. Сыновья Мораг слишком молоды, в конце концов, — куда моложе Келсона. Так что время на ее стороне.

— Понимаю, — пробормотала старая Вивьен, вскинув седую голову и рассеянно уставясь прямо перед собой. — Так ты не думаешь, что в ближайшее время необходимо будет проводить военную кампанию против Торснта?

— Не в этом году, — ответил Арилан. — И, возможно, не в ближайшие годы, — хотя, конечно, Мораг и Лайем должны находиться под строжайшей охраной, а Махаэль, само собой, будет время от времени устраивать пограничные беспорядки. Но у нас пока нет необходимости вести войну на два фронта, если теся именно это интересует.

Старый Баррет медленно покачал лысой головой, его слепые изумрудные глаза смотрели куда-то в неведомые дали.

— Это совсем не то, что интересует *меня*, — негромко сказал он. — Меня интересует война в Меаре. Если король там погибнет...

— Король там не погибнет, — перебила его Софиана, сидевшая справа от Баррета. — По крайней мере, он *не должен* погибнуть, если его стратегия будет разработана правильно. Сегодняшняя битва должна принести ему победу.

— *Сегодняшняя* битва? — переспросил Арилан.

— О чём это вы? — резко выпрямляясь, спросил Ларан.

Даже Кайри проявила некоторое внимание, когда Софиана, до сих пор углубленная в какие-то размышления, словно бы очнулась и обвела всех взглядом своих черных глаз.

609

— У меня есть свой осведомитель в окружении короля,— мягко сказала она.— Он регулярно присыпает мне сообщения с того самого дня, когда Халдейн покинул замок Ремут, и я с минуты на минуту ожидаю очередных известий от него.

— Да, вот это нахальство! — буркнул Ларан, когда Вивьеен склонилась прямо перед ним, чтобы шепнуть что-то на ухо Кайри.

Тирцель лишь с жадным ожиданием смотрел на Софиану, как и все другие мужчины. В очередной раз Софиана, вечно идущая собственными, молчаливыми и тайными путями, захватила их всех врасплох.

— У тебя есть свой осведомитель в окружении короля,— повторил ошеломленный Арилан.— Так значит, тебе известны все последние события?

Бледное экзотичное лицо Софианы, обрамленное не менее экзотичной снежно-белой мавританской *мантильей*, чуть приподнялось... Софиана устремила глаза к хрустальному шару, висевшему над их головами, уже сосредоточившись на мысленной связи, которой она ожидала.

— Вчера наш епископ, герцог Кассан, совершил серьезную тактическую ошибку. Он обнаружил главную часть армии Меары, которую так долго искал... нет, скорее это меарцы нашли его.

— Ох, Святая Троица и все угодники... — выдохнул Тирцель.— Войско Сикарда. Маклайн потерпел поражение?

— Он лично? Да. Но не его отряд,— ответила Софиана.— Видимо, он приказал им рассыпаться во все стороны, когда понял, что завел их в ловушку, и рассудил, что Лорис скорее всего постараётся любой ценой взять *его самого*, а его отряд тем временем может уйти и вступить в битву на другой день... что, собственно, и произошло.

— Дункан... убит? — спросил епископ Арилан, и от ужасной мысли у него внутри все словно заледенело.

Софиана покачала головой, закрывая глаза.

— Нет... не убит, по крайней мере, не до конца. Взят в плен. Но даже если он пока еще жив, он в руках Лориса и Горони,— а они отлично понимали, что делали с Дерини, когда усердно потчевали его *мерашей*.

Даже те, кто не имел особых причин любить полукровку Дункана Маклайна, содрогнулись при этих словах, поскольку все испытали на себе действие *мераши* во время тренировок. Руки Арилана заметно дрожали, когда он попытался осторожно положить их на инкрустированный стол перед собой.

— Ты сказала, у тебя есть свой человек в лагере Халдейн,— прошептал он.— Значит, Келсон уже знает о том, что

Дункан взят в плен, и он на пути к тому месту, где находится армия Кассана?

— Да, это так. Каким-то образом молодой Дугал Макардри сумел прошедшей ночью связаться с Келсоном. Король немедленно повел все свои силы на сражение с Кассана, и в особенности он хочет спасти Дункана Маклайна, если тот еще будет жив. Они скакали всю ночь напролет, и утром должны были встретиться с армией Меары. Ну, к настоящему моменту там уже должно быть все ясно.

— Боже праведный, мы так ни до чего и не добрались! — пробормотала старая Вивьен, в отчаянии стискивая худые руки.— Софиана, ты что, *не знаешь*, чем все кончилось? Ты можешь сказать что-нибудь еще?

Не открывая глаз, Софиана развела руки в стороны и взялась за пальцы Тирцеля и Баррета, глубоко вздохнув и еще более сосредоточившись.

— Луна взошла. Мой агент будет стараться изо всех сил... и если вы объединитесь со мной, чтобы укрепить связывающий нас канал, мы куда быстрее получим ответы на все наши вопросы...

* * *

Он был худым и жилистым, как большинство жителей пустынного Нур-Халляя, и его внешность была неяркой, не запоминающейся, что шло лишь на пользу закаленному разведчику Халдейнов. Он очень устал, его тело просило отдыха, но новости, которые он раздобыл для своей госпожи, придали силу его духу, тем более, что их нужно было передать как можно скорее,— и он думал именно об этом, идя через лагерь Халдейна и поглядывая вверх, на луну. Время было самое что ни на есть подходящее.

— Куда спешишь, Райф? — вежливо спросил часовой.— Опять, небось, по королевским делам?

Райф взмахнул рукой, приветствуя караульного, и покачал головой.

— Нет, король уже спит. Я подумал, что лучше мне еще раз проверить лошадей, прежде чем самому укладываться в постель. А ты как?

Часовой пожал плечами.

— А что я, я на страже. Мне тут еще два часа стоять. Ну, когда я наконец освобожусь, то наверстаю свою, отосплюсь за все прошлые ночи. А пока ты посмотри за меня хороший сон.

— Обязательно. Спокойной ночи, приятель!

Райф, мягко и неслышно шагая между двумя большими солдатскими палатками в сторону коновязей, разбирался в том, что он узнал к настоящему моменту. Новости были куда лучше того, на что он мог надеяться всего несколько часов назад. Он уже несколько часов собирал сведения то там, то тут, пока вокруг него быстро устанавливался военный лагерь,— как раз на том месте, где незадолго до того располагалась ныне разгромленная великая армия Меары; он искусно расспрашивал солдат, которые наутро не должны были почти ничего помнить об их разговорах. Он прокрался к тем местам, где спали пленные, окруженные бдительными воинами Халдейна, и он расхрабрился даже до того, что проник в полевой госпиталь, в палатки, полные раненых и умирающих людей.

Теперь же, когда дневной шум военного лагеря утих, и слышно было только, как заканчивают ужин и укладываются спать усталые воины, он мог обратиться мыслями к делам, все более настойчиво требовавшим его внимания. Он искал одного человека, а тому следовало находиться в линии пикетов копьеносцев.

На Райфа никто не обратил особого внимания. Разведчики то и дело ходили сквозь линии охраны к лошадям, точно так же, как конюхи и оруженосцы,— ведь разведчики, так же, как тяжело вооруженные рыцари и рядовые конники, слишком сильно зависели от здоровья и настроения своих коней, и точно так же вверяли им свою жизнь. Несколько человек помахали Райфу рукой, когда он бродил среди лошадей, останавливаясь время от времени, чтобы погладить какую-нибудь по бархатной морде или шелковому боку,— но ни один страж не окрикнул его. Наконец он нашел Хоага — тот сидел, оперевшись спиной о седло, рядом с шатром капитана копьеносцев, и попивал вино, глядя на свет крошечного костра.

Поблизости никого не было.

— Привет, Хоаг,— пробормотал Райф, бросая свой плащ на землю рядом с Хоагом и неторопливо садясь.

— А, Райф! А я-то как раз гадал, появившись ли ты этой ночью. Выпьешь немного?

— Пару глотков, пожалуй. Спасибо.

Он поймал взгляд Хоага как раз в тот момент, когда тот передавал ему мех с вином и их руки соприкоснулись,— и мгновенно установил мысленную связь, столь искусно подчинив себе собеседника, что Хоаг совершенно не заметил ни малейших перемен.

— Ну, как дела-то идут? — заговорил Райф, поднося мех 612 с вином к губам.— Капитан все ходит где-то тут?

Хоаг моргнул слегка остекленевшими глазами, и его голос вдруг изменился, зазвучав низко и невыразительно.

— Нет, он уже спит.

— Это хорошо. Я думаю, ему нужно как следует отдохнуть.

Райф мельком глянул в сторону коновязей и поставил мех между собой и Хоагом, чтобы любой, увидевший их со стороны, решил, что тут просто болтают двое приятелей, потом порылся в куче хвороста, сложенного рядом с костром, и нашел подходящий прутик. Он быстро начертил на песке несколько защитных знаков, а потом откинулся назад, опервшись спиной о седло, рядом с окодованным Хоагом, и небрежно, лениво улыбнулся, снова разглаживая песок между ними, рядом с винным мехом.

— Знаешь, сегодня наши командующие проявили просто чудеса стратегии,— негромко заговорил он, начиная чертить на песке рисунок, который непосвященному показался бы планом сегодняшнего сражения.— Ты понял, что сделал король, когда приказал атаковать именно с востока?

Глаза Хоага неотрывно следили за каждым движением Райфа, и теперь Хоаг не отводил их от рисунка на песке, глядя на него со все возрастающим вниманием, и Хоаг уверенно погружался во все более глубокий транс, что и требовалось Райфу.

— Но, может быть, это слишком сложная тема, после целого дня сражений,— тихо сказал Райф, касаясь руки Хоага концом прутика.

Внезапно веки Хоага затрепетали и закрылись, сго дыхание стало глубоким и ровным, как у спящего, хотя он по-прежнему полулежал, опираясь на локоть.

— Ох, ну конечно,— шепнул Райф, ни на секунду не сводивший глаз с Хоага, бросая веточку в огонь.— Ты выглядишь очень, очень усталым, Хоаг.

Единственным ответом Хоага был короткий вздох облегчения,— и он медленно опустился на землю, окончательно заснув.

Райф несколько мгновений внимательно смотрел на него, одновременно передвигая винный мех так, чтобы он очутился в кольце рук Хоага, потом еще раз огляделся вокруг, прежде чем улегся навзничь рядом со своим спящим объектом, подложив руку под голову. И еще через несколько минут все его внешние чувства заснули, и он лишь сонно положил ладонь на руку Хоага, обнимавшую винный мех, укрепляя физический контакт, в котором он нуждался для того, чтобы вести разговор посредством созданной им цепи.

Потом он сам погрузился в транс, уходя в него все глубже, глубже,— и огонь костра, просвечивавший сквозь его веки, вскоре растаял, как растаяли и затихли все звуки ночного

лагеря вокруг него, и он ощущал лишь едва различимое тепло огня... и вот наконец он был готов к тому, чтобы послать свою мысль далеко на северо-восток, к женщине, ожидавшей его вызова.

* * *

...Картины дня сражения, яркие и отчетливые: армия Келсона мчится к вершинам последней гряды холмов, отделяющей ее от долины, где находится армия Меары, и тут же лавиной скатывается вниз, изумляя и ошеломляя меарцев...

...Дункан, его окровавленное тело, покрытое ожогами и ранами, прикованный цепями к столбу, языки пламени вздымаются все выше, огонь подбирается все ближе к Дункану... магия отражает стрелы, несущиеся к епископу... отчаянный рывок Дугала... Лорис и Горони взяты в плен... Сикард выбирает смерть от руки Келсона, не желая предстать перед судом и быть казненным за свои преступления... армия Меары окружена и сдается... решено задержаться на один день в долине Дорна, прежде чем отправляться в Лаас, куда бежала принцесса Кэйтрин и последние преданные ей отряды.

... В каком состоянии Дункан? Говорят, что он, хотя и чудовищно изуродован, все же выживет... говорят, что кроме хирургов еще и Морган лечит его своей магией, вместе с молодым Дугалом Макардри... и еще говорят, что Дугал — сын Дункана!

* * *

Члены Совета разом заговорили, как только цепь связи разорвалась,— и о стратегии и военной стороне дела, и, конечно, о том, что выглядело более насущным с точки зрения Совета Камбера.

— Почему ты ничего не сказал нам о Дункане и Дугале? — требовательно спросил Ларан, обращаясь к Арилану, который ничуть не меньше других был изумлен этой новостью.— Сын Дункана! Каким образом, что тут вообще за путаница, это слишком сомнительно!

— Но я и сам ничего не знал! — запротестовал Арилан — И видит бог, я не понимаю... но тут, конечно, такие возможности... Милостивый боже, вы не думаете, что и он тоже может быть Целителем, а?

Этого предположения оказалось достаточно, чтобы на несколько следующих минут ввергнуть Совет в громкие оживленные дебаты.

Тирцель Кларонский лишь хохотал и тряс головой, ко-
614 ляя ладонями по подлокотникам кресла.

— Ох, ну и чудеса! У мошенника Дерини — мошенник сын, незаконнорожденный!

— Тирцель! — рявкнула Вивьен, уставившись на самого молодого члена Совета Дерини.

Но к наиболее важной теме вернула их Софиана; Софиана, увидевшая то, чего не увидели другие, слишком занятые размышлениями над новым известием.

— А как насчет Келсона? — мягко спросила она, обводя всех взглядом ярких глаз.— Разве нам не следует обсудить то, что он сделал?

Все умолкли.

— Я не в первый раз связываюсь со своим агентов за время этой военной кампании,— пояснила Софиана.— И, если я не ошибаюсь, несколько недель назад не кто иной как леди Вивьен утверждала, что Келсону необходимо научиться быть более безжалостным?

— Да, я это говорила,— согласилась старая Вивьен, с вызовом глядя на Софиану.— И по-прежнему так думаю.

— Я и не утверждаю, что я против этого,— сказала Софиана, загадочно улыбаясь.— Однако я хочу обратить ваше внимание на то, что король к настоящему моменту совершил множество поступков, говорящих о его зрелости, ответственности и, да, о безжалостности, достойной королевского сана. Он уничтожил своих врагов в Ллиндрут Медоуз, как это и требовалось от него. Он судил принца Ллюэла и приговорил его к смерти, и казнил его, хотя вполне мог оставить его безнаказанным, несмотря на все преступления, и никто не сказал бы ни слова против. Он казнил принца Итела и Брайса Трурила, также после суда, а также казнил каждого десятого из его офицеров.— Она снова глубоко вздохнула.— А теперь он еще и уничтожил Сикарда Меарского, как вы и сами видели,— вместо того, чтобы тратить чужие жизни и время ради суда над человеком, который и без того погубил уже слишком многих. Это был весьма логичный поступок, и один из тех, которыми я в особенности восхищаюсь,— но это совсем не похоже на милосердие короля-ребенка. Поэтому я утверждаю, что Келсон Халдейн стал теперь достаточно безжалостным, даже по нашим меркам.

Глава двадцатая

**И он одолел губителя,
не силой тела, не силой рук,
а лишь словом обратив
его в бегство¹**

днако следующее утро потребовало от Келсона еще большей безжалостности,— когда он и Кардиель направились к шатру, в котором содержались под охраной пленные Лорис и Горони. Отлично вооруженная стража, состоявшая из копьеносцев Халдейна, окружала этот шатер, и Кьяндр О’Руан, преданный слуга и помощник Дугала, встретил их у входа; он оглянулся назад, внутрь шатра, а потом сдвинул вместе полотнища, прикрывавшие вход, и стоял так, придерживая их руками у себя за спиной и глядя на приближавшихся.

— Доброе утро, Кьяндр! — буркнул Келсон, когда помощник вождя не столько поклонился ему, сколько сделал вид, что клацается.— Ночь была тихой, насколько я понимаю?

— Да, сир, стало тихо, как в могиле, когда мы наконец угомонили этого сумасшедшего Лориса и заставили его прикусить язык,— ответил старый Кьяндр.— Он все ругался, не переставая, так что нам пришлось сунуть ему в рот кляп... пусть подумает хорошенько о безвременной кончине старого Макардри. Как так лорд Дугал себя чувствует, и его... э-э... его отец?

— А, и ты уже слышал об этом,— сказал Келсон.— Они оба в порядке. Ты лучше вот что скажи-ка мне, Кьяндр,— тебя это очень беспокоит? Ну, что Дугал оказался сыном Дункана, а не Каулая?

Кьяндр с упрямым видом встряхнул седой головой.

¹Мудрость Соломона 18:22

— Я не могу рассуждать о делах клана, сир, но молодой Дугал — мой вождь, и будет моим вождем, пока он жив, пусть он там хоть сын Каулая, хоть внук. У нас пограничных землях — выборные наследники. Дугал был избран следующим вождем, и он будет вождем, даже если он по крови вообще никакого отношения к Каулаю не имеет. А уж что касается титула герцога Кассана — ну, не знаю, можно ли и его вот так унаследовать. Тут, пожалуй, потребуются какие-то другое доказательства законности рождения, одним словом в этом деле не обойдешься. А сын епископа...

— Но, Кьярд, Дункан не был епископом, когда родился Дугал, — сказал Кардиель. — Он и священником-то еще не был. Но ты прав в том, что понадобится нечто большее, чем просто его слово, для утверждения законных прав Дугала на наследование. Может быть, удастся найти доказательства методами Дерини.

— Да, тут, конечно, могут возникнуть сложности, — согласился Кьярд, явно приведенный в замешательство идеей использования магии Дерини, которой он побаивался, как и все пограничники. — Но даже если вы уверены в том, что он говорит правду, — а я-то в это уж точно верю, — все-таки надо будет и других убедить. Вам придется отыскать беспристрастных свидетелей, сир. Я не знаю, конечно, каких других Дерини вы можете привлечь к этому делу, но только если они считаются вашими друзьями, — их нельзя будет выставить как надежных свидетелей, вот как. Так что не завидую я вам.

— Я и сам себе не завидую, — сказал Келсон. — Но я что-нибудь придумаю. — Он вздохнул. — Наверное, я должен сейчас посмотреть на наших пленников.

— Да, сир. Только вам следует кое-что узнать, прежде чем вы туда войдете. — Кьярд сунул руку за пазуху и извлек из какого-то тайного внутреннего кармана своей куртки свернутый плотный головной платок. Развернув его, он показал королю два тяжелые золотые перстня с аметистами. — Я забрал это вчера у Лориса. Но с ними что-то странное... Я бы сказал, что это епископские кольца, ведь так, архиепископ? — добавил он, мельком взглянув на Кардиеля. — Но... ух, ну вы же знаете, что у приграничного народа случается иногда второе зрение... ну и...

— И это довольно сильное зрение, — пробормотал Келсон. — Дугал мне рассказывал. Продолжай. Ни к чему это объяснять.

— Ну, так вот... мы подумали, что вам покажется странным, если я скажу, что касался этих колец голыми руками, не будучи уверен, что хорошо защищен.

Брови Келсона в удивлении взлетели вверх.

— Ты знаешь о защите?

— Ох, ну конечно, парень. Разве Дугал вам не говорил?

— Нет.

— А это старый обычай пограничников. Расспросите его как-нибудь... Я не могу утверждать, что это то же самое, что ваша защита Дерини, но она работает так же. В любом случае, поосторожнее с этими колечками. Я не ошибаюсь, одно из них принадлежит епископу Дункану?

Кардиель взял толстый лоскут, на котором лежали перстни, и кивнул.

— Да, а прежде его носил Генри Истелин.

— О, это чистый, святой человек,— пробормотал Кьярд, благочестиво осеняя себя крестом.— Может, как раз поэтому Лорис всю ночь во сне слезами обливался да бормотал что-то про демонов,— они, дескать, идут, чтобы забрать его. Ведь это он убил Истелина, верно?

— Да, он,— Кардиель завернул кольца в платок и спрятал на груди под сутаной. Келсон тем временем неловко переминался с ноги на ногу.

— Мы с этим разберемся попозже, Кьярд,— негромко сказал король.— А сейчас мне нужно расспросить их.

— Боюсь, от него вам будет немного пользы, сир,— проворчал Кьярд.— У них уж очень грязные рты, даром что оба священники. Ну, монсеньор заткнулся после нескольких хороших тычков, но, как я вам уже говорил, Лорису пришлось засунуть кляп, чтобы его утихомирить.

— Со мной он будет говорить вежливо,— сказал Келсон, жестом показывая Кьярду, чтобы тот откинул в стороны полотнища, прикрывавшие вход в шатер.— Меня не слишком радует то, чем мне придется заниматься, но он скажет мне все, что я хочу знать.

Входя внутрь, Келсон собрался с духом. Кьярд рявкнул команду, когда король сделал следующий шаг, и навстречу Келсону вытянулись по стойке «смирно» четверо разведчиков, хорошо знакомых с методами работы Дерини. Взъерошенные Лорис и Горони заворочались, садясь. Оба они были закованы в цепи, а из одежды на них оставались только когда-то бывшие белыми льняные рубахи,— все одеяния, говорившие о священном сане, были с плenников сорваны. Горони выглядел вполне осознающим свое положение, и благоразумно придержал язык, когда Келсон и архиепископ остановились рядом с ним, чтобы рассмотреть его получше; но голубые глаза Лориса пылали над повязкой на его губах ненавистью приговоренного.

— Это ты придумал пытать Дунканана? — без каких-либо предисловий спросил Келсон, обращаясь к Горони и тут же

настраивая свое сознание на чтение подлинных мыслей пленного священника.

Горони поднял голову и дерзко уставился на короля.

— Нет!

— Не пытайся мне лгать, Горони. Я вижу тебя насквозь, я могу прочесть твои мысли, как книгу. Куда сбежала Кэйтрин?

— Я не знаю... а если бы и знал, не сказал бы тебе.

— Ты знаешь... и ты мне скажешь. Стража!..

По этому сигналу Джемет и Киркон подошли к Горони и схватили его за руки.

— Не смей ко мне прикасаться, ты, грязный ублюдок Дери-ни! — заверещал Горони, лягаясь изо всех сил, когда Келсон подошел ближе, и едва не угодил королю у пах.— Забери своих воинчих...

Без излишних церемоний Райф подошел к Горони сзади и сунул в зубы крикуну кнутовище. Крепко взяввшись за рукоятку кнута с двух сторон, Райф прижал голову Горони к своей груди, не давая тому даже пошевелиться, а в это время четверо разведчиков навалились на ноги Горони всем своим весом.

— Спасибо, господа,— пробормотал Келсон, опускаясь на корточки рядом с Горони и кладя ладони ему на виски, чтобы усилить воздействие.— Горони, прекрати сопротивляться мне!

Тело Горони мгновенно расслабилось, глаза закатились вверх, и Райф спокойно вынул кнутовище из зубов пленника и опустил его вниз, к горлу, по-прежнему прижимая голову Горони к своей груди.

— Ну, так чья это была идея — пытать Дункан? — повторил Келсон свой вопрос.

Ответ, вспыхнувший с огромной силой в искаженном, болезненном уме, был настолько отвратителен, что Келсона едва не вырвало. Его лицо скривилось, и Кардиель поспешил опуститься рядом с ним на колени, хотя и не прикоснулся к королю.

— С тобой все в порядке?

Келсон кивнул, и, хотя его глаза слегка затуманились от потрясения, он не позволил прерваться связи с сознанием Горони.

— Это все равно что прыгнуть в выгребную яму,— буркнул он,— да еще в жаркий день. Но ему есть что сказать. Давай-ка посмотрим, что он знает о Кэйтрин, пока я не лишился своего завтрака.

Он нашел те сведения, в которых нуждался, и безжалостно отправил Горони в полное беспамятство, прежде чем вышел из его сознания. Когда Келсон снял руки с головы пленника, его пальцы дрожали, и он с гадливым видом вытер их о кожаные штаны, глядя при этом на потрясенных разведчиков.

— Вы тоже кое-что ощущали, да? — сказал он негромко, когда разведчики отпустили Горони и повернулись к съежившемуся от страха Лорису.— Мне очень жаль, господа, но, боюсь, такого рода брызги рискует уловить каждый, кто постоянно работает с Дерини. Но мне кажется, вы такие хорошие разведчики именно потому, что общаетесь с Дерини. К сожалению, нам сейчас придется повторить эту процедуру еще раз, с Лорисом. Но если вы отпустите его сразу же после того, как я возьму его сознание под контроль, вам будет легче.

— Мы будем делать то, что облегчит задачу *вам*, сир,— тихо сказал Райф, подавая остальным знак придержать Лориса, который пытался уползти в сторонку.— Вы хотите, чтобы мы вынули кляп?

— Не обязательно. Я не сомневаюсь, что у него слишком много грязи в уме, так что незачем слушать еще и его грязные слова.

Лорис извивался и дергался, когда разведчики прижимали его к земле, и дико, низко, по-звериному то ли рычал, то ли заывал сквозь кляп, изо всех сил стараясь отодвинуться от Келсона, опустившегося рядом с ним на колени.

— Я вообще-то и сам не знаю, зачем я все это делаю,— мягко сказал Келсон, взглядом серых глаз Халдейна заставляя мятежного архиепископа замереть.— У меня уже достаточно доказательств, чтобы повесить тебя не один раз, а несколько... и мне ни в коем случае не следовало оставлять тебя в живых три года назад... но я не желаю приговаривать человека к смерти, пока сам не увижу доказательств, удовлетворяющих лично меня. Я почти желаю, чтобы это процесс оказался для тебя как можно менее приятным, чтобы ты испытал хоть малую часть той боли, которую причинял другим во имя своей ненависти. Но, к счастью для тебя, проклятые силы Дерини слишком милосердны; и я надеюсь никогда не поддаться искущению использовать их безответственно... хотя и признаю, что ты почти довел меня до этого, Эдмунд Лорис.

С этими словами он положил ладони на лоб Лориса, прикрыв сверкающие ненавистью и страхом голубые глаза, и с силой вторгся в ум архиепископа, позволив лишь небольшому уголку его сознания, охваченного истерикой и страхом перед вторжением, бормотать всякую всячину.

— Я взял его,— прошептал Келсон, давая разведчикам возможность устраниться до того, как он начнет исследование.

Чтение мыслей Лориса оказалось еще более тошнотворным занятием, нежели чтение сознания Горони,— потому что Лорис, в дополнение к своей умственной извращенности, еще

и наслаждался подробностями чудовищно жестокой смерти Генри Истелина, и лично инструктировал палачей на тот счет, как именно должно быть завершено убийство. Келсон, как зачарованный, с ужасом в душе извлекал все новые, точные и яркие воспоминания Лориса о казни Истелина... все кровавые детали его смерти... а потом все это в точности повторилось в картине пыток Дункана.

Но были там и другие эпизоды, о которых Келсон ничего не знал: пытки и сожжение тех, кого подозревали в родстве с Дериини, во многих дальних краях, в то время, когда Лорис был архиепископом Валорета. Все это, вместе с вовсе не неожиданной для короля психической вонью давней, застарелой и лишенной всяких признаков разумности ненависти Лориса к Дериини, заставило Келсона просто задохнуться, когда он наконец собрался прервать связь.

Но тут внимание короля привлекло нечто такое, чего он совершенно *не* предвидел. Это был кошмар, приснившийся Лорису накануне ночью,— хотя для Келсона это вовсе не было кошмаром.

Потому что Лорису снился святой Камбер. Келсон был уверен в этом, как ни в чем другом. Но это было демоническое видение святого Дериини, окращенное ненавистью Лориса и страхом перед любым проявлением магии, на какое только была способна раса Дериини.

Однако лицо было то самое, которое Келсон видел уже не раз в разных местах, и возникший перед Лорисом призрак говорил о сдержанности и терпении, и грозил Лорису карой за его преследование Дериини. Лорис был в ужасе, и удивляться тут было нечему.

Келсон безболезненно погрузил Лориса в полностью бессознательное состояние, прочитав все, до чего только мог добраться; больше не было смысла поддерживать мысленную и эмоциональную связь с человеком, наполовину сумасшедшем. Келсон холодно и не более сожалея, чем если бы ему пришлось пристукнуть ядовитую змею, решил, что он сделает с Лорисом, как только они доберутся до Лааса. Сейчас для него куда более важным представлялся источник ночного кошмара Лориса, и Келсон думал, что он, пожалуй, знает, как возник в снах мятежного архиепископа этот любопытный эпизод.

— Я выяснил все, что мне было нужно,— сказал Келсон, вставая и взглядом призывая разведчиков к вниманию.— Я разберусь с ним окончательно, когда мы будем в Лаасе. Будьте готовы, утром отправляемся.

— В Лаас, сир? — спросил Джемет.

— Да, в Лаас. Кэйтрин сейчас там. Къярд! — позвал король, отодвигая в сторону полотнище входа.— Передай командирам, что мы выступаем в Лаас с первым лучом солнца. Туда сбежали Кэйтрин и остатки ее мятежной армии. И никто не должен вступать ни в какие разговоры с пленными, разве что по причинам физических потребностей. Киркон, если они снова начнут болтать лишнее, можешь заткнуть им рот, но никто не должен говорить с ними или отвечать на какие-то вопросы. Я хочу, чтобы они немножко попотели от страха. Пусть гадают, что я для них припас. Все понятно?

— Да, сир.

— Къярд, понял?

Къярд одобрительно хмыкнул.

— Да, сир. Хорошо придумано! Мы еще сделаем из вас пограничника.

— Ну, если это говоришь ты — я принимаю как комплимент.

Однако улыбка Келсона быстро растаяла, и его лицо приобрело выражение усталой задумчивости, когда они с Кардилем отправились обратно к королевскому шатру, где лежал Дункан, и перед входом король попросил Кардиеля еще раз показать ему перстни.

Дункана они нашли в полном сознании, хотя он еще был несколько слаб из-за головной боли — обычного следствия *мераши*, и из-за большой потери крови,— но в остальном дела обстояли неплохо, и его многочисленные раны должным образом заживали благодаря правильному лечению. Конечно, на плече у него должен был остаться шрам после прижигания раны, и должно было пройти определенное время, чтобы заново отрасли ногти, выдранные клещами Горони,— но пальцы его рук и ног теперь уже выглядели далеко не так ужасно, как это было накануне, а прочие раны и ожоги после применения к Дункану методов лечения Целителей смотрелись так, словно были нанесены не тридцать часов, а тридцать *дней* назад.

Дункан лежал на походной кровати в шатре короля, его голова опиралась на целую гору подушек, а Дункан кормил его супом,— и Дункан выглядел почти как прежде, разве что был чуть более бледным и осунувшимся, да еще ему не мешало бы побритаться,— однако яркий блеск его глаз говорил о возвращающейся силе, а вовсе не о лихорадке.

Оба они, отец и сын, повернулись и посмотрели на вошедших Келсона и Кардиеля, и Дункан весело улыбнулся; а ведь

Келсон всего двадцать четыре часа назад боялся, что никого-622 да уже не увидит этой улыбки.

— Добрый день, сир,— сказал Дункан, торопливо проглатывая очередную ложку супа.— Прости, что я не в состоянии встать и приветствовать тебя как полагается, но, боюсь, мои врачи обойдутся со мной куда хуже, чем Горони, если я попытаюсь вылезти из этой кровати.

— Просто потому, что он остался в живых,— с явным неодобрением в голосе сказал Дугал,— он думает, что может прямо сейчас вернуться к исполнению всех своих обязанностей. Келсон, может быть, *ты* сумеешь ему объяснить, насколько он был близок к смерти,— и может быть, *тебе* он поверит?

— Да уж, для него же будет лучше, если он *проверит*,— сказал Келсон, ногой подтаскивая к себе табурет и садясь в ногах постели Дункана, и одновременно кивая Моргану, высунувшемуся из-за занавески в углу.— Это правда. Я там был. И я сомневаюсь, чтобы Аларик в ближайшее время позволил тебе *хоть чем-нибудь* заниматься и *хоть куда-нибудь* отправиться. Ведь так, Аларик?

— Не позволю.

— Меня что, бросят здесь? — сказал Дункан, с некоторым опасением глядя по очереди на троих Дерини, окруживших его.

Морган, после того, как все утро занимался лечением Дункана, сумел наконец улучить немного времени для сна, который был ему крайне необходим, и теперь с удовольствием потянулся и усился на табурет напротив Дугала, мягким жестом взяв Дункана за руку, чтобы проверить его состояние.

— Не беспокойся, здесь тебя никто бросить не собирается. Но несколько дней тебе придется путешествовать на носилках. С такими ногами о верховой езде и думать не приходится.

— Ну чтоб вам всем, до чего же вы любите портить людям жизнь! — рассердился Дункан.— А что вы будете делать, если я откажусь?

— Ну, прежде всего, ты не сможешь отказаться,— весело ухмыльнулся Морган, выпуская руку Дункана.— Ты что, забыл? Ты позволил мне поставить контрольные механизмы, пока мы работали с глубоким лечением. Это было в один из тех немногих моментов, когда ты находился полностью в здравом рассудке. Если я прикажу тебе спать, ты заснешь, и никаких проблем. И на всякий случай оба твои лечащие врача получили такую же власть. Ты не сможешь спорить даже с отцом Лаэлом.

После краткого сердитого раздумья Дункан скрипнул губы и снова откинулся на подушки.

— А *где* отец Лаэл? И как он все это воспринял?

— Он спит,— ответил Морган.— Уснул с небольшой помощью своего преданного друга. Он, может, и не Дерини, но он может делать весьма многое такое, чего Дерини *не мо-* 623

зут, в особенности если они по горло накачаны *мерашей*. И сегодня утром он дал мне возможность воспользоваться его энергией, пока я залечивал твои болячки.

— Слава богу, что он так разумно и просто относится ко всем этим фокусам Дерини,— пробормотал Кардиэль.— Я всегда знал, что он хороший человек, иначе я не сделал бы его своим капелланом, но ведь никогда нельзя предсказать, как поведет себя даже лучший из людей при слишком больших нервных перегрузках.

Дугал усмехнулся, предлагая Дункану очередную ложку супа.

— Ну, он блестяще прошел испытание огнем... и я уж точно многому у него научился. Он прирожденный врач. Очень жаль, что он не Дерини. Никогда не отпускай его от себя, архиепископ.

— Хм... да я никогда и не *собирался*.

— Он, похоже, даже не был особенно потрясен, когда узнал об отце и обо мне,— продолжил Дугал.— Кстати, Келсон, боюсь что нынче утром по всему лагерю уже расползлись слухи.

— И о чем же в лагере говорят? — спросил Дункан.

— Что ты — мой отец.

— О!..

— Надеюсь, ты не будешь слишком сердиться,— сказал Дугал.— Да, конечно, мы договорились держать это в тайне, пока ты не отыщешь доказательства, подтверждающие твои слова, но мне просто пришлось рассказать об этом Къярду, чтобы он помог мне установить связь с Келсоном... и... ну, боюсь, я еще сболтнул об этом, когда я пытался прорваться к тебе... Я готов был *на что угодно*, лишь бы успеть остановить Лориса.

— Что ж, я уверен, ты его остановил,— пробормотал Дункан.— И что же он сказал? Что у выродка Дерини — ублюдок сын?

— Ты слышал! Или ты угадал?

Дункан с силой выдохнул воздух сквозь скатые губы.

— Сомневаюсь, что ты поверишь, но это действительно просто *догадка*. Но мне бы хотелось, чтобы ничего такого не было сказано.— Он перевел взгляд на Кардиэла.— Ты разочарован, архиепископ?

— Разочарован? Ты что, шутишь?

— Но это же скандал для Церкви — а ей достаточно уже и той неприятности, что я — Дерини.

— Ну, Церковь благополучно переживала скандалы и похуже этого,— ответил Кардиэль.— Меня куда больше беспокоит положение молодого Дугала — хотя Къярд, похоже, совсем не ду-
624 мает о том, что незаконность рождения может повредить

Дугалу как вождю Макардри. Но если ты хочешь, чтобы он унаследовал Кассан и Кирни — ну, ради этого стоит постараться.

— Да, понимаю,— прошептал Дункан, едва заметно вздрогнув и закрывая глаза.— Но я не хочу думать об этом прямо сейчас.— Он глубоко вздохнул.— Аларик, мне очень неприятно просить об этом, но я просто не в силах больше изображать из себя геройического Дерини. Голова очень болит, последствие *мераши* еще не кончилось... вы не могли бы ненадолго оставить меня одного?

— Само собой. Тебе в любом случае не следует сейчас переутомляться. Сосредоточься на своем здоровье, а я тебе помогу.

Как только Морган положил руку на лоб Дункана, осторожно прижав большой палец и мизинец к векам епископа, Дункан снова глубоко вздохнул и очень медленно выдохнул.

— Я буду в полном порядке, если еще немного посплю,— пробормотал Дункан, зевая.— Они уж слишком долго накачивали меня наркотиком, да еще в таких дозах...

Его голос постепенно затих — Морган погрузил его в глубокий безмятежный сон, и еще несколько минут поддерживал контакт, усиливая свое влияние и вливая новую целебную энергию в истощенное тело Дункана.

Наконец он добился удовлетворительного равновесия сил в организме пациента.

— Должно быть, эта *мераша* — чудовищная штука! — выдохнул Дугал, когда Морган наконец убрал руку со лба спящего Дункана и посмотрел на остальных.

— Это верно. Такова она и есть... тебе ведь никогда не приходило ее испробовать, да? И никому из вас? — добавил он, глянув на Келсона.

Оба они отрицательно качнули головой, и Морган продолжил:

— Пожалуй, нам нужно заняться этим... возможно, как-нибудь зимой, когда мы будем уже в Ремуте. Прежде всего, вам следует знать, что это такое. В известных пределах можно бороться с ее воздействием, тут существуют разные способы,— но только если будете хорошо знать, что делать... однако вы *не узнаете*, пока не испытаете ее действия на себе. Я, честно говоря, подозреваю, что именно *мераша* помогла Дункану выдержать то, что делали с ним Лорис и Горони.

— Наверное, тут есть определенный смысл,— пробормотал Дугал,— хотя я пока что не могу понять логики твоих рассуждений. Что, ощущения от *мераши* хуже, чем если бы мои защитные поля пытались пробить кто-то, кроме моего отца?

— Намного хуже,— ответил Морган.

— Ну, тогда нечего и удивляться, что Дункан так плохо себя чувствует,— сказал Келсон.— Как он *на самом деле*, Аларик?

— Он начнет поправляться по-настоящему, когда окончательно избавится от следов воздействия *мераши*,— сказал Морган.— Но это не значит, что он тут сможет начать действовать в полную силу. К тому же с такими ногами он не сможет ехать верхом, даже если в принципе будет уже способен удержаться в седле,— но он и этого не сумеет, при такой-то потере крови. Да еще он довольно долго не в состоянии будет надеть латные перчатки или рукавицы,— пока его пальцы не окрепнут в достаточной мере.

— Ну, я не думаю, чтобы состояние его пальцев помешало ему носить вот это,— сказал Келсон, протягивая Кардиэлю завернутые в платок кольца.— Может, наоборот, его немного утешит, если он снова получит свои перстни. Къядр вчера отобрал их у Лориса, когда того взяли в плен. Я как раз сейчас допрашивал этого гнусного выродка.

— Ай-ай, как ты отзываешься о старине Къядре! — насмешливо бросил Морган, осторожно разворачивая платок.

— Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю.

— А, да, пожалуй... — Морган наконец развернул оба епископские кольца и теперь положил на ладони и рассматривал,— но под каждым перстнем оставался уголок изолирующей его ткани. Перстень Дункана лежал на правой ладони Моргана, Лориса — на левой.

— Ну-ка, ну-ка... А я-то по дороге думал, что с ними стало... Уф! — Он содрогнулся.— Как воняет психика Лориса, просто жуть! Насквозь все пропитано... Не верится мне, что у него хватило бы наглости надеть кольцо Истелина.

Келсон поморщился.

— Я сомневаюсь, что он вообще решился бы долго держать этот перстень при себе. Однако он в этом деле добился и еще кое-чего, на что никак не рассчитывал. *Нечто* насыпало на негоочные кошмары, видения святого Камбера.

— В самом деле? Ну, не могу сказать, что я очень удивлен. Дункан захочет вернуть свое кольцо... Дункан?

Все еще держа перстень через платок, Морган осторожно коснулся запястья Дункана. Почти в то же самое мгновение вели епископа затрепетали, голубые глаза открылись и постепенно их взгляд сфокусировался на кольце, которое Морган держал прямо перед Дунканом.

— Кольцо Истелина... — пробормотал Дункан, поднимая лишенную ногтей руку и протягивая ее к перстню.— Где ты 626 его взял?

— А где ты его в последний раз видел? — ответил вопросом Морган, чуть отодвигая кольцо, чтобы Дункан не мог его взять.— Я думаю, его неплохо было бы очистить. Его носил Лорис.

По всему телу Дункана пробежала легкая дрожь воспоминания о пережитом.

— Знаю, что носил. Ну, по крайней мере он не отрезал его вместе с моим пальцем, как он это сделал с Истелином. Надеюсь, перстень наслал ему парочку хороших кошмаров!

— Похоже, так оно и было,— сказал Морган.— Тут другой вопрос... не нашел ли он кошмары и *тебе*, после того, где он побывал? Мы уже знаем по прошлому опыту, что кольцо очень сильно накапливает психические отпечатки.

Дункан отрицательно хмыкнул и покачал головой, снова протягивая руку к кольцу.

— Камбер и Истелин сильнее Лориса. Дай его мне, Аларик. Обещаю, что не повторю того, что было в день моего посвящения.

— Да уж надеюсь, что не повторишь, хотя бы ради нас всех,— пробормотал Морган. Но все же он передал кольцо Дункану, а кольцо Лориса вернул Кардилю. Тот тщательно завернул его и спрятал под сутаной.

Дункан несколько секунд держал кольцо двумя пальцами, явно смотря сквозь него, потом моргнул и усмехнулся.

— Не думаю, чтобы святому Камбуру понравилось то, что этот перстень оказался в руках у Лориса.

— Вот как? — произнес Кардиль.

— Аларик, включи Томаса в общую цепь, вместе с нами. И вы все, объедините силы. Этому кольцу вовсе не нужно очищение. Я думаю, Камбер что-то хочет сообщить всем нам.

Пока Кардиль изумленно таращил глаза, Морган встал, уступая ему свое место. Как только архиепископ сел, Морган положил одну руку ему на шею, сзади. Келсон и Дугал подошли вплотную к Дункану с другой стороны постели.

— Закрой глаза и расслабься, Томас,— негромко сказал Морган, мягко протягивая нити контроля сознания, когда Кардиль повиновался ему.— Я знаю, ты прежде уже работал с Ариланом. Только не спрашивай, откуда я это знаю. Просто не сопротивляйся мне. Плыви по течению. Если начнется что-то слишком мощное, я тебя прикрою.

Голова Кардиеля склонилась, подбородок уперся в грудь, и когда Морган начал скреплять цепь, он положил вторую руку на предплечье Дункана и слился с ним в едином звене,— и Дункан при этом уже вовлек в свое звено Дугала и Келсона. 627

Кардиель не закрыл глаза, поэтому он видел, как Дункан надел кольцо на его обычное место на правой руке.

А потом в цепь влился кто-то еще, кроме них четверых, и Кардиель ощутил, как чья-то почти невесомая рука опустилась на его голову, благословляя. Это было «прикосновение Камбера», которое было знакомо ему задолго до того, как он сумел связать его со своим даром Целителя, но сейчас тут было кое-что еще: некое присутствие ощущалось куда более явственно, чем тот призрак, который он видел на посвящении в сан Дункана; кто-то одобрял и поддерживал его, и благословлял, на несколько секунд наполнив все его существо неописуемым чувством здоровья и правоты.

А потом видение растаяло, и тепло его сияния осталось лишь в памяти, и Морган уже рассеянно мигал глазами, позволяя цепи разорваться, и с отсутствующим видом похлопал по плечу Кардиеля, а архиепископ-человек тоже моргал, подняв голову и глядя на всех по очереди в изумлении от того, что и он наконец соприкоснулся с магией, в которую давно верил, но которую никогда прежде не испытал на себе.

— Это был... Камбер? — шепотом спросил Кардиель, когда наконец осмелился заговорить.

Дункан ладонью левой руки прикрыл перстень и прижал обе руки к груди, стараясь не задеть ничего концами пальцев, с которых была содрана кожа.

— Я бы мог спросить — а кто же еще? — ответил ему Дункан.— Но мне бы не хотелось выглядеть легкомысленным. Одно могу сказать наверняка: это был не Лорис. Теперь ты понимаешь, почему Келсону так хочется вернуть Камбера достойное его место?

— Но я не Дерини,— пробормотал Кардиель.— Я думал, он является только Дерини. Он же святой Дерини.

— Да, но изначально он был просто Защитником Человечества, ну, и патроном магии Дерини тоже,— сказал Морган.— К тому же мы и не думаем, что он является только Дерини. Мы лишь знаем, что те несколько Дерини, которые находятся в этом шатре, уже видели его прежде. Кроме того, нельзя сказать, что он действительно *явился* тебе; ты видел его посредством *нашей* цепи, нашей связи с перстнем — но это, конечно, не уменьшает значения испытанного тобой. Дункан, как ты думаешь, на этот раз в кольце прибавилось что-то новое — или это проявились следы его прежнего состояния?

Дункан покачал головой.

— Трудно сказать... Я *не думаю*, что это остаточное. То-
628 мь, мы совершенно уверены, что это кольцо изготовлено

из потира или какого-то другого сосуда, используемого в мессе... и это тесно связано с Камбером, возможно, он сам пользовался этим сосудом. Ты случайно не знаешь, кто делал кольцо Истелина?

— Представления не имею. Но думаю, такое вполне возможно — кусочек алтарного блюда мог быть переплавлен на кольцо. Но ведь Истелин не был Дерини... или был?

— Никто этого не знает,— ответил Морган.— И, к несчастью, теперь уже нам этого и не узнать. Но мне бы все равно хотелось собрать как можно больше сведений о его семье.

— Когда вернемся в Ремут, я посмотрю, что можно выяснить,— сказал Кардиель.— И кстати, если уж мы вспомнили о Ремуте... Аларик, ты сможешь установиться связь с Ричендой сегодня вечером? Нужно сообщить Нигелю, что проблема Меары уже почти решена.

— Она не будет решена, пока Кэйтрин не сдастся,— вмешался Келсон, не дав Моргану ответить.— Но я согласен с тем, что в Ремуте должны знать обо всех событиях. Кроме того, я подозреваю, что отсюда наладить связь будет легче, чем из Лааса.

Морган вздохнул.

— Отсюда тоже не слишком-то легко, учитывая, как мы все утомлены. Но ты прав — в Лаасе будет хуже. Мы попытаемся около полуночи, я сначала должен немножко поспать. Если вы не против, я бы попросил вас помочь мне в установлении цепи... ну, кроме Дункана, конечно.

— Аларик, я не калека... — начал было Дункан.

— Нет, именно калека! И чем скорее ты перестанешь упираться, тем скорее *перестанешь* им быть!

— Но я хочу помочь!

— Ты куда больше мне поможешь, если будешь спать.

Эта мысль была подтверждена и усиlena психическим толчком, и Дункан тут же зевнул во весь рот и упал на подушки, изо всех сил пытаясь удержать глаза открытыми.

— Аларик, это нечестно... — пожаловался он, снова зевая.

— Да ведь вся *жизнь* — штука ужасно нечестная,— возразил Морган, легко касаясь лба Дункана, как раз между бровями.
— Мы все это знаем из собственного горького опыта. Ну, а теперь спи.

Глава двадцать первая

Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей¹

Пак им и не удалось установить связь с Ричендой в эту ночь; но на следующую они это сделали — и узнали о торентском заговоре, раскрытом уже после их последнего контакта.

Мы для нас еще более важно как можно скорее привести дело к развязке,— говорил Келсон Моргану на следующее утро, когда они уже скакали по направлению к Лаасу, изнемогая от зноя на плоской равнине, залитой солнечными лучами.— Пока все выглядят так, будто ситуация в наших руках, но мне бы хотелось поскорее очутиться в Ремуте, чтобы самому во всем разобраться.

Однако и неделей позже, когда они уже начали осаду Лааса, в Ремуте ничего не изменилось. Дункан с каждым днем все набирался и набирался сил, и наконец ко всеобщей радости выбрался из носилок — как раз когда они добрались до Лааса; однако носки его сапог были обрезаны, чтобы уберечь от ненужных травм пальцы его ног, и он постоянно носил тонкие легкие перчатки, чтобы предохранить руки. Он все еще слишком быстро утомлялся, однако он отлично знал, как бесятся Лорис и Горони, видя его верхом на коне,— ведь ему надлежало давным-давно обратиться в прах и пепел! — и потому он доставлял себе небольшое удовольствие показаться им изредка и подразнить их. Лорис и Горони ехали верхом, но в цепях, и стража не отступала от них ни на шаг.

Когда Келсон и главные силы Гвиннеда начали осаду крепости Лааса, армия короля сильно увеличилась за счет добровольцев — граждан Меары, поклявшихся в верности Келсону после

¹Иов 19:9

битвы в долине Дорна. А закованных в кандалы Лориса и Горони также сопровождали меарцы, до сих пор не пожелавшие дать клятву верности новому сузерену,— но таких нашлась всего горстка. Тела Сикарда и Итела везли в искусно изготовленных гробах на крепкой телеге, тащившейся следом за воинскими отрядами; из-за сильной жары тела уже начали вонять.

Незадолго до полудня следующего за днем прибытия к Лаасу дня, когда город уже успел как следует встревожиться, видя огни лагеря огромной армии Халдейна, рассыпавшиеся предыдущей ночью по всей равнине вокруг города, Келсон, с флагом переговоров, подскакал к городской стене на расстояние выстрела из лука, в сопровождении герцогов Аларика, Эвана и Дункана. Келсона сопровождали также архиепископ Кардиель, Дугал и шесть рыцарей из личной гвардии короля, а барон Джодрел и еще шесть гвардейцев гнали перед собой Лориса и Горони. Вскоре из боковой двери рядом с городскими воротами выехал одинокий верховой герольд, с белым парламентским флагом,— он выглядел сдержанным и спокойным.

— Моя госпожа приказала мне спросить вас о ваших намерениях, король Гвиннеда,— произнес парламентарий, адресовав Келсону и его сопровождению вежливый салют.

Келсон ехал с поднятым забралом; на его шлеме красовалась золотая корона, усыпанная драгоценными камнями. Король спокойно и внимательно изучил взглядом парламентария и сказал:

— Твоя госпожа наверняка и сама может догадаться, что мои намерения при данных обстоятельствах не могут быть вполне мирными. Ей также нужно знать — мы взяли в плен ее главнокомандующего, Эдмунда Лориса, и священника Горони, а многие из тех, что еще недавно находились в ее армии, ныне перешли под знамена Халдейна. Кроме этого я ничего не скажу тебе; а другие предложения, как я подозреваю, твоя госпожа предпочтет услышать от кого-нибудь повыше тебя рангом.

Посланец горделиво вскинул голову, но заговорил ровным и спокойным тоном:

— Я рыцарь, и я посланник моей леди, сир король. Я думаю, из этого ясно, что она вполне доверяет мне принести от вас любое послание.

Келсон посмотрел на поводья, которые держал затянутой в перчатку рукой,— красная кожа сверкала на фоне белой... Они с Дугалом долго обсуждали, кто должен сообщить претендентке на трон Меары особые новости — о смерти ее мужа и сына, а также донести до нее условия Келсона,— и Дугал в конце концов одержал победу.

— Есть обстоятельства, неведомые тебе, сэр рыцарь, и их твоей госпоже лучше услышать собственными ушами. Поэтому я желаю отправить с тобой своего собственного гонца, чтобы он поговорил с твоей леди. Я полагаю, она гарантирует ему полную безопасность?

— Сир! Моя госпожа — дама чести!

— О, мы все *стараемся* быть людьми чести,— устало сказал Келсон.— Ты будешь сопровождать моего посланца?

— Разумеется, сир.— Посланец с легкой подозрительностью во взгляде посмотрел на Моргана и Дункана.— Вот только я не думаю, что моя госпожа будет рада принять у себя Дерини... о, я ни в коем случае не желаю нанести оскорбление вашим милостям,— тут же добавил он.

Келсон едва заметно кивнул.

— Я решил послать к ней графа, а не герцога,— спокойно произнес он.— И к тому же ее родственника, хотя, боюсь, в последнее время она не поддерживала с ним отношений. Примет ли она своего племянника, графа Дугала Макардри, как ты думаешь?

Гонец окинул Дугала долгим оценивающим взглядом, потом снова посмотрел на короля, и на его лице вдруг отразилась неуверенность.

— Гарантия безопасности парламентария относится и к графу, безусловно,— сказал он, слегка запинаясь.— Но... вы не знаете, что произошло с лордом Сикардом, сир?

Келсон серьезно кивнул.

— Я знаю. Но это как раз та новость, которую твоя госпожа должна услышать первой,— ответил он.— И лучше будет, если услышит она ее от графа Дугала. Ты можешь отвести его к ней прямо сейчас?

* * *

Дугал и посланик Кэйтрин едва ли обменялись и дюжиной слов, пока скакали к главным воротам Лааса. Да им и нечего было сказать друг другу. Дугал был мрачен и серьезен, придавленный грузом тех новостей, которые он нес Кэйтрин, а посланик самозванки едва ли стремился поскорее услышать то, что почти наверняка означало бы конец притязаниям Меары на независимость.

Поскольку Дугал заранее знал, что ему предстоит выступить скорее в роли посла, нежели в роли графа-воина, он был одет не в боевые доспехи, а в обычный кожаный костюм для верховой езды, и на его поясе не было ни меча, ни кинжала. На его 632 груди в качестве персевязи красовался новый плед цветов

клана Макардри, подчеркивавший его родство с самозванкой, а над пограничным беретом разевались три орлиные пера вождя клана; коса пограничника была сегодня перевязана черной лентой.

Он скакал рядом с посланником Меары, сосредоточенно глядя прямо перед собой, и даже когда они уже очутились во дворе замка и спешились, он не бросил ни единого взгляда ни вправо, ни влево, и молча направился за гонцом вверх по ступеням; дальше они свернули в боковой коридор, не пересекая главный вестибюль замка.

Кэйтрин ждала его в одной из дальних гостиных, выходившей окнами во внутренний сад; рядом с ней стояли Джедаил, епископ Креода и четыре странствующих епископа, которые поддерживали Лориса и идею независимости Меары: Мир де Кирни, Гилберт Десмонд, Раймер де Валенс и Кэлдер Шиильский, дядя Кэйтрин по материнской линии,— а точнее, двоюродный дед.

Лицо Кэйтрин вдруг стало белее, чем ее одежды, когда она увидела, кого прислал король Келсон.

— Как он осмелился прислать именно тебя, из всей своей свиты? — негромко проговорила она, и Дугал, видя ее бледность, испугался, что она вот-вот потеряет сознание.— И как ты вообще осмелился показаться мне на глаза?

Дугал отсалютовал самым почтительным образом,— он был королевским послом и стоял перед главным противником Келсона.

— Миледи, вы не можете предполагать, что какой-то другой посол Халдейна принесет вам вести, которые вы были бы рады слышать,— вежливо ответил он.— И его величество подумал, что неприятное по крайней мере лучше услышать от родственника.

Кэйтрин, приложив немалые усилия, взяла себя в руки и снова стала королевой. Она осторожно положила ладони на подлокотники кресла, которое в данный момент превратилось лишь в тень трона.

— Какие... новости? — очень тихо спросила она.— Сикард?..

— Мертв, миледи.

— А мой... мой сын?

— Тоже.

Руки Кэйтрин мгновенно взлетели к губам, чтобы подавить болезненный стон, едва не вырвавшийся из ее груди; Джедаил опустился на колени возле ее кресла и прижался лбом к колену Кэйтрин. Креода сделал несколько шагов по направлению к Дугалу.

— Что с архиепископом Лорисом?

Манеры Дугала невольно стали холоднее и жестче, хотя он и знал, что ему следует соблюдать полный нейтралитет, будучи послом Келсона.

— Он взят в плен, ваша светлость. И монсеньор Горони также. Они ожидают королевского суда.

— Но это невозможно! — прошептал Креода, скорее обращаясь к самому себе, чем к кому-либо еще. Джедаил побледнел, остальные служители церкви, ошеломленные и испуганные, тихо заговорили между собой.

— Уверяю вас, ваша светлость, это не только возможно, это уже произошло,— холодно произнес Дугал.— И, честно говоря...

Он умолк, не договорив, поскольку сейчас не время было рассуждать о том, что Лорис и Горони сделали с его отцом, или вдаваться в подробности его отношений с Дунканом; сейчас они оба были просто пограничниками. И он сказал то, что должен был сказать как посол:

— Но более подробно вы узнаете все в свое время от его величества, и он готов высказать вам свои соболезнования. А сейчас в мои обязанности входит сообщить вам, миледи, условия, которые предлагает вам его величество.

— Как смеешь ты предлагать условия *мне*? — прошептала Кэйтрин.

Дугал удивленно вскинул голову.

— Но, миледи, вы проиграли! Уверен, вы и сами ничего другого не думаете.

Кэйтрин откинулась на спинку кресла и, взяв себя в руки, остановила взгляд на Дугале.

— Я в безопасности, я нахожусь в своей собственной столице Лаасе, молодой Макарди,— твердо произнесла Кэйтрин.— Твоему Келсону не удастся вытащить меня отсюда.

— Вытащить вас? — Дугал изумленно оглядел всех по очереди.— Мадам, вы в осаде. Ваши командующие и главные советники либо в плену, либо убиты. Ваша армия разбита на поле сражения и приняла присягу верности Халдейну, как это уже случалось однажды, давно. Его величество просто ждет, когда вы выйдете. И будет ждать, сколько понадобится. Вы не сможете бежать отсюда. Вы проиграли.

Джедаил положил дрожащую руку на руку своей тетушки и дерзко посмотрел на Дугала.

— Так каковы же условия короля, кузен? — негромко спросил он.

— Я вам их прочту,— ответил Дугал, доставая из-за пазухи свиток и глубоко вздохая.— «Келсон Синхил Райс Энтони

634 Халдейн, милостью Божией король Гвиннеда, владетель Меа-

ры и лорд Пурпурной Марки, сообщает леди Кэйтрин Квинелл, так называемой Меарский самозванке,— начал он читать ровно и уверенно, постепенно разворачивая свиток.— Сударыня, дальнейшее сопротивление вашему законному сюзерену приведет лишь к дальнейшей бессмысленной потере жизней жителей Меары; а смерть каждого преданного Халдейну человека повлечет за собой казнь десяти меарцев, как только битва будет закончена. Однако если ваша милость сдастся без каких-либо оговорок, мы намерены предложить вам следующее. Первое. Против народа Меары в целом не будут приниматься никакие меры наказания, однако знать и бывшие военные командиры должны будут пристраститься клятву верности королю Келсону Гвиннедскому как своему законному сюзерену и сеньору, и будут подвергаться наказаниям, если в будущем отрекутся от своих клятв. Те, кто выкажет неповиновение законам Гвиннеда, точно так же будут судимы лично.

— «Второе,— Дугал снова глубоко вздохнул, и, ни на кого не глянув, принял читать следующий пункт королевских условий.— Тела Сикарда Макардри и Итела Меарского будут похоронены со всеми надлежащими почестями, здесь, в Лаасе. Леди Кэйтрин будет дозволено присутствовать при церемонии».

— Как они умерли? — донесся до Дугала голос Кэйтрин, перебивший его официальное чтение.

Дугал поднял голову и посмотрел на нее, потом снова уставился в свиток.

— Разве сейчас важны подробности, миледи? — мягко сказал он.— Они лишь еще больше огорчат вас.

— Расскажи! — потребовала Кэйтрин.— Иначе я не стану слушать требования твоего господина!

— Хорошо.

Дугал отпустил край свитка, позволив тому снова свернуться, и заговорил, тщательно выбирая слова, стараясь как можно более смягчить правду.

— Ваш муж умер с мечом в руке, мадам,— осторожно сказал он.— Я... мне говорили, что он умер как храбрый человек, он предпочел смерть плену, когда понял, что потерял свою армию.

— Да,— выдохнула Кэйтрин.— Это похоже на него. Ты присутствовал при его смерти?

— Нет, миледи.

— Но он умер быстро? — настойчиво спросила Кэйтрин.— Скажи мне, что он не мучился!

— Я уверен в этом, миледи,— ответил Дугал, в памяти которого ярко вспыхнула сцена смерти Сикарда... стрела, воинствующая в его глаз... — Его рана была такова, что смерть 635

должна была наступить мгновенно. Я не думаю, что он успел что-то почувствовать.

— Спасибо Господу хотя бы за это! — прошептала Кэйтрин в сложенные ладони, поднесенные к губам, а потом снова посмотрела на Дугала— А мой сын?

Дугал нервно сглотнул, будучи уверен, что обстоятельства смерти сына потрясут Кэйтрин куда сильнее, чем обстоятельства смерти супруга. Но в его сердце не было ни капли сочувствия к Ителу.

— Две недели назад, в Талакаре, принц Ител был взят в плен,— сказал он.— В тот же день его и барона Брайса Трурила судили, приговорили к смерти и казнили за их преступления.

— Казнили... как? — едва слышно спросила Кэйтрин.

— Они были повешены.

Дугал не видел ни малейшего способа как-то смягчить это известие, и он не мог как-то подготовить Кэйтрин ко всей его жестокости. И Кэйтрин обмякла в кресле, едва не потеряв сознание, а Джедаил склонился над ней, пытаясь как-то утешить, хотя и сам был бледен от ужаса — ведь если наследного принца Итела казнили подобным образом, то что ждет его самого, следующего в линии наследования?

— Я... я не настаиваю на других подробностях,— пробормотала наконец Кэйтрин, к которой отчасти вернулось самообладание. Он жестом дала Дугалу понять, что он может продолжить чтение, а сама взяла Джедаила за руку и отвернулась к окну, глядя на светлое небо полными слез глазами.

— «Третье»,— произнес Дугал, снова разворачивая свиток.— «После клятвы в том, что она никогда больше не посягнет на права законного сюзерена Меары, будь то именованный король Келсон Гвиннедский или его наследники, леди Кэйтрин будет позволено удалиться в монастырь, избранный для нее его величеством, и жить там до конца ее земных дней, в покаянии и молитвах о душах тех, кто погиб в результате ее бунта».

— Это весьма великодушно, миледи,— пробормотал Джедаил, из глаз которого тоже лились слезы. Он вытер из дрожащей рукой.— Дугал, а со мной что будет?

— «Четвертое»,— прочитал в ответ Дугал, не осмеливаясь посмотреть на молодого епископа.— «Касательно Джедаила Меарского, племянника леди Кэйтрин и бывшего епископа Ратаркина: поскольку он является изменником как светское лицо и как духовное, и поскольку его величество не намерен допустить, чтобы оставалась возможность нового бунта в Меаре, центром которого может стать названный епископ, как наследник леди

636 Кэйтрин, Джедаил Меарский должен быть лишен жизни».

С губ Джедаила сорвался короткий стон, и он покачнулся, стоя на коленях, и стал еще бледнее. Кэйтрин охнула и нервно обхватила его за плечи. Но прежде чем кто-либо из присутствующих успел произнести хоть слово, Дугал, откашлявшись, продолжил чтение:

— «Однако, поскольку названный Джедаил издревле ведет свой род от принцев Меары, и по крови является принцем, а по сану — епископом, король Келсон Гвиннедский милостиво сообщает, что Джедаил будет подвергнут почетной казни и умрет от меча, в отсутствие зрителей, и будет торжественно похоронен рядом со своими родными здесь, в Лаасе».

Дугал украдкой глянул на ошеломленного Джедаила, стараясь не встречаться с ним глазами, потом посмотрел на других служителей бога, и вернулся к свитку.

— «Пятое. После определения меры светской виновности епископ Креода и все прочие священники-отступники, кто так или иначе связан с бунтом в Меаре, будут отвечать перед церковным судом, который созвовут архиепископы Брадини и Кардиель, король Гвиннеда вынесет свой приговор в соответствии с решением этого суда». — Дугал снова отпустил край свитка, позволив ему свернуться, и обвел взглядом всех присутствующих. — Король не намерен ни в чем отступать от этого решения.

Затем последовало несколько тревожных минут, когда Дугал кратко повторил содержание послание и уточнил ряд упомянутых в нем терминов, — и вот наконец Кэйтрин встала, пошатываясь, давая понять, что аудиенция подошла к концу.

— Дугал, передай своему королю, что его послание составлено грубо, но мы обдумаем все и к полудню дадим ответ.

— Да, сударыня, я передам ему, — негромко сказал Дугал, отвесивая вежливый поклон.

— Спасибо. И... Дугал...

— Да, сударыня?

Тяжело слогнув, Кэйтрин жестом приказала Джедаилу и всем остальным епископам отойти подальше и, подозвав Дугала, увела его к оконной амбразуре. Солнечные лучи, падавшие в окно, осветили и позолотили медные волосы Дугала, заплетенные в косу, иказалось, что на голове юноши — золотой шлем... Дугал смущенно смотрел на Кэйтрин, и вдруг его глаза расширились от изумления: женщина достала из рукава маленький кинжал.

— Ты ведь не вооружен, Дугал, правда? — мягко произнесла Кэйтрин, видя опасение Дугала.

— Да, миледи. Я пришел сюда как посланец короля, честь честью, чтобы говорить с благородной леди, — потому

что только благородная леди могла выйти замуж за моего дядю и родить ему детей, в которых текла кровь Макардри.

Фыркнув, Кэйтрин изобразила кривую улыбку.

— Храбрые слова, племянник, хотя я могу убить тебя вот тут, на этом месте... и, возможно, убью,— за то, что ты сделал со мной и моими близкими. Но ты прав: он был бесконечно честным и добрым человеком, твой дядя Сикард. Если бы я позволила нашим детям носить *его* имя вместо моего, все могло обернуться совсем по-другому.

— Да, миледи.

— Он *действительно* был хорошим и добрым человеком, Дугал,— повторила Кэйтрин.— А поскольку за последние недели я много слышала о твоих доблестных подвигах, я не раз думала, как могли бы повернуться дела, если бы твоим отцом был *он*, а не Каулай.

Дугал чуть было не брякнул, что Каулай вовсе не был его отцом, но он пока что не знал, что она собирается делать со своим маленьким кинжалом.

Он подумал, что сможет отобрать у Кэйтрин оружие, если она вздумает напасть на него,— женщина была намного ниже него ростом и раза в четыре старше,— но если она *действительно* это сделает, другие, надо полагать, поспешат ей на помощь. Что ж, такое случалось: многих гонцов убивали за то, что они принесли плохие вести; а те новости, что принес он, видит Бог, давали все основания ненавидеть его, пусть даже он сам, лично, не дал никакого повода к ненависти.

Но Кэйтрин лишь молча повертела кинжал в руках и через несколько секунд протянула его Дугалу, рукояткой вперед, и по ее губам скользнула улыбка.

— Мне дал его Макардри, в день нашего венчания. Я хочу, чтобы он стал твоим

— Сударыня?..

— Я хочу, чтобы он остался у тебя. Уходи,— она вложила рукоятку кинжала в ладонь Дугала.— Прости старой женщине ее фантазии. Дай мне вообразить, пусть на несколько секунд, что ты — мой и Сикарда сын, а не сын Каулая. Мои дети мертвы, мои мечты о них тоже умерли... и о Джедаиле, моем последнем родственнике...

— Но зато прекратится война,— возразил Дугал.— Никто больше не будет умирать.

Кэйтрин спросила севшим голосом:

— Ты видел, как все они умирали, верно?

— Кто?

638   — Все мои дети.

— Нет... Итела не видел... — пробормотал Дугал.— Ну да, я видел Сидану... и Алюэла. Но не нужно так много думать об этом, миледи.

— Я не буду,— прошептала Кэйтрин.— Но я должна спросить о Сидане. Если бы... если бы Алюэл не убил ее, как ты думаешь, мог этот брак действительно принести мир?

— Думаю, это могло быть. Наследники обоих родов стали бы ответом на вопрос о престолонаследии.

— А Сидана... она могла быть счастливой с Келсоном?

В горле у Дугала пересохло, и он тщетно пытался сглотнуть, не зная что ответить своей родственнице.

— Я... я не знаю, миледи,— выдавил он из себя наконец.— Но Келсон не только мой король, он еще и мой кровный брат, и... да, я верю, что он любил ее, на свой манер. Я знаю, что в ночь перед венчанием он говорил о своем браке, и как ему неприятно жениться из государственных соображений. Но я думаю, он убедил себя, что любит Сидану.— Дугал помолчал немногоДугал помолчал немногого.— Вы это хотели услышать?

— Если это правда — да,— шепотом ответила Кэйтрин.— И я вижу по твоему лицу, что ты действительно в это веришь.— Она вздохнула.— Ах, это моя вина... Если бы я не была такой упрямой, Сидана могла бы сейчас быть жива, могла быть королевой Гвиннеда... Но я убила ее, я убила своих сыновей, я убила своего мужа... Дугал, я так устала от убийств...

— Так перестаньте убивать, миледи,— мягко сказал Дугал.— Это только в вашей власти, и ни в чьей более. Примите условия короля. Верните Меару ее законному господину, и ищите мира в те годы, что вам осталось провести на земле.

— Ты действительно думаешь, что он оставит меня в живых?

— Он дал вам слово, миледи. Я никогда не слышал, чтобы Келсон нарушил обещания.

Она снова вздохнула и горделиво вскинула голову, направляясь снова к центру комнаты, где тут же утихли все разговоры.

— Передай своему господину, что мы пришлем ему наш окончательный ответ в полдень,— сказала Кэйтрин.— Я... я должна подумать.

Когда Дугал вышел, она медленно опустилась в свое кресло и откинулась на спинку.

— Позови моих советников, Джедаил,— тихо сказала она.— И принеси мою корону.

Глава двадцать вторая

Но ты умрешь как мужчина, и как один из князей¹

Ровно в полдень ворота Лааса приоткрылись, пропустив одинокого герольда, несущего белый флаг,— и остались открытыми за его спиной.

— Милорд король! — произнес герольд, не сходя с седла кланяясь королю, когда его привели к сидевшему верхом на своем коне Келсону.— Миледи в основном принимает ваши условия и приглашает вас прибыть в ее замок так скоро, как вы пожелаете.

— В основном? — повторил Келсон.— Чтобы это могло значить? Я думал, что высказался совершенно ясно — никаких дальнейших переговоров!

— Я... я полагаю, она надеется кое в чем смягчить ваши требования, милорд,— едва слышно сказал посыпник.

— Понятно. Милорды? — Он обвел взглядом своих главных советников и военачальников, окруживших его.— Дугал, что ты скажешь? Ты ведь разговаривал с этой дамой.

— Я не думаю, что там задумано какое-нибудь предательство, если тебя именно это тревожит,— пробормотал Дугал.— Она выглядела очень уставшей от всего и почти раскаивающейся.

— Они *все* выглядят раскаивающимися, когда их прижмешь к стенке,— фыркнул Морган.

— Хм... ну, я бы не сказал, что Лорис и Горони удостоили нас раскаянием,— возразил Келсон.— Я бы попросил тебя и Джодрела подвести Лориса и Горони поближе к воротам Лааса. Эван, ты — командующий армией на время моего отсутствия. Если что-нибудь случится, ты знаешь, что делать. Архиепископ

¹Псалмы 82:7

Кардиель, я прошу вас сопровождать тела Сикарда и Итела. Вы вообще-то знаете Лаас?

— Боюсь, что нет, сир.

— Ну, неважно. Должна же там быть хотя бы домашняя часовня, куда можно доставить тела. И мы уже говорили о других обязанностях, которые вам придется выполнять.

— Да, разумеется, сир.

— Дункан и Дугал, вы поскажете рядом со мной.

Часом позже Келсон триумфально вступил в Лаас; перед королем двигалась колонна кольбенощцев и лучников Халдейна, следом за ним — две сотни пехотинцев. Забрало шлема короля было поднято, над ним сверкала корона, а в руке он вместо скипетра держал обнаженный отцовский меч.

Проезжая по улицам города, Келсон не встретил никаких признаков сопротивления. Его торжественный въезд сопровождался лишь молчанием и напряженным любопытством; и вот наконец кольбенощцы вступили во двор замка и выстроились в почетный караул. Келсон подождал, пока и пешие солдаты и лучники вошли во двор и заняли посты вокруг замка и внутри него,— и лишь тогда сошел со своего огромного белого боевого коня.

Алый шелк мантии обнимал плечи Келсона, отчасти скрывая изукрашенные львами латы; и мантия разевалась на теплом летнем ветру, когда король поднимался по ступеням, ведущим со двора к большим двустворчатым дверям, распахнувшимся перед ним.

Внутри, в парадном зале замка, короля встречало мене двух десятков меарских вельмож: тут была, разумеется, сама Кэйтрин,— она выглядела одинокой и измученной, сидя на троне в дальнем конце зала, и на ее покрытой вуалью голове красовалась корона Меары; по обе стороны Кэйтрин стояли с поддюжинами пожилых придворных вперемешку с оставшимися при Кэйтрин епископами,— причем священнослужители, одетые в парадный епископский пурпур, явно чрезвычайно нервничали. Вдоль стен зала стояли солдаты Келсона, а на галерее, окружавшей зал, виднелись его лучники.

— Внимание! — выкрикнул герольд претендентки.— Его королевское величество, великий и могучий принц Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, милостью Божией король Гвиннеда, владыка Пурпурной Марки... и владетель Меары!

Келсон скрыл улыбку облегчения, которая готова была появиться на его губах при последних словах герольда, и на мгновение замер в дверях, чтобы впечатление, произведенное его появлением на тех, кто находился в зале, было полным,— и

даже позволил ауре Дерини слегка засветиться вокруг своей головы — неярко, так, чтобы люди могли усомниться: то ли это от свет его особой силы, то ли просто игра драгоценных камней короны в лучах солнечного света.

Затем, медленно и с достоинством, необычайным для семнадцатилетнего юноши, он передал свой меч Моргану, снял шлем и протянул его Дугалу, потом небрежно снял перчатки и бросил их в шлем,— и лишь после этого направился через зал к трону Меарской самозванки.

Он не ожидал, что эта женщина окажется такой маленькой и такой хрупкой на вид...

Морган и Дугал шли по обе стороны от него, отстав на полшага, Дункан и Кардисль шли позади — Кардиель в митре, Дункан с герцогской короной на голове, на обоих — алые епископские сутаны поверх доспехов. Джодрел остался снаружи, с пленниками.

Кэйтрин встала навстречу королю и его свите, ее приближенные и епископы склонились в напряженном поклоне. Свита Келсона разделилась на две части, встав по обе стороны короля, когда он приблизился к подножию трона и остановился, глядя на Кэйтрин.

Страдания исказили лицо Кэйтрин, которое никогда не было красивым, даже в молодости,— но она держалась с достоинством, когда спустилась вниз и медленно преклонила колени перед королем, прижав к груди тонкие, худые руки. Однако глаза Кэйтрин горели страстью, когда она сняла свою корону и протянула ее Келсону; и она даже не моргнула, когда король забрал ее символ власти.

Кардиель уже стоял рядом, и Келсон передал корону ему, и лишь чуть повернул голову, когда архиепископ возложил на него меарский венец. Затем он протянул руку Кэйтрин, чтобы помочь ей встать, однако она сначала взяла край сутаны Кардиеля и поднесла его к губам, а потом поднялась на ноги сама, без чьей-либо помощи.

Дункан подошел к Кэйтрин, чтобы отвести ее чуть в сторону, когда остальная свита короля поднялась на ступени подножия трона в соответствии с рангом каждого из придворных, и Келсон, забрав свой меч, сел на трон Меары и положил обнаженное лезвие на колени.

В дальнем конце зала стояло множество баронов и офицеров Келсона, вместе с теми меарцами, которые уже заново подтвердили свою верность королю в долине Дорна; теперь они

прошли в зал, очутившись напротив группы придворных и 642 епископов Кэйтрин, на которых теперь было обращен

взгляд Келсона. Король молчал, и над залом повисла тяжелая тишина; и тогда Джедаил Меарский, находившийся среди опальной меарской знати, вышел вперед. При первом же шаге он сбросил мантию, и все увидели, что он одет не в епископский пурпур, а в грубую домотканую монашескую рясу, а ноги его босы.

Подойдя к подножию трона, он опустился на колени и сложил руки перед грудью в молитвенном жесте,— и когда он поднял голову и посмотрел на Келсона, его лицо было лицом человека, знающего свою судьбу.

— Милорд король,— заговорил он негромко, но отчетливо, так, что его слова слышали во всех углах зала.— Я, Джедаил Майкл Ричард Джолион Макдональд Квиннел, епископ Ратаркина и принц Меары, отказываюсь на все будущие времена от каких-либо притязаний на независимость Меары и признаю вас своим законным сузереном. Я отдаю себя на милость суда вашего величества, прошу прощения за все мои преступления и ошибки, и клянусь никогда впредь не высказываться против вас и не совершать против вас никаких действий. Если в вашем сердце найдется достаточно милосердия, я молю сохранить мне жизнь и позволить мне уйти в строгое затворничество в любом указанном вами монастыре, и я клянусь, что никогда больше не вернусь в мыслях к короне. Но если это невозможно, тогда я приму любое наказание, какое ваше величество назначит мне за мои преступления. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Тихонько вздохнув, когда Джедаил осенил себя крестом, Келсон позволил своему взгляду на мгновение обратиться к остальным епископам, ожидавшим его решения; к Кэйтрин, стоявшей между ними с видом напряженным и измученным, с руками, сложенными в умоляющем жесте.

Но хотя Келсон заглянул в мысли Джедаила, пока тот говорил, и знал, что человек этот совершенно искренен, он знал и то, что не может позволить себе снисходительности в этой ситуации.

Джедаил до сих пор был слишком послушным инструментом в руках сильных людей. Жалость может привести к слишком тяжелым последствиям.

— Джедаил Майкл Ричард Джолион Макдональд Квиннел Меарский,— ровным голосом заговорил король.— Я дарую тебе свое искреннее прощение за все преступления, совершенные тобой против меня и моего народа. Однако... — Слова Келсона гудели над залом, как похоронный звон.— Однако в интересах моего народа, как в Меаре, так и в Гвиннеде, я не могу со-

знательно допустить сохранения угрозы будущих мятежей. Я сохранил жизнь твоему кузену Ллевелу, и он убил мою невесту. Я пощадил архиепископа Лориса, не желая лишать жизни человека, носящего священный сан,— и он возглавил мятеж, направленный против меня. Если я оставлю тебя в живых, пусть даже ты очутишься в самом надежном и удаленном монастыре, всегда будет оставаться возможность, что люди, неспособные к верности, попытаются снова использовать тебя как повод для объединения и бунта против моих законных прав, пусть даже и против твоей воли.

— Но ты можешь запереть его в одном монастыре со мной! — не выдержала Кэйтрин, бросаясь на колени и протягивая руки к королю.— Будь милосердным, милорд! У меня больше не осталось родных, кроме него!

— А скольких своих родных вы лишились, цепляясь за безрассудную идею независимости Меары? — возразил Келсон.— Неужели я должен пощадить Джедаила лишь ради того, чтобы когда-то в будущем он стал причиной угрозы моим сыновьям, или сыновьям моих сыновей? Нет. Я не могу и я не взвалю на себя такую ношу,— на себя, на свой народ, на своих наследников. Джедаил, я сожалею, что вынужден подтвердить твой смертный приговор,— но тебе будет дано время, чтобы подготовиться. И несмотря на то, что официально ты лишен сана, я думаю, архиепископ Кардиель предложит тебе свою помощь. Ты согласен ее принять?

Слегка пошатнувшись, закрыв глаза, Джедаил низко поклонился, скрестив руки на груди.

— Я полностью отдаю себя под суд вашего величества и принимаю ваш милостивый приговор. Это... это будет скоро?

— Тогда, когда ты будешь готов,— тихо ответил Келсон.— Архиепископ Кардиель, вы отправитесь сейчас с принцем Джедаилом, или сначала будете свидетельствовать на суде над двумя другими пленниками, носящими священный сан?

И Келсон жестом указал на дальний колец зала, на большую двустворчатую дверь, через которую как раз в этот момент Джодрел и четверо гвардейцев вводили Лориса и Горони. Кардиель выпрямился во весь рост.

— Ваше величество, я не откажусь присутствовать при суде даже ради отпущения всех моих грехов. Стража, вы можете отвести принца Джедаила в часовню, чтобы он помолился. Отец Джедаил, я присоединюсь к вам через несколько минут. Это дело не затянемся.

Джедаил даже не взглянул на двоих других пленников, 644 когда стражники провели его мимо них к выходу из зала.

Зато Лорис смотрел на него во все глаза, да и на всех остальных по очереди,— однако и ему, и Горони заткнули рты кляпами, прежде чем ввести в замок.

Они с дерзким видом предстали перед королем, но стражи заставили их опуститься на колени. Келсон видел всю их ненависть, даже не используя силу Дерини, и жестом показал Моргану, что можно начать зачитывать список преступлений этих людей.

— Эдмунд Альфред Лорис, священник и бывший епископ Валорета, и Лоуренс Эдвард Горони, также священник: вы оба обвиняетесь в измене короне и королевству Гвиннеда, а также в возбуждении мятежа. Кроме того, вы должны быть судимы за убийство епископа Генри Истелина и причинение тяжких ран епископу Дункану Маклайну. Ваши обвинители — перед вами, в этом зале. Лоуренс Горони, что ты скажешь на это?

По знаку Келсона изо рта Горони вытащили кляп, но Горони тут же вызывающе вскинул голову и сплюнул.

— Я не считаю, что этот суд вправе судить меня,— заявил он,— или что еретик Дерини вправе читать список обвинений против меня. Я служитель Церкви, и я требую, чтобы меня судил церковный суд.

— Горони, ты и Лорис лишены сана более шести месяцев назад, и вы оба лишены соответствующих прав,— холодно произнес Кардиель, прежде чем Келсон успел что-либо ответить.— И ни один из вас даже не пытался оспорить решение церковного суда.

— Я не признаю за тобой права высказываться о лишении меня сана! — тут же выкрикнул Горони.

— Стража, заткнуть ему рот! — рявкнул Кардиель, и, подождав исполнения приказа, продолжил.

— Формально говоря, у тебя нет вообще никаких прав, поскольку ты нарушил законы Церкви. Но я *готов* просить короля о том, чтобы избавить тебя от такой страшной казни, какую ты назначил Генри Истелину: тебя не колесуют и не четвертуют. Однако епископ Маклайн и я как раз и составляем тот самый церковный суд, которого ты так жаждешь. Епископ Маклайн, виновен ли данный пленник в преступлениях, о которых шла речь, или он невинен?

— Виновен, ваше пресвященство,— уверенно ответил Дункан.

— Я согласен с этим,— сказал Кардиель.— Ваше величество, мы считаем данного пленника, Лоуренса Горони, виновным в названных преступлениях и передаем право судить его вам.

Эдмунд Лорис, что скажешь ты?

Как только изо рта Лориса вытащили кляп, он тут же взорвался визгливым криком.

— Да как вы вообще осмелились судить меня?! И как вы осмелились позволить этим еретикам выступать в роли судей? Еретик король, с его еретиками-приспешниками, и епископ Маклайн, со своим ублюдком Дерини, стоящим рядом с ним, как будто бы тут особая честь...

— Кляп! — рявкнул Келсон.

— Дугал Макардри — ублюдок Маклайна, его незаконный сын! — орал Лорис, вырываясь из рук стражей.— Спросите, осмелился ли он отрицать это! И они оба — Дерини!..

Один из стражников наконец заставил его замолчать хорошим ударом кулака в зубы, после чего ему запихнули в рот кляп,— однако Лорис уже сказал, что хотел. По залу пронесся ропот.

Слух о родстве Дугала и Дунканна бродил по армии Келсона со времени битвы в долине Дорна, уже неделю,— но никто не решился бы заявить об этом вслух. Теперь же едва ли можно было избежать объяснений. Дункан бросил взгляд на Келсона, король едва заметно кивнул в ответ. Дункан шагнул вперед и оглядел всех присутствующих — и в зале мгновенно воцарилась мертвая тишина.

— Здесь судят не меня, и не молодого Дугала, но вот этих двоих, которые нарушили клятву верности своему королю и запятали священный сан, возложенный на них. Тем не менее я не стану отрицать, что Дугал Макардри — мой сын. Я отрицаю лишь то, что он — незаконнорожденный, и я докажу законность его рождения перед церковным судом в течение года. Что же касается того, Дерини мы оба или нет,— это касается только моего короля, моего архиепископа и моего Бога. Если кто-то в этом зале намерен оспорить мои слова, пусть он обращается к одному из них.

В зале снова загудели голоса — недоумевающие, ошеломленные, и на лицах многих присутствующих виден был благоговейный страх, но никто не осмелился открыто выразить свое возмущение, поскольку Дункан повернулся к Келсону и отвесил ему почтительный поклон, а затем точно так же поклонился Кардилю.

И поскольку в ответ Кардиель положил руку на плечо Дунканна с видом явного одобрения, зал снова затих. Дугал в это время неподвижно стоял на своем прежнем месте, слева от короля.

— Ваше величество,— заговорил Кардиель, поворачиваясь ~~к королю~~ к королю — я считаю, что обвиняемые, Лоуренс Горони и

Эдмунд Лорис, виновны во всех названных преступлениях, и передаю их светскому суду. Епископ Маклайн, вы согласны?

— Согласен, ваше преосвященство.

— Благодарю вас, милорды,— негромко ответил Келсон.— Лорренс Горони и Эдмунд Лорис, мы также находим вас обоих виновными во всех перечисленных преступлениях и приговариваем вас к смерти. Вы будете повешены за шею, пока не умрете. Архиепископ Кардиель, есть ли причины, мешающие немедленному исполнению приговора?

— Я не вижу таких причин, сир,— твердым голосом сказал Кардиель.— А ввиду того, что приговоренные продолжают злобствовать и остаются нераскаянными, не вижу надобности позволять им насмехаться над Богом в последних ритуалах. К тому же Эдмунд Лорис приговорил к смерти и казнил Генри Истелина, не дав ему возможности приобщиться Святого Причастия,— и потому, я полагаю, он не станет возражать, если и ему откажут в предсмертных таинствах.

— Пусть будет так,— сказал Келсон, глядя поверх голов ошеломленных Лориса и Горони на воинов, выстроившихся на верхней галерее.— Готовы?

В ответ на этот сигнал двое воинов, державших свернутые бухтой веревки, мгновенно перебросили их концы через одну из балок под потолком зала. Меарцы задохнулись, когда поняли, что это означает,— но никто даже не шелохнулся, когда стражи подвели Лориса и Горони к свисавшим с потолка веревкам и накинули петли на шеи пленников. Горони выглядел совершенно потрясенным, и было ясно, что лишь теперь он по-настоящему испугался. Но Лорис окончательно впал в безумную ярость.

— Уберите кляпсы и повесьте их,— холодно приказал Келсон, и лишь слегка поморщился, когда его приказания выполнили.— И пусть Господь смилиостивится над их душами.

Дергавшихся и извивавшихся преступников, чьи лица уже начали синеть, поднимали на веревках до тех пор, пока их ноги не оказались выше голов присутствующих. После этого веревки закрепили. Кэйтрин едва держалась на ногах, опираясь на стоявших рядом с ней, и даже некоторые из мужчин позеленели, когда тела повешенных перестали наконец дергаться,— но никто не произнес ни звука.

Келсон медленно досчитал до ста, глядя на зал, а потом поднял меч на согнутой руке, как скипетр. Это движение привлекло к нему внимание всего зала.

— Архиепископ Кардиель, теперь вы можете идти к принцу Джедаилу.

— Благодарю вас, сир. На время моего отсутствия я доверяю говорить от моего имени епископу Маклайну, буде в том возникнет необходимость.

Когда Кардиель ушел, Келсон снова посмотрел на Кэйтрин, оставшихся при ней вельмож и преступных епископов. Но в зале было много и его собственных придворных и офицеров, и все ждали его слов.

— Народ Меары,— негромко заговорил Келсон,— настал час сказать вам всем, что ждет вас и вашу страну. Меара всегда была и является ныне вассалом Короны Гвиннеда. Титул владетеля Меары был возложен на меня вскоре после моего рождения моим отцом, королем Брионом, и я намерен со временем передать его своему первенцу. Сложись обстоятельства иначе, этот первенец мог бы быть сыном вашей принцессы Сиданы. Я искренне желал этого.

Он слотнул и откашлялся, прежде чем продолжить свою речь, и потер большим пальцем обручальное кольцо, надетое на его мизинец,— и Морган знал, что Келсон, действительно, от всей души желал этого союза.

Он увидел, как на глазах Кэйтрин вскипели слезы, и подумал, что она, похоже, теперь сожалела, что этот брак не состоялся...

Но сожалеть о чем-либо было слишком поздно. Меаре теперь предстояла совсем другая судьба.

— В противоположность моему предложению объединиться посредством брака,— продолжил Келсон,— кое у кого возникли другие планы относительно этой страны и относительно ее объединения, как в древности, с Кассаном и Кирни. Однако и я намерен сделать именно это, только не так, как задумали вожди бунтовщиков. Пока у меня нет собственного сына и наследника, я желаю, чтобы моим наместником в Меаре стал герцог Дункан Маклайн, вместе с моим кровным братом Дугалом, графом Транши, который будет его заместителем; им в помощь назначаются барон Джодрел и генералы Годвин и Глодрут. Тем, кто принесет клятву неизменной верности мне и моим наместникам, я дарую полное прощение и свободу, счтя их личные преступления против кодекса рыцарской чести как совершенные в военное время и в боевых условиях. Я уверен, что для большинства из вас это возможность начать все с начала, но я предостерегаю всех вас: не стоит приносить ложных клятв, поскольку я все равно узнаю правду. Я потребую, чтобы вы приносили клятву, положив ладонь на мою руку, а в подтверждение своих слов

целовали Святое Евангелие, которое будет в руках епископа 648 Дункана, и меч моего отца, который будет в руках герцога

Аларика. Надеюсь, нет необходимости напоминать вам, что все это значит.

И он снова позволил ауре Дерини вспыхнуть над драгоценной короной Меары, одновременно подав знак Моргану и Дункану сделать то же самое. Аура Дункана, как и аура самого короля, вполне могла быть принята за свечение самоцветов его герцогской короны, но мистическую зеленовато-золотую ауру Моргана, вспыхнувшую над его золотистыми волосами, невозможно было объяснить подобным образом. И все трое магов сохраняли свои ауры, пока лорды Меары клялись в верности королю. Так что Келсон ничуть не был удивлен тем, что каждый вельможа, выходивший вперед и вкладывавший свою руку в ладони короля, клялся совершенно искренне,— по крайней мере, он был искренним в данный момент.

Когда все было закончено, Келсон снова взял отцовский меч, и, держа его словно скилетр, встал.

— Мне осталось выполнить еще одну печальную обязанность,— негромко сказал король.— Мне это не нравится, но я обязан это сделать. Леди Кэйтрин, вы позовите проводить вас в часовню, чтобы вы попрощались с вашим племянником?

Кэйтрин пошла с ним, но отказалась принять предложенную ей для опоры руку. Морган, Дункан и Дугал шли следом. Их молчаливая процессия пересекла двор, и все, кто встречался им по пути, кланялись — но к кому именно относились их поклоны, Келсон не мог бы сказать.

В часовне Кардиэль и Джедайл молились, стоя рядом на коленях перед высоким алтарем; а неподалеку от них стояли два простые гроба, мгновенно привлекшие к себе внимание Кэйтрин, как только она вошла внутрь.

Кэйтрин задохнулась, увидев их, и, быстро подойдя, опустилась на колени между ними, коснувшись каждого тонкой рукой. Кардиэль обернулся, заслышав шаги, и жестом подозвал Келсона поближе.

— Принц Джедайл просит вас помолиться вместе с нами, сир,— сказал он.

Келсон, тихонько откашлявшись, передал меч Моргану и пошел вперед один, зная, что Морган, Дункан и Дугал также преклонят колени за его спиной.

Проходя мимо гробов и поникшей меду ними Кэйтрин, Келсон почтительно поклонился, а затем подошел к Джедаилу и опустился на колени справа от него.

Когда все трое прочли молитву, Кардиэль встал и отошел на несколько шагов, чтобы принц и король могли поговорить наедине.

— Я... я лишь хотел, чтобы вы знали, сир,— я не пытаю к вам вражды,— сказал принц Меары, не поднимая взгляда на Келсона.— Уже когда все это начиналось, я знал, что корона — тяжкая ноша, но я и не догадывался, *насколько* она тяжела, пока не стало очевидным, что ее могут возложить на меня. Я никогда этого не желал. Все, чего я хотел,— это быть священником. Ну да, и я хотел стать епископом,— признал он с едва заметной улыбкой.— Но только в том случае, если бы я действительно был этого достоин. По крайней мере, так я сам себе говорил. Теперь я знаю, что это было грехом — позволить себе обольститься желаниями других... моей тетушки, архиепископа Лориса... — Он нервно склонил голову.— Лорис... его казнят?

— Приговор уже приведен в исполнение,— тихо ответил Келсон.

Джедаил кивнул, на мгновение прикрыв глаза.

— Это справедливо,— прошептал он.— И казнить меня — тоже справедливо. Я... я ведь позволила ему... сделать то, что он сделал с Генри Истелином, этим святым человеком...

— Сейчас обсуждается вопрос о канонизации Истелина,— с чувством неловкости сказал Келсон.

— Надеюсь, это не останется лишь пустыми разговорами. Он умер, храня преданность вам и Господу, сир... и той Церкви, которая якобы отвергла его, как утверждал Лорис. Мне бы очень хотелось, чтобы тогда я оказался достаточно храбр и пришел к нему в его последний час, невзирая на приказ Лориса, и дал бы ему отпущение грехов... как это милостиво даровано вами мне.

— Это результат твоих собственных поступков и твоего раскаяния,— пробормотал растерянно Келсон, почти желая уже найти какой-то способ пощадить принца Меары, неожиданно проявившего такое благородство души.— Но вряд ли ты удостоился бы этого, если бы за тебя не поручился архиепископ Кардиель.

— Он тоже весьма благочестивый человек, сир,— ответил Джедаил.— Вам повезло, что вам служат подобные люди. Это великая удача.

— Я знаю.

Джедаил вздохнул, но это вовсе не был, как мог ожидать того Келсон, тяжелый вздох человека, ожидающего неминуемой смерти.

— Ну, я думаю, я готов,— мягко сказал принц Джедаил.— Надеюсь меч у вашего человека острый?

— Да, очень острый,— выдохнул Келсон, внезапно про-
650 никаясь состраданием и кладя ладонь на руку Джедаила,

чтобы как можно глубже заглянуть в ум этого человека.— Но, возможно, есть и другой путь... Я говорил недавно, что было бы очень трудно просто запереть тебя где-нибудь на всю оставшуюся жизнь... но если ты искренне раскаиваешься в содеянном... а я вижу, что это именно так... может быть, есть другой путь...

Джедаил, на мгновение ужаснувшись, вырвал свою руку и уставился на Келсона.

— Вы... вы могли бы сохранить мне жизнь? Возможно ли такое?!

— Если ты поклянешься навечно быть верным мне — да, я бы мог изменить приговор. Я устал убивать, Джедаил! Твой дядя и все твои двоюродные братья погибли из-за меня. О, конечно же, все они, кроме Сиданы, заслужили смерть, но... Боже, должен быть и другой способ!

— Нет,— ответил Джедаил, качая головой.— Другого способа нет. Вы были правы с самого начала. Если вы оставите меня в живых, всегда будет существовать риск моего побега, что какие-нибудь слишком амбициозные меарские лорды, не особо беспокоящиеся о чести, сделают на меня ставку и поднимут новый мятеж... и вы много лет будете сожалеть о том, что на мгновение поддались чувству сострадания. А мне кажется, у королей и без того достаточно поводов для сожалений, и ни к чему создавать новые, когда в том нет особой нужды. Король должен быть сильным — а вы король, Келсон Халдейн, и вы можете дать Меаре спокойствие и мир. Если ваше прикосновение Дерини дает вам возможность заглянуть в самую глубину человеческого сердца,— прочтите то, что написано в моем, и знайте, что я действительно верю в то, что говорю вам,— закончил он, беря руку Келсона и прикладывая ее к своей груди.— Я и сам не хочу быть причиной бессмысленных смертей. А единственный способ избежать их — покончить со мной. Вы не осмелитесь оставить меня в живых.

Келсон слегка отпрянул, когда Джедаил коснулся его руки,— но ему не оставалось ничего другого, кроме как выполнить просьбу принца, и он заглянул в его сознание...

Да, Джедаил *действительно* был готов встретить свою судьбу, веря, что так будет лучше и для Меары, и для Келсона, и для всех них.

— Но я все равно хочу пощадить вас,— упрямо сказал Келсон, убирая руку с груди Джедаила.— Вам стоит только попросить.

— Но я не стану просить.

— Тогда я не стану настаивать,— сказал Келсон.— Я отдаю должное вашему чувству чести, и скажу лишь — мне бы

очень хотелось, чтобы мы поняли друг друга несколько месяцев назад, когда еще было время, чтобы все изменить. При лучших обстоятельствах, я думаю, я бы только гордился, имея такого друга и советника, как вы, Джедаил Меарский.

— А я был бы горд и счастлив служить вам... мой сеньор,— прошептал Джедаил.

— Так сослужите мне одну службу, прежде чем мы расстанемся,— попросил Келсон.— Можете ли вы дать мне свое благословение?

— От всего сердца, сир.— И правая рука принца взлетела, чертя на лбу Келсона знак благословения.— Пусть милостивый Господь благословит вас, Келсон Халдейн, и дарует вам долгое счастливое царствование, и мудрость, и храбрость. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

— Аминь,— прошептал Келсон.

Но он уже не смог посмотреть еще раз в глаза Джедаила. Слезы покатились по его щекам, и он стремительно встал, отвернулся и быстро зашагал к выходу, во двор, где ждал палач,— задержавшись по пути лишь на долю секунды, чтобы забрать свой меч из рук помрачневшего Моргана.

Он снова взял меч на согнутую руку, как скипетр, и лишь после этого вышел на солнечный свет, придав своему лицу выражение торжественного смирения; он подошел к своим офицерам, и, остановившись, дал знак палачу приблизиться.

Это был тот же самый человек, который шестью месяцами раньше казнил Аллюэла Меарского; его руки, затянутые в перчатки, держали огромный, с очень широким лезвием меч так легко, как человек меньшего роста держал бы рапибу. Великан быстро подошел к королю, опустился на одно колено, положив крупные руки на поперечины рукоятки меча.

— Сир?

— Он сейчас выйдет,— тихо и низко произнес Келсон.— Сделай это, он сам того хочет. Он не связан, и я не думаю, что он согласится, чтобы ему завязали глаза. Тебя это не будет беспокоить?

— Нет, сир.

— Хорошо. Окажи ему как можно больше уважения, помни, что он — принц. Я не хочу, чтобы он страдал.

— Я сделаю все очень быстро, сир.

— Спасибо. Мне бы хотелось, чтобы никогда больше не пришлось призывать тебя...

— Я тоже этого хочу, сир.

— Я знаю. Иди, подготовься. Он скоро придет и не заставит себя ждать.

Палач не ответил; он лишь кивнул и встал, чтобы вернуться к месту казни,— там камни были сплошь усыпаны толстым слоем соломы.

Келсон чуть заметно вздрогнул, когда подошел Морган и встал слева от него, и был благодарен лорду Дерини за то, что тот не произнес ни слова.

Почти сразу после этого в дверях часовни показалась Кэйтрин, опиравшаяся на руку Дугала; по другую сторону от нее шел Дункан.

А следом за ними шли Джедаил и Кардиель, и оба они склонили головы, держа руки в молитвенном жесте, и Джедаил жадно слушал то, что говорил ему Кардиель.

Они на несколько мгновений задержались перед входом, и наконец Кардиель осенил осужденного принца крестом. Потом Джедаил медленно направился к центру двора. Палач опустился на колени, прося благословения, и Джедаил спокойно благословил его.

А затем наступила очередь Джедаила опуститься на колени, и опустить голову на плаху, спиной к палачу и его орудию, теперь лежавшему на земле, наполовину прикрытом соломой... и спиной к Келсону.

Еще секунду другую Джедаил молился, прижав ладони к губам,— а палач осторожно и бесшумно извлек из-под соломы сверкающее лезвие, ожидая сигнала Джедаила. Наконец Джедаил опустил руки и прижал голову к плахе — и в то же мгновение лезвие широкого меча сверкнуло в воздухе.

Даже Морган против воли дернулся и поморщился, когда лезвие опустилось с глухим стуком,— но удар был точным, как и обещал палач, и меч рассек шею принца, словно стебелек пшеницы.

Тело Джедаила медленно повалилось набок, кровь фонтаном хлынула из шеи, впитываясь в солому, как в губку,— и когда Кардиель направился к телу казненного, чтобы прочитать последние молитвы над отлетевшей душой, Келсон снова передал свой меч Моргану и тоже подошел к телу.

Король снял свою алую шелковую мантию и укрыл ею принца Джедаила. Когда Келсон вернулся на свое место и забрал меч, на его руках была кровь... и поначалу Морган подумал, что это кровь Джедаила, но потом он увидел кровь на лезвии королевского меча — и понял, что это была кровь самого Келсона.

— Мой принц, ты порезался,— пробормотал Морган, показывая на руку короля.

— Это неважно,— пробормотал Келсон, позволяя Моргану отвести себя в сторону, чтобы осмотреть рану.— Аларик, я ведь мог спасти его, но он мне этого не позволил. Я предложил ему жизнь. А он выбрал смерть.

Поскольку Морган касался руки короля, из которой сочилась кровь, ему было чрезвычайно легко проникнуть — осторожно и незаметно — в сознание Келсона, и прочитать то, что произошло между королем и Джедаилом, и понять, что с этим призраком Келсон должен справиться сам.

— Можно мне полечить твою руку, мой принц? — мягко прошептал Морган.— Или пусть пока так останется?

Келсон шумно сглотнул и опустил голову.

— Пусть пока останется,— едва слышно ответил он.— Это очень кстати, что я ощущаю настоящую кровь на своей руке. Я пролил ее куда больше за те четыре года, что царствую.

— И ты прольешь ее еще больше в будущем,— напомнил ему Морган.— И моли Бога о том, чтобы она всегда лилась во имя чести и правосудия. Мы делаем то, что должны делать, Келсон.

— Да,— с тяжелым вздохом ответил король.— Мы делаем то, что мы должны делать. Но есть вещи, которые мне *никогда* не понравятся.

— Да, это верно. И это хорошо.

Снова вздохнув, Келсон вытер свой меч о высокий сапог — кровь невозможно было заметить на красной коже,— а затем вложил его в ножны. Но он не стал стирать кровь с ладони, только скжал пальцы, чтобы не видна была небольшая ранка.

— И что теперь? — негромко сказал он.— Вряд ли у меня сейчас найдется время, чтобы побывать одному, а?

— Разве что несколько минут, мой принц, не больше. Может быть, попросить всех выйти из часовни?

— Нет, я найду другое место. Поддержи эту штуку, ладно? — попросил он, протягивая Моргану корону Меары.— У меня от нее голова болит. И прикинь, нельзя ли через час собрать офицеров на совещание. Думаю, в главном зале замка. И попроси всех меарских офицеров, принявших присягу, тоже присутствовать. Нам тут нужно слишком многое привести в порядок, прежде чем мы сможем хотя бы подумать о возвращении домой.

— Да, мой принц.

Морган остался стоять на месте, держа корону Меары.

Он смотрел вслед Келсону, который, повернувшись, на-
654 правился туда, где стояли лошади, и проскользнул между

своим конем и конем Моргана, найдя для себя относительное единение среди толпы людей, заполнившей двор.

И Морган, видя, как Келсон зарылся лицом в шелковистую снежно-белую гриву, понимал, что совсем не вот эта металлическая корона, которую он держал в руке, вызвала у Келсона головную боль.

Бремя венца было куда тяжелее, нежели просто вес золотого обруча с драгоценными камнями, который Келсон так небрежно вверил Моргану.

Бремя венца — это кровь, и человеческие жизни, и одиночество...

И Морган знал, что одиночество — наихудшая, наитяжелейшая часть ноши. Да, отчасти это одиночество могло быть нарушено, если бы Сидана была жива — но, как и много раз прежде, Морган тут же напомнил себе о бессмыслиности размышлений, которые начинаются со слов «если бы». Сиданы *не было* в живых; и именно ее смерть стала причиной военной кампании в Меаре... а результатом войны стал заговор Торента, на который интриганы ни за что не решились бы, не отсутствуй король в Ремуте.

Теперь же, когда вся династия Меары похоронена, а новый режим будет установлен в ближайшие часы, необходимо будет поспешить в Ремут и снова решать вопрос Торента, сожалея о смерти Джедаила и многих других; а потом настанет время и для поиска новой невесты для короля...

Может быть, ею станет эта маленькая послушница, Росана. Риченда, помнится, говорила Моргану, что, похоже, короля и Росану влечет друг к другу, хотя они и виделись совсем недолго. Что бы там ни думал сам Келсон, жена — хорошая жена — очень нужна ему.

Но прямо сейчас Келсон нуждался лишь в нескольких минутках одиночества, чтобы восстановить уверенность в себе и найти внутренние силы для того, чтобы и дальше выполнять свой долг.

Ему ведь было всего-навсего семнадцать лет, в конце-то концов,— он был почти мальчиком, несмотря на всю суровость его жизни!

Но никто никогда и не утверждал, что быть королем — легко. И быть добрым королем ничуть не легче, чем быть великим королем... а Морган был уверен, что Келсон станет величайшим из королей.

А потом Морган с изумлением и гордостью увидел, как Келсон поднял голову и расправил плечи, и осмотрелся во-

круг... и в его глазах светилась новая, доселе невиданная решимость.

И Морган, подзывая к себе нескольких младших офицеров и передавая им королевский приказ, уже твердо знал, что его король с честью вышел из последних испытаний, и что он готов к встрече с будущим. И что он, Морган, гордившийся тем, что верой и правдой служил Бриону, отцу Келсона, будет всегда гордиться тем, что имеет честь служить великому королю Келсону Гвиннедскому.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ ЦИКЛА КЭТРИН КУРТЦ «КАНОН ДЕРИНИ»

«Легенды о Камбере Кулдском»

Камбер Кулдский
Святой Камбер
Камбер еретик

«Наследники Святого Камбера»

Скорбь Гвиннеда
Год короля
Наследие Дерини

«Хроники Дерини»

Возышение Дерини
Игра Дерини
Властитель Дерини

«Истории короля Келсона»

Сын епископа
Милость Келсона
Тень Камбера
Невеста Дерини

«Юность Моргана»

(трилогия анонсированна к выходу
в США с 2002 года)

Отдельные произведения

Архивы Дерини (сб. рассказов)
Магия Дерини (эзотерический трактат)
Кодекс Дерини (рассказы, эссе, стихи)
(анонсирована к выходу в США в 2002 году)

Указатель персонажей

Аларик — см. *Морган*

Александр — разведчик *Макардри*

Алрой, король — последний король *Торента*, старший сын герцога *Дионела Арбенольского* и принцессы *Мораг*, сестры *Венциата*; погиб в итоге падения с лошади на охоте летом 1123 г. вскоре после того, как ему исполнилось четырнадцать лет; ему наследовал младший брат *Лайем*, девятилетний. Многие в Торенте полагали, что «несчастный случай» подстроен *Келсоном*, дабы устраниТЬ со-перника, достигшего совершеннолетия.

Анналинда, принцесса — сестра-близнец *Ройзиан Меарской*. После бракосочетания Ройзиан с королем *Малколмом Халдейном* в 1025 г. приверженцы *Анналинды* утверждали, что она, а не Ройзиан, родилась первой из двух сестер, и, таким образом, является законной наследницей Меарской короны. Ее потомки — Меарские самозванцы. *Кэйтрин Кинетт* — нынешняя Самозванка.

Адари, Макардри — старший сын и наследник *Каулая*; убит в 1107 г. в возрасте 20 лет в ссоре с одним из *Маклайнов*.

Арилан, Денис, епископ — бывший помощник епископа *Ремута*, ныне епископ *Дхассы*, 39 лет; тайно — *Дерини* и член Камберианского Совета

Баррет де Ланей — старый *Дерини*. Слепой сопредседатель Камберианского Совета

Белден из Эрни, епископ — епископ *Кашиенский*

Бенойт, отец — кандидат на должность епископа *Меарского*

Берти, Макардри — юный житель Пограничья, раненый в стычке, получивший помощь от *Дугала*

Бевис, отец — гонец из *Святого Айвига*, сообщивший *Келсону* о бегстве *Лориса*

Браден, епископ — бывший епископ *Грекота*, ныне архиепископ *Валорета* и примас *Гвиннеда*

Брайс – барон Турилл

Брэн, Корис, граф Марли – государственный изменник, бывший муж *Риченды*, убит *Келсоном*

Брендан, Корис – граф Марли, сын *Брэна и Риченды*

Брион, Донал Синхил Урисн Халдейн, король – покойный отец *Келсона*, убит в *Кэндор Реа* волшебством *Кариссы* в 1120 г.

Бриони, Бронвин де Морган – маленькая дочь *Моргана и Риченды*, род. в январе 1123 г.

Бронвин де Морган – сестра *Моргана*, изведенная колдовством в *Кулди* вместе со своим женихом, братом *Дунканом Кевином*.

Бурхард де Вариан –ластитель *Истмарка*, который получил в награду за службу во время *Торентской войны*

Варин де Грей – самозванный пророк, поверивший некогда, что избран уничтожить всех *Дерини*; обладает целительной мощью, которая, похоже, исходит не из деринийских источников

Венцеслав, брат – монах из *Святого Айвига*

Венцит Торентский – Дерини, король-чародей *Торента*, унаследовал Фестилийские притязания на престол *Гвиннеда*; убит *Келсоном* при *Линдриде Медоуз* в 1121 г.

Вивьен – Дерини, пожилая сопредседательница Камберианского Совета

Вольфрам де Бланст, епископ – прежде странствующий епископ, ныне – исполняет епископские обязанности в *Грекоте*

Гамильтон – сенешаль замка Моргана в Короте

Гендон – сержант на службе Брайса Туриллского

Гильберт, Десмонд, епископ – один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Глодрут, полководец – служит *Келсону*, прежде был на службе у герцога *Джареда Маклайна*

Годуин – один из полководцев Келсона

Горони, Лоренс – помощник архиепископа Лориса

Данок, граф – один из приближенных Келсона

Девлин – менестрель клана Макардри

Делеси, епископ – бывший епископ Стэвенхэма, умер от пневмонии в 1122 г.

Дерри, Шон – молодой рыцарь на службе у Моргана.

Джайлс – главный из оруженосцев Келсона

Джаред, Маклайн – герцог Кассан, отец Кевина и Дункана Маклайнов; захвачен в Ренгарте и казнен Венцитом Торентским в Линдриде Медоуз, в 1121 г.

Дженас, граф — сын Дженаса, который пал при Кэндор Реа

Джеробоам — монах проповедник, устроивший побег Лориса из Святого Айвига

Джером, брат — старший ризничий в Соборе Святого Георгия в Ремуте

Джетам — оруженосец Келсона

Джекхана — королева, Дерини, мать Келсона, вдова короля Бриона, 35 лет

Джорелл — молодой барон из свиты Келсона, держит земли в Кирни

Джоклион — последний суверенный правитель Меара, отец дочерей-близнецов, Ройзиан и Анналинда.

Донал, Блейн Хаддейн — король, дед Келсона, умер в 1095 г.

Дугал Макардри — побрратим Келсона, 15 лет, танист клана Макардри и наследник Траншийский

Дункан Говард Маклейн — священник-Дерини, кузен Моргана, 31 г., герцог Кассан и граф Кирни, каковым стал после смерти отца и старшего брата

Истелин Генри, епископ — прежде странствующий епископ; помощник архиепископа Брадена

Ител — принц, старший сын и наследник Меарской Самозванки, 16 лет

Ифор, епископ — епископ Марбери

Кайри, госпожа — Дерини, ок. 30 лет, известна как Кири Огненная, член Камберианского Совета

Камбер — Святой из Кулди — Дерини-святой, объявленный вне закона, жил два века назад; покровитель магии

Кардиель, Томас, епископ — прежний епископ Дхасский, ныне архиепископ Ремутский, 44 года

Карисса — Дерини, последняя, кто воспользовался Фестиллийскими притязаниями на престол Гвиннеда; побеждена и уничтожена Келсоном в день его коронации на магическом поединке в храме.

Карстен, епископ — покойный епископ Меара

Кевин Маклейн — граф Кирни, единокровный брат Дункана

Кинкеллиан — клановый бард в Траншийском замке

Киннелл — фамилия Меарской Самозванки Кэйтрин

Колдер Шиильский, епископ — один из двенадцати странствующих епископов Гвиннеда, не имеющих своего диоцеза

Каулей Макардри — см. Макардри

Конал, принц — старший сын принца *Нигелла*

Конлан, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Корам, Стивен — *Дерини*; покойный сопредседатель Камберианского Совета

Корриган, Патрик, архиепископ — покойный архиепископ *Ремута*, скончался от сердечного приступа в 1121 г.

Креода — епископ *ш* после упразднения его прежнего епископата в *Кэрбери*

Кэболл, Макардри — управляющий *Траншийского* замка, один из младших вождей клана *Макардри*; следующий после *Дугала* наследник вождя

Кэтрин Киннелл, принцесса — *Меарская Самозванка*, 61 г.

Кьярд О'Руан — старый слуга *Дугала*

Ларан ап Пардис — врач *Дерини*, 16-й барон Пардис, ок. 58 лет; член Камберианского Совета

Лайем, король — средний сын герцога *Лионела* и принцессы *Мораг*, 9 лет, король *Торента* по смерти старшего брата, с лета 1123, *Дерини*

Лионел, герцог — герцог *Арвенольский, Дерини*, отец племянников и наследников *Венцита*; убит *Келсоном* при *Линдрут Медоуз*, в 1121 г.

Ллюэл, принц — младший сын *Меарской Самозванки*, убийца *Сидана*, 15 лет

Лорис, Эдмунд, епископ — фанатически антидеирнийский бывший архиепископ *Балорета* и бывший примас *Гвиннеда*; лишен должностей и сослан в строгое заключение в *Аббатство Святого Айвига* своими собратьями епископами в 1121 г.

Лахлин Карлийский — епископ

Люис ап Норфал — нечестивый *Дерини*, отвергший власть Камберианского Совета

Майкл Макардри — второй сын *Каулай*

Макайре — разведчик в отряде *Келсона*

Макардри — см. *Ардри, Берти, Кэболл, Каулай, Дугал, Мариза, Майкл, Сикард*

Маклейн — см. *Дункан, Джаред, Кевин*

Малcolm Хаддейн, король — прадед *Келсона*, женился на *Ройзиан*, старшей дочери последнего властителя *Меары*, намереваясь через этот союз навечно и мирно присоединить *Меару* к *Гвиннеду*; ум. в 1074

Мариза Макарди — старшая дочь *Каулая Макарди*; ум. 1108 в 17 лет

Марлук — Хоган Гвернах, отец *Карисси, Дерини*; убит королем *Брионом* в чародейской схватке, 1105

Махаэль, герцог — *Дерини*, младший брат убитого *Лайонела*, его наследник, как герцог; регент, вместе с принцессой *Мораг* при юном короле *Лайеме*

Мерауд, герцогиня — жена *Нигеля*, мать *Конала, Рори и Пейна*

Мир де Кирни, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Мораг, принцесса — *Дерини*, сестра *Венцита Торентского* и вдова *ш*; мать нынешнего короля *Лайема* и принцессы *Ронал*

Морган, Алариk Энтони — *Дерини*, герцог *Корвина*, Зашитник Короля, 32 г., кузен *Дункана Маклайна*, муж *Риченды*

Моррис, епископ — покойный странствующий епископ

Мортимер — один из полководцев *Келсона*

Нигель Клуим Гвидион Райс Халдейн — герцог *Картмур*, младший брат *Бриона*, 36 лет; дядя и наследник *Келсона*

Пейн, принц — младший сын *Нигеля*, 8 лет, паж короля

Перрис — один из полководцев *Келсона*

Реми — один из полководцев *Келсона*

Ридон — *Дерини*, прежний барон *Истмаркийский*, член Камберианского Совета, союзник *Венцита*, ныне покойный

Риммель — бывший зодчий герцога *Джареда Маклайна*; казнен в *Кулди* за причастность к смерти *Бронвина* и *Кевина*, 1121 г.

Риченда, герцогиня — вдова *Брэна Кориса*, графа *Марли*, мыть нынешнего графа, их сына *Брендана*; ныне жена *Моргана* и мать его дочери *Бриони, Дерини*, 24 г.

Робард — разведчик в отряде *Келсона*

Роберт Тендалский — секретарь *Моргана*, 52 г.

Родри — постельничий *Келсона*

Ройзиан Меарская — (*Ро-шиин*), старшая дочь *Джолиона*, последнего независимого властелина *Меары*, королева *Малкольма Халдейна*, ум. 1055 г.; родившаяся первой сестра-близнец *Анналины-ды Меарской*

Рольф Макферсон — *Дерини*, жил в X в. и восстал против власти Камберианского Совета

Ронал, принц — *Дерини*, младший брат нынешнего короля *Торента*, 5 лет

Рори, принц — средний сын *Нигеля*, 13 лет

Рэймер де Валенс, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Рэтольд — хранитель гардероба у *Моргана в Короте*

Сикард, Макардри — дядя *Дугала*, младший брат *Каулая*, муж *Кэйтрин*, меарской Самозванки

Сидана, принцесса — дочь *Кэйтрин и Сикарда*, 14 лет

Сивард, епископ — бывший странствующий епископ, ныне исполняет обязанности епископа *Кардося*

Стивен, отец — секретарь *Креода*

Тирцель Кларонский — *Дерини*, чуть больше 20 лет, младший из членов Камберианского Совета

Толливер, Ральф, епископ — епископ *Корота*, 52 года

Томайс — разведчик *Макардри*

Торне Хаген — *Дерини* 50-ти с небольшим лет, бывший член Камберианского Совета

Трегерн, Сигер (Сэйр) — граф *Рендал*, брат *Мерауд*, супруги *Нигеля*

Фалк — друг детства и побратим *Майкла Макардри*

Хиллари — глава замкового гарнизона *Моргана в Короте*

Хью де Берри, епископ — бывший секретарь архиепископа *Корригана*, многолетний коллега *Дункана*, ныне один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Эван — герцог *Клейборн*, потомственный председатель Королевского Совета

Элас — один из полководцев *Келсона*

Ян, Хоувелл — изменник, бывший граф *Истмаркский*, ныне покойный.

Географический указатель

Айвига Св. Аббатство — исконная обитель Фратрии Силентии (безмолвствующих братьев) на побережье в Южном Келдоре, куда отправили в заточение Лориса

Алдуин — лес близ Кулди

Арьенол — герцогство к востоку от Торента; после смерти Лионела досталось его брату Махазлю.

Баллимар — вновь созданный прибрежный епископат в северном Кассане, диоцез епископа Лахлана Кварлисского

Валорет — столица Гвиннеда в период Междуцарствия, место пребывание епископа Валоретского (и Примаса Всего Гвиннеда) Брадена

Гвиннед — центральное и крупнейшее из Одиннадцати Королевств, управляемое Халдейнами Гвиннедскими с 645 г.

Георгия св. Собор — местопребывание архиепископа Ремутского, ныне — Томаса Кардиля

Грекота — Университетский город, бывшее местопребывание Варнаритской школы; престол епископа Волфрама де Бланета

Данок — Гвиннедское графство

Дженас — Гвиннедское графство

Джайлса св. Аббатство — монастырь в озernом краю Шаннис Меир близ границы Истмарка, куда удалилась Джехана до рождения Келсона, а затем — после его коронации

Дол Шайя — местность в Картмуре

Дрогера — пограничное владение к югу от Кулди у рубежей Меары

Дхасса — вольный священный город, местопребывание епископа Дхассского, ныне — Дениса Арилана; известна резьбой по дереву и местами почитания своих покровителей-святых, Торина и Этельбурги, которые охраняют подступы к городу с севера и с юга

Истмарк – бывшее графство *Яна Хоувелла*; по его смерти перешло к короне, впоследствии передано *Бурхарду де Вариану* в наследство за его верную службу во время *Торентской войны*

Кандор Ри – поле около *Ремута*, где погиб король *Брион*. Там также находится священный источник. *Кардоса* – многократно оспаривавшийся пограничный город в горах между *Истмарком* и *Торентом*; недавно там учрежден престол для епископа *Сиварда*

Каркашайл – городок близ *Транши*, где попал в плен *Дугал*

Картмур – герцогство *Нигеля*, граничащее с *Корвином* и с Королевскими владениями *Халдейна*

Кассан – герцогство *Дункана Маклайна* по смерти его отца, включающее и графство *Кирни*, и граничащее с *Меарским Протекторатом*

Келдиш Райдинг – северо-восточная часть древнего королевства *Келдор*, управляется непосредственно королями *Гвиннеда*, славится своими ткачами

Кербери – север *Валорета*, бывшее местопребывание епископа *Креоды*, престол перенесен в *Кулди*

Кешиен – вновь сотворенный епископат на Гвиннедско-Коннитской границе, местопребывание епископа *Белдена из Эрне*

Кирни – графство и второе владение герцогов *Кассанских*, ныне его держит *Дункан Маклайн*

Колблайне – городок близ *Транши*

Корот – столица морганова государства *Коргин*

Корвин – герцогство *Аларика Моргана*

Куилтейн – пограничное владение к югу от *Дрогеры*

Кулди – место сбора синода, который должен был избрать нового епископа *Меара*, и местопребывание епископа *Креоды*, нового епископа *Кулди*

Лаас – древняя столица независимой *Меары*, то и дело становящаяся очагом восстания

Лендорские горы – хребет, разделяющий *Корвин* и Земли королей *Халдейнов*, здесь находится *Дхасса*, Св. Торин, Св. Неот и Гунтурский перевал

Ллиндрут Медоуз – пастбища у подножия Кардосского ущелья, место решающей схватки между *Келсоном* и *Венцитом Торентским*

Марбери – местопребывание *Ифора*, епископа *Марберийского* в *Марли*

Марли – прежде графство *Брэна Кориса*, ныне перешло к 666 его сыну *Брендану* при регентстве *Риченды* и *Моргана*

Меара — в прошлом суверенное государство, теперь — часть владений Гвиннедской короны к западу от Гвиннеда

Одиннадцать королевств — древнее название всей этой области мира, Гвиннед и сопредельные страны

Пурпурная Марка — Равнинные земли к северу от Ремута; одно из владений короны Гвиннеда

Рамос — место бесславного Собора 917 г., строжайше запретившего Дерини принимать священство, держать должности, владеть собственностью и т. д.

Ратаркин — новая столица *Меара* после объединения Меары и Гвиннеда в 1025 г., местопребывание епископа меарского

Рельянский хребет — горная цепь, отделяющая *Истмарк* от Торента; там находится город-крепость *Кардоса*

Ремут — столица Гвиннеда, называемая Прекрасный Ремут

Рендал — горное графство в южной части бывшего Келдора, славится синевой своих озер; во владении *Сигера де Трегерна*, брата герцогини *Мераду*

Р'Касси — пустынное королевство к югу и востоку от Хорта Орсальского, славится породистыми конями

Сардейский лес — лес между *Труриллом* и *Траншей*

Сеанна св. Собор — местонахождение престола епископа *Дхассы Дениса Арилана*

Стэвенхем — местопребывание епископа Стевенхэмского Конлана

Толан — герцогство в *Торенте*, считалось, что им правит *Каррисса*

Торент — крупное королевство к востоку от Гвиннеда, ныне управляет регентами от имени мальчика *Лайема*, племянника покойного короля Венцита

Торина св. Гробница — гробница покровителя *Дхассы* к югу от города и оз. Джашан

Транша — местопребывание *Каулая Макарди*, графа Траншийского, в пограничных землях между Кирни и Пурпурной Маркой

Трурилл — древнее пограничное баронское владение между Гвиннедом и Меарой принадлежит барону *Брайсу Трурилскому*.

Фианна — винодельческая страна за южным морем

Форсинские княжества — несколько независимых государств к югу от Торента

Халдейн — верховное герцогство, охватывающее центральную область Гвиннеда, по обычаю, управляемо непосредственно королем

Хилари св. Базилика – древняя базилика внутри стен *Ремутского замка*, настоящим владельцем которой является *Дункан*

Шаннис Меир – озерный край, где находится *Аббатство Св. Джайлса*, куда до рождения и после коронации *Келсона* удалялась *Джахана*

Этельбурги св. Гробница – гробница покровительницы *Дхасса*, охраняющая северные подступы к священному городу

Епархии в Гвиннеде и окрестностях

Валорет — северо-восточная часть Хаддейна, исключая Дхассу; область к северу от реки св. Джарлата.

Ремут — юго-западная часть Хаддейна, ограниченная основными реками.

Дхасса — вольный святой город в Лендорских горах, к востоку от Дженнанской долины и к северу от Кингслейка.

Корот — Картмур и герцогство Корвин, к северу от Дженнанской долины.

Кербери — область вокруг одноименного города; объединена с Грекотой и прекратила самостоятельное существование в 1122 году.

Кулди — юго-западная часть Гвиннедской равнины, с юга граничит с Ремутом и Куилтейном.

Марбери — графство Марли.

Стэвенхем — области Клейборн, Келдыш Райдинг и озеро Рендалл.

Меара — область Старой Меары, включающая в себя Меару и Кирни.

Кешиен — северная область Лланнеда вдоль реки, на севере ограничена Ремутом и Куилтейном, а на западе — горами.

Кардоса — Истмарк к югу от Кингслейка.

Баллимар — Кассан.

В таких королевствах как Ховис, Лланнед и Коннант существует собственная иерархия, до сих пор не включенная в общую структуру гвиннедской Церкви.

Епископы Гвиннеда

Епископы Гвиннеда:

905 год (правление короля Синхила)

Валорет – архиепископ Энском Тревасский, Дерини (891-906 гг.), архиепископ Джейфрай Керберийский, Орден св. Гавриила, Дерини (906-917 гг.), помощник – епископа Роланд (до 906 г.), помощник – не назван (906-916 гг.).

Ремут – место архиепископа вакантно в 905 году архиепископ Роберт Орисс, *Ordo Verbi Dei* (905... гг.), помощник – не назван.

Дхасса – епископ Ниеллан Трей, Орден св. Михаила, Дерини.

Грекота – к 905 году место епископа было вакантно уже более пяти лет. Епископ Элистер Келлен, Орден святого Михаила, Дерини (905-917 гг.).

Найфорд – епископ Улиам ап Лью.

Кешисен – епископ Дермот О'Бирн.

Странствующие епископы – восемь человек (включая двоих помощников). Из них нам известны епископ Кай Дескантор, Дерини, епископ Юстас Фарлей, епископ Давет Неван, епископ Терло.

Это положение сохранялось практически неизменным до 2 февраля 917 года, когда на престол взошел король Алрой. В предыдущем году помощниками епископов в Ремуте и Валорете были избраны Айлин Мак-Грегор и Хьюберт Мак-Иннис, соответственно. Вскоре после коронации Алроя были назначены также новый странствующие епископы, и число их доведено до двенадцати человек.

Епископы Гвиннеда:

917 год (правление короля Алроя)

Валорет – архиепископ Джейфрай Керберийский, Орден св. Гавриила, Дерини (906-917 гг.), помощник – епископ Айлин Мак-Грегор (916... гг.).

Ремут — архиепископ Роберт Орисс, *Ordo Verbi Dei* (905—... гг.), помощник — епископ Хьюберт Мак-Иннис (916—... гг.).

Дхасса — епископ Нисман Трей, Орден св. Михаила, Дерики.

Грекота — епископ Элистер Келлен, Орден св. Михаила, Дерики (905-917 гг.).

Найфорд — епископ Уллиам ап Лью.

Кешиен — епископ Дермот О'Бирн.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двоих помощников). Из них нам известны епископ Кай Дескантор, Дерики; епископ Юстас Фарлей; епископ Давет Неван; епископ Терло; епископ Зефрам Лордский, *Ordo Verbi Dei* — бывший глава *Ordo Verbi Dei*; епископ Арчер Аррандский, *Ordo Verbi Dei* — теолог; епископ Альфред Вудборнский — королевский духовник; епископ Полин Рамосский — пасынок Таммара.

В ноябре 917 года, после гибели архиепископа Джейффрая Керберийского, двое странствующих епископов получили новое назначение: епископ Терло был перемещен в Марбери, а епископ Полин — в Стэвенхемскую епархию. 24 декабря, после продолжительных споров и невзирая на сильнейшее противодействие со стороны регентов, преемником Джейффрая на посту архиепископа Валоретского был избран Элистер Келлен. Он законный образом вступил в должность 25 декабря, но в тот же день был смешен регентами и вынужден спастись бегством вместе с епископами Нилланом Треем и Дермотом О'Бирном. В ходе последовавших беспорядков погиб епископ Давет Неван и Кай Дескантор, последний епископ-Дерики.

На следующее утро оставшиеся епископы пополнили свои ряды, избрав шестерых новых странствующих епископов — в их число вошел и двадцатилетний племянник Хьюберта, Эвард Мак-Иннис. 27 декабря, после ряда ловких маневров Хьюберт добился, чтобы его избрали архиепископом Валоретским и примасом Гвиннеда. Немедленно вслед за этим Хьюберт созван Рамосский собор.

Епископы Гвиннеда: весна 918 год (правление короля Алроя)

Валорет — архиепископ Хьюберт Джон Уильям Валериан Мак-Иннис, регент; помощник — епископ Айлин Мак-Грегор.

Ремут — архиепископ Роберт Орисс; помощник — епископ Альфред Вудборнский.

Дхасса — епископ Арчер Аррандский.

Грекота — епископ Эдвард Мак-Иннис Арнхемский, племянник Хьюберта.

Найфорд — епископ Улиам ап Лью.

Кешиен — епископ Зефрам Лордский.

Марбери — епископ Терло.

Стэвенхем — епископ Полин Рамосский (с середины ноября 917 года до 2 февраля 918 года, когда он стал главой *Ordo Custodem Fidei*).

Когда пыль улеглась, из прежних десяти странствующих епископов на своем посту остался один лишь Юстас Фарлей (если не считать двух помощников епископов). Вскоре были назначены еще пятеро, а в течение полугода их общее число вновь довели до десяти.

Вероятно, церковная структура продолжала развиваться в течение последующих двухсот лет, однако этот вопрос подлежит более тщательному изучению в будущем. Скажем лишь, что в ноябре 1121 года, к моменту восшествия на престол короля Келсона, в Гвиннеде имелось десять епископов, имеющих постоянную епархию (из них два архиепископа) и двенадцать странствующих (из них два помощника епископа.)

Епископы Гвиннеда: 1121 год (правление короля Келсона)

Валорет — архиепископ Эдмунд Лорис; помощник — не назван.

Ремут — архиепископ Патрик Корриган; помощник — епископ Денис Арилан.

Дхасса — епископ Томас Кардиель.

Грекота — епископ Браден.

Корот — епископ Ральф Толливер.

Кербери — епископ Креода.

Марбери — епископ Айфор.

Стэвенхем — епископ Де Лейси.

Меара — епископ Карстен.

Кешиен — епископ Белден Эрнсий.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двух помощников). Из них нам известны: епископ Сивард; епископ Гилберт Десмонд; епископ Вольфрам де Бланет; епископ Генри Истеллин; епископ Конлан; епископ Моррис; епископ Ри-чард Найфордский.

К 1122 году произошли определенные изменения. Лорис были смещены с поста и помещен в тюрьму, несколько человек скончались (Патрик Корриган в 1121 г. от сердечного приступа; Ричард Найфордский казнен вместе с герцогом Джаредом в 1121 г.; Де Лейси в 1122 г. от пневмонии; и наконец Моррис — дата и причина смерти неизвестны). Кроме того, были созданы новые епархии в Баллимаре и Кардосе, и отменена — в Кербери.

Епископы Гвиннеда:

1122 год (правление короля Келсона)

Валорет — архиепископ Браден Грекотский; помощник — епископ Генри Истеллин.

Ремут — архиепископ Томас Кардиель; помощник — епископ Дункан Маклайн.

Дхасса — епископ Денис Арилан.

Грекота — епископ Вольфрам де Бланет.

Корот — епископ Ральф Толливер.

Кулди — епископ Креода Керберийский.

Марбери — епископ Айфор.

Стэвенхем — епископ Конлан.

Меара — епископ Карстен.

Кешиен — епископ Белден Эрнский.

Кардоса — епископ Сивард.

Баллимар — епископ Лахлан Кварлисский.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двоих помощников): епископ Джеймс Маккензи; епископ Гилберт Десмонд; епископ Хью де Берри; епископ Мир Кирнийский; епископ Раймер де Валенс; епископ Беван де Торини; епископ Неван д'Эстреллас; епископ Корберт Матисен; епископ Джон Фитцпрайд; епископ Амори Релледский; епископ Эдвард Клумский; епископ Калдер Шильтский (дядя Дункана).

В ходе Меарского Синода, осенью 1123 года, после кончины Карстена Меарского, король предложил на пост епископа Меары Генри Истеллина, и его кандидатура была одобрена Синодом. Вскоре после этого бывший архиепископ Эдмунд Лорис бежал из заточения, сместил Истеллина и, преступно казнив его, самовольно занял пост примаса Меары, назначив Джедаила Меарского епископом Ратаркина. В этих должностях они пребывали до лета 1124 года, когда были пленены и казнены Келсоном. Впоследствии своих постов лишились еще ряд епископов, поддерживавших Лориса и Джедаила, что вызвало новые назначения.

**Епископы Гвиннеда:
1125 год (правление короля Келсона)**

Валорет — архиепископ Браден. Грекотский помощник — епископ Бенуа д'Эверинг.

Ремут — архиепископ Томас Кардиель; помощник — епископ Дункан Маклайн.

Дхасса — епископ Денис Арилан.

Грекота — епископ Вольфрам де Бланет.

Корот — епископ Ральф Толливер.

Кулди — епископ Беван де Ториньи.

Марбери — епископ Айфор Марлийский.

Стэвенхем — епископ Конлан.

Меара — епископ Джон Фитцпадреик.

Кешиен — епископ Джеймс Маккензи.

Кардоса — епископ Сивард.

Баллимар — епископ Хью де Берри.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двоих помощников). Из них нам известны имена: епископ Джодок д'Арман; епископ Корберт Матисен; епископ Амори Реллеский; епископ Эдвард Клумский.

Смещены с должности и осуждены на пожизненное заключение: Белден Эрнский; Лахлан Кварлисский; Креода Керберийский.

Смещены с должности и низведены до простых священников: Гилберт Десмонд; Мир Кирнийский; Раймер де Валенс; Неван д'Эстреллас; Калдер Шиильский.

Религиозные Ордена в Гвиннеде

***ОРДЕН СВ. МИХАИЛА (МИХАЙЛИНЦЫ)** – рыцари и священники, большей частью Дерини; уничтожен в Гвиннеде в 917 году.

Верховный настоятель: Элистер Келлен, затем Креван Эллин.
Магистр: лорд Джебедия Алькарский.

Обитали михайлинцев:

Челтхем (командория до 905 г.)

Верхний Эйриал

Моллингфорд

Аргод (командория 905-917 гг.)

Куилтейн (на меарско-гвиннедской границе)

Аббатство св. Лиама (учебное заведение)

Джелларда (первоначальная штаб-квартира и командория,
Наковальня Господня)

Сент-Элдерон (на границе с Истмарком)

Брустаркия (Арьенол)

Тайное убежище св. Михаила

Облачение священников: синяя ряса с алым поясом или кушаком, синий плащ с михайлинской эмблемой на левом плече; небольшая тонзура размером с монету.

Облачение рыцарей: синяя накидка-сюрко с эмблемой михайлинцев сзади и на груди, белый пояс или кушак; синий плащ, как у священников; небольшая тонзура размером с монету.

Символика: на лазурном поле серебряный крест, заостренный книзу, в языках красного с золотом пламени. (Братья миляне и низшие воинские чины носят значок с простым белым крестом, заостренным книзу.)

*ОРДЕН СВ. ГАВРИИЛА (ГАВРИИЛЛЫ) – орден Дерини, большей частью Целителей и наставников Целителей; уничтожен в Гвиннеде в 917 году.

Аббат: отец Эмрис.

Облачение: белое одеяние с капюшоном, белый кушак, белая накидка; тонзуру не выбривают, волосы отпускают и заплатают в косу.

Символика Ордена: заключенный в круг крест с раздвоенными концами, обычно белого или голубого цвета.

Символика Целителей: зеленого цвета скатая «лодочкой» ладонь правой руки, пронзенная восьмиконечной белой звездой (у Целителей-мирян – наоборот).

Штаб-квартира: аббатство св. Неота (к югу от Лендорских гор).

*ORDO VERBI DEI (ОРДЕН СЛОВА ГОСПОДНЯ) – полу-монашеский Орден, известный прежде как Орден св. Джарлата.

Верховный настоятель: отец Роберт Орисс, затем Зефрам Лордский.

Штаб-квартира: аббатство св. Джарлата (к северу от Лендорских гор).

Аббат: отец Грегори Арденский.

Облачение: аббат – бордовое, монахи – серое, братья-миряне – коричневое.

Приорство св. Приана (близ Валорета).

Приор: отец Стефан.

Облачение: аббат – белое, братья-миряне – серое, послушники – черное.

Аббатство св. Фоиллана (Лендорское нагорье).

Аббат: отец Зефрам Лордский.

Приор: отец Патрик.

Облачение: аббат – белое, монахи – белое, братья-миряне – серое.

Приорство св. Ультана (к юго-западу от Мурина).

Приорство св. Ильтида (близ Найфорда).

МАЛЫЕ БРАТЬЯ СВ. ЭРКОНА

Основатель: отец Полин (Синклер) Рамосский, пасынок 676 графа Таммарона.

ВИЛЛИМИТЫ – светский Орден, посвященный св. Виллиму (младшему брату св. Эркона), младенцу, принявшую мученическую смерть от рук злодея Дерини.

*ORDO CUSTODEM FIDEI (ОРДЕН ХРАНИТЕЛЕЙ ВЕРЫ) – создан в 918 году в противовес михайлинцам; воины и наставники, особенно в семинариях.

Основатель: архиепископ Хьюберт Мак-Иннис.

Первый верховный настоятель: преподобный Полин (Синклер) Рамосский (бывший епископ Стэвенхемский).

Верховный канцлер: отец Марк Конкенон, ведает семинариями.

Верховный инквизитор: брат Серафин; помощник – отец Липр.

Облачение: братия – черная ряса, алый с золотом кушак, черный плащ с алым подбоем.

Символика: на красном фоне, лев, поднявшийся на задние лапы с мечом в правой лапе и головой, окруженной золотым ореолом.

Капитулы во всех соборах Гвиннеда.

Основная семинария: Arx Fidei (Цитадель Веры), близ Валорета; аббатство Параклета.

Equite Custodem Fidei (Рыцари Хранителей Веры).

Первый магистр: лорд Альберт (старший брат Полина, бывший граф Тарлетонский).

Командории во всех крупных городах, приорства по всему Гвиннеду.

Облачение: черная накидка с красный крестом и львиной головой, окруженной ореолом, белый кушак, отороченный пурпуром, плетеное вервие через левое плечо, черный плащ с алым подбоем.

FRATRI SILENTII (БРАТЬЯ БЕЗМОЛВИЯ) – аббатство св. Айви.

Облачение: ряса цвета морской волны.

ORDO VOX DEI (ОРДЕН ГЛАСА БОЖИЯ)

Облачение: черная ряса с синим кушаком.

*БРАТСТВО СВ. ЙОРИКА

ВАРНАРИТЫ – каноники Варнаритской Школы, отделившись от кафедрального капитула Грекоты в конце VIII века, деринийский ученый Орден, просуществовавший вплоть до Реставрации. Ультра-консервативное крыло варнаритов отделилось еще ранее, превратившись в Орден гавриилитов. Учение варнаритов положило начало эзотерической философии Дерини.

TEMPLUM ARCHANGELORUM – давно исчезнувшее аббатство с древними эзотерическими корнями; его символ был на печати Иодоты.

Значком (*) отмечены те Ордена, главы которых приравниваются в епископам и могут заседать в Синоде.

Местонахождение Порталов в Гвиннеде

Церковные Порталы

Собор св. Георгия, Ремут: ризница; кабинет настоятеля в базилике св. Хилари.

Собор всех Святых, Валорет: ризница; молельня в личных апартаментах архиепископа.

Собор св. Сенана, Дхасса: ризница (предположительно); северный трансепт, личная часовня епископа.

Собор Грекоты: ризница (предположительно); несколько Порталов в апартаментах епископа в башне епископского дворца (особый Портал, предположительно уничтожен после смерти Камбера-Элистера) в руинах под епископским дворцом.

Собор Найфорда: ризница (предположительно).

Собор Кешиена: ризница (предположительно).

Собор св. Уриила и Всех Ангелов, Ратаркин, епархия Мэры: ризница (предположительно).

Гавриилитские и михайлинские Порталы

ОРДЕН СВ. ГАВРИИЛА: аббатство св. Неота – в ризнице; вероятно, не единственный.

ОРДЕН СВ. МИХАИЛА:

Верхний Эйриал, Моллингфорд: обители были переданы другим Орденам после роспуска михайлинцев, но Порталы продолжали функционировать как минимум до 24.12.917 г., когда Джебедия воспользовался ими, чтобы предупредить о грядущих погромах.

Челтхем (штаб-квартира Ордена, уничтожена в 904 г.): Порталы расположены в апартаментах настоятеля и, вероятно, в ризнице.

Аргод (командорство 905-917 гг.): местоположение не установлено.

Куилтейн (на границе Меары и Гвиннеда): местоположение не установлено.

Аббатство св. Лиама: местоположение не установлено.

Джелларда (изначальная штаб-квартира и командорство, Наковальня Господня): местоположение не установлено.

Сент-Элдерон (на границе Торрента и Истмарка): местоположение не установлено.

Брустаркия (малая штаб-квартира в Арьеноле): местоположение не установлено.

Убежище св. Михаила.

Порталы при учебных заведениях

Лентит, близ Коннаита: там находилась школа Дерини до октября 917 года; Дерини спаслись бегством, предварительно скрыв Портал.

Найфордская семинария: была частично восстановлена после пожара 916 года, но после беспорядков осенью 917 года Портал был закрыт, Дерини спаслись бегством.

Личные Порталы

Валорет: в подвалах Королевской Башни, замаскирован под уборную.

Кайрори: в кабинете Камбера; в подземном ходе, ведущем из замка (этим путем Энсель бежал после гибели Девина).

Кор Кулди: вторая резиденция Мак-Рори, наверняка, Камбер устроил там Портал.

Шиил: в кабинете Райса; позднее закрыт для всех, кроме семьи Турин и Мак-Рори.

Тревалга: новое поместье Грегори в Коннаите (вероятно, в Эбре не было Портала, иначе Райс воспользовался бы им, чтобы позвать на помощь Камбера-Элистера и Джорема, когда Грегори был болен).

Ремут: в комнате, примыкающей к библиотеке Бриона. Изначально это была комната для гостей; вероятно, именно

там размещался лорд Ян в ночь перед коронацией Келсона, и оттуда Карисса смогла попасть в библиотеку. К тому времени, как Келсон был посвящен в рыцари, эту комнату сделали продолжением библиотеки, замуровав дверь в коридор и соорудив новый проход в стене, защитив его особым заклятием. Тирцель объясняет это Коналу:

Келсон и его друзья выбрали очень специфический заговор, разрешив мне и другим членам Совета пользоваться библиотекой, но сделали так, чтобы мы без объявления не могли появляться в других частях замка. После Кариссы это, несомненно, оправданно. В любом случае, я мог бы покинуть ту комнату или тем способом, которым воспользовались мы, или попросив тебя провести меня под своей защитой. Вполне действенный способ.

(«Тень Камбера»)

Порталы Камберианского Совета

Члены Совета Камбера, несомненно, имели личные Порталы в своих домах. Упоминаются Порталы Торна Хагена, Дениса Арилана и семейный Портал Ариланов в Тре-Арилане (именно туда Денис Арилан приводит Кардиеля).

Отсутствующие Порталы

Особо упомянуты места, где не имеется Порталов, включая Трурилл (поскольку сестра Камбера вышла замуж за обычного человека) и Корот (по крайней мере, до лета 1121 года). Впрочем, поскольку герцогами Корота несколько веков были Дерини, то Порталы там должны быть, однако Морган ничего о них не знает, и у него пока не хватает сил и знаний, чтобы соорудить свой собственный.

Adsum, Domine: **Песнопение Целителей**

Узри меня, Господи:
По милости Твоей исцеляю я плоть человеков.
Узри меня, Господи:
С благословения Твоего прозреваю я души.
Узри меня, Господи:
Силою Твою властен я над сердцами.
Не оставь, Господи, меня,
ниспошли силу и мудрость
Лишь по зову Твоему служить Тебе
дарами Твоими.
И сказал мне Господь Пресветлый: смотри,
Я избрал тебя, чадо Мое, человекам в дар.
Душу твою до того, как зачали тебя,
прежде даже, чем солнце зажглось,
Я отметил печатью Моей до скончанья времен.
Ты — Моя Исцеляющая рука,
Мощь Моя, коей Я возвращаю жизнь.
Через Меня познаешь ты дух Исцеляющих сил,
Темные тайны земли, лесов и долин.
Через дары Мои познаешь ты любовь,
Кою пытаю к тебе: облегчай же боль
И человека, и зверя. Огнем души
Всякую порчу сжигай,
страданье развеивай сном.
И тайны Мои в сердце твоем храни,
ибо они — святыни, доверенная тебе.
Тайны же сердца другого не вызнавай,
Если он сам для тебя не откроет души.
Да будут руки твои чисты — исцеляй,
Да будет чиста душа — прикоснись
и даруй покой.
Узри меня, Господи:

Все дары мои — у ног Твоих.
Узри меня, Господи: Всего сущего Ты Творец,
Безраздельно правишь Ты Светом и Тьмою,
Жизни Податель и Дар Жизни — все это Ты.
Узри меня, Господи:
Предан я всецело воле Твоей.
Узри меня, Господи:
Жизнь моя — служение Тебе,
власть моя над плотию и духом — от Тебя.
Веди же, Господи, меня
и сохрани от всякого искушения,
Дабы с честию Тебе служил
и не уронил Дара своего.

Adsum, Domine: Me gratiam corpora
hominum sanare concessisti.
Adsum, Domine: Me Visu animas
hominum Videre benedixisti.
Adsum, Domine: Me potentiam dedisti
voluntate aliorum intendere.
Da, Domine, vires et prudentiam omnis haec
dona tractare solum ut voluntas tua me ministraret.
Dominus lucis me dixit, Ecce:
Tu es infas electum meam,
donum meum ad hominem.
Ante luciferum, multi ante in utero matris eras,
anima tuam me sanctitur aetatis ex mente.
Tu es manus sanatio mea super hoc mundo,
instrumentum meum vitae
et potestatis sanationiae.
Te spiritum potentiae sanationiae do,
res arcana reverentias et obscuras sylvae
et luci et terrae.
Te omnis haec dona do, ita ut scias
caritatem meam.
Haec utere in ministerio mitigationis
viri et pecoris.
Ignis purgationis esto corruptio purificare,
lacuna somno esto mitigatio de dolor ferre.
In pectore tuo cela omni secreta dabantur,
quam tutus confessione dictus,
et quam sacrosantus.
Visus tuus pro revelatia non uteor,
nisi mens aliae sponte offertur.

Cum manibus consecratus, fractum restitute.
Cum anima consecrata, tende et pacem meam da.

Adsum, Domine:

Totus ingenibus meis at pedes tuos proponeo.
Adsum, Domine: Tu es Creator Unius de rerum totum.

Tu es Unus Omnipartus,

Qui Lucem et Umbram regit,

Donator Vitae et Ipse Donum Vitae.

Adsum, Domine: Omnis existentia mea
ad voluntatem tuam ligatur.

Adsum, Domine:

Ad ministerio tuum consecratur,
cum viribus conservare aut interficiere cingitur.

Duce et regere servum tui, Domine,
ab omnibus tentationem.

Ita ut honor purus et donum
neum incontaminatus sit.

Эзотерические тексты Дерини

«Анналы», автор Сулиен Р'Кассанский, адепт Дерини.

«Codex Orini» — свиток, перевязанный фиолетовой лентой; содержит комментарии и рабочие заметки Великого Орина. Включает «Преграду смерти», «Беседы с ангелом-хранителем», «Поддержание жизни после смерти и возвращение мертвых к жизни».

«Дух Ардала-чужестранца», автор Эамонн Мак-Дара, меаранский поэт VIII века; содержит упоминание о заклятье, побеждающем смерть.

«Haut Arcanum», автор отец Эдуард, философ-гавриилит.

«История Келдора», автор Махаэль.

«Лэ лорда Алевеллина», автор — знаменитый бард, умер ок. 850 г.

«Liber Fati Caeriesse» — сборник пророчеств Несты, провидицы-Дерини VI века.

«Liber Ricae», иначе именуемая «Книгой Покрова» — редчайшее издание.

«Liber Sancti Ruadan», автор Руадан Джасский, мистик-Дерини.

«Principia Magica», автор Китрон, текст частично зашифрован.

«Протоколы Орина»

Черный Протокол (свиток) включает «Изменение внешнего облика умерших», «Оживление умерших», «Призвание существ»

Алый Протокол (свиток) включает «Установку защит», «Дальновидение», «Сооружение Порталов», включая Порталы-ловушки.

Золотой (иначе, Желтый) Протокол (свиток) включает «Создание облика умершего», «Чтение памяти умершего», «Поглощение чужой памяти».

Зеленый Протокол (свиток) включает тексты по Целительству.

Синий (инавче, Пятый) Протокол (Свиток Отваги) включает «О расположении звезд», «Наблюдения за луной», «Блокирование магических способностей».

Прочие авторы Дерини

Джокал Тиндурский – поэт; описанные им Целительские процедуры весьма заинтересовали Райса.

Джоревин Кешельский – мистик-Дерини.

Льютерн – мистик-Дерини.

Неста – ясновидящая-Дерини, предсказавшая падение Кериссы.

Парган Ховиккан – эпический поэт Дерини IX века; классические саги о богах древности.

Члены Камберийского Совета (918 год)

Совет Камбера (в то время еще не носивший этого имени) был создан в 909 году лордом Камбером Мак-Рори (как епископ Элистер Келлен), отцом Джоремом Мак-Рори (Орден св. Михаила), леди Ивейн Мак-Рори Турина, лордом Райсом Турином, лордом Джебедией Алькарским.

21 декабря 910 года его членами стали также архиепископ Джекфрай Керберийский (Орден св. Гавриила); Грегори, граф Эборский; отец Терстейн (Орден св. Гавриила).

Вскоре после этого Джекфрай дал Совету его нынешнее название. Изначально Совет был создан, чтобы пресекать злоупотребления Дерини и надзирать за соблюдение правил Магических Поединков.

Весной 916 года отец Терстейн погиб, упав с лошади. На его место не сразу нашелся преемник, и Джебедия стал называть его кресло «троном святого Камбера», и это вошло в традицию. Как потенциального кандидата в члены Совета рассматривали Девина Мак-Рори, но он погиб 28 сентября 917 года, и вакансия так и осталась незаполненной.

Меньше чем через месяц, в октябре 917 года, епископ Джекфрай был убит, и Совет сократился до шести человек. На его место прочили Энселя Мак-Рори, но прежде чем он успел войти в состав Совета, погибли еще трое его членов: Райс (25 декабря) и Джебедия с Элистером (6 января 918 года).

Джорем, Ивейн и Грегори приняли в Совет Энселя Мак-Рори в период с 7 по 9 января 918 года. Сын Грегори Джесс и отец Кверон Киневан прошли посвящение 10 и 11 января, соответственно. Тавис О'Нилл стал седьмым членом Совета весной 918 года, а восьмым — епископ Ниселлан Трей (Орден св. Михаила). Однако после гибели Ивейн (1 августа 918 года) в Совет вновь стали входить лишь семь человек.

Глоссарий терминов Дерини

Cognomen – наименование спаренных кубиков защиты. Например, **Prime + Quinte = Primus** (множ. число – cognomena).

Nomen – обозначение кубика защиты (множ. число – nomena).

Phrasa – особая формула, именующая и активирующая пару перемещенных кубиков защиты (множ. число – phrasae).

Salutus – ритуальное обращение при установке защиты. Например, **Primus est Deus...** (множ. число – saluti).

Г'дула – коса из четырех прядей у гавриилитов; позднее стала обозначать любую мужскую косу, которую заплетают на затылке; характерна для жителей приграничных районов.

Крайдх-дьюхайн – испытание, periculum.

Кииль – часовня или святилище; чаще всего относится к помещению под залом Камберианского Совета.

Мераша – деринийский наркотик, затуманивающий сознание, на простых людей оказывает снотворное действие.

Талицил – жаропонижающее снадобье, действует как аспирин.

Ширал – драгоценный камень, напоминающий янтарь, чувствительный к пси-излучению.

Эйрсиды – древнее эзотерическое братство Дерини.

Краткий глоссарий религиозных терминов, встречающихся в романе

Автор эпопеи «*Канон Дерини*» Кэтрин Куртц весьма трудна для переведения на русский — и тексты ее делаются все сложнее с каждым новым романом, демонстрируя эволюцию от почти детской прозрачности языка первых «Хроник Дерини» до философской глубины и изысканного слога «Истории короля Келсона». Среди сложностей, подстерегающих переводчика, и подробные технические описания магических обрядов, и, главное, множество деталей религиозного быта и терминов, зачастую малопонятных читателю без особого пояснения. И поскольку романы Куртц предполагают близкое знакомство читателя с церковной терминологией, редакцией был составлен данный глоссарий.

Аббат — настоятель мужского монастыря, возглавляющий монашескую братию.

Аббатство — территория или здание независимого монастыря, возглавляемого аббатом (не менее 12 монахов); имущество или рента, принадлежащие монашескому ордену.

Алтарь — 1. главная, восточная часть христианского храма, огражденная иконостасом, где совершаются важнейшие таинства; знаменует обитание Бога и место, откуда Христос шел на проповедь, где страдал, умер на кресте, воскрес и вознесся на небеса, поэтому входить в А. Могут лишь священнослужители. 2. Стол, на котором совершается жертва мессы.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед алтарем.

Аналой — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы, книги.

Антифон — песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами, или солистом и хором.

Апокриф — произведение раннехристианской, либо иудейской литературы, признаваемое недостоверным и отвергаемое Церковью; неканонические книги Ветхого Завета..

Базилика — античная и средневековая постройка (храм) в виде удлиненного прямоугольника с двумя продольными рядами колонн внутри.

Дискос — блюдо на подножии с изображением младенца Иисуса, на которое во время проскомидии полагаются агнец и частицы из просфор. Во время канона на Д. совершается освящение и преосуществление агнца.

Елей — растительное, преимущественно оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

Епископ — высшее духовное звание в христианской церкви, присваиваемое обычно главе духовного округа.

Епископат — 1. Сан епископа, пребывание кого-либо в этом сане; 2. Церковный округ, возглавляемый епископом (также — епархия).

Епитимья — церковное наказание, могущее включать в себя посты, длительные молитвы, и т.п.

Епитрахиль — одно из обрядовых облачений священника в виде передника с крестами, надеваемого на шею и спускающегося ниже колен. Символизирует благодатные дарования священника как священнослужителя.

Ересь — вероучение, отклоняющееся от догматов господствующей религии.

Инквизиция — следственный и карательный орган Церкви, преследовавший ее противников.

Исповедь — таинство примирения грешника с Богом через исповедание и отпущение грехов.

Кадило — металлический сосуд, в котором на горящих углях воскуривается ладан.

Канонизация — причисление к лику святых.

Каноник — член капитула Церкви

Капитул — 1. Коллегия священников, участвующих в управлении епархией; 2. Общее собрание членов монашеского или

690 духовно-рыцарского ордена.

Клир – 1. совокупность всех духовных лиц Церкви, за исключением архиепископов, а также совокупность церковнослужителей при храме; 2. Церковный хор.

Клирик – член клира, священнослужитель.

Клирос – место для хора в христианском храме.

Крещение – первое и основополагающее христианское таинство, означающее очищение от первородного греха, духовное рождение и обновление; юридическое и сакральное включение в лоно Церкви, приобщение к Телу Христову.

Кропило – пушистая кисть для кропления святой водой при совершении религиозных обрядов.

Ладан – ароматическая смола, употребляемая для курения при богослужении.

Лампада – небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами.

Литургия – христианское церковное богослужение.

Месса – 1. Католическое богослужение; 2. Многоголосное хоровое музыкальное произведение на текст литургии.

Миро – благовонное масло, употребляемое в христианских обрядах.

Митра – головной убор высшего духовенства, надеваемый при полном облачении.

Неф – вытянутая в длину, обычно прямоугольная в плане часть базилики, крестово-купольного храма, собора и т.п. помещений, разделенных в продольном направлении колоннадами или аркадами.

Орден – монашеская или рыцарская организация с определенным уставом.

Паникадило – большая люстра, большой подсвечник в церкви.

Придел – особый, добавочный алтарь в храме.

Примас – первый по сану или по своим правам епископ в стране.

Причастие – главное таинство Христианства, восходящее к Тайной Вечере; пресуществление хлеба и вина в Тело, Кровь, Душу и Божественную сущность Христа.

Псалом – название религиозных песнопений, входящих в Псалтырь.

Риза – облачение священника для богослужения.

Ризница – помещение при церкви для хранения риз и церковной утвари.

Ряса — верхнее облачение духовенства и монашества — длинная до пят одежда, просторная, с широкими рукавами.

Семинария — специальное среднее учебное заведение для подготовки духовенства.

Собор кафедральный — храм, где богослужение совершают епископ.

Трансепт — поперечный неф или несколько нефов, пересекающие под прямым углом основные (продольные) нефы в церкви.

Хоры — открытая галерея, балкон в верхней части храма.

СОДЕРЖАНИЕ

СЫН ЕПИСКОПА

(Перевод Татьяны Усовой)

Пролог

И облекся в ризу мщения, как в одежду, и покрыл себя ревностью, как плащом	7
--	---

Глава первая

Поставил его господином над домом своим и правителем над всем владением своим, чтобы он наставлял вельмож его по своей душе, и старейшин его учил мудрости	13
---	----

Глава вторая

Все они держат по мечу, опытны в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного.	27
---	----

Глава третья

И возложи ему на голову кидар	41
-------------------------------------	----

Глава четвертая

...напоил нас вином изумления	57
-------------------------------------	----

Глава пятая

Поставили царей сами, без Меня; ставили князей, но без моего ведома.	78
--	----

Глава шестая

Они задумали свергнуть его с высоты, прибегли ко лжи; устами благословят, а в сердце своем клянут	95
---	----

Глава седьмая

Уста их мягче масла, а в сердцах их вражда; слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи	105
---	-----

Глава восьмая

Ты утомлен множеством советов твоих	119
---	-----

<i>Глава девятая</i>	
Но, обладая силою, Ты судишь снисходительно, и управляешь нами с великой милостью; ибо могущество Твое всегда в твоей воле.	136
<i>Глава десятая</i>	
Поэтому разумный безмолвствует в это время; ибо злое это время	150
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Они пускаются во множество действий и занятий, и утрачивают разум, а когда они думают о вещах, относящихся к Богу, то вовсе ничего не понимают.	163
<i>Глава двенадцатая</i>	
И все, что были с тобой в союзе, подвели тебя к самой границе: те, что жили с тобой в мире, обманули тебя и стали тебя одолевать	175
<i>Глава тринадцатая</i>	
Но и он переселен, пошел в плен	190
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Сила наша да будет законом правды; ибо бессилие оказывается бесполезным	204
<i>Глава пятнадцатая</i>	
А теперь дошло до тебя, и ты изнемог; коснулось тебя, и ты упал духом	216
<i>Глава шестнадцатая</i>	
...в долине видения	228
<i>Глава семнадцатая</i>	
Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость перед Господом	243
<i>Глава восемнадцатая</i>	
И обручу тебя Мне в верности	261
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Беселое сердце благородно, как врачевство, а унылый дух сушит кости	278
<i>Глава двадцатая</i>	
Еще наследника приведу я к тебе	289
<i>Глава двадцать первая</i>	
Я буду ему Отцом, и Он будет мне Сыном.	297
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя сочетается.	309

МИЛОСТЬ КЕЛСОНА
(Перевод Татьяны Голубевой)

<i>Пролог</i>	
И король поступит по его воле.....	320
<i>Глава первая</i>	
Со стрелами и луками будут ходить туда	332
<i>Глава вторая</i>	
Разве дам ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего — за грех души моей?	346
<i>Глава третья</i>	
...потому что родили чужих детей	357
<i>Глава четвертая</i>	
...верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими...	370
<i>Глава пятая</i>	
Он даст совет и знание, и в своих тайнах будет размышлять.....	384
<i>Глава шестая</i>	
Ибо Ты услышал обеты мои и дал мне наследие боящихся имени Твоего.....	395
<i>Глава седьмая</i>	
Потому что они согласились с одним; они объединились против Тебя	412
<i>Глава восьмая</i>	
Несется конница, сверкает меч и блестят копья	420
<i>Глава девятая</i>	
Она вошла в душу слуги Господина, и выстояла перед ужасными королями.....	438
<i>Глава десятая</i>	
И были у меня многочисленные видения.....	452
<i>Глава одиннадцатая</i>	
И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него	471
<i>Глава двенадцатая</i>	
Ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня.....	490
<i>Глава тринадцатая</i>	
Сила короля также в правосудии; хотя и беспристрестен, наказывает по праву.....	510
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Скрытно разложены по земле силки для негой западни на дороге	529

<i>Глава пятнадцатая</i>	
Знаю я ваши мысли и ухищрения, какие вы против меня сплетеете	546
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Он также приготовил для него орудия смерти; он обратил свои стрелы на преследователей	563
<i>Глава семнадцатая</i>	
Я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить . . .	576
<i>Глава восемнадцатая</i>	
Искусство лекаря заставит подняться его голову	592
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Что холодная вода для истомленной жаждою души, то добрая весть из дальней страны	602
<i>Глава двадцатая</i>	
И он одолел губителя, не силой тела, не силой рук, а лишь словом обратив его в бегство.	616
<i>Глава двадцать первая</i>	
Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей	630
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Но ты умрешь как мужчина, и как один из князей	640

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Указатель персонажей</i>	659
<i>Географический указатель</i>	665
<i>Епархии в Гвиннеде и окрестностях</i>	669
<i>Епископы Гвиннеда</i>	670
<i>Религиозные Ордена в Гвиннеде</i>	675
<i>Местонахождение Порталов в Гвиннеде</i>	679
<i>Adsum, Domine: Песнопение Целителей</i>	682
<i>Эзотерические тексты Дерини</i>	685
<i>Члены Камберианского Совета (918 год)</i>	687
<i>Глоссарий терминов Дерини</i>	688
<i>Краткий глоссарий религиозных терминов, встречающихся в романе</i>	689

Куртц К.

K93 Сын епископа. Милость Келсона: Фантаст. романы: Пер. с англ. / К. Куртц. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 691, [13] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-008563-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-002-5 («Северо-Запад Пресс»)

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Курти в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «мечи и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкином и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

**«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

**ЯПОНСКИЕ
средневековые
ДНЕВНИКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

МИР ИЕРО

стори
ланье

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО
ИЕРО НЕ ЗАСЛУГИ
ПОСЛЕДНИЯ ГЛАВЫ
СЛУГИ ТЬМЫ
ХОЗЯИН ТУМАНА
БРАТСТВО СВЕТА
ВЕЛИКИЙ ПОХОД

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город!»

В этой серии вышли:

Антология «Темная любовь» — двадцать две истории страсти-Одержанности, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология «Холод страха», которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и «Смеющийся труп» Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блестательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город!»

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Берtrand Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандинский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru   <http://www.ast.ru>

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Куртц Кэтрин
Сын епископа
Милость Келсона**

Художественные редакторы О. Адаскина, И. Богданов

Компьютерный дизайн: А. Сергеев

Верстка: Л. Андреева

Технический редактор В. Успенский

Корректор Н. Ушинская

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ». Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУПП «Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.**

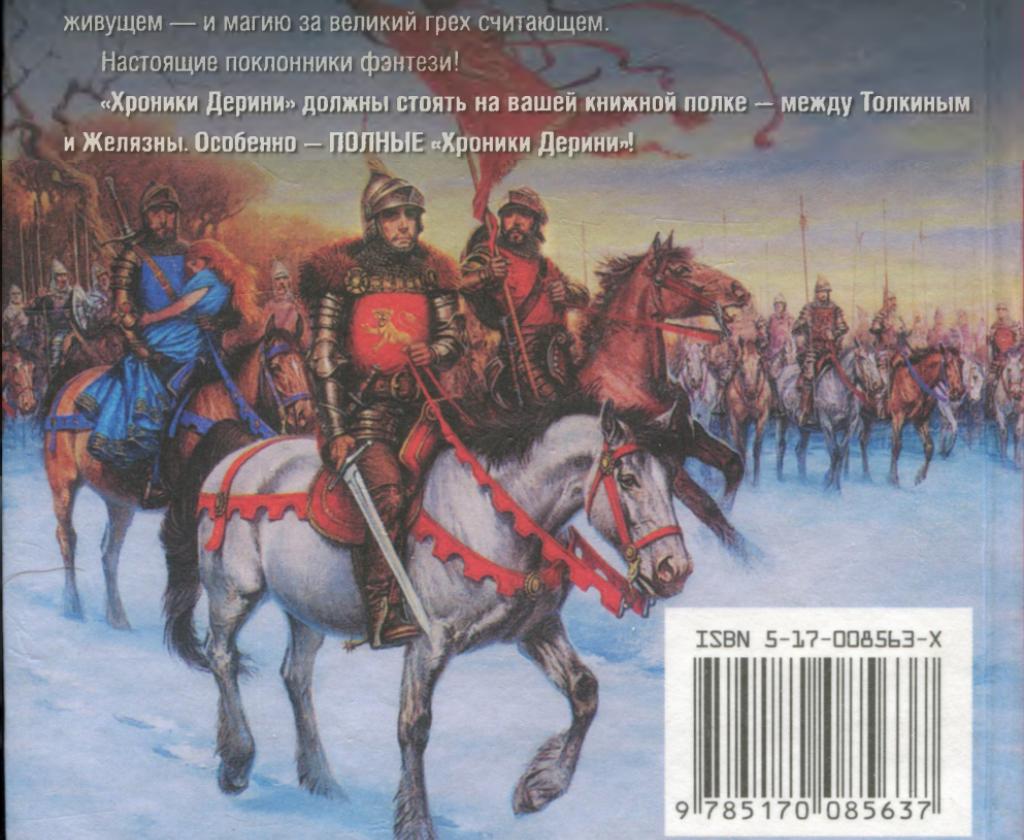
Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-008563-X

9 785170 085637